Н. С. Соколовъ.

РАСКОЛЪ
ВЪ САРАТОВСКОМЪ КРАѢ.

Опытъ изслѣдованія по неизданнымъ матеріаламъ.

Т. 1.

ПОПОВЩИНА ДО ПЯТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ НАСТОЯЩАГО СТОЛѢТІЯ.

САРАТОВЪ.
ТИПОГРАФІЯ Н. П. ШТЕРЦЕРЪ И К°, ЦАРИЦЫНСКАЯ УЛ., ДОМЪ ШАХМАТОВА.
1888.

Печатать дозволяется. Цензоръ С.-Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры, Архимандритъ *Никонъ*.

Библиотека ООН
299
37

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

А.—Печатная литература предмета: „Историческія свѣдѣнія объ Иргизскихъ монастыряхъ", „Обращеніе Иргизскихъ монастырей въ единовѣріе" и „Мѣры противъ раскола въ Саратовской епархіи по обращеніи Иргизскихъ монастырей въ единовѣріе"—И. М. Добротворскаго —„Послѣдніе годы Иргизскихъ раскольничьихъ общинъ"—Мордовцева.—„Движенія въ расколѣ"—Діонисіева.—„Сборникъ для исторіи старообрядчества"—Попова.—„Иргизскіе раскольничьи монастыри" и „Обращеніе Иргизскихъ раскольничьихъ монастырей въ единовѣріе"—Дубакина.—„Историческія замѣтки о Самарскомъ краѣ" и „Статистическое описаніе Саратовской губерніи"—Леопольдова.—„Историческіе очерки поповщины"—Мельникова.—„Исторія русскаго раскола"—Макарія.—„Расколъ, обличаемый своей исторіей"—Муравьева.—„Обозрѣніе пермскаго раскола"—Палладія.—„Расколъ въ Уральскомъ войскѣ"—Витевскаго.—„Матеріалы для исторіи возмущенія Стеньки Разина"—Попова.—„Памятная книжка Саратовской губерніи на 1859 годъ".—„Сочиненія" Державина V—VI т.—„Собраніе постановленій по части раскола".—„Сборникъ правительственныхъ свѣдѣній о расколѣ"—Кельсіева.—Статьи Владыкина, Беневольскаго, Кустодіева и Елапскаго. Стр.

Б.—Рукописная литература предмета: рукописи Фадѣева, Іакова, Гана и Грота въ Имп. Рус. Геогр. Общ.—„О расколѣ бѣглопоповской секты въ Саратовской губерніи"—сборникъ Нижегородской семинарской библіотеки.—„Историко-статистическое описаніе Иргизскихъ монастырей" и „Исторія о старообрядцахъ"—рукописи библ. „Братства Св. Креста".—„Исторія Сергія Иргизскаго"—рукопись Императорской Публичной библіотеки.—„Исторія о лжемонахѣ Сергіи"—рукопись библ. А. И. Хлудова.—„Разглагольствіе старообрядца съ новообрядцемъ"—рукопись „Братства Св. Креста".—„О правой вѣрѣ и церкви православной"—Парѳеньева.—„Отчетъ" гр. Стенбока, „Записка" Артемьева, „Матеріалы для исторіи раскола въ Саратовской губерніи".—„Вопросы и отвѣты"—Бондарева.—„Записка о расколѣ"—Шамшина.

В.—Архивныя дѣла разныхъ учрежденій: Секретнаго Комитета, саратовской консисторіи, губернскаго правленія и канцеляріи губернатора, саратовскаго Историческаго Архива, Нижняго единовѣрческаго монастыря, канцеляріи самарскаго епископа и саратовскаго окружнаго суда.—Направленіе и планъ труда. . . . . I—XXIV.

— II —

ГЛАВА I.

Предѣлы Саратовскаго края за время до 50-хъ годовъ настоящаго толѣтія.—Природа края и его постепенное заселеніе.—Два пути движенія колонизаціонныхъ элементовъ.—Первоначальная колонизація Заволжья.—Усиленіе колонизаціи со дней Петра I.—Составъ и основные элементы саратовскаго населенія.—Занесеніе раскола въ саратовскіе предѣлы.—Участіе раскольниковъ въ поволжскихъ народныхъ движеніяхъ.—Развитіе раскола въ Саратовскомъ краѣ со временъ Петра.—Первоначальная форма, въ которой появился здѣсь расколъ.—Отсутствіе свѣдѣній объ его жизни въ саратовскихъ предѣлахъ до временъ Екатерины.—Появленіе скитовъ на южной саратовской окраинѣ.—Безплодность правительственной борьбы съ расколомъ.—Баратаевская промеморія . . . . . Стр. 1—28

ГЛАВА II.

Призывъ правительствомъ раскольниковъ на Иргизъ.—Основаніе мужскихъ иргизскихъ скитовъ.—Построеніе часовенъ.—Пугачевъ и связь его съ Иргизомъ.—Открытіе Маргаритина скита.—Прибытіе на Иргизъ Сергія Юршева.—Сближеніе чрезъ него Иргиза съ другими старообрядческими обществами.—Рогожскій перемазанскій соборъ.—Настоятельство Сергія.—Первая иргизская церковь и открытіе яваго богослуженія.—Борьба Сергія изъ-за монополіи на пріемъ бѣглыхъ поповъ.—Значеніе для Иргиза В. А. Злобина.—Прибытіе на Иргизъ Прохора Калмыкова.—Основаніе Анфисина скита.—Быстрое распространеніе раскола по Саратовскому краю и причины этого явленія.—Полемическіе труды иргизскихъ иноковъ . . . . . 29—128

ГЛАВА III.

Сергій задумываетъ ввести на Иргизѣ единовѣріе.—Роль В. А. Злобина въ этомъ дѣлѣ.—„Вопросы“ Сергія и „Отвѣты“ на нихъ преосв. Никифора.—Увольненіе Сергія отъ должности настоятеля и поѣздка его въ Астрахань.—Новое избраніе въ его настоятели и новые хлопоты объ единовѣріи.—Вольское собраніе 1795 г.—Поѣздка Сергія въ Петербургъ для ходатайства о благословенномъ священствѣ.—Замыслы московскихъ старообрядцевъ.—Освобожденіе Сергія изъ заключенія.—Пріѣздъ его въ Вольскъ и посылка послушника въ Верхній монастырь.—Новое собраніе старообрядцевъ въ Вольскѣ 22 октября 1796 г.—Отказъ большинства собранія принять единовѣріе.—Поѣздка Сергія въ свою обитель.—Братія отказывается имѣть съ нимъ какое-либо дѣло.—Сергій уѣзжаетъ обратно въ Вольскъ.—Злобинъ не допускаетъ его съ жалобой къ Руничу и совѣтуетъ ѣхать въ Москву.—Сергій ѣдетъ въ Москву и получаетъ тамъ изъ Тихвинскаго монастыря іеромонаха съ 2 іеродіаконами.—Злобинъ отказывается отъ своей мысли объ единовѣріи и противодѣйствуетъ Сергію.—Неудачная попытка губернатора

Ланского уладить дѣло.—Удаленіе Сергія съ Иргиза въ Стародубье.— Его апологія—„Зеркало для старообрядцевъ".—Попытка Епифанова и Сапожниковъ ввести единовѣріе въ Вольскѣ.—Впечатлѣніе, произведенное на иргизскихъ и вольскихъ поповцевъ стремленіемъ Сергія къ единовѣрію . . . . . Стр, 129—163

ГЛАВА IV.

Павелъ I посылаетъ на Иргизъ Рунича.—Причины этой командировки.—Освобожденіе Иргизскихъ монастырей отъ рекрутской повинности.—Новая командировка Рунича на Иргизъ.—Пожаръ въ Успенскомъ монастырѣ и пожалованіе Павломъ 12.000 руб. на возобновленіе сгорѣвшихъ церквей.—Надѣлъ Иргизскихъ монастырей землей.—Разрѣшеніе раскольникамъ Городца брать священниковъ съ Иргиза.—Иргизскій соборъ 1805 года.—Иргизская „исправа" и иргизское миро.—Легкое отношеніе Прохора къ пріему бѣглыхъ священниковъ.—Подъемъ авторитета монастырей въ глазахъ старообрядцевъ.—Отказъ иргизскихъ настоятелей въ требованіи Панчулидзева.—Стѣсненіе въ выдачѣ паспортовъ инокамъ.—Пожертвованія монастырямъ.—Попытка пензенской консисторіи ознакомиться съ Иргизомъ.—Преданіе Прохора суду за пріемъ въ монастырь бѣглыхъ.—Отказъ монастырей прекратить пріемъ священниковъ.—Дѣло о свящ. Добронравовѣ.—Распространеніе раскола по уѣздамъ: вольскому, хвалынскому, аткарскому, петровскому, сердобскому, царицынскому, кузнецкому и сараговскому.—Начинающееся давленіе на расколъ со стороны саратовской администраціи.—Характеристика саратовскихъ архіереевъ первой четверти настоящаго столѣтія . . . . . 164—237

ГЛАВА V.

Бытовая сторона иргизской исторіи.—Составъ братіи.—Настоятель, соборные старцы, казначей, уставщикъ.—Схимники, бѣльцы, священники и діаконы.—Средства содержанія монастырей.—Внутренній строй монастырской жизни.—Женскіе монастыри . . . . . 238—274

ГЛАВА VI.

Смерть Александра I и перемѣны въ личномъ составѣ саратовскихъ властей.—Поѣздка кн. Голицына на Иргизъ.—Смѣна Прохора.—Вопросъ о вольскомъ старообрядческомъ храмѣ.—Письмо Иринея.—Постановленіе Секретнаго Комитета относительно вольскаго храма.—Старанія Голицына ознакомиться съ Иргизомъ.—Два доноса.—Вольскій компромиссъ.—Докладъ Голицына объ Иргизѣ.—Переписка Бахметьева съ Иринеемъ.—Командировка на Иргизъ Полонскаго.—Вольскіе переговоры.—Осмотръ монастырей Голицынымъ.—Подписка Нижняго монастыря на принятіе единовѣрія.—Отказъ отъ нея.—Ходатайство Голицына о передачѣ монастырей въ вѣдѣніе губернскаго начальства.—Высылка изъ монастырей нѣсколькихъ лицъ.—Паника въ Нижнемъ монастырѣ.—

Передача монастырей въ завѣдываніе губернскаго начальства —Избраніе въ настоятели Нижняго монастыря Никанора — Открытіе въ Саратовѣ епископской каѳедры.—Возвращеніе въ Саратовъ инока Іоасафа.—Отдача бѣльцовъ Нижняго монастыря въ рекруты.—Ходатайство Никанора за бѣльца Гавріила Филиппова.—Согласіе на принятіе единовѣрія —Волненіе, вызванное этимъ въ монастырѣ и внѣ его.—Поѣздка Никанора въ Саратовъ.—Просьбы и предположенія его.—Подача прошенія Моисею.—Постановленіе консисторіи.—Письма къ Никанору Голицына и Моисея.—Письмо Голицына къ митр. Серафиму.—Окончательный переходъ монастыря въ единовѣріе.—Завѣщаніе и смерть Никанора.—Итоги дѣятельности Голицына въ отношеніи раскола 275 329

ГЛАВА VII.

Губернаторство Рославца.—Пожаръ и перестройка Верхняго монастыря —Открытіе новыхъ моленныхъ и поправка старыхъ —Переверзевъ.—Уничтоженіе креста на вольскомъ старообрядческомъ храмѣ.—Возстановленіе Иргиза.—Петербургскія распоряженія по этому поводу.—Преосв. Іаковъ Вечерковъ.—Общество „благочестивыхъ“.—Изученіе Іаковомъ саратовскаго раскола.—Учрежденіе миссіи.—Попытка воздѣйствовать на Иргизъ.—Желаніе подчинить монастыри Иргизскіе епархіальной власти — Осмотръ монастырей Арсеньевымъ.— Его проектъ мѣръ для борьбы съ расколомъ и постановленіе по этому поводу Секретнаго Комитета.—Безпорядки въ раскольничьихъ общинахъ.—Столкновеніе Іакова съ Переверзевымъ.—Попытка Іакова ввести единовѣріе въ Вольскѣ и Саратовѣ.—Увеличеніе состава миссіи —Запрещеніе иргизской исправы.—Озлобленіе поповцевъ.—Смѣна Переверзева Степановымъ.—Открытіе въ Заволжьи новыхъ городовъ —Постановленіе о закрытіи Средняго монастыря —Пріѣздъ архимандрита Зосимы.—Затрудненіе въ исполненіи высочайшаго повелѣнія о присоединеніи монастыря.—Переполохъ въ Саратовѣ.—Командировка на Иргизъ Зѣвакина —Пріѣздъ Быкова.—Бунтъ 21-го февраля.—Прошеніе иноковъ шефу жандармовъ.—Донесеніе Степанова въ Петербургъ —Попытка дѣйствовать чрезъ А. П. Сапожникова.—Посылка на Иргизъ Горохова.—„Воззваніе“ Степанова.—Высочайшее повелѣніе.—Посылка въ монастырь Дельвига.—Взятіе монастыря и разгромъ его.—Увольненіе Степанова и пріѣздъ на его мѣсто Бибикова.—Прошеніе старообрядцевъ.—Судъ надъ защитниками монастыря.—Пожары на Иргизѣ.—Гоненіе на бѣглыхъ священниковъ.—Результаты этой мѣры.—Подложные указы.—Стѣсненіе Покровскаго монастыря.—Постановленіе Секретнаго Комитета объ уничтоженіи мужскаго и женскаго Верхнихъ монастырей.—Исполненіе этого постановленія Фадѣевымъ.—Поѣздка преосвящ. Іакова на Иргизъ . . . . . 330 - 422

ГЛАВА VIII.

Итоги разгрома Иргиза и систематическаго стѣсненія раскола.—Оцѣнка разгрома раскольниками, администраціей и литературой —Вопросъ о численномъ уменьшеніи раскольниковъ въ Саратовскомъ краѣ.—

Число перешедшихъ въ единовѣріе.—Безвыходное положеніе поповцевъ—Волненіе въ ихъ средѣ—Озлобленіе противъ православія.—Ошибочность взгляда и дѣйствій мѣстной администраціи.—Безуспѣшность принятыхъ правительствомъ мѣръ противъ раскола.—Неудачный выборъ миссіонеровъ.—Неуспѣхи единовѣрія.—Неправильное отношеніе духовенства къ своимъ пастырскимъ обязанностямъ.—Необезпеченность духовенства.—Учрежденіе бѣло-криницкой іерархіи . . . Стр. 423 - 468

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ I. Изъясненіе причинъ, по которымъ не могутъ въ Россіи живущіе вѣрноподданные христіане, такъ называемые старообрядцы, принять правила, таинства и священство единовѣрческой церкви . . 469—475

№ II. Вопросъ: „Чесо ради нынѣ мнози нарицаютъ время плача?“ 475—478

№ III. Указъ Св. Синода отъ 14-го августа 1843 года № 10.477. . 478—480

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строк.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
VI	6 сверху	(Казань, 1878),	(Казань, 1878).
„	14 „	Раина	Разина
XII	4 „	Крылова	Крылова.
8	2 снизу	Новосспаскомъ	Новоспасскомъ
32	4 „	излучистое	излучистое
61	9 сверху	вступать	вступать.
92	4 снизу	посдѣ	послѣ
127	1 сверху	находящцмся	находящимся
„	5 „	каксе	какое
148	3 снизу	строителя	строителя
151	13 „	бѣбѣлецъ	бѣлецъ
170	2 способъ	1804 годъ.	1804 годъ).
176	18 снизу	менастыряхъ	монастыряхъ
182	19 сверху	раскольники	раскольники
183	3 „	настроенія	нестроенія
185	3 „	открещивиюгся	открещиваются
188	12 снизу	попамъ	попамъ
192	6 „	адиинистрація	администрація
211	9 сверху	противиться	противится
223	4 „	имѣетъ	имѣетъ
226	1 „	раскольникамъ“[1]),	раскольникамъ“[1]).
228	7 снизу	огносительно	относительно
236	8 „	брали	брали
242	14 сверху	перемѣнное	непремѣнное
275	2 „	смѣта	смѣна
279	12 снизу	раскольничьго	раскольничьяго
284	7 „	провѣрьи	провѣрки
322	14 „	ноддерживать	поддерживать
323	3 сверху	по	но
326	5 снизу	когтей, „сказалъ	когтей“, сказалъ
327	1 „	никогда	никогда
332	15 сверху	Сиратовскимъ	Саратовскимъ
335	12 снизу	исполненіе	исполненіе
373	1 „	отношеніе[1])	отношеніе[2])
374	5 сверху	чиновника[2])	чиновника[1])
„	17 снизу	ревизіи[1])	ревизіи[2])
383	13 „	изъ	изъ
425	16 „	„кой вавилонскаго	кой „вавилонскаго
449	8 сверху	одиновѣріи	одиновѣрія
459	18 „	падѣляетъ	надѣляетъ
466	5 снизу	балашевскаго	балашовскаго

ВВЕДЕНІЕ.

Расколъ въ Саратовскомъ краѣ доселѣ, во всемъ своемъ цѣломъ, не былъ еще предметомъ научнаго изслѣдованія. Только исторія Иргизскихъ раскольничьихъ монастырей можетъ быть названа нѣсколько разработанной. Этотъ центръ поповщины имѣлъ не мѣстное лишь, но и обще-русское значеніе и потому, естественно, привлекалъ вниманіе литературы. Расколъ по другимъ мѣстностямъ Саратовскаго края не имѣлъ такого крупнаго значенія и его исторія осталась какъ-бы въ тѣни: она совершенно не обслѣдована и почти совсѣмъ неизвѣстна наукѣ.

1) Въ ряду литературныхъ произведеній, посвященныхъ исторіи саратовскаго раскола, на первомъ мѣстѣ по времени и—сравнительно съ другими—по богатству фактическаго содержанія, стоятъ статьи И. М. Добротворскаго: а) „*Историческія свѣдѣнія объ Иргизскихъ монастыряхъ*“ [1]); б) „*Обращеніе Иргизскихъ монастырей въ единовѣріе*“ [2]) и в) „*Мѣры противъ раскола въ Саратовской епархіи по обращеніи Иргизскихъ монастырей къ единовѣрію*“ [3]). Это первый опытъ научной обработки данныхъ, относящихся къ исторіи Иргиза,—опытъ, правда, далеко несовершенный и даже не совсѣмъ удачный, но тѣмъ не менѣе почтенный. Авторъ имѣлъ подъ руками драгоцѣнный матеріалъ, но, по обстоятельствамъ-ли времени (пятидесятые годы) или мѣста (духовный журналъ), только статьи эти вышли не тѣмъ, чѣмъ должны были выйдти. Тенденціозность—ихъ основной недостатокъ. Предвзятая мысль сквозитъ на каждой страницѣ, сквозитъ беззастѣнчиво, какъ новая заплата на старой одеждѣ. Автору во что-бы то ни стало хочется доказать, что въ расколѣ—все было дурно, въ православіи—все было хорошо. Самыя неудачныя, крайне нелогичныя и дышащія нетерпимостью мѣропріятія противъ раскола кажутся ему „проникнутыми мудростью и снисходительностью“. Особенно нужно сказать это о послѣднихъ двухъ статьяхъ, въ которыхъ, именно бла-

[1]) „Прав. Собесѣдн.“ 1857, II, 376—481; III, 519—590.
[2]) Ibidem, 1858, I, 231—261.
[3]) Ibidem, 1864, II, 355—387.

годаря тенденціозности, онъ какъ будто совсѣмъ не замѣчаетъ тѣневыхъ сторонъ иргизскаго единовѣрія и крайне неправильно опредѣляетъ результаты разгрома Иргиза. Съ непонятной наивностью г. Добротворскій думаетъ, что саратовскія власти трудились на поприщѣ борьбы съ расколомъ исключительно въ силу „святой ревности по вѣрѣ“,—это приложимо только къ представителямъ епархіальной власти, но совершенно не справедливо въ отношеніи гражданской администраціи. Онъ не умѣетъ или не хочетъ читать между строкъ въ самыхъ двусмысленныхъ изъ бывшихъ у него подъ руками документовъ и оставляетъ, благодаря этому, не разъясненными очень крупныя противорѣчія. Исторія Иргизскихъ монастырей въ его изложеніи отзывается сильнымъ извращеніемъ дѣйствительности: она—произведеніе того времени, когда истину о расколѣ считали почему-то нужно скрывать и, постоянно играя съ нимъ въ прятки, и сами, наконецъ, остановились въ невѣдѣніи и изумленіи.

2) Дополненіемъ и поясненіемъ къ статьямъ И. М. Добротворскаго служитъ статья Д. Л. Мордовцева: *„Послѣдніе годы Иргизскихъ раскольничьихъ общинъ“* [1]). Она посвящена собственно исторіи обращенія Нижне-Воскресенскаго старообрядческаго монастыря въ единовѣріе, при князѣ Голицынѣ, въ 1829 году; обращеніе старообрядческихъ монастырей Средне-Никольскаго и Верхне-Преображенскаго затронуто лишь слегка. Матеріаломъ для автора послужили оффиціальные документы, хранившіеся въ архивѣ канцеляріи саратовскаго губернатора, но онъ воспользовался ими какъ-то вскользь, поверхностно, и потому статья носитъ характеръ популярно написаннаго очерка или ряда неотдѣланныхъ набросковъ, а не научнаго изслѣдованія. Однако, несмотря на это обстоятельство, трудъ г. Мордовцева занимаетъ видное мѣсто въ скудной печатной литературѣ, относящейся къ исторіи саратовскаго раскола, и всякій позднѣйшій изслѣдователь этого предмета, разъ онъ не нашелъ-бы возможнымъ работать по первоисточникамъ, не можетъ игнорировать его.

3) Какъ-бы продолженіемъ *„Послѣднихъ годовъ“* можетъ служить статья Д. Діонисіева: *„Движенія въ расколѣ“* [2]), въ которой излагаются раскольническія движенія въ Поволжьи во второй чет-

1) „Дѣло“, 1872, № 1, 77—114; № 2, 112—150; № 4, 273—319.

2) „Отеч. Зап.“, 1874, № 11, 69—119. Д. Діонисіевъ—псевдонимъ Д. Л. Мордовцева.

верти настоящаго столѣтія, преимущественно въ 40-хъ годахъ. Пособіемъ служили главнымъ образомъ архивныя дѣла саратовскихъ судебныхъ мѣстъ и кое-какія,—очень немногочисленныя, впрочемъ,—„частныя бумаги раскольниковъ“. Обстоятельно изложены только свѣдѣнія о разгромѣ Средне-Никольскаго монастыря, причемъ авторъ руководится исключительно извѣстнымъ „*Историческимъ описаніемъ обращенія*“ этого монастыря въ единовѣріе, принадлежащемъ перу бывшаго благочиннаго саратовскихъ городскихъ церквей, Г. И. Чернышевскаго. Не раздѣляя по многимъ причинамъ, которыя будутъ изложены въ своемъ мѣстѣ, взглядовъ автора на степень „драгоцѣнности“ этого историческаго документа, я замѣчу здѣсь только, что этотъ „историческій документъ“ написанъ по непосредственному приказанію преосвященнаго Іакова и предназначался быть апологіей духовныхъ саратовскихъ властей въ тяжелой, мрачной исторіи разгрома. Если припомнимъ, что мѣстная духовная и свѣтская власти очень рѣзко столкнулись въ дѣлѣ обращенія Средняго монастыря къ единовѣрію и усиленно сваливали вину другъ на друга, то легко можно понять, какъ много партійности должно быть въ подобной апологіи и какъ мало преслѣдовались ею интересы истины. Самое интересное въ статьѣ Діонисіева—это взглядъ его на результатъ уничтоженія Иргизскихъ раскольничьихъ монастырей: нашъ авторъ находитъ, что, несмотря на твердую увѣренность въ административныхъ сферахъ, будто расколъ, „за принятыми мѣрами, самъ собою падаетъ“,—расколъ не падалъ, а усиливался въ Поволжьи. Всѣ строгія мѣропріятія той эпохи обрушивались на головы раскольниковъ, а расколъ остался крѣпкимъ и неподатливымъ. Не отличаясь богатствомъ фактическаго содержанія, „*Движенія въ расколѣ*“ важны, какъ первая въ своемъ родѣ литературная попытка отрѣшиться отъ казеннаго взгляда на дѣятельность саратовской администраціи 1830—1850-хъ годовъ, доставившей якобы торжество православію въ борьбѣ его съ расколомъ. Исторіи нужна истина, а не панегирики, хотя-бы и краснорѣчивые, тому или другому отдѣльному лицу; въ этомъ смыслѣ г. Діонисіевъ не панегиристъ.

4) „*Сборникъ для исторіи старообрядчества*“ Н. Попова [1]), не имѣя никакого литературнаго и очень мало научнаго достоин-

[1]) Москва, 1866. Вып. 4-й и 5-й.

ства, не имѣетъ и значенія источника для исторіи Иргиза; это въ полномъ смыслѣ сборникъ сырого матеріала, которымъ составитель пользуется по большей части безъ указанія источниковъ, откуда онъ извлеченъ. Это обстоятельство, въ связи съ полнымъ отсутствіемъ въ составителѣ критическаго отношенія къ собраннымъ имъ даннымъ, страшно затрудняетъ пользованіе „*Сборникомъ*“: ни на минуту нельзя положиться на г. Попова и чуть-ли не каждую строчку его „*Сборника*“ приходится, по мѣрѣ возможности, провѣрять по первоисточникамъ. Но это,—и само по себѣ весьма важное,—неудобство еще больше увеличивается крайне безпорядочнымъ и неумѣлымъ изложеніемъ, что особенно замѣтно тамъ, гдѣ составитель хочетъ сказать что-нибудь новое, гдѣ его свѣдѣнія расходятся съ ранѣе опубликованными данными. Всѣ эти недостатки менѣе замѣтны въ V-мъ выпускѣ „*Сборника*“, посвященномъ бытовой сторонѣ иргизскаго раскола: здѣсь авторъ, не мудрствуя лукаво и не вдаваясь въ полемику, безхитростно-просто разсказываетъ своими словами то, что вычиталъ или слышалъ отъ очевидцевъ; а потому этимъ выпускомъ можно пользоваться нѣсколько свободнѣе и съ большей увѣренностью въ правдивости излагаемыхъ свѣдѣній, нежели IV-мъ.

5) „*Сборникъ*“ г. Попова, какъ мы видѣли сейчасъ, имѣетъ еще, съ грѣхомъ пополамъ, нѣкоторое значеніе для исторіи Иргиза,—правда, это не источникъ, но во всякомъ случаѣ довольно серьезное пособіе для изслѣдователя саратовскаго раскола; къ сожалѣнію, нельзя сказать того-же относительно ряда статей г. Дубакина въ „*Самарскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ*“ за 1882—1883 годы, вышедшихъ впослѣдствіи въ видѣ двухъ отдѣльныхъ брошюръ подъ заглавіемъ: „*Иргизскіе раскольничьи монастыри*“ и „*Обращеніе Иргизскихъ раскольничьихъ монастырей въ единовѣріе*“. „Сочиненіе“ Д. Дубакина, какъ онъ называетъ свои брошюры, представляетъ собою очень заурядную компиляцію, въ которой автору принадлежитъ только честь сочиненія заглавія, все-же содержаніе составлено изъ простыхъ перепечатокъ указанныхъ выше трудовъ гг. Добротворскаго, Мордовцева и Попова, причемъ перепечатки дѣлаются даже безъ указанія источника. Кромѣ заглавія г. Дубакину не принадлежитъ ни одной строки въ его сочиненіи, если не считать крайне неудачной попытки примиренія діаметрально-противоположныхъ извѣстій. По части литературнаго плагіата съ г. Ду-

бакинымъ можетъ стать на ряду развѣ одинъ Ѳ. Ливановъ, но и тутъ разница будетъ въ пользу послѣдняго: у г. Ливанова были, по крайней мѣрѣ, въ рукахъ новые документы, а у г. Дубакина нѣтъ и этого,—онъ просто переписалъ то, что было давно уже напечатано, и при этой перепискѣ, не исправляя старыхъ, надѣлалъ еще и новыхъ ошибокъ. При такихъ условіяхъ, естественно, произведеніе Д. Дубакина не имѣетъ не только научной, но даже и литературной цѣнности.

6—7) На ряду со „*Сборникомъ*“ г. Попова, должно поставить двѣ книжки А. Ф. Леопольдова: „*Историческія замѣтки о Самарскомъ краѣ*“ (Спб. 1860) и „*Статистическое описаніе Саратовской губерніи*“ (Спб. 1839). Авторъ былъ очевидцемъ послѣднихъ дней Иргизскихъ монастырей и, кромѣ того, по своему оффиціальному положенію, имѣлъ подъ руками дѣла канцеляріи губернатора, относящіяся къ исторіи мѣстнаго раскола. Источникомъ для него послужило извѣстное „*Статистическое описаніе*“ монастырей, составленное по приказанію князя Голицына. Серьезность и не подлежащая никакому сомнѣнію искренность автора даютъ его сочиненіямъ полное право на почетное мѣсто въ ряду пособій, хотя при пользованіи вторымъ изъ нихъ не нужно забывать того, что оно появилось въ печати въ 1839 году. Но и при наличности этого условія нельзя не пожалѣть, что авторъ ограничился однимъ Иргизомъ.

8—10) „*Историческіе очерки поповщины*“ П. И. Мельникова [1]), „*Исторія русскаго раскола*“ преосвященнаго Макарія (Спб. 1855) и „*Расколъ, обличаемый своей исторіей*“ Муравьева (Спб. 1854) затрогиваютъ расколъ Саратовскаго края только слегка, такъ сказать, эпизодически, и останавливаются нѣсколько лишь на исторіи Иргиза. Притомъ-же г. Муравьевъ не говоритъ ничего новаго сравнительно съ преосвященнымъ Макаріемъ, а за рукописями, которыми оба они пользовались при изложеніи исторіи Сергія Иргизскаго, нельзя, какъ это будетъ подробно выяснено въ своемъ мѣстѣ, признать значенія цѣннаго первоисточника. Всѣ эти три сочиненія могутъ имѣть значеніе лишь по провѣркѣ и сличеніи ихъ съ другими, болѣе внушающими къ себѣ довѣрія, данными.

[1]) Москва, 1864; „Рус. Вѣст.“ 1863, № 4—6; 1864, № 5; 1866, № 5—9. „Исторія раскола“ преосв. Макарія печаталась въ 1853—1854 гг. въ „*Христіанскомъ Чтеніи*“, до выхода въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ.

VI.

11—12) Возводя на степень несомнѣнности тотъ фактъ, что Иргизскіе монастыри, во дни разцвѣта ихъ могущества, играли роль метрополіи для всей поповщины, изслѣдователь саратовскаго раскола не можетъ пройти молчаніемъ „*Обозрѣніе Пермскаго раскола*“ арх. Палладія (Спб., 1863) и „*Расколъ въ Уральскомъ войскѣ*“ г. Витевскаго (Казань, 1878). Оба эти автора посильно подкрѣпляютъ, на основаніи собранныхъ ими историческихъ свѣдѣній, мысль объ іерархическомъ значеніи Иргиза въ ряду поповщинскихъ общинъ: первый—по краю Пермскому, а второй—Уральскому. Такія указанія имѣютъ, конечно, свою цѣну, тѣмъ болѣе, что научная разработка исторіи Иргиза стоитъ еще въ настоящее время на зачаточной точкѣ развитія.

13—15) „*Матеріалы для исторіи возмущенія Стеньки Разина*“ г. Попова (Москва, 1857), „*Памятная книжка Саратовской губерніи на 1859 годъ*“ (Саратовъ, 1858) и V—VI томы полнаго собранія „*Сочиненій*“ Державина (Спб., 1876) въ значительной степени могутъ служить для разъясненія поднятаго еще Пушкинымъ въ его „*Исторіи Пугачевскаго бунта*“ вопроса объ участіи раскольниковъ въ народныхъ поволжскихъ движеніяхъ. Взглядъ Пушкина съ особеннымъ усердіемъ поддерживаетъ, при сильно раздвинутыхъ рамкахъ въ постановкѣ этого вопроса, г. Мордовцевъ: слишкомъ преувеличивая значеніе раскольниковъ, какъ протестующаго элемента въ русскомъ обществѣ, онъ чуть-ли не всѣ народныя движенія, начиная съ бунта Стеньки Разина, приписываетъ имъ или со стороны иниціативы, или выполненія на дѣлѣ. На долю раскольниковъ Саратовскаго края при этомъ выпадаетъ, разумѣется, видная роль, такъ какъ и Разинъ и Пугачевъ дѣйствовали въ предѣлахъ этого именно края. На основаніи названныхъ трехъ сочиненій со всей очевидностью можно опровергнуть увлеченія г. Мордовцева и въ истинномъ свѣтѣ представить роль саратовскаго раскола въ дѣлѣ народныхъ движеній въ Поволжьи.

Изъ представленнаго бѣглаго обзора литературы источниковъ и пособій для исторіи саратовскаго раскола видно, что они касаются собственно Иргизскихъ раскольничьихъ монастырей, затрогиваютъ лишь одинъ, хотя и главный, моментъ въ исторіи мѣстнаго старообрядчества. Далѣе, этотъ обзоръ достаточно ясно показываетъ, какъ бѣдна научно-литературная разработка исторіи раскола на Иргизѣ.

VII.

Еще бѣднѣе литература нашего предмета по остальнымъ мѣстностямъ Саратовскаго края. Нѣсколько отрывочныхъ свѣдѣній, десятокъ-другой оффиціальныхъ документовъ,—вотъ и все, что даетъ она изслѣдователю. Эта скудость литературы особенно замѣтна при разсмотрѣніи исторіи сектъ безпоповщинскихъ. Безъ сомнѣнія, такое грустное явленіе слѣдуетъ приписать тому обстоятельству, что главное, почти исключительное, вниманіе мѣстныхъ властей и центральной администраціи было обращено на саратовскую поповщину съ ея Иргизомъ: безпоповцы при этомъ, естественно, оставались въ тѣни, тѣмъ болѣе, что они тщательно скрывали свою подпольную пропаганду отъ взоровъ начальства и ни по численности своей, ни по характеру дѣйствій не вызывали особенныхъ подозрѣній. Безпоповцы, повидимому, вполнѣ довольны были своимъ положеніемъ; что-же мудренаго, если и администрація, которой они такимъ образомъ не причиняли особенныхъ хлопотъ, въ свою очередь была довольна ими и оставляла ихъ въ покоѣ? Только такимъ безмолвнымъ компромиссомъ обѣихъ сторонъ и можно объяснить, что въ „*Собраніи постановленій по части раскола, состоявшихся по вѣдомству Св. Синода*“ (Спб., 1860) и въ такомъ-же „*Собраніи*“ по вѣдомству Министерства Внутреннихъ Дѣлъ (Лондонъ, 1863) рѣчь идетъ, за весьма малыми исключеніями, только относительно саратовской поповщины. Немного болѣе, чѣмъ въ этихъ двухъ изданіяхъ, найдется матеріаловъ для знакомства съ саратовскимъ расколомъ въ „*Сборникѣ правительственныхъ свѣдѣній о расколѣ*“ г. Кельсіева (Лондонъ, 1860) и въ VIII томѣ „*Исторіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ*“ Варадинова (Спб., 1863): у перваго есть нѣсколько документальныхъ данныхъ относительно саратовскихъ безпоповцевъ, у второго—очень интересно и важно изложеніе результатовъ работъ правительственныхъ изслѣдователей раскола въ Саратовской губерніи въ пятидесятыхъ годахъ настоящаго столѣтія; но оба они занимаются саратовскимъ расколомъ лишь настолько, насколько это соотвѣтствуетъ основной задачѣ ихъ трудовъ, посвященныхъ общей исторіи русскаго раскола.

Еще менѣе сдѣлано литературой по исторіи отдѣльныхъ ограслей безпоповщины въ предѣлахъ Саратовскаго края. Численная-ли незначительность этихъ сектъ, не внушающая къ нимъ интереса, или глубокая скрытность ихъ послѣдователей были тутъ виною—рѣ-

шить трудно; но какъ-бы то ни было, а только въ печати мы напрасно станемъ искать свѣдѣній по исторіи секты Спасова согласія, самокрещенской и страннической болѣе подробныхъ и обстоятельныхъ, чѣмъ какія изложены въ статьяхъ священниковъ Владыкина и Беневольскаго [1]) по исторіи первой, К. Л. Кустодіева [2])—по исторіи второй и В. Г. Еланскаго [3])—по исторіи третьей секты. Общій недостатокъ всѣхъ этихъ статей—крайняя узость поставленныхъ ихъ авторами рамокъ изслѣдованія,—всѣ они имѣютъ дѣло съ раскольниками того или другого отдѣльнаго села, всѣ останавливаются преимущественно на бытовыхъ особенностяхъ сектантовъ и пишутъ на основаніи личныхъ наблюденій. Исключеніе составляетъ только о. Кустодіевъ, который описываетъ, приводя не мало выдержекъ, рукопись основателя самокрещенства въ Саратовской губерніи, мѣщанина Тимофея Васильевича Бондарева. Важнѣе другихъ статьи о. Еланскаго, у котораго были подъ руками и страннические цвѣтники, и страннические распѣвцы; очень жаль, что онъ говоритъ только о золотовскихъ бѣгунахъ,—районъ его изслѣдованія охватываетъ такимъ образомъ всего одинъ приходъ.

Бѣдность печатной литературы предмета уравновѣшивается до нѣкоторой степени богатствомъ литературы рукописной, къ обзору которой я и перехожу. Прежде всего остановлюсь на рукописяхъ библіотеки Императорскаго русскаго географическаго Общества.

I—IV) „*Статистическій очеркъ Саратовской епархіи*“ преосвященнаго Іакова, бывшаго епископа саратовскаго, составленный въ 1845 году; „*Очерки статистическаго описанія Саратовской губерніи*“ Фадѣева, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ управлявшаго Саратовской губерніей, написанные не позже 1846 года; „*Историко-статистическій очеркъ Саратовской губерніи*“ Гана и „*Очеркъ Самарской губерніи*“ Н. Грота, составленные въ 1857 году,—не относясь непосредственно къ исторіи мѣстнаго раскола, имѣютъ тѣмъ не менѣе самое существенное значеніе для нея. Всѣ они даютъ матеріалъ для разъясненія очень темнаго вопроса о колонизаціи Саратовскаго края и этнографическомъ составѣ его народонаселенія, а болѣе или менѣе удовлетворительное разрѣшеніе этого вопроса весьма важно въ интересахъ дѣла, такъ какъ способствуетъ косвен-

[1]) „Саратов. Епарх. Вѣдом.“ 1868, № 12.
[2]) „Рус. Вѣст.“ 1862, № 9.
[3]) „Саратов. Епарх. Вѣдом.“ 1882, №№ 27, 29; 1884, № 14.

ному уясненію путей, которыми заносился сюда расколъ, и времени, въ которое совершалось такое занесеніе. Принимая въ соображеніе, что до насъ не дошло никакихъ болѣе ясныхъ и прямыхъ письменныхъ свидѣтельствъ по данному вопросу, приходится по неволѣ съ особеннымъ вниманіемъ останавливаться на свидѣтельствахъ косвенныхъ. Таково общее значеніе этихъ рукописей; въ частности Ганъ и Гротъ даютъ очеркъ состоянія раскола во второй четверти настоящаго столѣтія, а преосвященный Іаковъ довольно обстоятельно перечисляетъ годы построенія церквей и образованія приходовъ. Что касается степени достовѣрности сообщаемыхъ этими авторами свѣдѣній, то достаточно указать на тотъ фактъ, что преосвящ. Іаковъ, пятнадцать лѣтъ управляя Саратовской епархіей, въ теченіи почти всего этого времени усердно собиралъ матеріалы для своего очерка и тщательно самъ провѣрялъ собранное; очерки-же Грота и Гана составлены были по требованію Географическаго общества для Государя Наслѣдника, который предполагалъ тогда во время путешествія по Россіи посѣтить, между прочимъ, Самарскую и Саратовскую губерніи.

V) Громадный рукописный сборникъ подъ заглавіемъ „*О расколѣ бѣлопоповской секты въ Саратовской губерніи*“ [1]), принадлежавшій ранѣе преосвящ. Іакову и составленный имъ самимъ изъ копій и подлинниковъ разныхъ оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ бумагъ, относящихся къ этому предмету, безспорно, долженъ быть признанъ однимъ изъ самыхъ крупныхъ источниковъ для изученія саратовскаго раскола, въ особенности-же раскола по Иргизу. Съ 1857 года, когда И. М. Добротворскій впервые воспользовался этой рукописью, и до настоящаго времени она не утратила этого своего значенія, такъ какъ далеко не все богатство помѣщенныхъ въ ней матеріаловъ сдѣлалось достояніемъ печати: не попали, напримѣръ, въ печать весьма важныя письма на Иргизъ П. С. Рунича, хотя копіи со многихъ изъ нихъ помѣщены въ указанномъ „*Сборникѣ*“. Кромѣ Добротворскаго никто не имѣлъ подъ руками этой рукописи. Ливановъ, по своему обыкновенію, цитируетъ ее съ чужихъ словъ, а Поповъ только указываетъ на фактъ ея существованія, но не дѣлаетъ изъ нея никакихъ извлеченій. Научная цѣнность сообщаемыхъ ею свѣдѣній не подлежитъ никакому сомнѣнію:

1) Библ. Нижегор. дух. семин. № 3774, in fol., 460 л.

большая часть изъ нихъ принадлежитъ перу очевидцевъ передаваемыхъ событій и вошла въ „*Сборникъ*“ послѣ просмотра такимъ спеціалистомъ въ дѣлѣ саратовскаго раскола, какимъ былъ преосвящ. Іаковъ. Правда, нѣкоторыя страницы способны навесть на сомнѣніе въ безпристрастности показаній этихъ очевидцевъ, которые, въ качествѣ единовѣрческихъ или православныхъ пастырей, не могли, конечно, симпатизировать расколу и по естественному ходу дѣла должны были подчасъ накладывать тѣни гуще, чѣмъ какъ онѣ лежали въ натурѣ, придавать нѣсколько иной оттѣнокъ дѣйствительности; но такихъ страницъ сравнительно очень немного.

VI) „*Историко-статистическое описаніе Иргизскихъ монастырей*,“ [1]) составленное въ 1828 году, по приказанію саратовскаго губернатора, князя Голицына, отчасти настоятелями или настоятельницами этихъ монастырей, отчасти-же чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ, Полонскимъ, по своему значенію для изслѣдователя много уступаетъ „*Сборнику*“ преосвящен. Іакова. Авторы недостаточно рельефно очертили внутренній и внѣшній строй монастырской жизни и съ особеннымъ усердіемъ останавливались на экономической сторонѣ дѣла,—въ силу требованій самого князя Голицына, конечно, который и хотѣлъ выяснить преимущественно эту именно сторону. Благодаря одностороннему направленію работы, составители уклоняются отъ выполненія данной имъ Голицынымъ подробной программы описанія. Рядъ весьма разнообразныхъ вопросовъ программы, охватывавшей жизнь Иргизскихъ монастырей во всѣхъ ея проявленіяхъ, остался безъ отвѣта. На первомъ планѣ явилась статистика, исторія—затушевалась, осталась какъ-бы въ туманѣ, и „*Описаніе*“ съ большимъ правомъ могло-бы назваться только „описью.“ Кромѣ этого и статистическая часть „*Описанія*“ не внушаетъ къ себѣ безусловнаго довѣрія: трудно допустить, чтобы настоятели монастырей стали со всей откровенностью отвѣчать губернатору на его оффиціальный запросъ объ экономическомъ положеніи управляемыхъ ими обителей. Враждебное отношеніе кн. Голицына къ расколу не было, конечно, для нихъ секретомъ,—одна уже попытка его насадить въ Вольскѣ единовѣріе разомъ должна была открыть имъ глаза на его дальнѣйшіе планы. Безъ сомнѣнія, они предчувствовали наступленіе „гонительнаго“ времени, а такое

[1]) Библ. Сар. Братства Св. Креста, № 500; in fol., 225 л.

предчувствіе, естественно, ни мало не располагало ихъ къ искренности и прямотѣ дѣйствій. Справедливость этого соображенія подтверждается отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что во всемъ „*Описаніи*“ нельзя найти ни малѣйшаго намека на доходы отъ „исправы“ бѣглыхъ священниковъ, хотя другіе источники монастырскихъ доходовъ перечисляются довольно подробно: составителямъ нужно было скрыть эту крупную статью бюджета отъ глазъ губернатора и представить свои монастыри бѣднѣе, чѣмъ какъ они были въ дѣйствительности. Самую важную часть этой рукописи составляютъ копіи съ разныхъ документовъ, относящихся къ исторіи Иргиза; въ числѣ ихъ есть и тѣ письма Рунича, которыя почему-то не вошли въ „*Сборникъ*“ преосвящ. Іакова. Литературѣ „*Описаніе*“ извѣстно только по короткимъ выпискамъ изъ него, приведеннымъ у А. Ф. Леопольдова, въ его „*Статистическомъ описаніи Саратовской губерніи*“.

VII) „*Исторія о старообрядцахъ*“ [1]) представляетъ собою сборникъ документовъ, относящихся преимущественно къ исторіи Иргиза. Написаны нѣкоторыя статьи его не ранѣе 1827—1830 годовъ, но законченъ онъ во всякомъ случаѣ до присоединенія Средне-Никольскаго монастыря къ единовѣрію, такъ какъ объ этомъ присоединеніи въ немъ совершенно не упоминается. Это до нѣкоторой степени лѣтопись внѣшнихъ и отчасти внутреннихъ событій изъ жизни Иргизскихъ монастырей. Составлена-ли она однимъ лицомъ или нѣсколькими—сказать съ увѣренностью нельзя; можно догадываться только, что она велась въ Нижне-Воскресенскомъ монастырѣ, ибо занимается по преимуществу его исторіей. Весьма возможно такъ-же, что многія страницы писаны инокомъ Арсеніемъ, который въ 1827—1829 годахъ завѣдывалъ въ этомъ монастырѣ письмоводствомъ: такъ, авторъ, приводя одно предписаніе губернатора, говоритъ, что оно было прочитано исправникомъ „исправляющему должность настоятеля Никанору, иноку Прохору и мнѣ .... и я, слыша сіе предписаніе, кратко для памяти записалъ“ [2]). Очевидно, пишущій эти строки высоко стоялъ на лѣстницѣ монастырской іерархіи. Сообщаемыя „*Исторіей*“ свѣдѣнія нерѣдко весьма важны и всегда достовѣрны, насколько можно судить на осно-

1) Брат. Св. Креста, № 513; in fol., 228 л.
2) Ibidem, № 513, л. 175; ср. 141.

ваніи тщательнаго сличенія многихъ статей его съ напечатанными раньше документами. Этотъ сборникъ несомнѣнно былъ знакомъ преосвящ. Іакову, ибо скрѣпленъ на послѣднемъ листѣ подписью члена консисторіи при этомъ епископѣ, І. Крылова Нѣкоторыя статьи его вошли и въ сборникъ самого преосвящ. Іакова, разсмотрѣнный нѣсколько выше.

VIII) *„Исторія Сергія иргизскаго“* [1]), написанная въ Вольскѣ, въ 1797 году, какимъ-то А. Я. и проредактированная, какъ можно думать на основаніи первыхъ строкъ посвященія, самимъ Сергіемъ, по справедливости, должна занять первое мѣсто въ ряду матеріаловъ для оцѣнки дѣятельности этого „строителя иргизскаго“. Мѣсто и время написаніе, простота и естественность тона, обстоятельность свѣдѣній—все это говоритъ въ пользу автора, ручается за правдивость его сочиненія. Со всей тщательностью провѣрилъ я,—насколько это оказалось возможнымъ,—всѣ указанія его и вынесъ изъ этой провѣрки убѣжденіе, что авторъ хотя косвенно и защищаетъ Сергія, но въ существѣ дѣла отстаиваетъ лишь интересы истины, что онъ одинаково далекъ отъ неумѣстныхъ похвалъ друзьямъ и отъ озлобленнаго порицанія враговъ. Нотка личнаго чувства, правда, звучитъ у него очень часто, но, обусловливаясь благоговѣніемъ къ герою *„Исторіи“*, она не заводитъ автора слишкомъ далеко, не заставляетъ его извращать факты или подтасовывать ихъ. На слова А. Я. можно вполнѣ положиться, не опасаясь увлечься вмѣстѣ съ нимъ или вслѣдъ за нимъ узостью партійныхъ взглядовъ и подгонять дѣйствительность подъ шаблонъ предвзятыхъ тенденцій. Со всей рельефностью выступаетъ предъ изслѣдователемъ при чтеніи этой рукописи замѣчательная личность инока Сергія, наглядно вырисовывается послѣдній періодъ его жизни, когда онъ пытался насадить на иргизской почвѣ единовѣріе, полновѣсно объясняются причины его неудачи съ этой попыткой. Нельзя не пожалѣть, что эта *„Исторія“* Сергія охватываетъ только послѣдній періодъ его дѣятельности на Иргизѣ. На основаніи сочиненія А. Я. мнѣ придется не разъ вносить поправки въ установившіеся литературные взгляды на дѣятельность Сергія по вопросу объ иргизскомъ единовѣріи.

IX) *„Исторія о лжемонахѣ Сергіѣ“* [2]), съ присоединеніемъ

1) Рук. Имп. Публ. Библ., Q, I, № 742, in 4⁰, 78 л.
2) Библ. А. И. Хлудова, № 293, in 4⁰, 122 л.

иргизскихъ „*Отвѣтовъ*“ на его вопросы, вышла изъ-подъ пера инока Верхне-Преображенскаго монастыря, Феоф. (илакта?) въ октябрѣ 1797 года „благословеніемъ и совѣтомъ отецъ и братій“ этой обители. И въ этой „*Исторіи*“ мы не найдемъ полной біографіи Сергія: авторъ излагаетъ только его попытку ввести „благословенное священство“ въ своемъ монастырѣ. По своему всгляду на Сергія, Феоф. составляетъ прямую противоположность А. Я.: если послѣдній писалъ косвенную апологію своего героя, то этотъ—пишетъ апологію противоположной ему группы ревнителей старины, возставшихъ противъ принятія „священства подправленіемъ нынѣшнихъ архипастырей соединяющаго съ новшествы“; если первый благоговѣетъ предъ Сергіемъ, то этотъ—ненавидитъ его. Онъ не задумывается назвать своего бывшаго настоятеля „лжемонахомъ“ и съ усердіемъ, достойнымъ много лучшей участи, выворачиваетъ предъ читателями изнанку его жизни и стремленій. Больше страстности, больше озлобленія вноситъ онъ въ свою „*Исторію*“, сравнительно съ А. Я, но это едва-ли можетъ особенно сильно повредитъ ей въ глазахъ изслѣдователя: если-бы даже послѣдній вздумалъ на этомъ основаніи обвинять автора въ тенденціозности, то долженъ будетъ признать, что его тенденціозность слишкомъ наивна и откровенна для того, чтобы быть опасной. Притомъ-же Феоф. не извращаетъ предумышленно событій; онъ только увлекается иногда своимъ личнымъ нерасположеніемъ къ Сергію. А гдѣ больше увлеченія, чѣмъ сознательной лжи, тамъ для изслѣдователя не составитъ труда возстановить истину изъ-подъ налета озлобленныхъ нападокъ автора. Взаимно пополняя одинъ другаго, А. Я. и Феоф., взятые вмѣстѣ, даютъ незамѣнимый матеріалъ для надлежащаго уразумѣнія личности Сергія.

X) „*Разглагольствіе старообрядца съ новообрядцемъ*“ [1]), написанное Сергіемъ иргизскимъ въ 1782—83 году, служитъ пособіемъ для оцѣнки литературной дѣятельности автора. Въ своемъ „*Разглагольствіи*“ Сергій хотѣлъ „показать всему свѣту,—какіе то есть старообрядцы и новообрядцы, и въ чемъ какое межъ собою имѣютъ разгласіе, и за что и за какія сомнительности старообрядцы отдѣляютъ себя отъ великороссійской церкви“. Изъ этихъ словъ легко догадаться, что „*Разглагольствіе*“ носитъ характеръ полеми-

[1]) Бр. Св. Кр., № 503; in 4⁰, 163 л.

ческій. Въ немъ перечислены всѣ вины никоніанства, собраны всѣ свидѣтельства въ пользу старообрядчества, до свидѣтельства древнеписанныхъ иконъ включительно, сказано все, что можно сказать въ защиту раскола поповщины. Поэтому-то, конечно, и митр. Григорій въ своей „*Истинно-древней и истинно-православной Церкви*“ такъ часто приводитъ выдержки изъ этого труда. Громадная эрудиція автора, его опытность въ дѣлѣ полемики и ловкость въ подборѣ отвѣчающихъ его взглядамъ свидѣтельствъ и доказательствъ давно оцѣнены по достоинству его бывшими единовѣрцами и не подлежатъ никакому сомнѣнію. Языкъ для своего времени довольно гладокъ, гибокъ и выработанъ. Но этимъ и ограничивается все, что можно сказать въ пользу даннаго произведенія. Дальше пойдутъ уже его слабыя стороны. Сергію прежде всего не достаетъ оригинальности. Очень рѣдко указывая источники, изъ которыхъ черпаетъ свои свѣдѣнія, онъ въ широкихъ размѣрахъ пользуется сочиненіями братьевъ Денисовыхъ, въ особенности „*Поморскими отвѣтами*“ Неофиту и „*Керженскими отвѣтами*“ Питириму. Отсутствіе глубокаго, творческаго ума сообщаетъ его труду нѣсколько компилятивный характеръ и съ значительнымъ ущербомъ для принятой имъ на себя задачи отражается на его логическихъ построеніяхъ, которымъ, благодаря этому обстоятельству, при всей ихъ ловкости и смѣлости, часто не достаетъ убѣдительности. Самъ Сергій, повидимому, плохо сознавалъ слабыя стороны своего произведенія; иначе онъ едва-ли написалъ-бы въ предисловіи къ нему слѣдующія строки: „Принимаю смѣлость предложить всѣмъ сей посильной трудовъ моихъ опытъ, который еще въ свѣтѣ невидимъ былъ“ и не сказалъ-бы, что имъ надѣется „отдать честь за воспитаніе свое отечеству“.

XI) На Иргизѣ, по обращеніи его въ единовѣріе, стали сочиняться въ монастыряхъ книги, статьи и стихи въ защиту единовѣрія и въ обличеніе раскола. Въ ряду авторовъ такихъ полемическихъ сочиненій не послѣднее мѣсто занимаетъ послушникъ Верхне-Спасопреображенскаго монастыря, Ѳеодоръ Парѳеньевъ, явившійся на Иргизъ изъ Ярославля, гдѣ онъ жилъ у М. С. Разживина. Въ его рукописномъ сочиненіи „*О правой вѣрѣ и церкви православной*“ [1]), относящемся къ 1846 году, есть нѣсколько любопытныхъ страницъ, посвященныхъ внутреннему строю жизни Иргиз-

[1]) Брат. Св. Кр., № 85, in. 4⁰, XII + 220 стр.

скихъ монастырей за предшествовавшее обращенію ихъ въ единовѣріе время. Какъ показаніе очевидца,—при томъ очевидца слишкомъ простого для того, чтобы его можно было заподозрить въ умышленномъ извращеніи истины,—эти страницы представляютъ не малый интересъ для изслѣдователя и могутъ служить фактическимъ оправданіемъ тѣхъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ бездоказательныхъ, нареканій на распущенность монастырскихъ нравовъ, съ которыми такъ часто приходится ему встрѣчаться въ оффиціальныхъ бумагахъ саратовскихъ властей. Помѣщенныя въ концѣ рукописи стихотворенія автора не имѣютъ никакого литературнаго значенія и любопытны только какъ своеобразный опытъ пропаганды единовѣрія въ средѣ раскольниковъ. Самъ Парѳеньевъ придавалъ имъ, впрочемъ, довольно крупное значеніе и рекомендовалъ даже пѣть на голосъ псальмы „Хвала Всевышнему Владыкѣ".

XII) Въ рукописномъ сборникѣ Императорской Публичной библіотеки [1]) помѣщенъ въ полномъ видѣ „*Отчетъ*" графа Стенбока о состояніи раскола въ Саратовской губерніи по ревизіи 1854 года. Отчетъ составленъ очень обстоятельно и положительно незамѣнимъ для исторіи мѣстнаго раскола.

XIII) „*Записка о современномъ состояніи раскола въ Саратовской губерніи*", составленная г. Артемьевымъ, является какъбы продолженіемъ отчета графа Стенбока. Г. Артемьевъ первоначально изучалъ состояніе саратовскаго раскола вмѣстѣ съ гр. Стенбокомъ, а потомъ работалъ надъ этимъ уже совершенно самостоятельно, одинъ. Расходясь очень не рѣдко во взглядахъ съ своимъ предшественникомъ, онъ старательно обставлялъ свои выводы цифрами, опираясь, насколько это оказывалось возможнымъ, на статистическія данныя. Работа выполнена имъ отчетливо и добросовѣстно.

XIV) Рукопись Императорской Публичной библіотеки подъ заглавіемъ „*Матеріалы для исторіи раскола въ Саратовской губерніи*" [2]) можетъ служить хорошимъ подспорьемъ къ отчетамъ Стенбока и Артемьева: въ ней помѣщены бумаги обоихъ этихъ изслѣдователей, которыя почему-либо не нашли себѣ мѣста въ самыхъ отчетахъ, равно какъ и черновики послѣднихъ. Сравнительно съ отчетами „*Матеріалы*" представляютъ не мало новыхъ данныхъ.

1) Имп. Пуб. библ., fol., I, № 515, л. 197—413.
2) Имп. Публ. библ., fol., I, N. 527, л. 1—274.

XVI.

XV) „*Вопросы и отвѣты*“ Тимофея Бондарева [1]) служатъ единственнымъ прочнымъ основаніемъ для возсозданія въ подлинномъ, первоначальномъ видѣ вѣроученія саратовскаго самокрещенства. Любопытная во многихъ отношеніяхъ секта самокрещенцевъ доселѣ осталась малоизвѣстной. Ея исторія совершенно не разработана, о вѣроученіи можно судить только на основаніи короткой замѣтки К. Л. Кустодіева, о которой было уже сказано выше. Но о. Кустодіевъ, передавая содержаніе „*Вопросовъ и отвѣтовъ*“, по мѣстамъ, очевидно, не совсѣмъ вѣрно понимаетъ Бондарева и вслѣдствіе этого представляетъ нѣсколько въ иномъ свѣтѣ проповѣдуемую имъ доктрину. Рукопись Бондарева не даетъ основанія для тѣхъ крайнихъ выводовъ, которые сдѣлалъ нашъ авторъ въ примѣненіи къ самокрещенству. Воззрѣнія основателя этой секты въ Саратовскомъ краѣ нельзя, конечно, назвать умѣренными; онъ—послѣдовательный безпоповецъ, отрицающій не только іерархію, но даже тѣнь и подобіе ея. Но подводить его религіозно-нравственные взгляды, насколько они отразились въ указанномъ его сочиненіи, подъ формулу послѣдователей секты Петрова Крещенія, какъ это дѣлаетъ Кустодіевъ, и утверждать, что самокрещенство проповѣдывало „жизнь эгоистически-разнузданную, въ особенности относительно брачнаго союза“, едва-ли будетъ справедливо. По крайней мѣрѣ, въ самой рукописи Бондарева, подлинность которой засвидѣтельствована скрѣпою по листамъ извѣстнаго Мельхиседека Якубовскаго, представившаго ее преосвященному Іакову, въ пользу такого утвержденія данныхъ нѣтъ: умышленно или неумышленно, но только авторъ тщательно обходитъ вопросъ о бракѣ и совсѣмъ не склоненъ поощрять какую-бы то ни было разнузданность. Кромѣ неправильнаго представленія о міровоззрѣніи Бондарева, статья о. Кустодіева недостаточна и въ томъ отношеніи, что авторъ ея слишкомъ уже легко отнесся къ бывшему у него подъ руками произведенію: „*Вопросы и отвѣты*“ настолько оригинальны въ ряду другихъ продуктовъ русской раскольнической литературы, что ими не грѣхъ былобы заняться и по-подробнѣе. Въ виду всего этого, при изложеніи исторіи самокрещенства, мнѣ придется руководствоваться не статьею о. Кустодіева, а подлинникомъ произведенія Бондарева.

XVI) Съ конца 50-хъ и до начала 80-хъ годовъ настоящаго

[1]) Брат. Св. Кр., № 523, in 4⁰, 177 л.

столѣтія, всѣ свѣдѣнія о жизни саратовскаго раскола изслѣдователю приходится заимствовать исключительно изъ архивныхъ дѣлъ разныхъ правительственныхъ учрежденій. Въ 1880 году Саратовская губернія, по Высочайшему повелѣнію, была подвернута сенаторской ревизіи. И. И. Шамшинъ, производившій эту ревизію, представилъ по окончаніи ея, между прочимъ, и *„Записку о расколѣ“*. Небольшая по размѣру (50 стр. in fol.), записка сенатора Шамшина существенно важна по своему содержанію. Въ своемъ мѣстѣ она будетъ подвергнута подробному разбору: здѣсь-же скажу только, что при изданіи закона о раскольникахъ 3 мая 1883 года она едва-ли осталась безъ вліянія: конечные выводы И. И. Шамшина и основныя начала этого закона близки до тождественности.

Запиской сенатора Шамшина можно закончить обозрѣніе рукописной литературы интересующаго меня предмета. Рукописи, не имѣющія столь важнаго значенія, какъ только-что разсмотрѣнныя, будутъ указаны дальше, въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. Болѣе или менѣе подробное перечисленіе ихъ и оцѣнка въ настоящее время представляются излишними, ибо безъ особой для дѣла пользы только увеличили-бы размѣръ критико-библіографическаго очерка.

Кромѣ печатной и рукописной литературы, для изслѣдователя исторіи саратовскаго раскола весьма важны архивныя дѣла разныхъ правительственныхъ учрежденій, имѣвшихъ то или другое отношеніе къ расколу и раскольникамъ. На первомъ планѣ въ ряду такихъ учрежденій стоитъ секретный Комитетъ, который въ теченіи почти половины вѣка былъ въ полномъ смыслѣ рѣшителемъ судебъ русскаго раскола. Комитетъ этотъ, состоявшій изъ первыхъ сановниковъ государства, подъ предсѣдательствомъ митрополита петербургскаго, пристально слѣдилъ за ходомъ событій въ этой области и ни одинъ сколько-нибудь крупный фактъ изъ жизни раскола не миновалъ его вниманія.

I) Въ первыхъ 36-ти грамадныхъ томахъ журналовъ Комитета и приложеній къ нимъ не разъ заходитъ рѣчь о расколѣ въ Саратовскомъ краѣ. Матеріаловъ, относящихся къ интересующему меня предмету, въ этихъ томахъ есть не мало—и матеріаловъ въ полномъ смыслѣ слова драгоцѣнныхъ: тутъ—мотивировка всѣхъ законодательныхъ постановленій и циркулярныхъ распоряженій по части раскола, состоявшихся въ царствованіе императора Николая;

тутъ—отчеты всѣхъ правительственныхъ изслѣдователей раскола; тутъ—всеподданнѣйшіе рапорты, жалобы, прошенія, имѣющія ту или другую связь съ расколомъ. Комитетъ заправлялъ всей политикой правительства по отношенію къ расколу; отсюда легко сдѣлать выводъ о значеніи его журналовъ и приложеній къ нимъ для исторіи: архивныя дѣла другихъ правительственныхъ учрежденій знакомятъ только съ фактами изъ жизни раскола и очень рѣдко съ ихъ мотивами; дѣла Секретнаго Комитета, напротивъ, даютъ гораздо меньше фактическаго матеріала, но они пополняютъ то, чего мы не найдемъ въ первыхъ,—они указываютъ смыслъ этихъ фактовъ, освѣщаютъ событія съ точки зрѣнія высшей центральной администраціи, вводятъ изслѣдователя въ міръ правительственныхъ соображеній, открываютъ его взору всю сложную систему пружинъ, невидимая для посторонняго наблюдателя дѣятельность которыхъ обусловливала многія явленія въ сферѣ отношеній власти къ расколу. По предмету настоящаго труда дѣла Комитета весьма важны въ частности и потому, что въ нихъ помѣщены отчеты Арсеньева и Сенявина о состояніи раскола въ Саратовскомъ краѣ,—этихъ отчетовъ я не могъ нигдѣ еще отыскать, а между тѣмъ они представляютъ весьма серьезный интересъ. Жаль только, что во всѣхъ громадныхъ фоліантахъ журналовъ Комитета очень рѣдко упоминается о безпоповщинской сектѣ въ предѣлахъ нашего края: непроглядный мракъ, окутывающій ея исторію, почти не разгоняется даже послѣ знакомства съ дѣятельностью Комитета.

II) Съ цѣлью восполненія фактическихъ свѣдѣній, которыхъ недостаетъ въ дѣлахъ Секретнаго Комитета, и для ознакомленія съ болѣе мелкими явленіями изъ жизни саратовскаго раскола, не дошедшими до разсмотрѣнія въ этой послѣдней инстанціи, естественно обратиться къ дѣламъ архива саратовской духовной консисторіи. Судя по описямъ, въ этомъ архивѣ должно быть до 3.000 дѣлъ, касающихся раскола; но большую половину этой огромной цифры приходится сбросить со счетовъ, такъ какъ или значущихся по описямъ дѣлъ совсѣмъ нѣтъ въ архивѣ, или же они имѣютъ своимъ предметомъ несложные факты совращеній въ расколъ и присоединеній къ православію,—факты, не представляющіе ничего характеристическаго. Въ архивѣ консисторіи хранятся дѣла только съ 1836 года; болѣе раннія—всѣ подвергнуты уничтоженію, по приказанію особой

комиссіи, работавшей въ 60-хъ годахъ надъ разборкой этого архива. Какъ ни прискорбна сама по себѣ такая опрометчивость комиссіи, съ нею можно-бы еще помириться, если-бы цѣлы были хотя оставленныя ею дѣла. Но нѣтъ и этого: наиболѣе крупныя, наиболѣе интересныя раскольническія дѣла безслѣдно изчезли изъ стѣнъ архива наравнѣ со всѣми безъ исключенія раскольническими рукописями, оставленными, по распоряженію епархіальныхъ властей, въ этомъ архивѣ для храненія. Быть можетъ, они попали въ число тѣхъ 5.000 дѣлъ, которыя были выкрадены изъ саратовскаго консисторскаго архива въ 1875 году? Такъ, по крайней мѣрѣ, думаетъ преосвященный Никаноръ, архіепископъ херсонскій, судя по его письму ко мнѣ отъ 24 сентября 1884 года. Желая выяснить, не осталось-ли какихъ нибудь дѣлъ, относящихся къ избранному мною предмету, въ Пензѣ или Астрахани,—такъ какъ саратовская епархія сначала входила въ составъ астраханской, а потомъ пензенской,—я обращался по этому поводу къ преосвященнымъ Антонію пензенскому и Евгенію астраханскому. Оба досточтимые архипастыри не замедлили почтить отвѣтомъ. Первый, письмомъ отъ 25 апрѣля 1884 г. за № 352, увѣдомлялъ меня, что „Секретныхъ дѣлъ по саратовской епархіи, къ которымъ относятся дѣла раскольническія, съ 1799 по 1828 годъ, въ архивѣ пензенской духовной консисторіи не оказалось. Насколько мнѣ извѣстно, такія дѣла (какъ-то: записки и донесенія саратовскихъ священниковъ и миссіонеровъ) хранятся въ библіотекѣ нижегородской духовной семинаріи, куда они сданы были покойнымъ просвящ. Іаковомъ, бывшимъ епископомъ саратовскимъ, а затѣмъ архіепископомъ нижегородскимъ“[1]). Второй, 14-го мая того-же года, писалъ: „... къ сожалѣнію... мы не можемъ послужить вамъ чѣмъ-либо въ вашемъ... трудѣ“. Въ объясненіе этихъ словъ приложена справка, подписанная архиваріусомъ, г. Ливановымъ, слѣдующаго содержанія: „Дѣлъ о расколѣ

1) Преосвященный Антоній имѣетъ въ виду извѣстный уже намъ „*Сборникъ*“ Іакова. Считаю не лишнимъ сказать здѣсь, что въ нижегородскій „*Сборникъ*“ вошли не всѣ полученныя преосвященнымъ Іаковомъ записки и донесенія саратовскихъ священниковъ: значительную часть ихъ мнѣ удалось еще отыскать въ двухъ большихъ рукописныхъ томахъ, хранящихся въ библіотекѣ саратовской духовной семинаріи, подъ №№ 2662 и 2663. Изъ нихъ въ первомъ, занимающемъ 319 л. in f°, собрано преосвященнымъ Іаковомъ до 14 записокъ разныхъ благочинныхъ Саратовской епархіи, которымъ поручено было составить описаніе всей епархіи (по уѣздамъ) въ церковно-историческомъ отношеніи. Составлены эти записки въ промежутокъ между 1839 и 1841 годами.

XX.

Саратовскаго края въ прошломъ столѣтіи, съ 1700 по 1800 годъ, въ архивѣ астраханской духовной консисторіи не имѣется". Такимъ образомъ изъ Пензы архивныя дѣла частью попали въ Нижній-Новгородъ и Саратовъ, частью-же исчезли безъ слѣда; что-же касается Астрахани, то отсутствіе тамъ чего-либо относящагося къ саратовскому расколу свидѣтельствуетъ или о томъ, что въ прошломъ столѣтіи такихъ дѣлъ по духовному вѣдомству не возбуждалось, или о томъ, что они утрачены. Какое изъ этихъ предположеній болѣе вѣроятно—не знаю; но, насколько извѣстно, астраханскій архивъ содержится въ большомъ порядкѣ.

III) Утраченное и недостающее по саратовскому консисторскому архиву отчасти пополняется архивными дѣлами саратовскаго губернскаго правленія и канцеляріи губернатора. Несмотря на пожаръ 1848 года, истребившій зданіе присутственныхъ мѣстъ, при чемъ погорѣла или утратилась большая половина этихъ архивовъ, въ нихъ сохранилось еще не мало цѣннаго матеріала для исторіи саратовскаго раскола: тутъ я нашелъ до 200 нумеровъ разныхъ дѣлъ о расколѣ, изъ которыхъ немногія, впрочемъ, восходятъ къ первымъ годамъ настоящаго столѣтія.

IV) На ряду съ дѣлами архивовъ губернскаго правленія и канцеляріи губернатора необходимо поставить нѣкоторыя дѣла открытаго въ Саратовѣ съ 12 декабря 1886 года „Историческаго Архива" при ученой архивной комиссіи. Изъ этихъ дѣлъ, подробное изложеніе содержанія которыхъ можно найти въ протоколахъ засѣданій комиссіи, считаю нужнымъ остановить вниманіе читателей на трехъ, значащихся по описи Историческаго архива подъ №№ 11, 12 и 14[1]). Эти три дѣла, принадлежавшія раньше канцеляріи саратовскаго губернатора, затѣмъ изъ десятыхъ рукъ перешедшія ко мнѣ въ собственность и теперь переданныя мною въ Историческій архивъ, захватываютъ собой три послѣдовательные разгрома Иргизскихъ старообрядческихъ монастырей въ 1829, 1837 и 1841 годахъ при губернаторахъ кн. Голицынѣ, Степановѣ и Фадѣевѣ. Здѣсь въ подлинникахъ и копіяхъ заключается вся оффиціальная переписка гражданскихъ властей, относящаяся къ этому событію, начиная со всеподданѣйшихъ рапортовъ губернаторовъ и оканчивая

[1]) Саратовскій Историческій Архивъ, шк. I, пол. А, № 11, in. fol., 416 л.; № 12, in f°, 353 л.; № 14, in f°, 393 л. Подробнѣе см. въ „Протоколѣ IV общаго собранія сар. уч. арх. комиссіи", стр. 33—46. Саратовъ. 1887.

предписаніями ихъ земской полиціи. Указанныя дѣла даютъ ясное представленіе о всѣхъ подробностяхъ присоединенія Иргизскихъ старообрядческихъ монастырей къ единовѣрію, насколько, разумѣется, эти подробности могли улечься въ рамки оффиціальныхъ бумагъ, и для исторіи послѣднихъ дней этихъ обителей имѣютъ въ полномъ смыслѣ значеніе первоисточниковъ. Два послѣднія дѣла совершенно неизвѣстны наукѣ: ни г. Мордовцевъ, ни тѣмъ болѣе г. Дубакинъ не имѣли подъ руками заключающихся въ нихъ документовъ и руководились, вслѣдъ за г. Добротворскимъ, при изложеніи исторіи обращенія этихъ монастырей только „*Историческимъ описаніемъ*“ Г. И. Чернышевскаго и сборникомъ преосвящ. Іакова.

V) На Иргизѣ, послѣ обращенія монастырей въ единовѣріе, не осталось никакихъ письменныхъ памятниковъ предшествовавшей эпохи. Объ этомъ свидѣтельствовалъ въ 1829 году инокъ Арсеній, въ этомъ-же убѣдился я и лично, посѣтивъ осенью 1884 года Иргизъ. Въ архивѣ Нижне-Воскресенскаго монастыря уцѣлѣло всего два документа отъ дней раскола: это приговоры братіи объ избраніи настоятеля, относящіеся къ 1820 и 1825 годамъ. Бумаги, говорящія о присоединеніи монастырей къ единовѣрію, не даютъ почти ничего новаго: за небольшимъ исключеніемъ, въ нихъ содержится тоже самое, что извѣстно уже изслѣдователю по нѣкоторымъ изъ перечисленныхъ выше рукописей и архивныхъ дѣлъ.

VI) Изъ дѣлъ архива канцеляріи самарскаго епископа останавливаютъ на себѣ вниманіе только очень немногія. Очевидно, изъ Саратова было передано туда далеко не все, что относилось къ исторіи раскола въ заволжской части Саратовскаго края, вошедшей въ составъ образованной въ 1850 году Самарской губерніи. Но изъ этихъ „немногихъ“ два имѣютъ весьма существенное значеніе, ибо касаются присоединенія къ единовѣрію Средняго и Верхняго Иргизскихъ монастырей и даютъ нѣсколько въ высшей степени любопытныхъ и драгоцѣнныхъ документовъ, необходимыхъ для полной характеристики самыхъ видныхъ дѣятелей въ исторіи присоединенія и для возстановленія въ истинномъ видѣ всѣхъ деталей этого присоединенія.

VII) Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что изслѣдователь саратовскаго раскола не мало цѣннаго матеріала могъ-бы найти въ архивныхъ дѣлахъ Секретнаго совѣщательнаго комитета, открытаго

въ Саратовѣ по Высочайшему повелѣнію 5-го мая 1839 года; но мѣстонахожденіе архива этого комитета мною отыскано не было. Если допустить даже, что, на основаніи второго параграфа Высочайшаго повелѣнія о секретныхъ совѣщательныхъ комитетахъ, дѣла, подлежавшія разсмотрѣнію саратовскаго комитета, вносились членами его въ подлинникѣ, а не въ видѣ особыхъ записокъ [1]), то и тогда долженъ-же быть какой-нибудь архивъ, хотя-бы состоявшій только изъ однихъ протоколовъ комитета съ занесенными въ нихъ предметами совѣщанія и принятыми рѣшеніями. Ни при канцеляріи саратовскаго губернатора, ни въ канцеляріи епископа такихъ журналовъ не оказалось и куда они исчезли—никому не извѣстно. Трудно предположить, конечно; чтобы они остались послѣ закрытія комитета въ рукахъ дѣлопроизводителя его, протоіерея Василія Полянскаго, хотя такое предположеніе въ существѣ дѣла не представляетъ ничего невозможнаго. Какъ-бы то ни было, только за отсутствіемъ журналовъ совѣщательнаго комитета изслѣдователь саратовскаго раскола ничего, разумѣется, не можетъ сказать о дѣятельности комитета: комитетъ существовалъ—это фактъ, но въ какой мѣрѣ оправдалъ онъ возлагавшіяся на него надежды—объ этомъ можно строить одни гипотезы.

VIII) Нѣсколько меньше обманываетъ надежды изслѣдователя архивъ саратовскаго окружнаго суда съ хранящимися въ немъ дѣлами бывшей уголовной палаты и уѣздныхъ судовъ. Правда, большинство раскольническихъ дѣлъ этого архива относится къ половинѣ текущаго столѣтія, но есть и нѣсколько дѣлъ болѣе ранняго времени. Эти дѣла, имѣющія своимъ предметомъ укрывательство бѣглыхъ, открытіе часовень и молельныхъ домовъ, совращеніе въ расколъ, устройство раскольническихъ школъ для обученія дѣтей грамотѣ, совершеніе требъ бѣглыми священниками и т. п., освѣщаютъ до извѣстной степени тѣ или другіе факты изъ жизни раскола не историческаго лишь, но отчасти и бытового характера. Можно только пожалѣть, что такихъ дѣлъ сохранилось очень мало. Судьба какъ-будто нарочно заботилась объ исчезновеніи разныхъ бумагъ, имѣющихъ соотношеніе съ саратовскимъ расколомъ: въ губернскомъ правленіи и канцеляріи губернатора ихъ истребляетъ пожаръ, въ консисторіи—ихъ выкрадываютъ или, на ряду съ не-

[1]) „Собр. постановл. по части раскола по вѣдом. М. В. Д.“, стр. 218.

нужнымъ хламомъ, жгутъ для очищенія мѣста; въ уѣздныхъ судахъ—ихъ ѣдятъ мыши, или сами они гніютъ отъ сырости и исчезаютъ безслѣдно отъ неизвѣстныхъ причинъ.

Обзоръ печатныхъ источниковъ и пособій, существующихъ въ русской литературѣ по предмету моего труда, приводитъ къ убѣжденію, что наукой до сего времени сдѣлано очень мало для знакомства съ расколомъ Саратовскаго края. Обзоръ рукописной литературы предмета и архивовъ, въ которыхъ есть имѣющія къ нему то или другое отношеніе дѣла, убѣждаетъ, что для этого знакомства можно сдѣлать гораздо больше. Обязанность изслѣдователя, который возьметъ на себя задачу пополненія этого пробѣла въ области расколовѣдѣнія, состоитъ, по моему мнѣнію, прежде всего въ приложеніи къ имѣющемуся въ его распоряженіи матеріалу строго-научнаго метода исторической критики, въ осторожномъ отношеніи къ собранному имъ матеріалу и въ постоянномъ сопоставленіи вновь открытаго съ раньше извѣстнымъ. Говорятъ, нѣтъ ничего благодарнѣе работы по первоисточникамъ, а изслѣдователю саратовскаго раскола съ первоисточниками по преимуществу и придется имѣть дѣло,—но вѣдь въ тоже время нѣтъ ничего труднѣе и отвѣтственнѣе ея: ошибки и увлеченія, нежелательныя вообще въ ученыхъ трудахъ, въ данномъ случаѣ представляются еще болѣе нежелательными, ибо читателю трудно, а подчасъ и совершенно невозможно провѣрить автора. Въ виду этого обстоятельства я намѣренъ не только со всей осторожностью и внимательностью относиться къ имѣющимся у меня въ рукахъ даннымъ и пользоваться ими лишь послѣ тщательной провѣрки, послѣ холоднаго и безпристрастнаго анализа, но и самую, такъ сказать, операцію провѣрки думаю производить, по мѣрѣ возможности, на глазахъ читателя: благодаря такому пріему, у него не останется возможности сомнѣваться въ правильности и подлинности передаваемыхъ фактовъ.

Догматическую сторону раскола, равно какъ и полемику съ нимъ, я оставляю въ сторонѣ: съ точки зрѣнія догматической расколъ Саратовскаго края ничѣмъ не отличается отъ русскаго раскола вообще, а этотъ послѣдній вполнѣ удовлетворительно разобранъ въ такихъ капитальныхъ произведеніяхъ нашей богословско-полемической литературы, какъ *„Бесѣды къ глаголемому старообрядцу“*

митрополита Филарета, *„Истинно-древняя и истинно-православная церковь“* митрополита Григорія и т. п. Правда, въ числѣ другихъ придется говорить о толкахъ чисто мѣстнаго происхожденія, едва-ли даже извѣстныхъ за предѣлами Саратовской губерніи; но эти толки теперь сдѣлались уже достояніемъ исторіи: они постепенно растеряли своихъ адептовъ, вымерли и заглохли. Полемизировать съ ними заднимъ числомъ и неудобно, и безполезно, да при томъ же исторія и не ведетъ полемики: она судитъ прошлое тѣмъ, что представляетъ его въ истинномъ свѣтѣ. Такой судъ для всего, что не отъ истины,—и самый лучшій, и самый страшный судъ.

Итакъ, направленіе моей работы—историко-критическое. Что касается плана ея, то мнѣ представляется наиболѣе цѣлесообразнымъ слѣдовать за естественнымъ ходомъ событій, помимо всякихъ искуственныхъ, замысловатыхъ дробленій на отдѣлы и рубрики. Хронологическій порядокъ изложенія исторіи саратовскаго раскола дастъ возможность безъ всякихъ неудобствъ и затрудненій возстановить въ цѣломъ видѣ, согласно сохранившимся памятникамъ, раскинувшуюся на пространствѣ двухъ столѣтій широкую картину роста раскола, его борьбы съ православіемъ, его внѣшняго могущества и внутренняго разложенія и перерожденія, всѣхъ созданныхъ имъ особенностей и формъ церковно-обрядоваго и общественно-бытового характера.

ГЛАВА I.

Предѣлы Саратовскаго края за время до 50-хъ годовъ настоящаго столѣтія.—Природа края и его постепенное заселеніе.—Два пути движенія колонизаціонныхъ элементовъ.—Первоначальная колонизація Заволжья.—Усиленіе колонизаціи со дней Петра I.—Составъ и основные элементы саратовскаго населенія.—Занесеніе раскола въ саратовскіе предѣлы.—Участіе раскольниковъ въ поволжскихъ народныхъ движеніяхъ.—Развитіе раскола въ Саратовскомъ краѣ со временъ Петра.—Первоначальная форма, въ которой появился здѣсь расколъ.—Отсутствіе свѣдѣній о его жизни въ саратовскихъ предѣлахъ до временъ Екатерины.—Появленіе скитовъ на южной саратовской окраинѣ.—Безплодность правительственной борьбы съ расколомъ.—Баратаевская промеморія.

До 50-хъ годовъ настоящаго столѣтія Саратовскій край вмѣщалъ въ своихъ предѣлахъ всѣ земли въ нижнемъ теченіи Волги, по обѣимъ сторонамъ этой рѣки, отъ границъ губерній Симбирской и Пензенской на сѣверѣ до границъ губерніи Астраханской—на югѣ и отъ земли Войска Уральскаго—съ востока до земли Войска Донского, губерній Воронежской и Тамбовской—съ запада. Такимъ образомъ въ составъ этого края входили всѣ земли нынѣшней Саратовской губерніи, лежащія на правой, нагорной сторонѣ Волги, съ прибавленіемъ громадныхъ пространствъ по луговому волжскому берегу, отошедшихъ впослѣдствіи къ губерніямъ Самарской и Астраханской. По преданію [1]), болѣе, чѣмъ вѣроятному и находящему подтвержденіе въ сохранившихся историческихъ документахъ, все это громадное пространство земель, не будучи краемъ совершенно лѣснымъ, какъ сѣверная Россія, тѣмъ не менѣе въ былые дни изобиловало растительностью. Темные боры тянулись по кряжамъ приволжскихъ горъ; въ тѣни старыхъ дубовыхъ лѣсовъ текли Хоперъ и Медвѣдица; всюду высились густыя рощи, а между ними разстилалась степь, поросшая высокой травой. Даже по степнымъ рѣчкамъ Заволжья зеленѣли лѣса и лѣсочки: пустынная нынѣ мѣстность Царевскаго уѣзда была покрыта густой травой, а близь воды росъ „частый, непроходимый лѣсъ“ [2]). По географическому положенію Саратовскій край принадлежитъ къ умѣренному

1) Фадѣевъ, Оч. стат. опис. Сар. губ., 56 (рукоп. Имп. Рус геогр. общ.)
2) Рук. Сар. сем. библ., № 2663, л. 24.

поясу, но, растянувшись по меридіану на 5 градусовъ, онъ представляетъ значительную разницу въ климатѣ сѣверныхъ своихъ частей и южныхъ. Въ то время, какъ въ лѣсахъ верхней полосы стелится брусника, на полянахъ нижней тянется къ небу пирамидальный тополь, растетъ шелковица, зрѣетъ виноградъ; тамъ—черные и бурые медвѣди, рыси, лоси, куницы, болотная и лѣсная пернатая дичь, а здѣсь—свищетъ надъ своей норой сусликъ, порхаетъ хохлатая потатуйка, величественно плаваетъ въ вышинѣ бѣлоголовый орелъ, грѣется на солнцѣ пестрая ящерица, копошится тарантулъ [1]). Но, при всей разницѣ климатическихъ условій, обѣ половины края почти равно надѣлены были природными богатствами. Дичь водилась въ чрезвычайномъ множествѣ, табуны дикихъ лошадей и стада сайгаковъ тысячами бродили по степямъ. Кабаны и медвѣди населяли лѣса, наполненные роями дикихъ пчелъ; вереницы лебедей сплошь покрывали степныя рѣчки. Въ дремучихъ борахъ, подъ которыми верхнія части края сливались со средней полосой государства, водились пушные звѣри, нынѣ ютящіеся въ сѣверныхъ дебряхъ: въ писцовыхъ книгахъ Шацкаго уѣзда подъ 1622 годомъ упоминается о „бобровыхъ гонахъ“ въ верховьяхъ Медвѣдицы [2]). Прибавьте къ этому дѣвственную силу природы, тучность почвы, дававшей неслыханные урожаи, изобиліе водъ и пастбищъ,—въ одной нагорной части края рѣкъ и рѣчекъ, кромѣ озеръ, считается до 236 [3]),—и легко будетъ понять, что еще въ древнія времена этотъ богатый край не могъ не обратить на себя вниманія насельниковъ центральной мѣстности Московскаго государства, особенно когда онъ, съ паденіемъ татарскихъ царствъ Казанскаго и Астраханскаго, вошелъ въ составъ русскихъ владѣній. Нельзя, однако, сказать, что только съ этого времени, т. е. съ половины XVI столѣтія, русскіе познакомились со здѣшними мѣстами. Напротивъ, есть положительныя свѣдѣнія о томъ, что русскіе бывали, а отчасти, быть можетъ, и водворялись здѣсь съ весьма давнихъ поръ. Лучшимъ доказательствомъ служитъ учрежденіе въ 1261 г. особой епископской кафедры въ Сараѣ, епархія которой захватывала часть Саратовскаго края. Другая часть нѣсколько позже подчинена была

1) Рук. Сар. сем. библ., № 2662, 245.
2) Перетятковичъ, Поволжье въ XVII и въ началѣ XVIII вѣка, 223. Одесса, 1882.
3) Фадѣевъ, loc. cit., 10.

въ церковномъ отношеніи епископу рязанскому. Такъ, въ грамотѣ митрополита Ѳеогноста (1334—1353 гг.) на Червленный Яръ говорится: „...Азъ... разсудилъ есмь... что держати Владыцѣ Рязаньскому передѣла того всего, по Великую Ворону“ [1]). Это, само по себѣ довольно темное, указаніе мѣсгности, подчиненной рязанскому епископу, нѣсколько разъясняется грамотой митрополита Алексѣя, писанной около 1360 г. по тому-же адресу: „...о томъ-же передѣлѣ, по Великую Ворону, возлѣ Хопорь, до Дону, по карауломъ, церкви... и явлено есть, и вси вѣдаютъ, что тотъ передѣлъ не Сарайскій... и нынѣ послалъ есмь къ вамъ Владыку Рязанского Василья съ грамотою своею: и вы поминайте его, а пошлину церковную давайте ему по обычаю“ [2]).

Такимъ образомъ ко второй половинѣ XIV вѣка въ предѣлахъ саратовскихъ несомнѣнно были уже русскія поселенія, хотя, вѣроятно, весьма рѣдкія и немноголюдныя, и съ этого времени началась колонизація края. О постепенномъ ходѣ ея до конца XVI столѣтія мы не имѣемъ почти никакихъ свѣдѣній и можно только догадываться о тѣхъ путяхъ, по которымъ проникали въ здѣшнія мѣстности первые поселенцы. Правильная колонизація Саратовскаго края русскими началась прежде всего съ сѣверо-западной границы его, съ мѣстъ при-хоперскихъ, т. е. съ нынѣшнихъ уѣздовъ Сердобскаго, Кузнецкаго и Балашовскаго. Мы видѣли сейчасъ, что въ древнихъ актахъ еще въ половинѣ XIV столѣтія упоминаются караулы „возлѣ Хопорь до Дону.“ Далѣе есть свѣдѣнія, указывающія, что нѣкоторыя изъ нынѣшнихъ сердобскихъ селъ по правому берегу Хопра существовали уже въ концѣ XVI вѣка: въ Старо-Мещерскомъ, напримѣръ, открытъ былъ въ 1598 году особый церковный приходъ [3]). Такое показаніе весьма вѣроятно, потому что сѣверо-западная часть Саратовскаго края примыкала къ тѣмъ областямъ, которыя давно уже входили въ составъ Московскаго государства. Селиться здѣсь, на окраинѣ, подъ прикрытіемъ старѣйшей по времени учрежденія „сторожевой линіи“, направлявшейся по Дону, который служилъ тогда главнымъ путемъ сообщенія Москвы съ Царьградомъ, было, конечно, и выгоднѣе и удобнѣе, нежели въ

[1]) Акты Историческіе. Т. I, № I, стр. 1. Спб. 1841.
[2]) Ibidem, 4.
[3]) Имп. Публ. библ., fol., I, № 527 (безъ перемѣтки листовъ).

другихъ, болѣе центральныхъ мѣстностяхъ нашего края [1]). Справедливость этого соображенія подтверждается и нѣкоторыми фактами: въ пользу его говоритъ и большая плотность населенія сѣверо-западнаго угла Саратовскаго края, и болѣе равномѣрное размѣщеніе здѣсь селеній,—въ общемъ можно допустить, что чѣмъ ранѣе заселенъ край; тѣмъ равномѣрнѣе въ немъ расположены селенія и тѣмъ они мельче [2]),—и, наконецъ, самыя названія здѣшнихъ русскихъ поселеній, которыя своею формою напоминаютъ подмосковную Русь,—Бѣльщина, Трубетчина, Хованщина, Волынщина, Волхонщина, Полянщина, и т. д. Гораздо позже должны были появиться поселенія на лѣвомъ берегу Хопра. Ровное, открытое пространство между этой рѣкой и Медвѣдицей, захватывающее добрую треть всей нагорной полосы Саратовскаго края, ничѣмъ не было защищено отъ нападеній ордынцевъ и разныхъ разбойничьихъ шаекъ: ногаи, а позже калмыки, даже въ половинѣ XVII столѣтія приходили подъ Саратовъ, который удаленъ отъ Медвѣдицы всего на 60—80 верстъ, и „приходя, городы и уѣзды воюютъ, и села и деревни жгутъ.... людей побиваютъ и въ полонъ емлютъ“ [3]); а по Медвѣдицѣ разбойничала въ послѣднихъ годахъ XVI столѣтія шайка Трени Щеголева, котораго въ 1590 году, по приказанію саратовскаго воеводы, князя Засѣкина, Микитка Болдырь, волжскій атаманъ, „изымалъ и привелъ на Саратовъ“ [4]). При такихъ условіяхъ, разумѣется, только немногіе рисковали переходить за Хоперъ съ цѣлью основать постоянное мѣстопребываніе и только въ XVII вѣкѣ началось заселеніе мѣстности между Хопромъ и Медвѣдицей, значительно спустя послѣ постройки новаго сторожевого пункта—Саратова. Въ первой четверти этого вѣка, какъ свидѣтельствуетъ одинъ историческій документъ, помѣченный 1622 годомъ, нѣкоторые крестьяне дворцовыхъ деревень Шацкаго уѣзда владѣли на оброкѣ бортными ухожами, рыбными ловлями и бобровыми гонами „на рѣкѣ на Медвѣдицѣ, отъ рѣчки Князевки вверхъ по Медвѣдицѣ, по обѣ стороны, до верховъ, и съ малыми рѣчками“ [5]). Но всѣ эти первые колонизаторы сѣверо-западной окраины Саратовской

1) Списки насел. мѣстъ. Сар. губ., стр. XXVIII. Спб. 1862.
2) Ibidem, XXIV.
3) Акты Истор. IV, № 32, стр. 110.
4) Ibidem, I, № 230, стр. 445.
5) Перетятковичъ, loc. cit., 223.

губерніи не могли быть многочисленны и особенно сильный приливъ населенія начался не ранѣе второй половины или даже конца XVII столѣтія: къ 1700 году извѣстно восемь приходовъ въ предѣлахъ Сердобскаго уѣзда (Старо-Мещерское, 1598 годъ; Ртищево, 1666 годъ; Бековo, 1671 годъ; Никольское, 1679 годъ; Аничкино, 1693 годъ; Хованщина, 1695 годъ; Долгоруково, 1697 годъ; Изнаиръ, 1699 годъ); десять въ Кузнецкомъ (Чибирлей, 1604 годъ; Камышлейка, 1674 годъ; Труево-Никольское, 1688 годъ; Труево-Богоявленское, 1691 годъ; Траханіотово, 1691 годъ; Нижнее Аблязово, 1695 годъ; Верхнее Аблязово, 1696 годъ; Комаровка, 1696 годъ; Камешкиръ, 1697 годъ; Ульяновка, 1698 годъ); два—въ Петровскомъ (Синенькіе, 1616 годъ; Петровскъ, 1696 годъ); одинъ—въ Балашовскомъ (Большой Карай, 1695 годъ) и, вѣроятно, три въ сѣверо-западной части Саратовскаго [1]).

Другимъ путемъ, по которому русскій элементъ постепенно вдвигался въ предѣлы нашего края, была Волга. Еще во дни татарскаго владычества открытъ былъ этотъ путь и съ теченіемъ времени переселенцы все болѣе и болѣе начали пользоваться имъ. Сохранилось преданіе, по которому селеніе Сосновый Островъ (нынѣ Хвалынскъ) основано будто-бы митрополитомъ Алексѣемъ, во время его поѣздокъ въ Орду. Опираясь на это преданіе, жители Хвалынска считаютъ святого Алексѣя своимъ заступникомъ и почти всѣ имѣютъ его образъ [2]). Само по себѣ это преданіе не заключаетъ ничего невѣроятнаго и хотя невозможно пока подкрѣпить его документальными данными, но оно важно въ томъ отношеніи, что указываетъ на одинъ изъ видовъ заселенія приволжскихъ мѣстностей. Русскіе князья нерѣдко бывали въ Ордѣ: то за ярлыками на княженіе, то съ данью, то за разбирательствомъ споровъ. Не мало русскихъ жило въ ордынской столицѣ по дѣламъ торговымъ или состояло на службѣ ханской. Путь, которымъ пробирались всѣ эти люди въ Орду,—по преимуществу, путь волжскій. Весьма возможно, что при такихъ поѣздкахъ иные прельщались красотой мѣстоположенія или соблазнялись богатствомъ природы и селились на берегахъ Волги въ саратовскихъ предѣлахъ. Не подле-

[1]) Имп. Публ. библ., № 527; Ниж. сем. библ., № 3774; Сар. сем. библ., № 2662, 22, 25.

[2]) Фадѣевъ, loc. cit., 50.

житъ, конечно, никакому сомнѣнію, что охотниковъ селиться въ пустынномъ, хотя и богатомъ краю, было сначала немного. Когда порушилась Большая Орда и цари ордынскіе начали жить въ Астрахани, когда вслѣдъ затѣмъ порушилось и царство Казанское съ Астраханскимъ,—колонизація поволжскихъ окраинъ должна была усилиться. Но и теперь, несмотря на всѣ выгоды обитанія въ немъ, эта колонизація не могла идти вполнѣ успѣшно, ибо ей сильно вредили многочисленныя орды дикихъ инородцевъ. Правительству предстояла задача—обезопасить край отъ набѣговъ этихъ ордъ. Со времени Ѳеодора Ивановича оно и принялось за выполненіе этой задачи, учредивъ прежде всего линію разъѣздовъ и сторожъ по Волгѣ отъ Нижняго Новгорода до Астрахани и даже далѣе—до Терека. Затѣмъ послѣдовало строеніе укрѣпленныхъ городовъ по нагорному берегу Волги, причемъ на первый разъ явились Царицынъ и Саратовъ. Опредѣлить время постройки того и другого довольно затруднительно. Несомнѣнно одно, что оба они возникли не позже 1589 года [1]). Эти два города сдѣлались центрами, изъ которыхъ воеводы разсылали воинскихъ людей противъ смѣльчаковъ, собиравшихся на Волгѣ и сосѣднихъ рѣкахъ для грабежа или вторженія въ русскія окраины, и единственными во всемъ низовомъ Поволжьи пунктами, на которыхъ новые переселенцы могли утвердиться прочной осѣдлостью. Охотниковъ идти изъ старинныхъ областей Московской Руси на новыя мѣста теперь, благодаря реформамъ Годунова, было не мало: отмѣна Юрьева дня дала саратовскому Поволжью не одну тысячу бѣглецовъ. Холопы и пашенные крестьяне, не хотѣвшіе помириться съ возникавшимъ крѣпостнымъ правомъ, отягощенные оброками и податями, толпами бѣжали на Волгу и ставили свои починки и заимки по такимъ мѣстамъ, гдѣ до того времени не видно было человѣческихъ слѣдовъ [2]). Нѣсколько позже къ нимъ присоединились и остатки вольницы, которая въ смутныя времена самозванчества занималась разбоями и грабежами по всему лицу земли русской, а потомъ, разбитая и разсѣянная, должна была скрываться въ дремучія дебри низоваго Поволжья отъ грозившихъ безшабашнымъ удальцамъ кнутовъ и висѣлицъ. Впрочемъ, излюбленнымъ мѣстомъ поселенія новыхъ выходцевъ этого времени были окрестности сторо-

[1]) Перетятковичъ, Поволжье въ XV и XVI вѣкахъ, 317—321. Москва, 1877.
[2]) Фадѣевъ, loc. cit., 57.

жевыхъ станцій—Саратова и Царицына. Они упорно садились около этихъ городковъ, тогда какъ пространство земли между этими городами и отъ прибрежья Волги до лѣваго берега Хопра оставалось пустымъ: тутъ смѣло дѣйствовали многочисленныя шайки „воровскихъ казаковъ“ и разныхъ „гулящихъ людей,“ то бродившія по степямъ, то рыскавшія на лодкахъ по рѣкамъ; грозный окрикъ ихъ „сарынь на кичку“ не могъ, разумѣется, быть по сердцу мирнымъ поселянамъ. Совершенная незаселенность полосы между Хопромъ и Медвѣдицей явствуетъ изъ словъ самарскаго воеводы, князя Дмитрія Пожарскаго, который въ маѣ 1614 г. писалъ: „изъ Самарскаго на Донъ степью никто не знаетъ“[1]). Правительству некогда было заниматься обезпеченіемъ этой мѣстности отъ набѣговъ чужихъ и своихъ хищниковъ: все вниманіе его сосредоточивалось на обезпеченіи свободы плаванія по Волгѣ. Дошедшіе до насъ различные акты XVII вѣка постоянно напоминаютъ саратовскимъ и царицынскимъ воеводамъ, чтобы они при отправленіи людей изъ одного города въ другой наблюдали крайнюю осторожность. Съ цѣлью обезопасить нѣсколько огромное разстояніе между Саратовомъ и Царицыномъ, на мѣстѣ нынѣшняго Камышина скоро придумали устроить, такъ сказать, передвижную крѣпость: „а надъ рѣчкой (Камышинкой),—читаемъ въ одномъ соловецкомъ сборникѣ XVII вѣка,—стоитъ высокій острожекъ: тутъ стоитъ по 500 и по 700 стрѣльцовъ казанскихъ пригородныхъ съ весны до осени; а какъ осенью пойдутъ съ осеннимъ астраханскимъ товаромъ, тогда острожекъ сожгутъ“[2]).

Въ то время, какъ правый берегъ Волги мало-по-малу, шагъ за шагомъ заселялся частью служилыми людьми, отправлявшимися сюда для несенія кордонной службы,—таковы были московскіе стрѣльцы, носившіе здѣсь названіе „ружниковъ“; частью преступниками, которые, по принятому изпреле обычаю, ссылались въ видѣ наказанія на эту отдаленную окраину государства[3]),—такъ въ 1683 году, послѣ стрѣлецкаго бунта, сюда выслано было изъ Москвы не мало стрѣльцовъ-раскольниковъ[4]), которые и поселились именно на правомъ берегу Волги: въ Хвалынскомъ уѣздѣ доселѣ

---

1) Акты Истор., III, № 260, стр. 427.
2) Щаповъ, Раск. старообряд., 260.
3) Сар. сем. библ., № 2663, 14.
4) Акты Арх. эксп., IV, № 280.

сохранились о нихъ преданія и многіе раскольники отъ нихъ считаютъ свое происхожденіе[1]); частью разными бѣглецами, обыкновенно направлявшими путь въ такъ называемые низовые украинные города; частью-же добровольными выходцами, которымъ почему-либо становилось тѣсно на мѣстахъ рожденія,—луговой оставался во всей своей дѣвственной неприкосновенности: его топталъ лишь дикій сайгакъ да такой-же дикій калмыкъ или ногай. Ближайшее знакомство съ нимъ русскихъ относится къ первой половинѣ XVII столѣтія. Въ 1632 году Новоспасскій монастырь получилъ отъ Михаила Ѳеодоровича жалованную грамоту, которой ему за ежегодный 20-рублевый оброкъ предоставлены были „Саратовскія Иргизскія рыбныя ловли отъ Канины Тубы внизъ по Волгѣ по нижнюю изголовь осиноваго куста". Съ этого времени ловецкія ватаги начали пѣнить воды излучистаго Иргиза. Здѣшнія рыбныя ловли, должно быть, приносили монастырю хорошій доходъ, потому что 20 лѣтъ спустя, при Алексѣѣ Михайловичѣ, братія изъявила желаніе расширить въ этой мѣстности свой промыселъ и съ этой цѣлью выхлопотала новую грамоту (въ 1653 году), по которой, за прибавку къ старому оброку 17 руб. и 7 алтынъ, монастырю отдавалась, кромѣ обоихъ Иргизовъ, и рѣка Терса съ нагорной стороны Волги[2]). Впрочемъ, эксплоатируя рыбныя ловли Заволжья, монастырь не находилъ нужнымъ, а быть можетъ и возможнымъ основать здѣсь постоянныя поселенія: послѣднія явились только къ концу XVII или въ самомъ началѣ XVIII вѣка. Его привлекала больше нагорная сторона и вотъ, въ девяностыхъ годахъ XVII столѣтія, монастырскія власти обращаются къ правительству съ ходатайствомъ объ отводѣ примыкающихъ къ ихъ водамъ земель „со всѣми угодьи" въ вотчину Новоспасскому монастырю „безъ мѣры, по старымъ урочищамъ". Не дожидаясь формальнаго отвода просимыхъ земель, въ полной увѣренности, что ходатайство будетъ уважено, монастырь поспѣшилъ перевесть сюда нѣкоторыхъ своихъ крестьянъ „изъ разныхъ вотчинъ" и такимъ образомъ къ 1699 году построилъ два села: Малыковку — на Волгѣ и Терсу — на рѣкѣ Терсѣ [3]). Одновременно съ Новосспаскимъ монастыремъ получилъ громадныя земельныя угодья „въ Змѣевыхъ горахъ", на

1) Ниж сем. библ., № 3774, 209.
2) Перетятковичъ, Поволжье въ XVII и XVIII в., 241.
3) Ibidem, 242.

Волгѣ, и монастырь Воскресенскій. Этотъ тоже не замедлилъ засе́лить свой участокъ и возникшее еще въ половинѣ XVII столѣтія село Воскресенское теперь значительно увеличилось крестьянами, переведенными сюда изъ другихъ монастырскихъ вотчинъ, съ присоединеніемъ къ нимъ разныхъ бѣглецовъ и гулящаго люда[1]). Такимъ образомъ ватаги рыболововъ постепенно стали смѣняться постоянными поселеніями въ предѣлахъ нынѣшняго вольскаго уѣзда. Къ концу XVII вѣка начала понемногу расширяться и колонизація теперешняго хвалынскаго уѣзда. Здѣсь усердно старался о заселеніи свободныхъ земель Чудовъ монастырь, особенно когда вслѣдъ за добытымъ у царя Василія Шуйскаго въ 1606 году правомъ на рыбныя ловли „въ тихихъ Сосновыхъ водахъ, отъ Чернаго затону внизъ Волги рѣки на 45 верстъ до устья Елань-Иргиза“, онъ исходатайствовалъ себѣ въ 1685 году у правительства и право на владѣніе пустопорожнимъ нагорнымъ берегомъ Волги, котораго „не снимаетъ водою“ во время разлива. Въ 1699 году монастырь разомъ перевелъ въ село Сосновый Островъ до трехъ-сотъ душъ крестьянъ изъ другихъ своихъ вотчинъ[2]). Параллельно съ распространявшимися монастырскими поселками, очевидно, заводились здѣсь и поселенія частныхъ людей, ибо чудовскіе монахи въ своемъ прошеніи на имя великихъ государей заявляютъ, что въ это время „учали на Волгѣ новые городы строить, и земли и угодья въ дачи давать“, а потому они и опасались, „чтобъ которые люди тѣхъ береговыхъ угодій (для монастыря нужныхъ) не заняли подъ пашни и сѣнокосы“ и чтобъ имъ, монахамъ, отъ поселенцевъ „тѣсноты не было“[3]). О „тѣснотѣ“ монахи упоминаютъ, конечно, только для большей убѣдительности своей просьбы, но что переселенцы въ мѣстностяхъ хвалынскаго уѣзда къ началу 1700-хъ годовъ стали значительно умножаться, сравнительно съ предыдущей эпохой,—это не подлежитъ сомнѣнію. Къ обычнымъ мотивамъ переселенія прибавился теперь еще новый и весьма важный,—гоненіе за содержаніе древляго благочестія,—и число элементовъ бродячей Руси, естественно, должно было значительно увеличиться. Нижнее Поволжье представляло для бѣглецовъ всѣ удобства,—и въ смыслѣ отдаленности края отъ административныхъ центровъ, и въ смыслѣ легкости

1) Перетятковичъ, Поволжье въ XVII и XVIII в., 244.
2) Сар. сем. библ., № 2663, 34.
3) Перетятковичъ, loc. cit., 239—241.

пробраться сюда по великому волжскому пути, и, наконецъ, въ смыслѣ природныхъ богатствъ его. Между тѣмъ, къ концу XVII столѣтія нашъ край былъ, несомнѣнно, очень хорошо извѣстенъ насельникамъ центральныхъ областей Московскаго государства: бунты самозванческіе, въ которыхъ не послѣднее участіе принимали волжскіе казаки, а особенно бунтъ Стеньки Разина, цѣлыхъ пять лѣтъ работавшаго по Волгѣ и Каспію, должны были познакомить ихъ съ этимъ своеобразнымъ краемъ. Благодаря такому знакомству, по волжскому берегу начинаютъ все чаще и чаще основываться хутора бѣглыхъ крестьянъ и стрѣльцовъ, являвшихся по преимуществу изъ окрестностей Нижняго Новгорода[1]). Хутора эти были рѣдки и разбросанны, но тѣмъ не менѣе это были первыя начала водворенія гражданственности въ здѣшнихъ мѣстахъ.

Тревожное царствованіе Петра I, невыносимый гнетъ Бироновскаго самовластія, правленіе благочестивой „дщери“ великаго отца, рядъ внутреннихъ смутъ и нестроеній и тяжесть внѣшнихъ войнъ, въ связи съ постепеннымъ улучшеніемъ условій жизни въ Саратовскомъ краѣ, съ увеличеніемъ гарантій имущественной и личной неприкосновенности переселенцевъ, усиливали въ значительной степени наплывъ новыхъ массъ. Все, что возмущалось противъ ненавистной русскому человѣку „нѣметчины“, все, что было разорено поборами, что лишилось торга и промысловъ,—все находило на Волгѣ убѣжище отъ сысковъ и поисковъ, все могло отдохнуть здѣсь душой. Неоплатные должники, избѣгая вѣковѣчнаго холопства или страшнаго правежа, спѣшили сюда-же,—сложилась на Руси даже особая пословица: „нечѣмъ платить долгу, такъ пойду на Волгу“,—и темные лѣса радушно принимали всякаго новаго насельника и не выдавали его чужанину. О количествѣ бѣглецовъ, искавшихъ здѣсь убѣжища, можно судить по слѣдующему заявленію депутата Сергія Мясоѣдова, сдѣланному Екатерининской комиссіи для составленія новаго Уложенія: „Будучи въ сыскной командѣ, въ 1742 и 1743 годахъ одинъ нашелъ въ Саратовѣ и въ его уѣздѣ, по рѣкѣ Волгѣ, на судахъ и хуторахъ, до 5000 бѣглыхъ, въ томъ числѣ солдатъ, драгунъ, матросовъ, рекрутъ“[2]). Колонизаціонный процессъ сталъ совершаться интенсивнѣе и быстрѣе по

[1]) Саратов. Сборникъ, II, 177. Саратовъ, 1882.
[2]) Сборн. Имп. рус. ист. Общ., IV, 117.

обоимъ указаннымъ выше направленіямъ: и со стороны приволжскихъ мѣстностей, и со стороны сѣверо-западной границы. Медленнѣе возникали селенія только въ южной части края, потому что тутъ почва была бѣднѣе, а нападенія разныхъ лихихъ людей—чаще. Попытка правительства искуственно вызвать приливъ сюда колонистовъ не удалась: на вызовъ въ 1731 году желающихъ поселиться близъ такъ называемой царицынской линіи, представлявшей собой укрѣпленный палисадомъ земляной валъ между Царицыномъ и Дономъ, откликнулись очень немногіе, хотя правительство давало на первоначальное обзаведеніе и денегъ и хлѣба. Въ виду такой неудачи, указомъ Анны Ивановны въ 1732 году между Царицыномъ и Камышиномъ велѣно было поселить 1057 семей донскихъ казаковъ, подъ начальствомъ атамана Макара Персидскаго, „ради прикрытія тамо селенія отъ набѣговъ калмыцкихъ и ногайскихъ татаръ и для содержанія царицынской линіи“, т. е. для несенія кордонной службы[1]). Эти переведенцы образовали новое казачье войско, получившее названіе Волжскаго; главнымъ пунктомъ его назначена Дубовка. Впрочемъ, казаки пробыли на отведенныхъ имъ мѣстахъ очень недолго: въ 1777 году большая часть ихъ за участіе въ пугачевскомъ бунтѣ была переведена отсюда на Терекъ. Далѣе, начиная съ 1737 года, въ теченіи ровно 40 лѣтъ, по распоряженію правительства, въ Антиповку, камышинскаго уѣзда, ссылались преступники, которые работали здѣсь подъ именемъ каторжниковъ въ каменоломняхъ: камень нуженъ былъ для постройки казенныхъ зданій въ Астрахани и для устройства валовъ и батарей въ Камышинѣ; но въ 1777 году ссылка прекратилась и каменоломни были заброшены[2]).

Какъ въ существѣ дѣла незначительно еще было населеніе Саратовскаго края въ первой половинѣ XVIII столѣтія, лучше всего видно изъ слѣдующихъ цифръ. Къ началу царствованія Екатерины II въ Петровскѣ съ его уѣздомъ числилось 8669 душъ, въ Саратовѣ—6985, въ Дмитріевскѣ (нынѣ Камышинъ)—1129 и въ Царицынѣ—679; при этомъ послѣдніе три города показаны безъ уѣздовъ[3]). Правда, эти цифры, выведенныя на основаніи данныхъ

1) Ригельманъ. Исторія Донскихъ казаковъ, 103. Москва, 1846.
2) Сар. сем. библ., № 2662, 198.
3) Матеріалы для стат. Рос. Имп., отд. I, 56. Спб., 1839.

оффиціальнаго характера, далеки отъ дѣйствительности,—такъ можно думать по сопоставленію съ ними числа открытыхъ съ 1700 до 1725 года церковныхъ приходовъ: въ аткарскомъ уѣздѣ открылось ихъ 2, въ балашовскомъ—8, въ вольскомъ—6, въ камышинскомъ—3, въ саратовскомъ—2, въ кузнецкомъ—11, въ петровскомъ—3, въ сердобскомъ—11, въ хвалынскомъ и царицынскомъ—по 3[1]). Такимъ образомъ въ теченіи первой четверти XVIII столѣтія къ 26 приходамъ, возникшимъ къ началу этого столѣтія, прибавилось 52 новыхъ,—это убѣдительно говоритъ въ пользу нашей мысли относительно неточности приведенныхъ выше оффиціальныхъ цифръ населенія въ четырехъ городахъ Саратовскаго края. Но если даже увеличить, хотя-бы въ десять разъ, эти оффиціальныя цифры народонаселенія, то и тогда окажется, что нашъ край къ началу царствованія Екатерины II былъ покрытъ очень рѣдкими и немноголюдными поселеніями.

Съ начала прошлаго столѣтія началось и заселеніе лѣваго берега Волги. Соблазняясь выгодами жизни на привольныхъ земляхъ Заволжья, вдали отъ надзора правительственныхъ властей, многіе переселенцы въ мѣстностяхъ хвалынскаго и вольскаго уѣздовъ оставляли свои осѣдлости здѣсь и перебирались на другую сторону рѣки, гдѣ и разбивали маленькіе хутора по теченію степныхъ рѣкъ[2]). Царствованіе Екатерины II дало сильный толчекъ заселенію края. Екатерина указала раскольникамъ на Заволжье и отвела имъ тамъ болѣе 70.000 десятинъ хорошей земли; Екатерина щедро раздавала лежавшія въ саратовскихъ предѣлахъ пустопорожнія земли своимъ приближеннымъ сановникамъ и любимцамъ; Екатерина вызывала сюда изъ-за границы „людей всѣхъ націй, кромѣ жидовъ“; словомъ, Екатерина прилагала всѣ усилія, чтобы скорѣе заселить низовую окраину государства. И она старалась не напрасно: въ наказѣ, данномъ депутатамъ отъ города Саратова въ комиссію для составленія новаго Уложенія, черносошные крестьяне писали, что офицеры, дворяне, купцы и приказные служители завладѣли самыми удобными ихъ землями, самовольно перевели на нихъ своихъ крестьянъ и до того стѣснили коренныхъ жителей, что они принуждены у нихъ-же снимать луга[3]). Несмотря на

[1]) Имп. Публ. библ., № 527; уѣзды: вольскій, саратовскій, хвалынскій и царицынскій указаны по „Стат. очерку сар. епархіи“ протоіерея Іакова.
[2]) Имп. рус. геогр. Общ., папка Самар. губ., рук. Грота.
[3]) Сборн. Имп. рус. ист. Общ., IV, 113.

страшные дни пугачевщины, поволжская окраина заселялась такъ быстро, что, по указу 11 января 1780 года, въ видахъ лучшаго управленія обширной страной, образовано было самостоятельное Саратовское намѣстничество. Усиленный притокъ населенія не ослабѣлъ и въ послѣдующее время: въ 19-лѣтній промежутокъ между 7 и 8 ревизіями (въ саратовской губерніи первая происходила въ 1816, а вторая—въ 1835 г.[1]) общая численность всѣхъ податныхъ сословій увеличилась на 36%. Въ частности—мѣщанъ и цѣховыхъ прибавилось 18%, помѣщичьихъ крестьянъ—23%, свободныхъ хлѣбопашцевъ—46% однодворцевъ—67%, колонистовъ—77% и купцовъ—90%; уменьшилось только число удѣльныхъ крестьянъ на 43% и государственныхъ—на 47%[2]), очевидно, вслѣдствіе перевода ихъ отсюда въ другія удѣльныя и казенныя имѣнія. Отличіе колонизаціи новаго періода саратовской исторіи, начавшагося въ 1780 года, отъ предыдущаго состоитъ въ томъ, что теперь заселяются по преимуществу южныя части губерніи и степной, лѣвый берегъ Волги.

Такъ началась и такъ шла въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ колонизація нашего края. Изъ какихъ именно мѣстъ обширной Россіи эмигрировали сюда переселенцы—трудно сказать съ положительной опредѣленностью, но смѣло можно предполагать, что не было ни одной области, которая не наполнила-бы избыткомъ своихъ жителей саратовское Поволжье. Тутъ можно встрѣтить уроженцевъ всѣхъ великорусскихъ и малорусскихъ губерній. Возьмемъ для примѣра нѣсколько селъ балашовскаго уѣзда: Ивановка населена выходцами изъ губерній тульской и орловской, Молоденки—изъ орловской и курской, Тростянка—изъ рязанской, Меликъ—изъ пензенской, Большая Грязнуха—изъ тамбовской, Малиновка—изъ калужской, Расказань—изъ воронежской. Тоже самое найдемъ и въ другихъ селахъ, и въ другихъ уѣздахъ, съ той лишь разницей, что къ перечисленнымъ губерніямъ придется прибавить еще губерніи: смоленскую, черниговскую, владимірскую, симбирскую, нижегородскую и другія[3]). Переселенцы изъ центральныхъ областей Россіи занимали мѣста по преимуществу въ сѣверо-западной части края, ибо подвигались оттуда, а переселенцы изъ верховаго Поволжья спускаясь

1) Фадѣевъ, loc. cit., 77.
2) Матер. для стат. Рос. Имп., отд. I, 149.
3) Списки насел. мѣстъ. Сарат. губ., стр. XXXVII.

по Волгѣ, и осѣдали по ея берегамъ. Впрочемъ, и на прибрежьяхъ Волги, въ уѣздахъ хвалынскомъ и вольскомъ, можно найти не мало выходцевъ изъ центральныхъ губерній, особенно изъ-подъ Москвы и Егорьевска, рязанской губерніи, переведенныхъ сюда Чудовымъ монастыремъ[1]), или изъ губерніи владимірской[2]), но преобладаніе по численности и древности поселенія остается все-таки за выходцами изъ верховаго Поволжья. Всего яснѣе показываетъ это языкъ: особенности говора у поволжскихъ простолюдиновъ здѣсь тѣже самыя, которыя господствуютъ и въ верховыхъ губерніяхъ[3]). Еще разнообразнѣе составъ населенія въ Заволжьи. Стоитъ обратить вниманіе на названія селеній въ мѣстностяхъ нынѣшнихъ николаевскаго и новоузенскаго уѣздовъ, чтобы понять, какъ отовсюду стекались сюда русскіе колонисты. Вотъ Щигры, вотъ Ливенка, рядомъ двѣ Пензятки, дальше—двѣ Орловки, Калужское, Можайка, двѣ Козловки, Новокурское, Морша и Моршанка, двѣ Тамбовки, двѣ Новотулки, Ломовка, двѣ Полтавки, Борисоглѣбовка, Кирсановка, Смоленка, Валуевка, Харьковка, Украйна, двѣ Черниговки и даже Питерка [4]). Исторія заселенія Саратовскаго края даетъ возможность составить предположеніе объ основныхъ элементахъ здѣшняго народонаселенія. Этими элементами были: бѣглые холопы, служилые люди, ссыльные преступники, стрѣльцы, казаки, крестьяне и выходцы западной Европы. Все это были элементы неустойчивые, протестующіе, люди болѣе или менѣе недовольные своимъ общественнымъ положеніемъ и существующими порядками, люди темные и буйные, каждую минуту готовые стать въ оппозицію правительству. Каждый изъ нихъ, селясь на привольныхъ земляхъ дикаго края, переносилъ сюда вмѣстѣ съ собой и свое міровоззрѣніе, свой кругъ религіозныхъ и моральныхъ убѣжденій, и каждый оставлялъ здѣсь, по выраженію графа Стенбока, „частичку своей безнравственности, суевѣрія и безвѣрія и полагалъ начало тому хаосу, въ которомъ и донынѣ находится народонаселеніе края“ [5]). Такой составъ населенія какъ нельзя больше облегчалъ доступъ расколу въ предѣлы нашего края и едва-ли можно сомнѣваться, что ра-

---

[1]) Ниж сем. библ., № 3774, 209.
[2]) Сар Сборн., II, 176.
[3]) Рукоп. Гана, стр 8.
[4]) Списки нас. мѣстъ Самар. губ., 76—102.
[5]) Имп. Публ. библ., f., I, № 515.

сколъ съ первыхъ-же дней его появленія въ русской церкви проникъ въ саратовскіе предѣлы. Уже въ 1661 году ловятъ въ Царицынѣ чернаго дьякона Сильвестра, вмѣстѣ съ чернецомъ Іосифомъ и дьячкомъ Алешкой, которые занимались списываніемъ для гулящихъ людей „богоотступныхъ раскольническихъ писемъ“ [1]).

„Нельзя указать ни годъ появленія, ни лица, которое занесло сюда расколъ“,—говоритъ протоіерей Чернышевскій въ одномъ изъ своихъ рапортовъ Іакову (въ 1839 году); „несомнѣнно одно, что онъ явился здѣсь очень рано, почти одновременно съ другими городами Поволжья. Волга въ мутныхъ волнахъ своихъ принесла сюда первые зародыши и сѣмена раскола“. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что Нижегородскій край, въ которомъ расколъ появился еще прежде своего осужденія на московскомъ соборѣ, находился въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Саратовомъ и другими низовыми приволжскими мѣстностями: „святаго патріарха приказные люди, и дѣти бояръ, и работные люди, учужные промышленники“ ѣздили на стругахъ, паузкахъ и лодкахъ въ Астрахань и на тѣ суда наймовали всякихъ работныхъ людей, а изъ Астрахани на тѣхъ-же судахъ возвращались по Волгѣ назадъ въ Нижній, „со учугомъ, съ рыбою, и съ икрою и со всякими рыбными обиходы и съ солью“ [2]). Въ качествѣ „работныхъ людей“ нижегородскіе и вообще верховые раскольники свободно могли пробираться въ низовое Поволжье, а пробраться сюда имѣло для нихъ смыслъ: здѣсь имъ была обезпечена не только свобода дѣйствій и удобство пропаганды, но и открывался широкій просторъ для буйнаго разгула мятежныхъ стремленій. И тѣмъ и другимъ они, разумѣется, не замедлили воспользоваться: закипѣла пропаганда и скоро расколъ вступилъ здѣсь въ темную, негласную, но все-же довольно смѣлую борьбу съ государственною властью,—онъ примкнулъ къ движенію Стеньки Разина. Щаповъ, конечно, преувеличиваетъ размѣры участія раскольниковъ въ дѣлѣ возмущенія, говоря, что „въ бунтѣ Стеньки Разина расколъ явился уже объединяющей силой, душой движенія“, что „бунтъ Стеньки Разина былъ вмѣстѣ и бунтомъ раскола, первымъ явнымъ народнымъ движеніемъ его“ [3]). Центръ тяжести этого движенія лежалъ совсѣмъ не въ расколѣ; народными

1) Доп. къ Акт. истор., IV, № 99, стр. 243.
2) Пол. собр. закон., I, № 93, стр. 286.
3) Щаповъ. „Земство и расколъ“, 46—47. Спб. 1862.

массами руководилъ стимулъ не религіознаго, а экономическаго характера, какъ это доказываетъ отписка въ Москву, отъ 17 декабря 1670 года, Андрея Унковскаго изъ Царицына: „изо всѣхъ де донскихъ и хоперскихъ городковъ казаки, которые голутвенные люди, и съ Волги гулящіе люди идутъ къ нему Стенкѣ многіе... потому что на Дону стало гораздо много, а кормиться имъ нечѣмъ, никакихъ добычъ не стало“[1]). Но то несомнѣнный фактъ, что содѣйствіе раскольничьяго элемента въ населеніи Поволжья значительно помогло успѣхамъ Разина. Возьмемъ на выдержку нѣсколько фактовъ. Весной 1670 года Разинъ подступилъ къ Царицыну. Стрѣльцы, наравнѣ съ казаками почти поголовно раскольники, измѣняютъ присягѣ и отворяютъ ворота города. Монахи Троицкаго монастыря располагаютъ жителей къ измѣнѣ, а казначей, старецъ Ааронъ, даетъ даже Стенькѣ благословеніе на его дѣла... Стенька осаждаетъ Астрахань. Измѣна стрѣльцовъ и многихъ жителей, сбитыхъ съ толку монахами, передала въ его руки этотъ важный городъ. Разинъ подходитъ къ Саратову—и безъ сопротивленія сдается ему Саратовъ[2]). На мысль объ участіи раскольниковъ въ движеніи Разина еще больше наводитъ то обстоятельство, что въ шайкѣ мятежниковъ находился какой-то курскій попъ Никифоръ Ивановъ. Изъ отписки князя Григорія Ромодановскаго къ Алексѣю Михайловичу видно, что этотъ попъ выѣхалъ съ Дону и „какъ де Стенка Разинъ стрѣльцовъ на Волгѣ разбивалъ и тотъ де попъ былъ съ нимъ Стенкою на стругу и воровалъ и людей побивалъ вмѣстѣ“; изъ показаній самого попа явствуетъ, что „пошелъ онъ, попъ, для сбору милостыни на церковное строенье изъ Курска на Донъ въ вышней въ Чиръ городокъ“[3]). Если вспомнить, что этотъ „вышней Чиръ городокъ“ былъ однимъ изъ главныхъ центровъ раскола въ землѣ войска Донского, что, немного спустя послѣ Разинскаго возмущенія, именно сюда, „широко новымъ догматомъ раздающимся и прещенію повсюду належащу“, пришелъ старецъ Іовъ, который построилъ „при Чирѣ рѣцѣ монастырь“ и въ немъ „постави церковь и тоя поставленіе смертію своею запечатлѣ“[4]),—то понятно станетъ, какой попъ могъ пойти сюда „за милостынею на церков-

1) Поповъ. Матеріалы для ист. возмущ. Ст. Разина, 49—50.
2) Пам. кн. Сар. губ. на 1858 г. Ст. Н. И. Костомарова, 9—10.
3) Поповъ. Мат. для ист. возм. Ст. Раз., 8, 13.
4) Ал. Б. Опис. нѣк. сочин. I, 276. Спб. 1861.

ное строеніе". Этотъ, кажется, попъ писалъ для Стеньки „обольстительныя письма"[1]).

Разинскій бунтъ окончился неудачей. Эта неудача не убила, однако, энергіи саратовскихъ раскольниковъ. Съ одной стороны—привычка къ вольности, съ другой—все большее и большее отдаленіе правительства отъ древляго благочестія, примѣръ и поученія разныхъ „свѣтильниковъ вѣры", въ родѣ старца Іова, бывшаго келейника патріарха Филарета, или тихвинскаго игумена Досиѳея, подвизавшихся въ 80-хъ годахъ XVII вѣка въ сосѣдствѣ съ саратовскими предѣлами, на Чирѣ рѣкѣ, гдѣ они устроили формальный скитъ и ревностно отстаивали интересы раскола,—все это до болѣзненности усиливало въ иныхъ чувство негодованія противъ новыхъ порядковъ и побуждало многихъ изъ нихъ отъ времени до времени примыкать къ противообщественнымъ и противоправительственнымъ движеніямъ народныхъ массъ въ низовомъ Поволжьи. Подобныя народныя движенія не имѣли уже тѣхъ грандіозныхъ размѣровъ, какъ бунтъ Разина, но самый фактъ замѣтнаго участія въ нихъ раскольниковъ весьма любопытенъ для характеристики историческаго момента, переживаемаго въ то время мѣстнымъ расколомъ: раскольники, очевидно, все еще не хотѣли, а пожалуй, и не могли помириться съ давившей на нихъ властью, вѣрили еще въ возможность успѣха и давали изъ своей среды не мало буйныхъ головъ, рѣшавшихся попытать счастья въ неравной борьбѣ съ правительствомъ. Рядъ попытокъ подобнаго рода тянулся съ значительными промежутками въ теченіи цѣлаго столѣтія и завершился днями Пугачева. Въ 1693 году по низовому Поволжью разнеслись тревожные слухи, что раскольники-казаки вмѣстѣ съ татарами собираются разбойничать по Волгѣ[2]); слухи оказались не безосновательными: раскольники, сплотившись въ крупныя шайки, дѣйствительно, взялись за разбой. Правительству пришлось серьезно взглянуть на это и въ 1696 году удалось переловить не мало удалыхъ молодцовъ, которымъ двуперстіе не мѣшало производить въ широкихъ размѣрахъ убійства и грабежи по матушкѣ Волгѣ[3]).

Если въ фактахъ подобнаго рода можно еще не видѣть идейной подкладки, если смотрѣть на нихъ только какъ на проявленіе

1) Акты Арх. экспед., IV, № 179, стр. 231.
2) Акты Истор., № 221, стр. 377.
3) Ibidem, V, № 254, стр. 465.

корыстныхъ стремленій, то этого нельзя уже будетъ сказать о камышинскомъ бунтѣ 1700 года: онъ ясно свидѣтельствуетъ, что недовольные преобразованіями Петра не даромъ искали себѣ отголоска въ поволжскомъ низовьи. Объ этомъ бунтѣ и его мотивахъ подробно говорится въ отысканной и опубликованной г. Мордовцевымъ старинной рукописи, подъ названіемъ „*Пополнительныя свѣдѣнія, къ исторіи города Камышина принадлежащія*“. Дѣло представляется въ такомъ видѣ. Весной 1700 года пріѣхалъ изъ Москвы въ Камышинъ,—тогда еще Дмитріевскъ,—какой-то бояринъ съ указомъ отъ государя, чтобы воевода и набольшіе служилые люди при немъ обрили бороды и надѣли нѣмецкое платье. Указъ былъ исполненъ и царскій посланникъ уѣхалъ обратно. Казаки-раскольники сосѣднихъ съ Дмитріевскомъ станицъ Бурлуцкой, Галюгаевской и Черногаевской были возмущены такой покорностью царской волѣ своихъ сосѣдей и, осадивъ городъ за бритье бороды и нѣкоторыя другія новины, принятыя воеводой Бушемъ вмѣстѣ съ подвѣдомственными ему чиновниками, хотѣли въ конецъ разорить его, пожечь строенія и увесть въ плѣнъ жителей. Послѣ недѣльной осады имъ удалось, благодаря измѣнѣ городскихъ воротниковъ, проникнуть въ городъ ночной порой. Воевода бѣжалъ на островъ. Поутру началась дикая расправа: „бритымъ людямъ головы рубили, а другимъ насыпали въ пазуху камни и бросали съ яру въ воду; иныхъ привязывали къ деревьямъ, пускали по водѣ и палили въ нихъ изъ ружьевъ. Таковые буйственные поступки производили больше шести недѣль, съ тѣмъ намѣреніемъ, покуда живущіе не приведутъ къ нимъ воеводу. Когда-же воевода былъ сысканъ и привезенъ съ острова обросши уже бородою, то хотѣли его казнить, но отъ того упросили казаковъ всѣ жители. Такимъ образомъ поступивъ съ нами, поселенцами, казаки сказали: чтобъ впредь мы бородъ не брили, платья нѣмецкаго не носили, старой вѣры не перемѣняли и въ томъ государя не слушали, а были-бы съ ними, казаками, за-одно, въ чемъ и присягой насъ обязали всѣхъ“[1]). Мятежники оставили Дмитріевскъ не потому, конечно, что повѣрили присягѣ жителей: для усмиренія широко разлившагося и по окрестнымъ городамъ бунта двинулся астраханскій воевода, князь Хованскій, съ калмыками, который и потушилъ во время это движеніе[2]). Черезъ пять лѣтъ, въ 1705

[1]) „Сар. губ. Вѣд.,“ 1857, № 15.
[2]) „Пам. кн. Сар. губ. на 1858 г.“, 12.

году, тѣ-же раскольники, со стрѣльцами во главѣ, столпились въ Астрахани и распускали слухи, что царь хочетъ установить новую вѣру, велитъ кланяться иноземнымъ болванамъ, брить бороды, носить нѣмецкое платье и всѣхъ русскихъ дѣвокъ насильно выдавать за нѣмцевъ. Слухи эти скоро сдѣлали свое дѣло: для спасенія вѣры и отечества вспыхнулъ новый бунтъ, распространившійся до самаго Царицына. Для усмиренія его понадобился самъ фельдмаршалъ Б. П. Шереметевъ[1]).

Этихъ примѣровъ вполнѣ достаточно. Они ясно доказываютъ, что къ самому началу XVIII столѣтія расколъ уже твердой ногой сталъ въ саратовскихъ предѣлахъ. Недостатка въ сторонникахъ—и при томъ сторонникахъ, активныхъ, богатыхъ энергіей, доходящей до дерзости и фанатизма—онъ не чувствовалъ. Въ какихъ именно частяхъ края ранѣе и прочнѣе всего обосновался онъ—сказать съ увѣренностью трудно: ни въ одномъ изъ извѣстныхъ мнѣ памятниковъ старины не встрѣчается на этотъ счетъ никакихъ указаній; но есть возможность представить нѣкоторыя догадки, имѣющія за собой большую долю вѣроятности. Несомнѣнно, расколъ распространялся по тому-же направленію, по которому совершалась и колонизація края, ибо раскольники являлись вмѣстѣ и колонистами; но если такъ, то на основаніи сказаннаго выше о ходѣ колонизаціоннаго процесса приходится допустить, что расколъ вдвигался разомъ съ двухъ сторонъ: съ сѣвера—по Волгѣ и съ сѣверо-запада—чрезъ кузнецкій и сердобскій уѣзды. Первый путь былъ удобнѣе второго, какъ по быстротѣ, такъ и по легкости передвиженія: по нему предпочтительно и проникали раскольники. По берегу Волги они впервые обосновались и прочно и надолго. Вообще расколъ, разъ захвативъ въ свою власть какую-нибудь мѣстность, держался въ ней крайне упорно, исчезая отсюда только послѣ продолжительной, энергической борьбы. Вездѣ, гдѣ онъ, такъ сказать, акклиматизировался съ древняго времени, мы встрѣчаемъ его и во времена новѣйшія; пункты его первоначальнаго появленія надолго оставались центрами, очагами, изъ которыхъ онъ распространялся во всѣ стороны. Такъ, занявъ около 1678—1688 годовъ Баранниковъ и Мячевъ буераки (близъ Саратова), раскольники устроили здѣсь свои скиты и, несмотря на всѣ притѣсненія саратовской администраціи, держа-

1) „Памятн. кн. Сар. губ. на 1858 г.“, 13.

лись въ нихъ до 40-хъ годовъ текущаго столѣтія,—до самой ревизіи сенатора Денфера[1]). Тоже было и въ другихъ мѣстахъ. Такъ, очень рано появился расколъ въ селѣ Воскресенскомъ: въ концѣ XVII столѣтія здѣсь былъ уже большой раскольническій скитъ или монастырь, тогда какъ православная церковь явилась только въ половинѣ XVIII вѣка[2]), и село это до нашихъ дней представляетъ одинъ изъ крупнѣйшихъ центровъ раскола по вольскому уѣзду. Селеніе Сосновый Островъ, Самодуровка, Апалиха, Сосновая и Окатная Мазы были для хвалынскаго уѣзда тѣмъ-же, чѣмъ Воскресенское—для уѣзда вольскаго: сюда раньше всего былъ занесенъ расколъ,—первыми пропагандистами его были бѣжавшіе изъ Москвы стрѣльцы,—и здѣсь прочнѣе всего осѣлся онъ, распространяясь отсюда по другимъ, позже основаннымъ селеніямъ[3]),—значеніе центровъ раскола не утрачено этими селеніями до самаго послѣдняго времени. Тоже самое явленіе можно наблюдать и ниже по Волгѣ: „Отъ Саратова до Царицына,"—говоритъ протоіерей Иванъ Терновскій въ составленномъ имъ, по порученію преосв. Іакова, описаніи камышинскаго уѣзда,—„нѣтъ ни одного села, хутора, гдѣ-бы жители вмѣстѣ съ волжской водой не всосали въ себя и раскола"[4]). Объясненіе этого явленія даетъ тотъ-же Терновскій въ другихъ мѣстахъ своего „*Описанія*": оказывается, что большинство поволжскихъ селеній или основано выходцами изъ раскольниковъ, или заселено ими въ очень древнія времена. Возьмемъ село Золотое, болѣе чѣмъ на половину состоящее изъ раскольниковъ: оно основано выходцами-раскольниками въ концѣ XVII вѣка. Возьмемъ деревню Ваулино: она возникла около 1700 года и расколъ занесенъ сюда при самомъ основаніи; взглянемъ на Синенькіе, Мордовы, Ахматъ, Банное: во всѣхъ этихъ селеніяхъ расколъ составляетъ какъ-бы „наслѣдственную чахотку",—онъ перешелъ по наслѣдству отъ первыхъ поселенцевъ[5]). Это приложимо не къ одному нагорному, но и къ луговому берегу Волги: членъ совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ, Арсеньевъ, изслѣдовавшій въ 1833 году, по порученію правительства, состояніе раскола въ заволжскихъ уѣз-

1) Дѣла Секр. Комит. vol. XIX, л. 1276.
2) „Сар. губ. Вѣд." 1879, № 231.
3) Ниж. сем. библ., № 3774, 209; Сборн. стат. свѣд. по Сарат. губ., V, 18. Саратовъ. 1886.
4) Сар. сем. библ., № 2662, л. 191.
5) Ibidem, 247, 251, 244.

дахъ Саратовской губерніи, писалъ въ своихъ донесеніяхъ министерству, что старожилы Заволжья—раскольники, удалившіеся сюда, по ихъ собственнымъ словамъ, для тихаго и безмолвнаго житія подъ сѣнію благодати и духа Господня. „Честь открытія, первоначальнаго населенія и устроенія сихъ странъ,"—говоритъ онъ,—„принадлежитъ старообрядцамъ, которые, чуждые всякаго на нихъ вліянія правительственныхъ властей, свободно насаждали здѣсь сѣмена своего ученія, нынѣ твердо и глубоко укоренившіяся" [1]). Это указаніе Арсеньева подтверждаетъ и Фадѣевъ въ своихъ „*Очеркахъ статистическаго описанія Саратовской губерніи*": на основаніи манифеста 1762 года, раскольники заняли берега Иргиза, гдѣ еще съ древнихъ временъ существовали ихъ скиты[2]). Нѣтъ никакихъ поводовъ заподозривать показанія Арсеньева и Фадѣева, смотрѣть на нихъ, какъ на голословныя и бездоказательныя, тѣмъ болѣе, что справедливость ихъ вполнѣ подтверждается однимъ оффиціальнымъ документомъ, донесеніемъ архіепископа казанскаго Сильвестра, слушаннымъ въ Святѣйшемъ Синодѣ 23 февраля 1727 года, въ которомъ, между прочимъ, говорится: „...Да по той-же его преосвященства епархіи, по рѣкѣ Киргизѣ (Иргизу), изъ верховыхъ городовъ и уѣздовъ живутъ раскольники, убѣгая отъ изысканія, съ женами и дѣтьми многолюдно, и для слѣдствія въ оныя мѣста посылать и собою въѣзжать за малолюдствомъ опасно, понеже де отъ гражданскихъ правителей для вспоможенія солдатъ и никого его преосвященству не даютъ, отчего .... на Киргизѣ слѣдствію о раскольникахъ учинилась остоновка; а напередъ де сего Тихонъ митрополитъ[3]), для оныхъ нуждъ, отъ тамошнихъ губерній получалъ офицеровъ и солдатъ, сколько ему понадобится". Синодъ согласился на просьбу и просилъ въ свою очередь сенатъ сдѣлать распоряженіе, „чтобъ, для вспоможенія и посылокъ, въ епархіи онаго преосвященнаго Сильвестра архіепископа ко взысканію и слѣдствію выше упомянутыхъ раскольниковъ .... по требованію его преосвященства даваны были тамошняго (казанскаго) гарнизона офицеры и солдаты, надлежащее число, безъ удержанія"[4]). И донесеніе Силь-

1) Дѣла Секр. Комит., vol. XIX, стр. 1102—1103.
2) Имп. рус. геогр. Общ.; папка Сар. губ., рук. Фадѣева, стр. 66.
3) Тихонъ былъ митрополитомъ казанскимъ и свіяжскимъ съ 25 марта 1699 года до самой смерти своей, послѣдовавшей 23 марта 1724 года. См. Толстой, Списки архіереевъ и арх. кафедръ, 3; сн. 94. Спб. 1872.
4) „Пол. собр. пост. и расп. по вѣд. прав. исп. Рос. имп.", V, 496. Спб. 1881.

вестра, съ его ссылкой на предшественника, и распоряженіе Синода такъ краснорѣчивы сами по себѣ, что не требуютъ никакихъ комментарій, и я добавлю лишь, что приведенное постановленіе подтверждено было Синодомъ и 13 марта того-же года[1]),—„многолюдное“, съ женами и дѣтьми, житіе раскольниковъ по Иргизамъ представлялось, очевидно, фактомъ довольно крупнымъ и совсѣмъ не соотвѣтствующимъ видамъ духовныхъ властей. Къ чему привели всѣ эти „изысканія и слѣдствія“—неизвѣстно; всего вѣроятнѣе—ни къ чему, ибо ни Сильвестръ, ни его преемники не стяжали славы Питирима нижегородскаго.

Далѣе вѣроятность соображенія о первоначальномъ появленіи раскола по берегамъ Волги подтверждается и тѣмъ наблюденіемъ, что приволжскіе раскольники гораздо постояннѣе и тверже въ своихъ убѣжденіяхъ сравнительно съ своими собратьями по вѣрѣ, живущими вдали отъ Волги. По замѣчанію одного сельскаго священника, который пять лѣтъ жилъ въ 60-ти верстахъ отъ Волги, а десять лѣтъ—на самой Волгѣ, „въ приволжскихъ мѣстахъ чисто-православныхъ нѣтъ, но всѣ придерживаются старины, хотя-бы они постоянно ходили въ церковь, каждогодно исповѣдывались и пріобщались. Это преимущественно замѣтно въ сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія и въ хожденіи по-солонь“... Изъ здѣшнихъ раскольниковъ каждый крѣпко держится своего толка, хорошо знаетъ его требованія и живетъ, по возможности, согласно съ ними. Рѣдко переходитъ онъ въ другую какую-либо секту, хотя-бы въ душѣ и признавалъ ее правильнѣе: „тому, кто перемѣнитъ вѣру, будетъ подъ адомъ адъ“. Напротивъ, живущіе дальше отъ Волги менѣе привязаны къ своей сектѣ и малосвѣдущи, къ вѣрѣ-же очень холодны. Если раскольнику нужно почему-либо показать себя православнымъ, то онъ не задумывается явиться въ церковь и объявить себя таковымъ.... Подобное явленіе между приволжскими раскольниками немыслимо: „тамъ осмѣютъ, а здѣсь—ничего“[2]). Причину такого явленія трудно объяснить чѣмъ-либо другимъ, кромѣ предпочтительной древности раскола на волжскомъ побережьѣ; усиленное тяготѣніе здѣшняго населенія къ старому обряду есть, безъ сомнѣнія, результатъ прочно установленныхъ традицій, для выработки

[1]) Ibidem, 511.
[2]) „Сар. Епарх. Вѣд.“ 1873, № I, 9—12.

которыхъ здѣсь было больше времени, чѣмъ въ отдаленныхъ отъ Волги мѣстностяхъ, куда расколъ проникъ позже. Не даромъ поволжскіе раскольники на вопросъ о причинѣ коснѣнія въ расколѣ любятъ отдѣлываться такимъ отвѣтомъ: „мы не по себѣ такъ, мы по отцамъ и дѣдамъ,“—для нихъ расколъ болѣе, чѣмъ для кого другого въ Саратовскомъ краѣ, освященъ авторитетомъ древности.

Одновременно или немного позже появился расколъ и въ сѣверо-западной части края. Въ нынѣшнемъ столѣтіи открыты въ кузнецкомъ уѣздѣ древнія пещеры, высѣченныя въ горѣ при впаденіи рѣки Каслея въ рѣку Кададу. Мѣсто это донынѣ окружено обширнымъ, вѣковымъ сосновымъ лѣсомъ и находится вдали отъ всякаго жилья. Пещеры представляютъ собой длинный, изогнутый рядъ высѣченныхъ въ горѣ отдѣльныхъ помѣщеній, соединяющихся одно съ другимъ узкими проходами. При открытіи въ нихъ найдено множество восковыхъ свѣчъ и старыя иконы. Несомнѣнно, это былъ одинъ изъ великаго множества раскольническихъ скитовъ, которые ютились по глухимъ лѣсамъ Поволжья въ эпоху наибольшаго гоненія на расколъ. Слѣды подобныхъ-же древнихъ жилыхъ помѣщеній, иногда вырытыхъ въ землѣ и когда-то выложенныхъ внутри даже камнями, сохранились и по другимъ мѣстностямъ кузнецкаго уѣзда[1]). О нихъ не сохранилось въ народѣ никакого преданія; память о скитахъ и скитникахъ изгладилась, исчезла совершенно. Много времени должно было пройти, прежде чѣмъ народъ забылъ своихъ бывшихъ учителей.

Этимъ исчерпывается все, что можно сказать въ данную минуту о времени и мѣстѣ первоначальнаго появленія раскола въ нашемъ краѣ. Пока остается только надѣяться, что со временемъ, когда основательно будутъ изслѣдованы и разработаны мѣстные архивы, явится возможность сказать что-нибудь больше. Еще сложнѣе, еще неопредѣленнѣе вопросъ о формѣ, въ какой первоначально появился здѣсь расколъ. Г. Артемьевъ настойчиво утверждаетъ, что расколъ явился въ формѣ поповщины[2]), но никакихъ положительныхъ данныхъ въ пользу этого утвержденія онъ не приводитъ. Правда, и численный перевѣсъ послѣдователей поповщины, и преимущественное распространеніе ея въ старѣйшихъ по времени за-

1) Сар. Сборн., II, 362.
2) Зап. Артемьева, 66.

селенія мѣстностяхъ края, и сохранившіяся въ народѣ темныя преданія о старинныхъ бѣглыхъ попахъ,—все это заставляетъ склониться въ пользу его мысли, но все это нельзя назвать въ существѣ дѣла доказательствами. Въ самомъ дѣлѣ, пусть въ хвалынскомъ уѣздѣ, близъ Апалихи и Селитьбы, разсказываютъ легенду о попѣ, бѣжавшемъ изъ арміи во времена Петра Великаго и основавшемъ въ тамошнихъ горахъ скитъ. Что-же изъ этого? Намъ съ несомнѣнностью извѣстно, что расколъ проникъ въ Саратовскій край гораздо раньше этого времени, до дней Петра. Пусть поповцевъ больше, чѣмъ безпоповцевъ; но вопросъ—когда? Наши цифровыя данныя не восходятъ раньше начала XIX столѣтія, а между тѣмъ къ концу прошлаго вѣка образовались Иргизскіе монастыри; ихъ вліяніемъ легко объяснить численный перевѣсъ послѣдователей поповщины. Въ виду полнаго отсутствія положительныхъ, неоспоримыхъ данныхъ, которыя могли-бы служить надежной опорой для взгляда на поповщину, какъ на самую древнюю форму, въ которой распространялся расколъ по Саратовскому краю, лучше всего оставить этотъ вопросъ открытымъ, признавъ рѣшеніе его г. Артемьевымъ только за болѣе или менѣе вѣроятное, но никакъ не за безусловно-вѣрное.

Появившись въ саратовскихъ предѣлахъ въ концѣ XVII столѣтія, расколъ въ теченіи всей первой половины слѣдующаго вѣка росъ и развивался здѣсь почти безпрепятственно, благодаря и обширности края, и недостатку органовъ центральной власти, и отсутствію сколько-нибудь удовлетворительныхъ путей сообщенія. Расколъ не имѣлъ „возбраненія себѣ“ и свободно расширялъ сферу своей дѣятельности, охватывая крѣпкой сѣтью раньше бывшихъ здѣсь и постоянно приливавшихъ вновь колонистовъ. Исторія его жизни за это время, до самаго 1762 года, темна, неясна; сохранились извѣстія, представляющія собой что-то въ родѣ короткихъ отрывковъ, концы которыхъ трудно, а подчасъ и совсѣмъ невозможно связать другъ съ другомъ. Не подлежитъ сомнѣнію только одно, именно, что прогрессивному развитію его за это время, расширенію области его владѣній сильно содѣйствовала дѣятельность „равноапостольнаго“ Питирима въ Нижегородскомъ краѣ. Многочисленное раскольничье населеніе нижегородской губерніи, доходившее по переписи 1716 года до 40.000 однихъ оклад-

ныхъ[1]), подъ давленіемъ желѣзной руки этого ревностнаго обратителя разбѣгалось во всѣ стороны и въ большомъ количествѣ укрывалось въ саратовскомъ Поволжьи. Лѣса керженскіе и чернораменскіе, быть можетъ, не столько выслали своихъ скитниковъ на Ветку, сколько сюда: и путь былъ знакомѣе, и связи короче, и сама природа, если можно такъ выразиться, роднѣе. При томъ-же и сенатскій указъ 1723 года, предписывавшій всѣмъ помѣщикамъ и вотчинникамъ смотрѣть и наблюдать, „чтобы въ лѣсахъ скитковъ и пустынекъ раскольщиками строено отнюдь не было“[2]), едва-ли имѣлъ здѣсь большее значеніе, чѣмъ въ стародубскихъ и ветковскихъ предѣлахъ: хартія осталась хартіей, указъ былъ мертвой буквой. Любопытный фактъ, подтверждающій мнѣніе, что излюбленнымъ мѣстомъ, въ которое направлялись побѣги верховыхъ раскольниковъ, было именно низовое Поволжье, находится въ „*Исторіи Россіи*“ Соловьева: „Въ самомъ началѣ 1743 года сенату докладывано, что по челобитью казанскихъ землевладѣльцевъ для поимки бѣглыхъ крестьянъ и для искорененія воровъ по рѣкамъ Волгѣ, Медвѣдицѣ, Карамышу и въ Саратовской степи опредѣлено послать штабъ-офицера съ командой. Донской атаманъ донесъ, что всѣ казачьи хутора, въ которыхъ бѣглецамъ не безъ пристанища было, искоренены, а бѣглыхъ, скрывавшихся въ станицахъ и лѣсахъ, отправили въ крѣпость Святой Анны, Царицынъ и другія мѣста... Въ рядахъ этихъ воровъ и бѣглецовъ,—добавляетъ Соловьевъ,—не мало было раскольниковъ“[3]).

Отпискѣ атамана по начальству о полномъ искорененіи хуторовъ, „въ которыхъ бѣглецамъ не безъ пристанища было“, вѣрить, разумѣется, нельзя: она слишкомъ хвастлива, чтобы быть правдивой. Какъ обслѣдовалъ штабъ-офицеръ съ командой берега Медвѣдицы и Карамыша—неизвѣстно, но береговъ Волги, кромѣ саратовскаго уѣзда, его нашествіе едва-ли коснулось сколько-нибудь серьезно, хотя,—если въ этомъ штабъ-офицерѣ видѣть Сергія Мясоѣдова, съ которымъ мы знакомы раньше,—онъ и отыскалъ за время командировки до 5000 бѣглецовъ. По крайней мѣрѣ, существовавшій въ это время въ Оленьей Балкѣ, въ 15 верстахъ раз-

[1]) Полн. собр. зак., XV, стр. 908, № 11,435.
[2]) Собр. пост., по вѣд. Св. Син., I, 89. Спб., 1860.
[3]) Соловьевъ, Ист. Рос., XXI, 252; см. 256. Москва, 1871.

стоянія отъ Дубовки, раскольничій скитъ, который основанъ былъ съ дозволенія, а можетъ быть и при содѣйствіи извѣстнаго атамана волжскихъ казаковъ, Макара Персидскаго, уцѣлѣлъ во всей своей неприкосновенности. Въ Оленьевскомъ скитѣ жили 12 старцевъ, во главѣ которыхъ стояли іеромонахъ Сергій и старецъ Александръ, явившіеся сюда съ Ветки. Въ 40-хъ годахъ прошлаго вѣка пришелъ въ этотъ скитъ и бѣглый попъ изъ Илавлинской станицы Донского войска, Тимоѳей, принявшій отъ Сергія постригъ и удалившійся потомъ на Ветку, откуда, въ 1757 году, посланъ былъ на Яикъ смѣнить старца Авраамія. Самъ Макаръ Персидскій, несмотря на полное сочувствіе интересамъ раскола, велъ дѣло осторожно и только подъ рукой помогалъ скитникамъ деньгами и хлѣбомъ, стараясь, чтобы эта помощь не получала огласки: для отвода глазъ властямъ или „искупующе время, яко дніе лукави быша“, онъ началъ даже постройку въ 1763 году въ Дубовкѣ православной церкви[1]). Но сынъ его Андрей дѣйствовалъ гораздо откровеннѣе: онъ часто посѣщалъ Оленій скитъ и даже присутствовалъ при постриженіи Тимоѳея. Прямое и косвенное покровительство расколу со стороны Персидскихъ и большинства старшинъ Волжскаго казачьяго войска дало возможность возникнуть въ окрестностяхъ недавно устроившейся Дубовки множеству большихъ и малыхъ скитовъ, которые скоро вступили въ самое тѣсное, непосредственное сношеніе съ Веткой, Стародубьемъ и разгромленнымъ Керженцомъ, откуда заимствовались попами и чернецами для совершенія требъ[2]). Въ саду Макара Персидскаго устроился его зять, донской казакъ Минѣй Сергѣевъ, дававшій у себя пріютъ многимъ раскольникамъ. Близъ загороднаго дома Персидскаго, въ Дубовкѣ, на берегу Волги жили крупные расколоучители Никаноръ и Игнатій; близъ хутора войскового старшины Захара Ситникова, на рѣкѣ Малой Бердѣ, обосновался грамотный старецъ Ѳеоѳанъ, усердно трудившійся на пользу раскола; при домѣ дубовскаго казака Алексѣя Мельникова устроенъ скитъ съ немалымъ числомъ бѣльцовъ изъ безпоповцевъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ; у дубовчанина-же Ѳомы Спиридонова находили пріютъ и убѣжище бѣглецы съ Дона

---

1) Сар. сем. библ., № 2663, 40.

2) Собр. пост., по вѣд. Св. Синода, I, 600.

и изъ другихъ странъ[1]). Всѣ эти скиты и пустыни, надо полагать, не безъизвѣстны были мѣстнымъ властямъ предержащимъ, ибо слава о нихъ шла до Яика, куда отправлялись изъ дубовскихъ странъ истовые попы, откуда испрашивалось у здѣшнихъ скитниковъ разъясненіе вопросовъ вѣры и церковнаго благочинія,—дубовскіе скиты пріобрѣли значеніе промежуточной станціи между Веткой и Яикомъ. Но покровительство мѣстныхъ магнатовъ изъ казаковъ спасало ихъ отъ разгромленія и разграбленія.

Кромѣ скитовъ дубовскихъ не мало было ихъ въ первой половинѣ XVIII столѣтія и по другимъ мѣстамъ Саратовскаго края, причемъ иные пользовались довольно широкой извѣстностью и за его предѣлами. Изъ допроса раскольника Григорія Сафонова въ сыскномъ приказѣ выяснилось, между прочимъ, слѣдующее: живя въ деревнѣ Яковлевской (московскаго уѣзда, захоцкой волости), онъ ѣздилъ въ 1747 году, предъ Рождествомъ, по просьбѣ хозяина и домашнихъ его, за причастіемъ къ раскольничьему монаху Никону, въ скитъ, находящійся верстахъ въ 50-ти отъ Саратова, въ лѣсу. Въ скиту нашелъ онъ пять монаховъ и простыхъ человѣкъ съ пятнадцать. Монахъ Никонъ положилъ ему въ стклянку причастія и взялъ за это пять рублей. Въ скиту Сафоновъ жилъ съ недѣлю, а потомъ поѣхалъ обратно. Привезенными дарами пріобщилъ пославшаго его хозяина вмѣстѣ съ женой и дѣтьми[2]). Почему именно столь небольшой скитъ пріобрѣлъ такую извѣстность, что въ него ѣхали изъ-подъ Москвы,—неизвѣстно, но фактъ на лицо...

Какъ-бы то ни было, но изъ этихъ многочисленныхъ, большихъ и малыхъ, скитовъ не имѣвшій себѣ возбраненія расколъ широкой волной разливался по всему краю. Ея всплески обращали на себя время отъ времени вниманіе властей, но власти чувствовали свое безсиліе, понимали безплодность и, пожалуй, даже опасность активной борьбы съ расколомъ въ дикомъ, только-что начинавшемъ устраиваться и упорядочиваться, краѣ и ограничивались палліативными мѣрами или даже просто однѣми угрозами. Съ первыми мы знакомы уже по отпискѣ донского атамана; образчикомъ послѣднихъ можетъ служить „промеморія“ саратовскаго воеводы, князя Мельхиседека Баратаева, отъ 11 января 1762 года, сара-

[1]) Витевскій, Раск. въ Урал. войскѣ, 11—13. Казань. 1878.
[2]) „Чтенія въ Общ. ист. и древ.“ 1870, II, отд. V, 29.

товскому городскому магистрату. „По имяннымъ Е. И. В. указомъ," говорится въ этомъ любопытномъ документѣ, „велѣно купечеству бороды брить и платье носить противъ чужестранныхъ нѣмецкое; а понеже саратовской воеводской канцеляріей предусмотрѣно, что здѣшнее купечество, пренебрегая оныя повелѣніи, ходятъ яко крестьянство въ бородахъ и не въ нѣмецкомъ платьѣ; а какъ видно въ томъ саратовскій магистратъ за ними смотрѣніе слабое имѣетъ, того ради, по Е. И. В. указу и по резолюціи саратовской воеводской канцеляріи, велѣно въ саратовскій магистратъ сообщить промеморію, предписавъ въ оной, дабы оной вѣдомства своего купечеству подтвердилъ, чтобы они имянное повелѣніе исполняли, бороды брили и платье носили нѣмецкое. Буде-же кто изъ нихъ мимо онаго магистрата впредь саратовской воеводской канцеляріей усмотрѣнъ или кѣмъ во оную воеводскую канцелярію въ томъ приведенъ будетъ, съ тѣми неотмѣнно поступаемо будетъ по указамъ, а за слабое въ томъ за ними смотрѣніе и саратовской магистратъ безъ отвѣта оставленъ не будетъ; и саратовской магистратъ объ ономъ имѣетъ вѣдать и чинить по Е. И. В. указомъ"[1]). Магистратъ, конечно, принялъ къ свѣдѣнію воеводскія внушенія и подтвердилъ купечеству о неуклонномъ исполненіи именныхъ Е. И. В. указовъ относительно бритья бородъ. Но этимъ дѣло и кончилось: обрить степенное саратовское купечество и одѣть его въ нѣмецкое платье теперь не удалось такъ-же, какъ не удавалось это и въ теченіи цѣлаго предшествовавшаго полустолѣтія. Баратаевская промеморія не привилась къ жизни, какъ не привились и „Е. И. В. имянные указы", ибо не можетъ быть рабъ больше пославшаго его. Это была лебединая пѣснь отживавшихъ свой вѣкъ старыхъ порядковъ. Скоро вступила на императорскій престолъ Екатерина II и политика правительства по отношенію къ расколу круто перемѣнилась. Новыя вѣянія екатерининскаго царствованія сказались очень быстро; 1762 годъ явился началомъ новой эры въ исторіи саратовскаго раскола,—эры, во многихъ отношеніяхъ чрезвычайно замѣчательной и въ высшей степени богатой крупными результатами для мѣстнаго раскола. Ея разсмотрѣнію посвящается слѣдующая глава.

[1]) „Сар. Губ. Вѣд." 1860, стр. 421.

ГЛАВА II.

Призывъ правительствомъ раскольниковъ на Иргизъ.—Основаніе мужскихъ Иргизскихъ скитовъ.—Построеніе часовенъ.—Пугачевъ и связь его съ Иргизомъ.—Открытіе Маргаритина скита.—Прибытіе на Иргизъ Сергія Юршева.—Сближеніе чрезъ него Иргиза съ другими старообрядческими обществами.—Рогожскій перемазанскій соборъ.—Настоятельство Сергія.—Первая иргизская церковь и открытіе явнаго богослуженія.—Борьба Сергія изъ-за монополіи на пріемъ бѣглыхъ поповъ.—Значеніе для Иргиза В. А. Злобина.—Прибытіе на Иргизъ Прохора Калмыкова.—Основаніе Анфисина скита.—Быстрое распространеніе раскола по Саратовскому краю и причины этого явленія.—Полемическіе труды иргизскихъ иноковъ.

Въ теченіи всей первой половины XVIII столѣтія судьба раскола представляетъ картину неравной борьбы слабаго съ сильнымъ; болѣе 50-ти лѣтъ раскольники подвергались неутомимымъ преслѣдованіямъ и массами бѣжали за рубежъ, спасая то, что было имъ особенно дорого,—свою вѣру, завѣтъ и наслѣдіе отцовъ. Остававшимся въ Россіи приходилось или пить до дна чашу испытаній и гоненій, которымъ подвергало ихъ правительство за гласное исповѣданіе „старой вѣры“, или же скрывать свои убѣжденія, лгать и хитрить, искупать время по причинѣ лукавства дней. Смерть Елизаветы Петровны, при которой, по словамъ Дмитрія Сѣченова, „сіяло вёдро благочестія“, измѣнила въ значительной степени такое положеніе дѣлъ: благочестіе нѣсколько омрачилось снисходительностью преемниковъ ея къ расколу. Петръ III почти тотчасъ-же по вступленіи на престолъ, именно 29 января 1762 года, препроводилъ чрезъ генералъ-прокурора Глѣбова на разсмотрѣніе сената указъ, которымъ дозволялось всѣмъ зарубежнымъ раскольникамъ возвратиться въ Россію, съ тѣмъ, что имъ не будетъ чинимо „никакого въ содержаніи закона, по ихъ обыкновенію и старопечатнымъ книгамъ, возбраненія, ибо во Всероссійской Его Императорскаго Величества имперіи и иновѣрцы, яко магометане и идолопоклонники, состоятъ, а тѣ раскольники—христіане, точію во единомъ застарѣломъ суевѣріи и упрямствѣ состоятъ, что отвращать должно не принужденіемъ и огорченіемъ ихъ, отъ которыхъ они, бѣгая за границу, въ томъ же состояніи множественнымъ числомъ проживаютъ безполезно“ [1]). Какъ зародилась въ головѣ

[1]) Полн. собр. зак., XV, № 11.420, стр. 894—895.

Петра III эта свѣтлая, высоко-гуманная мысль,—достовѣрно не извѣстно; можно только, основываясь на словахъ Г. Р. Державина, догадываться, что она явилась подъ вліяніемъ „подаваннаго экономическимъ крестьяниномъ малыковской волости, Иваномъ Серебряковымъ, проекта заселенія раскольниками, выходцами изъ Польши, пустопорожнихъ мѣстъ, лежащихъ по рѣкѣ Иргизу, впадающей въ рѣку Волгу“[1]). Серебряковскій проектъ далъ, такимъ образомъ, первый толчекъ къ измѣненію взгляда правительства на расколъ.

Прежде чѣмъ именной указъ Петра былъ разсмотрѣнъ въ сенатѣ и сочинено по нему „обстоятельное учрежденіе“, государственная власть перешла въ руки Екатерины. Завладѣвшей престоломъ путемъ государственнаго переворота, при помощи солдатъ, Екатеринѣ нужны были симпатіи общества, сочувствіе народа. Оцѣнить всѣ выгоды предложеннаго Серебряковымъ ея мужу проекта—Екатеринѣ было не трудно; заручиться поддержкой старообрядцевъ—далеко не безполезно; поскорѣе колонизовать юго-восточную окраину имперіи—весьма желательно. И вотъ, въ ряду первыхъ начинаній ея царствованія мы наталкиваемся на манифестъ 4 декабря 1762 года, которымъ вызывались въ Россію люди всѣхъ націй, „кромѣ жидовъ“, и поселившіеся за рубежемъ русскіе бѣглецы, по преимуществу раскольники: „Бѣжавшимъ изъ своего отечества подданнымъ возвращаться позволяемъ и обнадеживаемъ, что имъ хотя-бъ по законамъ и слѣдовало учинить наказаніе, но однакожъ всѣ ихъ до сего преступленіи прощаемъ, надѣясь, что они, восчувствовавъ къ нимъ сіи нами оказываемыя матернія щедроты, потщатся, поселясь въ Россіи, пожить спокойно и въ благоденствіи, въ пользу свою и всего общества“[2]). Сенатскій указъ 14 декабря того-же года разъясняетъ и точнѣе опредѣляетъ смыслъ манифеста по отношенію къ раскольникамъ. Вотъ выдержки изъ указа: „Правительствующій Сенатъ, усмотрѣвъ изъ дѣлъ, что между прочими до сего бѣжавшими изъ своего отечества въ Польшѣ и въ другихъ за границей мѣстахъ не малое число находится раскольниковъ, которые, не имѣя понятія о силѣ законовъ, страшась притѣсненія или истязанія, опасаются выходить; и потому имѣя съ Святѣйшимъ

[1]) Соч. Державина, VI, 442. Спб. 1876.
[2]) Полн. собр. зак., XVI, № 11.720, стр. 126—127.

Правительствующимъ Синодомъ конференцію, за благо опредѣлилъ, всѣмъ живущимъ за границей Россійскимъ раскольникамъ объявить, что имъ позволяется выходить и селиться особливыми слободами, не только въ Сибири на Барабинской степи, но и въ Воронежской, Бѣлогородской и Казанской губерніяхъ; на порожнихъ-же и выгодныхъ земляхъ, гдѣ полезнѣе быть можетъ... Имъ и ихъ дѣтямъ никому ни отъ кого никакихъ притѣсненій чинимо не будетъ; а сверхъ того: 1) что они, въ разсужденіи добровольнаго ихъ выхода, не токмо за побѣги въ винахъ ихъ, но и во всѣхъ до сего преступленіяхъ... прощаются и отнюдь ничѣмъ истязаны не будутъ; но еще 2) какъ въ бритьѣ бородъ, такъ и въ ношеніи указнаго платья, никакого принужденія имъ чинимо не будетъ, но оное употреблять имѣютъ по ихъ обыкновенію безпрепятственно; а сверхъ того 3) дается каждому на волю, къ помѣщику-ли своему кто идти пожелаетъ, или въ государственные крестьяне и въ купечество, записаться... только должны они платить такой раскольничій окладъ, какой и прочіе здѣшніе раскольники платятъ. 4) Сначала выхода ихъ, раскольниковъ, при поселеніи каждому дается отъ всякихъ податей и работъ льготы на шесть лѣтъ, и 5) дается всевозможное удобство перехода изъ-за границы на желаемое мѣсто". Въ „реестрѣ опредѣленнымъ къ поселенію входящихъ изъ-за границы Россійскихъ раскольниковъ порожнимъ мѣстамъ" указаны слѣдующія мѣстности въ саратовской губерніи: „Вверхъ отъ Саратова по рѣкѣ Волгѣ: въ урочищѣ Раздоры, гдѣ рѣка Караманъ въ теченіи имѣетъ раздѣленіе на двое, при рѣчкѣ Теляузикѣ, при довольной пахатной землѣ имѣется сѣнокоса 5.478 десятинъ, лѣса дровяного и къ строенію для дворовъ годнаго 4.467 десятинъ; при урочищѣ Зауморскомъ Рвойкѣ сѣно коса 810, лѣса 1.131 десятина; при рѣчкѣ Тишанѣ сѣнокоса 469, лѣса 496 десятинъ; при рѣчкѣ Вертубани сѣнокоса 2.979, лѣса къ строенію годнаго 3.607 десятинъ; при рѣчкѣ Иргизѣ сѣнокоса 5.418, лѣса 2.575 дес.; при рѣчкѣ Сазалеѣ сѣнокоса 1.789, лѣса 1.711 дес.; при рѣчкѣ Березовкѣ сѣнокоса 1.325, лѣса 1.606 дес.; при рѣчкѣ Маломъ Иргизѣ сѣнокоса 731, лѣса 712 дес.; отъ Саратова-же внизъ по рѣкѣ Волгѣ, ниже рѣчки Мухаръ-Тарлика, при довольной-же пахатной землѣ, для сѣнокосовъ 6.366, да лѣса дровяного и для строенія годнаго 943 десятины... Подлѣ рѣчки

Безъимянной сѣнокоса 962, лѣса 609 десятинъ; по рѣкѣ Меньшаго Тарлика сѣнокоса 3.509, лѣса 8.409 дес.; у рѣки Большого Тарлика сѣнокоса 4.122, лѣса 2.118 дес.; между рѣчекъ Большого Тарлика и Камышева Буярака сѣнокоса 3.483, лѣса 1.828 дес.; при рѣчкѣ Камышева Буярака сѣнокоса 1.751, лѣса 2.254 дес.; по рѣкѣ Еруслану луговыхъ мѣстъ 1.744, лѣса 523 дес.; при устьи рѣчки Нижняго Еруслана сѣнокоса 1.770, лѣса 1.104 дес.; при рѣкѣ Яблонномъ Буяракѣ сѣнокоса и лѣса 4.003 десятины. А всего такихъ способныхъ и угодныхъ къ поселенію мѣстъ болѣе 70.000 десятинъ простирается.... Да ниже города Самары по рѣкѣ Волгѣ до устья рѣчки Иргиза и вверхъ по Иргизу, къ поселенію на нѣсколько тысячъ семей, весьма плодородныя и выгодныя земли имѣются, на которыхъ при устьи Большого Иргиза и по другимъ рѣчкамъ болѣе тысячи человѣкъ россійскихъ подданныхъ уже и поселилось“[1]). Эти „россійскіе подданные“ были, вѣроятно, потомками тѣхъ „расколщиковъ“, жившихъ по Иргизу съ женами и дѣтьми многолюдно, за которыми охотились посланные казанскаго митрополита Тихона и архіепископа Сильвестра: къ шестидесятымъ годамъ прошлаго вѣка они обосновались здѣсь прочной осѣдлостью, заведя слободы Балаково, Криволучье, Каменку и Мечетное. Выборъ мѣста для поселенія былъ сдѣланъ ими очень недурно: всѣ четыре слободы богаты водой, лѣсами, лугами и тучнымъ черноземомъ; видно, что выборъ дѣланъ не на спѣхъ, не сторонними пришельцами, а людьми, знающими окресгныя мѣстности. По красотѣ мѣстоположенія особенно замѣчательно Криволучье. Оно лежитъ на правой сторонѣ Иргиза, на ровной возвышенности, съ которой въ свѣтлые лѣтніе дни открывается прекрасная панорама: съ юго-востока синѣютъ лѣса и воды, съ запада—видны необозримые зеленые луга, съ сѣвера—высятся вдали вершины волжскихъ горъ.

Большой Иргизъ, такъ усиленно рекомендованный правительствомъ зарубежнымъ выходцамъ, представляетъ собою самую замѣчательную рѣку юго-восточной половины Саратовскаго края. Трудно встрѣтить столь излучистое теченіе, какъ теченіе Иргиза, особенно въ средней и нижней его частяхъ. Онъ постоянно дѣлаетъ повороты то въ ту, то въ другую сторону и, обогнувъ пространство въ 10 или болѣе верстъ, подходитъ опять весьма близко, иногда не

1) Полн. собр. зак., XVI, № 11.725, стр. 129—132.

болѣе четверти или половины версты, къ прежней линіи теченія. Истокъ Иргиза отстоитъ отъ устья его по прямой линіи не болѣе 240 верстъ, а между тѣмъ, по словамъ здѣшнихъ жителей, хорошо знакомыхъ съ мѣстностью, длина его простирается до 1000 верстъ. Между Вольскомъ и Николаевскомъ по почтовой дорогѣ,—конечно, не вездѣ прямой,—считается около 100 верстъ, а по берегу Иргиза разстояніе это увеличивается до 600. Допуская даже значительную невѣрность этихъ цифръ, все-таки нельзя принимать длину Большого Иргиза менѣе 500—600 верстъ [1]). Рѣка медленно, плавно, лѣниво катитъ свои воды по глубоко промытой въ степной поверхности рытвинѣ, отвѣсныя, крутыя стѣны которой возвышаются мѣстами надъ уровнемъ меженной воды на 7—10 саженей. Вслѣдствіе такого образованія ложа Иргизъ очень рѣдко выступаетъ изъ береговъ. Земли по Иргизу и его притокамъ весьма плодородны и удобны для посѣва пшеницы, тѣмъ болѣе, что съ засухой край этотъ познакомился только въ послѣднее время, прежде-же лѣса задерживали достаточное количество влаги и въ дождяхъ недостатка не было. Бассейнъ Иргиза богатъ былъ хорошей землей, воды его кишѣли рыбой, побережные лѣса—изобиловали пчелами и медомъ. Словомъ, мѣстность по Иргизу дѣйствительно „къ поселенію была выгодна“ и зарубежные раскольники, среди которыхъ, указомъ 20 января 1763 года, повелѣно было „разсѣять“ копіи съ указа 14 декабря, „какъ и предъ симъ о россійскихъ бѣглецахъ вызывательные манифесты“ [2]), не замедлили воспользоваться милостью государыни. Изъ-за польской границы, съ Ветки, потянулись цѣлыя вереницы добровольныхъ выходцевъ. Они объявляли на пограничномъ сторожевомъ форпостѣ свои имена,—очень часто подложныя,—и препровождались при рапортахъ или съ выданными имъ тутъ паспортами въ астраханскую губернскую и саратовскую воеводскую канцеляріи [3]) для поселенія на отведенныхъ имъ въ Заволжьи земляхъ. Въ этихъ канцеляріяхъ съ нихъ брали подписку о несовращеніи въ расколъ православныхъ и затѣмъ выдавались „отверстые указы“ въ такой приблизительно формѣ: „Указъ Ея Императорскаго Величества, Самодержицы Всероссійской, изъ саратовской воеводской канцеляріи господамъ команду имѣющимъ, до кого сей ка-

[1]) Спис. нас. мѣстъ. Самар. губ., стр. XIII. Спб. 1864.
[2]) Полн. собр. зак., XVI, № 11.738.
[3]) Собр. постан., по вѣд. Св. Син., I, 631.

саться будетъ. Данъ сей отверстный указъ вышедшимъ изъ Польши разныхъ чиновъ людямъ, а именно: инокамъ Лаврентію, Іосифу, Марку, Сергію, Исаіѣ, Гавріилу, Игнатію и Никандру, да разныхъ чиновъ людямъ: Петру Моисееву сыну Рукавишникову, Стефану Яковлеву сыну Капустину, Алексѣю Семенову, Михаилу Иванову сыну Лѣсникову, Ѳеодору Севастьянову сыну Зобову, Сидору Ипрасову, Карпу Захарову сыну Захарьеву, Семену Иванову сыну Клепикову, Петру Иванову, Ѳеодору Ѳеодорову, Василію Константинову, Сидору Иванову, Стефану Васильеву сыну Косову, Тихону Мельникову, Семену Савельеву сыну Жданову, Афанасію Иванову сыну Карабѣеву, Кондратію Стефанову, Алексѣю Петрову, Ивану Алексѣеву, Ивану Павлову сыну Шатову, для того, что они желаютъ поселиться въ астраханской губерніи, на дикопорожнихъ мѣстахъ, противъ села Малыковки, при рѣкѣ Большомъ Иргизѣ.... Въ силу имянныхъ Е. И. В. указовъ господамъ команду имѣющимъ показаннымъ изъ-за границы раскольникамъ и инокамъ Лаврентію со товарищи, при поселеніи при рѣкѣ Иргизѣ, противъ села Малыковки, съ женами и дѣтьми никакихъ примѣтовъ и утѣсненій не чинить. А чтобъ они при поселеніи, кромѣ вышедшихъ изъ-за границы, всякаго званія, какъ женска, такъ и мужеска пола, людей въ свой расколъ не превращали и не селились бы слободой, обязаны въ саратовской воеводской канцеляріи подпискою и господамъ команду имѣющимъ, до кого сіе дѣло касаться будетъ, чинить о томъ по Е. И. В. указомъ. 1764 года мая 6. Князь Мелхиседекъ Баратаевъ“ [1]). Съ такимъ указомъ въ рукахъ партіи переселенцевъ направлялись дальше, къ избранному ими мѣсту будущей осѣдлости; въ слободѣ Малыковкѣ, что нынѣ городъ Вольскъ, они выносили еще одну формальность,—предъявляли „отверстые указы“ спеціальнымъ чиновникамъ, причислялись у нихъ платежомъ податей къ дворцовымъ крестьянамъ и получали билетъ на заселеніе извѣстнаго участка земли. Въ числѣ этихъ чиновниковъ нѣкоторое время стоялъ и самъ иниціаторъ всего этого колонизаціоннаго предпріятія, Иванъ Серебряковъ; „но онъ и приставленные къ нему начальники“,—по словамъ Державина,—„тотъ проектъ и сдѣланную по оному имъ отъ правительства довѣренность употребили во зло, принимая всякаго рода и господскихъ людей вмѣсто польскихъ

1) Брат. Св. Кр., № 513, 109—114.

выходцевъ, и давая имъ для поселенія по Иргизу билеты", а потому подпали подъ слѣдствіе и познакомились, въ чаяніи рѣшительнаго приговора, съ сыскнымъ приказомъ [1]). Злоупотребленія начальства, предназначеннаго правительствомъ для урегулированія хода колонизаціи саратовскаго Заволжья, должны были быть очень крупными, чтобы о нихъ дошли свѣденія до Петербурга. Правительство, впрочемъ, относилось сначала къ этимъ злоупотребленіямъ очень мягко: указомъ 8 апрѣля 1763 года повелѣно было сенату всѣхъ бѣглыхъ, жившихъ по рѣкамъ Иргизамъ, переписать, но помѣщикамъ не возвращать, а приписать къ дворцовымъ крестьянамъ малыковской волости, зачесть ихъ въ число рекрутъ тѣмъ помѣщикамъ, отъ которыхъ они бѣжали, и изъ подушнаго оклада исключить [2]). Очевидно, предоставленными выходцамъ изъ Польши льготами и выгодами поселенія по Иргизу желали воспользоваться многіе даже изъ числа коренного населенія Руси: гонимый доселѣ по всему пространству родной земли расколъ нашелъ, наконецъ, мѣсто, гдѣ могъ устроиться на законномъ основаніи. Упускать удобный случай не слѣдовало, тѣмъ болѣе, что Иргизъ лежалъ въ срединѣ раскольничьихъ поселеній: на Уралѣ къ этому времени позаведено было по горамъ и дебрямъ не мало скитовъ; въ Сибири уже къ 1727 году „раскольщиковъ" было много [3]); въ нагорной части Саратовскаго края, какъ можно видѣть изъ предъидущей главы, въ раскольникахъ также недостатка не было. Сосѣди были, такимъ образомъ, своими людьми, собратьями по вѣрѣ и по судьбамъ. Кромѣ того, чрезъ рѣки Иргизъ и Сакмыковку пролегалъ отъ Вольска на Уралъ проселочный трактъ, носившій спеціальное названіе „сиротской дороги", такъ какъ онъ протоптанъ былъ первоначально пробиравшимся въ „Сырты", (отроги уральскаго хребта, послѣдніе плоскіе увалы его) къ казакамъ, разнымъ гонимымъ и озлобленнымъ людомъ—бѣглыми крестьянами, преступниками, раскольниками и т. п. „сиротами", по воззрѣнію нашего добродушнаго, мягкаго къ чужимъ несчастіямъ народа [4]). Удобнымъ сообщеніемъ съ уральскими казаками и сибирскими раскольниками пренебрегать было нельзя, ибо вѣротерпимость Екатерины раздѣляли

1) Соч. Державина, VI, 442.
2) Архивъ Сената. Выс. пов., кн. № 106, л. 121. См. у Дубровина, „Пугач. и его сообщ." I, 350.
3) Полн. собр. зак., VI, № 4109, стр. 782.
4) Списки насел. мѣстъ. Самар. губ., стр. XVIII.

далеко не всѣ изъ ея большихъ и малыхъ помощниковъ, а законъ на Руси, по народному выраженію, тогда былъ „что хомутъ“, который „куда хотятъ, туда и повернутъ“. Люди, собственной спиной испытавшіе справедливость этой поговорки, естественно, должны были остерегаться и держать въ запасѣ, на случай надобности, какое-нибудь крайнее средство. Въ данномъ случаѣ такимъ средствомъ было бѣгство на Уралъ или въ Сибирь: тамъ всегда съ удовольствіемъ укроютъ гонимаго единовѣрца, передержатъ бѣглеца, основываясь на извѣстномъ текстѣ: „грядущаго ко Мнѣ не изжену вонъ“[1]), тѣмъ болѣе, что и полицейская власть тамъ была несравненно слабѣе, чѣмъ въ центральныхъ областяхъ государства. Всѣ условія складывались такъ, что заселеніе раскольниками прииргизскаго края должно было идти впередъ быстрыми шагами: одни пошли сюда изъ-за благъ мірскихъ, прельщенные житейскими выгодами и удобствами, томимые желаніемъ увидѣть вновь родную землю; другіе—изъ-за благъ духовныхъ, „для тихаго и безмолвнаго житія подъ сѣнію благодати и духа Господня“. Первые занялись земледѣльческой культурой, внесли съ собой въ плодородныя степи иргизскія хлѣбопашество и превосходную пшеницу: между уральскими старожилами донынѣ сохранилось ничего неимѣющее противъ себя преданіе, что казаки заимствовались и тѣмъ, и другимъ отъ здѣшнихъ раскольниковъ [2]); вторые—раскинули здѣсь сѣти для уловленія душъ, сдѣлались ловцами человѣковъ. Одни понастроили деревень и хуторовъ, другіе завели скиты; одни собирали богатства тлѣнныя въ житницы свои, другіе искали „неувядаемаго вѣнца правды“ и, уподобляясь птицамъ небеснымъ, ни сѣяли, ни жали. Труженики духа поселились рядомъ съ тружениками плоти.... Изъ множества невѣдомыхъ міру скитовъ ихъ пять сохранились въ памяти потомства и пріобрѣли даже историческое значеніе; это скиты—Аврааміевъ, Пахоміевъ и Филаретовъ, Исаакіевъ, Маргаритинъ и Анфисинъ. Три первые основаны въ 1762 году[3]), два по-

1) Дѣла Секр. Ком., vol. III, стр. 665.
2) „Урал. войск. Вѣд.“ 1872, № 40.
3) Добротворскій, основываясь на „Сборникѣ“ пр. Іакова, относитъ основаніе Пахомиева скита къ 1764 году („Прав. Собесѣдн.,“ 1857, II, 384; см. Сбор. Ниж. сем. библ., л. 414); вслѣдъ за нимъ этотъ-же годъ указываетъ Поповъ („Сбор. для ист. стар.“, IV, 51) и Дубакинъ (Ирг. раск. мон., 7). Опираясь на слова Прохора иргизскаго, „почти современника основателей иргизскихъ скитовъ, который въ представленномъ имъ, по требованію помощника управляющаго саратовской удѣльной конторой, Смирнова, 27 января 1815 года, „Статистическомъ описаніи монастырей“ указываетъ 1762 годъ (Брат. Св. Кр., № 513, л. 115), я считаю

слѣдніе—въ 1774 и 1783 годахъ[1]). На первый взглядъ представляется нѣсколько страннымъ возникновеніе трехъ скитовъ уже въ 1762 году; извѣстный указъ послѣдовалъ только 14 декабря этого года; спрашивается, когда-же успѣли явиться сюда польскіе выходцы и какъ заводили они скиты среди зимы? Но это возраженіе,—впервые поставленное, замѣчу кстати, саратовскимъ губернаторомъ Бѣляковымъ въ письмѣ его, отъ 19 іюля 1804 года за № 3466, къ вольскому исправнику Безобразову по поводу доставленныхъ послѣднимъ свѣдѣній о времени основанія Иргизскихъ скитовъ[2]),—устраняется тѣмъ соображеніемъ, что указъ Петра III данъ былъ еще въ январѣ, а вмѣстѣ съ нимъ, до „сочиненія по оному обстоятельнаго учрежденія“, могло быть дано зарубежнымъ бѣглецамъ негласное разрѣшеніе свободно переходить русскую границу. О самомъ указѣ послѣдніе могли получить свѣдѣнія чрезъ иниціатора этого дѣла, Серебрякова, вѣроятно, раскольника и еще болѣе того вѣроятно—

дату Добротворскаго нѣсколько неточной, тѣмъ болѣе, что въ другомъ мѣстѣ тотъ же „Сборникъ“ пр. Іакова признаетъ, согласно съ Прохоромъ, годомъ основанія Пахоміева скита 1762 годъ. Кромѣ того и архимандритъ Платонъ, долгое время бывшій уставщикомъ у Прохора, говоритъ, что „Филаретъ пришелъ въ Пахоміевъ скитъ въ 1762 году“ (Ниж. сем. библ., № 3774, 447); ясно, что позже этого года данный скитъ не могъ быть основанъ. Скитъ Исаакіевъ, по Добротворскому, основанъ въ 1762 году; Поповъ указываетъ 1764 годъ; Дубакинъ, въ видахъ примиренія, вѣроятно, останавливается на 1763—1764 годахъ. Но у Попова въ вопросѣ объ этомъ скитѣ и его основателѣ царитъ непроходимая путаница, о чемъ ниже придется сказать нѣсколько словъ, а Дубакину, который беретъ среднюю цифру единственно по незнанію, на словахъ котораго изъ своихъ руководителей остановиться, вѣрить, разумѣется, нельзя. Іаковъ и Прохоръ указываютъ 1762 годъ. (Сбор. Іакова, 8; сн. № 513, 114.) Построеніе Аврааміева скита всѣми относится къ 1762 году.

1) Маргаритинъ скитъ основанъ, по Добротворскому, въ 1762 году; Поповъ относитъ основаніе его къ 1765 году; Дубакинъ слѣдуетъ послѣднему, ибо усмотрѣлъ въ этой датѣ „нѣкоторую связь“ съ Масловскимъ разгромомъ Ветки. Какъ ни любопытна сама по себѣ такая связь, но въ натурѣ ея, конечно, не было: Маргаритинъ скитъ не могъ быть основанъ въ 1765 году, когда самой основательницѣ было всего 14 лѣтъ,—по ревизскимъ сказкамъ 1816 года ей значилось 65 лѣтъ (Бр. Св. Кр., № 500, 33). Маргарита была еще жива въ 1827 году и съ ея словъ, конечно, Прохоръ указываетъ 1774 годъ, какъ годъ основанія скита (Ibidem, № 513, 116). Возникновеніе Анфисина скита Добротворскій совершенно справедливо относитъ къ 1783 году, хотя въ „Сборникѣ“ пр. Іакова, которымъ онъ, ссбственно говоря, вездѣ руководится, дважды названъ 1782, какъ годъ основанія этого скита (Нижег. сем. библ., № 3774, 9 и 412). Поповъ и Дубакинъ слѣдуютъ Добротворскому. Составитель описи Иргизскихъ монастырей въ 1827 году говоритъ, что Анфиса вышла съ нѣсколькими сестрами изъ Польши по манифесту 1762 года; поселились онѣ отдѣльными кельями на окраинѣ Мечетной слободы. Къ первоначальнымъ выходцамъ стали присоединяться другія и такимъ образомъ, несмотря на многократные погромы киргизъ-кайсаковъ, съ 1783 до 1786 года образовалась довольно многолюдная женская община (Бр. Св. Кр., № 500, 9). Согласно этому и Прохоръ утверждаетъ, что скитъ возникъ въ 1783 году (Ibidem, № 513, 116; Памят. книжка Сар. губ. на 1860 г., 30).

2) Сар. Истор. Архивъ. Шк. I, пол. А, № 7, л. 95.

стоявшаго въ близкихъ связяхъ съ своими заграничными единовѣрцами, въ интересахъ которыхъ и поданъ былъ имъ „проектъ“.

Первымъ завелъ скитъ инокъ Авраамій, уроженецъ казанской губерніи, села Садовки, что нынѣ въ вольскомъ уѣздѣ. Онъ бѣгалъ въ Польшу и, возвратясь на родину вмѣстѣ съ 12 товарищами, занялъ верстахъ въ 30 отъ Балакова и Волги такъ называемый „Медвѣжій гай,“—возвышенный полуостровъ, тянущійся на версту въ ширину и верстъ на пять въ длину, покрытый густымъ дубовымъ, вязовымъ и осокоревымъ лѣсомъ. Съ юго-востока Медвѣжій гай окруженъ Большимъ Иргизомъ, который сердито шумитъ здѣсь, сжатый крутыми берегами; съ сѣверо-запада омывается большимъ озеромъ, носящимъ названіе Монастырскаго. Озеро это охватываетъ большую половину окружности монастыря. Во время половодья Иргизъ сливается съ озеромъ и весь этотъ полуостровъ, заливаясь, кромѣ возвышенности по срединѣ его, представляетъ видъ кругообразной насыпи, саженей 150 въ поперечникѣ. Мѣсто, избранное Авраамiемъ, какъ нельзя больше соотвѣтствовало цѣлямъ обители: отдаленность отъ жилья, уединеніе, безмолвіе въ тѣни глухого лѣса—все это невольно располагало къ иноческому житію, предоставляло скитникамъ всѣ удобства забыть грѣшный міръ съ его прелестями. Внѣшняя обстановка жизни первыхъ скитниковъ выглядывала такъ же мрачно и холодно, какъ мрачно шумѣли надъ головами ихъ вѣковые дубы, какъ холодно катились мутныя волны излучистаго Иргиза: они жили въ землянкахъ, на скорую руку вырытыхъ въ лѣсной глуши. Устраиваться иначе было и некогда, и не на что, и не для чего: для людей, „вся вмѣнившихъ уметы“, не нужно чертоговъ; духовная борьба со страстями и слабостями человѣческой природы не требуетъ багряницы; истинное богомысліе не ищетъ „своихъ си“. А инокъ Авраамій, какъ и большинство другихъ основателей иргизскихъ скитовъ, несомнѣнно былъ человѣкомъ такого закала: всѣ они—суровые аскеты, фанатики идеи, люди не отъ міра сего.

Нѣсколько выше по Иргизу, противъ слободы Мечетной, обосновался самостоятельнымъ скитомъ другой выходецъ изъ-за польской границы, іеромонахъ Пахомій, явившійся сюда вмѣстѣ съ 17 неизвѣстными по имени иноками. Они разбили свои кельи на ровномъ, красивомъ плато, которое съ юго-запада омывается Иргизомъ, а съ сѣверо-востока—большимъ озеромъ, извѣстнымъ подъ

именемъ „Старичьяго“; съ сѣвера примыкалъ старинный, непроходимый лѣсъ. Во время половодья занятая скитомъ площадь съ трехъ сторонъ окружалась водой выступающей изъ береговъ рѣки. По живописности мѣстоположенія этотъ скитъ уступитъ развѣ только Исаакіевскому: съ Аврааміевымъ онъ равенъ въ этомъ отношеніи. Немного спустя послѣ открытія этого скита, сюда пришелъ также изъ-за польской границы товарищъ Пахомія по изгнанію, инокъ Филаретъ. Неизвѣстно, одинъ ли онъ явился или привелъ съ собой и нѣсколько спутниковъ,—вѣроятнѣе послѣднее,—но не ужился долго подъ начальствомъ у своего товарища и окружилъ себя нѣсколькими единомышленниками. Составилась самостоятельная община и единый вначалѣ скитъ распадается теперь на два отдѣленія, изъ которыхъ въ одномъ настоятельствуетъ Пахомій, въ другомъ—Филаретъ; поэтому скитъ и называется въ сохранившихся памятникахъ и преданіяхъ того времени то Пахоміевымъ, то Филаретовымъ [1]). Эти два отдѣленія слились въ одно гораздо позже разсматриваемаго времени—въ концѣ 90-хъ годовъ. Въ одной рукописи, хранящейся въ Императорской Публичной библіотекѣ и относящейся къ 1782 году, находимъ между прочимъ слѣдующія любопытныя строки: „Иргизъ населенъ хотя и рѣдкими, но не малыми слободами выходцевъ изъ-за границы польской, между которыми находятся четыре монастыря мужскихъ и одинъ женскій, своей вѣры служеніе отправляющихъ“ [2]). Очевидно, оба скита, о ко-

---

1) Поповъ считаетъ основателемъ этого скита какого-то Сергія, Филарету-же приписываетъ основаніе третьяго изъ мужскихъ Иргизскихъ скитовъ, Исаакіева (IV, 52). Но скиты, какъ это справедливо замѣчаетъ и самъ Поповъ (Ibidem, 155), всегда назывались по имени основателей, тѣмъ болѣе, что послѣдніе всегда были и первыми настоятелями ихъ. Если такъ, то непонятно, почему это скитъ Сергіевъ названъ былъ—„Пахоміевымъ“, а Филаретовъ—„Исаакіевымъ“? Это соображеніе, но вотъ и фактъ: Прохоръ называетъ основателями Пахомія и Филарета; преосв. Іаковъ повторяетъ тоже (Брат. Св. Кр., № 513, 115; Ниж. сем. библ., № 3774, 414). Между тѣмъ эти два лица,—особенно же первый,—спеціалисты и авторитеты въ вопросѣ о расколѣ на Иргизѣ. Ошибка Попова совершенно непонятна, особенно въ виду того, что онъ самъ-же опубликовалъ письмо съ Иргиза въ Москву, по поводу дѣла Никодима и Михаила Калмыка: въ этомъ письмѣ, относящемся къ 1779 году, скиты—Исаакіевъ, Пахоміевъ и Филаретовъ ясно разграничиваются одинъ отъ другого (I, 216). Дубакинъ избралъ выходъ изъ затрудненія остроумнѣе: взглядъ Попова ему кажется „едва-ли справедливымъ“ и потому онъ приписываетъ основаніе скита Пахомію, Филарета-же дѣлаетъ настоятелемъ этого скита по смерти Пахомія (Ирг. раск. мон., 7—8); но остроуміе этой гипотезы основывается на отсутствіи всякаго знакомства автора съ исторіей пугачевскаго бунта: Филаретъ сбѣжалъ съ Иргиза раньше Пахомія, настоятельствовали-же они одновременно.

2) „Пам. кн. Сар. губ. на 1860 г.“, 39.

торыхъ идетъ рѣчь, въ этомъ году не слились еще въ одинъ,—иначе ихъ было бы всего три, а не четыре. Ниже опредѣлено будетъ точнѣе и самое время сліянія въ одно цѣлое обоихъ скитовъ, и причины его.

Противъ селенія Каменки, 7-ю верстами выше Пахоміева скита, на „Старицкомъ Юру“, основалъ свой скитъ выходецъ изъ Польши священно-инокъ Исаакій[1]). Этотъ привелъ съ собой изъ-за границы 11 иноковъ и 14 бѣльцовъ; съ ними вмѣстѣ приписался въ дворцовые крестьяне и съ дозволенія саратовскаго воеводы, князя Баратаева, занялъ полуостровъ, верстъ восемь въ окружности, со всѣхъ сторонъ обросшій дремучимъ, непроглядным чернолѣсьемъ. Этотъ полуостровъ соединяется съ твердой землей только одной узенькой полоской на сѣверо-востокѣ: съ сѣверо-запада протекаетъ Иргизъ, а съ юго-востока $^3/_4$ полуострова окружаютъ воды озера Калачъ. Скитъ стоялъ гораздо ближе къ озеру, чѣмъ къ рѣкѣ: отъ послѣдней онъ отдаленъ приблизительно на версту. По условіямъ жизни и по обстановкѣ, оба послѣдніе скита ничѣмъ, вѣроятно, не отличались отъ скита Авраамієва; быть можетъ, только строже были порядки общежитія и требованія отъ новопоступавшихъ. Такъ заставляетъ думать сохранившееся донынѣ въ Исаакіевомъ скиту (теперь Верхній единовѣрческій монастырь) собственноручное завѣщаніе Исаакія,—по завѣщанію можно судить приблизительно о завѣщателѣ. Къ сожалѣнію, нельзя возстановить въ его первоначальномъ видѣ этотъ любопытный историческій документъ: чернила отъ времени и сырости побурѣли, а во многихъ мѣстахъ даже совершенно выцвѣли, превратившись въ грязныя пятна, отъ красиваго почерка уцѣлѣли одни слѣды. Но тѣ отдѣльныя слова и короткіе обрывки фразъ, которые можно еще съ трудомъ прочитать, даютъ понять, что Исаакій убѣждалъ свою братію и будущихъ насельниковъ этого скита безъ отмѣны и порока соблюдать древнюю вѣру, во всей строгости слѣдовать требованіямъ нравственности и украшаться добродѣтелями, ибо подъ этими только условіями воз-

[1]) Поповъ, на основаніи темной надписи на стѣнѣ Введенской церкви, построенной впослѣдствіи въ этомъ скитѣ, называетъ основателемъ его инока Филарета, вышедшаго изъ Польши вмѣстѣ съ основателемъ Пахоміева скита (IV, 102). Къ сожалѣнію, я не могъ прочитать этой надписи. Поповъ-же не приводитъ ея дословно. Болѣе убѣдительнымъ представляется свидѣтельство Прохора, подтверждаемое къ тому-же и преосв. Іаковомъ, что основанъ этотъ скитъ священно-инокомъ Исаакіемъ (Бр. Св. Кр., № 513, 114; Ниж. сем. библ., № 3774, 8).

можна прочная и свѣтлая будущность его творенія. Завѣщатель, до извѣстной степени книжный и даже по тому времени довольно образованный, представляется человѣкомъ глубоко религіознымъ, строго нравственнымъ, искренно вѣровавшимъ въ правоту своихъ убѣжденій, старавшимся утвердить ихъ въ душѣ подчиненной ему братіи и настаивавшимъ на неуклонномъ выполненіи ею суровыхъ завѣтовъ аскетизма, на смиренномъ, любовномъ несеніи добровольно принятаго креста: безъ сомнѣнія, онъ и при жизни говорилъ тоже, что сказалъ изъ-за гроба.

Эти одновременно образовавшіеся по Иргизу скиты были тѣмъ зерномъ, изъ котораго расцвѣло потомъ пышное дерево; первыя бѣдныя, скромныя кельи ихъ послужили надежнымъ фундаментомъ будущаго величія. Вначалѣ они, естественно, не представляли собой сколько-нибудь виднаго центра мѣстнаго раскола: такихъ скитовъ и раньше не мало было разсѣяно по лѣсамъ и ущельямъ Саратовскаго края. Но условія мѣстности и времени скоро выдвинули ихъ далеко впередъ. Строгая аскетическая жизнь скитниковъ невольно привлекала къ нимъ окружное единовѣрное имъ населеніе: сюда шли за совѣтами, за разрѣшеніемъ разныхъ недоумѣнныхъ вопросовъ обрядоваго и вѣроисповѣднаго характера. Молва о святости отшельниковъ со дня на день ширилась и росла. Немало нервныхъ, экзальтированныхъ натуръ соблазнялись ихъ примѣромъ и шли въ новопостроенные скиты; въ тоже время съ Ветки постепенно приливали новыя партіи выходцевъ: по переписи 1762—1765 годовъ въ Аврааміевомъ скиту оказалось 17, въ Пахоміевомъ и Филаретовомъ—29, въ Исаакіевомъ—37 человѣкъ[1]). Но эти цифры, несомнѣнно, ниже дѣйствительности, такъ какъ не всѣ, конечно, жители скитовъ обладали документами, которые нужно было представить оффиціальнымъ переписчикамъ: „слѣпыхъ“, т. е. безбилетныхъ, на Иргизѣ всегда было гораздо больше, чѣмъ „лицевыхъ“.

Все сильнѣе, настоятельнѣе начинала чувствоваться нужда въ устроеніи мѣстъ общественнаго богомоленья, въ созданіи молитвенныхъ домовъ или часовенъ. Собравшись съ силами, скитники принялись воздвигать часовни: это они считали вполнѣ законнымъ, ибо манифестомъ 1762 года имъ предоставлялась свобода въ отправле-

[1]) Государ. Архивъ. VI, № 490. См. у Дубровина „Пугачевъ и его сообщники“, I, 151.

нiи богослуженiя. Неизвѣстно съ достовѣрностью, кто первый воздвигъ въ своемъ скиту часовню; но можно догадываться, что это былъ Исаакій: сохранилось извѣстіе, что онъ въ 1764 году построилъ часовню во имя Покрова Богородицы[1]). Его примѣру не замедлили, разумѣется, послѣдовать и настоятели обоихъ остальныхъ скитовъ: срубилъ себѣ изъ прочныхъ дубовыхъ бревенъ часовенку Пахомій и освятилъ ее во имя Николая Чудотворца[2]); завелъ такую же и Авраамій[3]). Извѣстность скитовъ, благодаря часовнямъ, разнеслась далеко и дошла даже до Петербурга. Святѣйшій синодъ 21 іюля 1768 года писалъ сенату по поводу раскольничьихъ часовенъ на Иргизѣ и въ крѣпости Елизаветы: „Какъ въ манифестахъ 1762 и 1764 годовъ, равно и въ прочихъ о раскольникахъ состоявшихся узаконеніяхъ не упоминается того, чтобы имъ имѣть особенныя церкви и часовни, то онымъ церквамъ и часовнямъ быть не должно, дабы изъ того православнымъ развращенія послѣдовать не могло“[4]). Какой результатъ имѣло это отношеніе синода—ни откуда не видно; возможно, что оно, какъ неблаговременное, оставлено было безъ послѣдствій; но самый фактъ переписки двухъ высшихъ правительственныхъ учрежденій по вопросу о часовняхъ бросаетъ нѣсколько иное освѣщеніе на исторію первыхъ дней иргизскихъ ски-

---

1) Брат. Св. Кр., № 500, 1. Преосв. Макарій относитъ построеніе первой иргизской часовни,—по его словамъ, въ честь Введенія во храмъ, именно въ скитѣ Исаакіевомъ,—къ 1770 году и приписываетъ его черному попу Іакову, выписанному отъ Михаила Калмыка, изъ Стародубья (Ист. раскола, 315). Вслѣдъ за нимъ и Муравьевъ утверждаетъ то-же, но только въ еще болѣе рѣзкой и положительной формѣ, причемъ, подобно Макарію, ссылается на рукопись Сергія Юршева „*О началѣ иргизскихъ скитовъ*“ (Раск., облич. св. ист., 350–351). Добротворскій, Поповъ и Дубакинъ, разумѣется, не отстаютъ отъ этихъ авторитетовъ, хотя почему-то, удерживая годъ, измѣняютъ мѣсто: Поповъ утверждаетъ, что Іаковъ построилъ часовню въ скитѣ Сергіевомъ (Филаретовомъ), а остальные двое стоятъ за скитъ Пахоміевъ. Но все дѣло въ томъ, что въ словахъ обоихъ авторитетовъ кроется какая-то ошибка: первая иргизская часовня не могла возникнуть въ 1770 году, ибо о ней упоминается уже въ отношеніи Св. синода въ сенатъ отъ 21 іюля 1768 года, и всего вѣроятнѣе возникла въ 1764 году; съ другой стороны и Сергій, явившійся на Иргизъ около 1776 года, не могъ такъ сильно ошибиться. Остается одно предположеніе: ни преосв. Макарій, ни Муравьевъ не видѣли подлинной рукописи Сергія и пользовались или крайне искаженнымъ спискомъ ея, или прямо подложнымъ. Предположеніе весьма правдоподобное, особенно если принять въ соображеніе, что оба эти автора, опираясь на рукопись Сергія, и дальше допускаютъ не мало очевидныхъ ошибокъ (въ своемъ мѣстѣ онѣ будутъ указаны), хотя исторіи возникновенія скитовъ посвящаютъ всего нѣсколько тощихъ страничекъ: изъ спеціальнаго сочиненія объ этомъ предметѣ, писаннаго чуть не очевидцемъ, конечно, можно было извлечь матеріала и побольше ...

2) Впослѣдствіи, спустя болѣе полстолѣтія, она была продана въ Каменку.

3) Брат. Св. Кр., № 513, 115; № 500, 6, 54.

4) Дѣла Секр. Комит., Vol. III, стр. 759.

товъ и заставляетъ отступить немного отъ установившагося въ литературѣ воззрѣнія, будто скиты эти пріобрѣли извѣстность только благодаря дѣятельности Сергія Юршева, съ начала 80-хъ годовъ прошлаго вѣка. Жизнь и энергическая работа закипѣли на Иргизѣ гораздо раньше появленія здѣсь Сергія. Исаакій, Пахомій и Авраамій неусыпно заботились о будущности своего созданія и не упускали ничего, сколько-нибудь соотвѣтствующаго его интересамъ. Они не могли не понимать всѣхъ выгодъ, обѣщаемыхъ построеніемъ часовенъ, и умно воспользовались обстоятельствами. Дѣятельность Сергія была только логическимъ продолженіемъ системы его предшественниковъ; но ечу пришлось увѣнчать начатое ими зданіе и это обезсмертило его имя въ глазахъ потомства, отодвинувъ передъ нимъ на задній планъ имена истинныхъ создателей Иргиза.

Десять лѣтъ продолжалось „тихое и безмолвное житіе“ иргизскихъ иноковъ. Какъ сейчасъ было замѣчено, обратили было на нихъ вниманіе свыше изъ-за построенія часовенъ, но не надолго; это дѣло скоро заглохло. Гораздо больше надѣлало шуму появленіе въ одномъ изъ этихъ скитовъ Пугачева. Случайно или по предварительно-обдуманному плану попалъ Пугачевъ на Иргизъ, искалъ ли онъ здѣсь только убѣжища, какъ гонимый, или и союзниковъ и покровителей, какъ будущій самозванецъ—это до самаго послѣдняго времени остается загадкой для изслѣдователей. Вопросъ объ участіи въ пугачевскомъ бунтѣ раскольниковъ вообще и раскольниковъ иргизскихъ въ частности едва ли можно признать рѣшеннымъ окончательно нашей исторической литературой, несмотря даже на появленіе капитальнаго труда Н. Ѳ. Дубровина „*Пугачевъ и его сообщники*“ (Спб. 1884. 3 т.). Нѣкоторые, какъ напримѣръ, извѣстный историкъ-беллетристъ Мордовцевъ, рѣшаютъ данный вопросъ въ положительномъ смыслѣ, и притомъ рѣшаютъ самымъ непогрѣшимымъ тономъ: „Иргизскіе скиты служили главнымъ рычагомъ, которымъ двигалась извѣстная смута бывшаго Яицкаго войска,—смута, предшествовавшая пугачевской и потомъ слившаяся съ нею. Рычагомъ эти скиты служили и во внутреннихъ смутахъ Донского войска, которое обнаружило попытку отложиться отъ правительства въ пользу Пугачева. Рычагомъ служили иргизскіе скиты въ дѣлѣ измѣны бывшаго Волжскаго войска въ пользу самозванца. На Иргизѣ-же старецъ Филаретъ далъ первое благословеніе Пугачеву и его по-

сконнымъ съ раскольничьимъ крестомъ знаменамъ, подъ которыми стала цѣлая половина населенія всей юго-восточной Россіи и которыя „глупственное дерзновеніе предъявляли развѣваться надъ самымъ императорскимъ всероссійскимъ троном, яко то изрыгали скверныя уста самого злодѣя Емельки Пугачева...“[1]) „Въ одной принадлежащей намъ рукописи,“—утверждаетъ тотъ же авторъ,—„сообщенной саратовскимъ сторожиломъ Никитинымъ, положительно говорится, что Пугачевъ нашелъ сильную поддержку у раскольниковъ, обитавшихъ въ воронежскихъ лѣсахъ, гдѣ его принялъ какой-то раскольникъ Никита и предложилъ услуги своихъ единомышленниковъ“[2]). Еще смѣлѣе выражается онъ въ другомъ мѣстѣ: „Кто первый подалъ мысль шатающемуся за польской границей казаку назваться Петромъ III?—раскольники... Кто помогалъ первому бѣгству и укрывательству Пугачева?—опять раскольники. Раскольникъ Коровка указалъ ему путь въ Польшу. Коровка далъ ему сына въ провожатые. Сынъ Коровки провелъ его къ раскольничьему старцу Вавилѣ, въ стародубскія слободы. Таинственная рука, направляемая раскольниками, водитъ Пугачева съ мѣста на мѣсто. Все раскольники! Кто далъ Пугачеву денегъ для приведенія своихъ плановъ въ исполненіе?—Раскольники. Деньги давалъ Кожевниковъ, деньги давалъ и Андрей Кузнецовъ, тоже раскольники, жившіе на хуторахъ около Усть-Медвѣдицы, куда таинственная рука провела Пугачева... Вездѣ раскольники. Интрига создается и ведется раскольниками. Раскольники направляютъ любимца, свою надежду на Иргизъ, прямо къ тамошнему раскольничьему игумену Филарету. Пугачевъ на Иргизѣ между раскольниками. Откры́лся во всемъ Филарету. Филаретъ одобрилъ планы будущаго самозванца и послалъ его къ новому раскольнику, къ Денису Пьянову. Тутъ уже началъ дѣйствовать и самъ Пугачевъ, наученный раскольниками. Онъ началъ мутить казаковъ. Но его схватили и засадили въ казанскій острогъ... Опять являются раскольники. Нашелся купецъ Щолоковъ—раскольникъ, и губернаторъ облегчилъ заключеніе Пугачева. Содержавшійся съ нимъ въ острогѣ колодникъ (Дружининъ), изъ раскольниковъ же[3]), помогъ Пугачеву бѣжать. Очутившись на

1) „Отеч. Записки“, 1874, № 11, 69.
2) Мордовцевъ, Самозв. и пониз. вольн., I, 146. Спб. 1867.
3) Дубровинъ говоритъ, что Дружининъ—не раскольникъ (I, 165).

волѣ, онъ опять нашелъ пріютъ у раскольниковъ. Являются раскольники Кандалинцевъ, Еремкина Курица.. Итакъ, вотъ гдѣ начало этой сложной, таинственной интриги. Это начало—раскольники. Они сплели ту таинственную, цѣпкую паутину, которая опутала всю Россію... Въ манифестѣ 19 декабря 1774 года и въ сентенціи, составленныхъ изъ слѣдственнаго дѣла о Пугачевѣ и его сообщникахъ, участіе раскольниковъ въ пугачевской смутѣ совершенно не разслѣдовано и все это какъ бы игнорировано... Неужели и въ самую слѣдственную комиссію, и въ сенатъ, и въ синодъ, и въ кабинетъ императрицы проникла раскольничья интрига?“[1]).

Взглядъ г. Мордовцева едва ли способенъ выдержать холодную, безпристрастную критику,—онъ слишкомъ уже дышетъ преувеличеніемъ и односторонностью. Прежде всего самъ Пугачевъ едвали былъ раскольникомъ. По показанію его жены, онъ вначалѣ „ходилъ въ церковь Божію, исповѣдывался и пріобщался Святыхъ Таинъ и только крестъ ко изображенію совокуплялъ большой съ двумя послѣдними пальцами“[2]). Тоже самое видно и въ позднѣйшую эпоху его жизни. По характерному выраженію атамана Уральскаго войска, Столыпина, это былъ „просто мошенникъ, который съ раскольниками былъ раскольникъ, а съ православными—православный“; въ городахъ и селахъ, имъ захваченныхъ, его обыкновенно встрѣчало духовенство съ образами, хоругвями и крестомъ, къ которому онъ прикладывался; на Устиньѣ вѣнчалъ его въ Уральскѣ православный священникъ Живетинъ[3]). Раскольникъ по убѣжденіямъ и креатура раскольниковъ—никогда не позволилъ бы себѣ этого. Но на ряду съ этими соображеніями мы видимъ факты несомнѣннаго покровительства Пугачеву со стороны раскольниковъ. Кажущееся противорѣчіе удобно устраняется слѣдующимъ показаніемъ одного изъ сообщниковъ самозванца: „Пугачевъ, чтобы снискать въ раскольникахъ знакомства, сказывался и самъ тако-

1) Мордовцевъ, Полит. движ. рус. нар., I, 253—259. Спб. 1871. Съ легкой руки г. Мордовцева, выдвинувшаго такимъ образомъ участіе раскольниковъ въ пугачевскомъ бунтѣ на очень видное мѣсто, теорія эта вошла въ моду. Особенно усиленно пропагандировалъ ее съ чужого голоса г. Ливановъ; безцеремонно перепечатывая г. Мордовцева, онъ тѣмъ не менѣе развязно заявлялъ, что „до сего времени еще никто не упоминалъ объ участіи раскольниковъ въ пугачевщинѣ“, и что онъ, Ливановъ, „раскрылъ это участіе“ (Раскол. и острожн., III, 387—399. Спб. 1872).

2) Пушкинъ, Собр. сочин., томъ VI, 126. Спб. 1881.

3) Витевскій, Раск. въ Урал. войскѣ, 19.

вымъ-же, а потому во всѣхъ мѣстахъ страннопріимствомъ ихъ и пользовался; ибо у раскольниковъ принимать бѣдныхъ и давать покровительство имъ почитается за величайшую добродѣтель“ [1]). Зарубежный скиталецъ, наслышавшись на Веткѣ объ удобствахъ житья среди иргизскихъ раскольниковъ, двинулся въ обратный путь на родину; единовѣрцы дѣйствительно помогли ему пробраться къ мѣсту назначенія: они передавали его съ рукъ на руки, заботились и охраняли, но такъ относились не потому, что видѣли въ немъ свою „надежду“, а просто по чувству партійныхъ симпатій и по мотивамъ религіознаго характера, памятуя слова: „грядущаго ко Мнѣ не изжену вонъ“ и „стараго и младаго между стѣнами твоими сокрый“. Элементъ политическій здѣсь несомнѣнно отсутствовалъ. Такъ, очевидно, взглянула на это и секретная комиссія, производившая слѣдствіе по пугачевскому дѣлу: въ докладѣ предсѣдателя ея, П. С. Потемкина, Кожевниковъ, Худяковъ, Кузнецовъ, Коровка и Щолоковъ совершенно устранены отъ обвиненія, ибо „всѣ оные были по первому допросу самозванца важны, но каждый изъ нихъ обличилъ злодѣя во лжи“ [2]). Предположеніе, что и въ секретную слѣдственную комиссію проникла „раскольничья интрига“, слишкомъ невѣроятно: пугачевское дѣло черезчуръ крупно для того, чтобы слѣдователи осмѣлились такъ рѣшительно кривить въ немъ душой.

Первымъ дѣятельнымъ помощникомъ и отчасти, пожалуй, покровителемъ Пугачева былъ дѣйствительно раскольникъ—старецъ Филаретъ; первоначальной ареной его дѣятельности—иргизскій Филаретовъ скитъ. Слѣдственная комиссія признала Филарета „первымъ наставникомъ Пугачева“ [3]). Самъ Пугачевъ въ опубликованныхъ „допросахъ“ ему объ этомъ положительнаго ничего не говоритъ, но относящееся сюда мѣсто его показаній косвенно подтверждаетъ другія дошедшія до насъ извѣстія: „Я.... поѣхалъ на Иргизъ, въ Филаретовъ монастырь, къ настоятелю Филарету, у котораго, яко выходецъ, жилъ три дня и вмѣстѣ съ онымъ поѣхалъ въ Малыковку попросить, чтобъ позволилъ не быть въ Симбирскѣ, прожить недѣли три, ибо лошадь у меня худа, такъ что не на чемъ скоро отправиться. Управитель хотя и понуждалъ, чтобъ поскорѣй

1) „Чтенія въ Общ. ист. и древ.“, 1858, 2, отд. II, 11.
2) Гротъ, Мат. для ист. пуг. бунта, 130—131; Спб. 1875.
3) Ibidem, 124.

явиться, но, наконецъ, позволилъ безъ объявленія прожить недѣли три, почему я обратно съ тѣмъ Филаретомъ къ нему въ монастырь пріѣхалъ, а на другой день поѣхалъ въ Мечетную слободу для житья, ибо въ монастырѣ, хотя я и раскольникомъ уже назывался, жить было непристойно“[1]). Архимандритъ Платонъ, со словъ „евангельскихъ дѣтей“ этого самаго Филарета, говоритъ, что замыслы самозванца были сочувственно приняты Филаретомъ: онъ благословилъ Пугачева и въ благодарность за это получилъ отъ него обѣщаніе патріаршаго престола; сколько жилъ у него Пугачевъ—неизвѣстно [2]). Не отвергая сочувствія и содѣйствія Филарета, я думаю только, что ихъ не нужно расширять слишкомъ: Филаретъ лично могъ сочувствовать самозванцу, ибо вѣрилъ въ возможность успѣха, но обобщать его симпатіи историкъ не имѣетъ права. Дѣло Пугачева не было общимъ дѣломъ раскола: несмотря на авторитетъ настоятеля скита, примкнувшаго къ Пугачеву, послѣдній былъ выданъ властямъ ревностнѣйшими раскольниками, столпами древляго православія, Злобинымъ и Расторгуевымъ: „Я имѣлъ счастіе“, такъ писалъ 10 ноября 1789 года В. А. Злобинъ саратовскому генералъ-губернатору Черткову, „въ прошедшее неустройство, въ бытность на Иргизѣ, въ слободѣ Мечетной, съ бывшимъ смотрителемъ Иваномъ Расторгуевымъ, хотя и въ юныхъ моихъ лѣтахъ, обнаружить первое намѣреніе возмутителя, почему онъ и былъ пойманъ“[3]). Еще интереснѣе представляется фактъ первой поимки самозванца у г. Дубровина, который утверждаетъ, будто въ числѣ лицъ, арестовавшихъ Пугачева, былъ и старецъ Филаретъ. „Въ промеморіи управительскихъ дѣлъ отъ 19 декабря 1772 года записано: означенный вышедшій изъ Польши раскольникъ (Пугачевъ) чрезъ посланныхъ сыскиванъ былъ и отъ выборнаго Митрофана Федорова и Филаретова раскольничьяго скита отъ инока Филарета и Мечетной слободы отъ крестьянина Степана Васильева съ товарищи приведенъ къ управительскимъ дѣламъ“[4]). Въ виду всей послѣдующей исторіи Филарета можно думать, что имя его, если только здѣсь рѣчь идетъ о Филаретѣ-настоятелѣ, попало на страницы управительской промеморіи немного „случайно“, т. е. за деньги: Филарету гораздо вы-

[1]) „Чтенія въ Общ. ист. и древн.“ 1853, 2, отд. II, 6.
[2]) Ниж. сем. библ., № 3774, 447.
[3]) Леопольдовъ, Біографія В. А. Злобина, 33. Саратовъ, 1871.
[4]) Дубровинъ, I, 159. См. Госуд. Арх., VI, № 413.

годнѣе было „записаться“, чѣмъ попасть въ сообщники и укрыватели. Послѣ удачнаго побѣга изъ Казани, Пугачевъ опять пришелъ на Иргизъ, къ своему знакомцу, и опять неудачно: на этотъ разъ „удѣльный крестьянинъ заволжской слободы Мечетной, Семенъ Филипповъ съ товарищами, явился въ Малыковку и объявилъ, что около слободы Мечетной, въ иргизскомъ раскольничьемъ монастырѣ, скрывается человѣкъ, который называетъ себя императоромъ Петромъ III“ [1]). Но изловить Пугачева во второй разъ не удалось: Филаретъ сообразилъ опасность и, по словамъ Рунича, „тайнымъ образомъ переправилъ своего гостя за рѣку Иргизъ въ степь“ [2]), а вслѣдъ за нимъ и самъ скрылся изъ своего скита, но былъ пойманъ потомъ въ Сызрани и отправленъ въ казанскую тюрьму, гдѣ сидѣлъ въ секретной экспедиціи до взятіи Казани Пугачевымъ. Вмѣстѣ съ другими колодниками онъ былъ выпущенъ самозванцемъ на свободу и богато награжденъ [3]). Извѣстіе о появленіи на Иргизѣ самозванца дошло до Петербурга и тамъ, хотя и не скоро, рѣшились принять противъ укрывавшихся въ скитахъ разныхъ бѣглецовъ энергичныя мѣры: журналомъ отъ 17 іюня 1773 года сенатъ предписалъ казанскому губернатору Бранту отправить туда команду и осмотрѣть всѣ скиты вдругъ, чтобы раскольники не могли укрыться изъ одного скита въ другой. Этимъ способомъ въ нихъ найдено бѣглыхъ разнаго званія мужчинъ и женщинъ 44 человѣка [4]),—цифра, замѣтить кстати, убѣдительно говорящая въ пользу мысли о быстромъ увеличеніи числа скитниковъ.

Обстоятельства начинаютъ складываться все болѣе и болѣе неблагопріятно для иргизскихъ раскольниковъ. По первому же полученному извѣстію объ успѣхахъ самозванца отдано было распоряженіе „наблюдать осторожно иргизскія селенія, чтобъ предъоказанные злодѣи не расположились и не усилили свои тамъ дистанціи“ [5]). И распоряженіе это не было результатомъ одного перепуга; ближайшія послѣдствія доказали, что въ мѣстахъ при-иргизскихъ накопилось достаточно горючаго матеріала, для воспламе-

1) Леопольдовъ, loc. cit., 33. Свѣдѣніе заимствовано Леопольдовымъ изъ архивнаго дѣла Вольскаго уѣзднаго суда.
2) „Рус. Стар.“, 1870, II, 124. Изд. I.
3) Соч. Державина, V, № 70, 147, 158.
4) Соловьевъ, Ист. Россіи, XXIX, 132.
5) Мордовцевъ, Полит. движ. рус. нар., I, 18.

ненія котораго не доставало только искры: въ Малыковкѣ скоро вспыхнулъ бунтъ. Подъ предводительствомъ крестьянина Петра Сапожникова раскольники возстали противъ правительственныхъ властей и умертвили нѣсколько человѣкъ своихъ односельчанъ, вѣрныхъ церкви и престолу [1]). Но и этотъ фактъ не даетъ особенно сильнаго подкрѣпленія взгляду Мордовцева: онъ самъ по себѣ свидѣтельствуетъ только о томъ, что въ средѣ саратовскихъ раскольниковъ было не мало безшабашныхъ головъ, готовыхъ встать подъ знамена любого проходимца для борьбы съ правительствомъ. Всего проще и, вѣроятно, ближе къ истинѣ будетъ сказать, что раскольники въ значительной мѣрѣ содѣйствовали пугачевскому движенію, которое было для нихъ возрожденіемъ движенія Разина и представляло нѣсколько лишнихъ шансовъ на счастливый исходъ ихъ безмолвной, но упорной борьбы съ господствующей властью; смотрѣть же на Пугачева, какъ на слѣдствіе „раскольничьей интриги", приписывать расколу руководящее значеніе въ исторіи этой двухлѣтней междуусобной войны,—значитъ преувеличивать дѣйствительность въ пользу предвзятой теоріи, будто расколъ, по самой сущности своей, есть явленіе революціоннаго характера. Если бы дѣйствительно раскольники „создали" Пугачева, какъ поляки—Лже-Дмитрія, тогда было бы совсѣмъ непонятно, почему это изъ четырехъ иргизскихъ скитовъ только одинъ, въ лицѣ своего настоятеля, рѣшительно примкнулъ къ самозванцу, да другой (Пахоміевъ) колебался и держалъ себя двусмысленно; между тѣмъ ни Авраміевъ, ни Исаакіевъ скиты не присоединились къ самозванцу,—въ общемъ дѣлѣ раскола они не задумались-бы, конечно, стать на его защиту [2]). Сама Екатерина II одно время была настолько увѣрена въ близкихъ связяхъ самозванца съ иргизскими скитами, что дала Г. Р. Державину секретное порученіе ѣхать туда и попытаться изловить при помощи разныхъ ухищреній Пугачева, если онъ вздумаетъ опять показаться въ тамошнихъ мѣстахъ. Миссія Державина, несмотря на всѣ его старанія, не

1) Леопольдовъ, Біогр. В. А. Злобина, 38.

2) Поповъ, на основаніи какихъ-то крайне темныхъ и спутанныхъ данныхъ, утверждаетъ, что Пугачевъ скрывался то въ кельѣ Филарета Заозерскаго, то въ самомъ Исаакіевомъ скитѣ (IV, 103—104). Это утвержденіе ничѣмъ и никѣмъ однако не подтверждается. Поповъ, кажется, просто не съумѣлъ разобраться въ тѣхъ разсказахъ и преданіяхъ, которые были у него подъ рукой. Благодаря этому, онъ вынужденъ былъ создать какого-то Филарета Заозерскаго, когда и одного Филарета, соговрища Пахомія, вполнѣ достаточно было для укрывательства Пугачева.

имѣла рѣшительно никакого успѣха, какъ не имѣла его и сдѣланная нѣсколько раньше казанскимъ губернаторомъ Брантомъ подобная же попытка. Брантъ, 5 іюня 1773 года, просилъ управителя малыковской дворцовой волости, Позднякова, принять мѣры къ поимкѣ Пугачева, причемъ обращалъ особенное вниманіе его на при-иргизскія поселенія: „Какъ живущіе на Иргизахъ раскольники безстрашно всякихъ бродягъ къ себѣ пріемлютъ, каковыхъ посланными командами уже много переловлено, то и есть причина думать, что показанный Пугачевъ съ его товарищами первое прибѣжище имѣть будетъ въ тѣхъ раскольничьихъ селеніяхъ. И сего ради вамъ, управителю, секретнымъ образомъ самому тотчасъ слѣдовать на иргизскія селенія и всѣми образы стараться развѣдывать, не укрываются ли тамъ вышепоказанные бѣглые колодники и солдаты, и ежели сыщутся, то, поймавъ, подъ крѣпкимъ карауломъ пришлите ко мнѣ“[1]). Ни Поздняковъ, ни Державинъ ничего, однако, не могли сдѣлать: Пугачевъ больше въ скиты не заглядывалъ и доказательствъ въ пользу прикосновенности къ его бунту всѣхъ иргизскихъ и вообще саратовскихъ раскольниковъ не нашлось никакихъ. Для историка саратовскаго раскола это, собственно говоря, весьма важный отрицательный выводъ; но въ „*Запискахъ*“ Державина, относящихся къ описываемому времени, сохранилось и нѣсколько данныхъ положительнаго характера, весьма любопытныхъ для разъясненія этой темной эпохи въ жизни Иргиза. Довѣренные агенты Державина, Серебряковъ и Герасимовъ, 16 марта 1773 года доносили своему патрону: „Увѣдомились мы, что изъ Пахомьевскаго скита начальникъ чернецъ Пахомій, у коего извѣстный злодѣй укрылся, и бѣжалъ оный Пахомій, въ часовнѣ обобравъ съ иконъ окладъ и прочую забравъ часовенную утварь и все, что было общее, перевезъ въ квартиру къ племяннику своему, раскольнику же Ивану Наумову, кой, продавъ дворъ свой въ Криволуцкой слободѣ, нынѣ жительствуетъ въ слободѣ Малыковкѣ, на квартирѣ, почему видно, что какъ тотъ Пахомій, такъ и означенный племянникъ намѣреніе имѣютъ бѣжать, по которому извѣстію, возвратясь съ ставки караула, намѣрены мы, именованные, дабы оный и совершенно побѣгу не учинилъ и тѣмъ отъ принадлежащаго слѣдствія не

1) Дубровинъ, I, 170. См. Госуд. арх., VI, № 413.

отбылъ и всѣ свои и другихъ злодѣйскіе поступки тѣмъ своимъ побѣгомъ не прикрылъ, того Пахомія и съ племянникомъ Наумовымъ арестовать и содержать до резолюціи вашего благородія, о чемъ нижайше рапортуемъ и требуемъ резолюціи“[1]). Арестъ Пахомія вовсе не соотвѣтствовалъ планамъ Державина, при томъ же Пахомій и не собирался бѣжать, а увезъ часовенную утварь для сокрытія только, каковая мѣра предосторожности, какъ сейчасъ увидимъ, была далеко не лишней. Державинъ не одобрилъ предложенія своихъ агентовъ и далъ резолюцію въ противоположномъ желаемому ими смыслѣ. Пахомій оставленъ былъ на свободѣ верховодить за отсутствіемъ своего соправителя обоими скитами,—своимъ и Филаретовымъ,—и 13 мая 1774 года, вмѣстѣ съ казначеемъ Филаретова скита Фадѣемъ, прислалъ на имя Державина „доношеніе“ съ жалобой на артиллерійскаго капитана Елчина, который, проходя по тракту мимо скитовъ „для разбитія злодѣйскихъ мятежниковъ —калмыкъ“, хотѣлъ мучить ихъ смертно плетьми и билъ дворцовыхъ крестьянъ, вымогая 300 руб. Иноки, страха ради властелинска, дали ему 200 рублей,[2]) но теперь просили Державина взыскать эти деньги съ Елчина, „дабы мы отъ таковыхъ напрасныхъ раззореній не пришли въ несостояніе государственныхъ податей“. Письмо это подписано такъ: „Настоятель инокъ Пахомій руку приложилъ къ сему доношенію. Филаретова скита казначей инокъ Фадей и вмѣсто братіи подъ симъ прошеніемъ руку приложилъ“[1]). Не желая раньше времени возбуждать неудовольствіе въ очень нужномъ для его плановъ человѣкѣ, Державинъ постарался взыскать эти деньги съ храбраго капитана[2]). Это была послѣдняя любезность съ его стороны престарѣлому иноку: черезъ нѣсколько дней Пахомій покинулъ свой скитъ и, вѣроятно, болѣе никогда уже не видѣлъ его опять. Объ этой непріятной неожиданности Державину сообщали слѣдующія подробности: „Сего 1774 года мая 23 числа, прислана къ намъ изъ симбирской канцеляріи команда, которая, пріѣхавши и примкнувши штыки, обступя монастырь и собравши всѣхъ старцевъ въ едино мѣсто, и ничего не объявя, держали безъ выпуску и не дали келлій запереть и, пришедши нощи, всѣ келліи

1) Соч. Державина, V, N 84, примѣчаніе.
2) Ibidem, V, № 84.
3) Ibidem, №№ 100, 127.

ограбили, а прочихъ старцевъ смертно били, а невѣдомо за что; а которыхъ по присылкѣ спрашивали людей иноковъ, тѣхъ мы объявили за фуражемъ на Яикъ, по которыхъ мы хотѣли послать, а онъ не изволилъ, а съ насъ проситъ денегъ, а невѣдомо за что. И взялъ съ Пахоміева скита денегъ двадцать пять рублевъ да каряго мерина, съ Филаретова скита дваццать четыре рубли съ полтиною и взяли игумена инока Пахомія, подъ крѣпкимъ карауломъ повезли невѣдомо куда“[1]). Потеря игумена, чрезъ посредство котораго предполагалось заманить въ разставленныя сѣти страшнаго самозванца, взволновала поэта: онъ отправилъ запросъ въ казанскую секретную комиссію, по чьему приказанію взятъ сей инокъ[2]), обратился съ жалобой къ главнокомандующему князю Щербатову[3]), но, кажется, ничего не узналъ. Инокъ Пахомій какъ въ воду канулъ и только на основаніи нѣсколькихъ словъ изъ доклада предсѣдателя секретной комиссіи по пугачевскому дѣлу, П. С. Потемкина,—„Пахомій, яко сущій суевѣръ, болѣе укрываетъ вины своей, нежели въ самомъ дѣлѣ, поелику онъ сообщникъ Филарету, первому наставнику Пугачева“[4]),—можно догадываться о постигшей его участи.

Пахомій ускользнулъ изъ рукъ и Державину оставалось только одно: во чтобы то ни стало изловить хоть Филарета, „сего главнѣйшаго сообщника и руководца самозванцева“, ибо „необходимо должно заключать, что оный старецъ будетъ новые дѣлать плевелы“. Державинъ задумалъ устроить „оному старцу“ маленькую ловушку. Онъ отправилъ съ довѣреннымъ лицомъ слѣдующее письмо: „Отцу Филарету здравія желаю. Ежели ты по секретной комиссіи опасенъ и укрываешься, то, надѣясь на твое благочестіе, увѣряю тебя, что ежели ты поплатишься мнѣ двумя тысячами рублями, то и будь надеженъ, что тебѣ ничего не будетъ; только чтобъ ты ко мнѣ явился, или когда не увѣришься, то пришли письмецо, что у тебя вышесказанное готово и въ которомъ мѣстѣ отъ тебя взять: то и будетъ дѣло брошено; а всегобъ лучше переговорилъ со мною самъ. Доброжелатель твой, о котораго имени скажетъ тебѣ отецъ Ѳадей[5])“. Поплатиться Филаретъ не изъявилъ желанія,—можетъ

1) Ibidem, № 104.
2) Ibidem, № 119.
3) Ibidem, № 123.
4) Гротъ, Мат. для ист. пуг. бунта, 124.
5) Соч. Державина, V, № 158.

быть, потому, что не имѣлъ требуемыхъ денегъ, а можетъ быть и потому, что подозрѣвалъ обманъ. Напрасно Державинъ ждалъ отъ него письмеца, напрасно и секретная комиссія ждала утѣшительныхъ извѣстій по этому дѣлу отъ Державина; послѣдній и безъ комиссіи хорошо понималъ, что „извѣстный раскольникъ, Мечетнаго монастыря настоятель, Филаретъ“ весьма важенъ для слѣдователей, что для сыска его нужно употребить „всевозможное раченіе,“ но сыскать его не могъ, несмотря на строжайшія предписанія начальства[1]). Ни къ чему не привели тайные поиски Державина, ни къ чему не привели и поиски явные, чрезъ посредство посланныхъ въ иргизскій край графомъ Панинымъ военныхъ командъ[2]): поубавилось у скитниковъ денегъ, оказался недочетъ въ нѣсколькихъ лишнихъ „карихъ мереньяхъ“, разбѣжалось не мало народа по разнымъ мѣстамъ изъ страха „смертнаго боя и истязанія“,—но и только; Филаретъ найденъ не былъ. При первомъ же извѣстіи о поискахъ за нимъ, онъ перемѣнилъ имя,—превратился изъ Филарета въ Афанасія,—собралъ своихъ евангельскихъ дѣтей и вмѣстѣ съ ними ушелъ въ костромскую губернію, гдѣ и умеръ спокойно, никому не вѣдомый, въ глухомъ скитѣ, близъ села Молвитина; такъ-по крайней мѣрѣ, говоритъ архимандритъ Платонъ, самъ уроженецъ костромской губерніи, жившій и въ молвитинскомъ скитѣ, при чемъ добавляетъ: „все это я слыхалъ отъ его евангельскихъ дѣтей[3]).“

Пугачевскій бунтъ задержалъ на время правильный ростъ иргизскихъ раскольничьихъ общинъ. Послѣ поимки самозванца Екатерина II писала Панину: „Хотя и усмотрѣно, что по рѣкѣ Иргизу нынѣ мало поселенцовъ осталось, но не менѣе подлежитъ сіе мѣсто бдѣнію, ибо оно уже давно укрывательствомъ служитъ ворамъ и бѣглымъ, коимъ раскольники, тамо скиты и монастыри заведшіе, за добродѣтель почитаютъ давать пристанище“[4]). Это „бдѣніе“ и выразилось въ томъ рядѣ открытыхъ гоненій на скиты, о которомъ сохранились воспоминанія не только въ мѣстныхъ преданіяхъ, но и въ оффиціальныхъ документахъ[5]). Но съ другой сто-

1) Ibidem, V, № 269.
2) Ibidem, VI, 501, 503.
3) Ниж. сем. библ., № 3774, 447. Поповъ „съ вѣроятностью“ предполагаетъ, что Филаретъ бѣжалъ на Уралъ и умеръ тамъ въ Сыртовскомъ (?) скитѣ (IV, 106), но на чемъ строится это предположеніе и почему именно оно „вѣроятно“,—онъ, по обыкновенію, не указываетъ.
4) „Чт. въ Общ. ист. и древ.“, 1858, II, 56.
5) Дѣла Секр. Ком., Vol. XIV, стр. 1105.

роны этотъ же самый бунтъ содѣйствовалъ и послѣдующему ихъ быстрому возвышенію. Когда взволнованныя страсти массъ поулеглись немного и жизнь народная стала входить въ обычную колею, то вмѣстѣ съ этимъ, естественно, должна была съ особенной энергіей проявиться наклонность къ иночеству. Это была неизбѣжная реакція бурному взрыву надеждъ и чаяній мірского характера, это одинъ изъ общихъ законовъ человѣческой исторіи. Не мало вчерашнихъ удальцовъ покрыли куколемъ буйныя головы; не мало вчерашнихъ „глупственно дерзновенныхъ“ сообщниковъ самозванца смѣнили мечь на лѣствку и въ тиши уединенія, въ убогой землянкѣ или такой же лачугѣ, стали замаливать недавнія преступленія и грѣхи. Стремленіе къ иночеству отразилось теперь и на женщинѣ. Матери, лишившіяся во время смуты своихъ дѣтей, жены—мужей, дочери—братьевъ и женіховъ, словомъ обездоленный, скорбящій элементъ потянулся въ „пустыню“ для подвиговъ богоугодныхъ. Не мало отшельницъ начали было селиться отдѣльными кельями по берегамъ Иргиза, но нападенія лихихъ людей, киргизъ-кайсаковъ и остатковъ пугачевскихъ шаекъ, скоро заставили ихъ собраться въ одно мѣсто. Къ концу 1774 года они испросили нужное разрѣшеніе у начальника дворцовыхъ крестьянъ Шагарова[1]) и обосновались небольшимъ скиткомъ верстахъ въ пяти—шести отъ Исаакіева скита, за озеромъ Калачемъ. Иниціатива принадлежала молодой, 23-лѣтней дѣвушкѣ, дочери симбирскаго 2-й гильдіи купца Матренѣ Матвѣевнѣ Ильиной. Она приняла постриженіе, съ именемъ Маргариты, въ Москвѣ, въ старобрядческой часовнѣ, и была избрана первой настоятельницей новообразованнаго скита, съ этихъ поръ получившаго ея имя[2]).

Все шире и громче разносившаяся молва объ Иргизѣ привлекла сюда, спустя немного послѣ только что описанныхъ событій, зарубежнаго выходца инока Сергія, съ именемъ котораго связано представленіе о „строеніи“ иргизскихъ скитовъ. Время появленія его на Иргизѣ относятъ обыкновенно къ 1776 году[3]);

[1]) Саратовскій губернаторъ Бѣляковъ, въ письмѣ отъ 19 іюля 1804 года къ вольскому исправнику Безобразову, говоритъ, что „Шагаровъ поступилъ въ управители въ 1778 году“ и дѣлаетъ отсюда выводъ, что скитъ Маргаритинъ былъ основанъ позже 1774 года (Сарат. Истор. архивъ, I. А, № 7, л. 96). Но, принявъ въ соображеніе указанія Прохора и того же Безобразова, правдоподобнѣе допустить, что ошибка здѣсь не въ годѣ, а въ имени.

[2]) Бр. Св. Кр., № 500, 8—9, 70; № 513, 116.

[3]) „Прав., Собес.“ 1857, II, 391; Поповъ, IV, 106; Дубакинъ, 20.

это довольно правдоподобно, хотя поручиться за точность даты и нельзя, по неизвѣстности источника, изъ котораго она заимствуется. Біографическія свѣдѣнія относительно Сергія—темны и недостаточны; обстоятельства его появленія на Иргизѣ—совершенно невыяснены: преосв. Макарій и Муравьевъ сообщаютъ на этотъ счетъ нѣсколько подробностей, но подробности эти и голословны, и страдаютъ внутреннимп противорѣчіями, а потому и не вызываютъ къ себѣ довѣрія. Сергій, по словамъ преосв. Макарія, былъ старшимъ сыномъ московскаго купца Петра Юршева, одного изъ главныхъ виновниковъ смерти архіепископа Амвросія во время московскаго чумнаго бунта 1771 года, и въ міру назывался Симономъ. Опасаясь участи, постигшей отца, Симонъ скрылся въ дремучіе лѣса, принадлежавшіе въ московской губерніи Лопухинымъ, гдѣ тайно привитало тогда множество раскольниковъ и разныхъ бѣглецовъ, и въ одномъ изъ скитовъ принялъ постриженіе съ именемъ Сергія. Когда многочисленные безпорядки этихъ скитниковъ обратили на себя вниманіе правительства, то во время произведенныхъ розысковъ схваченъ былъ въ числѣ другихъ и Сергій и посаженъ въ московскую тюрьму. Но оттуда онъ успѣлъ уйти и бѣжалъ за рубежъ, на Ветку. На чужбинѣ онъ пробылъ однако не долго, ибо нашелъ удобный способъ возвратиться на родину со всѣми правами, предоставленными выходцамъ манифестомъ 1762 года. Съ этою цѣлью Сергій при переходѣ чрезъ границу показалъ, что онъ русскій уроженецъ, но не помнитъ, гдѣ родился и кѣмъ завезенъ въ Польшу. Тутъ же употребилъ онъ и другую хитрость, которая впослѣдствіи ему очень пригодилась: онъ заблаговременно накупилъ и навилъ на палки много холста, который и несъ съ собой; на разспросы пограничныхъ стражей, что это такое, отвѣтилъ, что это походная полотняная церковь, и даже упросилъ ихъ упомянуть о ней въ его паспортѣ. Съ такимъ паспортомъ онъ отправился прямо на Иргизъ: возвращаться въ Москву послѣ недавняго побѣга изъ тюрьмы казалось ему рискованнымъ. Скитовъ на Иргизѣ было уже пять: Никольскій, Верхне-Никольскій, Преображенскій, Воскресенскій и Успенскій, неподалеку отъ города Вольска, хотя во всѣхъ нихъ обитателей, мужчинъ и женщинъ, не было и ста человѣкъ. Сергій избралъ для водворенія своего скитъ Успенскій. Вслѣдъ за нимъ явилась сюда вскорѣ и мать его, Марина, съ млад-

нимъ сыномъ и дочерью и приняла иночество съ именемъ Макрины[1]). Какъ уроженецъ Москвы и сынъ знаменитаго между раскольниками ревностью по старинѣ отца, какъ человѣкъ грамотный, начитанный, трезвый и ловкій, Сергій не замедлилъ пріобрѣсть себѣ между грубыми поселенцами скита общее уваженіе[2]).

Въ этомъ небольшомъ разсказѣ не мало пропусковъ, скачковъ и недомолвокъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ не мало и лишняго, переговореннаго, ошибочнаго. Прежде всего здѣсь оставленъ невыясненнымъ вопросъ о причинахъ, побудившихъ Симона Юршева бѣжать въ лопухинскіе лѣса. Побѣгъ едва ли былъ результатомъ страха предъ карой закона: ни откуда не видно, чтобы Симонъ принималъ участіе въ убійствѣ Амвросія; скорѣе можно думать, что нервная, воспріимчивая натура юноши была глубоко потрясена неожиданнымъ сиротствомъ и подъ вліяніемъ этого потрясенія онъ рѣшилъ разорвать всякую связь съ внѣшнимъ міромъ, уединиться въ скитъ. Далѣе едва ли правильно объясненіе исторіи съ полотняной церковью. Естественный выводъ изъ этой исторіи, какъ она представляется въ разсказѣ преосв. Макарія, сдѣланъ Добротворскимъ: Сергій уже тогда создалъ планъ сдѣлаться главою иргизскаго общества, ибо сознавалъ, что съ своими способностями легко можетъ стать главнымъ лицомъ среди грубыхъ бѣглецовъ[3]). Но для Сергія это слишкомъ уже дальновидно; такое представленіе о немъ трудно мирится съ послѣдующими событіями его жизни, въ которыхъ онъ нигдѣ не зарекомендовалъ себя со стороны особой дальнозоркости, умѣнья анализировать людей, способности провидѣть будущее; наглядныя доказательства представлены будутъ при изложеніи его попытки ввести на Иргизѣ единовѣріе. Сергій, конечно, могъ нести съ собой изъ-за рубежа полотняную церковь, какъ дорогую для него святыню, но едва-ли связывалъ съ ней какіе-нибудь планы. Нѣтъ положительно никакой возможности допустить,

1) Преосв. Макарій обходитъ молчаніемъ вопросъ о мѣстѣ, гдѣ поселилась мать Сергія; Муравьевъ же, на основаніи якобы рукописи Сергія, утверждаетъ, что она поселилась „недалеко отъ Успенскаго скита и около нея образовалась женская община“ (Раск., обл. св. ист., 353). Если слово „община“ понимать въ смыслѣ „скитъ“, то это неправда: никакого самостоятельнаго скита мать Сергія не основала на Иргизѣ. Но, благодаря вліятельности сына, она дѣйствительно могла сдѣлаться одной изъ соборныхъ инокинь Маргаритина скита, хотя никакихъ указаній на это не сохранилось.

2) Макарій, Истор. раск., 315—316.

3) „Прав. Собес.“, 1857, I, 390.

чтобы онъ шелъ на Иргизъ съ готовой программой дальнѣйшей дѣятельности... Что касается перечисленія скитовъ, существовавшихъ по Иргизу ко времени прибытія туда Сергія, то оно несомнѣнно ошибочно. Я не говорю уже о томъ, что существовавшіе скиты не могли еще носить въ то время указываемыхъ преосв. Макаріемъ наименованій, по неимѣнію храмовъ и престольныхъ праздниковъ; но никогда не было на Иргизѣ скита Верхне-Никольскаго: верхній скитъ назывался до 1783 года Исаакіевымъ, съ этого года —Успенскимъ, а съ 1804 года—Преображенскимъ. Возможно, что авторъ обозначилъ Исаакіевъ скитъ двумя послѣдовательно существовавшими наименованіями; но тогда непонятно, какой же изъ названныхъ имъ былъ женскимъ? Воскресенскимъ назывался съ 1786 года нижній скитъ—Авраміевъ; Никольскимъ—съ 1788 года —средній, Пахомиевъ и Филаретовъ; но эти оба всегда были мужскими. Отказываясь понимать что-нибудь въ этой путаницѣ, я замѣчу только, что она очень характеристична для уясненія степени достовѣрности источниковъ, которыми пользовался преосв. Макарій подъ именемъ рукописей Сергія: „*О началѣ Иргизскихъ скитовъ*“ и „*О поповщинской сектѣ на Иргизѣ*“.

Настоятель Исаакіева скита, онъ же и основатель его, священно-инокъ Исаакій [1]), скоро понялъ, какого дорогого помощника послала ему судьба въ лицѣ новаго пришельца: въ гра-

[1]) Преосв. Макарій и Муравьевъ осторожно умалчиваютъ объ имени этого настоятеля. Но Добротворскій, со словъ іеромонаха Арсенія, казначея Нижняго иргизскаго монастыря по обращеніи его въ единовѣріе, называетъ его Матѳеемъ („Прав. Соб.“, 1857, I, 392). Къ сожалѣнію, онъ не приводитъ при этомъ подлинныхъ словъ Арсенія, которыя гораздо скорѣе выяснили бы дѣло, чѣмъ выдаваемый Добротворскимъ Арсенію аттестатъ человѣка „умнаго и наблюдательнаго“. Вотъ эти слова: „Первоначальный выходецъ изъ Польши, священно-инокъ Исаакій, управлялъ монастыремъ (скитомъ ?) двѣнадцать лѣтъ; по смерти его (въ 1774 году?) братіей избранъ въ настоятели священно-инокъ Матѳей, пришедшій изъ Польши въ 1779 году (!!). За болѣзнію, по довольному времени, онъ уступилъ власть пришедшему вмѣстѣ съ нимъ иноку Сергію, который получилъ названіе строителя этого скита, при которомъ построены церкви“ (Ниж. сем. библ., № 3774, 410). Но 1) скитъ не могъ оставаться въ теченіи пяти лѣтъ (1774—1779) безъ настоятеля; 2) вмѣстѣ съ Матѳеемъ въ 1779 году прійти на Иргизъ Сергій не могъ, ибо онъ,—это признаетъ и Добротворскій,—въ 1777 году уже съ Иргиза ѣздилъ въ Москву; 3) Матѳей не могъ уступить власть Сергію „по довольному времени“, ибо по этому счету Матѳей долженъ былъ настоятельствовать всего около года,—Сергій избранъ былъ настоятелемъ, какъ это будетъ показано ниже, въ 1780 году. Между тѣмъ Арсеній имѣлъ въ данномъ случаѣ въ виду именно Сергія Юршева, такъ какъ упоминаетъ о построенной имъ церкви и о титулѣ строителя. Всего вѣроятнѣе, что здѣсь Арсеній смѣшалъ скитъ Исаакіевъ съ Пахомиевымъ, въ которомъ дѣйствительно настоятельствовалъ около этого времени инокъ Матѳей.

мотныхъ людяхъ по скитамъ чувствовался большой недостатокъ. Такъ, одинъ старецъ Исаакіева скита говорилъ Оболяеву, который Пугачевымъ посланъ былъ искать въ средѣ иноковъ „письменныхъ“ людей: „таковыхъ въ монастырѣ нѣтъ; набралось было человѣкъ двадцать, да и тѣ отъ команды сыщиковъ разбѣжались“[1]),—по странной игрѣ случая, грамотные, очевидно, знали за собой слишкомъ много грѣшковъ, чтобы со спокойной совѣстью ждать, сидя въ скитѣ, появленія полиціи и сыщиковъ... Чрезъ Сергія Исаакій рѣшилъ вступить въ болѣе близкія отношенія къ московскому старообрядческому обществу, которое могло оказать сильную поддержку и покровительство неокрѣпшимъ, молодымъ еще скитамъ. Съ этой, кажется, цѣлью онъ отправилъ Сергія въ 1777 году въ Москву, гдѣ послѣдній и присутствовалъ при извѣстномъ опытѣ рогожскаго мироваренія. Нѣсколько воспоминаній объ этой поѣздкѣ Сергій изложилъ въ своей книжкѣ *„Зеркало для старообрядцевъ, не покоряющихся православной церкви“*: въ ней онъ разсказываетъ о самой операціи мироваренія въ огромномъ самоварѣ, о своемъ столкновеніи съ производившимъ оное священникомъ Василіемъ Чебоксарскимъ и о способѣ, которымъ молва объ этой небывалой попыткѣ дошла до властей[2]). Любопытенъ и до нѣкоторой степени важенъ для насъ только разсказъ Сергія о столкновеніи его съ Василіемъ. Дѣло въ томъ, что этотъ попъ вычитывалъ не всѣ молитвы, полагаемыя при совершеніи мироваренія. Сергій обратился къ нему съ вопросомъ о причинѣ такого пропуска и, получивъ въ отвѣтъ, что пропущенная молитва слишкомъ важна для простого іерея и чтеніе ея приличествуетъ только епископу, замѣтилъ довольно рѣзко Василію, что, собственно говоря, и все дѣйствіе мироваренія приличествуетъ исключительно епископу. Василій остался, конечно, недоволенъ такимъ замѣчаніемъ и обратился къ Сергію съ суровымъ укоромъ: „ты сталъ отдаляться отъ благочестія, отецъ Сергій“, сказалъ онъ; „прежде ты былъ ревностнѣе; прошу о семъ помолчать, чтобы простымъ людямъ не подать повода къ соблазну“. Но упрекъ въ отдаленіи отъ благочестія былъ напрасенъ, или, по крайней мѣрѣ, преждевременъ. Сергій, хорошо понимавшій незаконность рогожскаго мироваренія,—такъ хорошо, что втихомолку даже про-

1) Дубровинъ, I, 193. См. Госуд. арх., VI, № 506.
2) Сергій, Зеркало для старообр., 76—80. Спб. 1799.

тестовалъ противъ него,—вслухъ другихъ призналъ его законнымъ: на Иргизѣ не было мира и Сергій запасся имъ съ Рогожскаго кладбища; Сергія интересовала болѣе всего не идеальная, а матеріальная, практическая сторона дѣла,—ему нужно было миро, а какое оно—это было для него вопросомъ второстепеннымъ. Наравнѣ съ миромъ нужны были Иргизу и требоотправители, такъ какъ присланнаго на Иргизъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, Михаиломъ Калмыкомъ въ 1770 году чернаго попа Іакова въ это время тамъ уже не было; пойманъ былъ малыковскими властями въ 1778 году и другой бѣглый попъ Тимофей Тимофеевъ, проживавшій, кажется, послѣ Іакова въ скитѣ Филаретовомъ[1]). Сергій не замедлилъ восполнить этотъ недостатокъ: онъ выпросилъ у Михаила Калмыка священно-инока Іеронима, котораго и отправилъ на Иргизъ съ инокомъ Филаретомъ. Но до отъѣзда еще ихъ изъ Москвы случилось слѣдующее любопытное обстоятельство. Узнавъ, что Михаилъ принялъ Іеронима безъ исправы, Филаретъ не рѣшился везти его въ свой скитъ и совѣтовалъ ему принять исправу хоть въ Москвѣ: „послушай, батюшка, когда исправу ты себѣ не получилъ, то у насъ, на Иргизѣ, исправлять тебя некому, понеже священника у насъ не имѣется. А когда неисправленный пріѣдешь, то никто къ тебѣ не пойдетъ и къ себѣ никто тебя не возьметъ“. Іеронимъ покорился и принялъ требуемую исправу на Рогожскомъ кладбищѣ[2]). По возвращеніи изъ поѣздки въ Москву, Сергію не долго пришлось пожить спокойно въ уединеніи Исаакіева скита. Рогожское мировареніе надѣлало не мало соблазна въ старообрядческомъ мірѣ. Стародубье, бывшее въ это время метрополіей поповщины, рѣшительно отказалось принять московское новшество и скоро почувствовали на Рогожскомъ кладбищѣ настоятельную необходимость водворить во святой церкви „паче бури сладчайшую тишину.“ Въ концѣ 1779 года въ Москвѣ назначенъ былъ соборъ для рѣшенія этого сомнительнаго вопроса о новосваренномъ мирѣ и тѣсно связаннаго съ нимъ вопроса о чинѣ принятія переходящихъ въ расколъ отъ никоніанской церкви поповъ и мірянъ. Престарѣлый настоятель Исаакій, по приглашенію отъ московскаго общества, послалъ на этотъ соборъ въ качествѣ представителя отъ своего скита Сергія,

[1]) Іоаннъ, Духъ мудр. нѣк. рас. толк., 89. Москва, 1841.
[2]) Бр. Св. Кр., № 513, 84.

остальные скиты выбрали иноковъ Іосифа и Лавра. Этимъ депутатамъ вручено было письмо къ московскому обществу, подписанное отъ имени Исаакіева скита за настоятеля Исаакія Сергіемъ, отъ Филаретова скита—настоятелемъ Антоніемъ, отъ Пахоміева—настоятелемъ Матѳеемъ, отъ Авраамієва—настоятелемъ Адріаномъ[1]), въ которомъ „за имя Христово странствующіе", поселившіеся по рѣкѣ Иргизу иноки, высказались въ пользу перемазанія и протестовали противъ „церковныхъ возмутителей" Михаила Калмыка съ его единомышленниками: на Иргизѣ или не въ состояніи были понять тайную мысль Михаила съ Никодимомъ, мечтавшихъ о „своемъ" архіереѣ, или же не считали полезнымъ расходиться съ московскимъ обществомъ.

О перемазанскомъ соборѣ наша литература знаетъ только по сочиненіямъ Никодима Стародубскаго, который оставилъ подробныя записки о дѣяніяхъ его. Эти записки напечатаны Андреемъ Іоанновымъ въ его „*Полномъ историческомъ извѣстіи*". Судя по разсказамъ Никодима, участіе Сергія Иргизскаго на соборѣ было почти незамѣтно. О немъ упоминается только два раза,— въ изложеніи дѣяній шестого и седьмого засѣданій собора. На основаніи записокъ Никодима можно сдѣлать только одинъ выводъ,—что Сергій въ средѣ членовъ собора былъ на хорошемъ счету, какъ полемистъ, ибо иначе Никодимъ, признанный на соборѣ, по его же собственнымъ словамъ, за человѣка „въ доказательствахъ сильнаго и въ бесѣдахъ увертливаго", едва ли сталъ бы просить, чтобы къ нему прислали для собесѣдованія Сергія, если не хотятъ пустить его самого на седьмое засѣданіе (29 декабря 1779 года, въ домѣ Никиты Павлова[2]). Но кромѣ записокъ Никодима сохранилось еще другое рукописное извѣстіе о перемазанскомъ соборѣ, въ которомъ дѣло представляется совершенно въ иномъ свѣтѣ[3]). Правдѣ, подтвердить подлинность и безусловную справедливость этого извѣстія посторонними свидѣтельствами пока едва ли возможно, но оно заключаетъ въ себѣ не мало внутреннихъ признаковъ, говорящихъ въ его пользу. По этому извѣстію соборъ открылся 23 декабря 1779 года[4]) въ

[1]) Поповъ, I, 213—216.
[2]) Андрей Іоанновъ, Пол. ист. изв., кн. III, 78, 86, 91.
[3]) Бр. Св. Кр., № 513, 80—109.
[4]) Никодимъ относитъ открытіе засѣданія къ 1 ноября, но едва ли справедливо: два изъ напечатанныхъ въ „Сборникѣ" Попова (I, 212, 230) писемъ—Керженское къ Московскому старообрядческому обществу и Шуйское—къ Михаилу

домѣ московскаго купца Никиты Павлова. Въ разглагольствіе вступили: съ слободской стороны—отецъ Михаилъ, Никодимъ и Іоасафъ; съ московской стороны—священно-инокъ Матѳей, священно-іерей Василій Стефановъ и Алексѣй Ѳеодоровъ, отецъ Іаковъ, Іона и Адріанъ съ Керженца; отецъ Илаверъ (Лавръ?) съ Иргиза, ...„а особливо вступилъ въ разговоръ съ Никодимомъ отецъ Сергій. По многомъ отъ святого писанія разглагольствіи, началъ Никодимъ въ своемъ мудрованіи несправедливомъ признаваться, началъ въ крикъ, и въ здоры, и укоры нелѣпые вступать Въ чемъ много его всѣ просили, чтобы онъ по иночеству со смиреніемъ говорилъ, какъ и прежде зачалъ говорить съ отцомъ Сергіемъ. Онъ же, признавъ свою вину, не покорился, всталъ и изъ собранія насильно вышелъ, въ чемъ много его Егоръ Федоровъ за одежду хотѣлъ удержать, но не могъ; съ тѣмъ такъ и ушелъ, съ попомъ Михаиломъ и съ прочими своими товарищи. А послѣ сихъ посовѣтовали всѣмъ собраніемъ, какъ быть и какое опредѣленіе положить, и, по согласію всего московскаго общества и прочихъ вышеозначенныхъ странъ, опредѣленіе письменное положили и руки подписали; и такъ тѣмъ собраніе и рѣшилося. И по окончаніи собранія съ опредѣленіемъ и съ прочими отъ разныхъ странъ съ списками отправили отца Сергія въ стародубскія слободы для всѣхъ христіанъ несумнѣннаго извѣстія. А Никодимъ, увѣдавъ такое свое посрамленіе, хотя себя защитить, чтобъ въ посрамленіе до конца не прійти, и написалъ своею рукою письмо отъ московскаго лица,—а московскіе про то никто и не знаютъ,—въ Покровскій монастырь и прочимъ въ слободахъ жителямъ ложно и коварно, что аки бы въ Москвѣ было десять сѣданій и аки бы онъ, Никодимъ, на всѣхъ сѣданіяхъ справедливое доказательство имѣль. Сему никто не вѣрь, но все ложь и неправда, понеже онъ, Никодимъ, самъ сіе написалъ и далъ человѣку переписывать, а тутъ случилося

Калмыку датированы 3 и 18 декабря; ни въ одномъ изъ нихъ не говорится о соборѣ, а послѣднее кромѣ того и не могло быть написано послѣ открытія засѣданій собора, о дѣяніяхъ котораго въ Шуѣ,—если только онъ начался 1 ноября,—къ 18 декабря, разумѣется, отлично знали. Керженское письмо представляетъ собой вѣрительную грамоту скитниковъ своимъ депутатамъ и невѣроятно, чтобы за составленіе таковой взялись спустя цѣлый мѣсяцъ послѣ открытія собора, созваннаго для рѣшенія столь существенныхъ вопросовъ. Равнымъ образомъ и закрытіе собора не могло быть 7 января 1780 года: опредѣленія его посланы были въ Стародубье съ инокомъ Сергіемъ 31-го, а письмо о соборѣ въ Петербургъ—даже 24 декабря 1779 года (Поповъ, loc. cit., 247, 242).

нашему человѣку быть, что и узнавъ, какіе онъ, Никодимъ, испущаетъ козни на святую церковь, взялъ у того человѣка то письмо его руки, которое и теперь въ сохраненіи лежитъ для его обличенія въ Москвѣ, на кладбищѣ“ [1]). Заключительныя слова этого любопытнаго документа убѣдительно говорятъ за его историческую достовѣрность; дальнѣйшій разсказъ также не возбуждаетъ никакого сомнѣнія, тѣмъ болѣе, что отчасти находитъ себѣ подтвержденіе и въ обнародованныхъ Поповымъ документахъ [2]). Тотчасъ послѣ неудачнаго собора Сергій посланъ былъ изъ Москвы въ качествѣ довѣреннаго лица въ слободы Стародубскія „съ письмами для извѣстія и истиннаго увѣдомленія“. Но тамъ ждалъ его дурной пріемъ. Михаилъ Калмыкъ и Никодимъ имѣли за своей спиной въ слободахъ сильную партію. „Монастырскіе жители надъ нимъ горше невѣрныхъ сотвориша, такъ что едва могъ онъ изъ монастыря Покровскаго убѣжать тайнымъ образомъ; и если бы не увезъ его климовскій слободской житель, Иванъ Кузьминъ, покойнаго священника Іакова внучекъ, то бы никакъ живого его не пустили. А когда онъ уѣхалъ, то старцы, а особливо игуменскій товарищъ Іаковъ, да старецъ Симеонъ портной съ прочими своими согласники, не стерпя своей на отца Сергія каменной бѣсовской злобы, подали на него, Сергія, въ контору ложное объявленіе, что аки бы онъ, старецъ Сергій, будучи въ монастырѣ, у церкви двери нахально отбилъ и въ набатъ билъ и привезенныя письма изъ Москвы насильно читалъ. И если бы о немъ, Сергіи, не постарался и не выпроводилъ его до Стародуба климовскій и всѣхъ слободъ діепутатъ, Иванъ Петровъ Щаповъ, съ своимъ роднымъ сыномъ, то хотѣли на дорогѣ убить его до смерти, дабы лже-основанному мудрованію никто противенъ не явился“ [3]).

Хлопоты климовскаго депутата сохранили жизнь энергичному посланцу московскаго собора и онъ, по возвращеніи въ Москву, скоро долженъ былъ взять на себя другое порученіе, не столь опасное, но болѣе отвѣтственное и затруднительное,—на него возложена была обязанность письменно полемизировать съ Михаиломъ Калмыкомъ и Никодимомъ, еще до собора сочинившими книжицу, въ которой, по словамъ рогожцевъ, оказалось „кривосказательное

1) Бр. Св. Кр., № 513, 107—108.
2) Поповъ, I, 243.
3) Бр. Св. Кр., № 513, 85—86.

мудрованіе, лжеразвратное и лжеосновапное сочиненіе на московское общественное кладбище и на страну Сибирскую, Керженскую, Поморскую, Иргизскую, Гуслицкую, Дуниловскую и Уральскую и на всю святую церковь", и пустившими ее въ обращеніе въ старообрядческой средѣ[1]). Кладбище не хотѣло, а можетъ быть въ виду значительнаго числа сторонниковъ Михаила и Никодима, и не считало возможнымъ оставаться въ долгу. Самымъ подходящимъ человѣкомъ для литературной полемики предсгавлялся въ данномъ случаѣ счастливый оппонентъ Никодима на соборѣ: онъ обнаружилъ тогда большую эрудицію, краснорѣчіе и умѣнье владѣть перомъ. Сергій не уклонился отъ почетнаго предложенія и „коснулся вкратцѣ сочинить на всю слободскую заручительную книжицу малое и краткое собраніе и чистосердечное правильное обыскательное разсужденіе"[2]). По своему содержанію разсужденіе это не представляетъ ничего особеннаго и замѣчательно въ томъ только смыслѣ, что является первой попыткой поставить вопросъ о перемазаніи на каноническую почву. Но аргументація автора, при всемъ его остроуміи, мало убѣдительна для безпристрастныхъ читателей и можно бы, пожалуй, пожалѣть „о всемъ московскомъ обществѣ, всѣхъ города Вольска и Уральска жителяхъ и прочихъ христіанахъ, которые словесно и письменно просили Сергія послать ясное всѣмъ православнымъ христіанамъ во всѣ страны письменное извѣстіе и отъ св. писанія правильное показаніе," если бы въ этомъ разсужденіи не было разсказано исторіи перемазанскаго собора, какъ она передана мною выше, и не разоблачался подлогъ Никодима съ его записками о дѣяніяхъ этого собора. Изъ текста разсужденія не видно, когда именно написано оно, но нужно думать, что скоро послѣ собора, ибо не упоминается ни однимъ словомъ о хлопотахъ Никодима и Михаила Калмыка относительно единовѣрія; къ послѣднему авторъ обращается даже съ просьбой одуматься и вспомнить о томъ, какъ самъ онъ перемазывалъ въ недавнемъ прошломъ приходящихъ отъ великорусской церкви[3]),—въ концѣ 1781 или въ началѣ 1782 года обращаться къ нему съ этой просьбой было бы уже немного поздно[4]).

---

1) Ibidem, 80.
2) Ibidem, 81.
3) Ibidem, 89.
4) Мельниковъ, Изт. очер. поповщ., 276—277.

Въ то время какъ Сергій усердно хлопоталъ въ Москвѣ и ѣздилъ въ Стародубье, въ то время какъ онъ все крѣпче и крѣпче затягивалъ узелъ соединенія Иргиза съ другими центрами старообрядчества и пріобрѣталъ въ раскольничьемъ мірѣ почетную извѣстность непоколебимаго „адаманта“ благочестія, на Иргизѣ скончался въ преклонной старости настоятель Исаакій. Передъ смертью онъ съ любовью указалъ братіи своего скита на Сергія, какъ на достойнаго преемника. И это указаніе было сочувственно принято собравшимися иноками; воля умирающаго настоятеля, истиннаго отца скита, была свято выполнена: Сергій слишкомъ ярко выдѣлился на общемъ фонѣ иргизскаго иночества, онъ возбуждалъ слишкомъ много радужныхъ надеждъ и слишкомъ громко прошелось имя его, чтобы не быть избраннымъ на опротѣвшее мѣсто настоятеля. Сергій, повидимому, не съ охотой принималъ предложеніе своихъ собратій; не мало отговаривался онъ ссылками и на молодость и на неопытность свою; не мало противилась этому и мать его. Была ли это только маска, подъ которой скрывалась радость удовлетвореннаго самолюбія, или счастливое прозрѣніе будущности, опасеніе предстоящихъ неурядицъ и тяжелой борьбы— рѣшить трудно. Какъ бы то ни было, но только въ концѣ концовъ онъ уступилъ настояніямъ и 3-го мая 1780 года скитниками былъ составленъ слѣдующій приговоръ: „Благоволеніемъ и благостію Бога Отца Вседержителя... Собравшеся мы вси, братія Верхне-Исаакіева скита, для избранія настоятеля во свою обитель, и по всему общему братскому нашему совѣту выбрали мы въ своемъ обществѣ въ строителя инока Сергія, на исправленіе всякихъ монастырскихъ нуждъ, какъ духовныхъ, такъ и земныхъ. А ему бы настоятелю, иноку Сергію, наипаче всего попеченіе имѣти объ общемъ молитвенномъ храмѣ.., чтобы не былъ онъ скуденъ церковною службою... И намъ бы всѣмъ братіемъ, иже подъ рукою его пребывающимъ, во всемъ богоугодномъ дѣлѣ безпрекословное повиновеніе имѣти, а настоятелю бы съ нами правильно поступати и отечески насъ научати... Ему, настоятелю, отнюдь бы никакого дѣла, которое до всего монастыря слѣдующаго, собою не опредѣляти, но въ совѣтѣ съ собою имѣти казначея... А паче чаянія какое дѣло великое случится, до всего монастыря и до всей братіи касающееся, то всей бы братіи на собраніи дѣло то представляти и братски со смиреніемъ о случившем-

ся дѣлѣ совѣтовати"... Настоятель долженъ слѣдить за выполненіемъ устава Макарія, митрополита московскаго, чтобы „старцы у себя не имѣли и не пили хмѣльнаго и горячаго вина;.. дабы не завелось въ монастырѣ безчинство и отъ безчинства всякое худое дѣло производится, т. е. раззореніе и нарушеніе святоотеческому и иноческому житію"[1]). Заручившись такимъ приговоромъ, Сергій энергично принялся за дѣло. Направленіе его дѣятельности опредѣлялось словами самого приговора—имѣть попеченіе о молитвенномъ храмѣ и заботиться о нераззореніи и ненарушеніи святоотеческаго и иноческаго житія. Онъ составилъ для братіи уставъ общежитія, завелъ общую трапезу и сталъ изыскивать способы построить вмѣсто часовни церковь. Если первое ему удалось провести въ жизнь, благодаря неутомимой энергіи и желѣзной силѣ воли, то для второго имѣлась въ запасѣ и широкая извѣстность его имени и умѣнье ладить съ нужными людьми. Тѣсныя, дружескія отношенія къ богатѣйшимъ купцамъ Поволжья и Москвы должны были сослужить теперь хорошую службу: на друзьяхъ и покровителяхъ лежала теперь обязанность выхлопотать ему нужное разрѣшеніе администраціи. Долго ждать не пришлось: въ томъ же 1780 году, съ дозволенія саратовскихъ властей, къ построенной еще Исаакіемъ часовнѣ былъ пристроенъ алтарь и новая церковь освящена во имя Введенія во храмъ Богородицы. Открылось служеніе божественной литургіи и скитъ Исаакіевъ получилъ названіе Верхняго монастыря[2]).

1) Имп. Публ. библ., Q, I, № 742, 62—65. Макарій (стр. 316) говоритъ, что старцевъ въ Исаакіевомъ скитѣ было въ это время не болѣе двадцати. Это едва ли справедливо, если судить по приложеннымъ къ цитированному акту подписямъ: „Священно-инокъ Іеронимъ, схимникъ Тарасій за себя и дѣтей; за иноковъ Кирилла, Тарасія и прочихъ его дѣтей инокъ Гавріилъ; за инока Исаакія и прочихъ его евангельскихъ дѣтей сынъ его Илія; за Филарета и евангельскихъ дѣтей его инокъ Лазарь; за Антонія и евангельскихъ дѣтей его Гавріилъ; за Ефрема сынъ его Геннадій; за Ѳеодосія и дѣтей его Филарета и Ѳеодора инокъ Лазарь; инокъ Гавріилъ; инокъ Лазарь; за Корнилія инокъ Гавріилъ; за инока Германа братъ его евангельскій инокъ Гавріилъ". Не нужно забывать, что подъ актами подобнаго рода на Иргизѣ подписывались обыкновенно только наиболѣе почтенные и вліятельные иноки; подписей рядовыхъ старцевъ въ подобныхъ случаяхъ не требовалось.

2) Бр. Св. Кр., № 500, 1. Преосв. Макарій, на основаніи рукописи Сергія „*О поповской сектѣ на Иргизѣ*", передаетъ, что вопросъ о пристройкѣ алтаря къ Исаакіевой часовнѣ поднятъ былъ по случаю пожара послѣдней. Сергій будто бы ходатайствовалъ у начальства о разрѣшеніи только починить часовню послѣ пожара; получивши же просимое, онъ злоупотребилъ довѣріемъ властей и выстроилъ новую „обширнѣйшую, великолѣпную (!!) часовню или точнѣе церковь о пяти главахъ съ колокольней и въ тоже (?) время умѣлъ достать откуда-то іеромонаха и бѣлаго священника". Успѣшно выполнивъ первую половину дѣла, онъ также успѣшно и закончилъ его: отъ лица всѣхъ скитниковъ сталъ онъ просить мѣстное

Вѣсть о формальномъ разрѣшеніи для Иргиза богослуженія по старому обряду быстро разнеслась по Россіи. Съ Урала, Дона, Волги, изъ отдаленной Сибири и съ гордой Невы—отовсюду потянулись сюда вереницы богомольцевъ. Одни шли на поклоненіе святынямъ, вѣря легендѣ, будто мѣста для построенія иргизскихъ скитовъ указаны были основателямъ ихъ самимъ Богомъ и будто на Иргизѣ, какъ и на Керженцѣ, почиваютъ нетлѣнныя мощи подвижниковъ[1]); другіе шли сюда для полученія запасныхъ даровъ. Въ мірѣ раскола Иргизъ быстро поднимался на ту же степень значенія, какую имѣли для православія Кіевъ и Аѳонъ. Тѣсная Покровская часовня Исаакія, превратившаяся теперь во Введенскую церковь, не могла болѣе вмѣстить богомольцевъ. Одинъ священно-инокъ Іеронимъ не успѣвалъ уже совершать всѣхъ нужныхъ требъ. Быстро росло скромно начатое дѣло и настоятельно вынуждало Сергія подумать надъ изысканіемъ средствъ къ пріобрѣтенію новыхъ поповъ. На Иргизѣ и раньше не признавали неисправленныхъ бѣглыхъ православныхъ священниковъ правоспособными къ отправленію богослуженія; послѣ перемазанскаго собора объ этомъ нечего было и думать. Стародубье съ главою его Михаиломъ Калмыкомъ дискредитировало себя Никодимовымъ новшествомъ и послѣ 23 декабря 1779 года не могло уже больше снабжать старообрядческія общины попами. Необходимо было найти какой нибудь выходъ изъ этого затруднительнаго поло-

---

начальство о разрѣшеніи поставить на время въ этой часовнѣ полотняную церковь (которую будто бы принесъ съ собой изъ-за границы) и отслужить въ ней нѣсколько обѣденъ для заготовленія запасныхъ даровъ. Опять дано было разрѣшеніе и опять злоупотребилъ имъ Сергій: часовня обратилась въ церковь не временную, а постоянную (Макарій, 316—317). По стопамъ Макарія идутъ и cfr. minores.—Муравьевъ (353—354) съ Дубакинымъ (23),—причемъ осторожное „откуда-то“ замѣняютъ неосторожнымъ „изъ Стародубской слободы, отъ Михаила Калмыка“: это справедливо только относительно священно-инока Іеронима, относительно же бѣглаго попа этого сказать нельзя: послѣ перемазанскаго собора брать поповъ у Михаила Калмыка Сергію было какъ будто зазорно и едва ли онъ пускался на это. Я не имѣю подъ рукой достаточно вѣскихъ данныхъ, чтобы отрицать всѣ эти подробности,—арх. Платонъ, жившій на Иргизѣ въ 1789—1799 годахъ, просто говоритъ, что на запросъ саратовскаго губернатора, по какому поводу въ монастырякъ построены церкви, скитники отвѣчали. „ветковцы изъ-за границы вышли и церкви съ собою вывезли, такъ же и здѣшніе выходцы изъ-за границы на этотъ же манеръ выстроили“ (Ниж. сем. библ., № 3774, 444),—но за то у меня нѣтъ никакихъ данныхъ, чтобы и вѣрить имъ, тѣмъ болѣе, что подлинность Сергіевой рукописи, какъ это было выше показано, невольно возбуждаетъ сомнѣніе.

1) Ан. Іоанновъ, III, 96. Никодимъ, слышавшій разсужденіе объ иргизскихъ мощахъ 3 февраля 1780 года (?) въ Москвѣ, въ домѣ Никиты Павлова, вѣроятно, отъ Сергія, повидимому, мало вѣрилъ этой легендѣ, ибо доказывалъ, что должно „таковыя тѣлесъ нетлѣнія оставлять въ правосудіе Божіе.“

женія и Сергій скоро нашелъ его: привилегіи Стародубья онъ рѣшилъ перенесть на Иргизъ и мѣсто Михаила Калмыка въ расколѣ поповщины обезпечить за собой. „Обыскательное разсужденіе“, сочиненное имъ въ отвѣтъ на „кривосказаніе“ Михаила Калмыка съ Никодимомъ, было первымъ шагомъ для достиженія этой цѣли: это разсужденіе очень убѣдительно для старообрядцевъ доказываетъ необходимость перемазанія и невозможность принимать безъ него бѣглыхъ поповъ, такъ или иначе осквернепныхъ обливательнымъ крещеніемъ: это крещеніе—не есть истинное крещеніе и хиротонія обливанцевъ—не есть истинная хиротонія. Выводъ отсюда ясенъ самъ собою: приходящихъ отъ великорусскихъ церквей священниковъ принимать неочищенными отъ еретическія скверны, не исправленными—нельзя; исправлять же и очищать ихъ при помощи миропомазанія можно только тамъ, гдѣ есть истинная церковь и такое же миро. Церковь и миро, за отпаденіемъ отъ истины Стародубья, теперь существовали только на Иргизѣ, въ Верхнемъ монастырѣ. Таковъ смыслъ Сергіева рѣшенія перемазанскаго вопроса. Но это—скрытый смыслъ и потому не всякій и не сразу могъ добраться до него; это—личное мнѣніе Сергія,—хотя и подкрѣпленное ссылками на каноническія правила и свято-отеческія установленія,—и потому не обязательное для всѣхъ и каждаго. И дѣйствительно, мы видимъ, что изъ среды тогдашнихъ поповцевъ очень многіе не домекнулись, не выразумѣли истинный смыслъ Сергіевой апологіи перемазанія; другіе же—и это были интеллигенты и столпы старообрядчества—хотя и поняли его, но не сочли нужнымъ согласиться.

Слишкомъ уже прозрачное для умѣющихъ читать между строкъ стремленіе Сергія встрѣтило себѣ оппозицію здѣсь же, на Иргизѣ. Преемникъ Лавра по управленію Филаретовымъ скитомъ, инокъ Антоній, первый рѣшительно возсталъ противъ своего сосѣда и собрата во Христѣ, Сергія. Загорѣлась ожесточенная распря, иргизское царство распалось на ся: „вина же сему раздѣленію“, какъ это утвердительно говоритъ Сергій, „споръ о хиротоніи, отъ некрещенныхъ обливанцевъ происходящей, и о самѣхъ тѣхъ некрещенныхъ обливанцахъ... Два суть проявленія разности между настоятелемъ Антоніемъ и святой церковью (т. е. Сергіемъ, какъ представителемъ иргизскаго раскольничьяго общества; по словоупотре-

бленію Сергія, церковь тоже, что Верхній монастырь; этотъ монастырь съ своимъ храмомъ является для него какъ бы олицетвореніемъ отвлеченнаго понятія о церкви, какъ обществѣ вѣрующихъ): первое, еже отъ еретикъ обливаемое крещеніе, второе, еже отъ нихъ же, обливанцовъ, происшедшая хиротонія“ [1]). Вопреки Сергію, Антоній доказывалъ, что по нуждѣ можно принимать и обливательное крещеніе и хиротонію обливанцевъ. Свою мысль онъ не задумался подкрѣпить самымъ дѣломъ: безъ согласія Сергія и безъ совершенія миропомазанія онъ припялъ какого то обливанскаго попа Василія. Нужда въ требоотправителѣ или корыстныя соображенія играли въ этомъ преобладающую роль—неизвѣстно, но только этотъ шагъ былъ вызовомъ, смѣло брошеннымъ въ лицо Сергію. Вызовъ былъ принятъ: Сергій отвѣтилъ на него созывомъ собора, на 2 августа 1782 года, „при церкви честнаго и славнаго Введенія во храмъ Божіей Матери“. На этомъ соборѣ присутствовалъ и виновникъ его, Антоній. Усердно старался Сергій доказать своему противнику и всѣмъ присутствовавшимъ инокамъ, что на основаніи церковныхъ правилъ ни крещеніе, ни хиротонія обливанцевъ, какъ и единопогруженниковъ, не могутъ быть признаны истинными и дѣйствительными; но всѣ его доводы не могли сломить упорство Антонія. Августовскій соборъ не привелъ ни къ какимъ результатамъ; партійная рознь, обусловленная партійными интересами, не устранилась и даже не уменьшилась имъ, а потому чрезъ полгода, именно 5 марта 1783 года, въ Верхнемъ монастырѣ снова созвано было „полное общее собраніе“. Большинство и на этотъ разъ высказалось въ пользу Сергія, принявъ и утвердивъ рогожскія правила перемазанія, но не такая побѣда нужна была Сергію,—онъ хотѣлъ безусловной уступки со стороны Антонія, полнаго подчиненія его доктринѣ; но всего этого не давалъ одинъ голосъ большинства. Не видя пользы отъ словеснаго собесѣдованія съ Антоніемъ, Сергій рѣшился попытать письменное собесѣдованіе и съ этой цѣлью послалъ ему семь вопросовъ „отъ лица святой церкви“, на которые требовалъ немедленнаго отвѣта „отъ святаго писанія“. Вотъ эти вопросы: 1) Какъ церковь принимала еретиковъ, крестившихся не во святую Троицу? 2) Какъ разумѣла она обливательное крещеніе,—принимала ли за истинное или нѣтъ? 3) Признавала ли хиротонію обливанцевъ за

[1]) „Прав. Собес.“, 1857, II, 408.

истинную или сподобляла пришедшихъ другой? 4) Принимала ли хиротонію священниковъ, рукоположенныхъ епископами-обливанцами? 5) Справедливо ли поступили нѣкоторые старообрядцы, а въ числѣ ихъ и самъ Антоній, принявъ обливанцевъ съ той же хиротоніей? 6—7) Согласно ли съ церковными правилами опредѣленіе патріарха Филарета о перекрещиваніи обращающихся въ православіе бѣлоруссовъ за то только, что они крещены посредствомъ обливанія?[1])

На эти непосредственно обращенные вопросы Антоній не замедлилъ отвѣтить, хотя не отъ святаго писанія, какъ это требовалось отъ него. Онъ безъ колебанія заявилъ, что еретиковъ, крещенныхъ не во святую Троицу, по церковнымъ правиламъ надлежитъ крестить вновь, а крещенныхъ во святую Троицу, хотя бы и обливательно, „за нуждной случай“ можно принять и безъ повторительнаго крещенія, равно какъ и хиротонію также можно признать за истинную; что принятіемъ обливанцевъ съ той же хиротоніей, ни онъ, ни другіе старообрядцы не погрѣшаютъ противъ церкви, ибо она не принимаетъ священниковъ только отъ еретиковъ перваго чина, каковыми обливанцы признаны быть не могутъ, и что патр. Филаретъ опредѣлилъ перекрещивать бѣлоруссовъ не за обливанство, а за ихъ „согласіе къ римскому костелу“, обрядовая сторона котораго страдаетъ не маловажными винами, извращающими подчасъ самый смыслъ таинствъ.

Пересылая 12 апрѣля 1783 года Сергію эти отвѣты, Антоній присоединилъ къ нимъ одинъ вопросъ съ своей стороны: ему хотѣлось знать, какъ смотрѣть на священниковъ-обливанцевъ,— считать ли принятыхъ бѣглыхъ поповъ священниками или простыми мірянами?. Сергій немедленно собралъ братію своей обители на совѣтъ и прочелъ ей полученные отвѣты. Братія поспѣшила заявить, что взглядъ Антонія не согласенъ съ церковными правилами, и поручила своему настоятелю написать на нихъ „соборное разсмотрѣніе“. Торопилась братія, не мѣшкалъ и Сергій: 15 апрѣля было уже готово его соборное разсмотрѣніе, а вслѣдъ за тѣмъ и разослано было имъ по всѣмъ главнымъ общинамъ поповщины. Желчно, ѣдко написано это разсмотрѣніе; по нему видно, какъ раздраженъ былъ авторъ продолжительной и доселѣ безуспѣшной борьбой и, съ другой стороны, какъ живо она интересова-

[1]) Ibidem, 410.

ла его, какъ хотѣлось ему вырвать побѣду, сломить неподатливаго и упрямаго сосѣда. Не задумываясь, записываетъ Сергій своего противника въ разрядъ еретиковъ и довольно подробно обличаетъ его гордое и упорное нежеланіе покориться истинѣ. Не будь этого, онъ, Антоній, со всей ясностью видалъ бы, что ни хиротонія ни крещеніе обливанцевъ не принимались церковью: отвергалъ его самъ Спаситель, пославшій своихъ учениковъ „крестить языцы“, а не обливать ихъ; отвергалъ апостолъ Павелъ, ибо говорилъ—„елицы во Христа крестистеся“, а не „обліястеся“; отвергаютъ и церковныя правила, начиная съ апостольскихъ и продолжая соборными[1]). „Сему согласуя, и святѣйшій Филаретъ, патріархъ московскій, прямо и ясно написалъ въ соборномъ изложеніи объ обливаемомъ крещеніи, что повелѣлъ прямо всѣхъ таковыхъ, т. е. которые крещены обливаемымъ крещеніемъ, во-вторы крестити“[2]). Составляя это постановленіе, патріархъ Филаретъ руководился, по мнѣнію Сергія, не тѣмъ соображеніемъ, что бѣлоруссы „согласны къ римскому костелу“, а именно тѣмъ, что они крещены обливательно, хотя и содержатъ православную вѣру.

Въ соборномъ разсмотрѣніи идетъ рѣчь только о крещеніи; о хиротоніи обливанцевъ Сергій умолчалъ, такъ какъ имѣлъ въ виду посвятить этому вопросу особое сочиненіе, каковое и явилось нѣсколько позже (въ іюлѣ 1783 года[3]) подъ такимъ заглавіемъ: „*О бѣгствующемъ священствѣ, съ разсужденіемъ святыя правилы о непринятіи отъ обливанцевъ священства*“. Впрочемъ, обходя молчаніемъ этотъ пунктъ въ своемъ „разсмотрѣніи“, Сергій затрогиваетъ его вкоротцѣ въ своемъ отвѣтѣ на прямой запросъ Антонія. Приведя разныя церковныя правила по этому предмету, онъ говоритъ: „сего ради мы весьма сумнительны принять обливаемое крещеніе..., а когда отъ которыхъ еретиковъ крещеніе не пріято, то

1) Апост. прав. 46, 47, 50; 2 всел. соб., прав 7.

2) Рук. библ. арх. Агаѳангела, № 52, л. 75. См. „Пр. Соб“, 1857, II, 413.

3) Добротворскій указываетъ 1785 годъ, но это, вѣроятно, ошибка переписчика рукописи, которой онъ пользовался, такъ какъ въ своемъ соборномъ разсмотрѣніи отвѣтовъ Антонія Сергій прямо говоритъ: „извольте (о хиротоніи обливанцевъ) ниже, во второмъ сочиненіи о бѣгствующей святой церкви, свято-правильное положеніе смотрѣть“ (Ibidem, л. 79; стр. 414). Эти слова заставляютъ думать, что „второе сочиненіе“ было уже начато имъ и скоро предполагалось окончить его. При томъ же откладывать его составленіе на нѣсколько лѣтъ было и неудобно: чувствовалась тѣмъ болѣе настоятельная необходимость доказать недѣйствительность обливанской хиротоніи, что иные и прежде были склонны принять ее.

Прим. авт.

отъ тѣхъ еретиковъ и хиротонія не пріята". Поставленныхъ во священство отъ еретиковъ-обливанцевъ можно, пожалуй, признавать священниками, но только еретическими. Этотъ довольно осторожный отвѣтъ не удовлетворилъ Антонія и онъ 16-го апрѣля этого же года снова обратился къ Сергію съ вопросомъ: можно ли обливанскихъ священниковъ „почитать за благочестивыхъ священниковъ съ тою хиротоніею или другія сподобить повелѣваютъ правила?" Сергій вынужденъ былъ высказаться точнѣе и онъ сдѣлалъ это 23-го апрѣля въ довольно-таки рѣшительной, хотя и не совсѣмъ правильной съ логической стороны, формѣ: „мы по христіанской вѣрѣ называемъ ихъ благочестивыми, но хиротонію ихъ такъ полагаемъ, что точію надобно отъ православнаго епископа во вторы хиротонисать"[1]). Эти же мысли, но только въ болѣе подробномъ видѣ, изложены Сергіемъ и въ трактатѣ „о бѣгствующемъ священствѣ". Кромѣ каноническихъ основаній, онъ приводитъ здѣсь въ подкрѣпленіе своей тенденціи и основанія историческія, для чего излагаетъ послѣдовательный ходъ чинопріема приходящихъ отвнѣ въ поповщину со дней Ветки и Стародубья. Подробно перечисляя всѣхъ принятыхъ „церковью" обливанскихъ священниковъ, съ указаніемъ кто отъ кого и гдѣ былъ принятъ, Сергій приходитъ къ выводу, что ни ветковскіе, ни стародубскіе христіане, „по свидѣтельству той страны жителей и лѣтописей", никогда не принимали приходящихъ отъ обливанцевъ безъ совершенія надъ ними таинства миропомазанія. Правда, Михаилъ Калмыкъ послѣ 1779 года утверждалъ, что онъ самъ принятъ безъ миропомазанія, но это тенденціозная ложь: и самъ онъ былъ принятъ чрезъ миропомазаніе, и другихъ „принималъ подъ миръ". Иначе не могло и быть: истинная церковь, держащая старые обряды, не можетъ отступать отъ установленныхъ апостолами, соборами и святыми отцами правилъ, которыя „единако пишутъ, что отъ которыхъ еретиковъ крещенія не пріято, отъ тѣхъ и хиротонія не пріята". Отступленія отъ уставовъ святыхъ отцовъ допущены были только за послѣднее десятилѣтіе, но эти отступленія, вопервыхъ, не многочисленны, вовторыхъ—практикуются не церковью, которая непогрѣшима, а нѣкоторыми не свѣдущими въ писаніи людьми. Опираясь на эти данныя, Сергій рѣшительно отвергаетъ обливанскую хиротонію: „мы отъ вышеозначенныхъ еретиковъ какъ кре-

1) Рук. библ. арх. Агаѳангела, № 52, л. 80—84. См. „Прав. Соб.", 1857, II, 415.

щеніе, такъ и хиротонію не принимаемъ, но всѣхъ таковыхъ не крещенными, яко еллиновъ, почитаемъ и приходящихъ отъ таковыхъ еретиковъ ко святой церкви совершенно крещаемъ“[1]). Подъ крещеніемъ въ данномъ случаѣ разумѣется исправа. Убѣдился ли Антоній всѣми этими разсужденіями, объясненіями и обличеніями— неизвѣстно, но только онъ замолкъ на время и споръ будто заглохъ.

Ведя эту упорную борьбу съ своимъ противникомъ, разсылая по всѣмъ крупнымъ центрамъ поповщины свои письма и посланія, Сергій не оставлялъ безъ вниманія и текущихъ дѣлъ обители. Заботы о благоустроеніи и украшеніи скита шли своимъ чередомъ. Одной Введенской церкви ему казалось мало для монастыря и почти тотчасъ за освященіемъ ея онъ принялся за построеніе другой, еще болѣе обширной и красивой. Щедрыя пожертвованія разныхъ христолюбцевъ изъ числа богатыхъ поволжскихъ и московскихъ купцовъ дали ему возможность скоро окончить предпринятую постройку безъ всякихъ особенныхъ помѣхъ со стороны гражданскихъ властей. Къ зимѣ 1783 года новый храмъ былъ совсѣмъ готовъ и 19-го декабря этого же года торжественно освященъ во имя Успенія Божіей Матери; съ этого времени Исаакіевъ скитъ получилъ названіе Верхне-Успенскаго монастыря и подъ этимъ именемъ извѣстенъ былъ до 1804 года, когда переименованъ въ Преображенскій[2]). На торжество освященія храма, столь рѣдкое въ мірѣ старообрядчества, собралось не мало саратовскихъ, вольскихъ и хвалынскихъ купцовъ, которые съ самаго возникновенія Иргиза приняли на себя роль патроновъ и благодѣтелей новыхъ обителей. Этимъ съѣздомъ Сергій не замедлилъ воспользоваться въ своихъ видахъ: въ день освященія храма онъ составилъ въ своемъ монастырѣ „всеобщественное собраніе“ и предложилъ всѣмъ присутствовавшимъ рѣшить такъ или иначе вопросъ о перемазаніи. Разсчетъ Сергія вполнѣ понятенъ: увѣренный въ благорасположеніи купцовъ, онъ зналъ, что они рѣшатъ споръ въ его пользу; а послѣ этого Антонію не останется ничего болѣе дѣлать, какъ покориться необходимости, ибо ссориться съ щедрыми „благодѣтелями“ для него крайне не выгодно. И Сергій не ошибся. Всеобщественное собраніе выработало слѣдующее „свято-правильное разсмотрѣніе и

1) Ibidem, л. 85—98. „Прав. Соб.,“ 1857, II, 418—419.
2) Брат. Св. Кр., № 500, 1.

объяснительное впредь святѣй церкви и всему христіанству общее положеніе": 1) чтобы имѣла въ себѣ святая христіанская церковь свято-законное всякое во всемъ опредѣленіе, по свято-апостольскимъ и свято-отеческимъ святымъ правиламъ обдержнымъ и смотрительнымъ; 2) чтобы употребляла ихъ каждое во свое время, а не такъ, какъ нѣкоторые отъ святой церкви заблудники не во свое время употребляли свято-апостольскія и свято-отеческія преданія, отъ чего и заблудиша, за что и пріяша на себя отъ святой церкви клятву, а не благословеніе; 3) чтобы не принимала обливаемыхъ малороссійскимъ крещеніемъ и происшедшей отъ обливанцевъ хиротоніи и къ священнодѣйствію чтобы отнюдь таковыхъ не допускала, а которые священники отъ обливанцевъ приняты, то тѣ во своихъ мѣстахъ оставлены и молчанію преданы; 4) чтобы нигдѣ вновь не принимали пришедшихъ священниковъ, кромѣ святой церкви, для лучшаго законоправильнаго во всемъ разсмотрѣнія, и 5) когда хотя гдѣ по какой необходимой нуждѣ какого вновь пришедшаго священника и примутъ, то о томъ бы въ скорости дать отъ того мѣста знать ко святой церкви, для союзолюбовнаго ко святой церкви покоренія [1]).

Легко представить себѣ, что чувствовалъ гордый, неуступчивый Антоній, читая это „впредь всему христіанству общее положеніе"! Онъ чувствовалъ весь ядъ разсыпанныхъ тутъ по его адресу намековъ; отлично зналъ, что значитъ на языкѣ Сергія терминъ: „святая церковь"; со всей ясностью видѣлъ, что четвертая и пятая статьи этого соборнаго положенія упрочиваютъ на неопредѣленный срокъ за Верхнимъ монастыремъ привилегію принимать бѣглыхъ

1) Бр. Св. Кр., № 513, 31—33; сн. Поповъ, IV, 110—112. Текстъ положенія у Попова приведенъ полный и вполнѣ согласенъ съ цитируемой рукописью; есть только нѣкоторое измѣненіе въ подписяхъ,—не существенное, впрочемъ,—и датированы соборныя постановленія 1784 годомъ; но можно съ увѣренностью сказать, что послѣдняя цифра года должна быть нѣсколько измѣнена: собирать соборъ на 19 декабря, т. е. предъ самымъ праздникомъ, безъ такого экстреннаго случая, какъ освященіе храма, едва ли было удобно; между тѣмъ Успенская церковь освящена несомнѣнно 19 декабря 1783 года. Далѣе, въ числѣ подписей соборнаго постановленія на первомъ планѣ стоитъ подпись Ивана Вавилова Расторгуева, въ этомъ году вольскаго городского головы; за ней слѣдуютъ — И. А. Злобина, старшаго бургомистра, и В. А. Злобина, тогда еще только ратмана; будь соборъ въ 1784 году—порядокъ подписей совершенно измѣнился бы, такъ какъ теперь городскимъ головою сдѣлался В. А. Злобинъ, помощниками же его являются И. А. Злобинъ, Т. А. и С. И. Расторгуевы; Иванъ Вавиловъ Расторгуевъ отошелъ теперь въ неизвѣстность. Безъ подписей Тихона и Семена Расторгуевыхъ акта бы не было (Сар. Сборн., I, 52).

никоніанскихъ священниковъ; хорошо понималъ всѣ матеріальныя и нравственныя выгоды такого рода монополіи, и все-таки долженъ былъ, въ концѣ концовъ, утвердить этотъ актъ своимъ согласіемъ: вслѣдъ за подписью Сергія мы находимъ и его подпись. Антоній былъ обиженъ результатами собора и, кажется, не скрывалъ этого: по крайней мѣрѣ, Сергій, говоря о послѣдствіяхъ соборнаго постановленія, прямо заявляетъ, что „настоятель Антоній святой церкви и всеобщественному ея собранію... съ неохотнымъ усердіемъ покорился“[1]). Кромѣ подписей двухъ виновниковъ собора, подъ этимъ церковнымъ положеніемъ есть еще подпись Адріана, настоятеля Аврааміева скита, одного священно-инока, семи священниковъ, одного іеродіакона, одного діакона, тридцати шести иноковъ, въ числѣ которыхъ было пять схимниковъ, и двадцати трехъ лицъ свѣтскаго званія, по преимуществу вольскихъ, саратовскихъ и хвалынскихъ купцовъ. Своеручно, кромѣ настоятелей, изъ братіи подписались только восемь человѣкъ; остальные двадцать восемь человѣкъ воспользовались чужимъ рукоприкладствомъ. Въ числѣ мірянъ были такія свѣтила старообрядческаго міра, какъ Расторгуевъ, Злобинъ, Сапожниковъ, Волковойновъ, Курбатовъ, Матросовъ и другіе. Приглядѣвшись внимательнѣе къ подписямъ, найдемъ, что со всѣмъ благолѣпіемъ отправлялось въ это время богослуженіе на Иргизѣ въ одномъ только Успенскомъ монастырѣ: у Сергія было четыре священника, одинъ іеромонахъ, одинъ іеродіаконъ и одинъ діаконъ; у Адріана—только три священника и ни одного діакона; у Антонія же—ни тѣхъ, ни другихъ. Тѣмъ обиднѣе было послѣднему подчиняться постановленіямъ собора, которыя ставили его въ прямую зависимость отъ Сергія своимъ требованіемъ „союзолюбовнаго ко святой церкви покоренія“.

Сергій одержалъ рѣшительную побѣду. Отнынѣ онъ становится въ существѣ дѣла верховнымъ главой не только Иргиза, но и всей поповщины,—всеобщественное собраніе безусловно санкціонировало это. Оставалось лишь ввести въ практику проведенный въ соборномъ постановленіи принципъ и такъ или иначе сломить упорнаго противника, разъ таковой является. Правда, это была нелегкая задача, но отступать было уже поздно, да Сергій и не любилъ отступать. Представляя соборъ 19 декабря продолженіемъ и заверше-

[1]) Рук. библ. арх. Агаѳангела, № 52, л. 97; см. „Прав. Собес.“, II, 406.

ніемъ московскаго собора 1779 года, онъ поспѣшилъ разослать копіи съ его постановленій для свѣдѣнія и руководства по всѣмъ общинамъ поповскаго согласія. Къ свѣдѣнію „общее положенія“ принято было „всѣми христіанами“, но руководствоваться имъ пожелали далеко не всѣ: староряпцы „сибирскихъ странъ“, доселѣ собственной властью принимавшіе священниковъ, „пріявшихъ равное съ ними уединеніе“[1]), первые отказались подчиниться иргизскимъ постановленіямъ, которыя ставили ихъ вмѣстѣ съ другими поповцами въ значительной степени подъ контроль Иргиза. Свой отказъ они мотивировали тѣмъ, что принимаютъ не обливанцевъ, а трехъ-погруженцевъ, получившихъ хиротонію отъ архіереевъ грузинскихъ или отъ переяславскаго Алексѣя и астраханскаго Иларіона, о которыхъ достовѣрно извѣстно, что они и сами не обливанцы, и рукоположены не обливанцами, значитъ, „въ замѣшательствѣ“ съ еретическими архіереями не состоятъ. Отказъ сибирцевъ нашелъ себѣ откликъ на Иргизѣ: Антоній не замедлилъ воспользоваться удобнымъ случаемъ и снова принялся защищать обливательное крещеніе и обливанскую хиротонію, а въ заключеніе опять принялъ какого-то бѣглаго попа и допустилъ его къ отправленію богослуженія въ своей обители не только безъ согласія Сергія, но даже и безъ совершенія исправы. Этотъ рѣзкій шагъ былъ уже не простымъ отказомъ въ союзолюбовномъ покореніи, а громкимъ скандаломъ, расколомъ въ расколѣ. Напрасно пытались усовѣстить Антонія; напрасно напоминали ему о соборныхъ постановленіяхъ, скрѣпленныхъ, между прочимъ, и его собственной подписью: „всему тому я не согласенъ и подписку свою ни во что почитаю“, отвѣчалъ онъ[2]).

Если раньше Сергія смущало и тревожило несогласіе съ нимъ одного Антонія,—протестовалъ ли еще кто нибудь, мы не знаемъ,—то тѣмъ болѣе смутило и встревожило его теперь несогласіе сибирцевъ. Противъ этихъ оппонентовъ нельзя было принять какихъ-либо рѣшительныхъ мѣръ, въ родѣ соборнаго осужденія и наложенія клятвы: и авторитетъ Иргиза не окрѣпъ еще достаточно, чтобы можно было разомъ ссориться съ цѣлой общиной, и при томъ общиной обширной, да и вообще не представлялось благовременнымъ раздувать рознь, поддерживать сѣмя раздора въ средѣ единомышленниковъ.

[1]) Ниж. сем. библ., № 3774, 300.
[2]) Рук. библ. арх. Агаѳангела, № 58, л. 98. См. „Прав. Соб“, 1857, II, 417.

Разсчитывая на свои литературныя способности, Сергій рѣшилъ испытать противъ ослушниковъ болѣе мягкое средство—именно убѣжденіе. Съ этою цѣлью онъ написалъ: „*Бесѣдословіе съ сомнящимися о святой церкви и православномъ священствѣ*“ и въ апрѣлѣ 1786 года разослалъ его по старообрядцамъ. Этотъ трудъ Сергія стоитъ того, чтобы на немъ остановиться немного.

Исходный пунктъ „*Бесѣдословія*“ одинаковъ съ предъидущими литературными трудами Сергія по вопросу о перемазаніи: обливаемое крещеніе—это коренная язва русской церкви, капитальная ересь ея; нѣтъ на Руси ни одного православнаго епископа, такъ какъ одни сами крещены обливательно, другіе поставлены обливанцами, третьи находятся въ общеніи съ ними. Къ послѣдней категоріи принадлежатъ епископы грузинскіе, Алексѣй переяславскій и Иларіонъ астраханскій: „они во всякомъ согласіи вси купно съ еретиками пребываютъ за одно и равно вси пріемлютъ и почитаютъ, какъ обливательное крещеніе, такъ и погружательное... вмѣстѣ единогласно и жертву приносятъ, и все за одно почитаютъ“. По 46-му правилу апостольскому,—„крещеніе и жертву еретическую пріемъ святитель не освященъ“,—эти епископы должны быть извержены священства; но если такъ, то и священники, приходящіе отъ нихъ къ сибирскимъ старообрядцамъ, не священники, а простецы: это священники еретическіе, чуждые дара хиротоніи за еретичество своихъ архипастырей. Разъ признавъ обливательное крещеніе еретическимъ, отъ такого вывода отказываться, разумѣется, нельзя; но выводъ этотъ самъ собою наталкиваетъ на вопросъ: откуда же людямъ древляго благочестія заимствовать священство? Отъ церкви, отвѣчаетъ Сергій, т. е. отъ иргизскаго Успенскаго монастыря: только въ немъ неизмѣнно сохранилось во всей неприкосновенности апостольское ученіе, правильное священноначаліе и такое же совершеніе таинствъ; только въ немъ „не имѣется разгласія, но всякой видъ благочестной и безъ всякихъ прилоговъ еретическихъ священнодѣйствуется и совершается всякая святыня“; а потому только онъ, только святая церковь, имѣетъ право „по нуждѣ или смотрительству времени допускать премѣненіе закону“. Это право не самовольно похищенное ею, но принадлежащее искони, отъ временъ древнихъ. Церковь всегда различала законъ „обдержный“, постоянно дѣйствующій, отъ закона „смотрительнаго“,

представляющаго исключеніе изъ общихъ правилъ. „Во обдержности“, въ видѣ общаго правила, церковь повелѣваетъ крестить только въ храмахъ, а „по смотрѣнію времени“, въ видѣ исключенія, дозволяетъ крестить и въ домахъ; по смыслу общихъ правилъ, крестить должны священники, но, по требованію необходимости, могутъ совершать это таинство и міряне; далѣе, крещеніе должно совершаться въ три погруженія, но по нуждѣ допускается и крещеніе обливательное или кропительное. Точно также общія правила запрещаютъ священникамъ дѣлать что-либо безъ благословенія епископа, за нужду же дозволяютъ и безъ такого благословенія вязать и рѣшить, равняютъ ихъ съ епископомъ; тѣже правила не позволяютъ строить церкви и монастыри безъ благословенія епископа, но по нуждѣ разрѣшаютъ это; литургію позволяютъ совершать только въ освященныхъ храмахъ, а нѣкоторые святые совершали ее и въ домахъ, даже безъ антиминса; исповѣдь принимаютъ только священники, но въ нужномъ случаѣ могутъ принимать и иноки; мірянамъ во обдержности запрещается пріобщать себя и другихъ, по смотрѣнію же—разрѣшается и т. п. Но „сіи вси вышепоказанныя свидѣтельствы святая церковь не во обдержной себѣ законъ полагаетъ, но по нѣкоторому самонужнѣйшему смотрительству времени то пріемлетъ“.

Рядъ случаевъ, въ когорыхъ церковь примѣняла законы какъ „обдержные“, такъ и „смотрительные“, не ограничивается только перечисленными,—онъ захватываетъ собой и много другихъ сторонъ церковной жизни. Вопросъ о хиротоніи еретической не разъ представлялся вниманію церкви и рѣшался ею двояко: вообще священство еретическое церковь отвергаетъ, какъ безблагодатное, но по нуждѣ времени иногда и принимаетъ его: „много мать наша первенствующая святая церковь всякаго особеннаго милосерднаго снисхожденія имъ (еретикамъ) давала для обращенія, и примиренія, и соединенія къ православной вѣрѣ“. Такъ седьмой вселенскій соборъ принялъ съ тою же хиротоніей многихъ епископовъ, рукоположенныхъ иконоборцами, потребовавъ отъ нихъ одного только проклятія ереси. Принявъ хиротонію иконоборцевъ, церковь принимала потомъ и хиротонію латинянъ: по отпаденіи Рима, въ 1088 году, когда папы на православномъ востокѣ исключены уже были изъ диптиховъ, папа вмѣстѣ съ греческимъ епископомъ освящалъ въ Барѣ

церковь во имя Николая Чудотворца и совершалъ переложеніе мощей его въ новую раку. Нѣсколько позже св. Савва сербскій многихъ изъ приходящихъ отъ латинства не перекрещивалъ, а только миропомазывалъ. Матѳей Правильникъ и Севастъ Арменопулъ „всесогласно пишутъ, что и латинъ хиротонія пріята“. Но если въ древней церкви, по нужному времени, принимались священники даже отъ такихъ еретиковъ, какъ иконоборцы или католики, то не менѣе есть основанія для нея и теперь принимать священниковъ отъ великороссійской церкви,—нужда въ священникахъ большая, а ересей въ этой церкви все же меньше, чѣмъ у латинъ или иконоборцевъ: „того ради и мы, находящіеся при святой церкви, соображая мысли свои съ первенствующею матерью нашею, со святой церковью, принимаемъ отъ великороссійской церкви отъ россійскихъ архіереевъ хиротописанныхъ священниковъ и безъ всякаго сомнѣнія за православныхъ почитаемъ“. Въ дѣлѣ пріема могутъ ошибаться и погрѣшать отдѣльныя лица, тѣ или другіе члены церкви, а потому имъ нельзя предоставить права самостоятельнаго пріема приходящихъ отъ великороссійской церкви священниковъ, но святая церковь не погрѣшитъ никогда; поэтому „никто же да сумнится о святой церкви и о православномъ ея священствѣ... Она, мать наша, невѣста Христова, святая церковь... все по свято-апостольскимъ и свято-отеческимъ правиламъ всякое правленіе у себя содержитъ и обдержные и смотрительные законы во свое ихъ время употребляетъ“. Кромѣ церкви никому не можетъ быть предоставлено право опредѣленія, какіе изъ этихъ законовъ въ данную минуту благопотребны и благовременны. Поэтому всякому вѣрующему, если онъ не хочетъ восхищать недарованное, остается только одно: прибѣгнуть „къ матери своей святѣй церкви, яко къ тихому и невлаемому пристанищу, гдѣ и обрящетъ покой душевный и спасеніе вѣчное“[1]).

Для безпристрастнаго читателя очевидно, какъ натянута, какъ искуственна и потому малоубѣдительна аргументація Сергія. Но иначе взглянули на нее поповцы: „*Бесѣдословіе*“ заставило ихъ склониться на сторону Сергія и признать неоспоримымъ, каноническимъ церковное положеніе всеобщественнаго собранія. Уступили сибирскіе старообрядцы, смолкли недовольные голоса и въ другихъ углахъ обширной Россіи. Право пріема бѣглыхъ священниковъ отнынѣ

1) Бр. Св. Кр., № 513, 49.

безусловно обезпечилось за Иргизомъ, который вполнѣ заступилъ въ расколѣ мѣсто Стародубья, оскверненнаго еретичествомъ Никодима и Михаила Калмыка. Практическая сообразительность Сергія на этотъ разъ не обманула его: онъ зналъ, что расколу нуженъ авторитетъ, внѣшнее водительство и хотя бы видимая законность; видѣлъ, что доселѣ существовавшій руководитель поповской общины и носитель авторитета и законности самъ отрекся отъ этой роли и сдѣлалъ ее невозможной для своихъ преемниковъ; понималъ, какой опасностью грозило это обстоятельство всей „церкви“, и для блага, какъ ея, такъ и своего собственнаго, предложилъ на освобожденное такъ неожиданно мѣсто самого себя. Большинство согласилось сразу, меньшинство же сначала было запротестовало, но въ концѣ концовъ успокоилось и примкнуло къ большинству. Такъ заставляла поступить и потребность въ авторитетѣ, и смутное сознаніе какой-то незаконности пріема бѣглыхъ, еретическихъ поповъ, и желаніе упорядочить сколько-нибудь эту сторону церковной жизни. Сергій угадалъ потребность времени, уловилъ нужную минуту и, въ видѣ приза, получилъ общее союзолюбовное покореніе всего старообрядческаго міра, державшагося завѣтовъ поповщины. Лѣтъ шесть спустя, именно въ 1792 году, Прохоръ, кажется, рѣшился формальнымъ актомъ закрѣпить за Иргизомъ такое „покореніе“: онъ созвалъ новое всеобщественное собраніе, которое и санкціонировало проведенную въ „*Бесѣдословіи*“ тенденцію, установивъ при этомъ и все чинопослѣдованіе исправы бѣглыхъ священниковъ въ томъ видѣ, какъ мы знаемъ его въ послѣдующее время[1]). Въ этомъ неоспоримая заслуга Сергія для Иргиза, его преимущество сравнительно съ предшественниками, идеи которыхъ онъ унаслѣдовалъ и развивалъ. Если же ко всему сказанному прибавить еще, что онъ не мало поработалъ и надъ установленіемъ внутренняго распорядка иноческой жизни на Иргизѣ, то вполнѣ понятенъ станетъ данный ему современниками титулъ „строителя“, которымъ онъ такъ любилъ именовать себя.

Въ то время, какъ рѣшался на Иргизѣ перемазанскій вопросъ, внутренняя жизнь скитовъ шла своимъ порядкомъ. Подъ защитой крѣпкой руки разныхъ богатыхъ благодѣтелей изъ числа купече-

[1]) Дѣла Секр. Комит., Vol. XVI, стр. 1100; см. Имп. Публ. библ., Q, I, № 830, л. 173.

ства скиты наслаждались полнымъ спокойствіемъ. Высшая губернская администрація была далеко, въ Воронежѣ; средняя и низшая получала изрядную мзду и потому смотрѣла сквозь пальцы, а подчасъ открыто покровительствовала „трудникамъ о Христѣ“. Тихое и безмолвное житіе, оплачиваемое изъ чужихъ кармановъ, привлекало на Иргизъ все новыя и новыя толпы отшельниковъ. Одни думали о спасеніи души, другіе берегли отъ батоговъ и Сибири бренное тѣло, а тѣ и другіе вмѣстѣ увеличивали собой число иночествующей братіи. Ширился и росъ Иргизъ, ширилась и росла слава его.

Въ ряду рьяныхъ защитниковъ иргизскихъ скитниковъ за это время быстро выдвинулся на первый планъ вольскій купецъ, впослѣдствіи же именитый гражданинъ, Василій Алексѣевичъ Злобинъ. Здѣсь не мѣсто разсказывать біографію этого замѣчательнаго человѣка, который на своемъ вѣку видѣлъ полный оборотъ колеса фортуны,—сельскій пастухъ въ дѣтствѣ, сельскій писарь въ молодости, всесильный милліонеръ въ зрѣломъ возрастѣ и нищій въ старости, онъ могъ сказать, что пережилъ все, что можно пережить человѣку,—его біографія съ одной стороны слишкомъ извѣстна, съ другой—слишкомъ темна. Для характеристики Злобина достаточно будетъ сказать, что это былъ сынъ крестьянина-раскольника изъ села Воскресенскаго, вольскаго уѣзда, мужъ раскольницы Волковойновой, человѣкъ добрый по безхарактерности и щедрый изъ честолюбія. Не будемъ доискиваться таинственной причины неимовѣрно-быстраго обогащенія его, тѣмъ болѣе, что это едва ли возможно сдѣлать теперь; не станемъ и скрывать своего незнанія подъ маской слишкомъ недвусмысленнаго намека, что „родина Злобина издавна отличалась своимъ расколомъ и фабрикаціей фальшивой монеты, а потому нельзя опредѣлить первоначальный источникъ богатствъ Злобина“, какъ это дѣлаетъ графъ Стенбокъ[1]); но посмотримъ, какое значеніе имѣли для Иргиза злобинскіе милліоны,—этотъ вопросъ гораздо существеннѣе перваго. Съ молокомъ матери всосалъ Злобинъ привязанность къ старообрядчеству. Вліяніе любимой жены, до фанатизма преданной расколу, и желаніе уваженія и любви народной увеличили эту привязанность. Дѣло раскола было своимъ дѣломъ для Злобина и всѣ свои богатства, всѣ свои связи съ высшими административными сферами Петербурга онъ беззавѣт-

[1]) Имп. Публ. библ., № 527.

но отдавалъ этому дѣлу. Нимало не преувеличивалъ біографъ Злобина, г. Леопольдовъ, говоря, что „Злобину раскольники обязаны тѣмъ, что онъ всѣхъ ихъ на Иргизѣ соединилъ въ пять общинъ, три мужскихъ и двѣ женскихъ, съ надѣломъ земли, лѣса и разныхъ угодій“[1]). Безъ содѣйствія Злобина едва ли когда-нибудь иргизскіе скиты пріобрѣли бы для поповщины то огромное значеніе, какое мы видимъ на самомъ дѣлѣ, едва ли поднялись бы они выше скитовъ керженскихъ или даже уральскихъ. Подъ щитомъ этого щедраго богача потеряли здѣшніе иноки чувство страха предъ гражданскими властями; на его деньги, главнымъ образомъ, обзавелись они великолѣпными церквами; благодаря его связямъ, пріобрѣли себѣ высокопоставленныхъ заступниковъ и ходатаевъ, въ родѣ извѣстнаго Рунича.

Главныя заботы иргизскихъ настоятелей обращены были за разсматриваемое нами время на построеніе храмовъ въ своихъ обителяхъ и на расширеніе сферы своего вліянія среди отдѣльныхъ поповскихъ общинъ. Добившись оффиціальнаго разрѣшенія со стороны мѣстныхъ властей на открытое, свободное совершеніе богослуженія, отцы настоятели соревновали другъ передъ другомъ въ стараніи обставить отправленіе богослуженія возможной торжественностью. За эпохой гоненія теперь промелькнулъ лучъ свободы; понимали пользовавшіеся этой свободой, что она не совсѣмъ законна, что это свобода купленная— и все же пользовались, спѣшили пользоваться ею. Примѣръ подалъ въ этомъ случаѣ строитель Сергій. Выше показано уже, съ какой быстротой возводилъ онъ одну церковь за другой; показано и то, какимъ штатомъ священно-служителей окружилъ онъ себя. Торжественность, благолѣпіе, эффектъ—вотъ что требовалось ему для привлеченія богомольцевъ въ свою обитель. Деньги и труды, потраченные для достиженія этой цѣли, были сѣменами, которыя въ самомъ недалекомъ будущемъ обѣщали принесть богатый плодъ. Первымъ подражателемъ явился самарскій уроженецъ, схимонахъ Адріанъ, казакъ по происхожденію, изъ рода Ваулиныхъ, евангельскій сынъ и непосредственный преемникъ Авраамія по управленію его скитомъ. Въ 1786 году, собравъ отъ подаяній малую сумму денегъ, онъ заложилъ на 11 саженяхъ длины и 4 саженяхъ ширины деревянный храмъ во имя Воскресенія Христова. Съ этого вре-

[1]) Леопольдовъ, Біогр. В. А. Злобина, 6.

мени Авраамиевъ скитъ получилъ названіе монастыря. Дозволеніе соорудить этотъ храмъ было исходатайствовано В. А. Злобинымъ. Постройка началась на широкую ногу: иконопись для Воскресенской церкви поручена знаменитому въ то время тверскому художнику Пешехонову и представляла въ большинствѣ копіи съ иконъ древне-греческой кисти. Но Адріанъ не успѣлъ довесть до конца начатое дѣло: 15 августа 1787 года онъ скоропостижно умеръ во время всенощнаго бдѣнія на самой паперти воздвигнутаго храма[1]). Послѣ Адріана принялъ на себя продолженіе постройки самъ В. А. Злобинъ, избранный попечителемъ монастыря[2]). Крупныя деньги затрачены были имъ на сооруженіе этого храма, но за то и храмъ вышелъ замѣчательный[3]). Кто былъ настоятелемъ въ это время—сказать опредѣленно нельзя; возможно, что инокъ Левъ, на котораго указываетъ іеромонахъ Арсеній, ошибочно приписывающій ему освященіе Воскресенской церкви[4]), но возможно и болѣе вѣроятно другое, именно, что въ теченіи 1—2 лѣтняго промежутка обитель оставалась безъ настоятеля и управлялась, подъ главнымъ надзоромъ Злобина, кѣмъ-либо изъ старшей братіи, можетъ быть, инокомъ Прохоромъ. Такое предположеніе тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что въ 1789 году освятилъ эту церковь Прохоръ, избранный настоятелемъ только въ 1791 году,—въ настоятельство Льва это было бы восхищеніемъ недарованнаго, такъ какъ вышло бы, что простой, рядовой монахъ отнимаетъ у настоятеля его прерогативу[5]). Притомъ же кромѣ Арсенія никто не упоминаетъ о настоятельствѣ Льва.

Послѣдовательный разсказъ о разныхъ событіяхъ въ жизни Иргиза приводитъ насъ къ исторіи Прохора. На этомъ сколько загадочномъ, столько же и замѣчательномъ для иргизскихъ старообрядцевъ человѣкѣ я позволю себѣ нѣсколько остановить вниманіе читателей. Прохоръ былъ прямымъ продолжателемъ Сергія, съ которымъ мы уже знакомы

1) Ниж. сем. библ., № 3774, 44.

2) Брат. Св. Кр., № 500, 6.

3) Брат. Св. Кр., № 513, 138. Ibid., № 500, 6. Поповъ (IV, 25–27) передаетъ, на основаніи устнаго преданія, что Воскресенскій монастырь построенъ на деньги Прохора Калмыкова. Баснословность этого преданія становится очевидной при снесеніи его со всей послѣдующей исторіей Прохора.

4) Ниж. сем. библ., № 3774, 447 Инокъ Левъ, въ мірѣ Лука Михайловъ, умеръ въ 1796 году (Брат. Св. Кр., № 500, 29).

5) Брат. Св. Кр., № 513, 137. Поповъ (IV, 28) относитъ освященіе Воскресенской церкви къ 1787 году, но никакихъ данныхъ въ пользу этой даты не представляетъ.

по предъидущему. Это второй строитель иргизскихъ обителей, преемственно наслѣдовавшій отъ своего предшественника и его славу, и его значеніе въ мірѣ раскола, человѣкъ широкаго ума и страшной силы воли, одаренный необыкновеннымъ умѣньемъ прилаживаться къ людямъ и обстоятельствамъ, эксплоатировать въ свою пользу всякую бездѣлицу и, повидимому, смиренно подчиняясь другимъ, въ тоже самое время руководить ими по своему желанію. Сергій, послѣдовательно идя по стопамъ своихъ предшественниковъ, положилъ начало блеску и славѣ Иргиза; Прохоръ, благодаря своему замѣчательному организаторскому таланту, искусно довершилъ его дѣло и поставилъ иргизскіе монастыри на ту ступень величія, до которой они не доходили ни раньше, ни позже. Сравнительно съ Сергіемъ онъ является человѣкомъ болѣе убѣжденнымъ, болѣе послѣдовательнымъ, болѣе прямолинейнымъ въ своихъ воззрѣніяхъ и дѣятельности; поэтому съ шумомъ погибла память перваго, громка и славна въ потомствѣ память послѣдняго. Уступая Сергію въ начитанности, чтобы не сказать образованности, онъ превосходилъ его практичностью, проницательностью, выдержанностью характера, знаніемъ людей. Незнающій колебаній, неспособный отказываться отъ разъ принятаго плана, онъ дѣйствительно былъ для Иргиза столпомъ несокрушимымъ и адамантомъ благочестія, какъ звали его современники-единовѣрцы.

Нѣтъ ничего удивительнаго, если при такихъ условіяхъ народная молва окружила могучую фигуру Прохора ореоломъ таинственности. Говорили, что онъ сынъ грузинскаго царя или даже самой Екатерины II; увѣряли, что у его отца были несмѣтныя богатства и близкія связи съ высшимъ правительствомъ. Все это легендарно, намалевано грубой кистью и неспособно, конечно, вызвать довѣріе, но все это говорилось такъ громко и увѣренно, что сбило съ толку многихъ, а въ томъ числѣ и двоихъ „спеціалистовъ“ иргизской исторіи, гг. Попова и Дубакина. Первый утверждаетъ, что отецъ Прохора, саратовскій купецъ Калмыковъ, выхлопоталъ по просьбѣ сына разрѣшеніе на сооруженіе Воскресенской церкви и далъ денегъ на производство работъ[1]). Второй, стараясь объяснить причину симпатій Павла I къ Иргизу, видитъ ее въ томъ, что Прохоръ, по своему происхожденію отъ богатаго вольскаго (?!) купца, располагалъ значительными

[1]) Поповъ, IV, 26—28.

средствами и, какъ думаютъ (кто же это, кромѣ г. Дубакина?), давалъ заимообразно крупныя суммы денегъ Павлу, когда тотъ былъ еще только наслѣдникомъ престола. Это замысловатое, вымученное объясненіе г. Дубакину кажется „очень простымъ“[1]), хотя въ существѣ дѣла оно ничѣмъ не проще народной легенды о грузинско-царскомъ происхожденіи Прохора.

Если отбросить весь легендарный элементъ въ разсказахъ о Прохорѣ, то дѣло представляется въ такомъ видѣ. Прохоръ, въ міру Петръ Тихоновъ Калмыковъ, былъ сынъ саратовскаго посадскаго; родился онъ около 1748 года, такъ какъ по оффиціальнымъ документамъ 1828 года ему значилось 80 лѣтъ, имѣлъ въ Саратовѣ многихъ родныхъ и въ числѣ ихъ младшаго своего брата, Михаила, который поступилъ въ Нижній монастырь около 1818 года съ именемъ Мартирія; на Иргизъ Прохоръ пришелъ около 1788 года, ибо по тѣмъ же документамъ показанъ пребывающимъ въ монастырѣ 40-ой годъ[2]). До прибытія своего въ Нижній монастырь онъ жилъ съ нѣсколькими другими скитниками въ степяхъ Камышъ—Самарскихъ, лежащихъ въ мѣстности теченія Большого и Малаго Узеней и занимающихъ обширную полосу земли, которая съ востока прилегаетъ къ узкой Уральской долинѣ, а съ сѣвера—къ отрогамъ Общаго Сырта[3]). Сохранилось преданіе, весьма рѣшительно подтверждаемое прот. Полянскимъ, саратовскимъ миссіонеромъ временъ Іакова, лично знавшимъ Прохора, что съ Узеней послѣдній былъ захваченъ въ плѣнъ хивинцами и не малое время жилъ въ неволѣ, въ Хивѣ, пока не удалось выкупиться или бѣжать обратно, на старое пепелище[4]). Несмотря на уединенность мѣста, слухи объ его строгой постнической жизни быстро разнеслись и дошли до В. А. Злобина, который сильно заинтересовался молодымъ еще отшельникомъ. Ближайшее знакомство съ Прохоромъ привело Злобина къ мысли о необходимости перетянуть его на Иргизъ, въ Нижній монастырь, осиротѣвшій по смерти своего настоятеля и находившійся подъ попечительствомъ этого магната. Саратовскій намѣстникъ, Ва-

---

1) Дубакинъ, 39—40.
2) Бр. Св. Кр., № 500, 48, 129.
3) Мат. для стат. Рос. Имп.; отд. II, 13. Спб. 1839.
4) Ѳ. Парѳеньевъ, Оправданіе церковное. Рукоп. in 4⁰, 149 стр. Написана въ 1841 году, по приказанію преосв. Іакова. Принадлежитъ священнику села Монастырскаго, аткарскаго уѣзда, І. Рахинскому. См. собственноручную замѣтку Полянскаго на поляхъ 139 стр.

силій Чертковъ, 18 сентября 1789 года, за № 1070, далъ слѣдующее предложеніе вольскому нижнему земскому суду: „находящемуся жительствомъ въ степи Камышъ-Самары, саратовскому купцу Петру Калмыкову, а въ иночествѣ старообрядческому иноку Прохору, съ пребывающими съ нимъ десятью старцами предписываю суду не препятствовать перейти на житье Вольской округи въ Нижній криволуцкій Воскресенскій монастырь, въ который, по объявленію помянутаго инока Прохора, тамошніе старообрядцы приняты его съ братіей согласны, и наблюсти, чтобъ никакихъ притѣсненій чинимо имъ не было“[1]). Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что это разрѣшеніе на переходъ дано было немного заднимъ числомъ: архим. Платонъ въ своей автобіографіи разсказываетъ, что онъ явился въ Нижній монастырь въ маѣ 1789 года и принятъ былъ „настоятелемъ Прохоромъ, изъ саратовскихъ мѣщанъ, человѣкомъ строгой монашеской жизни“, довольно ласково[2]). Сомнѣваться въ точности даты не представляется основанія, ошибочное же наименованіе Прохора настоятелемъ,—въ это званіе онъ избранъ былъ братіей монастыря и вольскимъ старообрядческимъ обществомъ только въ 1791 году, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ и самъ онъ, въ письмѣ къ князю Голицыну[3]), и актъ избранія, подписанный между прочимъ вольскимъ городскимъ головою Василіемъ Епифановымъ и утвержденный земскимъ исправникомъ фонъ-Зида[4]),—объясняется весьма удобно тѣмъ предположеніемъ, что Прохоръ былъ уже въ это время фактически настоятелемъ монастыря, хотя юридическаго права на настоятельство не получилъ еще. Для креатуры всемогущаго В. А. Злобина было все возможно: Прохоръ свободно могъ числиться пребывающимъ въ Узеняхъ и столь же свободно въ это самое время, подъ рукой у своего патрона, негласно управлять обителью. Позволяю себѣ напомнить, что только при помощи этой гипотезы и возможно удовлетворительное объясненіе исторіи освященія Воскресенской церкви.

За время междунастоятельства въ Аврааміевомъ скитѣ, т. е. въ промежутокъ 1787—1788 годовъ, дисциплина, и вообще не особенно крѣпкая въ средѣ иргизскаго монашества, расшаталось со-

1) Бр. Св. Кр., № 500, 12.
2) Ниж сем. библ., № 3774, 436.
3) Арх. Воскрес. един. мон., № 1, 155.
4) Бр. Св. Кр., № 500, 6.

вершенно. Число монашествующихъ достигло огромной цифры въ 200 человѣкъ, но среди нихъ „ведущихъ невоздержную жизнь было гораздо больше, чѣмъ кроткихъ и воздержныхъ“[1]). Нарушеніе обѣта нестяжательности, пьянство и тѣсно связанный съ нимъ развратъ были господствующими недостатками братіи. Щедрыя подаянія христолюбцевъ и близость селеній способствовали господству этихъ пороковъ, развитіе которыхъ грозило окончательнымъ распаденіемъ монашествующей общины. Самъ чуждый слабостей братіи, „мужъ смышленный“, по отзыву прот. Полянскаго, „опытный и способный“[2]), Прохоръ хорошо понималъ всю опасность такого направленія монастырской жизни и рѣшилъ положить ей конецъ: тотчасъ же по оффиціальномъ избраніи своемъ въ званіе настоятеля, онъ потребовалъ отъ подчиненныхъ ему иноковъ клятвенное обязательство жить „по преданіямъ святыхъ отецъ и по иноческому обѣщанію“. Привожу полный текстъ этого обязательства: „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь. Благоволеніемъ и благодатію Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, честнаго и славнаго Его трехдневнаго воскресенія и молитвами пресвятыя чистыя и преблагословенныя владычицы нашея Богородицы и приснодѣвы Маріи, честнаго и славнаго ея явленія иконы Тихвинскія, и всѣхъ святыхъ, Нижняго монастыря убозіи иноцы, настоятель инокъ Прохоръ и казначей инокъ Іосифъ, инокъ-схимникъ Варлаамъ, инокъ-схимникъ Исаія, инокъ Гедеонъ, инокъ Аѳанасій, инокъ Зосима, инокъ Ипатій, инокъ Ѳеодоритъ, инокъ Савватій и прочая братія тоя обители, по самоизвольному согласію, призвавъ Господа Бога въ помощь, промежду себя во святѣй церкви предъ святымъ евангеліемъ и честнымъ крестомъ утвердили и дали сіе обѣщаніе въ томъ, чтобы жить намъ единокупно и общественно по преданію святыхъ отецъ и по иноческому нашему обѣщанію. Какъ и прежде были общіе иноческіе монастыри и уставы, тако и мы отъ своего предложенія съ симъ настоятелемъ условились вначалѣ, какъ ему самому настоятелю, такъ и дѣтемъ его ни подъ какимъ извѣтомъ тайно ничего не держать и съ своимъ какую-либо вещь ни словомъ именовать мое или твое или сего или инаго, а чтобъ было Христово да братское. А что хотя у кого нынѣ въ келіи состоитъ,

1) Ниж. сем. библ., № 3774, 437.
2) Парѳеньевъ, Оправданіе церковное, 139.

то все оное безъ всякаго нашего пристрастія и утайки чистосердечно объявить ему, нашему настоятелю, и вносить, что есть, въ общую нашу хранительницу или въ церковную ризницу съ росписаніемъ всякихъ вещей. А буде, паче чаянія, кто изъ насъ окажется противенъ и восхощетъ своимъ непокореніемъ сей нашъ общій уставъ раззорити или покусится что данное свое во общество паки обратно себѣ возвратить, то таковому отнюдь не дать дерзновенія, ниже во умъ сіе принять подъ крѣпкимъ правильнымъ запрещеніемъ пріиметъ отъ Господа Бога гнѣвъ и осужденіе; а получать намъ каждому, что будетъ потребно, отъ общея нашея хранительницы безпрекословно его настоятеля. А ему, настоятелю, имѣть насъ въ любви, равнымъ образомъ и пещися, яко отцу о своихъ присныхъ чадѣхъ; напротивъ же того и намъ имѣть его, яко сущаго нашего доброжелателя и ко спасенію вождя нелицемѣрно. А буде кто изъ насъ или самъ онъ, настоятель, по положенному нашему общему уставу, восхощетъ содѣлать нѣчто по коварству вражію, т. е. всего не восхощетъ отдать и удержитъ тайно, не объявляя братству, то таковый братъ пріиметъ судъ равенъ, яко же при апостолѣ Петрѣ утаили отъ цѣны Ананія и Сапфира, за что напрасною смертію умроша. Въ чемъ подъ симъ нашимъ единомышленнымъ сожительствомъ въ вѣрность и своими руками подписуемся, настоящаго лѣта 7299, года 1791, февраля 1 дня“[1]). Этотъ документъ, направленный собственно противъ стяжательности иноковъ, сдѣлался грознымъ оружіемъ въ рукахъ Прохора: онъ мастерски воспользовался нѣсколько темной, удоборастяжимой фразой „жить по иноческому нашему обѣщанію“ и желѣзной рукой принялся искоренять пороки братіи. По свидѣтельству арх. Платона и многихъ другихъ современниковъ, онъ, не взирая ни на санъ ни на возрастъ, подвергалъ провинившихся безпощадному тѣлесному наказанію: сажалъ въ оковы, приковывалъ на цѣпь, морилъ голодомъ, не останавливался предъ побоями[2]). Сильный поддержкой Злобина и близкой дружбой съ другими богатѣйшими вольскими купцами, въ особенности же съ Расторгуевымъ, онъ свободно могъ презирать глухой ропотъ своихъ иноковъ. Всѣ эти жестокія, съ упрямой прямолинейностью проводимыя въ жизнь, мѣры не могли, конечно, переродить основной духъ обители, но онѣ сообщали ей видъ дисциплины, въ существѣ дѣла, разумѣется, только кажущей-

[1]) Бр. Св. Кр., № 513, 119—121.
[2]) Арх. Воскрес. един. мон., № 14, 115.

ся; не улучшивъ нравственности, онѣ улучшали внѣшнее поведеніе монашествующихъ. Было ли это нужно, имѣло ли смыслъ—вопросъ другой, но дѣятельность Прохора въ такомъ направленіи несомнѣнно даетъ извѣстное освѣщеніе его нравственной физіономіи, а потому я и считалъ не безполезнымъ нѣсколько остановиться на этомъ пунктѣ.

Креатура и любимецъ Злобина, Прохоръ безотказно, полной рукой черпалъ средства изъ его кармана, торопился какъ можно быстрѣе обстроить и украсить свой монастырь, такъ чтобы онъ ничѣмъ не уступалъ Верхнему. Едва успѣвъ освятить Воскресенскую церковь, онъ принялся за построеніе новой, на этотъ разъ уже теплой, во имя Рождества Богоматери, съ предѣломъ во имя Іоанна Богослова. При этой церкви, построенной на разстояніи 16 саженей отъ Воскресенской, была и колокольня съ двѣнадцатью колоколами, изъ которыхъ одинъ былъ въ 200 пудовъ. Новый храмъ, какъ и Воскресенскій, по архитектурѣ ничѣмъ не отличался отъ древнихъ пятиглавыхъ церквей. Утварь и ризница для Рождественской церкви, пріобрѣтенныя на деньги опять-таки по преимуществу злобинскія, стоили болѣе 100.000 рублей. Куплено было и получено въ даръ множество цѣнныхъ иконъ старинной живописи, изъ которыхъ многія были съ мощами. Такъ въ одномъ крестѣ частицъ мощей разныхъ святителей считалось 86, въ другомъ—56[1]). Торжественное освященіе новосозданнаго храма совершилось только въ 1795 году, причемъ въ церемоніи освященія участвовали семь священниковъ съ діаконами подъ главнымъ руководствомъ священноинока Патермуфія, который вскорѣ послѣ этого былъ арестованъ и, по рѣшенію Св. Синода, разстриженъ за не совсѣмъ иноческую жизнь[2]). Вслѣдъ за храмомъ началось построеніе новыхъ келій, число которыхъ скоро дошло до сорока шести. Кельи воздвигнуты на манеръ крестьянскихъ избъ, отличаясь отъ нихъ только большимъ размѣромъ оконъ, разукрашенными карнизами и мезонинами; всѣ онѣ, за исключеніемъ только одной, каменной, двухъэтажной, въ которой хранилась церковная ризница и „маленькая монастырская библіотека, состоящая изъ пятисотъ книгъ, при святыхъ патріархахъ печатанныхъ“, были деревянныя, крытыя тесомъ.

[1]) Брат. Св. Кр., № 513, 109.
[2]) Ниж. сем. библ., № 3774, 437; Брат. Св. Кр., № 500, 6.

Иждивеніемъ инока Никифора построено было особое зданіе для монастырской больницы. Монастырь, со всѣми своими строеніями, занималъ теперь площадь земли окружностью въ 276 саженей и обнесенъ былъ высокой деревянной оградой съ однимъ каменными воротами. Но не объ одномъ благоукрашеніи обители заботился Прохоръ; онъ не забывалъ и хозяйственныхъ нуждъ ея и потому въ 1791 году устроилъ за Иргизомъ, какъ разъ противъ монастыря, особый хуторъ и пчельникъ съ 40 ульями[1]).

Почти одновременно съ Воскресенскимъ монастыремъ началъ обстраиваться и Пахоміевъ скитъ: въ 1788 году настоятель Антоній въ замѣну старой, Пахоміевой, часовни заложилъ церковь во имя Николая Чудотворца. Иноки сосѣдняго Филаретова скита понимали, какой опасностью грозитъ ихъ обители воздвигаемый храмъ; но недостатокъ денежныхъ средствъ не позволялъ имъ заняться сооруженіемъ чего-нибудь подобнаго. Оставалось одно изъ двухъ: или влачить жалкое существованіе въ заброшенномъ, всѣми забытомъ скитѣ, который никакъ не можетъ конкурировать съ обзаведшимся святыней сосѣдомъ, или предложить ему союзъ, протянуть по-братски руку. Дилемма была рѣшена въ этомъ послѣднемъ смыслѣ: Антоній получилъ предложеніе забыть старую рознь и принять филаретовцевъ подъ свое отеческое покровительство. Такое предложеніе было очень выгодно для Антонія, помимо уже того, что льстило его самолюбію, и потому, разумѣется, было принято съ радостью. Правитель саратовскаго намѣстничества, Якоби, разрѣшилъ затѣянную унію и, спустя два года, постройка соединенными силами была окончена, а слившіеся скиты получили названіе Никольскаго монастыря. Архитектура церкви очень древняя; 19 главъ блестятъ на невысокомъ зданіи, внутри котораго цѣлый рядъ низенькихъ арокъ мѣшаетъ любоваться прекраснымъ иконостасомъ. Препятствій со стороны гражданскихъ властей освятить Никольскую церковь, конечно, не могло встрѣтиться, особенно послѣ того какъ освящено было уже нѣсколько такихъ же церквей, и новый храмъ въ 1790 году былъ торжественно освященъ[2]). На Иргизѣ сохранилось преданіе, что сама императрица Екатерина II прислала для этой церкви на па-

[1]) Брат. Св. Кр., № 500, 6—7; № 513, 137.

[2]) Сар. Истор. Архивъ. Карт. А, № XXVII. Скрѣпленная преосв. Іаковомъ копія съ „Краткой записки о раскольникахъ города Николаевска и уѣзда его“ прот. Элпидинскаго, составленной въ 1841 году. Сн. Бр. Св. Кр., № 500, 4, 65; Ниж. сем. библ., № 3774, 414.

мять священническую парчевую ризу, на оплечьи которой вышила битью свое имя. Объ этой ризѣ, какъ лучшемъ доказательствѣ милостей Екатерины II къ иргизскимъ старообрядцамъ, послѣдніе упоминали въ своемъ всеподданѣйшемъ прошеніи императору Николаю I, въ 1840 году. Вскорѣ послѣ освященія Никольской церкви настоятель Антоній удалился на покой, но онъ успѣлъ еще устроить для своего монастыря хуторъ и пчельникъ въ 60 ульевъ. Все строеніе монастыря въ это время было деревянное и болѣе трехъ оконъ флигеля не имѣли; большинство келій, какъ и въ Воскресенскомъ монастырѣ, представляло собой простыя деревенскія избы, крытыя досками или дранью, расположенныя въ три улицы; 40 такихъ келій, съ сѣнями и чуланами, съ дворами и погребами, занимали пространство окружностью 486 саженей. Пяти-аршинная деревянная ограда съ четырьмя воротами окружала обитель съ трехъ сторонъ, съ четвертой же, по берегу Иргиза, вмѣсто забора разведенъ былъ частый палисадникъ[1]).

Въ заботахъ объ украшеніи своихъ обителей не уступали настоятелямъ мужскихъ и настоятельницы женскихъ монастырей: такъ Маргарита на собранныя отъ подаянія деньги уже въ 1782 году построила посреди своего скита деревянную часовню во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Впрочемъ, окончательная отдѣлка и украшеніе Покровской часовни выпали на долю Маргаритиныхъ преемницъ по должности настоятельницы—инокини Евпраксіи и старицы Митродоры, въ міру Маріи Ильиной, близкой родственницы, чуть ли не младшей сестры Маргаритиной. Со времени построенія часовни скитъ сталъ называться, по своему престольному празднику, Покровскимъ монастыремъ. Прошло всего какихъ-нибудь восемь лѣтъ съ того времени, какъ группа отшельницъ, подъ начальствомъ Маргариты, обосновалась здѣсь отдѣльнымъ скитомъ, а внѣшній видъ скита сильно измѣнился. Вмѣсто плохонькихъ мазанокъ и глубоко врытыхъ въ землю хижинъ появился цѣлый рядъ маленькихъ, но чистенькихъ домиковъ съ тесовыми и соломенными крышами, охватывавшій съ трехъ сторонъ площадку съ выстроенной на ней часовней. Общій видъ монастырскихъ построекъ напоминалъ собою букву П, у нижней части которой разстилалось обширное, верстъ десять длиною, озеро Калачъ. Въ часовнѣ и на

[1]) Бр. Св. Кр., № 500, 5, 64; Ниж. сем. библ., № 3774, 414.

улицахъ царила замѣчательная чистота[1]). Маргаритина обитель обстраивалась, пополнялась отшельницами, пріобрѣтала извѣстность. Въ это время изъ-за польской границы вышла инокиня Анфиса съ сестрами и направилась на Иргизъ. Всего проще было бы новопришедшимъ присоединиться къ обосновавшимся раньше ихъ сподвижницамъ Маргариты, но совсѣмъ не монашескія мечты честолюбія, гордое нежеланіе подчиниться чужой волѣ, удержали ихъ отъ этого самаго естественнаго шага: онѣ предпочли поселиться отдѣльными кельями въ концѣ Мечетной слободы. Несмотря на частыя нападенія разнаго гулящаго люда, съ 1783 до 1786 года тутъ образовался довольно обширный скитъ, названный, по имени основательницы, Анфисинымъ. Выборъ мѣста оказался неудачнымъ: клочекъ земли, занятый обителью, при каждомъ сильномъ разливѣ Иргиза затоплялся почти весь. Это обстоятельство побудило инокинь ходатайствовать о разрѣшеніи переселиться на другое мѣсто; директоръ саратовской экономіи, Иванъ Ильичъ Огаревъ, не нашелъ препятствій къ удовлетворенію возбужденнаго ходатайства и въ 1786 году Анфисинъ скитъ перенесенъ былъ на такъ называемую Горшенину Луку,—небольшое, но очень красивое по мѣстоположенію урочище на берегу Иргиза, въ полутора верстахъ отъ Мечетной слободы. Своей постройкой Анфисинъ скитъ напоминаетъ скорѣе деревню, чѣмъ монастырь: это куча опрятныхъ деревянныхъ домиковъ, разбросанныхъ въ безпорядкѣ. Многіе изъ нихъ крыты тесомъ, другіе—соломой; нѣкоторые чуть не до половины вкопаны въ землю. Монастырскія постройки не были обнесены ни досчатымъ заборомъ, ни плетнемъ, ни даже земляным валомъ. Въ теченіи первыхъ 10 лѣтъ житья на Горшениной Лукѣ скитницы отправляли ежедневное богослуженіе въ такъ называемой „крестовой“ кельѣ настоятельницы; только къ 1796 году Анфиса собралась съ деньгами и построила часовню во имя Успенія Божіей Матери; съ этого времени и обитель ея получила названіе Успенскаго женскаго монастыря[2]).

Сказаннымъ въ настоящей главѣ ограничивается почти все, что мы знаемъ о жизни Иргиза въ первыя тридцать лѣтъ его существованія. Правда, есть еще нѣсколько отрывочныхъ свѣдѣній, относящихся къ этому времени, но они такъ разрознены, такъ не-

[1]) Бр. Св. Кр., № 513, 116; № 500, 70, 9, 33.
[2]) Бр. Св. Кр., № 500, 9; Ниж. сем. библ., № 3774, 9.

полны, что ихъ крайне трудно, если только не совсѣмъ невозможно, привесть въ систему, уловить генетическую связь упоминаемыхъ въ нихъ событій. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ. Извѣстно съ несомнѣнностью, что 6 іюля 1786 года въ Верхнемъ монастырѣ были выборы новаго настоятеля[1]). Но чѣмъ обусловливалась отставка Сергія, была ли она добровольная или вынужденная, кто избранъ на его мѣсто и какъ правилъ монастыремъ этотъ преемникъ?— отвѣта на всѣ эти вопросы у насъ нѣтъ. Далѣе съ неменьшей несомнѣнностью извѣстно, что въ 1790 году Сергій опять былъ настоятелемъ (18 іюля этого года онъ подавалъ въ этомъ званіи свои „Вопросы“ Никифору Ѳеотоки), но не надолго: въ концѣ слѣдующаго, вѣроятно, года онъ былъ смѣненъ Кирилломъ. Можно догадываться, что эта смѣна стояла въ прямой связи съ его исканіемъ единовѣрія и совершилась, по полученіи имъ отвѣтовъ преосв. Никифора, главнымъ образомъ по желанію Ивана Вавилова Расторгуева, богатаго вольскаго купца. По крайней мѣрѣ, А. Я. въ своей біографіи Сергія приводитъ слѣдующій разсказъ: „...Ну, Сергій, прости! Намъ приказалъ Иванъ Вавиловъ посадить тебя въ желѣзные рога (?); и Платонъ, посадивъ его въ желѣзные рога, началъ руками за горло давить; племянника же строителева, Бориса, и послушника Василія въ это время вывели изъ кельи вонъ. Но въ эту самую минуту пріѣхалъ въ обитель исправникъ Ѳеодоръ фонъ-Зида и вошелъ прямо въ келью Сергія.“ Своего случайнаго избавителя Сергій „поблагодарилъ“ столовыми часами, а Расторгуевъ при помощи „500-рублевой молитвы“ ухитрился избавить отъ наказанія своихъ послушныхъ не въ мѣру клевретовъ[2]). Кириллъ былъ человѣкъ немощный и положительно неспособный къ должности настоятеля. При немъ начался открытый разгромъ обители: кто что хотѣлъ, то и тащилъ изъ монастыря, такъ что спустя какой нибудь годъ обитель представляла крайне жалкій видъ. Поэтому нѣкоторые изъ братіи снова обратились къ Сергію, прося его взять на себя настоятельство, на что онъ, посдѣ долгихъ отказовъ, и согласился, „главнымъ образомъ по убѣжденію вольскихъ купцовъ“. На результатъ этихъ выборовъ, происходившихъ 28 января 1793 года, особенно сильное вліяніе имѣлъ В. А. Злобинъ, съ которымъ Сергій въ это время

[1]) Имп. Публ. библ., № 742, 65.
[2]) Ibidem, 24. Первыхъ листовъ этого разсказа въ рукописи недостаетъ: онъ начинается прямо съ указанныхъ словъ.

былъ въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ, благодаря задуманному обоими ими плану введенія на Иргизѣ единовѣрія. Самый актъ избранія, подписанный 18-ю иноками и засвидѣтельствованный 2-го февраля 1793 года вольскимъ земскимъ исправникомъ, настолько любопытенъ, что я считаю не лишнимъ привесть изъ него нѣсколько выдержекъ: „Будучи въ общемъ собраніи, паки избравъ, упросили мы всею братіею быть надъ нами настоятелемъ бывшаго строителя Сергія, съ тѣмъ, чтобы всѣмъ намъ единодушно у него, настоятеля, быть во всякомъ послушаніи, какъ долгъ и чинъ повелѣвастъ инокамъ; и при всемъ его, настоятеля, обязуемся всѣ мы имѣть, яко первѣйшаго нашего пастыря во всякомъ отъ насъ почтеніи; и между себя всей братіи жить въ совершенномъ согласіи, безраздорно, и во всякихъ дурныхъ, а паче въ пьянственныхъ дѣлахъ отнюдь никому изъ насъ какъ старцамъ, такъ и бѣльцамъ, не обращаться и хмѣльныхъ напитковъ никому изъ насъ у себя въ кельяхъ... ни подъ какимъ видомъ не имѣть“[1]).

Итакъ Прохоръ въ Нижнемъ монастырѣ требовалъ отъ своей братіи соблюденія обѣта нестяжательности; Сергій, въ Верхнемъ монастырѣ, ставилъ условіемъ своего избранія единодушное послушаніе братіи и уклоненіе ея отъ „пьянственныхъ дѣлъ“. Этотъ мелкій самъ по себѣ фактъ ясно отразилъ разницу характеровъ обоихъ строителей иргизскихъ. Клятвой хотѣлъ удержать Прохоръ своихъ иноковъ отъ стяжательности, порока трудно уловимаго совнѣ и крайне опаснаго для иноковъ по своимъ послѣдствіямъ; объ этихъ послѣдствіяхъ онъ ничего не говоритъ въ клятвенномъ обѣщаніи: силой шелеповъ, скукой „узной тѣсноты“ надѣялся онъ искоренить среди нихъ пьянство и добиться послушанія и почтенія. Болѣе мягкій, не столь рѣшительный Сергій менѣе вѣритъ въ спасительную силу карательныхъ мѣръ,—ими онъ боится озлобить братію; онъ надѣялся возстановить порядокъ скорѣе средствами убѣжденія, требовалъ обѣщанія почитать его, повиноваться ему, уклоняться отъ всякихъ дурныхъ дѣлъ, словомъ, не силой собственной воли, а силой клятвы хотѣлъ онъ связать иночествующихъ.

До сихъ поръ рѣчь шла только объ Иргизѣ. Посмотримъ, чѣмъ ознаменовался этотъ 30-лѣтній періодъ въ жизни раскола по другимъ мѣстностямъ Саратовскаго края. Мы видѣли уже, что до вто-

1) Имп. Публ. библ., № 742, 65—68.

рой половины прошлаго столѣтія расколъ въ саратовскихъ предѣлахъ, по причинѣ малонаселенности края, былъ незначителенъ; знаемъ, что открытіе иргизскихъ скитовъ и усилившаяся одновременно съ этимъ колонизація края дали толчекъ болѣе быстрому росту его. Несправедливо было бы утверждать, какъ это дѣлаетъ прот. Чернышевскій, что „собственно съ 1762 года и начался расколъ въ саратовской губерніи“[1]), но то несомнѣнная правда, что съ этого именно времени онъ началъ ширяться по всѣмъ направленіямъ, что манифестъ Екатерины подготовилъ почву, на которой ему предстояло разростись до внушительныхъ размѣровъ, такъ сильно поразившихъ правительство лѣтъ семьдесятъ спустя. Связь раскола съ екатерининскимъ манифестомъ настолько ясна, что на ней излишне было бы долго останавливаться: масса польскихъ выходцевъ и бѣглецовъ изъ внутреннихъ губерній спѣшила на новыя мѣста, поселеніе на которыхъ правительство обставило цѣлымъ рядомъ льготъ. Въ рядахъ этихъ выходцевъ раскольничій элементъ былъ очень осязателенъ. Судить о размѣрахъ иммиграціоннаго движенія послѣ 1762 года можно до извѣстной степени по слѣдующему факту: изъ дѣлъ золотовскаго волостного правленія видно, что въ промежутокъ времени съ 1779 до 1789 года явилось въ село Золотое до двухсотъ человѣкъ безпаспортныхъ бродягъ, которые обыкновенно селились въ лѣсахъ и горахъ, окружающихъ со всѣхъ сторонъ это селеніе, и тамъ выжидали какого-нибудь „милостиваго манифеста“, а дождавшись, являлись къ мѣстному начальству съ повинной и приписывались въ крестьяне. Одновременно съ приливомъ этихъ бродягъ расколъ въ Золотомъ быстро усиливался.

Далѣе, извѣстія о свободномъ богослуженіи на Иргизѣ соблазняли многихъ: не сотни, а тысячи раскольниковъ двинулись въ обѣтованную для нихъ страну, въ саратовское Заволжье, гдѣ „благочестіе процвѣтало купно съ благолѣпіемъ церковнымъ“. При этомъ крестьяне селились по близости монастырей, а горожане и купцы—въ Саратовѣ, Вольскѣ, Хвалынскѣ. Замѣчательно, что всѣ позднѣйшіе вожаки и двигатели саратовскаго раскола—выходцы изъ центральныхъ губерній, гдѣ расколу не было такой свободы: Песковскій—вышелъ изъ Калуги, Масленниковъ—изъ Рязани, Канинъ—

---

[1]) Нижг. сем. библ., № 3774, 24.

изъ Владиміра, Никитинъ и Волковойновъ—изъ Нижняго Новгорода и т. д.[1]).

Наибольшій контингентъ прозелитовъ дало расколу, разумѣется, Заволжье. Говорю: „разумѣется", такъ какъ развитіе здѣсь раскола обусловливалось самой природой вещей. Православные переселенцы, обосновавшись въ сосѣдствѣ со старожилами Заволжья, естественно должны были подчиниться имъ: люди бѣдные, люди новые здѣсь, они нуждались въ помощи, совѣтахъ, содѣйствіи, а все это могло идти къ нимъ только отъ старожиловъ, по преимуществу раскольниковъ, какъ болѣе опытныхъ, болѣе зажиточныхъ, болѣе акклиматизировавшихся. Далѣе, изъ рядовъ этихъ же старожиловъ выбирались и сельскія власти, при всякомъ удобномъ случаѣ содѣйствовавшія дѣлу раскола. Такимъ образомъ устанавливались извѣстныя обязательныя отношенія; такимъ образомъ борьба за существованіе приводила православныхъ въ соприкосновеніе съ элементомъ, фанатически преданнымъ идеямъ прозелитизма. Къ чему могло повести такое соприкосновеніе—угадать не трудно. Свобода убѣжденій связывалась самымъ вѣрнымъ и незамѣтнымъ способомъ; новые переселенцы быстро запутывались въ тонкую, но очень цѣпкую паутину раскольничьихъ предразсудковъ и предубѣжденій. Могло и должно было препятствовать этому запутыванью православное духовенство, но оно было крайне незначительно по численности и еще болѣе того—по своимъ нравственнымъ качествамъ. Не мало деревень отстояло отъ своихъ приходскихъ храмовъ на 50—70 верстъ; не мало заволжскихъ селеній отнесено было приходами къ нагорнымъ церквамъ[2]). Не рѣдко приходилось умирать безъ покаянія, ложиться въ землю безъ отпѣванія, сожительствовать безъ вѣнчанія,—нѣтъ священниковъ и не достать священниковъ. Епархіальное начальство не только не заботилось объ увеличеніи числа штатовъ, но даже иногда какъ будто противодѣйствовало выказываемымъ въ этомъ смыслѣ желаніямъ своей паствы: въ октябрѣ 1780 года крестьяне Широкаго и Водяного Буераковъ, въ количествѣ 217 душъ, въ трогательныхъ выраженіяхъ жаловались Антонію астраханскому на неимѣніе священника и просили опредѣлить такового къ построенной имъ часовнѣ; но преосв.

[1]) Ниж. сем. библ., № 3774, 225—226.
[2]) „Прав. Собес.", 1857, III, 575.

Антоній отказалъ въ этой просьбѣ на томъ основаніи, что у него нѣтъ синодальнаго распоряженія относительно опредѣленія священниковъ къ часовнямъ[1]). Послѣ священникъ и былъ опредѣленъ въ Широкій Буеракъ, но было уже поздно: его прихожане познакомились съ расколомъ; пришлось жаловаться, что они „на исповѣдь не ходятъ и св. таинъ не пріобщаются," да и къ нему, священнику, уваженія никакого не чувствуютъ,—крестьянскій староста бьетъ его, напримѣръ, смертнымъ боемъ[2]). Нѣсколько позже мы опять наталкиваемся на подобный случай. Въ 1790 году жители Большого Кушума, Суховки и Сармы слезно жалуются астраханской консисторіи, что „по дальнему разстоянію отъ Перекопной Луки и Быкова Отрога (отъ обоихъ въ 20 верстахъ), въ лѣтнее время за разливомъ водъ, а въ зимнее—за великими погодами, претерпѣваютъ великія нужды": родильницы по недѣлѣ и по двѣ лежатъ безъ молитвы, младенцы умираютъ некрещенными, взрослые же—безъ исповѣди и св. причащенія кончаются, а тѣла остаются безъ погребенія. Между тѣмъ изъ раскольничьяго Аврааміева скита ихъ „часто навѣщаютъ бѣглые попы и прельщаютъ въ свой совѣтъ"[3]). Приведенные факты не были примѣромъ единичнымъ... Итакъ, у православныхъ—священниковъ нѣтъ или очень мало, а рядомъ, въ сосѣдствѣ, у раскольниковъ—ихъ сколько хочешь; рядомъ все идетъ благообразно и по чину; рядомъ только пожелай—и всякую требу отправляютъ безъ замедленія, съ полнѣйшей охотой. Какой соблазнъ, какое искушеніе для слабыхъ умовъ! И уступали люди соблазну, и шли по нуждѣ, подъ давленіемъ самой настоятельной необходимомости, за исправленіемъ христіанскихъ требъ къ раскольничьимъ попамъ: что-нибудь казалось все-таки лучше, чѣмъ совсѣмъ ничего. Напрасно Щаповъ утверждаетъ, что православные иногда „насильно" были принуждаемы раскольниками обращаться съ требами къ бѣглымъ попамъ[4]): насиліе едва ли было возможно и во всякомъ случаѣ въ немъ не ощущалось никакой надобности.

Отсутствіе храмовъ и недостатокъ священниковъ—вотъ два основныхъ условія, благопріятствовавшихъ росту раскола въ Заволжьи. Къ нимъ необходимо прибавить и третье—дурной составъ

1) Сар. Истор. Архивъ. Карт. А, № IV.
2) Указъ астрах. конс., 20 мар. 1783, № 154.
3) Указъ астр. конс., 31 мая 1791, № 427.
4) Щаповъ, Рус. раск. старообр., 376, Казань, 1859.

православнаго духовенства. Самостоятельной епархіи въ Саратовѣ не было. Приходы Саратовскаго края подчинены были въ церковно-административномъ отношеніи частью казанскимъ, частью же астраханскимъ и тамбовскимъ епископамъ. Распредѣленіе приходовъ было сдѣлано такъ неудовлетворительно, что не только консисторіи, но даже духовныя правленія не знали съ точностью, какой приходъ къ какой епархіи и къ какому округу принадлежитъ. Нерѣдко случалось, что въ одно и тоже село одновременно рукополагались два священника: одинъ—въ Казани, другой—въ Астрахани, такъ какъ каждый изъ епископовъ этихъ городовъ считалъ спорное село входящимъ въ составъ своей епархіи[1]). Неопредѣленность епархіальныхъ границъ доходила до того, что въ одномъ селеніи двѣ приходскія церкви состояли не рѣдко въ вѣдѣніи разныхъ епархій[2]). При такихъ условіяхъ становится понятнымъ, что нѣкоторые причты не знали, въ вѣдомствѣ какого духовнаго правленія они находятся, и преосвящ. астраханскій Тихонъ напрасно наложилъ резолюцію: „отпустить грѣхи попамъ, поелику часто бываютъ глупы“ на одномъ изъ возникшихъ по такой путаницѣ дѣлъ[3]),— суть была не въ поповской глупости... Итакъ архіерейскія каѳедры были далеко,—въ Казани, Тамбовѣ и Астрахани. Границы ихъ владѣній были дурно размежеваны. Изъ-за тысячъ верстъ трудно было смотрѣть, какъ слѣдуетъ, за переселенцами и духовенствомъ и епархіальныя власти мало смотрѣли за ними: онѣ только, по желанію прихожанъ, опредѣляли къ нимъ того или другого священника. Каково же было саратовское духовенство при такой свободѣ отъ всякаго высшаго надзора? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ изысканія члена саратовской ученой архивной Комиссіи, свящ. В. Г. Еланскаго, пересмотрѣвшаго архивныя дѣла бывшаго вольскаго духовнаго правленія[4]). Въ одной казанской епархіи въ 1786 году оказалось 381 человѣкъ священно и церковнослужителей въ чтеніи неисправныхъ, а другихъ и совсѣмъ читать по книгѣ, пѣть и писать не умѣющихъ, коихъ, въ силу указа Св. Синода отъ 15 апрѣля 1784 года, слѣдовало бы, по исключеніи изъ церковнаго

---

[1]) Указъ казан. консист., 22 сент. 1772, № 2668.
[2]) Рапортъ сар. дух. правл. въ астрах. конс., 2 сент. 1799, № 785.
[3]) Указъ астрах. конс., 18 янв. 1793, № 50.
[4]) Описаніе архива бывшаго вольскаго духовнаго правленія печатается о. Еланскимъ въ „Запискахъ сар. уч. арх. Комиссіи“ за текущій годъ.

причта, отослать въ свѣтскія команды[1]). Преосвященный Антоній казанскій, обзирая въ 1783 году свою епархію, повсюду нашелъ вопіющіе безпорядки: „священники многіе въ воскресные дни литургій не служатъ,.. а при часовняхъ... отправляютъ одни молебны,.. кои покороче,.. оставивъ свою должность, во отдаленные города для промысловъ отъѣзжаютъ весьма на долгое время“[2]). Бороться съ такими безпорядками при помощи циркулярныхъ указовъ было безполезно, положиться на закащиковъ—невозможно,—они и сами сплошь и рядомъ были не лучше подчиненнаго имъ духовенства и только безъ нужды „оказывали свое властелинство непомѣрное“, подвергая клириковъ тѣлеснымъ наказаніямъ и сажая священниковъ въ цѣпи, желѣзо и колодки“[3]),—а потому архипастырямъ приходилось возлагать все упованіе на Божью волю. Отношенія духовенства къ прихожанамъ очень часто были самыя ненормальныя. Въ консисторскихъ указахъ этого времени постоянно можно встрѣтить указанія на вымогательство духовенствомъ „излишнихъ взятковъ“[4]) и чиненіе озорническихъ поступковъ и огорченія пасомымъ[5]), равно какъ жалобы послѣднихъ на неисполненіе духовенствомъ своихъ пастырскихъ обязанностей, на его безпросыпное пьянство, развратъ и даже случаи богохульства[6]). Неудовлетворительность состава клира, обусловливаемая невозможностью надзора за нимъ со стороны отдѣленной огромными пространствами епархіальной власти, еще болѣе увеличивалась присутствіемъ въ Саратовскомъ краѣ массы запрещенныхъ лицъ духовнаго сана, отправленныхъ сюда по распоряженіямъ высшаго правительства въ видѣ ссылки. Это ссыльное духовенство было коренной язвой Саратовскаго края и борьба съ нимъ тянулась въ теченіи цѣлаго столѣтія. Еще въ 1776 году митрополитъ казанскій Веніаминъ распорядился по своей епархіи, чтобы употребляющіе себя въ недозволенныя упражненія и потому пришедшіе въ лѣность и нерадѣніе священники не нанимали за себя для отправленія службъ церковныхъ и требъ поповъ-бродягъ, запрещенныхъ,

1) Указъ казан. конс., 31 іюля 1786, № 328.
2) Тоже. 10 октября 1783, № 1770.
3) Тоже. 25 сент. 1783, № 1538.
4) Тоже. 15 сент. 1783, № 1453; 4 мая 1788, № 1183.
5) Тоже. 1 мая 1778, № 31.
6) Указъ астрах. конс., 8 нояб 1778, № 1031; 28 нояб. 1783, № 969; 18 дек. 1795, № 2140; казан. конс., 11 февр. 1786; 30 іюня 1787; 30 мар. 1792, № 247 и т.п.

лишенныхъ священства и самозванцевъ[1]). Подобные указы разсылались и преемниками высокопреосвященнаго Веніамина[2]).

Какъ относилось все это духовенство, сплошь безграмотное и очень часто пьяное и развратное, къ своей многолюдной паствѣ,—легко понять: оно было наемникомъ, который не радитъ объ овцахъ. „Даже наиболѣе преданные православію“, говоритъ прот. Элпидинскій, „гнушаясь пороковъ своихъ пастырей, но въ тоже время пользуясь ихъ слабостью, спѣшили испросить у нихъ разрѣшеніе обращаться съ требами въ Иргизскіе монастыри и за деньги и вино разрѣшеніе выдавалось имъ безпрекословно“. Элпидинскій представилъ преосв. Іакову цѣлую коллекцію этихъ разрѣшеній за собственноручными подписями выдававшихъ ихъ священниковъ[3]). Такими записками, продававшимися къ тому же по весьма недорогой цѣнѣ,—въ 1792 году священникъ с. Перекопной Луки, Филимонъ Никитинъ, за 2 рубля давалъ письменныя разрѣшенія своимъ прихожанамъ не только отправлять требы у бѣглыхъ поповъ, но и принимать постриженіе въ Иргизскихъ монастыряхъ[4]),—заволжское духовенство не только дискредитировало само себя, но прямо толкало свою паству въ широко раскрытыя объятія раскола. И паства шла—одни съ полной индифферентностью, утѣшаясь мыслью, что де „кто ни попъ—тотъ батька“, другіе—съ глубокой душевной скорбью, съ тяжелой болью въ сердцѣ. Благонамѣренное меньшинство приходскаго духовенства ничего не могло противопоставить этому тяготѣнію къ расколу своихъ пасомыхъ: ни силы развитія, ибо „ученыхъ“, въ смыслѣ прошедшихъ хотя бы среднюю школу, священниковъ по селамъ не существовало, ни свѣта знанія, ни обаянія власти. Все это благонамѣренное меньшинство напоминало собой разбросанные по степи на огромномъ разстояніи одинъ отъ другого угольки, скромно мерцавшіе и тлѣвшіе подъ густымъ слоемъ пепла: ихъ свѣтомъ и тепломъ могли пользоваться только немногіе, стоявшіе около.

Прибавьте ко всему этому, что страшная разбросанность селеній, поселковъ и хуторовъ препятствовала съ одной стороны пра-

---

1) Указъ казан. конс., 30 іюня 1776, № 1064.
2) Тоже. 30 сент. 1783, № 1626; 9 нояб. 1792, № 2733 и др.
3) Сар. Истор. Архивъ, Карт. А, № XXVII; см. Ниж. сем. библ., № 3774, 394.
4) Указъ астрах. конс., 14 янв. 1793, № 70.

вильному удовлетворенію духовно-религіозныхъ потребностей народа, съ другой—до невозможности затрудняла и надзоръ за нимъ со стороны гражданской администраціи; не забывайте, что хуже земской полиціи конца прошлаго вѣка ничего нельзя вообразить, такъ какъ ряды ея сплошь и рядомъ пополнялись людьми, нетерпимыми ни на какомъ другомъ поприщѣ службы,—высочайшей инструкціей саратовскому губернатору, отъ 28 августа 1803 г., прямо предписывалось обратить особое вниманіе на состояніе полиціи, какъ совсѣмъ не отвѣчающей своему назначенію[1]),—примите, наконецъ, въ соображеніе и то, что безграничная продажность была чуть ли не единственнымъ источникомъ существованія для всей этой полиціи, равно какъ и для большинства саратовской бюрократіи: „во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ," говоритъ графъ Стенбокъ, „начиная отъ полиціи до палаты, раскольники имѣли покровителей, не оставлявшихъ ихъ совѣтомъ и дѣломъ"[2]),—и вы, если не представите себѣ со всей ясностью длиннаго ряда благопріятствовавшихъ дѣлу раскола въ Заволжьи причинъ, то во всякомъ случаѣ поймете, какъ легко было православнымъ переселенцамъ „находить себѣ за Волгой вѣру"[3]).

Тѣ же самыя причины, хотя не въ такихъ размѣрахъ и не съ такой силой, дѣйствовали и въ нагорной части Саратовскаго края, а потому и здѣсь расколъ могъ распространяться довольно свободно. Разница только въ томъ, что здѣсь преобладало по численности православное населеніе, что здѣсь не было такой разбросанности селеній, было больше церквей и больше духовенства, но по своему составу оно ничѣмъ не уступало заволжскому: таже безграмотность, тотъ же недостатокъ нравственнаго чувства. Вотъ нѣсколько наудачу взятыхъ примѣровъ. „Въ бытность нашу въ Царицынѣ",—писалъ 6 октября 1780 года епископъ астраханскій Антоній,—„при вопросахъ нашихъ о законѣ нѣкоторые священники и церковнослужители оказались незнающими, для того велѣть всѣмъ какъ символъ вѣры со изъясненіемъ изучить, такъ и заповѣди Господни по присланнымъ въ церкви катихизисамъ, пока мы будемъ въ Саратовѣ; по возвращеніи же изъ Саратова имѣемъ спрашивать всѣхъ и если кто окажется не знающимъ, то лишенъ будетъ мѣста или

1) Пол. собр. закон., XXVII, № 20.918.
2) Имп. Публ. библ., № 527.
3) Ниж. сем. библ., № 3774, 93.

отлученъ отъ священства. Всѣмъ сіе объявить съ подписками“[1]). Собственноручныя росписки царицынскаго духовенства убѣждаютъ въ томъ, что послѣднее не только не знало символа вѣры и заповѣдей, но и не умѣло грамотно подписывать свои фамиліи. Девять лѣтъ спустя, духовенство, несмотря на угрозу отлученія отъ священства, также плохо знало символъ вѣры и заповѣди Господни и казанской консисторіи пришлось разсылать по епархіи предписанія объ изученіи катихизиса[2]).

Но эта безграмотность, это непростительное въ священникахъ религіозное невѣжество не мѣшали однако имъ быть лукавыми „сынами вѣка“: іеромонахъ петровскаго Николаевскаго монастыря Ѳеофилъ не только воруетъ, для воспособленія скудности монастырскаго содержанія, утокъ, сѣно и дрова у сосѣдей, но даже крадетъ „у попа Андрея штаны“ для собственной надобности, словомъ, безъ зазрѣнія совѣсти нарушаетъ восьмую заповѣдь, за что послѣ цѣлаго ряда продѣлокъ преосв. Антоніемъ, по резолюціи отъ 12 іюня 1780 года, вызывается въ Астрахань и опредѣляется на учугъ въ работу[3]). Настоятель того же монастыря Іоасафъ живетъ блудно съ находящимися въ монастырѣ стряпухами, что и вызвало въ декабрѣ 1780 года циркулярное распоряженіе преосв. Антонія о томъ, чтобы въ „мужскихъ монастыряхъ женокъ отнюдь не имѣли“ даже строители, ибо „сіе не можетъ быть извинительно“[4]). Петровскій священникъ Максимъ Ивановъ, по отзыву петровскаго духовнаго правленія, творитъ всякія „безобразія“ и въ заключеніе всего воруетъ у какого-то сызранскаго купца лѣсъ, привезенный послѣднимъ для постройки казеннаго моста[5]). Священникъ села Мазы строитъ на рѣкѣ Терешкѣ свой хуторъ и принимаетъ въ него для жительства безпаспортныхъ и бѣглыхъ людей[6]). Вольскій закащикъ, протоіерей Кириловъ, растрачиваетъ вырученныя отъ продажи по церквамъ богослужебныхъ книгъ деньги[7]). Священникъ села Терешки, Леонтій Андреевъ, даже по двунадесятымъ праздникамъ и въ великій постъ не совершаетъ съ своей церкви богослуженія и по

1) Сар. Истор. Архивъ. Карт. А, № III.
2) Указъ 30 апр. 1789, № 1181.
3) Сар. Истор. Архивъ. Карт. А, № II.
4) Ibidem, № V.
5) Ibidem, № V.
6) Указъ казан конс., 10 нояб. 1776, № 1902.
7) Тоже, 16 окт. 1783, № 1850.

2—3 недѣли не отправляетъ никакихъ требъ по приходу, такъ какъ постоянно или пьянствуетъ, или шатается по степямъ, „изыскивая клады“[1]). Священникъ села Корбулака, Степанъ Васильевъ, „приличается въ пріемѣ краденыхъ лошадей, въ кражѣ холста и въ раззореніи Божьяго храма[2]). До раскола ли было всѣмъ этимъ пастырямъ и какъ правили они „слово истины“—представляю судить самимъ читателямъ; скажу только, что примѣровъ, подобныхъ только что приведеннымъ, можно указать сколько угодно.

Посмотримъ теперь, какъ воспользовался счастливо сложившимися обстоятельствами расколъ съ Иргизомъ во главѣ. Нужно отдать справедливость, онъ воспользовался ими очень ловко: съ замѣчательной находчивостью, съ поразительнымъ терпѣніемъ изыскалъ онъ самые разнообразные и, по возможности, самые вѣрные способы уловленія въ свои сѣти простыхъ душъ. Не упускалось изъ виду ничего такого, что могло соотвѣтствовать интересамъ раскола; здѣсь была объявлена рѣшительная война православію и объявившіе, очевидно, прекрасно сознавали всѣ выгоды побѣды. Вглядитесь на минуту въ подробности и вы ясно увидите, какъ умно, какъ слишкомъ умно для православія, велась эта война. Народъ скорбѣлъ о малочисленности церквей; расколъ, на каждомъ шагу соприкасавшійся съ этимъ народомъ, доказывалъ ему, что можно обойтись и безъ нихъ, что можно сдѣлать храмомъ и домъ свой, только бы онъ дѣйствительно былъ домомъ молитвы, только бы въ немъ совершалось богослуженіе по уставамъ и преданіямъ отцовъ. Народъ ощущалъ недостатокъ въ требоотправителяхъ; расколъ цѣлыми массами отправлялъ къ нему этихъ требоотправителей, ибо самъ имѣлъ ихъ въ избыткѣ. Прошло то время, когда немногочисленные бѣглые попы проѣздомъ по разнымъ городамъ и селеніямъ, за неимѣніемъ запасныхъ даровъ, пріобщали больныхъ раскольниковъ сушенымъ калачомъ. Теперь и запасныхъ даровъ на Иргизѣ можно было получать сколько угодно, и священниковъ тамъ было болѣе, чѣмъ достаточно: противъ соблазна раскола не устояли и духовные,—цѣлыми десятками являлись они на Иргизъ, принимали здѣсь исправу и разсылались всюду, гдѣ только была въ нихъ потребность[1]). Измѣна православію со стороны пастырей его не представляетъ,

1) Указъ астрах. конс., 28 нояб. 1783, № 969.
2) Донес. митр. казан. Веніамину дворцоваго старосты Китова, 1775.
3) Рук. П. И. Мельникова, въ библ. А. А. Титова (Ростовъ, яросл. губ.), № 2302.

впрочемъ, ничего особеннаго,—они пускались нерѣдко и на худшія дѣла: такъ въ послѣдней половинѣ XVIII столѣтія въ составѣ захваченной на Волгѣ разбойничьей шайки изъ 86 человѣкъ оказалось 3 священника, 1 діаконъ и 3 церковника[1]).

Разсылая съ Иргиза повсюду своихъ исправленныхъ поповъ, —въ началѣ 90-хъ годовъ они начали довольно часто появляться даже въ пермскихъ предѣлахъ[2]),—расколъ этимъ не только удовлетворялъ, въ подрывъ православію, религіознымъ потребностямъ массы, но и усиливалъ дѣйствіе пропаганды, пускалъ въ дѣло живую рекламу себѣ: какъ и всякіе другіе ренегаты, бѣглые священники съ какой-то страстной ненавистью къ прошлому проповѣдывали идеи раскола и глумились надъ „великороссійской“ церковью. Проповѣдь о расколѣ въ устахъ бывшаго врага этого самого раскола, хулы на никоніанскую церковь съ ея обрядами, произносимыя бывшимъ служителемъ этой церкви и совершителемъ ея обрядовъ,—все это должно было сильно импонировать слушателей, возбуждать въ нихъ вѣру къ словамъ говорящаго. Въ глазахъ малоразвитной толпы жалкій ренегатъ становился борцомъ за истину, своекорыстный рабъ и наемникъ раскола—самоотверженнымъ ревнителемъ древляго благочестія и уставовъ св. отцовъ. Недоразумѣніе жалкое и прискорбное, но безусловно естественное и на каждомъ шагу повторявшееся!.

Но какъ ни богатъ былъ Иргизъ попами, а все-таки ихъ оказывалось недостаточно, чтобы удовлетворить всѣмъ требованіямъ. Какъ суррогатъ, пущены были въ дѣло уставщики: народу настоятельно внушали, что постоянные священники—это, собственно говоря, роскошь, что ихъ очень часто могутъ замѣнять безъ всякаго ущерба для дѣла спасенія опытные люди, изучившіе въ монастыряхъ иргизскихъ древній чинъ службы. Эти уставщики могли совершать повседневныя службы, за исключеніемъ литургіи, крестить младенцевъ, исповѣдывать больныхъ по скитскому покаянію и даже пріобщать ихъ. Послѣднее, впрочемъ, было больше правомъ, чѣмъ фактомъ, такъ какъ запасными дарами Иргизъ снабжалъ очень и очень немногихъ, находя, что мірянамъ неприлично хранить эту святыню. Все то, чего не могъ сдѣлать уставщикъ самолично, какъ,

[1]) Щебальскій, Нач. и хар. пугач., 20. Москва, 1865.
[2]) Палладій, Обозр. перм. раскола, 36.

напримѣръ, миропомазывать младенцевъ, сдѣлаетъ попъ, когда пріѣдетъ сюда, или сдѣлаютъ заочно въ монастыряхъ: тамъ и отпоютъ умершаго, и прочтутъ очистительную молитву роженицѣ, и т. п. Простецы вѣрили такимъ внушеніямъ и шли на незатѣйливую приманку облегченій и упрощеній въ дѣлѣ богослуженія и требоотправленія. Во всѣ селенія, гдѣ только былъ хоть десятокъ раскольничьихъ семей, монастырями назначался свой уставщикъ, по большей части изъ бывшихъ монастырскихъ бѣльцовъ, иногда монастырскихъ пѣвчихъ и очень нерѣдко изъ ловкихъ крестьянъ, изучившихъ въ монастыряхъ славянскую грамоту и богослужебно-обрядовую премудрость. За успѣшную дѣятельность по части пропаганды раскола такіе уставщики получали отъ монастырей награды деньгами, книгами, иконами[1]). Уставщики жили доходами отъ своихъ прихожанъ и потому интересы раскола, увеличеніе численности своей паствы—были для нихъ самыми жизненными интересами. Эгоизмъ побуждалъ ихъ ревностно работать на пользу раскола, ибо праздная жизнь казалась привлекательнѣе честнаго труда. Съ другой стороны уставщики эти безусловно зависѣли отъ монастырей: избраніе ихъ совершалось если не всегда по волѣ, то всегда по благословенію того или другого иргизскаго настоятеля. Введеніемъ въ жизнь этого элемента монастыри создали для себя могучее орудіе для воздѣйствія и вліянія на массу: уставщики были своими людьми для народа,—важное преимущество, котораго не доставало православному духовенству,—и, какъ люди сравнительно болѣе развитые, должны были оказывать замѣтное давленіе на складъ народныхъ вѣрованій. Кромѣ уставщиковъ, значительную роль въ дѣлѣ распространенія раскола играли и уставщицы, инокини и бѣлицы Иргизскихъ женскихъ обителей, отправлявшіяся въ путешествіе по всему краю для сбора пожертвованій и для чтенія заупокойныхъ каноновъ въ домахъ болѣе состоятельныхъ старообрядцевъ. Эти были едва ли не опаснѣе своихъ собратьевъ-иноковъ: извѣстно, что особенно фанатично преданы расколу женщины.

Далѣе, русскій народъ всегда питалъ особенное благоговѣйное уваженіе къ отшельникамъ и подвижникамъ. Расколъ сумѣлъ воспользоваться и этимъ. Не мало старцевъ и старицъ, принявшихъ на Иргизѣ постриженіе и научившихся здѣсь древлей вѣрѣ и древ-

[1]) „Прав. Собес.“, 1857, III, 583.

лему благочестію, съ благословенія настоятелей и настоятельницъ, удалялись въ глухія мѣста края и проводили тамъ уединенную, отшельническую жизнь. Молва о нихъ разносилась быстро и широко, заживо складывались легенды, надѣлявшія ихъ даромъ прозрѣнія будущаго, иногда же и чудотворенія; толпы скорбящихъ и озлобленныхъ шли къ нимъ за совѣтами и утѣшеніемъ. И отшельники не чуждались пришельцевъ, не отказывали въ требуемомъ утѣшеніи, охотно дѣлились своей старческой опытностью. Въ какомъ духѣ велись ими бесѣды, въ какую сторону клонили они симпатіи легковѣрнаго народа—понять не трудно. А въ числѣ приходящихъ сколько было чисто православныхъ и какъ глубоко западало имъ въ душу ядовитое сѣмя сомнѣнія въ истинности православія, заброшенное опытными въ „духовной жизни“ и фанатически преданными расколу старцами и старицами! Не сотнями, а тысячами нужно считать всѣхъ совращенныхъ ими по Саратовскому краю изъ православія въ расколъ; не даромъ же до настоящаго времени память о многихъ изъ нихъ не умерла еще въ народѣ и крѣпко связана съ мѣстомъ ихъ душеспасительныхъ подвиговъ. Всякому православному въ николаевскомъ уѣздѣ извѣстно Іонино озеро и Кузина грива[1]); всякій мальчикъ въ Хвалынскѣ укажетъ въ окружныхъ горахъ Катюшкино, Старушечье, Тумановское и Арбузовское ущелья и объяснитъ, что въ этомъ—спасалась Катюшка блаженная, въ томъ—благочестивый старецъ Тумановъ, и т. д.[2]).

Послѣ уставщиковъ и отшельниковъ сильнымъ средствомъ совращенія православныхъ въ расколъ было для монастырей обученіе дѣтей грамотности. Иргизскіе монастыри предлагали всѣмъ желающимъ раскольникамъ и православнымъ отдавать имъ дѣтей на выучку, причемъ съ православныхъ за это не брали даже никакого вознагражденія. Отчасти возраставшая потребность въ грамотности, отчасти же и желаніе сбыть съ рукъ на нѣсколько лѣтъ лишній ротъ, просившій хлѣба, побуждали многихъ принимать такія предложенія. Монастыри постоянно были переполнены дѣтьми, причемъ главный контингентъ давали ближайшіе сосѣди, жители Саратовскаго края, хотя встрѣчалось не мало мальчиковъ и изъ другихъ мѣстъ Россіи, даже изъ отдаленнаго Пермскаго края[3]).

1) Ниж. сем. библ., № 3774, 66—68.
2) Сар. Сборн., II, 201.
3) Палладій, Обозр. перм. раск., 25.

Грамотѣ въ этихъ монастырскихъ школахъ обучали по старопечатнымъ книгамъ, воспитаніе вели въ раскольничьемъ духѣ. Едва выучивался ребенокъ читать, ему давали въ руки цвѣтники, наполненные хулами противъ никоніанъ съ ихъ іерархіей; едва начиналъ онъ входить въ разумъ—ему на каждомъ шагу приходилось слышать, что „въ великороссійской церкви царствуетъ антихристъ и потому въ ней нѣсть спасенія;“ что въ этой церкви „крещеніе нѣсть крещеніе, но паче оскверненіе;“ что „православные священники—не пастыри церкви, а слуги антихриста, хищные волки въ овечьей шкурѣ;“ что спастись можно только молясь двумя перстами, и т. д.; что же удивительнаго послѣ всего этого, если прошедшій полный курсъ монастырской науки вступалъ изъ этой школы въ жизнь злѣйшимъ врагомъ православія и самымъ ярымъ поборникомъ и ревнителемъ воспитавшаго его раскола? Завѣты дѣтства, привычки юности неодолимо царятъ въ душѣ человѣка до самой его смерти. Изъ этихъ монастырскихъ воспитанниковъ выходили потомъ и уставщики, совершавшіе всѣ доступныя мірянамъ требы, отправлявшіе по молельнямъ въ селахъ и городахъ богослуженіе, безъ всякаго стѣсненія, открыто ведшіе пропаганду раскола. Дѣвушки, выросшія и обучившіяся въ женскихъ обителяхъ, выносили изъ нихъ не меньшую вражду къ православію. Изъ нихъ составлялись кадры тѣхъ до послѣдней капли крови преданныхъ расколу матерей, которыя передавали потомъ эту преданность послѣдующимъ поколѣніямъ, или ханжей и святошъ, извѣстныхъ подъ именемъ черницъ, которыя накрывали головы черными платками и, со злобой на весь міръ, записывались въ „невѣсты Христовы“ за не представившимся случаемъ выгодно посягнуть. Эти черныя невѣсты Христовы усердно пропагандировали расколъ всѣми подручными способами до разврата включительно: „блудъ—не грѣхъ, а только паденіе; падать же—и святые отцы падали“[1]). И—замѣчательное дѣло!—въ народѣ онѣ пользовались не малымъ авторитетомъ, какъ удостовѣряютъ въ этомъ наблюденія почти всѣхъ изслѣдователей саратовскаго раскола.... Всѣ эти уставщики и уставщицы, научившись грамотности въ монастыряхъ, въ свою очередь заводили въ мѣстахъ своего жительства нѣчто похожее на школы: монастыри не только сами занимались педагогіей, но и своихъ питомцевъ выводили на эту же дорогу учитель-

1) Ниж. сем. библ., № 3774, 191—192; сн. „Прав. Собес.“, 1857, III, 581, 584.

ства. Соображенія, которыми они руководились въ этомъ случаѣ, просты до нельзя.

Не ограничиваясь всѣми указанными средствами и способами пропаганды, монастыри учредили особыя миссіи. Изъ иргизскихъ общежитій въ безчисленномъ множествѣ выходили расколоучители и странствовали по городамъ, селамъ и деревнямъ не только Саратовскаго края, но и отдаленныхъ губерній Россіи съ проповѣдью о расколѣ. Эти миссіонеры, кромѣ открытой пропаганды раскола, раздавали интересовавшимся сочиненныя и переписанныя въ монастыряхъ тетради, въ которыхъ, на ряду съ хулами на православіе и съ апологіей раскола, сообщалось не мало самыхъ фантастическихъ исторій, измышленныхъ для поднятія авторитета Иргиза. Основная тенденція всѣхъ этихъ тетрадей, если откинуть всѣ случайные и побочные элементы, вездѣ одна и та же: только на Иргизѣ спасеніе и благочестіе. Въ великороссійской церкви настаетъ мерзость запустѣнія, предвозвѣщенная тайновидцемъ; нѣтъ ни царя, ни князя благочестиваго; повсюду колеблется вѣра древняя, повсюду испразднилось благочестіе. Единственное мирное, невлаемое пристанище—святыя церкви, на Иргизѣ рѣкѣ пребывающія. Только тамъ, въ прекрасной пустынѣ, можно укрыться отъ разженныхъ стрѣлъ лукаваго, непрестанно на ны движимыхъ; только оттуда можно получать утѣшеніе, отраду и подкрѣпленіе въ скорбяхъ и сомнѣніяхъ. Обители иргизскія основаны на мѣстахъ, указанныхъ особымъ дѣйствіемъ промысла Божія; построены онѣ святыми отцами, изъ которыхъ нѣкоторые,—чаще другихъ въ подобныхъ случаяхъ упоминаются иноки Исаакій и Іоасафъ,—прославлены отъ Бога нетлѣніемъ тѣлесъ и мощи ихъ, скрывающіяся подъ спудомъ, источаютъ притекающимъ съ вѣрой исцѣленія отъ недуговъ. Въ обителяхъ хранятся и чудотворныя иконы, принесенныя сюда подъ величайшимъ секретомъ основателями и основательницами скитовъ. Если бы власть находилась не въ рукахъ никоніанъ, всѣ эти святыни можно было бы объявить: но теперь, за страхомъ гонительства, ихъ приходится скрывать въ потайныхъ мѣстахъ. Образъ жизни иночествующихъ ничѣмъ не рознится отъ образа жизни древнихъ подвижниковъ христіанства: то же уединеніе отъ мірского шума и суеты, тѣ же моленія и духовные подвиги, тѣ же повсенощныя бдѣнія, необходимая для успѣшной борьбы съ исконнымъ врагомъ рода

человѣческаго, то же тщательное соблюденіе уставовъ и преданій святыхъ отцовъ: „мы законы церковные соблюдаемъ, мы предѣлы отеческіе хранимъ, мы прилагающихъ нѣчто или отъемлющихъ отъ церкви проклинаемъ“[1]). Таковы были тетради для людей простыхъ. Если бы оказалось, что слушатель не убѣждался этими доводами, то ему давалась болѣе серьезная апологія раскола, сочиненная въ тѣхъ же Иргизскихъ монастыряхъ. Въ концѣ этой главы я подробно разсмотрю три произведенія этого рода, изъ которыхъ второе и, кажется, первое написаны Сергіемъ Юршевымъ, третье же—инокомъ Феофилактомъ,—это довольно типичные образцы полемическихъ трудовъ иргизскаго иночества и донынѣ, не утратившіе своего значенія въ раскольничьей средѣ.

Вліяніе миссій на массу народа было тѣмъ болѣе сильное, что для миссіонерскихъ трудовъ выбирались люди болѣе или менѣе начитанные, ловкіе, умные, „оборотливые“. Благодаря чуть ли не исключительно ихъ вліянію, какъ это указано будетъ ниже, расколъ занесенъ былъ во многіе города и селенія, въ которыхъ раньше о немъ ничего не было слышно. Здѣсь отмѣчу только одинъ характерный фактъ: шире всего разростался расколъ именно въ сферѣ ближайшаго воздѣйствія иргизскихъ монастырей съ ихъ миссіями. Такъ въ Вольскѣ, который отстоялъ отъ Иргиза всего на 60 верстъ и представлялъ собой первую сборную станцію миссіи, съ особымъ монастырскимъ подворьемъ, откуда члены ея разъѣзжались во всѣ стороны, раскольниковъ, судя по составленной въ 1839 году запискѣ „*О силѣ и развитіи раскола въ Саратовской губерніи*“, было 5123 души; въ Саратовѣ (197 верстъ)—3183; въ Камышинѣ (376 верстъ)—261 и въ Царицынѣ (562 версты)—46[2]). Что эти цифры далеко не соотвѣтствуютъ дѣйствительности—едва ли можно сомнѣваться; но нѣтъ никакого основанія отрицать ихъ относительное и—главное—пропорціональное несоотвѣтствіе: пусть невѣрно считаны раскольничьи души въ Царицынѣ, но почему же думать, что еще болѣе невѣрно считаны онѣ въ Вольскѣ или Саратовѣ? Такова была цѣпь счастливо сложившихся для раскола обстоя-

[1]) Ниж. сем. библ., № 3774, 192, 243; сн. „Прав. Собес.,“ 1857, III, 579.

[2]) Библ. А. А. Титова, рук. П. И. Мельникова, № 2302; сн. Щапова, Рус. раск. старообр., 271. Добротворскій, на основаніи „Сборника“ преосв. Іакова (л. 25), указываетъ другія, нѣсколько меньшія цифры. („Пр. Соб.“, 1857, III, 571), вѣроятно, онѣ относятся къ болѣе раннему времени.

тельствъ и умно придуманныхъ способовъ пользоваться ими. Результатъ получился, какъ и должно быть, весьма прискорбный для православія. „Изъ числа старожиловъ Заволжья“,—говоритъ новоузенскій протоіерей Целебровскій,—„большинство раскольники, даже изъ числа малороссовъ и крещенной мордвы; уцѣлѣвшіе же въ православіи всѣ молятся двуперстно и склонны къ расколу“[1]). Открытіе въ монастыряхъ часовенъ, а потомъ и полныхъ церквей, подѣйствовало возбудительно на заволжскихъ раскольниковъ; несмотря на близость иргизскихъ святынь, они торопливо начали обзаводиться часовнями и молитвенными домами. Къ концу XVIII столѣтія возникли часовни въ Криволучьи, Мечетной, Каменкѣ, Острой Лукѣ; въ 1790 году построена обширная часовня въ Теликовкѣ; кромѣ того не мало крестьянскихъ избъ по другимъ селамъ Заволжья было обращено въ молельни[2]). Замѣчательно то обстоятельство, что возникновеніе часовенъ въ перечисленныхъ селахъ, въ виду ихъ близости къ монастырямъ, нельзя приписывать необходимости: это была роскошь, недоступная для православныхъ сосѣдей и объясняемая или чрезвычайнымъ подъемомъ въ мѣстныхъ раскольникахъ религіознаго чувства, или слишкомъ уже легкимъ разрѣшеніемъ подобныхъ построекъ со стороны администраціи и дешевизной работъ. Какъ бы то ни было, но православныхъ церквей и молитвенныхъ домовъ за этотъ же промежутокъ времени возникло гораздо меньше.

Развиваясь въ Заволжьи, расколъ дѣлалъ большіе успѣхи и въ уѣздахъ вольскомъ и хвалынскомъ. Вольскъ, названный этимъ именемъ въ 1782 году изъ Малыковки, населенъ былъ по преимуществу бѣглыми изъ разныхъ мѣстъ, частью же изъ ближайшихъ селеній—Воскресенскаго и другихъ. Въ числѣ такихъ бѣглецовъ еще до открытія города были раскольники Михаилъ Волковойновъ, Михаилъ Ананьевъ и вдова Балбашиха, явившіеся сюда изъ нижегородской губерніи. Съ нихъ собственно и начался въ Вольскѣ расколъ. На своихъ хуторахъ они принимали и укрывали бѣглыхъ раскольниковъ въ большомъ количествѣ,—случалось человѣкъ по 50 въ разъ. Эти бѣглые, разумѣется, тщательно скрывали свои настоящія имена и назывались обыкновенно Иванами, причемъ умершіе замѣнялись такими же „слѣпенькими“ скитальцами „за имя

1) Сар. сем. библ., № 2662, 301.
2) Архивъ сар. консисторіи, 1836, № 697, 189—191.

Христово". Выждавъ какой-нибудь „милостивый манифестъ", всѣ эти бродяги являлись къ начальству въ Вольскъ и приписывались, подъ именемъ выходцевъ изъ-за границы, въ мѣщане или крестьяне. Мѣсто ихъ на хуторахъ занимали тотчасъ же другіе, также боявшіеся кары закона за разные грѣхи и грѣшки. Старая вѣра оказывалась въ подобныхъ случаяхъ дѣйствительно „спасительной". Съ конца 80-хъ годовъ трое первоначальныхъ распространителей раскола по Вольску должны были уступить мѣсто П. М. Злобиной. Дочь Волковойнова и жена В. А. Злобина, звѣзда котораго въ это время все выше и выше всходила на горизонтѣ, она соединяла въ своемъ лицѣ всѣ необходимыя условія для того, чтобы сослужить расколу вѣрную службу. Въ добромъ желаніи у нея недостатка не было, возможность осуществить его—полная: это было время, когда можно было купить любого, не только провинціальнаго, но даже и столичнаго администратора, а денегъ у Злобина было слишкомъ даже много. П. М. Злобина всей душой отдалась расколу, который въ ея представленіи тѣсно связывался съ Иргизомъ. Чрезъ ея руки лились въ монастыри деньги, чрезъ ея посредство и вліяніе получались тамъ всѣ нужныя административныя разрѣшенія, послабленія и льготы. Она благоговѣла предъ Иргизомъ, Иргизъ—благоговѣлъ предъ нею. Въ знакъ особаго уваженія, для нея на Иргизѣ сшили полотняную церковь и, назвавъ ее походной, привезли въ Вольскъ. Но на первый разъ эта походная церковь, въ ожиданіи лучшихъ дней, помѣщена была въ жалкой землянкѣ, гдѣ и отправлялась служба. Ждать, впрочемъ, пришлось не долго: Ананьевъ съ Иваномъ Вавиловымъ Расторгуевымъ построили деревянную церковь и въ нее, около 1793 года, перенесли изъ землянки полотняную походную. Священники изъ нижняго Воскресенскаго монастыря освятили новопостроенный храмъ и въ немъ открылось почти явное богослуженіе[1]). Изъ Вольска расколъ быстро распространился и по окрестностямъ. Иванъ Серебряковъ и Савва Матвѣевъ, бѣглые крестьяне изъ Сибири, вмѣстѣ съ выходцемъ изъ нижегородской губерніи, Герасимомъ Красновымъ, занесли его въ село Черкасское. Здѣсь расколъ привился легко и быстро: „Черкасское сдѣлалось главнымъ гнѣздилищемъ всѣхъ возможныхъ сектъ,

[1]) Ниж. сем. библ., № 3774, 243, 191—193.

хотя первенство принадлежитъ поповщинѣ, и всѣхъ возможныхъ пороковъ". Лѣса здѣшніе открыли для раскольниковъ свои пристанища, въ которыхъ селились разные начетчики и начетчицы; одна за другой возникали кельи, строились цѣлые скиты разныхъ толковъ и согласій. И люди шли сюда. Въ уединенныхъ кельяхъ велись оживленныя бесѣды и споры о древнемъ благочестіи, испорченномъ и поруганномъ патріархомъ Никономъ; происходили многопоклонныя моленія; слышалось монотонное пѣніе; раздавались толки о духовномъ воцареніи антихриста во всемъ мірѣ. Въ промежутокъ между этими благочестивыми занятіями по кельямъ творилось иное: работали фабриканты фальшивыхъ денегъ, какъ ассигнаціи, такъ и звонкую монету; трудились искусные переписчики и даже писатели, иконописцы, литейщики образовъ и переплетчики; укрывались бѣглые священники; принималось на сохраненіе краденое[1]). Черкасское скоро сдѣлалось прочнымъ базисомъ раскольничьей пропаганды въ вольскомъ уѣздѣ; отсюда расколъ перешелъ въ деревню Горячку и другія смежныя и даже довольно отдаленныя селенія.

Не менѣе соблазнительнымъ показалось открытіе часовенъ въ Иргизскихъ монастыряхъ и раскольникамъ хвалынскаго уѣзда: въ 1765 году они выстроили молельный домъ въ Сосновой Мазѣ; около 1780 года—въ Ершовкѣ и Апалихѣ; нѣсколько позже—въ Солитьбѣ и Елшанкѣ. Кромѣ этихъ оффиціальныхъ молельныхъ домовъ, построеніе которыхъ производилось цѣлыми сельскими обществами, появилось не мало частныхъ молелень въ крестьянскихъ избахъ[2]). Въ самый городъ, въ села Сосновую Мазу и Апалиху командированы были Иргизомъ исправные священники, когорые отсюда разъѣзжали съ требами по всѣму уѣзду. Совращеніе въ расколъ трехъ православныхъ священниковъ—Аѳанасія Иванова и Ѳеодора Михайлова въ Сосновой Мазѣ и Михаила Петрова въ Апалихѣ—дало сильный толчекъ развитію раскола; не мало православныхъ потянулось за своими пастырями въ лоно старообрядчества[3]). Изъ наиболѣе крупныхъ пропагандистовъ, кромѣ безъ устали сновавшихъ взадъ и впередъ по уѣзду иргизскихъ старцевъ и старицъ, можно указать за это время на разбогатѣвшихъ крестьянъ Сосновой Мазы, братьевъ

[1]) Имп. Публ. библ., № 515. (Отчетъ гр. Степбока).
[2]) Арх. сар. консист., 1836, № 697, 187.
[3]) Ниж. сем. библ., N. 3774, 210.

Кузьмичевыхъ или Михайловыхъ. Перейдя въ купцы, эти ревностные послѣдователи старообрядчества поселились въ Хвалынскѣ и скоро стали во главѣ хвалынскаго раскольничьяго общества. Сфера вліянія братьевъ Кузьмичевыхъ, которые не щадили средствъ для поддержанія и распространенія раскола, охватывала не только хвалынскій уѣздъ, но распространялась даже и на Заволжье[1]).

Иргизскія обители съ самого возникновенія своего стояли въ постоянномъ и дѣятельномъ сношеніи съ донскими казаками. Эти сношенія особенно усилились со времени развитія силы монастырей. иргизскіе миссіонеры очень часто путешествовали съ Иргиза на Донъ и обратно; промежуточными станціями, на которыхъ они останавливались для отдыха, были обыкновенно Камышинъ и Дубовка. Время остановокъ тратилось, разумѣется, не даромъ. Къ сожалѣнію, нельзя сказать ничего опредѣленнаго о развитіи раскола въ Камышинѣ, кромѣ того, что онъ сталъ распространяться съ этого именно времени[2]). Отсутствіе свѣдѣній по этому предмету прот. Терновскій объясняетъ тѣмъ, что „камышинскіе раскольники недавно только (писано въ 1840 году) стали показываться въ вѣдомостяхъ о раскольникахъ, а раньше, по незлобію пастырей, писались православными“[3]). Относительно Дубовки мы имѣемъ нѣсколько болѣе подробныя свѣдѣнія. За время съ 1800 по 1810 годъ, судя по исповѣднымъ вѣдомостямъ и метрическимъ книгамъ дубовскихъ церквей, раскольниковъ поповцевъ числилось до 627 душъ[4]); самъ собою напрашивается выводъ отсюда, что ихъ и раньше 1800 года было въ Дубовкѣ не мало, особенно въ сравненіи съ общимъ количествомъ жителей посада, подтверждающійся и тѣмъ обстоятельствомъ, что уже въ 1787 году, съ дозволенія царицынскаго земскаго исправника, основаннаго на предписаніи правителя саратовскаго намѣстничества, Черткова, раскольниками была выстроена на дворовомъ мѣстѣ купца Афанасія Максимовича Рѣпникова, въ срединѣ 69 планнаго квартала, на косогорѣ, спускаясь къ рѣчкѣ Дубовкѣ, довольно обширная часовня. Не болѣе 50 шаговъ разстоянія отдѣляло ее отъ православнаго храма, воздвигнутаго, какъ мы уже знаемъ, атаманомъ Персидскимъ[5]).

---

1) Отчетъ гр. Стенбока.
2) Имп. Публ. библ., N 527.
3) Сар. сем. библ., № 2662, 192.
4) „Сар. епарх. Вѣдом.,“ 1884, № 22.
5) Архивъ сар. губерн. правленія. Связ. 85, № 1097, 5; связ. 174, № 392, 24. Сар. сем. библ., № 2663, 40.

Промежуточной станціей на пути отъ Саратова къ Камышину было село Золотое: расколъ засѣлъ здѣсь довольно прочно, ибо почва для него подготовлена была самымъ заселеніемъ этой мѣстности разными выходцами изъ-за польской границы. Въ послѣднюю четверть прошлаго столѣтія въ окружающихъ Золотое лѣсныхъ трущобахъ и буеракахъ образовались одинъ за другимъ нѣсколько раскольничьихъ скитовъ, изъ которыхъ главныхъ было три: 1) Морозовскій, находившійся недалеко отъ деревни Морозовой, въ буеракѣ; 2) Пряхинскій—около деревни Пряхиной; 3) Миловскій—въ буеракѣ этого же названія. Первый былъ мужской; остальные—женскіе. Преданіе о скитахъ этихъ сохранилось довольно смутное. Что касается Морозовскаго, то помнятъ только объ огонькахъ, которые въ концѣ прошлаго вѣка мелькали изрѣдка, ночной порой, во дверяхъ одной келійки, устроенной трудолюбіемъ 3—4 обитавшихъ въ ней старцевъ подъ вѣтвистыми корнями огромнаго дерева. Отъ Пряхинскаго осталось воспоминаніе объ одной Фимушкѣ блаженной, которая ежедневно выходила по ночамъ на одинъ курганъ, извѣстный теперь подъ именемъ Фимушкина, и пѣла немолчно своимъ прекраснымъ голосомъ разныя божественныя пѣсни до восхода солнца, скрываясь на день въ свое немногимъ извѣстное жилье. Гораздо большей извѣстностью пользовался Миловскій женскій скитъ. Не представляя собой ничего особеннаго по внѣшнему виду,—это было 17—20 вырытыхъ въ землѣ келій съ 40—50 обитательницами,—онъ тѣмъ не менѣе торжественностью не рѣдко отправлявшихся въ немъ бѣглыми попами службъ церковныхъ и внѣшней строгостью скитской жизни привлекалъ съ себѣ милости довольнаго числа ревнителей и христолюбцевъ. Эта извѣстность была, впрочемъ, и причиной скорой гибели скита: слухи о немъ дошли до властей, молва о богатствѣ соблазняла ютившійся по окрестностямъ Золотого гулящій людъ. Миловскій скитъ стали тѣснить разомъ съ двухъ сторонъ и монахини вынуждены были разбрестись по разнымъ мѣстамъ, отыскивая болѣе спокойнаго убѣжища[1]).

Такъ распространилась поповщина въ приволжскихъ мѣстностяхъ. Но не оставила безъ вниманія пропаганда и другихъ угол-

[1]) Лѣтопись золотовской церкви, л. 7. Составлена эта лѣтопись бывшимъ священникомъ села Золотого, В. Г. Еланскимъ.

ковъ Саратовскаго края,—тамъ шла также глухая подземная работа, туда также высылались расколомъ свои миссіонеры. Осязательный результатъ этой работы проглядываетъ въ открытіи часовни въ Бековѣ, сердобскаго уѣзда, состоявшемся въ 1790 году, и въ такомъ же устроеніи около этого времени часовни въ Аничкинѣ, того же уѣзда[1]): часовни не возникали только тамъ, гдѣ насчитывался всего десятокъ—другой раскольниковъ. Къ сожалѣнію, ничего больше нельзя сказать о ходѣ развитія раскола по сердобскому уѣзду, такъ какъ свѣдѣній на этотъ счетъ положительно никакихъ не сохранилось ни въ одномъ изъ бывшихъ у меня подъ руками документовъ.

Нѣсколько больше въ этомъ случаѣ посчастливилось Кузнецку: о немъ извѣстно, что около 1786 года переселилась туда изъ Вольска какая-то старица Евдокія. Это была сухая, сгорбленная старуха, несмотря на упадокъ силъ, довольно трудолюбивая, живая, ласковая и вкрадчивая. Она стояла въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Иргизомъ и имѣла въ рукахъ не мало раскольничьихъ книгъ и рукописей. Была ли она въ Кузнецкѣ прежде и зачѣмъ прибыла теперь—неизвѣстно. Достовѣрно только то, что старица сначала бѣдствовала, не находя себѣ постояннаго пріюта въ городѣ. Наконецъ, возбудила состраданіе къ себѣ въ кузнецкихъ богатыхъ купцахъ Щипановыхъ и поселилась у нихъ на огородѣ въ отдѣльной кельи, какъ разъ въ центрѣ тогдашняго Кузнецка. Эта келья, съ обстановкой вполнѣ раскольничьей, послужила первой закваской раскола въ городѣ. Въ небольшомъ, недавно еще преобразованномъ изъ села Нарышкина, городѣ замѣтно было всякое новое лицо, особенно если оно становилось подъ покровительство богатыхъ и вліятельныхъ людей, въ родѣ Щипановыхъ. Старица, простаивая цѣлые часы на молитвѣ и отбивая по лѣстовкѣ сотни земныхъ поклоновъ, скоро прослыла праведной затворницей. Сами патроны ея Щипановы стали гордиться поселившейся у нихъ подвижницей, благоговѣли передъ нею и часто просили ея молитвъ. Быстро разносилась ея слава; чаще и чаще стали приходить къ ней собесѣдницы; изъ ея кельи стали выходить раскольничьи книги и рукописи; по городу пошелъ глухой говоръ о „старой вѣрѣ.“ Почва такимъ образомъ постепено подготовля-

[1]) Арх. сар. консист., 1836, № 697, 183,

лась для воспринятія раскола. Около этого времени появились въ Кузнецкѣ старцы иргизскихъ монастырей. Какія цѣли вели ихъ сюда—понятно само собой: они, безъ сомнѣнія, знали о дѣятельности Евдокіи и пріѣзжали додѣлывать начатое ею дѣло. До 1800 года ихъ перебывало здѣсь множество; всѣ они встрѣчали радушный пріемъ и уѣзжали съ богатыми приношеніями въ пользу Иргиза. Расколъ крѣпъ и скоро обнаружился во-внѣ. Къ Евдокіи явилась, въ качествѣ ученицы, одна кузнецкая старая дѣва, Параскева Мыльникова, поселилась въ ея кельи и на правахъ „сестры“ стала жить. Вмѣстѣ онѣ сучили восковыя свѣчи, вмѣстѣ приманивали пряниками ребятишекъ и учили ихъ раскольничьимъ молитвамъ. По смерти Евдокіи и, вѣроятно, по ея завѣщанію, тѣло принесли въ храмъ и православный священникъ отпѣвалъ ее, но подъ именемъ Параскевы. Скоро сошла въ могилу и Мыльникова: ее отпѣвали тѣмъ же порядкомъ, только подъ именемъ Евдокіи. Переотпѣваніе обѣихъ, подъ собственными именами, произведено было потомъ, по раскольничьему обряду, заочно, въ Вольскѣ... Старицы умерли, но дѣло ихъ не умерло. Иргизъ не спускалъ глазъ съ Кузнецка и работалъ изо всѣхъ силъ. Не говорю уже о томъ, что старцы постоянно посѣщали Кузнецкъ, гдѣ по большимъ праздникамъ безпрепятственно славили по домамъ и разносили святую воду и иконы, но многіе изъ города сами стали ѣздить къ нимъ на Иргизъ и, возвращаясь оттуда, разсказывали чудеса о „древнихъ православныхъ монастыряхъ“. У Кузнецка такимъ образомъ завязывались еще болѣе тѣсныя и живыя связи съ центромъ саратовскаго раскола поповщины. Многіе стали приглашать изъ другихъ мѣстъ бѣглыхъ раскольничьихъ священниковъ и поручали имъ совершеніе духовныхъ требъ. Многіе, по примѣру Евдокіи и Параскевы, переотпѣвали своихъ покойниковъ въ Вольскѣ и ѣздили туда за другими требами[1]). Недоставало только одного—рѣшимости явно порвать связи съ церковью. Впослѣдствіи, какъ увидимъ, явилась и эта рѣшимость.

Быстро раздвигая по всѣмъ направленіямъ предѣлы своихъ владѣній, Иргизъ въ первыя 30 лѣтъ своего существованія нашелъ наибольшее по численности количество адептовъ въ Заволжьи, наибольшее по вліянію—въ Вольскѣ. Передъ Вольскомъ долженъ былъ

[1]) „Сар. епар. Вѣдом.“, 1870, № 10.

склониться и самъ Саратовъ, который, по мѣткому выраженію гр. Стенбока, „съ самаго начала своего получилъ значеніе Вавилона, сборища всѣхъ возможныхъ пороковъ, языковъ и вѣрованій“; а Саратовъ долго не хотѣлъ уступить никому другому первенствующее положеніе въ ряду поповщинскихъ общинъ края. Раньше, чѣмъ на Иргизѣ, появилась въ Саратовѣ, на дворѣ купца Горина, деревянная часовня,—прот. Чернышевскій относитъ ея возникновеніе къ 1762 году, но раскольники мѣстные утверждаютъ, что она открыта значительно раньше, и такое утвержденіе ничего не имѣетъ противъ себя, тѣмъ болѣе что въ Саратовѣ не было недостатка въ богатыхъ и сильныхъ покровителяхъ раскола,[1])—въ которой безпрепятственно отправляли богослуженіе стародубскіе попы. Мѣстные купцы, съ Барановымъ во главѣ, не жалѣли средствъ для поддержанія и распространенія старообрядчества въ самомъ Саратовѣ и въ окрестностяхъ его. Въ 1772 году Барановъ досталъ отъ подлежащихъ властей разрѣшеніе перестроить обветшавшую уже часовню и, въ замѣну ея, построилъ на своемъ дворовомъ мѣстѣ обширную каменную, съ главами и крестомъ, имѣющую совершенное подобіе православнаго храма[2]). Около часовни выстроены были деревянныя кельи для причта церковнаго; впослѣдствіи тутъ же возникла и богадѣльня для престарѣлыхъ и увѣчныхъ, а самое мѣсто перешло отъ Баранова къ саратовскому раскольничьему обществу. Постройка Барановской часовни, получившей послѣ названіе Покровской, тянулась много лѣтъ и съ большими перерывами, представляя для саратовскихъ властей что-то въ родѣ курицы съ золотыми яицами; возможно, что она затянулась бы и еще больше, если бы не содѣйствіе В. А. Злобина, который пришелъ на помощь изнемогающимъ строителямъ и далъ имъ возможность безъ помѣхъ окончить дѣло къ 1797 году[3]). Вліяніе Злобина отразилось на Саратовѣ не въ одномъ только дѣлѣ построенія Барановской часовни: не мало саратовскихъ купцовъ и мѣщанъ, искавшихъ его покровительства,—а кто не искалъ его у этого щедраго богача?—переходило въ расколъ изъ подражанія своему патрону. Его прикащики, впослѣдствіи открывшіе самостоятельную торговлю, почти всѣ шли

1) Нижг. сем. библ., № 3774, 228.
2) Дѣла Секр. Комит., vol. XVII, стр. 650.
3) Имп. рус. геогр. Общ., рук. преосв. Іакова.

по его стопамъ и становились надежными столпами раскола. Въ Саратовѣ изъ нихъ должно назвать Ситникова, который, наравнѣ съ Уфимцевымъ, потомкомъ пугачевскаго товарища, особенно усердно трудился на пользу раскола. При такихъ условіяхъ, находясь разомъ подъ прикрытіемъ двухъ щитовъ,—мѣстныхъ ревнителей и вольскаго магната,—расколъ естественно долженъ былъ быстро шагать впередъ: возбраненія ему не видно было ни откуда. Къ тому же и благолѣпія, какъ сильно дѣйствовавшаго на чувства толпы, теперь было достаточно: до Иргиза всего какихъ-нибудь двѣсти верстъ, а тамъ бери поповъ, сколько хочешь и когда хочешь. И дѣйствительно, старожилы говорятъ, что въ Барановской часовнѣ богослуженіе совершалось съ нарочитой торжественностью и даже въ средніе праздники—соборне. Было ли это дѣломъ требованія религіознаго чувства или ловко закидываемой удочкой—судить не берусь.

Выше упомянуто было о полемическихъ трудахъ иргизскаго иночества. Разсмотримъ ихъ подробно. Въ 1782 году появилось сочиненіе неизвѣстнаго по имени автора подъ заглавіемъ: *„Церковь, состоящая въ Астраханской епархіи, въ саратовскомъ намѣстничествѣ, на рѣкѣ Иргизѣ, которыя еще находятся и въ Стародубскихъ слободахъ, въ которыхъ священники со діаконы богоугодную о всемъ мірѣ приносятъ безкровную жертву по старопечатнымъ книгамъ, есть церкви Христовы православныя“*[1]). Копіи съ этого сочиненія, написаннаго, судя по языку, чуть ли не Сергіемъ Юршевымъ, до настоящаго времени встрѣчаются нерѣдко у поповцевъ саратовской губерніи, хотя для большинства ихъ, съ появленіемъ австрійскаго священства, оно утратило всякій практическій интересъ и можетъ быть любопытно только съ чисто исторической стороны. Книжка начинается изложеніемъ слѣдующихъ 6-ти обвиненій, взводимыхъ великороссійской церковью на Иргизъ и Стародубье, по которымъ послѣдніе не могутъ быть признаны православными: 1) они не имѣютъ епископовъ;

1) Принадлежащая мнѣ рукопись, in 4°, на 35 л. Писана довольно мелкимъ почеркомъ, повидимому, конца прошлаго или самаго начала текущаго столѣтія. На заглавномъ листѣ помѣтка: „принадлежитъ сыну моему Филиппу Яковлевичу Мякишину съ 1826 года, іюня 5 дня. Саратовскій мѣщанинъ Яковъ Мякишинъ“. Экземпляръ болѣе исправный, сравнительно съ хранящимся въ Хлудовской библіотекѣ, № 294; но послѣднихъ листовъ недостаетъ.

2) построены безъ благословенія архіерейскаго; 3) не покоряются церкви грекороссійской; 4) принимаютъ бѣглыхъ поповъ; 5) отдѣляются безъ достаточныхъ причинъ отъ великороссійской церкви, и 6) хотятъ оправдать свое самоволіе мотивами, не имѣющими основанія ни въ св. писаніи, ни въ св. преданіи. Перечисливъ эти шесть пунктовъ обвиненія, авторъ начинаетъ опровергать ихъ одинъ за другимъ. Противъ перваго онъ возражаетъ, что апостольскія правила вовсе не требуютъ, чтобы при каждой церкви въ имперіи былъ свой епископъ; этого нѣтъ и въ церкви великороссійской. Правда, въ послѣдней всѣ церкви подчинены епископамъ, а потому имѣютъ на себѣ и дѣйствіе и благословеніе епископское, тогда какъ церкви на Иргизѣ и въ Стародубьи не подчиняются ни одному епископу; но тутъ невольно возникаетъ вопросъ: во всемъ ли и всегда ли церковь и вѣрующіе должны подчиняться своимъ епископамъ? Для случая чрезвычайнаго,—при появленіи ересей, напр., среди этихъ высшихъ членовъ клира,—не должна ли быть исключена изъ этого налагаемая святыми правилами обязанность подчиняться имъ? Кромѣ утвердительнаго, другого отвѣта на этотъ вопросъ дать нельзя. Поэтому безусловно правъ былъ „начальникъ сего святого раздѣленія, преосвященный и приснопамятный отецъ нашъ Павелъ, епископъ коломенскій“, когда „усмотрѣвъ начальника своего, невѣжду Никона патріарха, самомнѣніе и новшества вносящаго, правильное противленіе за отеческое св. преданіе учинилъ“. Получивъ отъ него, какъ отъ главы своего, благословеніе Божіе, благочестивые священно-иноки и священники удалились за предѣлы государства русскаго, приносили тамъ богоугодную о всемъ мірѣ жертву и, по данной имъ отъ Бога и пастыря ихъ власти, принимали къ себѣ въ общеніе приходящихъ священниковъ и простолюдиновъ. Подобно сему и теперь истинная вѣра Христова состоитъ въ двухъ чинахъ, „каковая отъ лѣтъ апостольскихъ быша“, и церковь епископская преимуществуетъ только честью, а не святостью, ибо священники имѣютъ священство совершенное и равное съ епископами, за исключеніемъ права хиротоніи, и приношеніе священническое не только не отличается ничѣмъ отъ епископскаго, но даже и отъ апостольскаго. Такимъ образомъ, очевидно, „и не имѣя въ себѣ лицемъ епископа, и ни единому изъ нынѣшнихъ не покоряясь, церковь можетъ оставаться церковью Христовой православною“.

Противъ второго обвиненія авторъ возражаетъ, что всѣ приводимыя въ подкрѣпленіе его церковныя правила имѣютъ не тотъ смыслъ, какой имъ приписываютъ: надзоръ за сооруженіемъ церквей и монастырей предоставляется епископамъ съ единственной цѣлью,— чтобы сооруженія подобнаго рода не предпринимались по нечистымъ разсчетамъ корысти и честолюбія или по внушеніямъ суевѣрія, чтобы за дѣло брались только люди съ достаточными средствами, способные довесть до конца разъ начатую постройку. Что исключительно въ этихъ видахъ созиданіе церквей и монастырей передается церковными правилами въ вѣдѣніе епископа, видно изъ правилъ перво-второго вселенскаго собора, которыми и самому епископу воспрещается сооружать особые монастыри на истощеніе и раззореніе епархіи своей. Церковь же иргизская и стародубская свободна отъ такихъ пороковъ и соблазновъ: такъ, первая, „имѣя въ себѣ положеніе мученическихъ мощей, построена изрядно, украшена довольно, служители снабжена довольно, служба совершается по книгамъ, по нимъ же вси св. чудотворцы служиша и Богу угодиша.“ Кромѣ того она и освящена по уставу вселенской церкви: „благословеніемъ преосв. Павла епископа, которое его пастырское благословеніе и понынѣ другопріемнѣ благочестивые священно-иноки и священники имѣютъ.“

Самымъ существеннымъ обвиненіемъ автору представляется третій пунктъ и потому на опроверженіе его онъ отводитъ гораздо больше мѣста, чѣмъ на оба предыдущіе. Принимая и „лобызая“ слова Спасителя о преслушающемъ церковь, равно какъ и правило Антіохійскаго собора, по которому всякій отдѣляющійся отъ епископа своего и безъ воли его создавшій иную церковь, послѣ троекратнаго увѣщанія, извергается,—авторъ находитъ, что все это примѣнимо только къ тѣмъ, которые безъ всякихъ причинъ отступаютъ отъ своего епископа. При наличности же таковыхъ причинъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда епископъ не по преданію св. отецъ мудрствуетъ, по указанію тѣхъ же правилъ, подобаетъ всячески отлучаться отъ погрѣшающихъ „и даже до крови стати.“ О возвращеніи къ такому епископу, о возстановленіи общенія съ нимъ не можетъ быть и рѣчи, хотя бы онъ присылалъ не три, а больше увѣщаній; тѣмъ болѣе невозможно это въ отношеніи пастырей великороссійской церкви, „увѣщаніе и позываніе которыхъ, еже и словесы,

и писаніемъ творимое, есть недовольно сихъ ради винъ: 1) понеже не духомъ евангельской кротости, но папскія гордости; 2) не аки сильныхъ и немощи немощныхъ носити могущихъ, но аки власть мучительства имущихъ; 3) не яснымъ доказательствомъ и доброхотнымъ послѣдованіемъ, но силою, страхомъ и ранами принуждающихъ; 4) нововнесенныя же вещи не закономъ и правиломъ, но властію утверждающихъ, и 5) вещи, которыя содержимъ по преданію св. отецъ, страшными клятвами и срамными словесы облагающихъ." Не перечисляю здѣсь всѣхъ приводимыхъ „срамныхъ словесъ", заботливо выбираемыхъ авторомъ изъ „*Соборнаго свитка*", „*Розыска*", „*Увѣта*", „*Обличенія*" и т. п.: они съ давнихъ поръ обращены были въ укоръ православію и потому перечень ихъ новаго ничего не представляетъ. Перебравъ немалое количество „хуленій" на послѣдователей старины, авторъ съ укоризной восклицаетъ: „сицевая ли благоразумныхъ пастырей желательная призыванія?!". Онъ признаетъ, впрочемъ, что въ послѣднее время появились пастыри дѣйствительно благоразумные, имѣющіе духъ евангельской кротости, что доказывается „*Увѣщаніемъ*" Платона, хотя то обстоятельство, что и въ „*Увѣщаніи*" перечислены въ началѣ всѣ книги съ хулами, наводитъ на мысль, что и въ немъ „тотъ же скрытъ духъ"... Далѣе, обвиняя старообрядцевъ въ отдѣленіи отъ православной великороссійской церкви, говорятъ обыкновенно, что спасеніе возможно только въ этой послѣдней, ибо къ ней, какъ къ истинной церкви Христовой, относится во всей полнотѣ обѣтованіе Господне о неодолѣніи ея всѣми силами ада. Въ отвѣтъ на это авторъ ядовито спрашиваетъ: къ какой собственно, къ греческой или русской, церкви относятся слова Спасителя? Изъ самыхъ словъ Его, какъ они приведены у евангелистовъ, ничего этого не видно и если кто относитъ ихъ къ греческой и русской вмѣстѣ, такъ того можно спросить только, зачѣмъ онъ забываетъ церковь римскую? Если лишать ее права на обѣтованіе Христово за учиненіе ересей, такъ не нужно забывать, что въ этомъ слишкомъ грѣшитъ и церковь греческая, въ которой также въ свое время не мало ересей „произращеніе и пристанище имѣло". Перечисливъ очень подробно всѣ ереси грековъ, авторъ приходитъ къ тому выводу, что напрасно присвоивать обѣтованіе Христово какой-нибудь мѣстной церкви,—оно имѣетъ отношеніе только къ церкви вообще,

къ церкви истинной, повсемѣстной и дѣйствительно непобѣдимой.

Устранивши, какъ онъ полагаетъ, эти три основныя обвиненія противъ старообрядчества, авторъ уже нѣсколько легче относится къ другимъ тремъ и трактуетъ о нихъ значительно меньше, совершенно резонно ссылаясь на то, что косвенно о нихъ говорилъ раньше, въ первомъ и третьемъ пунктахъ. Въ частности, по вопросу о пріемѣ бѣглыхъ поповъ, авторъ замѣчаетъ, что каноническія правила не дозволяютъ принимать только тѣхъ, которые находятся подъ законнымъ запрещеніемъ своего епископа; принимать же бѣжавшихъ для сохраненія вѣры въ чистотѣ и неповрежденности, бѣжавшихъ потому, что гонимы еретиками,—не только не возбраняется, но даже и предписывается. Такое бѣгство нельзя поставить священникамъ въ порокъ и осужденіе: „бѣгаютъ и расхищеніе имѣнія пріемлютъ, да безъ отверженія въ себѣ имя Господне соблюдутъ“. А только такихъ священниковъ и принимаютъ на Иргизѣ: „ежели который священникъ пріидетъ отъ града или отъ страны незнаемыя къ намъ, такового принявъ и давъ ему тѣлесную утробу (?), посланъ же бываетъ вѣрный человѣкъ въ тотъ градъ, идѣже онъ покажетъ прежнее свое пребываніе, да по-подробну испытаетъ по консисторіи, нѣтъ ли какового духовнаго порока за нимъ, не запрещенъ ли онъ отъ своего епископа, не приличѣнъ ли когда въ тѣлесныхъ поповыхъ недостаткахъ, т. е. въ воровствѣ и т. п. И аще отъ всѣхъ правильныхъ винъ свободенъ, таковый по свидѣтельству духовнаго отца, что онъ не по нуждѣ, не по дару, ниже кѣмъ обольщенъ, но добровольно, съ желаніемъ чистымъ пришелъ служить божественную службу по старопечатнымъ книгамъ, нами не отметается“. Крещеніе и священство, получаемыя бѣглецами въ великороссійской церкви, признаются при этомъ за истинныя.

Что касается безпричиннаго удаленія старообрядцевъ отъ православной церкви, то авторъ не можетъ согласиться съ этимъ: причина была и притомъ безусловно уважительная. Церковь православная повелѣваетъ отдаляться „отъ всякаго новотворящаго, и измѣняющаго, и своя глаголющаго“, а новшества Никона патріарха и многочисленны, и великоважны...

Таковы возраженія иргизскихъ поповцевъ на доводы православныхъ,—они претенціозны, но далеко не убѣдительны. Гораздо внушительнѣе по объему, солиднѣе по доказательствамъ, изящнѣе

по языку другое полемическое сочиненіе иргизскаго происхожденія, принадлежащее опытному перу Сергія Юршева и извѣстное подъ именемъ „*Разглагольствія старообрядца съ новообрядцемъ*“[1]). Любопытно предисловіе къ этому сочиненію, свидѣтельствующее о непомѣрномъ авторскомъ самомнѣніи Сергія: „О благочестивые читатели, видя я великія ко мнѣ ваши милости и благодѣянія, которыя праведно требуютъ отъ меня изъявленія величайшей моей вамъ благодарности. Но я, не имѣя столько силъ, чтобы за оныя соразмѣрно васъ возблагодарить, только за долгъ мой почитаю открыть вамъ внутреннюю сердца моего чувствительность съ глубочайшимъ почитаніемъ. Въ засвидѣтельствованіе оной вамъ моей преданности, принимаю смѣлость предложить всѣмъ вамъ сей посильный трудовъ моихъ опытъ, который еще въ свѣтѣ не видимъ былъ. Того ради принужденнымъ себя нахожу написать и предложить всѣмъ вамъ сіе краткое мое сочиненіе „*Разглагольствіе или бесѣдованіе старообрядца съ новообрядцемъ*“. Наконецъ, за надобное признаю предувѣдомить васъ, любезные читатели, о томъ, что ежели кто изъ любопытства своего вздумаетъ что-либо въ семъ сочиненіи моемъ сомнѣніе или какую-либо несправедливость, то отдаю всякому на разсмотрѣніе и вѣрную со св. писаніемъ и прочими доказательствы выправку, дабы никто не остался сумнительнымъ. Въ такомъ случаѣ стремится мысль моя къ благому сему трудовъ моихъ намѣренію, чтобъ могъ я отдать честь за воспитаніе мое своему отечеству, и издаю во весь свѣтъ сіе мое сочиненіе, дабы могъ всякъ человѣкъ смотрѣть, какіе то есть старообрядцы и новообрядцы, и въ чемъ какое между собой имѣютъ разгласіе, и за что и за какія сомнительности старообрядцы отдѣляютъ себя отъ великороссійской церкви, то можетъ всякъ здѣсь видѣть происшедшій разговоръ съ обѣихъ сторонъ точными словами старообрядца и новообрядца“. Само „*Разглагольствіе*“ представляетъ собой діалогъ, въ которомъ новообрядецъ только подаетъ реплики, рѣчи же ведетъ старообрядецъ. Это не серьезный споръ двухъ равныхъ соперниковъ, а скорѣе бесѣда ученика съ учителемъ, который очень снисходительно и очень

1) Бр. Св. Кр., № 503. Написано это сочиненіе въ 1782 или 1783 году: по словамъ біографа Сергія, А. Я., на вольскомъ собраніи старообрядцевъ, Прохоръ Калмыковъ „громко началъ читать „*Разглагольствіе старообрядца съ новообрядцемъ*“, писанное строителемъ назадъ тому лѣтъ съ четырнадцать“ (И. П. б., Q, I, № 742, л. 21). Собраніе вольское происходило 22 октября 1796 года, а цитируемая рукопись А. Я. составлена въ 1797 году. *Прим. авт.*

обстоятельно разъясняетъ ему недоумѣнія, поучаетъ его, дѣлая при этомъ видъ, будто споритъ съ нимъ: до такой степени слабы возраженія новообрядца, такъ легко сдается онъ на убѣжденія собесѣдника. „*Разглаголiствiе*“ начинается разъясненіемъ вопроса о томъ, что такое старообрядчество и новообрядчество: по опредѣленію Сергія, старообрядцами должно признать тѣхъ, которые безпорочно соблюдаютъ святую древне-греческую вѣру, всѣ чины, уставы и церковныя церемоніи, принятыя княземъ Владиміромъ отъ грековъ. На вопросъ собесѣдника объ измѣненіяхъ, внесенныхъ россійской церковью, Сергій перечисляетъ ему разныя новшества ея, начиная съ имени Іисусова и троеперстія и оканчивая хулой и поруганіемъ на отцовъ Стоглаваго собора. Новообрядцу всѣ эти измѣненія кажутся сомнительными; если же даже признать ихъ несомнѣнными, то они не важны и „ко спасенію не противны“, а потому и отдѣленіе старообрядцевъ является только напраснымъ раздираніемъ греко-россійской церкви; въ подтвержденіе онъ ссылается на „*Соборный свитокъ*“, „*Розыскъ*“, „*Обличеніе*“, „*Скрижаль*“, „*Увѣтъ*“ и т. п. Сергій находитъ ссылки своего собесѣдника неумѣстными, ибо „невѣдомые и весьма сумнительные учители“ не въ состояніи защищать, несмотря на все стараніе, ложь противъ истины, подтверждаемой такими достовѣрными свидѣтелями, каковы старопечатныя и харатейныя московскія, сербскія и валашскія книги, чудотворныя иконы русской и греческой кисти и другіе памятники религознаго искусства. Убѣжденный массой свидѣтельствъ подобнаго рода,—Сергій приводитъ ихъ 113,—собесѣдникъ соглашается, что старообрядцы содержатъ подлинно православную вѣру, но все же сомнѣвается въ ихъ правотѣ, въ виду того, что имъ недостаетъ епископовъ: „хотя ваша церковь и совсѣмъ права, да безглавна, понеже главы у себя не имѣетъ“, говоритъ онъ. Къ опроверженію этого возраженія Сергій идетъ кружнымъ путемъ: начинаетъ рѣчь не о безглавіи старообрядцевъ, а о погрѣшностяхъ великороссійской церкви. Главныхъ погрѣшностей онъ насчитываетъ въ ней 10; для знакомства же съ менѣе важными „омыслительностями“ отсылаетъ собесѣдника къ керженскимъ отвѣтамъ Питириму, изъ которыхъ и самъ черпаетъ безъ стѣсненія. Обличая великороссійскую церковь въ новшествахъ, Сергій не забываетъ намекнуть и о неправославіи грековъ послѣ Флорентійскаго собора: „съ того време-

ни мало по малу, а особливо нынѣ, и совсѣмъ едва правовѣріе всѣ греки имѣють, и то развѣ въ исповѣданіи устъ, только называютъ себя христіанами, по свидѣтельству старца Арсенія Суханова". Пользуясь „*Проскинитаріемъ*" Суханова, онъ подбираетъ не мало доказательствъ если не полнаго еретичества, то во всякомъ случаѣ не малой сомнительности грековъ въ религіозномъ отношеніи.

Разъ заговоривъ о новшествахъ, Сергій естественно долженъ былъ перейти и къ виновнику ихъ—Никону. Такъ онъ и сдѣлалъ, причемъ не поскупился въ выборѣ бранныхъ эпитетовъ: Никонъ—жалкій самолюбецъ, грубый невѣжда, мучитель, хищникъ, ругатель святыни и т. п. Но, осуждая Никона, авторъ не хвалитъ и судій его, восточныхъ патріарховъ: это торговцы убѣжденіями, нищіе, безпрестольные бродяги, сужденія и толкованія которыхъ нельзя охарактеризовать лучше Никона, обозвавшаго ихъ „басни, бляди и суета." И эти то люди, служащіе по еретическимъ книгамъ, печатаннымъ въ нѣмцахъ, въ Венеціи, зараженные папежской ересью, вздумали исправлять церковно-богослужебныя книги россійскаго православія!... Обрисовавъ такими непривлекательными красками вводителей новшествъ въ Россіи, авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію свидѣтельствъ, приводимыхъ православными въ оправданіе и подкрѣпленіе ихъ нововведеній. Всѣ эти свидѣтельства,—рука Андрея Первозваннаго, Ѳеогностовъ требникъ, Софроніевы листы, Дѣяніе на еретика Мартина и рука Камненосова,—онъ подробно опровергаетъ, опираясь исключительно на братьевъ Денисовыхъ, и считаетъ вымышленными послѣ Московскаго собора 1666 года. Самый соборъ этотъ представляется ему весьма „сомнительнымъ", такъ какъ онъ безъ надлежащаго разсужденія утвердилъ вещи неподобныя, а отношеніе къ нему великороссійской церкви—подозрительнымъ, ибо она пренебрегаетъ его постановленіями, несмотря на утвержденіе ихъ страшной клятвой. Такъ отмѣнено однократное освященіе воды на богоявленіе, опять введенъ въ употребленіе бѣлый клобукъ, оставлена „волшебная" молитва Трифона, введено зеркало въ алтарь и мн. т. под., вопреки утвержденнымъ клятвой опредѣленіямъ собора. Такое непостоянство великороссійской церкви ставитъ въ положительное недоумѣніе, чему вѣрить и чему слѣдовать. Самая неустойчивость нововведеній не внушаетъ къ нимъ довѣрія,—кромѣ старопечатныхъ книгъ ничего не остается:

„оныя суть незазорны и вѣроятію безъ всякаго сомнѣнія достоини“, ибо оставлены намъ пастырями россійскими, святыми по жизни и по ученію.

Итакъ, на Востокѣ православіе испразднися со дней Флорентійскаго собора, въ Россіи—со дней Никона; ни тамъ, ни здѣсь нѣтъ православныхъ епископовъ. Старообрядцы искренно желаютъ и у Господа усердно просятъ, „да православные епископы будутъ до скончанія вѣка и иже отъ православія сведошася, да паки на оное направятся;“ но будетъ ли это когда—неизвѣстно. Правда, въ св. писаніи говорится о вѣчности іерархіи, но въ немъ же и многому другому предсказывается вѣчное существованіе, что послѣ судьбами Божіими было обращено въ небытіе; поэтому вопросъ о вѣчности епископства должно оставить на произволеніе Божіе, а не рѣшать его утвердительно въ ту или другую сторону.

Авторъ заставляетъ своего собесѣдника быть довольнымъ этимъ „яснымъ (?) отъ св. писанія доказательствомъ“ и влагаетъ затѣмъ въ его уста вопросъ о бѣглыхъ попахъ: можно ли считать ихъ православными въ виду ихъ бѣгства отъ своихъ пастырей безъ благословенія? Отвѣтъ слѣдуетъ утвердительный: священники бѣгутъ отъ великороссійской церкви не грѣховнаго ради извѣта, но изъ-за новшествъ этой церкви, не сами собой, но по свято-апостольскимъ и свято-отеческимъ правиламъ,—„не епископомъ, а лже-епископомъ и лже-учителемъ зазрѣша и не раздоромъ церковное соединеніе ссѣкоша, но отъ раздиранія и раздѣленія церковнаго потщашеся избавити“. Такіе священники не только по церковнымъ правиламъ не подлежатъ запрещенію, но и сугубой чести достойны. Не разъ случалось, что въ гонительныя времена, во дни ересей, священники, впослѣдствіи прославившіеся своей святостью, оставляли своихъ епископовъ, хотя и неосужденныхъ соборомъ, но зараженныхъ ядомъ самосмышленности еретической, и, поселившись на новыхъ мѣстахъ, строили новыя церкви и безъ благословенія епископа ихъ освящали. Но не то ли же самое повторяется теперь со старообрядцами? А посему, въ виду соборныхъ постановленій и многочисленныхъ примѣровъ исторіи, правы и святы уклонившіеся отъ никоніанства священники, правы старообрядцы, отдѣлившіеся отъ господствующей церкви соблазна ради, святы храмы, воздвигнутые ими и освященные безъ благословенія епископа: они имѣютъ положеніе мучени-

ческихъ мощей, построены изрядно, украшены довольно... (дальнѣйшія похвалы старообрядческимъ храмамъ буквально сходны съ тѣмъ, что мы видѣли въ возраженіи иргизскихъ поповцевъ на доводы православныхъ), а „того ради и суть наша церковь святая, соборная и апостольская".

Убѣжденный всѣми этими доказательствами, новообрядецъ соглашается, что, пожалуй, и дѣйствительно старообрядческая церковь есть церковь святая, соборная и апостольская, но его не перестаетъ смущать мысль о безглавіи ея. Послѣ Павла коломенскаго прошло болѣе ста лѣтъ; гдѣ же все это время была глава старообрядческой церкви, гдѣ было епископское управленіе? „Когда церковь безъ епископа, то и безглавная, а когда безглавная, то и спасеніе въ ней безызвѣстное"; вотъ почему онъ проситъ рѣшительнаго отвѣта на этотъ вопросъ, который—напоминаетъ онъ—ставится уже въ третій разъ. Отвѣтъ Сергія очень замысловатъ. О святости, истинности церкви—говоритъ онъ—нельзя судить на основаніи одного признака существованія въ ней главы: у католиковъ такая глава есть въ лицѣ папы, но отсюда не слѣдуетъ еще, что римская церковь—есть церковь истинная. Есть главы, въ смыслѣ епископовъ, и у другихъ еретиковъ, но отъ этого еретики не перестаютъ быть еретиками. Не имѣя главы видимой, церковь старообрядческая имѣетъ у себѣ главу невидимую, самого Іисуса Христа, который всѣхъ единый пастырь и единая глава, по слову св. апостола Павла. Эта глава, больше которой излишне искать, проявляетъ себя въ церкви „подъ видомъ хлѣба и вина". Разъяснивъ такимъ образомъ вопросъ о главѣ церкви старообрядческой, авторъ разъясняетъ своему собесѣднику и другой „сумнительный вопросъ" о томъ, какимъ образомъ „старообрядческіе священники отъ самого епископа Павла коломенскаго другопріемнѣ имѣютъ и доднесь благословеніе:" оно получено первыми ветковскими бѣглецами чрезъ священно-инока Ѳеодосія, котораго Павелъ благословилъ скрыться, „идѣже Богъ своими судьбами его наставитъ." Ѳеодосій принялъ Александра и Игнатія; Александръ же—Іова, который поставилъ на Веткѣ первую церковь и около нея монастырь, и т. д.

Третье изъ указанныхъ выше полемическихъ сочиненій иргизскаго происхожденія носитъ слѣдующее довольно длинное заглавіе: *„Преддверіе православнымъ читателямъ и слышателямъ, при старо-*

обрядчествъ находящимся, и прочимъ желающимъ о семъ вѣдать, изданное отъ лица святой соборной и апостольской церкви, находящіяся на Иргизѣ, писанное въ 1792 году инокомъ Феофилактомъ, чесо ради мы, старообрядцы, сыны Россіи и церкви, въ новопреданіяхъ ея не согласуемся и каксе въ томъ ихъ апостольскимъ и соборнымъ правиламъ и свято-отеческому церковному преданію сопротивленіе“[1]). Сочиненіе это, писанное, кажется, однимъ лицомъ съ авторомъ хлудовскаго жизнеописанія Сергія, содержитъ въ шести статьяхъ „правильныя доказательства съ обличеніемъ на глаголющихъ, яко нынѣ россійская церковь правиламъ св. апостоловъ и св. отецъ повинуется, а не сопротивляется.“ Въ православной церкви авторъ видитъ слѣдующія погрѣшности: 1) символъ вѣры заповѣдуетъ едино крещеніе,—трепогружательное, съ призываніемъ святой Троицы,—а россійская церковь безъ всякой нужды принимаетъ за равное съ нимъ крещеніе поливательное и кропительное. 2) Правила апостольскія (46, 47, 49, 50), 1-го вселенскаго собора (19), 2-го вселенскаго (7) и лаодикійскаго (8) повелѣваютъ перекрещивать еретиковъ перваго чина; россійская церковь не исполняетъ этихъ правилъ и не повторяетъ крещенія надъ лютеранами, кальвинистами, католиками и армянами. 3) Апостольскія правила (10, 45, 65) и соборныя (лаодикійскаго—6, 10, 31, 33, карѳагенскаго—30 и 6-го вселенскаго—72) запрещаютъ общеніе съ еретиками въ молитвѣ и бракѣ; россійская церковь не исполняетъ и этого, допуская общеніе съ указанными еретиками. Апостольское правило (69) извергаетъ епископовъ и пресвитеровъ, не хранящихъ святыхъ постовъ; россійская церковь не соблюдаетъ этого правила и даже допускаетъ безъ разсмотрѣнія ядущихъ по постамъ мясо къ святому причащенію. 5) Апостольское правило (29) и 7-го вселенскаго собора (19) запрещаютъ поставлять епископовъ на мздѣ; въ россійской же церкви едва ли можно найти хотя одного епископа, не на мздѣ поставленнаго. 6) Двоеперстіе, засвидѣтельствованное апостолами и св. учителями восточной церкви, безраздорно содержимое до лѣтъ Никона всею Россіею и никѣмъ отъ святыхъ незазрѣнное, отмѣнено россійской церковью, „поречено страшными клятвами и гажденіями“ и клятвы эти утверждены „быть крѣпче камени, огня и желѣза и ни отъ кого не разрѣшимы“. Находя таковыя вины россійской

[1]) Бр. Св. Кр., № 513, 51—80.

церкви „великоважными и омыслительными“, авторъ говоритъ: „не втуне мы или гордости ради непохвальныя отлучаемся россійской церкви сообщенія, но боящеся запрещенія апостольскихъ и соборныхъ правилъ и за несохраненіе свято-отеческихъ преданій клятвы и отлученія“. Вслѣдъ за этимъ идетъ „увѣщаніе“ пребыть въ вѣрѣ отцовъ и блюстись нововводныхъ преданій, причемъ вспоминается „повѣсть страдальческая, кровью украшенная“, о первыхъ дняхъ раскола; перечислены страдавшіе за вѣру,—Павелъ коломенскій, Аввакумъ юрьевскій, Логинъ муромскій и многіе другіе,—и святые, прославленные нетлѣніемъ, въ родѣ священно-инока Софронія керженскаго. Далѣе авторъ обращается къ дьяконовцамъ и опровергаетъ ихъ взглядъ на чинъ принятія приходящихъ отъ великороссійской церкви. Кромѣ обычно приводимыхъ церковно-историческихъ примѣровъ и правилъ каноническихъ, онъ опирается на практику, установленную въ этомъ отношеніи въ расколѣ керженскимъ соборомъ подъ предсѣдательствомъ Діонисія Шуйскаго. „*Преддверіе*“ заканчивается слѣдующимъ обращеніемъ: „Вонмите вси послѣдователи древле-православной церкви матери своей ученію и соблюдите ее въ мыслѣхъ своихъ, а не послѣдуйте мрачно-сплетенному великороссійской церкви ученію и Никодимо-діаконскаго согласія киченію, да сподобитеся благодати и человѣколюбія въ день судный“.

ГЛАВА III.

Сергій задумываетъ ввести на Иргизѣ единовѣріе.—Роль В. А. Злобина въ этомъ дѣлѣ.—„Вопросы“ Сергія и „Отвѣты“ на нихъ преосв. Никифора.—Увольненіе Сергія отъ должности настоятеля и поѣздка въ Астрахань.—Новое избраніе его въ настоятели и новые хлопоты объ единовѣріи.—Вольское собраніе 1795 г.—Поѣздка Сергія въ Петербургъ для ходатайства о благословенномъ священствѣ.—Замыслы московскихъ старообрядцевъ.—Освобожденіе Сергія изъ заключенія.—Пріѣздъ его въ Вольскъ и посылка послушника въ Верхній монастырь.—Новое собраніе старообрядцевъ въ Вольскѣ 22 октября 1796 г.—Отказъ большинства собранія принять единовѣріе.—Поѣздка Сергія въ свою обитель.—Братія отказывается имѣть съ нимъ какое-либо дѣло.—Сергій уѣзжаетъ обратно въ Вольскъ.—Злобинъ не допускаетъ его съ жалобой къ Руничу и совѣтуетъ ѣхать въ Москву.—Сергій ѣдетъ въ Москву и получаетъ тамъ изъ Тихвинскаго монастыря іеромонаха съ 2 іеродіаконами.—Злобинъ отказывается отъ своей мысли объ единовѣріи и противодѣйствуетъ Сергію.—Неудачная попытка губернатора Ланского уладить дѣло.—Удаленіе Сергія съ Иргиза въ Стародубье.—Его апологія—„Зеркало для старообрядцевъ“.—Попытка Епифанова и Сапожникова ввести единовѣріе въ Вольскѣ.—Впечатлѣніе, произведенное на иргизскихъ и вольскихъ поповцевъ стремленіемъ Сергія къ единовѣрію.

Изъ предыдущихъ главъ читателямъ уже извѣстно, что въ концѣ 1791 года Сергій былъ смѣненъ съ настоятельства за искавіе сближенія съ православіемъ. Попытаемся опредѣлить теперь, въ силу какихъ соображеній онъ сталъ стремиться къ этому сближенію, и посмотримъ, чѣмъ окончится этотъ періодъ его дѣятельности на Иргизѣ, стоящій въ такой рѣзкой противоположности съ его первоначальными стремленіями. Литературѣ этотъ эпизодъ изъ жизни Сергія извѣстенъ въ двухъ очень сходныхъ версіяхъ, которыя обѣ одинаково опираются на подлинную якобы рукопись Сергія и обѣ одинаково грѣшатъ противъ истины[1]). Преосв. Макарій и Муравьевъ полагаютъ, согласно съ преосв. Іаковомъ[2]), что Сергій былъ обращенъ изъ раскола преосв. Никифоромъ Ѳеотоки, архіепископомъ астраханскимъ. Посредствующимъ обстоятельствомъ при этомъ было наблюденіе надъ бѣглыми попами: по мнѣнію преосв. Макарія, „ихъ позорная, соблазнительная жизнь и привела Сергія къ мысли просить у синода законныхъ пастырей“. Добротворскій, соглашаясь съ этимъ, указываетъ и случай, особенно сильно подѣйствовавшій на Сергія: однажды, 1 августа, въ Верхнемъ мо-

[1]) Макарій, Ист. руск. раск., 361—364; Муравьевъ, Раск., облич. свед. ист., 409—411.

[2]) Ниж. сем. библ., № 3774, 9.

настырѣ совершался крестный ходъ на воду; едва успѣлъ выйти изъ церкви первенствующій священникъ, неся крестъ на головѣ, какъ къ ногамъ его бросилась женщина и громко начала укорять, что онъ клятвопреступникъ, обманщикъ, оставившій ее, законную жену свою, съ малолѣтними дѣтьми безъ куска хлѣба[1]). Отказываясь понять, почему этотъ случай могъ особенно сильно подѣйствовать на Сергія, который за бѣглыми попами своими знавалъ исторіи и похуже[2]), я полагаю, что не бѣглымъ попамъ надо приписать поворотъ въ убѣжденіяхъ этого ревнителя раскола.

Въ ноябрѣ 1786 года въ Астрахань пріѣхалъ архіепископъ Никифоръ Ѳеотоки, ученый грекъ, раньше святительствовавшій въ Новороссійскомъ краѣ. Узнавъ, что въ числѣ его новой паствы есть не малое количество раскольниковъ, Никифоръ и здѣсь, какъ въ Тавридѣ, первымъ долгомъ своимъ счелъ разослать по епархіи окружное пастырское посланіе, исполненное ревности и любви апостольской ко всѣмъ заблуждающимся и призывающее ихъ возвратиться въ нѣдра православной церкви. Посланіе дошло и до Иргиза, который въ это время „царскимъ и правымъ путемъ теченіе свое совершаше, правимъ же бѣ и защищаемъ настоятелемъ Сергіемъ не мало лѣтъ, кой былъ тогда апостольскихъ догматъ и святоотеческихъ преданій опасный ревнитель, а новшествъ искоренитель, якоже самыя списанія его о благочестіи являютъ; посему не точію въ иноцѣхъ, но даже и во всей Россіи находящимся христіанамъ Сергіево имя и ученіе сладостно бяше, сопротивно мудрствующимъ же страшенъ бываше и яко обоюдный мечь словомъ православнаго ученія ихъ нещадно посѣкаше“[3]). Счастливая звѣзда Сергія въ это время стояла въ самомъ зенитѣ блеска и могущества. Онъ былъ признаннымъ, полновластнымъ распорядителемъ судебъ раскола поповщины. Безконтрольно, безотчетно правилъ онъ иргизскими обителями. Было отъ чего вскружиться головѣ, разгорѣться и безъ того сильной въ немъ страсти властолюбія. Но на этомъ свѣтломъ горизонтѣ появились уже зловѣщія темныя тучки, которыя должны были встревожить и менѣе умнаго человѣка. Первой изъ нихъ было необыкновенно быстрое возвышеніе Прохора Калмыкова: въ этомъ выписномъ настоятелѣ Сергій не могъ не видѣть опаснаго соперни-

[1]) „Прав. Собес.,“ 1857, II, 437.
[2]) Сергій, „Зеркало для старобр.“, 78—79.
[3]) Библ. А. И. Хлудова, № 293, 8.

ка, который скоро вырветъ, пожалуй, у него изъ рукъ право патроната надъ Иргизомъ. Предчувствіе тяжелое, мучительное для такого баловня судьбы, какъ Сергій. Оно вызывало невольно на размышленія, заставляло подумать надъ изобрѣтеніемъ средствъ удержать за собой разъ занятое положеніе. Это одна сторона дѣла. Другой была близость съ Злобинымъ. Нужно сказать, что Злобинъ не былъ фанатикомъ раскола; правда, онъ постоянно работалъ въ интересахъ его, но это отчасти подъ вліяніемъ жены, отчасти же изъ честолюбія и самолюбія, изъ желанія премировать. Войдя въ силу, онъ совсѣмъ „обмірщился“: игралъ въ карты съ министрами, бывалъ на балахъ и раутахъ великосвѣтскаго общества, водилъ дружбу съ иностранцами, покупалъ дорогія картины и статуи, къ отеческому благочестію никакого соотношенія не имѣвшія, и т. п. [1]). Въ томъ кругѣ петербургской аристократіи, въ которомъ онъ вращался благодаря своимъ милліонамъ, ему совѣстно было признаваться въ своей принадлежности къ расколу; онъ давно уже подумывалъ о компромиссѣ съ православіемъ, въ родѣ Никодимова. Но выступать въ роли иниціатора въ подобномъ щекотливомъ дѣлѣ онъ не желалъ и рѣшилъ воспользоваться для этой цѣли услугами Сергія. Горячо, убѣдительно повелъ онъ съ нимъ „соблазнительныя“ бесѣды такого рода; съ несомнѣнной искренностью доказывалъ ему, что „намъ де нигдѣ глазъ нельзя показать со своими бездѣльниками попами“ [2]). Сергій слушалъ внимательно. Онъ отлично понималъ, что нужно Злобину, и желанія Злобина, какъ нельзя лучше, соотвѣтствовали его собственнымъ желаніямъ. Компромиссъ съ православіемъ—вотъ то средство, при помощи котораго можно удержать до конца первенствующее положеніе на Иргизѣ, и средство безусловно вѣрное, потому что до него додумался самъ В. А. Злобинъ, который сможетъ сдѣлать все, что захочетъ. Отнынѣ выходъ былъ найденъ, поворотъ въ дѣятельности Сергія совершился: изъ ревнителя раскола онъ дѣлается ревнителемъ единовѣрія.

Какъ ни сильна была вѣра Сергія въ всемогущество своего „перваго совѣтника и друга“, однако онъ не рѣшился слишкомъ круто начать дѣло, тѣмъ болѣе что и самъ Злобинъ совѣтовалъ ему не торопиться и дѣйствовать осторожно, хотя за осуществленіе дан-

1) „Сар. губ. Вѣдом.,“ 1857, № 19; сн. „Рус. Вѣст.,“ 1866, № 9, 21—22.
2) Имп. Публ. библ., Q, I, № 742, 44.

ной ему Злобинымъ мысли относительно единовѣрія взялся почти тотчасъ[1]). Какъ бы въ отвѣтъ на окружное посланіе Никифора Θеотоки, онъ написалъ 15 вопросовъ касательно нѣкоторыхъ пунктовъ разногласія раскольниковъ съ православными и прочиталъ ихъ въ полномъ собраніи иргизскихъ настоятелей и старшей братіи. Слушатели одобрили вопросы, находя ихъ согласными со старой вѣрой, и уполномочили Сергія отправить ихъ къ Никифору отъ лица всей общины, за подписями своею и уставщика обители, Прохора. Сергій, воспользовавшись пріѣздомъ преосв. Никифора въ саратовскую губернію для обозрѣнія церквей, явился вмѣстѣ съ Прохоромъ 18 іюля 1790 года къ преосвященному и подалъ ему свои вопросы вмѣстѣ съ прошеніемъ, въ которомъ между прочимъ говоритъ: „Видя мы вашу благосклонность и велеотеческую милость, осмѣливаемся припасть къ стопамъ вашего высокопреосвященства и просить на наше слѣдующее вамъ представленіе архипастырскаго вашего законоправильнаго отъ св. отецъ писанія разсужденія и рѣшительности. Просимъ вывесть не только что насъ убогихъ изъ сомнѣнія, но и прочихъ нашего старообрядческаго единенія, дабы можно было всякому видѣть ваше архипастырское законное разсужденіе и рѣшительность, и могли бы не только мы, но и всякъ безъ сомнѣнія пріитить и присоединиться къ грекороссійской святѣй православной церкви, и ежели ваше высокопреосвященство дадите намъ на сіе желанное и просимое нами свято-церковное правильное и несомнительное рѣшеніе, мы, именемъ всего нашего общества, обѣщаваемся всѣ предъ всемогущимъ Богомъ, по рѣшеніи, присоединиться ко грекороссійской православной церкви“[2]). Трогательность этого прошенія и, главное, торжественное обѣщаніе просителей, данное отъ лица цѣлаго старообрядческаго общества, обратиться, въ случаѣ удовлетворительности отвѣтовъ на подаваемые вопросы, къ православію, побудили преосв. Никифора удовлетворить желанію

---

1) На основаніи словъ Сергія въ предисловіи къ изданной имъ въ 1799 году книжкѣ „*Зеркало для старообрядцевъ*“: „уже десять лѣтъ, какъ я отщетился ихъ (стараго) ученія“, можно думать, что внушенія Злобина были сдѣланы не раньше 1790 года. Дубакинъ утверждаетъ, что „сомнѣнія Сергія въ правотѣ раскола начались уже при самомъ выступленіи его въ качествѣ главы и руководителя Иргизскихъ монастырей“, т. е. по его счету, съ 1777 года („Обращ. Ирг. мон. въ един.“, 34); но во-первыхъ, въ это время „главой и руководителемъ“ Сергій еще не былъ, а во-вторыхъ—его сомнѣній за это время ни откуда не видно.

2) Отвѣты преосв. Никифора, 280, 394—395. Москва, 1834.

Сергія, хотя, по его собственному сознанію, „не въ одной уже книгѣ имѣются рѣшенія предлагаемыхъ здѣсь вопросовъ“.

Вопросы Сергія сами по себѣ не заслуживаютъ особеннаго вниманія; о нихъ можно сказать только, что сравнительно съ другими возраженіями этого рода—соловецкими, поморскими, керженскими—они гораздо умѣреннѣе, мягче, сдержаннѣе. При той обширной эрудиціи, которой нельзя не признать за этимъ прославленнымъ полемистомъ раскола, онъ, конечно, заранѣе зналъ, что отвѣтитъ ему преосв. Никифоръ. Не стремленіе познать истину, не желаніе перечитать лишній разъ давно извѣстныя вещи руководили имъ при составленіи вопросныхъ пунктовъ: нѣтъ, ему просто нуженъ былъ поводъ, удобный случай связать обязательствомъ по рукамъ и ногамъ своихъ собратій. Только этимъ и можно объяснить ту легкость, съ какой онъ отъ лица всего Иргиза изъявляетъ преосв. Никифору готовность при удовлетворительномъ отвѣтѣ присоединиться къ православію. На соборномъ совѣщаніи, когда Сергій читалъ свои вопросы, присутствовавшіе, очевидно, обратили вниманіе на легкость и, такъ сказать, избитость ихъ, а потому усумнились въ искренности Сергія: вотъ—можно думать—причина, по которой они отказались своими подписями скрѣпить его прошеніе на имя владыки Никифора. Нѣсколько раньше и самъ Сергій сдѣлалъ бы тоже. Разсмотримъ, однако, въ связи вопросы Сергія и отвѣты на нихъ преосв. Никифора.

1) По крещеніи Владиміра всѣ ли церковные чины и обряды взяты были отъ грековъ въ Россію?—Преосвященный отвѣчаетъ, что всѣ догматы и законы Божіи, ко спасенію вѣчному потребные, были заимствованы у грековъ немедленно по крещеніи Руси; о чинахъ же и уставахъ этого сказать нельзя: для этого требовалось не мало времени, а главное вниманіе духовныхъ обращено было больше на распространеніе и умноженіе вѣры, чѣмъ на обученіе обрядамъ и чинамъ[1]).

2) Православная ли вѣра была въ Россіи отъ дней Владиміра до Алексѣя Михайловича?—У благоразумныхъ россіянъ, которые создали вѣру свою на камени, была одна и та же вѣра отъ временъ Владиміра до Алексѣя Михайловича и даже до сего дня; на неблагоразумныхъ же сходилъ иногда дождь суевѣрія, рѣки ересей

[1]) Ibidem, 280—282.

и вѣтръ раскола: въ 1003 году является Адріанъ иконоборецъ, въ 1149 году—Мартинъ Армянинъ, въ 1660 году—Іосифъ Астоменъ, Яковъ Ленихинъ и Авраамъ венгерскій. Отличить православныхъ отъ еретиковъ не трудно: характернымъ признакомъ первыхъ является единство по вѣрѣ, догматамъ, таинствамъ и обрядамъ не только между собой, но и со всѣми православными христіанами. Гдѣ единство—тамъ истина; гдѣ раздѣленіе—тамъ ложь; ибо истина едина, ложь—многообразна[1]).

3) За указанныя первыя времена всѣ ли русскіе цари, князья и члены клира были православными?—Никифоръ внушаетъ совопроснику, что этотъ вопросъ содержится во второмъ и потому излишенъ; впрочемъ, о членахъ клира дѣлаетъ то замѣчаніе, что они всѣ, за исключеніемъ митрополита Исидора, подписавшаго Флорентійскую унію, и нѣкоторыхъ священниковъ, уклонившихся въ ереси, явили себя православными[2]).

4) Стоглавымъ соборомъ какая вѣра утверждена: православная или нѣтъ—и всѣ ли постановленія его законны?—Никакой вѣры не утверждалъ онъ, ибо ни о догматахъ не писалъ, ни ересей не осуждалъ: его цѣлью было обсужденіе пороковъ общества и особенно духовенства, а также учрежденіе церковнаго суда для членовъ клира. Уклонившись въ сторону отъ своей прямой задачи, соборъ этотъ допустилъ не мало противнаго преданіямъ. Причина кроется въ глубокомъ невѣжествѣ отцовъ собора, которое изобличается „подлымъ образомъ рѣчи и слогомъ, исполненнымъ погрѣшностей, расположеніемъ главъ отроческимъ, отвратительными повтореніями, скучнымъ многословіемъ, не дѣльнымъ приспособленіемъ и изъясненіемъ текста св. писанія, площадными мыслями, ошибками, прибавками и убавленіями въ приводимыхъ свидѣтельствахъ.“ И эти то люди,—продолжаетъ глубоко возмущенный Никифоръ,—„не имѣвъ знанія ни трудомъ пріобрѣтеннаго, ни съ небесе дарованнаго, дерзнули сдѣлать соборъ, полагать законы и поражать незаконной анаѳемой!“ Кромѣ того соборъ этотъ составленъ Макаріемъ безъ вѣдома и согласія константинопольскаго патріарха, власти котораго надъ русской церковью тотъ же Макарій не отрицалъ. Стоглавый соборъ запретилъ брадобритіе; но какое основаніе для

1) Ibidem, 283—288.
2) Ibidem, 289.

этого запрещенія? Какое-то апокрифическое сказаніе о Константинѣ Ковалинѣ, какія-то никому невѣдомыя, мнимо-апостольскія и соборныя правила, да искаженные тексты св. писанія! „И почто о брадѣ и власахъ толикая ревность?“ съ ироніей спрашиваетъ преосв. Никифоръ. Соборъ ввелъ празднованіе субботы, основанное на постановленіяхъ апостольскихъ. Но постановленія эти испорчены еретиками и потомъ отвергнуты пято-шестымъ вселенскимъ соборомъ; кромѣ того празднованіе субботы отзывается іудействомъ. Соборъ установилъ двоеперстіе и наложилъ анаѳему на крестящихся въ три перста. Основанія, повидимому, солидныя: преданіе св. отцовъ, показанія самовидцевъ, св. апостоловъ, примѣръ самого Іисуса Христа. Но ни св. отцы не учили двоеперстію, ни о Христѣ мы ничего не знаемъ на этотъ счетъ, ни въ св. писаніи не отыщемъ ничего въ подкрѣпленіе. Далѣе, на основаніи указаній списателя житія Евфросина псковскаго, соборъ повелѣлъ двоить аллилуія. Но соборъ просмотрѣлъ, что въ житіи этомъ одни только „лжи и ереси“, клевета на Богоматерь и хула на Духа Святаго. Этихъ примѣровъ довольно, чтобы судить о законности постановленій стоглаваго собора. Правда, заблужденія отцовъ собора нельзя признать еретическими, ибо они не касались догматовъ вѣры, но нельзя не назвать раскольничьими. Однако еще больше раскольники тѣ, которые, опираясь на невѣжественныя постановленія собора, отдѣляются отъ матери своей—церкви[1]).

5) По какимъ книгамъ спасались русскіе святые: по старымъ или по новымъ?—Не книгами спасались они, а вѣрой, соединенной съ добрыми дѣлами. Если кто читаетъ древнѣйшія рукописныя или печатныя книги, православной же вѣры не имѣетъ или забываетъ законы Божіи и умираетъ безъ покаянія, то все равно осужденъ; напротивъ, читающій самыя новыя книги и въ то же время хранящій истинную вѣру и творящій добрыя дѣла, спасенъ будетъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что харатейныя и старопечатныя книги наши были полны важными погрѣшностями, но это не мѣшало спасаться читавшимъ ихъ: испорченныя книги не отдѣляли ихъ отъ единой церкви, не ставили по отношенію къ послѣдней въ положеніи язычниковъ и мытарей, для которыхъ закрыты всѣ пути въ царствіе небесное[2]).

[1]) Ibidem, 290—312.
[2]) Ibidem, 312—318.

6) Справедливо ли харатейныя и старопечатныя книги заповѣдуютъ двоеперстіе для изображенія крестнаго знаменія и благословенія, а на не крестящихся такъ полагаютъ клятву, или нѣтъ?— Книги, содержащія ученіе о двоеперстіи, не истинныя книги первенствующей церкви: предъ Богомъ свидѣтельствую, говоритъ преосв. Никифоръ, что ни въ одной греческой книгѣ, сколько ни видывалъ я ихъ отъ древнихъ до новѣйшихъ, такого ученія нѣтъ; ни одного православнаго грека не видалъ я молящимся въ два перста,—такъ молятся только армяне. На православномъ Востокѣ никогда не поднимался и вопросъ о перстосложеніи. Заподозрить огульную порчу всѣхъ греческихъ книгъ, конечно, легко, но здравый смыслъ человѣческій не позволяетъ вѣрить такому подозрѣнію. Въ Россію ученіе о двоеперстіи занесено еретикомъ Мартиномъ Армяниномъ[1]).

7) Кромѣ книгъ первенствующей греко-россійской церкви, говорящихъ о двоеперстіи, такое сложеніе креста изображается и на древнихъ чудотворныхъ иконахъ; справедливо ли это или нѣтъ?— Иконописцы, по своему невѣжеству, часто допускали большія ошибки при своихъ работахъ: на иконахъ рожденія Христа они изображаютъ повивальную бабку, омывающую младенца, хотя такой бабки въ вертепѣ, гдѣ родился Христосъ, не было; Іоанна Крестителя, умершаго раньше распятія Спасителя, изображаютъ съ крестомъ въ рукахъ и благословляющаго; на иконахъ сошествія Св. Духа помѣщаютъ Павла, въ это время еще гонителя христіанства, рядомъ съ апостолами и т. п. Поэтому свидѣтельство иконъ нельзя принять за особенно вѣское доказательство. Кромѣ того ни на одной греческой иконѣ, даже изъ самыхъ древнѣйшихъ, двуперстнаго сложенія мнѣ видѣть не приходилось. Что же касается русскихъ иконъ, то преосв. Питиримъ и Ѳеофилактъ свидѣтельствуютъ, что на древнихъ изображено сложеніе троеперстное[2]).

8) Справедливо ли пастыри первенствующей греко-россійской церкви въ старообрядческомъ перстосложеніи исповѣдаютъ тремя перстами—Троицу, а двумя—два естества въ Іисусѣ Христѣ?—Та-

---

1) Ibidem, 318—323. Трудно понять настойчивость, съ которой преосв. Никифоръ хочетъ вывесть корни русскаго раскола отъ Мартина: всѣ ссылки на этого еретика, послѣ Денисовскаго разбора дѣяній кіевскаго собора, не могли быть особенно убѣдительны для раскольниковъ.

2) Ibidem, 323—334.

кое толкованіе установлено Стоглавомъ; само по себѣ оно похвалѣно, но образъ истолковываемаго перстосложенія непохваленъ, ибо представляетъ самовольное отступленіе отъ церковнаго преданія[1]).

9) Справедливы ли содержащіяся въ новопечатныхъ книгахъ хулы и порицанія на двоеперстіе?—Нѣтъ, не справедливы, ибо старообрядчество въ догматахъ вѣры согласно съ православіемъ; онѣ явились по недоразумѣнію и излишней подозрительности[2]).

10) Справедливы ли отлученія и клятвы на всѣхъ крестящихся тремя перстами и позднѣйшія клятвы на крестящихся двумя перстами?—Первое не справедливо, ибо стоглавый соборъ вводилъ новость, противную преданіямъ церкви; это косвенно подтверждаютъ и сами раскольники, принимая бѣглыхъ поповъ, на которыхъ лежитъ эта клятва. Что касается клятвъ позднѣйшихъ на двоеперстіе, то эти истинны, ибо „произнесены проповѣдниками истины и защитниками всеобщаго преданія церкви на презирающихъ и противорѣчащихъ этому преданію“. Освободиться отъ нихъ можно только обращеніемъ къ православной церкви[3]).

11) Можетъ ли православная церковь принимать еретиковъ безъ предварительнаго раскаянія ихъ и обращенія къ церкви?—Церковь не даетъ святыни псамъ и не мечетъ бисера предъ свиньями; она хорошо помнитъ, что нѣтъ ничего общаго между правдой и беззаконіемъ, между свѣтомъ и тьмой. Поэтому она безъ предварительнаго раскаянія не принимаетъ въ общество не только еретика, но и раскольника. Но, въ интересахъ пользы, она, по примѣру Моисея, пророка Елисея, апостоловъ Іакова и Павла, Василія Великаго, допускаетъ иногда для иномыслящихъ нѣкія снисхожденія. Такъ позволяетъ она бракъ православныхъ съ иновѣрцами, ибо „мужъ невѣренъ святится о женѣ вѣрнѣ и святится жена невѣрна о мужѣ вѣрнѣ“[4]).

12) Не подлежитъ ли церковь какому сомнѣнію за принятіе еретиковъ и сподобленіе ихъ святыни?—Не подлежитъ; ибо дѣйствуетъ по слову Спасителя, который говоритъ: „грядущаго ко Мнѣ не изжену вонъ“; не нужно забывать, что сопричисляетъ къ своимъ чадамъ она только тѣхъ еретиковъ, которые оставляютъ свои за-

---

[1]) Ibidem, 334—337.
[2]) Ibidem, 337—344.
[3]) Ibidem, 344—350.
[4]) Ibidem, 350—359.

блужденія. Не подлежитъ она сомнѣнію и за то, что сподобляетъ крупицы благодатныхъ даровъ обращающихся къ ней иновѣрцевъ,— допускаетъ ихъ въ храмъ, даетъ цѣловать крестъ и т. п. Такъ дѣлала и первенствующая церковь, начиная съ самого Христа и апостоловъ Его. Соборныя правила, ограничивающія такія дѣйствія, должны быть принимаемы не по буквѣ, но по духу. Церковь говоритъ въ присутствіи иновѣрцевъ: „миръ всѣмъ“ и если будетъ кто изъ нихъ сынъ мира, почіетъ на немъ миръ, если же нѣтъ, то возвратится къ благословляющему[1]).

13) Справедливо ли новыя книги порицаютъ стоглавый соборъ и присутствовавшихъ на немъ учителей церкви, между тѣмъ какъ митр. Платонъ постановленіе его объ исправленіи церковныхъ книгъ называетъ справедливымъ?—Митр. Платонъ справедливо находитъ въ ряду ложныхъ, ошибочныхъ постановленій стоглаваго собора и нѣчто истинное, правильное: и въ евангеліи есть ложь, изреченная врагами Спасителя, но на этомъ основаніи нельзя отрицать все евангеліе. Стоглавый соборъ совершенно справедливо говоритъ о существовавшей въ его время порчѣ и необходимости исправленія церковныхъ книгъ; но участниковъ его не должно называть учителями церкви: это невѣжды, утверждавшіе суевѣріе, и противники церковнаго преданія православія; поэтому опорочили ихъ постановленія новыя книги законно и праведно[2]).

14) Справедливо ли въ „*Обличеніи*“ опорочена Кириллова книга, названная угодной одному дьяволу?—Такъ называемая Кириллова книга не принадлежитъ св. Кириллу Іерусалимскому: только одно пятнадцатое огласительное поученіе его помѣщено въ ней, да и то въ неправильномъ переводѣ и съ ошибочнымъ толкованіемъ, все же остальное содержаніе, къ тому же наполненное ошибками, Кириллу не принадлежитъ. Авторъ „*Обличенія*“ заподозриваетъ злой умыселъ въ названіи этого сборника „Кирилловымъ“ для обмана простыхъ людей и потому высказываетъ свое жёсткое сужденіе не о самой книгѣ, впрочемъ, а только о составителѣ ея[3]).

15) Почему въ новыхъ книгахъ исключены двѣ службы мученикамъ Антонію, Іоанну и Евстафію (14 апрѣля) и Евфросину псковскому (15 мая)?—Служба Евфросину, составленная на основа-

[1]) Ibidem, 359—368.
[2]) Ibidem, 368—374.
[3]) Ibidem, 374—388.

нiи житiя его, исполнена лжи, клеветы и ересей и заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя заблужденiя, а въ службѣ мученикамъ было нѣчто несходное съ ихъ страданiями; поэтому обѣ службы совершенно правильно въ новопечатныхъ минеяхъ исключены, чтобы въ молитвѣ не содержалось лжи и клеветы и чтобы чрезъ это и самая молитва не принимала вида Каиновой жертвы. Такое исключенiе не самовольно, но основано на правилахъ трулльскаго собора, который повелѣваетъ сжигать подложныя книги подъ именемъ житiй святыхъ[1]).

Покончивъ съ отвѣтами Сергiю, преосв. Никифоръ обращается къ разсмотрѣнiю вопроса о церкви Христовой и находитъ, что старообрядчество не можетъ быть признано истинной церковью, ибо ему недостаетъ для этого самыхъ существенныхъ условiй—единства, iерархiи и таинствъ. Нѣтъ единства, ибо расколъ распадается на множество сектъ; нѣтъ iерархiи, ибо нѣтъ епископовъ, а священники—бѣглецы, изверженные или запрещенные православными епископами; нѣтъ таинствъ, ибо нѣтъ iерархiи. Истинной церковью Христовой можно признать только греко-россiйскую, отъ которой не даромъ, конечно, и сами старообрядцы принимаютъ священство; но если эта церковь истинная, то она истинна во всемъ и нѣтъ въ ней порока. Поэтому преступны старообрядцы, изъ-за обрядности отдѣляющiеся отъ церкви: они „оцѣждаютъ пепелъ, и мыло, и хожденiе по-солонь, и пожираютъ вельблуды“, т. е. допускаютъ тягчайшiй грѣхъ—отдѣляются отъ тѣла Христова. Не вѣря всей церкви, они вѣрятъ стоглавому собору, хотя сами же признаютъ не всѣ его постановленiя правильными, какъ напр., постановленiе о празднованiи субботы; мало этого, зная изъ дѣяній этого собора, что церковныя книги того времени были попорчены, они тѣмъ не менѣе признаютъ ихъ совершеннѣйшими. „Что это: упорство, предразсудокъ, невѣжество, глупость? или все вмѣстѣ?..“ Но что бы то ни было, а изъ-за этого духовное состоянiе старообрядчества очень плачевно: они крещаются отъ рукъ недостойныхъ священниковъ, помазываются или подложнымъ или краденнымъ миромъ, принимаютъ разрѣшенiе грѣховъ отъ неимѣющихъ на то власти! „О сихъ азъ плачу,“—заканчиваетъ свое писанiе преосвященный словами пророка Iереміи,—„и очи мои изливаютъ воду, яко удалися

[1]) Ibidem, 383—394.

отъ мене утѣшаяй мя, возвращаяй души ваши: погибоша сынове мои, яко возможе врагъ.“ Единственная надежда его на благость Божію, которая избираетъ немощное міра для осуществленія дѣйствій Промысла[1]).

Получивъ отвѣты за подписью и скрѣпой владыки, Сергій немедленно разослалъ списки съ нихъ по всѣмъ иргизскимъ обителямъ и по важнѣйшимъ изъ поповскихъ общинъ въ Россіи. Эта разсылка довольно прозрачно обнаружила его тайную мысль и, какъ мы знаемъ уже, повлекла за собой отставку его отъ должности настоятеля. На годъ онъ стушевался со всѣми своими планами, скрывшись въ скромную келью рядовой братіи. Въ этотъ промежутокъ времени онъ съѣздилъ между прочимъ въ Астрахань, гдѣ неоднократно лично бесѣдовалъ съ преосв. Никифоромъ. Неизвѣстный авторъ присланной къ преосв. Іакову въ 1833 году оберъ-прокуроромъ синода, Нечаевымъ, „*Записки о древней плащаницѣ, хранящейся въ Астрахани*“, говоритъ, что „Никифоръ, видя предъ собой главу и наставника старообрядчества, увлеченъ былъ духомъ евангельской ревности поборника заблужденій побороть истиною православія и спасенія. Сверхъ другихъ предметовъ пренія, важный составляло перстное сложеніе. Въ семъ случаѣ ни глубокая ученость Никифора, ни его краснорѣчіе, ни самое рожденіе въ Греціи, долженствующее преклонять къ убѣжденію, потому что оно могло познакомить его ближе съ постановленіями древне-греческой церкви, нимало не убѣждали Сергія. Истину надлежало рѣшить древними памятниками и для сего употреблена была плащаница, хранящаяся въ астраханскомъ соборѣ, построеніе которой относится къ 1466 году. На ней сложеніе перстовъ благословляющей руки Спасителя изображено по правиламъ православной церкви. Это такъ подѣйствовало на Сергія, что онъ не только обратил-

1) Ibidem, 397—410. Отвѣтъ о св. мирѣ данъ былъ преосв. Никифоромъ не Сергію съ Прохоромъ, а новороссійскимъ старообрядцамъ въ 1785 г. (Лилеевъ, Опис. рук. Черниг. дух. сем., 113. Спб. 1880). „Отвѣты“ преосв. Никифора, по ходатайству предъ Синодомъ казанскаго архіерея Амвросія, были напечатаны въ первый разъ на средства частнаго лица—Бантышъ-Каменскаго. Любопытно, что Синодъ $^{3}/_{15}$ сентября 1796 года, „принявъ во вниманіе, что съ одной стороны въ книгахъ сихъ (т. е. въ различныхъ главахъ этой книги), при разсмотрѣніи оныхъ, не оказалось ничего противнаго св. церкви, а съ другой—онѣ, по содержанію своему, представляютъ достаточно доказательствъ всѣхъ заблужденій старообрядцевъ, а потому и для правовѣрнаго общества могутъ быть полезны“, велѣлъ тѣмъ не менѣе отпечатать ее лишь въ такомъ количествѣ, какъ этого пожелаетъ Бантышъ-Каменскій, а себѣ оставилъ лишь „установленное количество подносныхъ экземпляровъ“ (Собр. постан., по вѣд. св. Син., I, 749—750).

ся къ православной церкви нашей, но и запечатлѣлъ сіе своимъ увѣщаніемъ къ раскольникамъ въ книгѣ, имъ изданной, подъ названіемъ—„*Зеркало для старообрядцевъ*“. Достовѣрность сего происшествія засвидѣтельствуютъ и современники, и очевидцы“[1]). Что Сергій былъ у преосв. Никифора въ Астрахани, что онъ велъ съ нимъ пренія о вѣрѣ и осматривалъ плащаницу XV-го вѣка, о которой идетъ рѣчь здѣсь, все это, конечно, факты; но чтобы этотъ осмотръ обратилъ его въ православіе, это, кажется, только догадка автора „*Записки*“: съ православіемъ Сергій сблизился только на правахъ единовѣрія, значитъ, обрядовой стороны онъ ему не уступилъ.

Вернувшись въ началѣ 1793 года ко власти, онъ въ первое время твердой рукой повелъ дѣло упорядоченія монастыря, разграбленнаго при Кириллѣ, такъ что черезъ два года возстановилъ свою обитель въ ея прежнемъ видѣ. Монахамъ его ферула была тяжела и многіе изъ нихъ отлучились на Уралъ и на Донъ, покинувъ обитель. Возстановивъ къ 1795 году порядокъ внутри монастыря, Сергій опять принялся за пропаганду единовѣрія. На Иргизѣ вотъ какъ объяснили его упрямство въ этомъ дѣлѣ: „Огражденъ отовсюду благополучіемъ, отступникъ Сергій вознесся сердцемъ, якоже древній Фараонъ и Навуходоносоръ, оставя Божію помощь.... Возгордѣвся, нача приписывати себѣ славу человѣческую, а не Богу, устрояющему и управляющему намъ въ полезное.... нача лишатися соборнаго съ братіями въ церкви пѣнія, а прилежати новыхъ какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ книгъ чтенію. И отъ первыхъ истребися отъ него благочестіе, а отъ вторыхъ насадися въ немъ растлѣнное житіе; и, забывъ страхъ Божій и будущее отъ Бога вѣчное мученіе, обратилъ себя на растлѣнное житіе пищею и питіемъ и со иновѣрными безъ всякой нужды сообщеніемъ; также объятъ бысть не мало тѣлесными страстьми, о нихъ же стыдъ есть и писанію предати. И просто рещи, весь себе уготовалъ вмѣстилище и сосудъ самому діаволу, пустъ благочестія и пометенъ отъ добрыхъ дѣлъ“[2]). Это объясненіе, такъ сказать, психологическаго характера, но не обошлось, разумѣется, дѣло и безъ

[1]) Архивъ канц. сар. губерн., связ. 16, № 65, 1—2. Преосвящ. Іаковъ передалъ *Записку* губернатору Переверзеву для пересылки въ Иргизскіе монастыри копіи съ нея.

[2]) Библ. А. И. Хлудова, № 293, 9—10.

метафизики,—въ видѣ наставника къ Сергію приставили... дьявола: „Искони же ненавидяй добра діаволъ... паки возстаетъ на св. церковь, паки воздвизаетъ на ню бурю смущенія и раздора, паки поколебати тщится отъ православія основанія ея, не терпя ей быти въ мирѣ и тишинѣ“[1]). Но, оставляя въ сторонѣ метафизику подобнаго сорта, нужно сказать, что Сергій вмѣстѣ съ Злобинымъ нашли теперь себѣ союзниковъ въ лицѣ вольскихъ купцовъ Василія Епифанова, Петра Сапожникова и Петра Волковойнова, брата Злобиной, хотя, по характерному замѣчанію А. Я., „сей Исакъ и такъ и сякъ“; примкнули къ нимъ и другіе менѣе значительные вольскіе граждане. Видя вокругъ себя союзниковъ, Сергій уже съ большей откровенностью сталъ выражать свои намѣренія. Это надѣлало много шума: „Видяще въ немъ отцы духовное разстройство, убоящася, да не како въ зрѣлую пшеницу его плевелы вмѣстятся и могутъ повредити препростыхъ душъ спасенію и отвести отъ праваго пути ко иному, его же не предаша отцы наши“. Особенно убоялись Прохоръ и Сергій сыртовскій и вдвоемъ придумывали мѣры удалить Сергія отъ настоятельства. При помощи Ивана Расторгуева и Злобиной это имъ, наконецъ, удалось: въ 1795 году они устроили въ Вольскѣ, въ домѣ В. А. Злобина, „полное собраніе иночества и гражданства“, на которомъ въ числѣ другихъ былъ и Федоръ Михайловъ Дуниловскій, прозванный „мѣшалкой“ съ того времени, какъ на кладбищѣ Рогожскомъ миро варили въ самоварѣ, а онъ ее длинной ссѣкой мѣшалъ, нарядясь въ стихарь,—въ 1778 г., на страстной недѣлѣ. Хозяинъ дома, въ качествѣ предсѣдателя собранія, обратился къ присутствующимъ съ вопросомъ: „угодно ли вамъ, отцы государи, чтобы начальникомъ былъ отецъ Сергій строитель?“ По наученью Злобиной и Вавилова, всѣ закричали: „неугоденъ, неугоденъ!“ На вопросъ Злобина, почему такъ и въ чемъ его вина, Прохоръ съ Сергіемъ сыртовскимъ громко закричали: „на что больше сего порока, какъ то, что отцы почти всѣ о немъ сумнились, о его сочиненіи: „*Разговоръ православнаго съ противнымъ*“ и о „*Вопросахъ*“, признавая его по всему, что онъ совсѣмъ отъ насъ отступаетъ, а похваляетъ во всемъ великороссійскую церковь и за благодатную ее почитаетъ?... Сей порокъ важнѣе всякаго порока... Мы всѣ въ томъ ему несогласны“. Сергій пустился было разсуждать:

[1]) Ibidem, 10.

„когда такъ, что великороссійская церковь благодати въ себѣ не имѣетъ, то наши попы, бѣжавшіе тайно отъ своихъ церквей, безъ воли своихъ архіереовъ, въ хиротоніи благодать и даръ Св. Духа гдѣ получили? У насъ ли или въ великороссійской церкви? И коею властью они вяжутъ и рѣшатъ: нашимъ ли къ нимъ наставленіемъ или архіерейскимъ благословеніемъ?“ Всѣ смолкли въ недоумѣніи. Но бѣглецъ-дьяконъ Игнатій нашелся: „отцы, не для чего съ нимъ много въ разговорахъ связываться. Вы сами часто про него говорите, что онъ изъ кривой дуги прямую оглоблю сдѣлаетъ, а изъ прямой оглобли кривую дугу согнетъ!“ Сергій сыртовскій поддержалъ: „правда такъ! и писаніе намъ запрещаетъ съ еретики прети, а онъ теперь становится горше всякаго еретика“[1]). Злобинъ сталъ уговаривать строителя: „отецъ Сергій, брось все, когда такая стала въ старцахъ молва и смущеніе!“ Сергій отвѣчалъ, что онъ хотѣлъ поработать надъ просвѣщеніемъ и соединеніемъ съ церковью собратіи, но если такъ, то умываетъ руки. Злобинъ остался доволенъ отвѣтомъ и положилъ ему отъ себя на годъ триста рублей пенсіи[2]). Послѣднія слова этого разсказа Феофилактъ передаетъ въ иномъ нѣсколько видѣ: по отрѣшеніи отъ должности настоятеля, Сергій „вопрошенъ бысть отъ всего отечества и гражданства, согласно ли онъ съ св. отцами мудрствуетъ и учитъ, и во всемъ ли послѣдуетъ ученію и преданію св. церквей, на Иргизѣ построенныхъ? На сіе онъ съ клятвой отвѣчалъ и рукоприкладствомъ утвердилъ, что при ученіи иргизскихъ церквей спасеніе получить несомнѣнно вѣруетъ, и животъ свой скончати при нихъ обѣщалъ“[3]). Въ дѣйствительности оно такъ и должно быть: не видя поддержки со стороны Злобина, Сергію въ этотъ рѣшительный моментъ ничего больше не оставалось, какъ пуститься въ дипломатію; разомъ показать свои планы и не идти ни на какія уступки—это значило бы испортить все дѣло безтактнымъ упорствомъ: гораздо выгоднѣе и

[1]) Сергій сыртовскій—основатель Сергіевскаго скита на Уралѣ. Происходилъ изъ купеческаго званія, родился въ Москвѣ, въ 1739 году, назывался въ міру Семеномъ. Монашество принялъ съ именемъ Сергія въ Верхнемъ иргизскомъ скитѣ, гдѣ и жилъ до 1793 года, а въ этомъ году ушелъ на Уралъ, въ холмистую мѣстность Общаго Сырта, гдѣ и основалъ особый скитъ, получившій свое названіе отъ имени основателя. Умеръ въ званіи настоятеля въ 1817 году (Витевскій, Раск. Урал. войска, 23, 24, 29). Есть извѣстіе, что при уходѣ съ Иргиза Сергій „взялъ на часть себѣ изъ монастырской казны денегъ“, при помощи которыхъ и завелъ потомъ скитъ (Сарат. Истор. Арх., Картонъ А, № LXI.

[2]) Имп. Публ. библ., Q, I, № 742, 26—29; библ. А. И. Хлудова, № 293, 11.

[3]) Библ.: А. И. Хлудова, № 293, 12.

удобнѣе было хлопотать объ единовѣріи въ качествѣ настоятеля, чѣмъ рядового инока.

Но уступчивость Сергія не возвратила ему настоятельства: на его мѣсто избранъ былъ солдатъ астраханскаго батальона, по иночеству Исаакій, человѣкъ совершенно безграмотный и притомъ глухой. Этимъ избраніемъ и закончилось собраніе. Сергій рѣшительно не понималъ, какую роль играетъ его патронъ Злобинъ во всей этой исторіи. На другой же день онъ отправился къ нему съ требованіемъ прямого отвѣта: „согласенъ ли ты принять благословенныхъ священниковъ или состоять при бѣглыхъ попахъ?“ Василій Алексѣевичъ отвѣчалъ крайне уклончиво, что объ этомъ излишне и спрашивать, такъ какъ неоднократно уже шли у нихъ на подобныя темы длинные разговоры; совѣтовалъ не торопиться, дѣйствовать осторожно и прежде всего ѣхать зимой въ Петербургъ и тамъ хлопотать о благословенномъ священствѣ, а самъ обѣщалъ здѣсь подготовить къ тому времени почву. Сергій повѣрилъ и успокоился[1]). Память объ этомъ собраніи сохранилась въ одномъ стихотвореніи, изъ котораго привожу небольшую выдержку:

„...Восклицаютъ Богу вси
Преусердные отцы:
Насмѣялся врагъ-злодѣй,
Онъ игумена смутилъ,
Ему сѣти предложилъ,
И усердіе навелъ
Поставлятися въ попы.
Соѣзжалися отцы,
Стали правило читать,
Хиротонью отлагать,
Ни въ чемъ воли не давать,
Въ Москву стали писать,
Во смиренье отдавать,
Его въ совѣсть приводить.
Сталъ прощенія просить:
„Вы простите мя, отцы,
Искушеніе пришло!“[2])

Итакъ на вольскомъ собраніи „всего иночества и гражданства“ Сергій, дипломатіи ради, отрекся отъ задуманнаго было имъ новшества, сваливъ всю вину на „врага-злодѣя.“ Но счастье какъ будто рѣшительно отвернулось теперь отъ своего многолѣтняго баловня и

1) Имп. Публ. библ., № 742, 30.
2) „Рус. Арх.“, 1864, 99—100.

вся дипломатія Сергія распалась сама собой. „Не прошло и десяти дней послѣ собранія“—говоритъ Феофилактъ—„какъ изобличилась неправедная клятва его, якоже Арія треклятаго“: въ Воскресенскомъ монастырѣ получена была случайно тетрадь, въ которой Сергій утверждалъ, что двуперстное сложеніе принято не отъ Христа, не отъ апостоловъ и не отъ св. отецъ, но гораздо позже, отъ еретиковъ моноѳелитовъ, тогда какъ троеперстіе предано церкви отъ начала, отъ самихъ апостоловъ. Въ видѣ доказательства онъ ссылается на знаменитаго учителя римской церкви,—„отступившей отъ православія“, ядовито замѣчаетъ Феофилактъ,—нѣкоего Лацыя, бывшаго въ 1192 году. Эта тетрадь Сергія, по словамъ нашего автора, „и донынѣ хранится въ Воскресенскомъ монастырѣ у настоятеля Прохора“. Вѣсть о новомъ, безусловно еретическомъ произведеніи пера Сергіева быстро разнеслась по Иргизу: „увѣдавъ сіе его злокозненное коварство, отцы наиболѣе сташа о благочестіи крѣпцѣ и охрабришася ревностію зельною, и возблагодарипа Бога за избавленіе ихъ отъ такого душепагубнаго волка, который обѣщался остаться въ православіи не иного чего ради, но побѣжденъ будучи любоначалія недугомъ, желая принять паки прежнюю свою настоятельскую власть“.

Видя, что предательская бумага попала въ руки Прохора, и замѣчая, что отцы „стали себя опасно отъ него предостерегать, въ подобіе рещи, яко отъ льва рыкающаго и волка поядающаго и, единымъ словомъ сказать, аки пса бѣсноватаго бѣгаху и гнушахуся имъ“, Сергій рѣшился дѣйствовать прямѣе: онъ сталъ просить у отцовъ благословенія ѣхать въ Стародубскія слободы. Тѣ были, разумѣется, сильно смущены и удивлены такимъ намѣреніемъ. Два раза собирались они, въ среду и пятницу на первой недѣлѣ великаго поста, „и крѣпко и сильно истязоваху отъ него отвѣта“, по какой необходимости задумалъ онъ ѣхать въ слободы. Сергій же, „по обыкновенной своей привычкѣ сдѣлался отъ вина фряжскаго уменъ и пьянъ, отвѣчалъ жестоко: какая вамъ въ томъ надобность настоитъ? ѣду за своей нуждою“[1]). Такъ съ тѣмъ и уѣхалъ онъ, но не успѣлъ добраться до Вольска, какъ секретъ его поѣздки разоблачился. Вольскіе столпы благочестія сильно возмутились и встревожились его планомъ, который казался тѣмъ болѣе опаснымъ, что

[1]) Библ. А. И. Хлудова, № 293, 12—16.

въ союзѣ съ Сергіемъ, по признанію самого Феофилакта, были первые вольскіе граждане. П. М. Злобина не скрывала своего неудовольствія и когда Сергій явился къ ней на поклонъ, то публично, въ присутствіи вольскаго казначея, капитана Петра Кремлевскаго, землемѣра Дмитріева и расправнаго судьи Петра Есипова, сказала ему: „Слушай, отецъ Сергій! если ты поѣдешь въ Петербургъ для благословеннаго священства, такъ что во что ни станетъ, а я прикажу тебя доѣхать“...[1]). Сергій сильно смутился этой откровенностью, но все же тайкомъ уѣхалъ изъ Вольска въ Петербургъ. Пыталась ли Злобина привесть въ исполненіе свою угрозу и дѣйствительно ли разставила на дорогѣ изъ Вольска своихъ караульныхъ, которые должны были перехватить и убить Сергія,—неизвѣстно, но всего вѣрнѣе, что нѣтъ: о такихъ страхахъ разсказываетъ одинъ только псевдо-Сергій[2]), тогда какъ не только Феофилактъ, откровенность котораго можно, пожалуй, заподозрѣть, но и А. Я. не обмолвились на этотъ счетъ ни однимъ словомъ.

Въ Вольскѣ планы Сергія возмутили и заставили протестовать благочестивыхъ людей, на Иргизѣ—ими возмутились и люди и даже св. иконы: „при первомъ его, Сергія, заведеніи новшествъ многократно отъ очію иконы Тихвинской Божіей Матери и предвѣчнаго Младенца исходили слезы, которыя всѣми отцы видѣны быша“[3]). Но не видѣлъ этихъ слезъ Сергій. Онъ благополучно доѣхалъ до Петербурга и тамъ подалъ архіерею казанскому Амвросію, засѣдавшему въ то время въ Синодѣ, прошеніе, въ которомъ, называя себя строителемъ Успенскаго иргизскаго монастыря, ходатайствовалъ отъ имени всей своей братіи о назначеніи въ эту обитель православнаго священника на тѣхъ же условіяхъ, какъ даны таврическимъ старообрядцамъ. Амвросій съ радостью согласился. Подана была соотвѣтствующая просьба въ Синодъ и, благодаря содѣйствію митрополита Гавріила и Ал. Ив. Мусина-Пушкина, послѣдовала на нее желаемая резолюція. За хлопотами время летѣло очень быстро. Наконецъ, все было сдѣлано въ Петербургѣ и Сергій отправился въ Москву, куда прибылъ 30 августа 1796 года[4])

1) Имп. Публ. библ., № 742, 31.
2) Муравьевъ, Раск., обл. св. ист., 411; Макарій, Ист. раск., 362.
3) Библ. А. И. Хлудова, № 293, 17.
4) Имп. Публ. библ., № 742, 1. Ошибкой указанъ 1795 годъ, хотя всѣ безъ исключенія дальнѣйшія событія, слѣдовавшія непосредственно за даннымъ, помѣчены 1796 годомъ.

и остановился у своего стариннаго друга и благодѣтеля, купца Назара Степановича Голскова. Московскіе враги его рѣшили воспользоваться случаемъ и составили такого рода заговоръ: „лучше де намъ единаго такого отступника погубить, нежели многимъ отъ насъ погибнуть. Ибо онъ теперь великій въ нашемъ обществѣ сдѣлаетъ развратъ чрезъ то, что многіе, смотря на него, какъ на перваго церкви нашей учителя, и поборника, и строителя, отъ коего мы священниковъ и таинства и миръ получали, отъ насъ будутъ отступать; ибо мы его всѣ давно знаемъ, что онъ какъ прежде защищалъ нашу старообрядческую церковь отъ всѣхъ сектъ (о чемъ много его свидѣтельствуютъ сочиненія), такъ точно и нынѣ не будетъ ночей спать, а будетъ все противъ насъ писать и церковь нашу порочить, да ему же и всѣ наши обстоятельства извѣстны. Такъ изъ того и выйдетъ, что кто будетъ читать его сочиненія, тотъ можетъ соблазниться, и прельстится и отъ вѣры отступитъ, какъ и онъ самъ отступилъ. Въ такомъ случаѣ лучше намъ его какъ-нибудь поумнѣй и поискуснѣй живота лишить одного, нежели многихъ отступничествомъ погубить“. Руководителемъ былъ дьячковскій сынъ Дмитрій Федоровъ, „по старообрядческому прозвищу, гудокъ и кабацкій сутяга“; къ нему примкнули: Иванъ Сидоровъ Вошкинъ, Александръ Андреевъ Емельяновъ, Архипъ Петровъ, Ѳаддей Михайловъ, Борисъ Назаровъ и рыбникъ Иванъ Кузьминъ. Заговорщики составили на всякій случай нѣсколько плановъ: 1) „какъ пріѣдетъ въ Москву отступникъ Сергій, то какъ можно стараться гдѣ-нибудь его захватить и въ ротъ ему платокъ положить и къ буткѣ привесть, а бутошнику на табакъ подарить рублей сто и весть вонъ изъ Москвы, то все по нашему будетъ; 2) а если сего не случится, такъ поставить по разнымъ дорогамъ, не попадется ли гдѣ онъ поздно, то ошарашить его дубиною хорошенько или желѣзнымъ ломомъ, чтобъ поскорѣй небо увидѣлъ; 3) а всего бы лучше, чтобъ его какъ-нибудь заманить на кладбище; то въ разъ бы можно то же съ нимъ сдѣлать, что и съ Ильей попомъ.“ Съ этою цѣлью два раза посылали за нимъ Кузьмина; на другой день—старца Іосифа, а на третій пріѣзжалъ самъ Дмитрій Федоровъ съ товарищами, но Сергій поостерегся и не пошелъ. Видя неудачу, они приняли новую мѣру: „когда онъ будетъ выѣзжать изъ Москвы въ свое мѣсто, на Иргизъ, то на четырехъ дорогахъ поставить

караулъ: на коломенской, владимірской, троицкой и тульской. А когда паче чаянія и по семъ не удастся ничего съ нимъ сдѣлать, то подкупимъ кого надобно, чтобъ позволилъ взять его на съѣзжую, а въ съѣзжемъ домѣ будетъ намъ свободнѣе свою волю исполнить и съ нимъ одинъ конецъ учинить". 10-го сентября Сергій собрался уѣзжать и нанялъ себѣ до Саратова извозчика. Узнавъ объ этомъ, заговорщики отправились всѣ вмѣстѣ къ губернатору, Павлу Михайловичу Козлову, и „поклонились ему по-старообрядчески низенько;" а онъ „за ихъ поклонъ" послалъ съ ними своего человѣка къ квартальному 17 части, Сергію Веніаминову, смотрителю старообрядческаго кладбища, которому словесно чрезъ посланнаго приказывалъ удовлетворить просителей. Дорогой отъ нихъ сбѣжалъ Ал. Емельяновъ, „смѣтивъ, какая каша заваривается." Остальные пріѣхали одни къ квартальному, „которому такъ же по-старинному поклонились низенько, какъ и губернатору." Вечеромъ того же 10 сентября квартальный арестовалъ Сергія и отправилъ его въ съѣзжій домъ „подъ строгую и жестокую стражу, гдѣ и находился онъ трое сутокъ съ половиною во всякой опасности и отчаянности живота: ибо не допускаемо было до него ни одного человѣка". Выручалъ его одинъ пріятель только—Федоръ Пантелѣевъ: „каждый день, не жалѣя своего имущества, въ съѣзжемъ домѣ навѣщалъ и потребное ему къ пищѣ и питію тайно доставлялъ."

На Рогожскомъ вѣсть о поимкѣ Сергія произвела пріятное впечатлѣніе: „на другой день у старообрядцевъ было на кладбищѣ великое и долгое богомоліе съ радости, что строителя въ съѣзжій домъ посадили. Начальникъ же у нихъ на кладбищѣ, попъ попамъ, Алексѣй Федоровъ, всѣмъ къ нему приходящимъ говорилъ: молитесь, братцы, православные христіане! строитель Сергій отступникъ отъ насъ въ съѣзжемъ домѣ сидитъ; авось онъ лишится жизни. А если не лишится, то горе и стыдъ намъ будетъ затѣмъ, что, всѣ наши дѣла знавши, всѣмъ въ публику обнаружитъ." Ѳаддей Михайловъ, напившись чуть живъ пьянъ, громко кричалъ въ своей лапотной лавкѣ: „взяли—взяли! побѣдили—побѣдили! Дай Богъ много лѣтъ здравствовать нашему кладбищенскому хозяину Дмитрію Федоровичу! Ахъ, какъ онъ славно съ нами вмѣстѣ отступника строителя Сергія въ аманатъ заключилъ, откудова уже не можетъ выйти, а развѣ туда отправится, гдѣ ему дорога припасена!" Но, празднуя

побѣду, враги Сергія не забывали и дѣло дѣлать: во время трехдневнаго пребыванія на съѣзжей онъ неоднократно осматриванъ былъ „христіанами“, не имѣетъ ли при себѣ дѣйствительно высочайшаго повелѣнія относительно обращенія Иргиза въ единовѣріе. По словамъ Феофилакта, несмотря на всю тщательность обысковъ, такой бумаги при немъ найдено не было, а вмѣсто нея, на соблазнъ ревнителямъ благочестія, оказались „канты комедіантскіе, просто же сказать—пѣсни бѣсовскія, переписанныя имъ собственноручно“. На вопросъ, для какой цѣли держитъ онъ столь мало соотвѣтствующія его сану канты, Сергій, „улыскаяся лицемъ“, отвѣчалъ, что онъ ихъ скуки ради распѣваетъ[1]). Но шутки—шутками, а въ существѣ дѣла положеніе Сергія было совсѣмъ незавидное. Спасъ случай или, лучше, друзья. „Чрезъ кого то узнавъ о семъ происшествіи, полиціймейстеръ Павелъ Никитичъ Коверинъ прислалъ 13 сентября къ квартальному записку, чтобъ строителя къ нему въ скорости представилъ“. Веніаминовъ, конечно, струсилъ не на шутку. Онъ взялъ съ собой Сергія и поздно ночью повезъ прямо къ Козлову, спрашивая разрѣшенія, что дальше дѣлать. Козловъ осмотрѣлъ паспортъ Сергія, полюбопытствовалъ, откуда узналъ полиціймейстеръ о плѣнникѣ, и велѣлъ исполнить требованіе Коверина: „возьми теперь съ собой строителя и скажи полиціймейстеру, что я въ это не вступаюсь, а отдаю на его разсмотрѣніе“. На требованіе полиціймейстеромъ объясненій, квартальный доложилъ, что арестовалъ Сергія по приказанію губернатора, которому какіе-то старообрядцы донесли, что онъ „имѣетъ у себя нѣкоторыя фальшивыя бумаги и пачпортъ“. На другой день полиціймейстеръ вмѣстѣ съ квартальнымъ повезъ Сергія къ московскому главнокомандующему, Михаилу Михайловичу Измайлову. Тотъ принялъ ласково, узнавъ отъ полиціймейстера о приключеніи со строителемъ, и предложилъ ему подать жалобу. Сергій отказался: „я монахъ и долженъ во всемъ послѣдовать стопамъ Спасителя.. взять на себя крестъ Его..., а не въ бумажныя свѣтскія хлопоты входить“. Тогда Измайловъ предложилъ снабдить его для охраны во

1) Библ. А. И. Хлудова, № 293, 10. А. Я., напротивъ, совершенно справедливо утверждаетъ, что Сергій дѣйствительно имѣлъ въ рукахъ высочайшее повелѣніе, которое такъ старательно, но безуспѣшно отыскивали московскіе „христіане“: объ этомъ повелѣніи упоминается въ указѣ казанской консисторіи, отъ 16 сент. 1796 г. № 2.709, вольскому духовному правленію относительно обращенія къ единовѣрію Успенской обители. *Прим. авт.*

время пути командой. Тронутый такой милостью, Сергій просилъ дать ему провожатаго до Коломны или за Оку, гдѣ разсчитывалъ найти попутчиковъ. Измайловъ распорядился, чтобы была дана до Коломны команда изъ управы благочинія, а изъ Коломны до Оки чтобы проводилъ его тамошній городничій. Приказаніе было выполнено съ буквальной точностью: 16 сентября Сергій, подъ конвоемъ команды съ сержантомъ во главѣ, благополучно выѣхалъ изъ Москвы[1]), а 12 октября 1796 года пріѣхалъ въ Вольскъ и остановился тамъ на своемъ монастырскомъ подворьи, собираясь отправиться на Иргизъ. Передъ отъѣздомъ онъ зашелъ къ городскому головѣ Василію Епифанову, который поздравилъ его съ благополучнымъ пріѣздомъ и полученіемъ монаршей милости: „мы всѣ что ни лучшіе люди тому согласны, и тебя за сіе весьма благодаримъ; только надобно сіе такое богоугодное дѣло начинать какъ наивозможно поскромнѣе“. Въ дальнѣйшемъ разговорѣ Епифановъ просилъ Сергія не ѣздить пока въ монастырь, такъ какъ старцы, особенно казначей Гавріилъ и Мамонтъ, усердно просили предварительно увѣдомить ихъ о возвращеніи Сергія. Строитель согласился на это и голова послалъ въ монастырь съ письмомъ нарочнаго, Сергіева послушника Василія Петрова. Посланный 15 октября пріѣхалъ въ обитель и по пріѣздѣ отправился, по старой привычкѣ, къ священнику Андрею для того, чтобы очиститься, ибо въ пути и въ прочихъ мѣстахъ пивши и ѣвши осквернился, и взять у него прощеніе. Андрей разрѣшилъ его и благословилъ. Отъ него онъ пошелъ къ выбранному вновь, послѣ строителя, настоятелю Исаакію въ келью. Тотъ первымъ долгомъ обратился къ нему съ вопросомъ, взялъ ли онъ прощеніе у попа, и только послѣ утвердительнаго отвѣта поликовался съ нимъ. Послѣ такого же допроса ликовались съ нимъ казначей Гавріилъ и Мамонтъ. Собравшись послѣ часовъ въ келарнѣ, братія узнала о пріѣздѣ послушника, о взятіи имъ у попа обычнаго прощенія за сообщеніе съ иновѣрны-

[1]) Имп. Публ. библ., № 742, 1—15. У преосв. Макарія и Муравьева вся эта исторія представлена нѣсколько иначе. Чтобы судить, гдѣ правда, не лишнимъ считаю привесть слѣдующую справку: князь Прозоровскій уволенъ отъ должности московскаго главнокомандующаго въ апрѣлѣ 1795 года и 20 числа этого мѣсяца на его мѣсто пріѣхалъ Мих. Мих. Измайловъ („Моск. Вѣд.“, 1795 года, № 33, стр. 761). Далѣе, въ 1797 году московскимъ гражданскимъ губернаторомъ былъ Пав. Мих. Козловъ, а оберъ-полиціймейстеромъ—Пав. Ник. Коверинъ (Вочаровъ, Москва и москвичи, 70—90. Москва, 1881.

ми, о ликованіи съ настоятелемъ, казначеемъ и Мамонтомъ. Старики („которые всѣ волочаги, а настоящіе молчали", замѣчаетъ авторъ) закричали: „Охъ, какая бѣда! Осквернилисъ, осквернились, да и попа то замаралъ и опоганилъ! Что намъ теперь дѣлать? И сами не знаемъ! Кто насъ нынѣ отъ сего очиститъ?" Особенно ратовалъ схимникъ Іона. Собрались всѣ въ церковь, вывели попа на средину, поставили его на амвонъ противъ царскихъ дверей и стали кричать на него: „что ты, попъ, съ собою и съ нами надѣлалъ? Зачѣмъ ты и для чего Василью прощеніе говорилъ и рукою его благословлялъ? И самъ ты теперь замарался и насъ всѣхъ перемараешь!" Попъ только кланялся всѣмъ въ ноги и приговаривалъ: „простите меня, отцы святые и братія, что я это сдѣлалъ по своей глупости, ошибкою и по незнанію". Его заставили для очищенія всѣмъ старцамъ прощеніе читать, лежа на землѣ; также и старцы, поклонясь ему до земли, тоже читали. И старцы и попъ почли это за очищеніе и освященіе. Петрова отлучили отъ собранія своего, не приказали съ нимъ ни ѣсть, ни пить, ни вкупѣ Богу молиться. Кормить стали особо, изъ „мірской" посуды. Затѣмъ составили соборъ, на которомъ болѣе всѣхъ ратовалъ противъ Сергія Прохоръ Калмыковъ, доказывая, что у Сергія нѣтъ именного повелѣнія государыни и что онъ дѣйствуетъ своевольно. „Слушайте вы, старцы и бѣльцы,—говорилъ Прохоръ,—вотъ Сергій отступникъ ѣдетъ и кто ему будетъ согласенъ, или кто къ нему въ келью пойдетъ и его къ себѣ пуститъ, то какой бы тотъ человѣкъ ни былъ, старецъ или бѣбѣлецъ, хотя бы и настоящій лицевой (приписанный къ монастырю и по пятой ревизіи значившійся на лицо), то мы всячески постараемся до послѣдней полушки его изгнать и мѣста лишить, а которые сироты (бѣглые крестьяне, рекруты, ссыльные и т. п.), такъ всѣ тѣ останутся у насъ въ монастыряхъ при своихъ мѣстахъ". Собраніе постановило: не допускать Сергія въ монастырь не только къ начальствованію, но даже и на жительство[1]).

Съ 12 октября Сергій ждалъ отвѣта съ Иргиза до 21 числа, но вмѣсто отвѣта явились оттуда „самые первѣйшіе старцы, въ томъ числѣ и настоятели: изъ Средняго монастыря—настоятель Матѳей и старцы Мануилъ, Арсеній и Макарій; изъ Нижняго—настоятель Прохоръ, старецъ—Ѳеодоритъ; изъ Верхняго—казначей

1) Имп. Публ. библ., Q, I, № 742, 31—33.

Гавріилъ, старцы—Мамонтъ, Веніаминъ и Миронъ.“ Узнавъ объ этомъ, Сергій отправился къ головѣ, гдѣ встрѣтился съ Сапожниковымъ. Голова разсказалъ ему, что къ нему являлись пріѣхавшіе настоятели и старцы и просили на 22 октября сдѣлать собраніе, на которомъ желаютъ побесѣдовать съ Сергіемъ. Сергій согласился, но поставилъ условіемъ, чтобы „собраніе было порядочное“, т. е. 1) на аналой нужно положить крестъ и евангеліе; 2) поставить два стола для судей и собесѣдниковъ,—каждая сторона должна избрать судей; 3) заранѣе опредѣлить, кто, сколько человѣкъ и о чемъ будутъ говорить,—чтобы говорить не всѣмъ въ разъ, но по одиночкѣ; 4) въ случаѣ какихъ-либо сумнительствъ, спорящіе должны относиться за разъясненіями къ судьямъ и что они скажутъ, то и должны принимать за святое. Кромѣ того пригласить магистратскаго писаря, который записывалъ бы всѣ пренія. Какъ судьи, такъ и собесѣдники должны быть приведены предварительно къ присягѣ, что будутъ судить праведно и безпристрастно и спорить отъ св. писанія и церкви учителей, безъ всякаго пристрастія и натягательности. Темами для собесѣдованія были избраны: 1) „гдѣ находится святая соборная апостольская церковь и въ ней ли мы пребываемъ или въ другой какой? 2) для чего мы отлучились единства великороссійской церкви? 3) можно ли нынѣ намъ, старообрядцамъ, заимствовать отъ великороссійской церкви священство, съ воли монаршей и съ благословенія преосвященнаго архіерея?“ Собраніе состоялось 22-го, по утру, послѣ часовъ въ часовнѣ; на немъ присутствовало до двухсотъ человѣкъ, кромѣ старицъ и дѣвокъ, стоявшихъ на паперти и у оконъ „во множественномъ числѣ.“ Въ числѣ другихъ были и вольскіе старообрядческіе священники, Іаковъ Герасимовъ и Алексѣй Ѳедоровъ. Когда все было готово, голова послалъ экипажъ за Сергіемъ и Сергій не замедлилъ явиться. Но диспутъ „отъ божественнаго“ не состоялся. Прохоръ Калмыковъ съ прочими старцами заявилъ головѣ: „мы со отцомъ Сергіемъ отъ книгъ говорить не будемъ не только нынѣ, но никогда. Да нечего намъ съ нимъ и говорить! У насъ много и готоваго, имъ самимъ, Сергіемъ, написаннаго! мы болѣе ничего еще не требуемъ, а остаемся довольными на прежнемъ основаніи. Позвольте мнѣ, православные,—сказалъ Прохоръ,—прочесть сочиненіе самого отца Сергія.“ Позволеніе было дано и Прохоръ громко началъ читать „*Разговоръ старо-*

обрядца съ новообрядцемъ“. Слушатели остались очень довольны сочиненіемъ; тогда старцы, слышавши, что нѣкоторые изъ хорошихъ купцовъ строителя за сочиненіе весьма хвалятъ, начали говорить Прохору: „не забудь спросить его о великороссійской церкви, како онъ о ней разумѣетъ?“ Прохоръ обратился къ строителю: „Отецъ Сергій! заклинаемъ мы тебя живымъ Богомъ и всею святою живоначальною и нераздѣлимою Троицею, скажи намъ, какъ стать на страшное второе Христово пришествіе, какъ ты разумѣешь о великороссійской церкви и можно ли при ней спастися?“ Сергій отвѣчалъ, что онъ смотритъ на великороссійскую церковь такъ же, какъ въ свое время московскіе патріархи смотрѣли на греко-восточную: „кто при ней пребываетъ, живетъ добродѣтельно, исполняя словомъ и дѣломъ всѣ Христовы заповѣди съ прочими апостольскими и святоотеческими преданіи, о спасеніи таковаго, какъ святѣйшіе патріархи разумѣли и почитали несумнѣннымъ, такъ и я долженъ почитать.“ По просьбѣ старцевъ прочитаны были Сапожниковымъ присланныя съ Сергіемъ отъ архіерея бумаги: 1) копія съ отношенія преосвящ. Амвросія казанскаго къ саратовскому губернатору; 2) указъ казанской консисторіи, присланный Сергію съ братіей, и 3) печатная табель и форма[1]). Послѣдняя особенно возмутила старцевъ: Прохоръ, поднявъ вверхъ правую руку, громко сталъ говорить: „слушайте, православные, слушайте и понимайте всѣ!... Сергій строитель совершенно отъ благочестія отступилъ, потому что согласенъ Бога молить за царицу и за всю царскую фамилію о здравіи и называетъ ихъ въ моленіи благочестивыми и благовѣрными; также и молиться за упокой душъ усопшихъ изъ всей царской фамиліи; еще и за св. синодъ и епархіальнаго архіерея; такъ кто хочетъ ему быть согласенъ, пусть будетъ, а мы съ нимъ въ этомъ не согласны“. Расторгуевъ, тоже поднявъ правую руку, громко закричалъ: „мы сему, братцы, не согласны“; за нимъ и прочіе многіе кричали: „не согласны, не согласны“, а особенно кричали за стѣнами и въ часовнѣ стоящія старицы, дѣвки, бабы: „и мы всѣ не согласны, не согласны!“ Начался страшный шумъ и крикъ. Голова велѣлъ замолчать и Сергій взошелъ на амвонъ. Расторгуевъ еще разъ заявилъ ему: „не хотимъ мы всѣ и не

[1]) Засвидѣтельствованныя копіи съ этихъ бумагъ имѣются въ Сар. Ист. Архивѣ. *Прим. авт.*

согласны благочестивой и благовѣрной царицу въ молитвѣ называть, а державной, также и всю ихъ царскую фамилію. Эхъ, отецъ Сергій! Богъ тебѣ будетъ судья! Какъ ты всѣхъ возмутилъ, чего мы отъ тебя и не чаяли, и сколько ты слезъ проливаешь! У насъ были старики и прежде васъ, а особливо у меня былъ батюшка, не хуже тебя и не менѣе твоего зналъ, а такъ молиться за царей и за синодъ не толковалъ". Сергій началъ исторически, на основаніи отеческихъ писаній, доказывать, что можно безъ всякаго сомнѣнія именовать въ моленіяхъ царицу благочестивой и благовѣрной.... Въ это время въ собраніе вошли: премьеръ-маіоръ Яковлевъ, капитанъ Кремлевскій, вольскій уѣздный казначей Деревягинъ, вольскій стряпчій и благочинный прот. Михаилъ Савинъ. Старцы стихли. Опасаясь, какъ бы спорящіе не стали и при этихъ свидѣтеляхъ „по прежнему завираться о царицѣ и царской фамиліи", голова велѣлъ бургомистру Климову, другу и наушнику Злобиной, попросить нежданныхъ гостей о выходѣ. За ихъ выходомъ начался усиленный крикъ: „отступилъ, отступилъ отецъ Сергій; мы ему не согласны, не согласны!" а всему крику и раздору виной былъ настоятель Прохоръ да Иванъ Расторгуевъ. Напрасно Сергій убѣждалъ ихъ „святую церковь не раздирать и утробу ея не терзать". Прохоръ отвѣчалъ: „Ты самъ, отецъ Сергій, прежде сего много писывалъ, и говаривалъ, и насъ училъ, чтобъ великороссійской церкви удаляться и никакого общенія съ нею не имѣть: и мы все твое прежнее писаніе нынѣ пріемлемъ за законъ, и на немъ утверждаемся, и болѣе ничего не требуемъ". Начался снова шумъ, окончившійся ссорой вожаковъ раскола: Расторгуева съ Сапожниковымъ и городскимъ головой. Собраніе кончилось ничѣмъ: „и разыдошася кійждо во свояси". Феофилактъ прибавляетъ, что нѣкоторые изъ присутствовавшихъ на собраніи христіанъ, „зѣло возревновавше о благочестіи, толикую подвигшеся Сергію честь воздати, изъ часовни еже бы за власы терзаніе и по тѣлу его метлами біеніе, аще бы не поддержала сильная рука согласниковъ его, купцовъ вольскихъ"[1]).

Два дня спустя послѣ этого собранія, 25 октября, Сергій явился въ вольскій нижній земскій судъ и обратился къ исправнику Петру Львовичу Безобразову съ просьбой дать ему провожатыхъ до

1) Библ. А. И. Хлудова, № 293, 20—21.

монастыря, кромѣ данныхъ губернаторомъ двоихъ казаковъ. Исправникъ не совѣтовалъ ему ѣхать на Иргизъ, въ виду того, что старцы (Средняго—настоятель Матѳей Калмыкъ, Нижняго—Прохоръ, Верхняго—казначей Гавріилъ Бѣловъ и Лавръ) подали въ судъ прошеніе, въ которомъ заявляли, что „всѣ старцы съ тобой ко благословенному священству не согласны“ и не желаютъ не только строителемъ имѣть, но и на жительствѣ въ монастырѣ видѣть. Сергій протестовалъ: „Самые лучшіе старцы и бѣльцы, которые лицевые, всѣ тому согласны; а не согласны только тѣ, которые бѣглецы и волочаги“. Исправникъ объявилъ старцамъ, что въ виду указа изъ намѣстническаго правленія и предложенія отъ губернатора, въ коихъ предписывается дѣлать Сергію во всемъ вспоможеніе и покровительство, онъ не можетъ запретить ему ѣхать въ свою обитель. Впрочемъ, онъ запретилъ ему входить въ какія-либо дѣла по обители впредь до полученія распоряженій. Сергій просилъ разрѣшенія произвесть опись монастырскаго имущества, такъ какъ, по слухамъ, оно подвергалось усиленному разграбленію, и получилъ на это согласіе: съ нимъ былъ посланъ дворянскій засѣдатель Андрей Никитичъ Никифоровъ и регистраторъ Семенъ Петровичъ Уфимцовъ, которые должны были подписать опись и представить копію съ нея въ судъ. Сергій 28 октября пріѣхалъ на Иргизъ. Вечеромъ пришли къ нему нѣсколько человѣкъ его сторонниковъ и разсказали, что творилось въ монастырѣ безъ него. Свѣдѣнія оказались неутѣшительными. Изъ церковныхъ вещей распропало мало, но изъ монастырскихъ—очень много: холста, сукна, юфти, овчинъ, желѣза и стали раскрадено было слишкомъ на 2.000 рублей. Вопреки прямому приказанію исправника, Никифоровъ съ Уфимцовымъ отказались дѣлать опись и, получивъ за это приличную мзду, уѣхали изъ монастыря. Сергій остался въ самомъ затруднительномъ положеніи: ни въ церковь ни въ келарню его не допускали, братской пищи не давали; питала его родная сестра, инокиня Александра, которая и сама терпѣла всякія гоненія и притѣсненія. Такъ шло дѣло съ 28 октября до 23 декабря, когда пріѣхалъ въ монастырь исправникъ съ указомъ намѣстническаго правленія, который и былъ прочитанъ публично братіи. Указомъ запрещалось входить съ жалобами въ земскій судъ, намѣстническое или губернаторское правленіе; указывался одинъ путь—къ епархіальному архіерею. Исправ-

никъ разрѣшилъ Сергію ходить въ церковь, келарню и по келіямъ браліи. Но, по отъѣздѣ исправника, братія не пустила Сергія въ церковь: изъ обѣихъ церквей вынесли въ келарню книги, ризы, стихари, подсвѣчники, свѣчи, подручники и т. п., а самыя церкви заперли; сами служить не пошли и строителя не допустили. Такимъ образомъ Сергій не могъ даже принять присягу Павлу I. Онъ отправился съ жалобой въ вольскій земскій судъ и къ губернатору. Но въ Вольскѣ встрѣтился съ мѣстнымъ купцомъ и бургомистромъ Климовымъ, которому и разсказалъ все положеніе дѣлъ, не скрывая и намѣренія подать жалобу губернатору. Климовъ, „яко лиса куря обманывая“, просилъ подождать пріѣзда изъ Астрахани Злобина, который скорѣе и проще уладитъ все дѣло. Сергій побаивался, что Злобинъ не пойдетъ противъ жены, которая вслухъ говорила: „во что ни станетъ, а я мужа своего перекóчкаю и Сергіево дѣло уничтожимъ. Мнѣ есть чѣмъ! Такъ не такъ, у меня и кокошникъ въ 40.000 полетитъ; я и его по боку задѣну“; но не рѣшился оказать Злобину явное невниманіе и ждалъ его съ 27 декабря до 12 февраля. Злобинъ принялъ его очень любезно и благодарилъ за выхлопотанное имъ дѣло,—„намъ нигдѣ глазъ нельзя было показать съ своими бездѣльниками попами“, говорилъ онъ,—обѣщался помочь и всю дрянь изъ монастыря разогнать.

Между тѣмъ во вторникъ на первой недѣлѣ великаго поста, 16 февраля, пріѣхалъ изъ Петербурга по особому высочайшему повелѣнію владимірскій губернаторъ, Павелъ Степановичъ Руничь, и остановился въ домѣ Злобина. Въ четвергъ, 18 числа, онъ отправился въ Нижній монастырь и прочелъ въ церкви старцамъ и бѣльцамъ данный ему государемъ рескриптъ, съ котораго копію, писанную имъ собственноручно, передалъ настоятелю Прохору. Иноки воспользовались удобнымъ случаемъ и подали Руничу жалобу на Сергія, что онъ чинитъ имъ притѣсненіе въ духовныхъ дѣлахъ. Въ отвѣтъ они получили завѣреніе, что все пойдетъ по старому и Сергій ничего не сдѣлаетъ. Затѣмъ Руничъ выдалъ на три мужскихъ и на два женскихъ иргизскихъ монастыря по 50 рублей, вольскимъ купцамъ на часовню, „по ихъ сиротству“, тоже 50 рублей ассигнаціями; да еще сто рублей золотомъ послалъ „на Узени, въ Камышъ—Самару трудникамъ, которые больше живали по землянкамъ“ и возвратился въ Вольскъ. Сергій 19 февраля хотѣлъ было побесѣдо-

вать съ Руничемъ, пожаловаться ему на противодѣйствіе, какъ онъ выражается, „сволочи монастырской“ высочайшему повелѣнію о присоединеніи къ единовѣрію, но Злобинъ отговорилъ его, опасаясь, будтобы, что, пожалуй, не останется отъ монастыря и камня на камнѣ, да и имъ „по сосѣдству“ достанется. По отъѣздѣ Рунича, Злобинъ совѣтовалъ Сергію ѣхать къ Пасхѣ въ Москву, гдѣ будетъ государь со всѣмъ сенатомъ и синодомъ: „Тамъ ты по духовнымъ дѣламъ, а я по свѣтскимъ хлопотать будемъ и, быть можетъ, все устроимъ“. Потомъ вскорѣ онъ призвалъ настоятелей изъ всѣхъ монастырей и казначея изъ Успенскаго, келейно побесѣдовалъ съ ними, приказалъ выдать Сергію на поѣздку сто рублей монастырскихъ денегъ и распустилъ всѣхъ по домамъ. По пріѣздѣ Сергія въ обитель, слишкомъ 20 человѣкъ старцевъ и бѣльцовъ дали ему письменную довѣренность просить у епархіальнаго архіерея къ себѣ въ обитель іеромонаховъ и іеродіаконовъ, сколько заблагоразсудится его преосвященству. На второй недѣлѣ Сергій отправился въ путь. Въ Вольскѣ Епифановъ и Сапожниковъ съ „немалымъ числомъ лучшихъ людей“ также дали ему просьбу къ Амвросію казанскому о благословенномъ священствѣ. Въ Саратовѣ онъ встрѣтился съ Злобинымъ и передалъ ему эту просьбу, а самъ отправился въ Москву и прибылъ туда десятью днями раньше Злобина. Этимъ временемъ онъ воспользовался, какъ нельзя лучше: подалъ въ синодъ надлежащее прошеніе и добился чрезъ содѣйствіе Амвросія казанскаго, чтобы Гавріилъ петербургскій послалъ указъ въ тихвинскій монастырь къ архимандриту Герасиму съ требованіемъ отправить іеромонаха Сергія и іеродіаконовъ Иринея и Мельхиседека въ Верхне-Успенскій иргизскій монастырь, снабдивъ ихъ нужными паспортами и аттестатами. Злобину Сергій, разумѣется, разсказалъ все дѣло; тотъ благодарилъ его, а затѣмъ, увидясь съ Гавріиломъ и Амвросіемъ, обѣщался ввесть Сергія съ благословенными священниками въ обитель „безъ всякаго съ обѣихъ сторонъ огорченія.“ Это была ложь. Еще за нѣсколько дней до этого Злобинъ пригласилъ къ себѣ московскихъ купцовъ А. А. Емельянова и Д. Ф. Гудка и съ ними вмѣстѣ рѣшилъ, что на Иргизѣ благословеннаго священства быть не должно. Въ виду такого постановленія эти купцы и явились затѣмъ къ Гавріилу въ Новоспасскій монастырь съ заявленіемъ, что отправленныхъ на Иргизъ, по просьбѣ строителя Сергія, поповъ не

примутъ. Затѣмъ Злобинъ будто бы не успѣлъ подать Амвросію прошеніе о благословенномъ священствѣ для Вольска и отдалъ его Сергію, чтобы тотъ подалъ въ Казани, куда уѣхалъ Амвросій. Вмѣстѣ съ тихвинскими монахами Сергій отправился въ Казань и подалъ Амвросію переданную Злобинымъ просьбу. Амвросій былъ радъ и немедленно написалъ къ тамбовскому епископу Феофилу письмо о вольскихъ бѣглыхъ попахъ Іаковѣ и Алексѣѣ. Между тѣмъ Злобинъ, подъ вліяніемъ жены, которая и слышать не хотѣла о благословенномъ священствѣ, отправилъ письмо къ Амвросію, сообщая, что по пріѣздѣ изъ Москвы „нашелъ Успенскую обитель всю разстроенною," строителя съ благословеннымъ священствомъ принимать иноки не желаютъ и даже окружныя селенія озлоблены. Письмо разсчитано было на то, чтобы испугать Амвросія и заставить его временно удержать Сергія съ монахами; но оно опоздало: 23 іюня Сергій прибылъ въ Вольскъ и явился къ Злобину, который опять-таки сдѣлалъ видъ, что онъ очень доволенъ. Но въ тоже время посланъ былъ въ монастырь нарочный съ приказомъ стоять крѣпко и ни подъ какимъ видомъ въ обитель благословенныхъ священниковъ со строителемъ не принимать. Нѣсколько позже уже оффиціально былъ отправленъ туда вольскій купецъ Алексѣй Поповъ съ письменнымъ запросомъ: есть ли согласные со строителемъ? Онъ привезъ отвѣтъ, что такихъ нѣтъ (всѣхъ согласныхъ со строителемъ—человѣкъ до двадцати—изъ монастыря выгнали). Между тѣмъ въ Вольскъ явились четверо выгнанныхъ старцевъ съ жалобой къ Злобину, котораго считали православнымъ. Онъ сбросилъ теперь личину и сказалъ Сергію: „дѣлайте, отецъ Сергій, что хотите; когда въ обители согласныхъ нѣтъ, то и намъ дѣла нѣтъ". Строитель нашелся сказать только одно: „этого отвѣта я отъ васъ ждалъ уже слишкомъ десять лѣтъ"[1]). Теперь вся надежда была на губернатора, Василія Сергѣевича Ланского. Къ нему и обратился Сергій съ просьбой объ оказаніи содѣйствія, говоря, что многіе согласны на единовѣріе, но опасаются нынѣшняго монастырскаго начальства. Ланской зналъ раньше уже всю исторію хлопотъ Сергія объ единовѣріи и потому удовлетворилъ его просьбу, отправивъ въ монастырь вмѣстѣ съ

[1]) Этимъ выраженіемъ Сергій, кажется, хотѣлъ сказать только то, что онъ давно уже началъ сомнѣваться въ Злобинѣ; видѣть здѣсь точное обозначеніе времени, съ котораго Сергій началъ хлопотать объ единовѣріи, конечно, нельзя: до 90-хъ годовъ Злобинъ ревностно стоялъ за расколъ.

нимъ совѣтника губернскаго правленія, полковника Александра Васильевича Иванчина, который и выѣхалъ 10-го іюля. Никакой пользы отъ Иванчина не вышло. Иноки устроили ему торжественную встрѣчу „съ хлѣбомъ, съ солью и съ лицеземнымъ поклоненіемъ". Келія Сергія была заперта. Строитель Исаакій отказался отпереть ее и повелъ Иванчина въ особо приготовленное для него помѣщеніе. Переговоры шли долго; на убѣжденія губернаторскаго посланца братія отвѣчала ему: „мы ни указа, ни архіерея, ни всего синода не слушаемъ, ибо мы не старцы, а мужики: мы платимъ подушныя, дворцовыя, рекрутскія и прочія всѣ государственныя тягости, признавать великороссійскую церковь за православную и молиться за царскую фамилію, синодъ и епархіальнаго архіерея—не согласны, ибо всѣ они еретики". Въ заключеніе всего Иванчинъ порекомендовалъ Сергію съ его попами уходить вонъ изъ монастыря. Такое „содѣйствіе" объясняется очень просто: проѣздомъ чрезъ Вольскъ Иванчинъ побывалъ уже у Злобина и потому поддерживать Сергія былъ вовсе не расположенъ. Сергій съ привезенными изъ тихвинскаго монастыря иноками, пробывъ въ обители только $9^1/_2$ часовъ, вынужденъ былъ выѣхать обратно въ Вольскъ, откуда 18 іюля монахи отправились въ Казань[1]). Раздосадованный неудачей, Сергій, по словамъ Феофилакта, задумалъ выместить зло свое на монастырь слѣдующимъ путемъ: онъ подалъ прошеніе въ саратовское губернское правленіе, прописывая, что монастырь долженъ ему деньгами триста рублей, да еще за кельи, построенныя на собственныя его деньги, слѣдуетъ получить 650 рублей. По наведеннымъ справкамъ оказалось, что за монастыремъ такого долга никогда не было. Опасаясь за ложное показаніе законнаго отвѣта, Сергій вынужденъ былъ просить братію все это предать забвенію и подалъ мирную челобитную въ вольскій нижній земскій судъ о

1) Имп. Публ. библ., Q, I, № 742, 16—59. Преосв. Макарій (Ист. раск., 364) разсказываетъ совсѣмъ иначе объ этомъ послѣднемъ пребываніи Сергія въ Успенскомъ монастырѣ. Неправдоподобность этого разсказа становится вполнѣ очевидной, если хоть сколько-нибудь внимательнѣе вникнуть въ обстоятельства дѣла. А. Я. опредѣленно говоритъ, что настоятель Исаакій не допустилъ Сергія въ настоятельскую келью и потому послѣдній вмѣстѣ съ своими іеромонахами пробылъ въ обители всего $9^1/_2$ часовъ. Когда, въ теченіи такого короткаго времени, могъ душать Сергія келарь съ двумя монахами, какъ могъ допустить это Иванчинъ и зачѣмъ выбирали иноки „на мѣсто Сергія" новаго настоятеля, когда это мѣсто гораздо раньше замѣщено уже было Исаакіемъ,—все это неизвѣстно. Кромѣ того нужно замѣтить, что въ Верхнемъ монастырѣ не было ни одного настоятеля съ именемъ Прохора. *Прим. авт.*

невзысканіи съ монастыря тѣхъ денегъ, обязуясь подпискою въ монастырь ни подъ какимъ видомъ не входить, ни на жительство, ни на короткое время даже, и въ духовныя дѣла монастыря не вмѣшиваться[1]). Послѣ такого рода мировой сдѣлки Сергію нечего было дѣлать больше въ саратовскихъ предѣлахъ; оставалось одно только—уѣхать и уѣхать какъ можно скорѣе и какъ можно дальше отъ этихъ мѣстъ, гдѣ такъ неожиданно разразилась надъ нимъ гроза, гдѣ прахомъ разлетѣлось начатое при столь благопріятныхъ условіяхъ дѣло. Сергій такъ и сдѣлалъ. Забравъ съ собой всѣхъ своихъ родственниковъ, онъ отправился въ Стародубье и тамъ, принявъ единовѣріе, поступилъ вмѣстѣ съ племянникомъ въ Никодимовъ монастырь, а сестру свою и жену убитаго брата своего, Евсевія, съ ея дочерью пристроилъ въ Новозыбковѣ къ единовѣрческой Преображенской церкви. Прошло немного времени и онъ посвященъ былъ въ санъ іеромонаха, а вслѣдъ затѣмъ сдѣлался настоятелемъ единовѣрческаго Успенскаго монастыря въ Бѣлоруссіи.

Удалившись съ Иргиза, Сергій сочинилъ цитированную уже мною книжку подъ заглавіемъ: „*Зеркало для старообрядцевъ, не покоряющихся православной церкви*“, которая и напечатана была имъ въ 1799 году. Добротворскій полагаетъ, что это сочиненіе имѣло цѣлью доказать раскольникамъ ихъ заблужденіе и такимъ путемъ сблизить ихъ съ единовѣріемъ, но правильнѣе, кажется, будетъ видѣть въ немъ апологію автора, попытку его оправдать въ глазахъ бывшихъ единовѣрцевъ свою измѣну прежнимъ убѣжденіямъ, желаніе сжечь все то, чему онъ прежде поклонялся. Сергій, при всемъ своемъ самолюбіи, былъ слишкомъ опытенъ для того, чтобы возлагать черезчуръ большія надежды на это произведеніе; по собственному опыту зналъ онъ, какъ трудно разубѣдить раскольника въ его вѣрованіи, и было бы дѣломъ непомѣрнаго самомнѣнія надѣяться, что чрезъ эту книжку прольется на нихъ „тотъ истинный свѣтъ, который его осіялъ, и они обратятся на путь правды“. Такихъ книжекъ раскольники много видали, какъ видалъ ихъ раньше и самъ Сергій, но пользы для православія изъ этого никакой не выходило. Не останавливаясь на передачѣ содержанія „*Зеркала*“, отмѣчу только одинъ любопытный пунктъ его—взглядъ Сергія на бѣглыхъ священниковъ. Принимая ихъ, старообрядцы, по мнѣнію

[1]) Рук. А. И. Хлудова, № 293, 37.

Сергія, „причиняли душѣ своей таковую пагубу: 1) бѣглые попы, въ нравахъ непотребные, возмущаютъ ихъ и приводятъ въ непокореніе духовной и свѣтской власти; 2) по причинѣ недостатка въ священникахъ претерпѣваютъ скудость и недостатокъ въ священнодѣйствіи и часто не сподобляются спасительныхъ таинствъ; 3) имѣютъ весьма мало или даже совсѣмъ не имѣютъ священниковъ, просвѣщенныхъ ученіемъ; 4) испытываютъ совершенный недостатокъ въ рачительныхъ и добросовѣстныхъ, а особливо въ трезвенныхъ попахъ; 5) приходятъ въ конечную необузданность въ самовольничествѣ и безпутствахъ, отъ чего происходитъ и сомнительность толкованій, не согласныхъ съ св. писаніемъ“[1]). Имѣла ли книжка Сергія какой-нибудь успѣхъ въ старообрядческой средѣ—неизвѣстно, но мечты его объ единовѣріи нашли себѣ благопріятную почву для дальнѣйшаго развитія въ средѣ „лучшихъ вольскихъ людей“. Епифановъ и Сапожниковъ съ кружкомъ пріятелей,—небольшимъ, впрочемъ, по численности,—рѣшили послѣ отъѣзда Сергія ввести въ Вольскѣ единовѣріе. Въ концѣ 1797 года ими принятъ былъ законно поставленный священникъ, но противодѣйствіе попечителя старообрядческой часовни, Петра Волковойнова, за спиной котораго негласно работалъ Злобинъ съ женой, испортило все дѣло: Волковойновъ успѣлъ возмутить въ самомъ городѣ и по окрестностямъ простой народъ, который грозно поднялся на защиту старины. Новаторамъ противъ воли пришлось уступить желанію большинства и вольское единовѣріе умерло, не успѣвъ родиться: Иргизъ отстоялъ свой наиболѣе укрѣпленный форпостъ въ нагорной части Саратовскаго края[2]).

Сергій, какъ человѣкъ, послѣ 1797 года умеръ для раскола; но его идея надолго пережила его и цѣлый рядъ лѣтъ еще пугала истинныхъ ревнителей отцовскаго и дѣдовскаго благочестія. Отголосокъ ея звучитъ въ слѣдующихъ словахъ вольскаго старообрядца Ивана Петровича Ѳомина, писанныхъ имъ въ 1799 году къ пріятелю своему, московскому купцу Ив. Ив. Мухину, не послѣднему члену Рогожскаго кладбища: „Увы, брате, да не оскорблю васъ словомъ, уже бо кончина приближается наша; видно по всему писанію, что основаніе нашей вѣры на песцѣ, а не на твердомъ каме-

1) Сергій, Зерк. для старооб., 108—109.
2) Ниж. сем. библ., № 3774, 244.

ни. Не имѣемъ мы ни епископа, ни священника, благословеннаго отъ власти церковной, но ожидаемъ, по мнѣнію нашему, особеннаго епископа. Сохрани насъ Боже, чтобы и мы не такъ же ожидали себѣ епископа, какъ жиды ожидаютъ пришествія Мессіи“[1]). Двадцать лѣтъ спустя, въ этомъ же тонѣ писалъ на Рогожское кладбище одинъ неизвѣстный по имени иргизскій инокъ: „О новый Израилю! Уты, утолстѣ, уширѣ и забылъ еси Бога, создавшаго тя! Уты богатствами и мірскими почестями, уширѣ фабриками, капиталами и иными дѣлами торговыми, утолстѣ въ пространномъ житіи сластолюбіемъ, чревоугодіемъ, объяденіемъ же и піянствомъ! Забылъ еси Бога и послужилъ проклятой маммонѣ и златому тельцу прилѣпился всею душою твоею и всѣмъ помышленіемъ твоимъ. Окрадая смущенную никоніанскую церковь, новшествъ преисполненную и святые догматы дерзостно поправшую, тщетно хвалишися, о новый Израилю, якобы священства чинъ въ тебѣ не изсякаетъ. Всуе хвалишися! Гдѣ той неизсякаемый источникъ, гдѣ преемственная отъ рукъ апостольскихъ хиротонія? Имѣеши ли епископскій чинъ, безъ него же церковь Божія стояти не можетъ? Имѣеши ли священническое руковозложеніе, миросовершеніе, антиминсовъ священіе, епископское благословеніе и разрѣшеніе, равно и судъ церковный? Кто можетъ въ тебѣ пресвитера и діакона поставляти, миро совершати, дѣвъ освящати и всѣ дѣла со разсужденіемъ творити?“[2]) Объ этомъ броженіи умовъ, объ этихъ симпатіяхъ къ единовѣрію хорошо знали иргизскіе „столпы“: грозный призракъ благословеннаго священства постоянно былъ у нихъ передъ глазами и потому обвиненіе въ неправославіи, въ склонности къ никоніанству сдѣлалось самымъ страшнымъ обвиненіемъ. Его боялись даже такіе популярные въ раскольническомъ мірѣ лица, какъ знаменитый Прохоръ: даже ихъ опытомъ доказанная искренность подвергалась сомнѣнію и подозрѣнію. Вотъ примѣръ. Духовный сынъ Прохора, инокъ Германъ, изъ-за чего-то рѣзко разошелся съ своимъ отцомъ и бѣжалъ изъ Воскресенскаго монастыря въ Никольскій, гдѣ сталъ распространять слухъ, что Прохоръ „мудрствуетъ противъ православной церкви неправильное исповѣданіе“. Чтобы очистить себя отъ опаснаго подозрѣнія, Прохоръ вынужденъ былъ 17 сентября

1) Іоаннъ, Духъ мудр. нѣк. раск. толк., 85—86.
2) „Рус. Вѣст.“, 1864, № 5, 11.

1825 года послать въ Никольскій монастырь письменное удостовѣреніе въ своемъ православіи за подписью уставщика Никанора, казначея Веніамина и соборныхъ старцевъ Игнатія, Саввы и Адріана[1]).

1) Ниж. сем. библ., № 3774, 390—392.

ГЛАВА IV.

Павелъ I посылаетъ на Иргизъ Рунича.—Причины этой командировки.—Освобожденіе Иргизскихъ монастырей отъ рекрутской повинности.—Новая командировка Рунича на Иргизъ.—Пожаръ въ Успенскомъ монастырѣ и пожалованіе Павломъ 12,000 р. на возобновленіе сгорѣвшихъ церквей.—Надѣлъ Иргизскихъ монастырей землей.—Разрѣшеніе раскольникамъ Городца брать священниковъ съ Иргиза.—Иргизскій соборъ 1805 года.—Иргизская „исправа“ и иргизское миро.—Легкое отношеніе Прохора къ пріему бѣглыхъ священниковъ.—Подъемъ авторитета монастырей въ глазахъ старообрядцевъ.—Отказъ иргизскихъ настоятелей въ требованіи Панчулидзева.—Стѣсненіе въ выдачѣ паспортовъ инокамъ.—Пожертвованія монастырямъ.—Попытка пензенской консисторіи ознакомиться съ Иргизомъ.—Преданіе Прохора суду за пріемъ въ монастырь бѣглыхъ.—Отказъ монастырей прекратить пріемъ священниковъ.—Дѣло о священникѣ Добронравовѣ.—Распространеніе раскола по уѣзду вольскому, хвалынскому, аткарскому, петровскому, сердобскому, царицынскому, кузнецкому и саратовскому.—Начинающееся давленіе на расколъ со стороны саратовской администраціи.—Характеристика саратовскихъ архіереевъ первой четверти настоящаго столѣтія.

Неудача Сергія съ его единовѣріемъ послужила какъ бы поворотнымъ моментомъ въ жизни Иргиза: съ этого именно времени начинается 30-ти-лѣтній періодъ иргизской исторіи, время внѣшняго блеска и славы и вмѣстѣ внутренняго разложенія и упадка, пора расцвѣта, предшествовавшая и какъ будто предсказывавшая приближающееся паденіе и уничтоженіе монастырей. Три существенныя условія содѣйствовали расцвѣту Иргиза и вмѣстѣ съ тѣмъ расширяли и усиливали расколъ въ Саратовскомъ краѣ: мягкая политика императоровъ Павла и Александра въ отношеніи старообрядцевъ, личныя свойства Прохора, занявшаго послѣ Сергія мѣсто верховнаго руководителя и главы Иргизскихъ монастырей, и деньги Злобина, съ особенной щедростью разбрасываемыя имъ теперь на поддержаніе раскола, какъ будто онъ хотѣлъ этимъ загладить свое замышлявшееся уклоненіе въ единовѣріе.

Екатерина II ознаменовала свое вступленіе на престолъ милостями къ раскольникамъ; такими же милостями, только не къ раскольникамъ вообще, а къ Иргизскимъ монастырямъ собственно, началъ свое царствованіе и преемникъ ея, обыкновенно съ нелюбовью относившійся ко всѣмъ начинаніямъ своей матери. Почти тотчасъ по восшествіи на престолъ, именно 16 января 1797 года, государь далъ слѣдующее собственноручное предписаніе дѣйст. ст.

сов. Руничу: „Ѣхать вамъ въ Узени и въ прилежащія мѣста, увѣрить начальствующихъ о моемъ къ нимъ благоволеніи и о желаніи моемъ видѣть ихъ всегда въ спокойствіи и удовольствіи“[1]). Чѣмъ было вызвано это необычайное посольство Рунича на Иргизъ— съ достовѣрностью неизвѣстно, но преосв. Іаковъ, со словъ одного изъ старожиловъ Воскресенскаго монастыря, передаетъ слѣдующій разсказъ о случаѣ, обратившемъ на Иргизъ особенное вниманіе императора. Воспитанникъ донского генерала Ѳеодора Петровича Денисова, Ипатъ, а по иночеству Исаакій, отправился въ Иргизскіе монастыри. Юноша этотъ, не имѣвшій письменнаго вида и къ тому же неуступчивый, при одной выемкѣ въ монастырѣ бѣглыхъ господскихъ людей, за которыхъ онъ вступился, былъ взятъ полиціей и посаженъ въ вольскій тюремный замокъ. Здѣсь ему пришлось сидѣть въ одной камерѣ съ какимъ-то чиновникомъ, который, выслушавъ исторію его поимки въ монастырѣ и узнавъ о родственникахъ въ Петербургѣ, близкихъ къ государю, предложилъ за полтинникъ выпустить его на свободу. Полтинникъ нашелся и чиновникъ-писака сочинилъ письмо къ Денисову, въ которомъ рѣзко, преувеличенно, но искусно изложилъ притѣсненія, какія терпятъ монахи иргизскіе отъ мѣстнаго гражданскаго начальства, и въ доказательство приводилъ то, что Ипата, случайно посѣтившаго монастырь, невиннаго богомольца, посадили въ тюрьму и заковали въ кандалы. Денисовъ при удобномъ случаѣ, выждавъ благопріятную минуту, показалъ письмо государю, присоединивъ при этомъ и отзывъ свой въ пользу раскольниковъ. Немедленно посланъ былъ на Иргизъ Руничъ[2]). Не отстаивая безусловно справедливости такого объясненія, его тѣмъ не менѣе должно считать очень вѣроятнымъ: не даромъ же, конечно, въ началѣ нынѣшняго столѣтія иргизскіе иноки, по словамъ посѣтившаго въ 1833 году эти монастыри члена совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ, Арсеньева, „благоговѣли къ имени Денисова, который при жизни своей былъ ревностнѣйшимъ покровителемъ старообрядчества“[3]); съ другой стороны, въ этомъ разсказѣ нѣтъ ничего, что противорѣчило бы представленію о нервной, порывистой натурѣ императора Павла. Кромѣ этого изъ

[1]) Труды Рязанской уч. Арх. Комиссіи. I, вып. I, 91. Рязань, 1885; сн. Имп. Публ. библ., Q, I, № 742, 47; Ниж. сем. библ., № 3774, 17.
[2]) Ниж. сем. библ., № 3774, 23.
[3]) Дѣла Секр. Комит., Vol. XIV, стр. 1113.

автобіографіи архим. Платона извѣстно, что когда помѣщикъ Гнѣздинъ отыскивалъ своего бѣглаго человѣка, то исправникъ земскій сдѣлалъ въ Нижнемъ монастырѣ обыскъ и нашелъ 47 человѣкъ безпаспортныхъ бродягъ; Прохоръ попалъ подъ судъ за укрывательство бѣглыхъ, но, какъ показали 12 человѣкъ соборныхъ старцевъ Нижняго монастыря на допросѣ въ вольскомъ земскомъ судѣ 1 іюля 1818 года, „по особому высочайшему повелѣнію, всемилостивѣйше отъ суда и слѣдствія освобожденъ безъ наказанія“[1]). Если сопоставить эти данныя съ разсказомъ преосвящ. Іакова, то понятно станетъ, откуда явилось „особое высочайшее повелѣніе.“ Впрочемъ, какъ бы то ни было, но посольство Рунича имѣло громадное значеніе для раскола вообще и для саратовскаго—въ особенности. Руничъ пріѣхалъ въ Вольскъ, какъ мы знаемъ уже, 16 февраля 1797 года и остановился у Злобина. Послѣдній разомъ понялъ, куда тянетъ новое вѣяніе, и съ этого, кажется, времени бросилъ рѣшительно свою мысль объ единовѣріе, хотя, по безхарактерности, и не рѣшился сознаться въ этомъ Сергію. На другой день Руничъ отправился на Иргизъ. Въ Нижнемъ монастырѣ онъ прочиталъ братіи данное ему высочайшее повелѣніе, выслушалъ обѣдню и благодарственный молебенъ и сказалъ старцамъ слѣдующую рѣчь: „Отцы святые! вижу я, что у васъ въ церкви Божіей священная служба совершается весьма порядочно и душеспасительно, въ которой какъ пѣніе и чтеніе, такъ и колѣнопреклоненіе и прочее т. п. исправляется чиномъ и уставомъ благопристойнымъ, и худого или какого сумнительства въ нашемъ упованіи дѣйствія не предвидится. Чего ради по всемилостивому монаршему сему благоволенію оставайтесь вы спокойны и ни отъ кого въ томъ притѣснены. Но только прошу вашихъ отеческихъ молитвъ, помолитесь о моемъ здравіи и спасеніи“[2]). Собственноручно писанную копію съ высочайшаго повелѣнія онъ передалъ Прохору, прося его дать такія же копіи и въ другіе Иргизскіе монастыри. Осмотрѣвъ всѣ Иргизскіе обители и оставшись доволенъ сдѣланными наблюденіями, Руничъ торжественно обѣщалъ Прохору, съ которымъ особенно близко сошелся, ходатайствовать предъ государемъ за иноковъ во всѣхъ ихъ нуждахъ. Это обѣщаніе онъ сдержалъ во всей его полнотѣ,

[1]) Ниж. сем. библ., № 3774, 437; Дѣло вольск. магистрата, 1818, № 65, 24.
[2]) Библ. А. И. Хлудова, № 293, 27; Пареньевъ, Оправданіе церковное, 139.

сдѣлавшись какъ бы полномочнымъ ходатаемъ и попечителемъ Иргиза. Исполнивъ возложенное на него порученіе, Руничъ отправился въ Петербургъ, куда велѣлъ вслѣдъ за нимъ ѣхать Прохору и старцу Іосифу изъ Верхняго монастыря. Тѣ, разумѣется, съ радостью поѣхали и, благодаря своему покровителю Руничу, неоднократно видѣли государя[1]). Результатомъ всѣхъ этихъ аудіенцій и предстательствъ Рунича явился именной указъ сенату отъ 31 августа 1797 года: „Саратовской губерніи, вольской округи, иргизской волости, пребывающихъ въ обителяхъ старообрядческихъ въ Верхне-Успенской, Средне-Никольской и Нижне-Воскресенской по приложенному при семъ реестру изъ числа дающихъ рекрутъ освободить“[2]). Этотъ указъ Павла, освобождавшій иргизскихъ иноковъ отъ рекрутской повинности, какъ освобождено отъ нея православное духовенство имперіи, былъ очень важенъ для Иргиза: онъ санкціонировалъ законность Иргизскихъ монастырей, утверждалъ ихъ самобытность.

Какъ ревностно хлопоталъ Руничъ объ Иргизѣ, лучше всего доказываетъ высочайшій рескриптъ отъ 30 іюля 1798 года: „Господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и владимірскій гражданскій губернаторъ Руничъ! Съ крайнимъ негодованіемъ свѣдали мы, что въ Саратовской губерніи, въ Узеняхъ, въ Иргизскомъ старообрядческомъ монастырѣ произошли отъ начальства губернскаго жителямъ притѣсненія такія, кои желаніямъ и сердцу нашимъ совершенно противны; какъ-то: гоненія всякаго рода, вопреки повелѣніямъ нашимъ, и даже церкви и монастыря сего раззореніе. И потому, имѣя всегда доброе мнѣніе о усердіи вашемъ и расторопности, вамъ поручаемъ мы, получа сіе повелѣніе наше, немедленно отправиться въ вышеозначенное мѣсто и войти во всѣ обстоятельства и подробности поступковъ саратовскаго начальства, клонящихся въ обиду и притѣсненіе старообрядцевъ; успокоить неусыпностью вашею встревоженныхъ и намъ о всемъ исправно донесть. Жителямъ же онаго монастыря, округи той и прочимъ внушить вы имѣете, что сіе о спокойствіи ихъ попеченіе наше должно уже важнымъ доказательствомъ служить для всѣхъ ихъ тому, сколь отдалены мы отъ того, чтобы ихъ тревожить во всемъ томъ, что

---

1) Библ. А. И. Хлудова, № 293, 28.
2) Дѣла Секр. Комит., Vol. XVII, стр. 1185.

касается до ихъ обрядовъ и что власти нашей и нашему къ нимъ благоволенію не противно“[1]). Какого рода разборъ производилъ въ Саратовѣ Руничъ—неизвѣстно; губернаторъ Ланской удержался на своемъ мѣстѣ, но такое внушительное доказательство высочайшаго благоволенія къ Иргизу, какъ вторичная присылка Рунича, должно было убѣдить его въ томъ, что гораздо выгоднѣе покровительствовать монастырямъ, чѣмъ давить на нихъ.

Пожаръ 7 октября этого же года въ Верхнемъ монастырѣ, начавшійся отъ находившейся въ алтарѣ неугасимой лампады и истребившій обѣ церкви вмѣстѣ съ 47 кельями, послужилъ поводомъ къ новой, дѣйствительно необыкновенной высочайшей милости къ Иргизу. Преемникъ Исаакія по управленію обителью, инокъ Мамонтъ, немедленно чрезъ Прохора сообщилъ Руничу объ этомъ несчастіи, причинившемъ монастырю убытку до 100.000 рублей. Руничъ вошелъ съ надлежащимъ ходатайствомъ и 16 ноября получилъ слѣдующій рескриптъ: „Вслѣдствіе донесенія вашего, въ коемъ упоминаете вы о извѣстіи, къ вамъ присланномъ, касательно погорѣнія церквей въ Верхне-Успенскомъ старообрядческомъ монастырѣ, сказать вамъ здѣсь я имѣю, что грамоты, о которой пишете вы, давать я приличія не вижу, а на построеніе всѣхъ оныхъ погорѣвшихъ церквей нужное число денегъ повелѣваю вамъ выдать изъ казны моей“[2]).

Позднѣйшимъ рескриптомъ отъ 18 декабря „нужное число денегъ“ опредѣлено было въ 12.000 рублей, каковая сумма и была предоставлена въ полное распоряженіе Рунича, съ замѣчаніемъ что на ней и „ограничиться должно“[3]). Объ этой милости къ Иргизу упоминается между прочимъ въ одномъ стихотвореніи:

„....Доложено императору
О вашемъ большомъ несчастіи;
Наказаніе пришло отъ Бога
Погорѣніемъ церкви вашея,
...Монастырь Верхній былъ жалованъ“[4]).

Тотчасъ же по полученіи рескрипта, Руничъ увѣдомилъ сара-

---

1) Тр. Рязан. уч. арх. комиссіи, I, вып. 1, 91; сн. библ. А. И. Хлудова, № 349, 514.

2) Труды Ряз. уч. арх. ком., I, вып. 1, 92; сн. Дѣла секр. комит., vol. XIV, стр. 1106; Бр. Св. Кр., № 513, 114—121; № 500, 1; Леопольдовъ, Стат. опис. сар. губ., II, 121.

3) Тр. Ряз. уч. арх. ком., loc. cit. 92.

4) „Рус. Арх.“, 1864, 103.

товское начальство о дарованіи Иргизу царской милости. Закипѣла работа подъ непосредственнымъ наблюденіемъ настоятеля и черезъ какой-нибудь мѣсяцъ возникла маленькая деревянная церковь во имя Введенія Пресвятой Богородицы, освященная 10 января 1799 года на сохраненномъ отъ пожара антиминсѣ. Вмѣсто сгорѣвшихъ келій построено было около 60-ти новыхъ; заложенъ былъ и другой храмъ, каменный, во имя Преображенія, по плану, всеподданнѣйше представленному иноками и удостоившемуся высочайшаго одобренія. По этому же плану отстроена была и деревянная колокольня, на которой поставлены были недѣльные часы работы извѣстнаго русскаго механика Кулибина[1]). Изъ казны на послѣднія постройки взято было шесть тысячъ рублей,—очевидно, строители боялись обнаружить неумѣренность и строили очень экономно[2]). Преображенская церковь отстроена была только въ 1803 году. Въ виду перемѣны на пресголѣ, иноки не рѣшились освящать ее безъ разрѣшенія свыше; Гавріилъ послалъ съ казначеемъ Веніаминомъ прошеніе къ Руничу, который въ это время былъ губернаторомъ въ Вяткѣ. Послѣдній въ свою очередь не замедлилъ чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ Кочубея представить прошеніе старообрядцевъ государю императору и получить нужное разрѣшеніе. Увѣдомляя объ этомъ Гавріила, въ письмѣ отъ 20 октября 1803 года, Руничъ прибавляетъ: „По освященіи же церкви, какъ объ ономъ, такъ и о томъ, одного ли монастыря священникъ или и прочихъ монастырей священники совершали обрядъ сей, не оставьте меня увѣдомленіемъ“[3]). Въ перепискѣ по этому поводу любопытна слѣдующая черта, хорошо характеризующая отношенія Рунича къ Прохору: посылая только что цитированное письмо къ Гавріилу, Руничъ одновременно посылаетъ и копію съ него Прохору „для свѣдѣнія“[4]). Нѣсколько позже, 21 ноября этого же года, вольскій земскій судъ увѣдомилъ Гавріила съ соборной братіей объ этой высо-

1) Бр. Св. Кр., № 500, 73.

2) Въ „Сборникѣ“ преосв. Іакова есть замѣчаніе, что 6.000 (12.000) рублей предназначались императоромъ Павломъ на построеніе не раскольничьей, а единовѣрческой церкви на Иргизѣ; но оно не выдерживаетъ никакой критики. Руничъ, другъ и покровитель Прохора, едва ли сталъ бы хлопотать о построеніи какой-то единовѣрческой церкви. Кромѣ того въ цитированныхъ рескриптахъ 16 ноября и 18 декабря 1798 года прямо говорится о старообрядческомъ монастырѣ и ни полслова—объ единовѣріи. *Прим. авт.*

3) Ниж. сем. библ., № 3774, 22.

4) Бр. Св. Кр., № 500, 14.

чайшей милости и отобралъ подписку въ слышаніи указа[1]). Освященіе церкви состоялось однако только 9 іюня 1804 года[2]), можетъ быть потому, что, въ ожиданіи разныхъ задержекъ и зная медленность движенія подобнаго рода ходатайствъ, начали хлопотать слишкомъ заблаговременно, не закончивъ постройки, о разрѣшеніи освятить, а можетъ быть и потому, что не находили соотвѣтствующаго антиминса, которымъ можно было бы замѣнить сгорѣвшій въ Успенской церкви. Преосв. Іаковъ объясняетъ дѣло въ смыслѣ послѣдняго предположенія и говоритъ, что послѣ долгихъ безуспѣшныхъ поисковъ антиминса въ честь Успенія, Прохору удалось, наконецъ, купить за 50 рублей у одного господскаго человѣка изъ села Иванова краденый антиминсъ въ честь Преображенія и на немъ освятить новопостроенный храмъ. Вообще на Иргизѣ, кажется, не часто попадались подлинные, освященные архіереемъ антиминсы: по свидѣтельству архимандрита Платона, изъ 15 собранныхъ Прохоромъ антиминсовъ ни въ одномъ не оказалось, по тщательнымъ изслѣдованіямъ, въ воскомастикѣ частицъ мощей[3]). Впрочемъ, это показаніе ослабляется въ значительной степени разсказомъ инока Арсенія,—тоже единовѣрца,—о ревизіи антиминсовъ въ Нижнемъ монастырѣ, по обращеніи его въ единовѣріе, 10 сентября 1829 года вольскимъ благочиннымъ прот. Павломъ Архангельскимъ. Съ одного изъ нихъ онъ снялъ копію, а остальные всѣ велѣлъ иноку Адріану доставить въ Саратовъ къ преосв. Моисею; тамъ они были разсмотрѣны и затѣмъ возвращены обратно съ тѣмъ же отцемъ Адріаномъ и положены на свои мѣста при колокольномъ звонѣ[4]). Очевидно, антиминсы были настоящіе, иначе ихъ едва ли вернули бы въ монастырь.

Указомъ Павла, разрѣшающимъ построеніе на Иргизѣ церквей и келій, воспользовался и настоятель Средняго монастыря, Матѳей Калмыкъ, соорудившій въ 1798—1799 годахъ теплую церковь во имя Покрова Богородицы, по размѣрамъ значительно уступавшую Никольской: она имѣла въ длину всего пять, а въ ширину четыре сажени[5]).

---

[1]) Арх. сар. губ. правл., I, 4, № 700, 4.
[2]) Сар. Ист. Архивъ, I, А, № 7, 4. (Исходящій реестръ вольскаго исправника за 1804 годъ.
[3]) Ниж. сем. библ., № 3774, 440.
[4]) Арх. Ниж. мон., № 6, 1.
[5]) Бр. Св, Кр., № 500, 4; Ниж. сем. библ., № 4, 7.

Въ то время, какъ два сосѣднихъ монастыря обстраивались и украшались, Прохоръ, повидимому, бездѣйствовалъ: ни построекъ новаго, ни перестроекъ стараго онъ не предпринималъ. Это кажущееся бездѣйствіе обусловливалось двумя очень уважительными причинами: церквей въ Нижнемъ монастырѣ было достаточно и съ этой стороны понятна апатія Прохора, а въ тоже время на очередь выступалъ самый жгучій, самый больной для Иргиза вообще и его монастыря въ особенности вопросъ—о правѣ на владѣніе землей. Поясню въ двухъ словахъ суть дѣла. Извѣстнымъ манифестомъ Екатерины II раскольникамъ отведены были для поселенія въ саратовскомъ Заволжьи земли дворцоваго вѣдомства, но правъ на дѣйствительное владѣніе этими землями зарубежнымъ выходцамъ дано не было: существовало позволеніе селиться, но юридическаго акта, который обезпечивалъ бы занимающимъ отведенныя земли, не существовало. Отсюда естественно возникло слѣдующее: пока населеніе Заволжья было рѣдко и немногочисленно, до тѣхъ поръ монастыри безпрепятственно могли владѣть однажды занятыми угодьями; но, по мѣрѣ увеличенія въ окрестностяхъ народонаселенія, все сильнѣе и сильнѣе должны были чувствовать переселенцы недостатокъ земли, „тѣсноту“, и все чаще и чаще должны были возникать у монастырей съ окрестными жителями случаи взаимныхъ недоразумѣній и столкновеній. Сергій Юршевъ сообразилъ это очень скоро и потому постарался отдѣлить монастырскія земли отъ земель удѣльныхъ крестьянъ слободы Мечетной: въ 1790 году саратовскій уѣздный землемѣръ Поповъ намежевалъ на лѣвой сторонѣ Иргиза для Верхняго монастыря достаточное количество земли и чересполосность владѣній исчезла. Этому благому примѣру не замедлилъ послѣдовать и Матѳей Калмыкъ: до 1795 года Средній монастырь владѣлъ землею обще съ мечетскими крестьянами, а въ этомъ году полюбовно, безъ споровъ и документовъ, выдѣлился. Точно также пріятно было бы отдѣлиться и Нижнему монастырю, которому земля была отведена общая съ крестьянами слободы Криволучья, но это не удавалось, такъ какъ трудно было достичь полюбовнаго соглашенія: и крестьяне, и монастырь, каждый хотѣлъ оторвать у другого кусокъ получше и пожирнѣе; взаимной уступки ждать было трудно, ибо населеніе здѣсь гораздо гуще, чѣмъ въ окрестностяхъ Мечетной слободы, а потому и земля была дороже.

Рядъ споровъ и столкновеній съ криволуцкими крестьянами изъ-за земли, а вмѣстѣ съ тѣмъ и начавшееся генеральное размежеваніе земель въ саратовской губерніи настоятельно вызывали Прохора на изысканіе способа обезпечить за своимъ монастыремъ захваченный его предшественниками кусокъ земли, такъ какъ иначе не только земельныя владѣнія, но и самое существованіе Нижняго монастыря каждую минуту стояли въ полной зависимости отъ случая, отъ того или другого взгляда правительственныхъ властей на расколъ. Способъ скоро былъ изысканъ, какъ доказываетъ это письмо Рунича на имя Прохора отъ 7 октября 1798 года, которое, въ виду его важности, привожу цѣликомъ: „Входя со всякою подробностью въ положеніе трехъ старообрядческихъ мужскихъ монастырей и двухъ женскихъ обителей, на Иргизѣ состоящихъ, и желая тѣмъ и другимъ доставить вѣчное незыблемое спокойствіе, въ разсужденіи владѣнія земель и прочихъ угодій, не оставилъ я всеподданнѣйше донести Е. И. В., что по случаю генеральнаго размежеванія земель саратовской губерніи, а равно по неимѣнію на владѣемыя нынѣ земли и угодья въ тѣхъ монастыряхъ и обителяхъ плановъ, писцовыхъ дачъ и крѣпостей, могутъ какъ монастыри, такъ и обители лишиться всѣхъ земель, понынѣ во владѣніи у нихъ состоящихъ: ибо сіи старообрядческіе монастыри и обители не входятъ въ штатъ великороссійской церкви монастырей, а притомъ и дозволеннаго государственными узаконеніями права не имѣютъ на особенное владѣніе нынѣ къ монастырямъ и обителямъ принадлежащихъ земель. Е. И. В. принялъ съ благоугодностью мое всеподданнѣйшее донесеніе и, милосердствуя отечески о жительствующихъ въ оныхъ монастыряхъ и обителяхъ, высочайше мнѣ указать соизволилъ, дабы я отправилъ одного землемѣра въ вышеозначенные монастыри и обители, чтобы онъ снялъ и положилъ на планъ всѣ земли и угодья, до сего времени во владѣніи у оныхъ состоящія, представилъ бы мнѣ съ описаніемъ тотъ планъ для всеподданнѣйшаго отъ меня Е. И. В. поднесенія онаго на высочайшую апробацію. Извѣщая васъ, господинъ настоятель, предварительно о таковомъ высокомонаршемъ соизволеніи, клонящемуся ко благу старообрядцевъ, долгомъ поставляю напомянуть вамъ, дабы вы употребили всю честность и благоразуміе и отнюдь не касались чужихъ земель и владѣнія, вамъ не принадлежащаго, но показали бы отряженному

землемѣру къ вамъ, яко вѣрноподданнѣйшіе дѣти своего монарха, тѣ токмо дачи и земли, коими нынѣ монастыри и обители дѣйствительно безспорное владѣніе имѣютъ, въ противномъ случаѣ всякое излишнее, несправедливое присвоеніе и притяженіе непринадлежащаго вамъ владѣнія можетъ лишить васъ высокомонаршихъ милостей, обильно на васъ во всѣхъ случаяхъ изливаемыхъ. Въ прочемъ съ истиннымъ усердіемъ и таковой же преданностью есмь и навсегда пребуду вѣрнымъ и доброжелательнымъ слугою. Павелъ Руничъ"[1]). Легко представить себѣ радость, съ какой приняли на Иргизѣ это письмо Рунича, и нетерпѣніе, съ какимъ ждали присылаемаго отъ него землемѣра. Но ждать пришлось восемь мѣсяцевъ,— Руничъ только 7 іюня 1799 года послалъ на Иргизъ землемѣра Лаптева и съ нимъ письмо Прохору, въ которомъ авторъ его считаетъ нужнымъ „повторить прежнее свое предписаніе" отъ 7 октября 1798 года, напоминая о необходимости, подъ опасеніемъ утратить монаршее благоволеніе, при снятіи плановъ монастырскихъ земель показать „всю честность и благоразуміе" и не касаться чужихъ угодій[2]). Лаптевъ, творя волю пославшаго, щедрой рукой нарѣзалъ монастырямъ земли: Верхній монастырь получилъ—8.312, Средній—1.562 и Нижній—2.660 десятинъ. Составленные планы представлены были Руничу, но онъ почему-то усомнился въ ихъ правильности и въ маѣ 1800 года, съ высочайшаго соизволенія, самъ съѣздилъ въ Вольскъ „по дѣламъ иргизскимъ, узенскимъ и прочимъ такого рода"[3]) и на мѣстѣ убѣдился въ „честности и благоразуміи" отцовъ настоятелей. Во время этой поѣздки онъ по пути, такъ сказать, разрѣшилъ и другое дѣло: въ началѣ этого года[4]), во время отлучки Прохора изъ монастыря, братія, недолюбливавшая настоятеля за его строгость и постоянно тяготившаяся имъ, возмутилась и объявила Прохора смѣненнымъ, а на его мѣсто избрала старца Ѳеодорита или, что одно и тоже, Ѳому Михайлова, господскаго человѣка, проживавшаго въ монастырѣ по плакатному паспорту. Объ этомъ обстоятельствѣ Прохоръ увѣдомилъ немедленно Рунича и получилъ отъ него предписаніе никуда не отлучаться

1) Ниж. сем. библ., № 3774, 18.
2) Ibidem, 19.
3) Тр. Ряз. уч. арх. ком., loc. cit., 93.
4) Въ мартѣ Прохоръ подписывается уже „соборнымъ старцемъ" и Ѳеодоритъ именуется настоятелемъ. Сарат. Ист. Архивъ, I, А, № 5, 562.

изъ монастыря впредь до пріѣзда его въ Вольскъ и не сдавать Ѳеодориту никакихъ бумагъ. За подробностями этого происшествія Руничъ обратился изъ Владиміра къ В. А. Злобину; собравъ всѣ нужныя свѣдѣнія, онъ пріѣхалъ на Иргизъ и водворилъ Прохора въ его старой должности[1]).

Только послѣ личной провѣрки на мѣстѣ Руничъ рѣшился подписать планы Лаптева и далъ ходъ дѣлу о монастырскихъ земляхъ. Но пока онъ выжидалъ удобную минуту поднесть ихъ на высочайшую „апробацію“, на Иргизѣ соскучились ждать и Прохоръ задумалъ окончить дѣло поскорѣе: онъ послалъ своихъ повѣренныхъ въ симбирскую межевую контору ходатайствовать объ утвержденіи проведенной землемѣромъ Лаптевымъ межи. Оправданіемъ этой поспѣшности служитъ то обстоятельство, что неожиданная смерть императора Павла разбивала надежды на всемогущество Рунича. Ближайшія послѣдствія показали, впрочемъ, что отчаиваться относительно вліянія Рунича было пока еще рано,—11 апрѣля 1801 года на его имя послѣдовалъ такой рескриптъ: „Ввѣренныя вамъ дѣла относительно старообрядческихъ обителей по Иргизу, Уралу и Узенямъ оставляю я въ вѣдѣніи и попечительствѣ вашемъ на прежнемъ основаніи. Мое желаніе и воля есть, дабы защищая ихъ отъ могущихъ имъ встрѣтиться притѣсненій, вы въ главномъ предметѣ своемъ имѣли тѣрпимость ихъ обрядовъ и свободу въ ихъ исповѣданіи вѣры, зная, что сіе есть единое средство успокоить умы, заблужденіемъ объятые, и что, напротивъ, излишнее вниманіе всегда укореняетъ только предразсудки сего рода“[2]). Какъ бы то ни было, но Прохоръ, очевидно, своевременно не былъ увѣдомленъ объ этомъ обстоятельствѣ и потому не только началъ хлопотать о земляхъ помимо Рунича, но и не сообщилъ даже ему объ этихъ хлопотахъ, посылая одни только слезныя письма, полныя отчаянія за благополучный исходъ дѣла, въ виду вмѣшательства симбирской межевой конторы, которая-де прислала землемѣра Дудина для провѣрки составленнаго Лаптевымъ плана. Введенный въ заблужденіе Руничъ, какъ могъ, утѣшалъ лукаваго корреспондента своего, просилъ его „во упованіи на милость Господню, не отчаяваться въ разсужденіи межеванія,“ совѣтовалъ „приложить стараніе, чтобы землемѣръ не спѣшилъ отсылкой плана

[1]) Ниж. сем. библ., № 3774, 21.
[2]) Тр. Ряз. уч. арх. Ком., loc. cit., 93.

въ симбирскую контору, но подержалъ бы оный при себѣ до нѣкотораго времени“ и т. п., а въ тоже время усердно хлопоталъ въ Петербургѣ[1]). Объ этихъ хлопотахъ даетъ понятіе слѣдующій высочайшій рескриптъ 9 октября 1801 года: „Пріемля за благо представленіе ваше относительно земель, владѣемыхъ доселѣ старообрядческими монастырями, я согласенъ произвести въ дѣйство распоряженіе, любезнымъ родителемъ моимъ, въ Бозѣ почивающимъ государемъ императоромъ Павломъ Петровичемъ предположенное. Но какъ плановъ отъ васъ въ свое время доставленныхъ я не имѣю, а у васъ остался генеральный, то я и буду ожидать присылки сего послѣдняго, на коемъ назначьте вы явственными чертами и сколько можно изъясните описаніемъ истинные предѣлы всѣхъ тѣхъ земель, коими старообрядческіе монастыри издревле и по сіе время владѣли безпрепятственно. По полученіи же онаго плана я не оставлю дать надлежащія по сей матеріи кому слѣдуетъ повелѣнія“[2]). Планъ Руничемъ задержанъ не былъ и, мѣсяцъ спустя, именно 17 ноября, состоялся, наконецъ, именной указъ сенату, которымъ утверждалось предварительное распоряженіе Павла I относительно поземельныхъ владѣній Иргизскихъ монастырей: „По препровождаемымъ при семъ спеціальнымъ планамъ на владѣемыя издревле иргизскими старообрядческими обществами земли, повелѣваемъ: не вводя въ общій раздѣлъ со смежными казенными селеніями, отмежевать особо и оставить неприкосновенными до распоряженія, какое объ оныхъ впредь отъ насъ назначено будетъ и, по отмежеваніи семъ, представить планы сихъ земель къ нашему усмотрѣнію“. Копія съ этого указа въ тотъ же день была препровождена государемъ императоромъ Руничу съ повелѣніемъ извѣстными ему средствами удостовѣрить старообрядческія общества, что это сдѣлано для того, чтобы земли, владѣемыя ими, оставались въ неприкосновенномъ ихъ пользованіи и чтобы обезпечить ихъ совершенно отъ всякаго распоряженія, противнаго сему, со стороны мѣстныхъ межевыхъ начальствъ[3]). Не успѣлъ еще Руничъ поздравить Прохора съ этой милостью новаго правительства, какъ узналъ о сношеніяхъ своего любимца съ симбирской межевой конторой. „Въ обязанности нахожу себя сказать вамъ,—огорченный и раздраженный этимъ недо-

[1]) Ниж. сем. библ., № 3774, 19.
[2]) Тр. Ряз. уч. арх. Ком., loc. cit., 94.
[3]) Ibidem, 94.

вѣріемъ своего протеже писалъ онъ Прохору 5 декабря 1801 года,—что вы довольно поспѣшили и неосмотрительно посылали своего повѣреннаго въ межевую симбирскую контору для ходатайствованія размежеванія монастырскихъ земель, ибо никакая контора сама собою, безъ высшаго начальства, утвердить на прочное время владѣнія земель монастырскихъ не имѣетъ права. Но поелику уже землемѣромъ Дудинымъ формальная межа безъ упущенія по межеванію землемѣра Лаптева монастырю вашему учинена, то чтобъ онъ, Дудинъ, и не торопился отсылкой въ контору своего спеціальнаго плана, сдѣланнаго имъ монастырю вашему; ибо у высшаго начальства причислятся тѣ самые спеціальные планы, какъ на вашъ монастырь, такъ и на другіе два, которые сочинены землемѣромъ Лаптевымъ и мною подписаны, по коимъ, безъ всякаго прикосновенія земель казенныхъ крестьянъ, отмежуютъ монастырскія земли формальными межами въ пользу монастырей, почему и обезпечатся оныя совершенно отъ всякаго распоряженія противнаго сему со стороны мѣстныхъ межевого и прочихъ начальствъ. Я возлагаю на васъ объявить въ Средне-Никольскомъ и Верхне-Успенскомъ менастыряхъ гг. настоятелямъ и переписной братіи, какъ въ оныхъ, такъ и въ вашемъ монастырѣ живущей, для вѣдѣнія о таковомъ неизрѣченномъ милосердіи, распростертомъ на многія времена въ пользу Иргизскихъ монастырей, дабы общество ваше восчувствовало высокомонаршую благость, безъ всякихъ отличныхъ заслугъ вашихъ на общество ваше изливаемую; по объявленіи же всего вышеписаннаго въ монастыряхъ, не оставьте увѣдомить меня за общимъ подписаніемъ съ вами обоихъ монастырей гг. настоятелей и нѣкоторыхъ соборныхъ старцевъ, что объявлено о томъ собратіи вашей, дабы я могъ безсумнительно и впредь стараться, по возможности моей, о выгодахъ и пользахъ вашихъ общественныхъ“[1]). Требуемая подписка была, конечно, дана и Руничъ успокоился. Въ апрѣлѣ слѣдующаго года онъ увѣдомлялъ Прохора о своемъ перемѣщеніи на должность губернатора въ Вятку, „съ ниспосланіемъ при этомъ отъ государя многихъ милостей и благоволенія“, и просилъ сообщить настоятелямъ другихъ монастырей, чтобы они, въ случаѣ нужды, обращались къ нему въ Вятку такъ же свободно, какъ прежде во Владиміръ, добавляя при этомъ, что и оттуда не оставитъ „старать-

[1]) Нижг. сем. библ., № 3774, 19—20.

ся о пользахъ старообрядцевъ, ибо и долгъ и вѣра моя къ любви вашей и ко мнѣ отъ васъ нигдѣ охолодиться и прерваться не могутъ“[1]). Мотивы этого письма уясняетъ слѣдующее высочайшее повелѣніе Руничу отъ 14 марта 1802 года: „Подтвердивъ рескриптомъ моимъ апрѣля 11 дня прошлаго 1801 года ввѣренную вамъ отъ покойнаго государя, родителя моего, комиссію по дѣламъ старообрядцевъ, обитающихъ по Иргизу, Уралу и въ Узеняхъ, мое желаніе и воля есть, чтобы вы, и при переводѣ васъ въ Вятскую губернію начальникомъ, по роду дѣлъ сихъ старообрядцевъ имѣли объ нихъ на прежнемъ основаніи вѣдѣніе и попеченіе. Требую отъ усердія и ревности вашей, дабы вы о всемъ нужномъ по дѣламъ ихъ доносили собственно мнѣ; на случай же надобности отлучаться вамъ изъ губерніи въ означенныя мѣста, дозволяю вамъ, не переписываясь со мною, отъѣзжать; но, по возвращеніи вашемъ въ оную или изъ мѣста, гдѣ надобность востребуетъ вамъ быть, непремѣнно мнѣ доносить со всѣми обстоятельствами о причинѣ, побудившей васъ къ отъѣзду въ тамошній край“[2])... На Иргизъ объ этомъ высочайшемъ повелѣніи сообщено, вѣроятно, не было. Едва успѣли улечься закипѣвшія было въ душѣ Рунича досада и озлобленіе на неоднократно облагодѣтельствованнаго имъ Прохора, какъ очень незначительный въ существѣ дѣла случай поднялъ ихъ снова. Дѣло въ томъ, что симбирская межевая контора не хотѣла упустить удобнаго случая покормиться на монастырскій счетъ и потому всячески тянула провѣрку земель монастырскихъ по планамъ Лаптева. На мѣсто Дудина, которому раньше поручила произвесть провѣрку, она командировала другого землемѣра, нѣкоего Митрикова, который взялся за провѣрку очень основательно, въ смыслѣ проволочки времени. Этотъ Митриковъ посовѣтовалъ между прочимъ иргизскимъ настоятелямъ для ускоренія дѣла съѣздить въ симбирскую контору, похлопотать тамъ о скорѣйшей выдачѣ плановъ и межевыхъ книгъ на монастырскія земли и немедленно внесть въ казну по указной цѣнѣ деньги, сколько будетъ причитаться. Эти совѣты, очень недвусмысленно намекавшіе, что нужно „подмазать“ контору, заставили расчетливаго и аккуратнаго въ денежныхъ дѣлахъ Прохора сильно призадуматься. Не зная, на что рѣшиться, и въ

1) Бр. Св. Кр., № 500, 13.
2) Тр. Ряз. арх. ком., loc. cit., 94.

то же время утомленный долголѣтнимъ ожиданіемъ окончанія земельныхъ дѣлъ, онъ склонился было къ мысли о необходимости послѣдовать совѣтамъ Митрикова, но предварительно рѣшилъ снестись по этому поводу съ своимъ покровителемъ и благодѣтелемъ, Руничемъ. Получивь письмо Прохора съ запросомъ такого рода, послѣдній вышелъ изъ себя: обидной, невозможной казалось ему мысль, что дѣло, начатое по его иниціативѣ, потребовавшее отъ него столько трудовъ и усилій, хотятъ окончить безъ него, при помощи одной взятки въ пользу какой-то межевой конторы. Въ порывѣ негодованія онъ отправилъ на Иргизъ, въ качествѣ верховнаго попечителя его, слѣдующій ультиматумъ: „Я нахожу себя въ обязанности подтвердить и предостеречь васъ и прочихъ двухъ монастырей настоятелей, повѣренныхъ вашихъ и всю переписную монастырскую братію, чтобы вы собственно и всѣ означенныя лица не входили съ симбирской межевой и прочими конторами, по землямъ монастырскимъ, ни въ какое дѣло, а потому и не слушали-бъ совѣтовъ симбирской межевой конторы, землемѣра Митрикова и никого; ибо дѣла ваши ни до одной конторы не принадлежатъ, слѣдовательно, издержки и взносъ въ оныя по указной цѣнѣ денегъ употреблять вы не должны. Въ противномъ случаѣ я найдусь принужденнымъ не только по землямъ вашимъ, которыя доставляются вамъ по высокомонаршему милосердію и безкорыстному моему старанію, но и по всѣмъ прочимъ дѣламъ вашимъ, которыя неутомимостью и долговременнымъ моимъ о монастыряхъ и обществѣ вашемъ стараніемъ и попеченіемъ съ пользою вашею соблюдались, отказаться отъ васъ и предоставить васъ собственной вашей участи. Я возлагаю на васъ объявить о семъ моемъ предписаніи во всѣхъ трехъ монастыряхъ и о послѣдующемъ меня увѣдомить“[1]). На этотъ грозный ультиматумъ могъ быть данъ только одинъ отвѣтъ—самый смиренный и увиженный: Иргизъ вовсе не расположенъ былъ ссориться съ своимъ заступникомъ такъ не ко времени. Руничъ простилъ опять. Между тѣмъ время шло, а дѣло оставалось все въ томъ же неопредѣленномъ положеніи. Ждать дальше становилось очень уже тяжело и отцы настоятели совокупными силами снарядили ходаковъ въ Петербургъ справиться о ходѣ дѣла въ межевомъ департаментѣ сената. Посольство это не имѣ-

[1]) Ниж. сем. библ., № 3774, 20.

ло, конечно, никакого успѣха, ибо дѣло стояло теперь не за межевой конторой и даже не за межевымъ департаментомъ, а за высочайшимъ утвержденіемъ. Добиться аудіенціи у императора Александра депутатамъ было, вѣроятно, не такъ легко, какъ раньше у его предшественника, и они вернулись на Иргизъ ни съ чѣмъ. Болѣе опытный, болѣе знакомый съ порядками петербургскихъ канцелярій, Руничъ предвидѣлъ это и не даромъ предупреждалъ всѣхъ настоятелей иргизскихъ in corpore, что посылка уполномоченныхъ въ Петербургъ ни къ чему не поведетъ, кромѣ расходовъ для монастырскаго кармана, такъ какъ планы утвердитъ не межевой департаментъ, а самъ государь[1]). Но кредитъ Рунича, очевидно, пошатнулся въ глазахъ обоихъ настоятелей и на Иргизѣ ему теперь не вѣрили уже такъ безусловно, какъ нѣсколько лѣтъ назадъ.

Въ 1804 году провѣренные и исправленные планы монастырскихъ земель были, наконецъ, представлены на высочайшее усмотрѣніе и удостоились утвержденія. Новый указъ сенату подтверждалъ предварительное распоряженіе Павла и высочайшее повелѣніе 17 ноября 1801 года: за монастырями теперь формально было признано и окончательно укрѣплено право на владѣніе 12,534 десятинъ земли. Копія съ указа, немедленно по полученіи ея на Иргизѣ, была переслана вмѣстѣ съ благодарственнымъ коллективнымъ письмомъ иргизскихъ настоятелей въ Вятку, къ Руничу, который въ отвѣтъ на это писалъ: „Милость, ниспосланная на Иргизскіе монастыри, должна обязать васъ всеподданническою вѣрностью и совершенною сыновнею любовью къ премилосердному всемилостивѣйшему государю Александру Павловичу, яко виновнику сего вашего благоденствія и благополучія. Вознесите искреннія, сердечныя молитвы ваши къ Господу Богу о здравіи и долголѣтіи Е. И. В. и непрестанно молитеся! Вотъ вамъ добрый совѣтъ паче всѣхъ совѣтовъ“[2]). Руничъ говорилъ правду и давалъ дѣйствительно добрый совѣтъ: укрѣпленіе за монастырями права на владѣніе обширными поземельными имуществами было завершеніемъ самыхъ смѣлыхъ надеждъ всѣхъ иниціаторовъ этого дѣла. И въ смыслѣ матеріальномъ, и въ смыслѣ нравственномъ это узаконеніе имѣло самое существенное значеніе для иргизскихъ обителей: съ одной стороны имъ, въ видѣ

[1]) Ibidem, 21.
[2]) Ibidem, 22.

дара, безъ всякихъ заслугъ, давались обширные участки земли, съ другой—этимъ даромъ правительство признало за ними такое же право на существованіе, какое имѣли православные монастыри. Не говорю уже о томъ, какъ высоко подняли Иргизъ въ глазахъ старообрядцевъ всѣ эти щедро излитыя на него милости свыше.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Руничъ и дальше оказалъ бы не мало услугъ своему излюбленному Иргизу, но онъ скоро остался не у дѣлъ, превратившись изъ крупнаго административнаго дѣятеля въ мирнаго гражданина, на покоѣ дожившаго остатокъ дней своихъ. Со времени его выхода въ отставку, т. е. приблизительно съ 1805 года, прекратилась и его переписка съ Иргизомъ: послѣдній какъ будто забылъ о своемъ недавнемъ благодѣтелѣ и попечителѣ. Изъ всѣхъ иргизскихъ настоятелей одинъ только Прохоръ, сколько по честности и прямотѣ своей натуры, столько же и по глубокому сознанію заслугъ Рунича для монастырей, до самой смерти его поддерживалъ съ нимъ дружескія отношенія. Это подтверждается и однимъ изъ послѣднихъ писемъ Рунича, писаннымъ къ Прохору 8 января 1824 года: „Двадцати семи-лѣтній мой добрый пріятель, отецъ Прохоръ! Отъ 1 октября протекшаго года письмо ваше и осетра съ боченкомъ свѣжей икры я получилъ отъ инока Андрея. Благодарю васъ дружески за пріязненное письмо ваше и присланный гостинецъ. Не подарокъ вашъ мнѣ дорогъ, но дорого мнѣ старческое ваше о мнѣ напоминаніе, ибо тѣмъ доказываете и онымъ подтверждаете, что отъ меня ни вамъ собственно, ни собратіи вашей ни въ какое время не сдѣлано зла, хотя имѣлъ я силу вредить многимъ. Я сожалѣю о прошедшихъ вашихъ страданіяхъ; пожалѣйте и вы о моихъ, на 75 году жизни претерпѣваемыхъ; примите и отъ меня маленькой мой подарокъ, съ подателемъ сего къ вамъ посланный, и вѣрьте, что вамъ преданнѣйшій слуга—Павелъ Руничъ“[1]). Прежде чѣмъ окончательно проститься съ Руничемъ, необходимо отмѣтить еще одинъ, въ существѣ дѣла, весьма крупный, фактъ его содѣйствія благу Иргиза. Какъ извѣстно, соборными постановленіями 1783 и 1792 года Иргизъ монополизировалъ за собой право пріема бѣглыхъ священниковъ. Эта монополія скоро сдѣлалась для него источникомъ неисчислимыхъ выгодъ. Дѣло въ томъ, что Иргизскіе монастыри не подражали ветковцамъ и стародубцамъ,—

1) Ibidem, 22—23.

они, подъ предлогомъ благочестія, не раздавали своихъ запасныхъ даровъ всякому желающему, а снабжали или только священниковъ и въ рѣдкихъ, почти исключительныхъ, случаяхъ—избранныхъ монаховъ или даже монахинь изъ другихъ старообрядческихъ центровъ. То же самое повторялось и съ древнимъ, будто бы до-никоновскимъ, миромъ, которое не присылалось даже уставщикамъ. Отсюда понятно, какъ нужны были старообрядцамъ священники: упростивъ и облегчивъ дѣло требоотправленія, Иргизъ, однако, главныя, существенныя таинства оставилъ въ рукахъ священниковъ, пріобрѣтать которыхъ можно было только у него. Но пріобрѣтать безъ денегъ было нельзя, такъ какъ монастыри не даромъ же трудились надъ чинопріемомъ, не даромъ изъ негодныхъ, еретическихъ священниковъ дѣлали годныхъ и правоспособныхъ удовлетворять религіознымъ потребностямъ людей древляго благочестія. Такъ открылась торговля бѣглыми попами, принявшими исправу. И частныя лица, и цѣлыя старообрядческія общества неминуемо должны были испрашивать себѣ на Иргизѣ духовныхъ пастырей и также неминуемо должны были уплачивать за нихъ въ пользу обителей, какъ бы въ видѣ выкупа, ту или другую сумму денегъ, вмѣстѣ съ извѣстнымъ количествомъ подарковъ. Размѣръ контрибуціи опредѣлялся двумя условіями: временемъ, на которое отпускался требуемый священникъ, и его внутренними и внѣшними качествами,—сановитостью, благоповеденіемъ и т. п. Если попъ отпускался на годъ, то за него отпускающій монастырь получалъ отъ 200 до 500 рублей аренды; если же онъ отправлялся на постоянное жительство, то за него вносилось единовременно отъ 500 до 2000 рублей. Деньги эти вносило или общество, или священникъ, смотря по тому, какъ сторгуются. Заключивъ сдѣлку, игуменъ снабжалъ отправляемаго запасными тайными дарами для причащенія часовенныхъ старообрядцевъ, миромъ и елеемъ для крещенія младенцевъ и соборованія больныхъ[1]). Среднюю цифру годового дохода монастырей отъ разсылки исправленныхъ священниковъ опредѣлить невозможно, такъ какъ ни Прохоръ въ своемъ статистическомъ описаніи иргизскихъ обителей, ни чиновникъ кн. Голицына, Полонскій, занимавшійся, по приказанію губернатора, статистическимъ изслѣдованіемъ этихъ монастырей, ничего не говорятъ объ этомъ; но приблизительно можно су-

[1]) Пареенъевъ, Оправд. церк., 18.

дить о ней по числу священниковъ, разосланныхъ Иргизомъ по всѣмъ угламъ обширной Россіи. П. И. Мельниковъ утверждаетъ,— не приводя, впрочемъ, никакихъ документальныхъ доказательствъ,— что въ началѣ нынѣшняго столѣтія ихъ проживало по разнымъ мѣстамъ болѣе 200 человѣкъ. Сопоставляя эту цифру съ его же болѣе частными указаніями („въ Уланерскомъ скитѣ, на Керженцѣ,—говоритъ онъ,—ихъ было по 12 разомъ; въ Комаровскомъ—по 5; въ Екатеринбургѣ—тоже; у казаковъ на Дону, на Уралѣ, а особенно на Кавказской линіи еще болѣе“[1])... приходится признать ее очень гадательной и несомнѣнно слишкомъ малой сравнительно съ дѣйствительной. Но допустимъ даже эту цифру и предположимъ, что каждый священникъ доставлялъ монастырю ежегодно только 300 рублей: на долю каждаго изъ трехъ мужскихъ монастырей придется громадная цифра—20.000 рублей въ годъ! Разсылка этихъ поповъ въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II, тѣмъ больше при Павлѣ и въ началѣ царствованія Александра I, была совершенно свободна; власти знали о ней, но молчали и показывали видъ, что ничего не знаютъ. Это придало храбрости старообрядцамъ и въ началѣ 1803 года раскольники села Городца, нижегородской губерніи, вошли съ оффиціальнымъ ходатайствомъ о дозволеніи имъ получать священниковъ съ Иргиза. Монастыри были, разумѣется, сильно заинтересованы исходомъ этой попытки и съ своей стороны негласно начали работать въ пользу ходатайства. Не безъ содѣйствія, кажется, Рунича, какъ негласнаго „министра“ по дѣламъ раскола, высочайшимъ повелѣніемъ дозволено было „для успокоенія старообрядцевъ села Городца“ имѣть имъ священниковъ съ Иргиза, съ тѣмъ единственно условіемъ, чтобы снисхожденіе это не было обращено во зло, т. е. чтобы священники вызывались по мѣрѣ надобности и съ вѣденія правительства и не распространяли раскола за предѣлами тѣхъ селеній, для которыхъ выписаны[2]). Удовлетвореніе просьбы городецкихъ раскольниковъ было весьма важно для Иргизскихъ монастырей: верховная власть теперь оффиціально признала за ними право снабжать раскольничьи общины своими священниками. То, что немного ранѣе было только терпимо, теперь сдѣлалось дозволено; это несомнѣнный шагъ впередъ и при томъ шагъ крупный.

1) „Рус. Вѣст.“, 1864, № 5, 17.
2) Собр. пост. по части раск., по М. В. Д., 21.

Несмотря однако на такой благопріятный ходъ дѣлъ, духъ времени дѣлалъ свое дѣло: въ расколѣ поповщины все замѣтнѣе и сильнѣе становились внутреннія колебанія, настроенія и разладъ. Всѣ чаще и чаще проявлялась борьба личнаго разума съ традиціей, исторически сложившимся авторитетомъ, и результатомъ этой борьбы получались многочисленныя отпаденія членовъ поповщинскихъ общинъ. Отпаденія эти приняли столь значительные размѣры, что въ апрѣлѣ 1805 года, по иниціативѣ настоятеля Верхняго монастыря Гавріила, собрался въ его обители соборъ для обсужденія тогдашнихъ „послѣдне-временныхъ обстоятельствъ.“ Члены этого собора,—очень торжественно обставленнаго, судя по количеству подписавшихся,—въ составленномъ ими актѣ прямо заявляютъ, что многіе отъ нихъ отщетились, перейдя въ другія секты, въ единовѣріе и въ великороссійскую церковь; иные же, не отдѣлясь вполнѣ, тѣмъ не менѣе не соблюдаютъ со всей строгостью установленій св. отцовъ, ибо „имѣютъ совокупленіе въ ястіи, и питіи, и моленіи со еретики и со отлучившимися отъ нашей православной церкви.“ Подобнаго рода явленія приводятъ въ ужасъ членовъ собора, такъ что въ нихъ „всѣ чувства поколебашася“; для предотвращенія широко разлившагося зла, въ видахъ противодѣйствія „плевеламъ еретическимъ и злоугрызательнымъ ядомъ ихъ,“ они и признали необходимымъ составить особое соборное уложеніе. Это говорили отцы собора вслухъ, но въ самомъ текстѣ соборнаго положенія есть одинъ намекъ, заставляющій думать, что были и другія, еще болѣе серьезныя причины для колебанія на Иргизѣ „чувствъ“: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ старообрядцы „отъ небрежности или за слабостью“ отступали отъ иргизскихъ постановленій 1783 и 1792 годовъ въ дѣлѣ пріема бѣглыхъ священниковъ. Это отступленіе для отцовъ собора было гораздо существеннѣе сообщенія съ еретиками въ ястіи и питіи, такъ какъ наносило монастырямъ матеріальный ущербъ, и для поправленія этой-то собственно стороны дѣла, нужно полагать, и собранъ былъ соборъ. Установивъ въ общихъ чертахъ характеръ отношеній православныхъ къ отступникамъ, напомнивъ, что послѣднихъ надлежитъ неоднократно поучать и увѣщевать отъ св. писанія, въ случаѣ же неисправленія—имѣть яко язычниковъ и мытарей, отцы собора тотчасъ же переходятъ къ интересующему ихъ вопросу о чинопріемѣ приходящихъ отвнѣ мірянъ и клириковъ. Возстано-

вить однообразіе чинопріема представляется имъ тѣмъ болѣе необходимымъ, что „божіею благостью и неизслѣдованными его судьбами не малое количество душъ человѣческихъ разнаго исповѣданія вѣръ и разныхъ сектовъ приходятъ и нынѣ къ православной церкви съ немалымъ усердіемъ и вмѣсто испадшаго куколя наполняется многоплодною пшеницею, и церковь Христова всюду прославляется, и стадо православныхъ овецъ время отъ времени болѣе умножается, зане кромѣ церкви Божіей нигдѣ нѣсть спасенія". Основная точка зрѣнія въ вопросѣ о чинопріемѣ переходящихъ изъ православія у отцовъ разсматриваемаго собора та же самая, что и у отцовъ двухъ предыдущихъ соборовъ 1783 и 1792 годовъ: принимать ихъ необходимо по второму чину, т. е. чрезъ миропомазаніе, если же кто крещенъ обливаніемъ или рукоположенъ отъ обливанскаго епископа, то простолюдинъ перекрещивается, а священникъ миропомазывается, но благодати священства при этомъ обнажается. Гораздо важнѣе способа пріема было для иргизскихъ законодателей самое мѣсто этого пріема бѣглыхъ священниковъ, но этотъ пунктъ прямо и непосредственно не затрогивается въ постановленіяхъ собора: подчеркивать его значило навлекать подозрѣніе и давать пищу дурнымъ предположеніямъ. Но, вникая ближе въ самую сущность соборныхъ постановленій, найдемъ, что и этотъ вопросъ рѣшается на основаніи постановленій предыдущихъ соборовъ, создавшихъ монополію Иргиза: принимать чрезъ миропомазаніе можно только тамъ, гдѣ есть древнее, истинное миро, а такого нигдѣ, кромѣ Иргиза, не было. Такимъ образомъ и соборъ 1805 года настаиваетъ на монополіи Иргиза, хотя не такъ смѣло, какъ это дѣлали раньше,—времена были уже не тѣ. Стараніе замаскировать свои настоящія побужденія особенно проглядываетъ въ заключительныхъ словахъ соборнаго акта: „Сіе положеніе написахомъ и утвердихомъ не отъ своего умышленія или пристрастія, но отъ богопроповѣдниковъ св. апостоловъ.... и церковныхъ правилъ.... Не восхощемъ убо со грѣхи чужими погибнути, но убоявшеся тяжкаго суда и страшный день предъ очима имуще, съ таковыми погибнути не изволимъ; но засвидѣтельствовать день и нощь въ народѣ и особь должны есмы, соотводитижеся лукавствомъ и небреженіемъ ихъ не восхощемъ, прилежати же паче пріобрѣсти ихъ и изъяти лукаваго. Аще же се не возможемъ, по-

тщимся поне своя души отъ вѣчнаго осужденія спасти“[1]). Въ этой тирадѣ слишкомъ много словъ, въ ней слишкомъ усердно отцы собора открещиваются отъ „пристрастія и умышленія“, чтобы ее можно было признать искренной.

Вопросъ о чинопріемѣ переходящихъ въ расколъ самъ собою наводитъ на мысль разсказать о томъ, какъ совершался на Иргизѣ этотъ обрядъ, извѣстный подъ именемъ „исправы“, и какимъ миромъ производилось миропомазаніе исправляемыхъ. Рѣшивъ принять пришедшаго изъ православія священника, настоятель монастыря созывалъ въ церковь всю старшую братію[2]). Очередной священникъ или іеромонахъ исповѣдывалъ пришедшаго въ алтарѣ, потомъ, окончивъ исповѣдь, выходилъ на амвонъ и провозглашалъ, что его духовный сынъ „достоинъ священствовать“, на что настоятель и братія отвѣчали: „Богъ благословитъ ему священствовать.“ Вслѣдъ за этимъ новопришедшаго одѣвали въ полное священническое облаченіе, ставили его по срединѣ церкви предъ открытыми царскими дверьми, возлѣ наполненной водою купели, и давали ему громко, вслухъ всѣхъ присутствующихъ, читать формулу отреченія, которую архим. Платонъ приводитъ въ слѣдующемъ видѣ: „Азъ, священно-іерей (имя рекъ) отъ гнусныя никоніанскія ереси къ непорочной всею душею приступаю вѣрѣ; проклинаю вся отреченная св. отцы: аще кто не креститъ въ три погруженія съ приглашеніемъ во имя Отца и Сына и св. Духа, но обливаетъ, да будетъ проклятъ; аще кто служитъ божественную литургію на пяти просфорахъ, а не на семи, да будетъ проклятъ; аще кто приглашаетъ божественную пѣснь аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа, слава тебѣ Боже, да будетъ проклятъ; молящіеся въ три перста, а не двумя, да будутъ прокляты; брѣющіе брады и подстризающіе усы, да будутъ прокляты; аще кто благославляетъ пятію персты странно нѣкако, не по преданію св. отецъ, да будетъ проклятъ; знаменующіе на просфорахъ четвероконечные кресты, а не осми-

---

[1]) Поповъ, IV, 117—130.

[2]) Дубакинъ (loc. cit., 60) утверждаетъ, будто иногда къ исправѣ священника собирались представители всѣхъ Иргизскихъ монастырей; ни у Попова (IV, 174), которымъ онъ пользовался, ни у Добротворскаго („Прав. Соб.“, 1857, III, 536), которымъ пользовался Поповъ, нѣтъ на этотъ счетъ никакого намека. Нужно полагать, что такой излишней торжественности монастыри никогда не видали, такъ какъ исправа совершалась очень часто и потому ничего выходящаго изъ ряда вонъ не представляла. *Прим. авт.*

конечные, и на нихъ служащіе, да будутъ прокляты; еще кто чтетъ молитву—Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ—съ приложеніемъ литеры І, а не по древнему—Господи Ісусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ, да будетъ проклятъ; въ заключеніе, наконецъ, и всѣхъ нововведенныхъ преданій, отъ Никона патріарха содержимыхъ нынѣ грекороссійской церковью, отрицаюсь, и проклинаю, и анафемѣ предаю, и иже изволитъ имъ и послѣдуетъ—анафема и да будетъ проклятъ“[1]). Покончивъ съ анафематствованіемъ новшествъ, исправляемый, или отъ лица его другой, читаетъ по потребнику положенное для обращающихся отъ яковитской ереси. Во все время, пока читаются всѣ эти отреченія, совершающій обрядъ исправы священникъ стоитъ возлѣ исправляемаго, при чемъ вычитываетъ надъ нимъ все то, что въ потребникѣ положено читать при совершеніи крещенія. Затѣмъ беретъ губку и, омочивъ ее въ предстоящей купели, отираетъ мѣста помазанія, говоря: „крестился еси, просвѣтился еси, освятился еси, миромъ помазался еси во имя Отца и Сына и св. Духа“. Ризъ при совершеніи миропомазанія со священника не снимаютъ, „да не снимутъ купно и хиротонію и тѣмъ обнажатъ его священства“. По окончаніи обряда, новоисправленный священникъ кланяется до земли собравшейся въ церкви братіи монастырской и клирошанамъ и уходитъ изъ церкви правоспособнымъ совершать всѣ богослуженія и требы у старообрядцевъ. Исправа діаконовъ и мирянъ совершалась тѣмъ же порядкомъ, только съ меньшей торжественностью[2]). Нѣсколько иначе описываетъ чинъ исправы оберъ-прокуроръ св. синода, на основаніи свѣдѣній, относящихся къ 1838 году. „Бѣжавшій священникъ, являясь въ раскольничій монастырь къ настоятелю, потомъ въ церковь, слушаетъ читаемое ему въ алтарѣ прощеніе, потомъ вмѣстѣ молится Богу, ѣстъ и пьетъ, но къ престолу прикладываться, равно и подходить къ благословенному антидору, просфоры употреблять, ни къ разнымъ требамъ—крещенію, исповѣди, маслособорованію и бракосочетанію—его не допускаютъ. Чрезъ недѣлю уставщикъ собираетъ соборъ предъ литургіей въ казенную (?!), на коемъ присутствуетъ настоятель, уставщикъ, казначей и десять че-

[1]) Ниж. сем. библ., № 3774, 157. У Добротворскаго почему-то выпущена изъ текста исправы анафема на „брѣющихъ браду и подстризающихъ усы“ („Пр. Соб.“, 1857, III, 526).

[2]) Сар. Ист. Архивъ, Карт. А, № XXVII.

ловѣкъ старшихъ иноковъ, именуемыхъ соборными, куда приглашаютъ и бѣжавшаго священника. Настоятель предлагаетъ вышеупомянутымъ: „Его благословеніе такой-то, познавъ нашу истинную православную вѣру Христову, явился къ намъ и желаетъ быть у насъ и наши правила исполнять и желаетъ принять отъ нашихъ священниковъ миропомазаніе“. Тогда всѣ старцы встаютъ съ мѣстъ и благодарятъ бѣжавшаго священника и предлагаютъ ему, чтобы избралъ себѣ духовнаго отца, и бѣжавшій въ присутствіи всѣхъ избираетъ онаго. По окончаніи сего собора, ударяютъ къ обѣднѣ, къ которой собираются по чину старцы; бѣжавшій священникъ, распустя волосы, въ полукафтаньи, безъ кушака и безъ рясы, стоитъ въ алтарѣ; уставщикъ даетъ ему большой потребникъ, чтобы просмотрѣлъ чинъ миропомазанія. Послѣ божественной литургіи всѣ расходятся по своимъ мѣстамъ и остаются два или три изъ собравшихся старцевъ и духовникъ съ клирошнымъ и пономарь; дѣлаютъ по обряду всѣ вмѣстѣ и духовникъ исповѣдываетъ бѣжавшаго въ алтарѣ, облеченнаго въ ризы, поручи и эпитрахиль. По окончаніи исповѣди выходятъ на амвонъ лицомъ на западъ, къ аналою, поставленному пономаремъ съ требникомъ и крестильнымъ ящикомъ; потомъ полагаетъ священникъ на бѣжавшаго чистое полотенце и даетъ зажженную свѣчу и говоритъ бѣжавшій священникъ: „Азъ священно-іерей (имя рекъ) отъ гнусныя іаковитскія и ханцыцарскія ереси къ непорочной православныхъ всею душею приступаю вѣрѣ“.... (чинъ по большому потребнику до-никоновскаго изданія, гл. 21). И по семъ вопрошаетъ духовникъ трижды: вѣруеши ли во святую единую Троицу? и отвѣчаетъ: „вѣрую во единаго Бога Отца“. Трижды. Потомъ „Господу помолимся“ и молитва „Боже Спасе нашъ, хотяй всѣмъ человѣкомъ спастися“. По окончаніи молитвы мажетъ, глаголя: „печать дара Духа Святаго“. Потомъ опять „Господу помолимся“, „Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, сподобивый совершенная видѣти рабу Твоему“. Дьячекъ читаетъ псаломъ: „Блаженни, имже отпустятся беззаконія“ трижды; апостолъ и евангеліе по крещеніи; потомъ іерей новопросвѣщеннаго отираетъ губою, не касаяся, впрочемъ, тѣхъ мѣстъ, гдѣ мазано миромъ, и омываютъ оба священника руки и отираютъ платкомъ. Потомъ эктинья „Помилуй насъ, Боже“, и поминаетъ о здравіи священника и бываетъ отпускъ, и священникъ допускается къ богослуженію, но умываться восемь

дней не позволяютъ". Также совершается и исправа мірянина. Была ли когда-нибудь такая форма чинопослѣдованія исправы—неизвѣстно, но настоятель Верхняго монастыря Силуанъ, къ которому губернаторъ обратился съ запросомъ по этому поводу, удостовѣрялъ, что такой чинъ исправы въ его монастырѣ не употреблялся[1]).

Для исправы употреблялось миро, уцѣлѣвшее будто бы отъ дней первыхъ патріарховъ въ Россіи. Фальшь подобнаго утвержденія убѣдительно выясняетъ преосв. Никифоръ Ѳеотоки[2]), но еще болѣе убѣдительно разъясняетъ дѣло архим. Платонъ въ своей „*Автобіографіи*" и „*Выпискѣ о старообрядцахъ*": „Я благоговѣлъ,—говоритъ онъ,—къ св. миру, за древнее выдаваемому, какъ меня въ томъ увѣряли (на Иргизѣ), что миро у нихъ древле-освященное по старопечатнымъ книгамъ при патріархѣ Іосифѣ. Но когда я постригся въ иночество въ 1795 году (въ Нижнемъ монастырѣ, чрезъ іеромонаха Меѳодія), тогда настоятель Прохоръ поручилъ мнѣ при церкви быть уставщикомъ и ризничимъ, вручилъ мнѣ въ храненіе и святое ими называемое миро, неполную полуосьмушную бутылку, и приказалъ раздавать попамъ для требъ. Когда я роздалъ оное до капли, спрашивалъ настоятеля Прохора, гдѣ взять мнѣ такового мира; онъ показалъ мнѣ въ церкви Воскресенской за правымъ клиросомъ большую бутыль ведра въ два и приказалъ наливать изъ нея въ малую данную мнѣ бутыль. Издержавъ и то, я опять спрашиваю, отколь брать миро; онъ, Прохоръ, подтвердилъ брать оное изъ той же большой бутыли. И когда я роздалъ попамъ и другую бутылку до капли и замѣтилъ, что изъ той же большой бутыли берутъ пономари и наливаютъ въ горящія лампады, называя то масломъ деревяннымъ простымъ, почему я третично спросилъ настоятеля Прохора, гдѣ взять мнѣ святое для поповъ миро, то онъ огорчился на меня, сказавъ: „тутъ бери, гдѣ тебѣ показано, не всякій разъ тебѣ указывать". Я, узнавши точно, что въ большой бутыли простое деревянное масло, въ лампады наливаемое, началъ сомнѣваться и смущаться о мирѣ святомъ и любопытствовать отъ старцевъ, гдѣ настоящее древнее св. миро, но никто изъ нихъ тайны сей мнѣ не открылъ, а отвѣчали, что по вѣрѣ ихъ вся отъ Бога возможна суть, и маслу миромъ по нуждѣ быть. Но я не могъ сему по-

1) Арх. канц. сарат. губернатора, вяз. 19, № 80, 86—87, 100.
2) Отв. пр. Никифора, 411—421.

вѣрить и смущался о семъ мирѣ года четыре, любопытствовалъ и изыскивалъ, ходилъ нарочно для сего на Яикъ къ пустынножителямъ и тамъ, наслышавшись объ одномъ инокѣ Никанорѣ, коего всѣ пустынники называли мудрымъ и книжнымъ человѣкомъ, удостоился я бесѣды его и вопросилъ о сомнѣніи моемъ и о мирѣ святомъ, который съ истиннымъ увѣреніемъ и твердостью духа сказалъ мнѣ: „Что на Иргизѣ за святое миро? нѣтъ его древняго ни у кого и старцы иргизскіе выдаютъ простое масло за таковое миро фальшиво и тѣмъ приманиваютъ къ себѣ простодушныхъ“. Платонъ, уже старикъ, свидѣтельствуетъ Богомъ въ истинности этого разсказа[1]). Вопросъ о мирѣ интересовалъ, конечно, не одного Платона и былъ для бѣглопоповщины однимъ изъ ея наиболѣе слабыхъ пунктовъ: „разныхъ вѣръ еретики и богоборцы“ усердно глумились надъ поповскимъ миромъ и многіе „малодушные и неутвержденные въ вѣрѣ“, подобно Платону, оставляли изъ-за мира завѣты поповщины. Послѣ Прохора, въ его старыхъ бумагахъ, найдено было письмо къ нему совмѣстно съ настоятелями двухъ другихъ Иргизскихъ монастырей, Гавріиломъ и Тарасіемъ, иноковъ Улангерскаго скита, что на Керженцѣ, отъ 1 іюня 1827 года, въ которомъ авторы усердно, за имя Христово, просятъ пречестнѣйшихъ иргизскихъ отцовъ, „ревнителей благочестія, апостольскихъ наслѣдниковъ, крѣпкихъ и твердыхъ столпостоятелей, душевнаго корабля кормниковъ и правителей, чистителей человѣческихъ душъ, ключарей и вратниковъ царства небеснаго, вождей слѣпыхъ, наставниковъ заблудшихъ, словесныхъ овецъ пастырей и Христовыхъ воинъ полководцевъ“, разъяснить имъ, какъ и откуда берется на Иргизѣ миро и на основаніи какихъ церковныхъ правилъ оно тамъ составляется. Не имѣя отвѣта на этотъ вопросъ, они не могутъ защищать истину и препятствовать еретикамъ „красти отъ вѣры отцовъ маловѣрныхъ словесныхъ овецъ“; свидѣтельство на счетъ мира въ извѣстныхъ имъ церковныхъ правилахъ темно, а другого они отыскать нигдѣ не могутъ „за скудостью св. книгъ“. Былъ ли отвѣтъ съ Иргиза керженскимъ совопросникамъ—ни откуда не видно[2]).

Свидѣтельствомъ Платона, искренность котораго въ данномъ случаѣ трудно заподозрить, вопросъ объ иргизскомъ мирѣ рѣшает-

1) Ниж. сем. библ., № 3774, 438—439; см. 312.
2) Бр. Св. Кр., № 513, 193—196.

ся очень просто. Нѣсколько труднѣе разрѣшить другой, близко соприкасающійся съ исправой, вопросъ—о бѣглыхъ священникахъ. Въ литературѣ установился взглядъ, что въ расколъ уходили только худшіе изъ православныхъ священниковъ, запрещенные въ священнодѣйствіи или опасавшіеся подпасть такому запрещенію, и что монастыри, принимая ихъ, не задавались и мыслью объ ихъ нравственныхъ качествахъ или о законности ихъ священства. Есть вѣскія основанія глядѣть на дѣло нѣсколько иначе: игуменъ Высоковскаго единовѣрческаго скита Герасимъ, по отзыву митр. Филарета московскаго, „человѣкъ заслуживающій довѣрія и свѣдущій въ дѣлахъ раскола", въ своей запискѣ, читанной въ засѣданіи Секретнаго Комитета 13 марта 1828 года, говоритъ между прочимъ: „Раскольники тщательно развѣдываютъ, не запрещенъ ли бѣглецъ въ священнослуженіи или не лишенъ ли сана; такового никакъ для священнодѣйствія у нихъ не пріемлютъ"[1]). Сергій Юршевъ, какъ мы видѣли, описываетъ процедуру, предшествовавшую принятію священиковъ-прозелитовъ, вполнѣ согласно съ свидѣтельствомъ Герасима. Для примиренія противорѣчія необходимо допустить, что на Иргизѣ въ различныя времена различно относились къ дѣлу пріема бѣглыхъ поповъ и что большая или меньшая разборчивость въ оцѣнкѣ правоспособности и нравственныхъ качествъ пришедшаго зависѣла по преимуществу отъ личнаго взгляда того или другого настоятеля. Далѣе, во времена древнѣйшія, при Сергіѣ Юршевѣ, напр., принимали съ большей осторожностью, чѣмъ во времена позднѣйшія. Въ разсмотрѣнныхъ выше доказательствахъ истинности иргизской церкви въ подробности выяснено, какъ тщательно на Иргизѣ наводили справки относительно личности пришедшаго священника, какъ посылали своихъ агентовъ въ мѣсто его первоначальнаго служенія, и какъ только по полученіи отъ посланныхъ удовлетворительныхъ свѣдѣній допускали бѣглыхъ къ исправѣ. Благодаря этому пріему, на Иргизѣ нерѣдко встрѣчались священники очень хорошаго поведенія, никогда раньше не бывшіе „судимы и штрафованы"[2]). Съ другой стороны извѣстны факты крайней неосторожности въ дѣлѣ пріема. Особенной неразборчивостью отличался въ подобныхъ случаяхъ Прохоръ. Архим.

[1]) Дѣла Секр. Комит., Vol. VI, стр. 157.
[2]) Собр. постан., по вѣд. св. Син., II, 195, 302—303.

Платонъ прямо говоритъ, что у Прохора не было препятствіемъ то, что многіе изъ бѣглыхъ поповъ и дьяконовъ были подъ запрещеніемъ, а другіе—отлучены и лишены священства,—ему важнымъ казалось одно только, именно, чтобы они приняли исправу[1]). Эти слова подтверждаются и перепиской Прохора съ вожаками екатеринбургскихъ раскольниковъ, Акимомъ Рязановымъ и Ѳомой Казанцевымъ. „Отецъ Петръ Андреевъ,—писали эти послѣдніе 19 ноября 1823 года Прохору,—по надобностямъ и просьбамъ вблизи живущихъ христіанъ, отпущенъ не на долгое время и паки въ отлучку... Каковая же получена изъ тамбовской консисторіи о прежнихъ его походахъ справка, у сего прилагается списокъ. Желательно намъ знать, имѣлъ ли въ виду сіе монастырь при принятіи о. Петра или нѣтъ? А не въ судъ говорится, нравственность его много попорчена“. Изъ приложеннаго къ письму списка видно, что за отцомъ Петромъ тамбовская консисторія имѣетъ 16 слѣдственныхъ дѣлъ, въ числѣ которыхъ есть и подлогъ, и пьянство, и кража, и вымогательство за требоисправленія, и святотатство, и укрывательство краденныхъ вещей[2]). Съ еще большей прямотой и рѣзкостью писали они Прохору отъ 4 декабря того же года. Перечисливъ всѣ непріятности и огорченія, причиненныя имъ присланными съ Иргиза священниками,—Петромъ Андреевымъ, который скоро будетъ привлеченъ консисторіей къ суду, Гавріиломъ Алексѣевымъ, который тоже будетъ какъ разъ отозванъ, ибо и о немъ по консисторіи есть дѣла, и особенно Иваномъ Максимовымъ, который по чрезмѣрной слабости къ вину и буйственнымъ порокамъ за послѣдніе два года никакими дѣлами заниматься былъ почти не въ состояніи, съѣздить же на Иргизъ „для исправленія“ не соглашался, а въ довершеніе всего привлеченъ казанской консисторіей къ суду,—авторы письма просятъ Прохора въ замѣну послѣдняго никуда негоднаго пастыря прислать къ нимъ вновь поступившаго въ Нижній монастырь священника Ивана Сергѣева и прибавляютъ при этомъ: „будемъ надѣяться, что вы, пречестнѣйшій отецъ, и прочіе монастыри, безъ сомнѣнія, принимать впредь таковыхъ порочныхъ священниковъ не будете, въ чемъ весьма будетъ нужно имѣть самую достовѣрнѣйшую выправку, какъ по приходу, такъ и по духовному правленію. А если принимать за-

1) Ниж. сем. библ., № 3774, 438.
2) Бр. Св. Кр., № 513, 184—188.

благоразсудите по прежнему, безъ всякой осмотрительности, или почему-либо не будетъ благоугодно удовлетворять общество здѣшнее достойнѣйшими священниками, въ такомъ случаѣ просимъ васъ, пречестнѣйшій отецъ, купно со всей братіей, благословить здѣшнее общество принимать при святѣй здѣшней церкви, къ чему однако же мы собственно собою, чувствуя достодолжное ко всѣмъ монастырямъ вашимъ уваженіе, никогда бы приступить не желали“[1]). Какъ отнесся Прохоръ и его сотоварищи по должности настоятелей къ этому внушительному предостереженію представителей екатеринбургскаго старообрядческаго общества—неизвѣстно, да, пожалуй, и не нужно знать: для нашей цѣли важенъ только фактъ, что Прохоръ допускалъ къ исправѣ, безъ всякаго разбора, людей самаго невозможнаго поведенія и потомъ снабжалъ ими различныя старообрядческія общества. Ивана Сергѣева, раньше бывшаго священникомъ села Бѣгуча, петровскаго уѣзда, онъ екатеринбуржцамъ однако не далъ: продержавъ его у себя въ монастырѣ съ полгода, онъ отправилъ его затѣмъ въ Саратовъ, къ мѣстной часовнѣ. Этотъ Иванъ Сергѣевъ, бѣжавшій въ расколъ безъ всякаго преступленія и, по справкамъ въ консисторіи, оказавшійся „поведенія не худого“ и штрафамъ не подвергавшимся, впослѣдствіи былъ захваченъ саратовской полиціей и принесъ раскаяніе въ побѣгѣ, за который наказанъ былъ, по распоряженію преосв. Амвросія, годичнымъ заключеніемъ въ пензенскій Преображенскій монастырь на покаяніе[2]).

Соборъ 1805 г. состоялся въ самую лучшую, самую благопріятную для саратовскаго раскола пору. Мѣстная духовная власть мало интересовалась вопросомъ о расколѣ и какъ будто игнорировала его жизнь и развитіе. Расколъ росъ на ея глазахъ, Иргизъ гремѣлъ по всей Россіи, а пензенско-саратовскіе епископы ничего этого не видѣли и не слышали. Гражданская администрація, напуганная ревностью увѣшаннаго регаліями Рунича, пораженная милостями къ мѣстному расколу съ высоты престола, ослѣпленная блескомъ золота старообрядческихъ магнатовъ, относилась къ раскольникамъ любовно и предупредительно до подобострастія. Губернаторъ Бѣляковъ выписываетъ чрезъ исправника настоятелей Иргизскихъ мона-

1) Ibidem, 191—192.
2) Сар. Истор. Архивъ, Карт. А, № LXVIII.

стырей къ себѣ въ Саратовъ съ цѣлью „посовѣтоваться“ съ ними „для нѣкотораго мѣроположенія“[1]). Онъ защищаетъ ихъ отъ „нападокъ“ со стороны удѣльнаго начальства, хотя самъ же признается, что это начальство покровительствуетъ монастырямъ и, такъ сказать, насаждаетъ расколъ[2]); на каждомъ шагу рекомендуетъ вольскому исправнику быть „въ поступкахъ своихъ крайне осторожнымъ“, дабы не сдѣлать „какого-либо противнаго видамъ правительства вліянія на народъ, расколу преданный“[3]), и многое т. под. Расколъ быстро уловилъ эту перемѣну административныхъ вѣяній и смѣло поднялъ голову. Иргизскіе настоятели теперь уже не чуждаются губернаторовъ; напротивъ, они сами охотно вступаютъ съ ними въ переписку и сквозь обычную маску смиренія въ этихъ сношеніяхъ ихъ съ властями нерѣдко проглядываетъ тотъ рѣзкій тонъ, о которомъ ихъ предшественники не смѣли и мечтать. И этотъ тонъ вовсе не былъ результатомъ ошибки или самообольщенія: они просто хорошо понимали, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, и по опыту знали, что всегда сумѣютъ поладить съ Петромъ Ульяновичемъ Бѣляковымъ или Алексѣемъ Давидовичемъ Панчулидзевымъ, правившими саратовской губерніей съ 1802 до 1827 года. Прот. Чернышевскій совершенно справедливо объясняетъ въ своей докладной запискѣ преосв. Іакову причины потворства расколу со стороны этихъ правителей саратовской губерніи: „Раскольники богатствомъ своимъ развращаютъ чиновниковъ, склоняютъ ихъ на свою сторону и заставляютъ ихъ, мздоимствомъ увлеченныхъ, дѣлать то, что противно законамъ и цѣлямъ правительства. О меньшихъ чиновникахъ и говорить нечего, когда высшіе не могутъ устоять противъ обольщеній раскола“[4]). При такихъ условіяхъ, съ одной стороны, естественно, поднимался авторитетъ Иргизскихъ монастырей въ раскольничьей массѣ Саратовскаго края, съ другой—облегчались расколу, верховными представителями котораго являлись эти монастыри, средства пропаганды своихъ заблужденій, а тѣмъ и другимъ вмѣстѣ—нанесенъ былъ православію большой и трудно поправимый вредъ; считаться съ послѣднимъ выпало на долю позднѣйшихъ поколѣній и счеты эти остались не сведенными до настоящей поры.

---

1) С. И. А., I, А, № 7, 306.
2) Ibidem, Карт. А, № LXIII; сн. № LXI.
3) Ibidem, I, А., № 7, 99.
4) Ниж. сем. библ., № 3774, 30.

Какъ смѣло и открыто велъ свои дѣла Иргизъ при Бѣляковѣ, какимъ властнымъ тономъ заговорилъ онъ въ разсчетѣ на свой авторитетъ, это лучше всего покажетъ слѣдующая выдержка изъ собственноручнаго письма Прохора, отъ 5 марта 1807 года, на имя саратовскаго старообрядческаго общества: „Присланное отъ васъ общественное начертаніе отъ нарочно посланныхъ уставщика Григорія Михеева и отъ Ивана Васильевича Калмыкова, по благополучномъ ихъ прибытіи къ намъ во святую обитель на сборное воскресеніе, и при немъ пятьдесятъ рублей и прочія снѣди исправно получили... Просите отъ св. церкви на время постнаго теченія для исправленія духовныхъ потребностей искуснаго пастыря и то однако-жъ съ воли его превосходительства, господина гражданскаго губернатора, Петра Ульяновича. Мы, о семъ сдѣлавъ общее братское согласіе, дѣлаемъ вамъ въ общую душеспасительную пользу—отпустили отъ св. церкви искуснаго пастыря Федора Никитича. Мы въ немъ увѣрены, что сей едва ли безъ вины согласится явиться къ архіерею (разумѣется: съ повинною). Прошу его принять и содержать въ христіанской любви и во всякихъ нуждахъ не оставить и творить къ нему почтеніе и повиновеніе, какъ есть долгъ священническому чину, ибо я и его превосходительству объ этомъ священникѣ писалъ. Постарайтесь обществомъ вашимъ г. губернатора поблагодарить... Мы наслышаны, что нашего православнаго исповѣданія многіе люди не наблюдаютъ христіанскаго благочестія и церковнаго благочинія, безъ всякой нужной вины съ поспѣшностью отправляютъ божественную службу. Попечителю (молитвеннаго дома) нужно имѣть крайнее наблюденіе и подтвердить уставщикамъ, чтобы ни подъ какимъ видомъ безъ благословной вины чтенія не оставляли.... Еще и такіе есть въ вашемъ обществѣ: самъ женихъ старообрядецъ, невѣсту же беретъ россійской церкви, безъ всякаго ея раскаянія; волею своей вѣнчается въ той церкви, а потомъ паки приходятъ въ старообрядческій молитвенный храмъ безъ всякаго ихъ раскаянія. А другіе и отцы православнаго исповѣданія благословляютъ своимъ дѣтямъ брачиться совсѣмъ не съ православнымъ лицемъ, т. е. съ покрещеванцами или безпоповщинцами; и сіе есть не мало православному человѣку правилами не дозволяется у таковыхъ ругателей понимать, дондеже не обѣщается быть въ православномъ исповѣданіи. А другіе во своихъ преступ-

леніяхъ не хотятъ принесть извиненія св. церкви, стараются коварно по своей волѣ найти іерея или іеромонаха и требуютъ отъ тѣхъ поповъ неправильнаго разрѣшенія, и сіе поставляютъ въ свое оправданіе; тщетно однако же, ибо св. церковь сего не пріемлетъ, а должны вси взирать и подражать правильному раскаянію покойной Степана Дьяконова супруги, Дарьи Дьяконовой. Совѣтуемъ всѣмъ подражать ея правильному покаянію и безъ труда отъ св. церкви обрящутъ прощеніе“[1]).

Этотъ властный тонъ, эта смѣлая рѣчь производили впечатлѣніе въ раскольничьей средѣ, ибо заставляли вѣрить въ силу говорящаго. Авторитетъ и слава иргизскихъ обителей, благодаря косвенному содѣйствію предержащихъ властей, росли и ширились, какъ въ предѣлахъ Саратовскаго края, такъ и внѣ ихъ. Не говорю уже о пермской губерніи, въ которую толпами посылались бѣглые попы съ Иргиза, а постриженники иргизскіе заводили скиты и часовни[2]), но даже и поповцы болѣе отдаленныхъ мѣстъ, соблазнялись примѣромъ своихъ иргизскихъ собратій, постоянно обращались къ правительству съ ходатайствомъ о формальномъ разрѣшеніи брать священниковъ съ Иргиза, если же вздумаетъ обратиться къ нимъ какой бѣглый духовнаго сана, то отправлять такого на Иргизъ „для обученія всѣмъ церковнымъ службамъ.“ Такое ходатайство возбуждалось въ 1811 году раскольниками ярославской губерніи[3]); въ 1812 и 1816 годахъ—раскольниками владимірской губерніи[4]); въ 1818 году—раскольниками пермской, оренбургской, тобольской и томской губерній[5]); въ сентябрѣ этого же года и казаки Гребенскаго войска чрезъ генерала Ермолова испрашивали оффиціальное разрѣшеніе заимствоваться иргизскими священниками[6]). Этотъ потокъ ходатайствъ стоялъ, конечно, въ связи съ одной стороны съ поднятіемъ авторитета Иргиза, соборными постановленіями котораго раскольники послѣ 1805 года не хотѣли пренебрегать, съ другой—съ допущеніемъ саратовской администраціей послабленій по части разсылки изъ монастырей поповъ и сборщиковъ пожертвованій на монастырскія нужды. И какъ было не соблазниться, какъ не попытать счастья

---

[1]) С. И. А., Карт. А, № VII.
[2]) Палладій, Обозр. пермск. раск., 27, 34, 41.
[3]) Собр. постан., по вѣд. св. Синода, II, 87—89.
[4]) Ibidem, II, 117—119; Варадиновъ, VIII, 74—75.
[5]) Ниж. сем. библ., № 3774, 297.
[6]) С. И. А. Карт. А, № CI.

въ ходатайствѣ, когда было извѣстно, что иргизскіе оо. настоятели предписываютъ губернатору свои условія, подаютъ ему не отзывы или объясненія, а „положенія“! Вотъ образчикъ этихъ „положеній“, вызванныхъ къ жизни минорнымъ тономъ саратовскихъ властей. 25 октября 1810 года настоятели всѣхъ Иргизскихъ монастырей коллективно писали Панчулидзеву, что они не согласны на его предложеніе, сдѣланное имъ при посѣщеніи Верхняго монастыря,—доводить до свѣдѣнія епархіальнаго архіерея о всѣхъ приходящихъ священникахъ и діаконахъ и ждать отъ него утвержденія ихъ въ должности, равно какъ и увѣдомлять преосвященнаго о построеніи или освященіи старообрядческихъ церквей. Подобное предложеніе они получили еще ранѣе, въ 1809 г., отъ преосв. Моисея, когда онъ проѣздомъ былъ въ Вольскѣ, и тогда же отвѣтили отказомъ, „по непривычкѣ своей быть съ духовными властями въ перепискѣ“. И теперь они повторяютъ то же и просятъ оставить ихъ по прежнему, при чемъ изъясняютъ нижеслѣдующее „положеніе“: „1) о всѣхъ приходящихъ къ намъ священникахъ и діаконахъ мы обязуемся доносить чрезъ земскаго исправника вашему превосходительству; 2) если нужда потребуетъ отправить оныхъ по христіанскимъ надобностямъ въ разныя мѣста, просить у В. Пр. имъ билеты; 3) о построеніи церквей спрашивать В. Пр. станемъ, чтобъ сіе освященіе производимо было нашими священниками по старообрядческому обыкновенію и уставу на прежнихъ правилахъ; 4) весь распорядокъ въ монастыряхъ, чинъ и служеніе оставить при насъ неприкосновенными отъ всякой духовной власти... Представляемъ себя съ братіей въ полное В. Пр. повиновеніе и благоволите оставить насъ спокойными на прежнемъ нашемъ положеніи“[1]). И Панчулидзевъ согласился на предложенныя ему условія: въ 1811 году при Королевской моленной въ Петербургѣ захваченъ былъ раскольничій священникъ Василій Андреевъ; въ паспортѣ, подписанномъ Панчулидзевымъ, онъ именуется „отпущеннымъ въ Петербургъ священникомъ Нижне-Воскресенскаго, что на Иргизѣ, монастыря“[2]). Подписывая подобныя бумаги, Панчулидзевъ, конечно, понималъ, что превышаетъ этимъ свои губернаторскія права, но подписывать ихъ было выгодно... При немъ бѣглые священники разъѣзжали иногда

[1]) Бр. Св. Кр., № 513, 131.
[2]) „Русск. Вѣст.“, 1866, № 9, 14.

на почтовыхъ лошадяхъ по подорожнымъ, въ которыхъ прописывалось званіе проѣзжающаго. Этотъ же Панчулидзевъ, по убѣдительному ходатайству П. М. Злобиной, переноситъ ежегодную ярмарку изъ сосѣдства съ Среднимъ монастыремъ въ ближайшее сосѣдство съ Верхнимъ, чтобы увеличить „скудные“ доходы послѣдняго, и разрѣшаетъ негласно настоятелю Гавріилу выставить 1 августа на церковной паперти икону Казанской Божіей Матери, какъ чудотворную[1]).

Саратовскіе губернаторы безъ разбора выдавали паспорты бѣглымъ исправленнымъ священникамъ, а удѣльная контора, въ вѣдѣніе которой съ 1808 года поступили монастыри, также свободно выдавала паспорты въ разные города Россійской имперіи монахамъ, отправлявшимся въ странствованіе за сборомъ милостыни,—цѣль этихъ отлучекъ въ оффиціальныхъ бумагахъ маскировалась словомъ „заработки“. Только въ 1815 году вице-губернаторъ Заварицкій, правившій должность губернатора за отсутствіемъ Панчулидзева, обратилъ вниманіе на эти „заработки“, когда началось дѣло объ арестованномъ въ Перми съ паспортомъ отъ саратовской удѣльной конторы инокѣ Верхняго монастыря Филаретѣ. Заварицкій потребовалъ было отъ удѣльной конторы, чтобы она впредь подобныхъ увольненій и паспортовъ никому изъ монашествующихъ не давала[2]), но дѣло затянулось и оканчивать его пришлось самому Панчулидзеву, который въ донесеніи своемъ по этому вопросу министру полиціи писалъ, что хотя монахамъ и слѣдовало бы прекратить постоянныя отлучки ихъ изъ монастырей, такъ какъ эти отлучки „единственной цѣлью имѣютъ только распространеніе ереси“, однако, принимая въ соображеніе „убѣдительныя“ просьбы настоятелей Иргизскихъ монастырей, онъ, губернаторъ, предложилъ удѣльной конторѣ снабжать означенныхъ монаховъ для отъѣзда въ другія губерніи письменными видами на четыре мѣсяца, съ тѣмъ однако же, чтобы въ видахъ этихъ означаемо было, для какихъ именно надобностей они отправляются, и дабы люди сіи нигдѣ ученія своего не распространяли и духовныхъ требъ не совершали подъ опасеніемъ строжайшаго взысканія. Министръ полиціи, гр. Вязмитиновъ, сообщилъ объ этомъ министру удѣловъ, который согласился

1) Поповъ, IV, 133.
2) Бр. Св. Кр., № 513, 132.

съ мнѣніемъ саратовскаго губернатора „впредь до времени опредѣленности по предмету сему особыхъ правилъ, до старообрядцевъ относящихся“[1]). Но это осталось лишь на бумагѣ, дѣйствительно же монахи и попы разъѣзжали по прежнему и доставляли монастырямъ громадный доходъ. Пожертвованія лились рѣкой. Ничего уже не говорю о Злобиной, которая за страшныя деньги пріобрѣтала для монастырей древнія утвари церковныя, дарила имъ свои осыпанные брилліантами кокошники, цѣною въ 40.000 рублей, и т. п.[2]), но и нарождавшіяся свѣтила старообрядческаго міра, въ родѣ семьи Сапожниковыхъ, вносили на нужды обителей крупныя ленты. Упомяну о нѣкоторыхъ наиболѣе замѣтныхъ жертвователяхъ. Петръ Сапожниковъ приноситъ въ даръ Среднему монастырю храмовой образъ Николая Чудотворца, цѣною въ 10.000 руб. слишкомъ. Онъ же, заботясь о благоукрашеніи этой обители, ставитъ противъ алтаря холодной церкви надъ могилой матери своей, инокини-схимницы Анисьи, которая въ 1803—1806 годахъ была настоятельницей Покровскаго женскаго монастыря[3]), великолѣпный мраморный памятникъ, обошедшійся дороже 30.000 руб. Жена донского атамана, гр. Платова, даритъ Никольскому же монастырю 18 полныхъ священническихъ облаченій изъ лучшей заграничной парчи[4]). Отъ другихъ источниковъ доходовъ оставалось достаточно свободныхъ суммъ, чтобы въ 1813 году Средній монастырь могъ купить у нѣкоего Товарова 1.000 десятинъ прекрасной земли на лѣвомъ берегу Малаго Иргиза[5]), а настоятель Сергій, управлявшій монастыремъ этимъ не болѣе пяти лѣтъ,—съ половины 1819 до 1823 или 1824 года, потому что въ 1825 году настоятельствовалъ уже Іоаннъ[6]),—успѣлъ за этотъ короткій промежутокъ времени пріобрѣсть церковной утвари, по скромной оцѣнкѣ Прохора, приблизительно на 50.000 руб.[7]). Въ 1818—1819 годахъ изъ тѣхъ же остаточныхъ суммъ Нижній монастырь купилъ въ Вольскѣ у мѣщанской вдовы Расторгуевой и у мѣщанина Антипова два дворо-

1) „Рус. Вѣстн.“, 1864, № 5, 14.
2) Леопольдовъ, Біогр. В. А. Злобина, 41. Авторъ утверждаетъ, что этотъ кокошникъ, хранившійся въ библіотекѣ Средняго монастыря, впослѣдствіи пропалъ безъ слѣда.
3) С. И. А., I, А, № 6, 754; № 7, 481.
4) Бр. Св. Кр., № 500, 41, 65—66, 69.
5) Ibidem, 67.
6) Арх. сар. губ. правл., I, 33, № 1596, 3.
7) Бр. Св. Кр., № 500, 4.

выхъ мѣста, изъ которыхъ первое было обстроено и представляло собой монастырское подворье[1]). Въ 1816 году Успенскій женскій монастырь со всѣми кельями и часовнями выгорѣлъ до-тла. Панчулидзевъ не нашелъ препятствій къ его возобновленію, монахини не стѣснились въ денежныхъ средствахъ и черезъ годъ, на землѣ Средняго монастыря, верстахъ въ двухъ отъ него, построенъ былъ новый женскій скитъ[2]).

Такъ относилась къ Иргизу гражданская власть, принявъ на себя по „убѣдительнымъ просьбамъ“ разныхъ лицъ роль патроновъ и чуть ли не благодѣтелей его. Немногимъ лучше стояло дѣло въ отношеніи власти духовной. Въ любопытномъ отношеніи отъ 27 марта 1809 года пензенская духовная консисторія объясняетъ саратовскому губернскому правленію, что она „не имѣетъ *никакихъ* свѣдѣній объ иргизскихъ монастыряхъ и населяющихъ ихъ жителяхъ“ и потому проситъ для ознакомленія съ положеніемъ раскола на Иргизѣ: 1) „отобрать отъ настоятелей этихъ монастырей показанія, къ какому составу принадлежатъ монашествующіе—къ свободному ли или къ сорту людей, платящихъ государственныя повинности; 2) имѣютъ ли какое надъ собою духовное начальство, отъ повелѣній и распоряженій коего они бы зависѣли, и гдѣ оное именуется и изъ какихъ состоитъ лицъ; 3) предложить иргизскимъ обоего пола монастырямъ и всѣмъ старообрядцамъ, по саратовской губерніи живущимъ, не будутъ ли они согласны быть спокойны и довольны произведенными къ нимъ епархіальнымъ преосвященнымъ правильно священниками, мѣста коихъ занимаютъ нынѣ у нихъ бѣглые отсюда утекшіе или лишенные священства; а при семъ отвращенъ бы былъ вовсе поводъ къ таковому самовольству въ тѣ монастыри нѣкотораго буйственнаго побѣгу“. Въ заключеніе консисторія указываетъ на важность полученія требуемыхъ свѣдѣній: тогда она въ свою очередь въ состояніи будетъ отвѣчать на обращаемые къ ней запросы разныхъ присутственныхъ мѣстъ по этому предмету и скорѣе окончитъ начатыя дѣла, которыя стоятъ въ зависимости отъ этихъ свѣдѣній. Это отношеніе не повело ни къ чему: губернское правленіе не вняло просьбѣ и мѣсяца черезъ два увѣдомило консисторію, что всѣми дѣлами, касающимися раскола,

1) С. И. А., I, A, № 11, 28.
2) Ibidem, 9, 62.

завѣдуетъ губернаторъ, отъ котораго и можно получить затребованныя данныя. Консисторія сноситься съ губернаторомъ, кажется, не пожелала и благая попытка ознакомленія съ Иргизомъ канула въ вѣчность[1]).

За тридцати-лѣтній періодъ безпечальнаго существованія Иргиза (1797—1826) нѣсколько разъ собиралась было надъ нимъ гроза, но такъ-таки не собралась разразиться и дѣло всякій разъ оканчивалось пустяками. Первый случай относится къ 1800 году, когда астраханское губернское правленіе потребовало поступленія по всей строгости законовъ съ живущими на Иргизѣ, „на хуторѣ отцовскомъ, въ Верхнемъ монастырѣ," людьми за держаніе ими завѣдомо бѣглаго преступника, наказаннаго кнутомъ по приговору курской палаты уголовнаго суда, Евстифея Пѣгова. Въ виду показанія послѣдняго, что на Иргизѣ всегда укрывается подобныхъ ему не малое число, астраханское правленіе просило таковое же саратовское „предпринять законныя и дѣятельныя мѣры" къ прекращенію монастырями пріема и укрывательства бѣглыхъ, „яко наносящихъ всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ отяготительную переписку". Вольскому нижнему земскому суду дано было въ этомъ смыслѣ строжайшее предписаніе, но онъ ограничился одной посылкой за Волгу своего засѣдателя Половинскаго и отобраніемъ отъ настоятелей иргизскихъ соотвѣтствующихъ подписокъ, причемъ настоятель Верхняго монастыря Гавріилъ въ своей подпискѣ отрицалъ даже фактъ укрывательства на монастырскомъ хуторѣ Пѣгова и клялся, что такихъ лицъ въ его монастырѣ не бываетъ да и быть не можетъ[2]). И подписки и клятвы были забыты очень скоро и въ февралѣ 1806 года губернатору Бѣлякову пришлось писать къ вольскому исправнику Безобразову, что, по дошедшимъ до него, губернатора, свѣдѣніямъ, на Иргизѣ „опять принимаются бѣглые изъ разныхъ мѣстъ всякаго званія" и что объ этомъ оренбургскій военный губернаторъ, кн. Г. С. Волхонскій, донесъ уже государю императору. Вслѣдствіе этого онъ предписывалъ исправнику немедленно лично отправиться въ монастыри, „обыскать въ прямомъ видѣ все безъ закрытія и и подробно обо всемъ въ строжайшей справедливости донести". Найденныхъ бѣглыхъ тотчасъ же велѣно было выслать въ надлежащія

1) Бр. Св. Кр., № 513, 130—131.
2) С. И. А., I, А., № 5, 557—565.

мѣста и всѣхъ настоятелей обязать подпиской о недержаніи впредь безпаспортныхъ бродягъ[1]). Чѣмъ увѣнчались поиски исправника— неизвѣстно, но похоже на то, что Безобразовъ, состоявшій за все время своей службы въ неизмѣнной дружбѣ съ монастырями, уладилъ дѣло къ удовольствію оо. иноковъ.

Спустя полгода послѣ этой исторіи, въ Саратовѣ опять вспомнили объ Иргизѣ. Тамбовская удѣльная экспедиція не поладила почему-то съ Прохоромъ и, назначивъ надъ нимъ слѣдствіе по обвиненію его въ растратѣ монастырскаго имущества, просила губернатора удалить его отъ должности настоятеля, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ жалуется инокъ Гедеонъ, до невозможности сурово обращается съ подвѣдомственными ему иноками: сажаетъ ихъ въ темный каменный подвалъ, привязываетъ тамъ къ столбу и вообще тиранитъ разными способами. Губернаторъ на половину исполнилъ эту просьбу: онъ послалъ въ монастырь Безобразова разузнать, насколько справедливы всѣ эти жалобы на Прохора, нѣтъ ли тутъ какихъ-либо сплетней и личныхъ интригъ со стороны экспедиціи и дѣйствительно ли монастырская братія желаетъ смѣнить Прохора[2]). Оказалось, какъ этого и слѣдовало ожидать, что инокъ-схимникъ Прохоръ во всѣхъ взводимыхъ на него обвиненіяхъ неповиненъ: монастырское имущество имъ не расхищается, а пріумножается, тиранства братіи не чинится и т. п. Жалоба Гедеона должна быть названа клеветой: этого горькаго пьяницу дѣйствительно останавливали и старались образумить какъ настоятель, такъ и вся братія, но ни въ выходъ не запирали ни къ столбу не привязывали, да и столба такого въ монастырѣ не имѣется. Самъ Гедеонъ изъ монастыря изчезъ безслѣдно, опасаясь, конечно, наказанія за облыжную жалобу.... Въ концѣ концовъ выходило, что лучше Прохора монастырю настоятеля не дождаться и потому смѣнять его не представляется основаній. И Прохоръ смѣненъ не былъ[3]).

Въ 1818 году возникло дѣло объ укрывательствѣ Прохоромъ бѣглыхъ крестьянъ Шутовыхъ. По существу своему это дѣло не представляетъ ничего особеннаго: пріемъ бѣглецовъ и бродягъ былъ обычнымъ явленіемъ на Иргизѣ; тотъ же Прохоръ неоднократно за-

1) Ibidem, № 7, 456—457.
2) Ibidem, Карт. А, № LXIII.
3) Ibidem, № LXIV. Черновой приговоръ братіи Нижняго монастыря по этому дѣлу съ поправками на поляхъ и въ текстѣ рукой Прохора.

мѣшанъ былъ въ дѣлахъ такого рода, но каждый разъ умѣлъ хоронить концы или, по крайней мѣрѣ, тушить начинающіяся дѣла во-время. Весьма вѣроятно, что и это дѣло было бы замято, если бы жадность слѣдователя не столкнулась съ упрямствомъ Прохора: люди не сошлись въ цѣнѣ и слѣдствіе поведено было настоящимъ порядкомъ, безъ обычнаго въ подобныхъ случаяхъ послабленія и умышленнаго затемненія. Въ 1814 году съ ижевскаго завода бѣжали два крестьянина Шутовыхъ въ лѣса екатеринбургскаго уѣзда и тамъ, верстахъ во 100 отъ самаго Екатеринбурга, скрывались въ уединенномъ скитѣ до начала 1815 года. Близость къ мѣсту побѣга сильно смущала ихъ и они направились на Иргизъ, гдѣ обратились прямо въ Нижній монастырь. Прохоръ встрѣтилъ гостей ласково, выслушалъ ихъ подробную исповѣдь и принялъ въ свою обитель. Одинъ изъ пришельцевъ сдѣлался у него пѣвчимъ, а другой скоро заболѣлъ и постригся въ иночество. Такъ прожили они тихо и смирно, не безпокоемые никакимъ начальствомъ, до 1818 года; въ этомъ году Прохоръ переслалъ было ихъ въ Верхній монастырь, но тамъ отказали въ пріемѣ и имъ пришлось вернуться обратно въ Нижній, а вслѣдъ затѣмъ и попасть въ руки полиціи. Около двухъ лѣтъ таскался Прохоръ по разнымъ судебнымъ инстанціямъ, пока, наконецъ, 30 сентября 1820 года саратовская палата уголовнаго суда не вынесла по этому дѣлу такой резолюціи: „Такъ какъ и по прежде произведеннымъ дѣламъ Прохоръ оставленъ подозрительнымъ въ держаніи бѣглыхъ и былъ неоднократно штрафованъ, то взыскать съ него за этихъ двоихъ дезертировъ 4.000 руб.; если же окажется платить оныхъ не въ состояніи, то, удаливъ его изъ монастыря и лишивъ добраго имени, по негодности за старостью лѣтъ къ службѣ, сослать на поселеніе въ Сибирь, въ иркутскую губернію“[1]). Путешествовать въ Сибирь 70-лѣтній старецъ не пожелалъ и громадный штрафъ былъ уплаченъ монастыремъ сполна. Не только для монастыря, но даже и лично для Прохора эта исторія въ данную минуту никакихъ послѣдствій не имѣла: онъ даже

1) Дѣло вольскаго магистрата, 1818 года, № 65, 1—39. Эту самую исторію, кажется, имѣлъ въ виду Поповъ, когда разсказывалъ о пріемѣ Прохоромъ какихъ-то двухъ политическихъ преступниковъ („Сборн.“, IV, 38—40). Сходство полное и разница вся въ томъ, что между 1827—1828 годами Прохоръ въ Сибири, а тѣмъ болѣе въ рудникахъ не былъ, да и не могъ быть сосланъ туда никакимъ судомъ по старости лѣтъ; изъ настоятелей окончательно вышелъ въ половинѣ 1827 года и схимникомъ былъ еще въ 1806 году. *Прим. авт.*

опять сдѣлался настоятелемъ, каковая должность за время его нахожденія подъ судомъ возложена была братіей на инока Никанора. Послѣдняго Прохоръ удалилъ отъ должности съ соблюденіемъ всѣхъ требованій приличія: въ „одобреніи", выданномъ отставному настоятелю всѣми иноками и бѣльцами монастыря, значилось, что онъ уволенъ „по собственному его желанію, за болѣзнію", что во все время бытности его настоятелемъ онъ велъ себя добропорядочно, братіи никакихъ соблазновъ не дѣлалъ, заботился объ увеличеніи средствъ обители, правильно велъ денежную отчетность и т. п.; въ виду этихъ заслугъ его предъ монастыремъ, братія обязывалась оказывать ему впредь, какъ почетному иноку", всякое почтеніе, допускать въ совѣты, не дѣлать никакихъ притѣсненій и, буде пожелаетъ въ другой монастырь выйти, то не удерживать его". Въ концѣ этого одобренія, подписаннаго настоятелемъ Прохоромъ, казначеемъ Тарасіемъ и соборными старцами, дѣлается замѣчаніе, что всѣ займы на монастырскія нужды, сдѣланные съ вѣдома братіи у частныхъ лицъ, обитель принимаетъ на себя и обязуется уплатить изъ текущихъ доходовъ[1]). Впрочемъ, вольскіе купцы не одобрили сдѣланнаго иноками выбора и обратились чрезъ вольскаго городского голову А. И. Расторгуева къ Панчулидзеву съ просьбой назначить „избираемаго ими на эту должность казначея Тарасія." Панчулидзевъ, разумѣется, „не нашелъ препятствій въ исполненіи сего прошенія" и написалъ 19 іюля 1820 года управляющему саратовской удѣльной конторой, С. И. Киндякову, письмо, въ которомъ просилъ „приказать исполнить желаніе вольскаго старообрядческаго общества, такъ какъ ничего противнаго законамъ оно не желаетъ, а монастыри въ значительной степени зависятъ отъ подаяній вольскихъ купцовъ[2]). Киндяковъ тоже „не нашелъ препятствій" исполнить желаніе губернатора и Прохоръ былъ смѣненъ Тарасіемъ: оказалось, какъ ни дико это, что настоятеля монастырю избрали вольскіе граждане, а не иноки. Дикость этого факта понималъ и самъ Киндяковъ, постановившій правиломъ на будущее время, что избирать настоятеля могутъ только удѣльные крестьяне. И удѣльные крестьяне воспользовались этимъ правомъ: они скоро отрѣшили отъ настоятельства навязаннаго имъ Тарасія и опять замѣнили его

[1]) Арх. Нижняго един. монаст., № 2.
[2]) С. И. А., Карт. А, №№ XVI, XVII.

Прохоромъ; по крайней мѣрѣ, въ сентябрѣ 1825 года Прохоръ занималъ уже это мѣсто[1]), но не на-долго.

Случай суда надъ Прохоромъ былъ, впрочемъ, явленіемъ исключительнымъ; обыкновенно же иргизскіе настоятели хорошо знали впередъ о каждомъ намѣреніи властей и заблаговременно принимали собственныя мѣры. Обширныя денежныя средства обителей позволяли имъ имѣть агентовъ повсюду, гдѣ только считалось нужнымъ имѣть ихъ; нерѣдко случалось, что губернаторскія предписанія въ копіяхъ раньше приходили на Иргизъ, чѣмъ въ Вольскъ къ исправнику или въ земскій судъ. Поэтому-то, умно и осторожно ведя свои дѣла, отцы настоятели очень рѣдко попадали подъ судъ за укрывательство бѣглыхъ или пріемъ безпаспортныхъ: при малѣйшемъ намекѣ на опасность, они немедленно спроваживали изъ своихъ монастырей подозрительныхъ лицъ и на спросы полиціи, являвшейся на поиски, съ спокойной совѣстью отвѣчали, что отыскиваемаго въ монастырѣ никогда не было, или былъ, да уѣхалъ неизвѣстно куда. Такъ когда въ іюлѣ 1820 года стали искать въ Среднемъ монастырѣ бѣглаго священника Іосифа Ларіонова, подлежавшаго преданію суду, то настоятель Сергій, не имѣя возможности отрицать дѣйствительность его пребыванія въ монастырѣ, такъ какъ въ свое время о поступленіи его въ монастырь доносилъ губернатору, отвѣчалъ, что онъ дня за два до этого неизвѣстно куда уѣхалъ и ставленную грамоту свою увезъ съ собой; въ случаѣ возвращенія его въ монастырь или полученія извѣстій о его мѣстопребываніи, онъ обязывался донесть вольскому земскому суду и, конечно, не донесъ[2]).

Не успѣло окончиться шутовское дѣло, какъ разыгралась съ Прохоромъ новая исторія, еще худшая первой. Въ августѣ 1818 года къ нему явились два священника: Иванъ Степановъ изъ села Паева, инсарскаго уѣзда, и Илья Матвѣевъ—изъ села Соленаго Ерика, царицынскаго уѣзда; оба они имѣли ставленныя грамоты и виды, выданные изъ консисторіи для пріисканія мѣстъ, и оба оказались впослѣдствіи низведенными на причетническую должность. Но Прохоръ, очень легко относившійся къ дѣлу пріема бѣглыхъ священниковъ, не сталъ наводить справокъ о степени дѣйствитель-

---

1) Арх. Нижн. един. мон., № 2.
2) Архивъ сар. губ. правл., I, 24, № 391, 4.

ности ихъ правъ на священство и допустилъ ихъ къ исправѣ, удовольствовавшись предъявленными ему документами. Наскучивъ жизнью въ монастырѣ подъ желѣзной ферулой Прохора, одинъ изъ этихъ священниковъ, именно Илья Матвѣевъ, задумалъ возвратиться въ православіе. Онъ явился къ преосв. Амвросію, когда тотъ въ октябрѣ 1820 года посѣтилъ монастыри старообрядческіе, съ повинной и, въ видахъ смягченія архіерейскаго гнѣва и наказанія, заявилъ ему, что его силой заставляли совершать богослуженіе по старопечатнымъ книгамъ. Весьма возможно, что Амвросій не повѣрилъ этому дѣтски-наивному оправданію, но оно давало ему поводъ вмѣшаться въ дѣла Иргиза, о которомъ теперь въ Пензѣ знали гораздо больше, чѣмъ 11 лѣтъ тому назадъ, и онъ сообщилъ о заявленіи Матвѣева губернатору, прося воспретить иргизскимъ настоятелямъ принимать бѣглыхъ поповъ. Панчулидзевъ 13 ноября 1820 года предписалъ произвесть слѣдствіе по этому дѣлу и потребовалъ остановить пріемъ бѣглыхъ поповъ. Въ мартѣ 1821 года настоятель Нижняго монастыря Тарасій, Средняго—Сергій и Верхняго—Гавріилъ дали такой отзывъ на это предписаніе: 1) „Мы, настоятели Иргискихъ монастырей, по высочайшему дозволенію съ давнихъ лѣтъ устроенныхъ, требуемой подписки безъ общаго всѣхъ старообрядческихъ обществъ, какъ-то: вольскаго, хвалынскаго, саратовскаго, казанскаго, ростовскаго, нижегородскаго, всего края Сибирскаго и въ другихъ разныхъ губерніяхъ пребывающихъ, и къ Иргизскимъ монастырямъ прилежащихъ, и взаимно другъ другу вспомоществующихъ, и одно отъ другого зависящихъ, дать никакъ не въ состояніи“, тѣмъ болѣе, что къ этому нѣтъ и повода. Попъ Илья добровольно явился въ монастырь, какъ объ этомъ своевременно заявлено было исправнику и какъ подтвердилъ это на допросѣ самъ Илья.... „Дать (подписку), по мнѣнію нашему, значитъ лишиться священства и съ тѣмъ вмѣстѣ св. древней греческой церкви, безъ которой и священства намъ... спастися невозможно.“ Стѣсненія въ дѣлѣ совѣсти будутъ приняты старообрядцами за гонительство. Кромѣ того затрудненія, по причинѣ недостатка священниковъ, въ отправленіи „тьмочисленныхъ требъ христіанскихъ,—браковѣнчанія, крещенія, пріобщенія св. божественныхъ таинъ, исповѣди грѣховъ, погребенія и памяти творенія о усопшихъ,—удалятъ христіанъ не токмо въ расколъ ѳедосѣевскаго согласія и другія разныя богопро-

тивныя и нами, старообрядцами, нетерпимыя секты, но и за предѣлы границъ россійской имперіи". 2) „На слова предписанія „обязать подпиской не принимать бѣглыхъ священниковъ" отвѣтствуемъ: мы принимаемъ ихъ по вѣрѣ отнюдь не за бѣглыхъ, а яко за приверженныхъ къ старообрядчеству и уволенныхъ отъ своихъ епархіальныхъ архіереовъ ради пріисканія себѣ мѣста со ставленными граматами, дѣйствительно рукоположенныхъ; впрочемъ, не ручаемся и не отвѣчаемъ за то, если который изъ тѣхъ священниковъ и сокрылъ что-либо противъ сего изъясненія, то тогда уже онъ Богу отвѣчаетъ за то, а мы, принимая ихъ съ завѣреніемъ предъ св. церковью Божіей и отцомъ духовнымъ, что онъ отлучился, не бывъ подъ запрещеніемъ своего архипастыря, ни по винѣ какой-либо и худому поступку, если-бъ и погрѣшили въ принятіи, но погрѣшность сію также на судъ Всепровидцу и Всесотворшему Господу Богу и прозорливому благоразсмотрѣнію и разсужденію просвѣщенныхъ правителей, что вынуждаемся къ тому недачею намъ или по неувольненію гласно желающихъ поступить къ намъ священниковъ, по приверженности ихъ ко святѣй древнѣй церкви, для богослуженія по древнимъ ея уставамъ, правиламъ и обрядамъ".... Амвросій пензенскій, въ октябрѣ 1820 года посѣтившій монастыри, не только не нашелъ ничего богопротивнаго въ старообрядческомъ богослуженіи, но, напротивъ, весьма одобрялъ его. Далѣе отцы настоятели возставали противъ наименованія старообрядцевъ сектантами и раскольниками и указывали на то, что Екатерина II, указомъ св. синоду отъ 29 декабря 1785 года, отмѣнила для нихъ названіе „раскольниковъ". Затѣмъ ссылались на Павла I, „вѣчной славы и памяти достойнаго", который чрезъ Рунича выдалъ изъ казны на построеніе церквей 6.000 рублей, и въ заключеніе еще разъ заявляли, что имъ „нельзя не принимать добровольно приходящихъ къ нимъ со ставленной грамотой дѣйствительно рукоположенныхъ и безъ вины отлучившихся священниковъ" и рѣшительно отказывались отъ дачи подписки, обязываясь только доносить земскому суду о каждомъ являющемся вновь священникѣ и, въ случаѣ нахожденія такового подъ запрещеніемъ или замѣченнаго ими самими въ худомъ поведеніи, отсылать отъ себя. „Мѣра сія, кажется, довольно должна быть для правителей гражданскихъ и духовныхъ удовлетворительна". Свой отзывъ они просили губер-

натора представить министру внутреннихъ дѣлъ, у котораго „состоять въ покровительствѣ“[1]). Вскорѣ по полученіи извѣстія отъ Амвросія о перепискѣ его съ губернаторомъ по поводу священника Матвѣева, синодъ составилъ извѣстные пункты о видахъ на званіе. Постановленіемъ своимъ отъ 6 іюня—11 іюля 1821 года онъ предписалъ всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ, „отъ тѣхъ священниковъ и церковныхъ служителей, которые, находясь подъ судомъ, удалены отъ своихъ должностей, равно какъ и тѣхъ, которые низведены на причетническія должности, отбирать ставленныя грамоты и другіе виды на званіе и возвращать ихъ тогда, когда такіе священники вновь опредѣлены будутъ къ должностямъ своего сана и чина; билеты и письменные виды, если нужно будетъ снабдить ими кого-либо изъ священно-и церковно-служителей для пріисканія мѣстъ въ одной и той же епархіи, давать съ осмотрительностью, судя по нравственному состоянію каждаго лица, чтобы виды эти не послужили для неблагонамѣренныхъ поводомъ и средствомъ къ вредной праздности и другимъ какимъ-либо злоупотребленіямъ; виды эти должны быть непремѣнно срочные, не болѣе какъ на одинъ мѣсяцъ, въ случаѣ же непріисканія мѣста, по прошествіи срока, давать новый видъ на такой же срокъ; но если кто мѣста не пріищетъ въ продолженіи нѣсколькихъ сроковъ, а между тѣмъ навлечетъ сомнѣніе на свое поведеніе, то епархіальное начальство должно дѣлать опредѣленіе о помѣщеніи такихъ по начальственному разсмотрѣнію и распоряженію“[2]). Кромѣ этого циркулярнаго распоряженія, онъ указомъ отъ 26 іюля 1821 года предписывалъ Амвросію сообщить отзывъ Панчулидзева на просьбу о воспрещеніи Иргизскимъ монастырямъ принимать бѣглыхъ священниковъ. Синодъ энергично вмѣшался въ начавшееся дѣло, но скоро охладѣлъ: получивъ увѣдомленіе объ отказѣ настоятелей дать требуемую подписку, онъ постановилъ 19 декабря 1821 года—16 февраля 1822 года, что и „не представляется надобности настоять въ требованіи съ нихъ таковой“[3]). Другого постановленія онъ и не могъ составить при господствовавшей тогда въ средѣ высшей администраціи тенденціи. Для иллюстраціи этой послѣдней привожу маленькій примѣръ изъ исторіи все того же саратовскаго раскола. Въ 1809 году изъ села Чирикова,

[1]) Бр. Св. Кр., № 513, 132—135.
[2]) Собр. постан., по вѣд. Св. Син., II, 153—156; Варадиновъ, VIII, 107—108.
[3]) Собр. постан., по вѣд. Св. Син., II, 160—163.

балашовскаго уѣзда, ушелъ на Иргизъ, въ Средній монастырь, молодой, 27-лѣтній священникъ Алексѣй Васильевъ Добронравовъ. Такъ какъ никакихъ судебныхъ дѣлъ за нимъ по консисторіи не числилось, то онъ и не скрывалъ даже своего намѣренія перейти въ расколъ: архіерею заблаговременно подалъ прошеніе объ увольненіи за-штатъ, а мѣстному благочинному, Алексѣю Яковлевичу Троецкому, разъяснилъ въ подробности свое намѣреніе, прибавивъ, что дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ по приказанію своего отца, который живетъ въ качествѣ старообрядческаго священника въ иргизскомъ Среднемъ монастырѣ. Благочинный не усмотрѣлъ ничего неблагочиннаго въ намѣреніи своего подчиненнаго и отпустилъ его съ миромъ. Въ 1814 году Добронравовъ отправленъ былъ въ Дубовку, а въ 1819 году—въ Петербургъ, въ Королевскую моленную, на смѣну умершаго священника Василія Андреева. Прожилъ онъ тамъ съ дозволенія оберъ-полиціймейстера цѣлыхъ три года, какъ вдругъ пензенская консисторія потребовала чрезъ петербургскую управу благочинія выслать его въ Пензу. Петербургское старообрядческое общество взволновалось,—Добронравовъ былъ человѣкъ трезвый и аккуратный,—и обратилось съ просьбой объ оставленіи его къ главнокомандующему Петербурга, гр. М. А. Милорадовичу. Тотъ навелъ нужныя справки и увѣдомилъ преосв. Амвросія, что требуемый имъ „священникъ Добронравовъ, какъ человѣкъ, которымъ не дорожатъ, остается въ Петербургѣ при нынѣшнемъ мѣстѣ“[1]). Нужно прибавить, что Милорадовичъ зналъ за Добронравовымъ кромѣ перехода въ расколъ и другія преступленія,—совершеніе имъ требъ у донскихъ раскольниковъ и бѣгство изъ-подъ стражи....

Итакъ грозовыя тучи, собиравшіяся надъ Иргизомъ, проносились мимо. Онѣ являлись какъ бы знаменіемъ грядущаго, первыми предвозвѣстниками приближающагося конца, и это уже вина самого Иргиза, что онъ не сумѣлъ понять ихъ предостерегающаго голоса и продолжалъ катиться по круто наклоненной плоскости. Поднявшись на необычайную въ исторіи раскола высоту, Иргизъ не могъ долго удержаться на ней,—періодъ разцвѣта слился у него съ періодомъ разложенія и упадка. Величественное зданіе, созданное трудами цѣлаго ряда умныхъ и дѣятельныхъ строителей и увѣнчанное поражающей по широтѣ замысла и размаха работой Прохора,

1) С. И. А., Карт. А, № XV.

лѣтъ семь—восемь качалось на подгнившихъ устояхъ и затѣмъ рухнуло съ одного изъ своихъ трехъ угловъ. Исторію паденія Иргиза я передамъ въ слѣдующихъ главахъ, а пока посмотримъ, чѣмъ ознаменовалась первая четверть текущаго столѣтія для раскола по другимъ мѣстностямъ Саратовскаго края, кромѣ при-иргизской.

Блестящія страницы иргизской исторіи были такими же и для саратовской поповщины въ ея цѣломъ,—такъ велика была близость, такъ тѣсна связь Иргиза, какъ метрополіи, съ остальными центрами саратовскаго раскола. Первыя 25 лѣтъ настоящаго столѣтія были временемъ полнѣйшаго развитія саратовской поповщины и самаго дѣятельнаго прозелитизма. Въ эту эпоху усилилась до небывалыхъ размѣровъ раскольничья пропаганда въ здѣшнемъ краѣ, разсыпались повсюду наставники и начетчики, построены были моленныя и часовни, организованы общины и Саратовъ, Вольскъ, Хвалынскъ и Дубовка сдѣлались вліятельными центрами. Результатъ получился столь благопріятный, что къ концу тридцатыхъ годовъ по всему Саратовскому краю не осталось, за исключеніемъ селеній магометанскихъ и нѣкоторыхъ мордовскихъ, села, деревушки или хутора, который не былъ бы зараженъ духомъ раскола. Крѣпче другихъ держались православные переселенцы изъ малороссовъ, но время и на нихъ имѣло вліяніе,—раскольники возмутили даже устойчивыхъ „хохловъ“ и они подъ конецъ также стали отклоняться отъ церкви. Случаевъ такого рода не мало можно насчитать, особенно въ селѣ Сокурѣ, саратовскаго уѣзда, а также въ Кормежкѣ, Большомъ Кушумѣ и др. селеніяхъ за Волгой. Не менѣе любопытенъ переходъ мордвы и чувашъ, не утвердившихся еще въ православіи, въ нѣдра раскола, какъ будто въ укоризну духовенству, не успѣвшему внушить имъ уваженія къ св. церкви и довѣрія къ своему сану. Не отпавшіе же отъ православія продолжали держаться языческихъ обычаевъ, вѣрили многобожію, не посѣщали церквей и при всемъ этомъ считались лучшими прихожанами. „Грустно подумать,—говорилъ впослѣдствіи по этому поводу гр. Стенбокъ,—что полуязычники, которые, какъ всѣмъ извѣстно, недавно еще ходили въ церковь по наряду и нарядъ этотъ считался натуральной повинностью,—„за подводу,“—теперь выставляются духовенствомъ, какъ болѣе преданные православію, потому только, что не успѣли познакомиться съ заблужденіями раскольническими.“ И слова гр. Стенбока не

грѣшатъ противъ истины,—это горькая правда. Но, раздвинувъ во всѣ стороны предѣлы своихъ владѣній, поповщина прочнѣе всего утвердилась за разсматриваемое время въ мѣстахъ, отвоеванныхъ ею у православія раньше. Къ числу такихъ мѣстъ прежде всего должно причислить, разумѣется, Вольскъ съ его уѣздомъ. Не довольствуясь открытіемъ въ 1793 году церкви, которая оказалась вдругъ „непомѣстительной и ветхой," вольскіе раскольники задумали построить другую, на этотъ разъ для прочности каменную. Они представили планъ предполагаемаго зданія Бѣлякову и ходатайствовали о выдачѣ имъ разрѣшенія на постройку. Бѣляковъ, конечно, понималъ, что выдача разрѣшеній на сооруженіе церквей, хотя бы то и раскольничьихъ, не входитъ въ кругъ его компетенціи, однако счелъ нужнымъ удовлетворить ходатайство просителей и 23 мая 1806 года послалъ вольскому городничему Струкову слѣдующее предписаніе: „Милостивый государь мой, Никаноръ Никаноровичъ! Вольское старообрядческое общество просило меня о дозволеніи имъ построить каменную церковь по ихъ обрядамъ въ приличномъ мѣстѣ. Позволяя имъ оное, предписываю къ построенію оной церкви ихъ допустить и освятить на основаніи ихъ правилъ и обрядовъ"[1]). Между раскольниками немедленно началась подписка, при чемъ одинъ В. А. Злобинъ далъ 10.000 рублей, и, годъ спустя, постройка началась; по крайней мѣрѣ, Бѣляковъ 9 іюля 1807 года послалъ тому же Струкову новое предписаніе: „Въ Вольскѣ граждане изъ старообрядцевъ имѣютъ въ будущее воскресенье приступить къ основанію новаго каменнаго храма. При семъ случаѣ не оставьте со стороны полиціи наблюсти благопристойность, чтобы отъ кого-либо не было причиняемо никакихъ обидъ". Струковъ „наблюлъ" и торжественная закладка церкви, занявшей пространство въ двѣсти квадратныхъ саженей, состоялась на соблазнъ всѣмъ православнымъ жителямъ Вольска. Главный надзоръ за построеніемъ принялъ на себя Злобинъ, а за отсутствіемъ его распоряжался работой братъ его жены, П. М. Волковойновъ[2]). Молчало вольское духовное правленіе, молчалъ и преосв. Гаій, вообще мало входившій въ дѣла епархіи и очень снисходительно относившійся къ расколу и раскольникамъ. Ободренные уда-

[1]) Архивъ канц. сар. губерн., 2 вяз., № 1, 4.
[2]) Ibidem, 5.

чей, раскольники быстро создали другой планъ: Семенъ Расторгуевъ купилъ находящуюся на Безыменномъ ключѣ, недалеко отъ сада и мельницы, каменную солодовню Яковлева и отъ имени брата своего, Льва, началъ передѣлывать ее въ церковь,—надстроилъ главы и поставилъ крестъ. Объ этой работѣ вольскій благочинный, протоіерей Иванъ Дубовскій, донесъ въ 1809 году рапортомъ преемнику Гаія, преосв. Моисею, и тотъ распорядился: „Спросить купца, почему онъ самовольствуетъ и строитъ безъ позволенія архипастыря и противиться даже именнымъ высочайшимъ указамъ, тѣмъ паче, что ежели бы онъ отъ насъ потребовалъ сего на основаніи законовъ, мы бы, конечно, съ удовольствіемъ исполнили сію просьбу, и что онъ отвѣтствовать будетъ, протопопъ представитъ къ намъ, а между тѣмъ сообщить о семъ и въ губернское правленіе, дабы оно съ своей стороны непокоряющихся законамъ Е. В. отъ буйности удержало“[1]). Губернское правленіе въ отвѣтъ на это сообщеніе прислало копію съ разрѣшенія на постройку, выданнаго вольскимъ старообрядцамъ Бѣляковымъ. Преосвященный остался недоволенъ такимъ отвѣтомъ и положилъ на немъ резолюцію: „Объявить о семъ чрезъ благочиннаго городской полиціи, что ежели сіе дѣло не будетъ остановлено, то о семъ отъ насъ будетъ донесено чрезъ св. Синодъ къ Е. И. В.; притомъ же мы архипастырскимъ словомъ увѣряемъ всѣхъ такъ называемыхъ раскольниковъ, что они получатъ отъ насъ позволеніе строить церковь, коль скоро отзовутся къ намъ о семъ, и для чего же послѣ сего имъ быть нарушителями церковныхъ и гражданскихъ законовъ“[2])? Между тѣмъ, когда прот. Дубовскій обратился съ запросомъ къ строителю новаго храма, то получилъ въ отвѣтъ, что церкви никакой не строится, а устраивается только молитвенный домъ, что переправки производитъ собственно не онъ, а братъ его, Левъ, который за отъѣздомъ изъ Вольска поручилъ ему наблюсти за украшеніемъ моленной по надлежащему, и что поэтому онъ не можетъ ничего сказать, какъ это Левъ взялся за дѣло безъ архипастырскаго благословенія. Преосв. Моисей порадовался такому объясненію и на рапортѣ по этому предмету надписалъ: „Объявить купцу со смиренномудріемъ евангельскимъ чрезъ прот. Дубовскаго, дабы купецъ сей отозвался къ намъ о

1) С. И. А., Карт. А, № VIII.
2) Ibidem, № CV.

семъ письменно, испрашивая на сіе позволеніе, и мы тотчасъ въ удовольствіе его утвердимъ строеніе молитвеннаго дома, не имѣя въ виду никакихъ притяженій власти, а единственно побуждаемся къ сему соединеніемъ вѣры и любви христіанскія“[1]). Расторгуевъ, въ виду предшествовавшей угрозы чрезъ полицію, вѣроятно, согласился „отозваться письменно“, потому что въ концѣ 1809 года въ новой моленной открыто совершалось богослуженіе. Вслѣдъ за этимъ раскольники воспользовались пріѣздомъ въ Вольскъ преосвящ. Моисея, и подъ предлогомъ усердія къ православію испросили у него разрѣшеніе сломать старинную каменную православную церковь, съ обязательствомъ на мѣсто ея выстроить новую; но сломать—сломали, а новой не выстроили и, благодаря этому ловкому маневру, въ городѣ осталась только одна православная церковь—старая кладбищенская. Любопытно то, что Моисей похвалилъ вольскихъ старообрядцевъ „за усердіе и благочиніе во время служенія“. Такой же похвалы удостоилъ ихъ и преемникъ его, Аѳанасій, въ 1813 году[2]), но этотъ скоро, очевидно, перемѣнилъ свое мнѣніе о раскольничьемъ усердіи и благочиніи, потому что 16 октября 1816 года, съ донесенія вольскаго духовнаго правленія, обратился къ губернатору съ просьбой воспретить продолжать постройку начатой по разрѣшенію Бѣлякова каменной церкви и въ тоже время донесъ объ этомъ синоду. Оберъ-прокуроръ синода вошелъ по этому поводу въ сношеніе съ петербургскимъ генералъ-губернаторомъ Вязмитиновымъ, который и предписалъ саратовскому губернатору пріостановить постройку. Распоряженіе это было исполнено въ началѣ 1817 года; церковь къ этому времени вчернѣ была уже окончена; куполъ обитъ бѣлымъ желѣзомъ, на немъ сіялъ крестъ, но внутри къ работамъ еще не приступали. Раскольникамъ ничего болѣе не оставалось, какъ покрыть зданіе снаружи лубьями и ждать наступленія лучшихъ дней. Между тѣмъ синодъ повелъ дѣло о самовольствѣ Бѣлякова дальше и въ ноябрѣ этого года состоялось положеніе комитета министровъ, которымъ воспрещалось губернаторамъ давать дозволенія по предметамъ, касающимся духовнаго вѣдомства[3]). Удавшее какъ съ неба запрещеніе постройки на этотъ разъ почему-

[1]) Ibidem, № CVI.
[2]) Ниж. сем. библ., № 3774, 305.
[3]) Собр. постан., по М. В. Д., 37; Арх. канц. Сар. губерн., 2 вяз., № 1, 9; Арх. Нижн. мон., № 6, 15—16.

то не особенно смутило вольскихъ раскольниковъ; столь чуткіе обыкновенно къ малѣйшимъ измѣненіямъ административныхъ вѣяній, они теперь не обратили на эту крупную перемѣну никакого вниманія. Два бѣглые священника съ дьяконами по прежнему торжественно отправляли у нихъ богослуженіе въ старой Злобинской и новой Расторгуевской часовняхъ; по прежнему открыто совершались крестные ходы и другія духовныя процессіи; по прежнему гудѣлъ по городу колокольный звонъ съ раскольничьей часовни; по прежнему чуть не публично шла пропаганда. Въ общемъ все это носило видъ какой-то демонстраціи, за которую раскольникамъ пришлось скоро поплатиться, такъ какъ мѣстное начальство, въ лицѣ правившаго должность городничаго, уѣзднаго судьи Мацнева, и членовъ духовнаго правленія, прот. Дубовскаго и свящ. Новикова, поспѣшило воспользоваться ихъ оплошностью: въ половинѣ 1818 года арестовано было разомъ все вольское старообрядческое духовенство и началось слѣдствіе о противозаконныхъ дѣяніяхъ его,—„посмѣяніи обрядовъ господствующей православной церкви и преклоненіи отъ оной къ своимъ лжеученіямъ“. При производствѣ слѣдствія вольскіе раскольники представили отъ лица всего общества письменное объясненіе, „что часовни, которыя они называютъ церквами, существуютъ со времени возвращенія въ Россію изъ-за границы раскольниковъ и литургіи отправляются на антиминсахъ россійскихъ патріарховъ. Изслѣдованіе о нихъ произведено уже было по высочайшему повелѣнію сенаторомъ Руничемъ; богослуженіе ихъ свидѣтельствовалъ лично преосвящ. Моисей, и какъ за всѣмъ тѣмъ оставлены они были до нынѣ при спокойномъ отправленіи обрядовъ своихъ, то и не считаютъ себя подлежащими новому изслѣдованію и не отвѣчаютъ за непріятныя послѣдствія, могущія произойти отъ многихъ тысячъ людей, принадлежащихъ къ ихъ обряду, въ случаѣ отнятія у нихъ звона, каковымъ доселѣ они безпрепятственно пользовались“. Далѣе они писали, что извѣтъ Мацнева и Дубовскаго съ Новиковымъ представляетъ сплошную ложь: они не только никогда не глумились надъ обрядами православія, но даже неоднократно способствовали денежными пожертвованіями построенію православныхъ церквей. Это можетъ засвидѣтельствовать много лѣтъ бывшій въ Вольскѣ городничій Струковъ и саратовскій губернаторъ, которымъ извѣстно, что вольскіе старообрядцы единовременно дали

15.000 руб. на построеніе православной церкви во имя Іоанна Крестителя, тогда какъ сами православные совсѣмъ уже забросили было начатое сооруженіе. Равнымъ образомъ и духовенство господствующей церкви, приходящее по праздникамъ въ домы старообрядцевъ съ крестомъ и св. водой, всѣми и всегда принимается съ подобающей честью и уваженіемъ. Въ виду всего этого они просятъ прекратить преслѣдованіе ихъ священниковъ и оставить Вольскъ на прежнемъ положеніи въ покоѣ[1]). Губернаторъ не рѣшился удовлетворить эту просьбу собственной властью, тѣмъ болѣе, что духовное начальство слало одно за другимъ требованія о прекращеніи звона при часовнѣ, о скорѣйшемъ производствѣ слѣдствія и о высылкѣ изъ Вольска бѣглыхъ священниковъ. Цѣлыхъ два года тянулъ онъ это дѣло и наконецъ 16 августа 1820 года представилъ просьбу старообрядцевъ въ министерство съ приложеніемъ донесенія вольскаго городничаго, въ которомъ тотъ увѣдомляетъ, что колокола съ двухъ часовенъ, въ томъ числѣ и съ Расторгуевской, сняты имъ еще въ 1818 году. Дѣло о вольскихъ попахъ и колокольномъ звонѣ, послѣ долгихъ странствованій, попало въ Секретный комитетъ о раскольникахъ, гдѣ и было разсмотрѣно въ засѣданіи 7 декабря 1820 года. Строже всего отнесся къ этому дѣлу архіепископъ Филаретъ, впослѣдствіи митрополитъ московскій. Онъ обратилъ вниманіе комитета на странное противорѣчіе: городничій донесъ губернатору о снятіи колоколовъ съ часовенъ, а раскольники послѣ этого угрожаютъ въ прошеніи своемъ „непріятными послѣдствіями“, въ случаѣ если приступлено будетъ къ уничтоженію звона, и потому полагалъ истребовать обстоятельное донесеніе, а между тѣмъ безпаспортныхъ поповъ отдать подъ слѣдствіе и раскольникамъ объявить, что правительство при всей терпимости не можетъ позволить имъ звона. Комитетъ не согласился съ этимъ предложеніемъ и постановилъ: отвѣтить губернатору чрезъ управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, что дѣло поведено совсѣмъ не тѣмъ порядкомъ, какъ слѣдовало бы: къ дѣлу о высылкѣ священниковъ напрасно примѣшано слѣдствіе о часовняхъ, издавна существующихъ; Струкова за потворство старообрядцамъ удалить отъ должности; объясненіе вольскихъ раскольниковъ, назвавшихъ себя „вольскимъ старообрядческимъ обществомъ“, какъ неправильно при-

1) Дѣла Секр. Комит., Vol. I, стр. 227—229; Бр. Св. Кр., № 513, 147—149.

нятое городничимъ, возвратить подателямъ, внушивъ губернатору, что нельзя всякому собранію людей произвольно именовать себя обществомъ. Въ то же время рѣшено было принять за общее правило относительно находящихся у раскольниковъ бѣглыхъ священниковъ: 1) если они не сдѣлали никакого уголовнаго преступленія, о чемъ губернаторы должны сами разыскивать и спрашивать у епархіальныхъ архіереевъ, то оставлять ихъ на мѣстѣ, какъ такихъ людей, коими не дорожатъ; 2) на требованія епархіальныхъ архіереевъ о высылкѣ таковыхъ священниковъ отвѣчать, что они находятся при своихъ мѣстахъ; 3) если бѣглый священникъ появится у раскольниковъ и о немъ откроется, что онъ учинилъ побѣгъ отъ своего мѣста по причинѣ содѣяннаго имъ уголовнаго преступленія, то, по требованіямъ епархіальныхъ архіереевъ, ихъ высылать; 4) гдѣ у раскольниковъ нѣтъ молитвенныхъ домовъ, ни церквей, тамъ не держать ни подъ какимъ видомъ бѣглыхъ священниковъ; 5) священникамъ, оставленнымъ у раскольниковъ, приказать для порядка вести метрики и представлять о томъ вѣдомости ежегодно гражданскому начальству. Относительно раскольничьихъ церквей приняты были слѣдующіе два пункта: 1) о тѣхъ, кои давно построены, не входить ни въ какое дальнѣйшее разсмотрѣніе и оставлять ихъ безъ разысканія; 2) строить вновь не дозволять ни по какому случаю. Этотъ журналъ секретнаго комитета былъ разсмотрѣнъ государемъ только 22 марта 1826 года и всѣ постановленія удостоены утвержденія, кромѣ пункта о Струковѣ: по этому вопросу управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ приказано удостовѣриться прежде, дѣйствительно ли Струковъ не пригоденъ для занимаемой имъ должности или можно еще надѣяться на его исправленіе[1]). Пока тянулось это дѣло, пока журналъ секретнаго комитета лежалъ безъ движенія, вольскіе старообрядцы продолжали хлопотать въ Петербургѣ о разрѣшеніи докончить постройку каменнаго храма, освятить его и свободно отправлять въ немъ богослуженіе. Ходатаемъ на этотъ разъ выступилъ вольскій магнатъ Александръ Петровичъ Сапожниковъ и добился желательнаго результата: управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ вошелъ по поводу его ходатайства съ особой запиской въ комитетъ министровъ, который журналомъ 20 мая 1824 года постановилъ: по примѣру Екатеринбурга, разрѣшить вольскимъ

1) Дѣла Секр. Комит., Vol. I, стр. 230—234; Собр. постан., по вѣд. М. В. Д., 53.

старообрядцамъ докончить начатую ими постройку храма и перенесть въ него богослуженіе. Въ этомъ же году, 19 августа, комитету министровъ было объявлено, что государь императоръ на изъясненное положеніе его милостиво соизволилъ[1]). Быстро закипѣла работа и въ 1826 году храмъ былъ совсѣмъ готовъ къ освященію: блестѣли подъ мраморъ отдѣланныя стѣны, сверкалъ золотомъ богатый рѣзной иконостасъ; до ста тысячъ рублей убито было на это великолѣпное сооруженіе и убито напрасно,—освятить церковь не позволили. Какъ совершилось это вторичное запрещеніе—увидимъ дальше.

Столкновеніе раскола съ администраціей въ Вольскѣ не мѣшало распространенію его по уѣзду. Какъ и въ предыдущій періодъ, на хуторахъ вольскихъ богачей укрывались бродячіе раскольники, по селамъ взадъ и впередъ сновали иноки съ инокинями. Въ апрѣлѣ 1804 года до Бѣлякова дошли слухи, что въ окрестностяхъ Вольска, не больше какъ въ 15 верстахъ отъ города, по лѣсамъ, во врытыхъ въ землю кельяхъ, въ буеракахъ и садахъ живетъ не мало бѣглыхъ раскольниковъ. Они даже силой похищаютъ своихъ собратій у господъ: такъ изъ вотчины Татищева, симбирской губерніи, въ ночь съ 24 на 25 января этого года прямо съ улицы похищены неизвѣстнымъ человѣкомъ на парѣ лошадей четверо крестьянъ-раскольниковъ. Въ виду подобныхъ извѣстій Бѣляковъ предписывалъ вольскому исправнику, „не касаясь сихъ вредныхъ сектъ, которыя высочайшей властью предоставлены своевременному истребленію, и исключая догматовъ раскола,“ имѣть строгій надзоръ, чтобы раскольниками никакихъ насилій въ нарушеніи правъ гражданскихъ, въ родѣ симбирскаго случая, дѣлаемо не было[2]). Какъ выполнялъ это предписаніе исправникъ—неизвѣстно, но другія власти по губерніи за это время открыто покровительствовали расколу. Такъ когда въ 1800 году саратовское губернское правленіе, на основаніи отношенія астраханской консисторіи, потребовало отъ вольскаго нижняго земскаго суда высылки изъ слободы Порубежки 21 человѣка совратившихся крестьянъ изъ малороссовъ этой слободы, то порубежскій голова, Андрющенко, предъявилъ присланному засѣдателю о невысылкѣ этихъ лицъ въ земскій судъ „насланный изъ соляной конторы указъ“. Дѣло оста-

---

1) Отнош. вольской гор. полиціи въ вол. дух. правл., 26 янв. 1826, № 158.
2) Ibidem, A, I, № 7, 31—32.

новилось и началась неизвѣстно чѣмъ окончившаяся переписка земскаго суда съ губернскимъ правленіемъ, а этого послѣдняго—съ соляной конторой[1]). При такихъ порядкахъ вполнѣ естественнымъ представляется открытіе за разсматриваемый періодъ новыхъ молитвенныхъ домовъ по вольскому уѣзду.

Раньше другихъ,—около 1810 года,—возникъ такой домъ въ Горячкѣ, верстахъ въ 40 отъ города; въ заволжской части уѣзда построена въ 1806 году часовня, съ словеснаго разрѣшенія губернатора Бѣлякова, въ Хворостянкѣ и въ 1823 году, безъ всякаго разрѣшенія, въ Богородскомъ[2]). Главными двигателями раскола по Вольску съ уѣздомъ его явились за это время, послѣ П. М. Злобиной, окончившей дни свои въ одной изъ женскихъ пригзскихъ обителей, и мужа ея, разорившагося до тла и утратившаго всякое значеніе въ раскольничьей средѣ, Сапожниковъ, Расторгуевъ, Волковойновъ и Курсаковъ: эти удержали первенствующую роль въ дѣлахъ мѣстнаго раскола и въ послѣдующую эпоху.

Преуспѣвалъ расколъ и по сосѣдству съ Вольскомъ—въ Хвалынскѣ и его уѣздѣ. Въ самомъ городѣ въ 1814 году, по Винной улицѣ, на мѣстѣ, предназначенномъ по высочайше конфирмованному плану для православнаго храма, старообрядцы устроили свою часовню на подобіе церкви съ алтаремъ и трапезной. Часовня эта, длиною 10, а шириною 4 сажени, построена изъ цѣльныхъ сосновыхъ брусьевъ и крыта тесомъ; на взглядъ она производитъ непріятное впечатлѣніе, такъ какъ не оштукатурена и не окрашена. Кругомъ ея сдѣланъ навѣсъ на столбахъ,—это паперть. Съ одной стороны она обнесена оградой съ флигелемъ и дворовыми строеніями; при ней крестильня, четыре кельи и сторожка,—тутъ жило до двадцати человѣкъ чтецовъ и пѣвцовъ съ женами и дѣтьми[3]). По уѣзду хвалынскому открылись въ промежутокъ между 1824—1825 годами двѣ моленныя—въ Окатной Мазѣ и Широкомъ Буеракѣ[4]). Какъ быстро распространялся по этому уѣзду расколъ, лучше всего показываютъ слѣдующіе краснорѣчивые факты: въ Сосновой Мазѣ въ 1822 году раскольниковъ числилось 254 души мужскаго пола, а

---

[1]) Ibidem, № 5, 59, 61.
[2]) Арх. сар. консист., 1836, № 697, 190.
[3]) Ibidem, 1841, № 535, 7; Арх. канц. сар. губерн., 1838, № 258, 14; Ниж. сем. библ., № 3774, 211—212.
[4]) Арх. сар. консист., 1836, № 697, 189.

два года спустя ихъ было уже 542 человѣка[1]); въ деревнѣ Натальиной двое раскольничьихъ пноковъ успѣваютъ въ короткій срокъ совратить изъ православія 92 человѣка мужчинъ и 89 женщинъ[2]). При такомъ быстромъ отпаденіи въ расколь цѣлыми массами кажется непонятнымъ возникновеніе только двухъ моленныхъ. Но дѣло въ томъ, что и многіе православные храмы уѣзда съ успѣхомъ могли за это время замѣнить раскольникамъ моленныя: изъ указовъ пензенской консисторіи, относящихся къ первой четверти настоящаго столѣтія, видно, что многіе священники не только отправляли требы по раскольничьимъ обрядамъ,—напримѣръ, крещеніе и вѣнчаніе совершали по́-солонь,—но и прямо позволяли раскольникамъ хоронить своихъ умершихъ родственниковъ безъ церковнаго отпѣванья и не на православномъ кладбищѣ, а въ лѣсахъ, равно какъ не мѣшали имъ устраивать публично свои крестные ходы и другія церковныя процессіи. Такіе случаи извѣстны по Алексѣевкѣ, Сосновой Мазѣ и другимъ селеніямъ хвалынскаго уѣзда[3]).

За время до 1800 года ничего не извѣстно о расколѣ въ аткарскомъ и петровскомъ уѣздахъ и можно думать, что тамъ онъ имѣлъ адептовъ исключительно въ видѣ отдѣльныхъ семей. Теперь онъ окрѣпъ и тамъ. Около 1810 года появилась поповская секта въ Копенахъ, аткарскаго уѣзда. Крестьянинъ Григорій Борисовъ съ своимъ семействомъ первый сталъ ѣздить въ Саратовъ къ бѣглымъ попамъ. У него жила неизвѣстно откуда пришедшая дѣвка, которая обучала по селу дѣтей грамотѣ и совѣтовала имъ не ходить въ „мірскую“, православную церковь. Для исповѣди раскольники копенскіе стали ѣздить въ Песковатку, къ пріѣзжавшимъ туда бѣглымъ попамъ, а другія требы исправляемы были приходскими священниками съ хожденіемъ по́-солонь[4]). Года четыре спустя, открылась моленная въ деревнѣ Филатовкѣ, существовавшая приблизительно до 1848 года, когда закрыта была земскимъ исправникомъ фонъ-Бергеномъ[5]); въ 1821 году возникла часовня въ селѣ Сластухѣ[6]). Съ 1822 года появился расколъ въ Атаевкѣ, въ 1825—1826 годахъ—въ Большой Дмитріевкѣ[7]).

1) Указъ пенз. конс., 11 сент. 1826, № 4971.
2) Тоже, 28 февр. 1828, № 1948; сн. Указъ сарат. конс., 27 окт. 1832, № 6588.
3) Указъ пенз. конс., 11 сент. 1826, № 4971; 31 янв. 1828, № 1045.
4) Ниж. сем. библ., № 3775, 278.
5) Приложенія къ отчету гр. Стенбока.
6) Арх. сар. консист., 1836, № 697, 175.
7) Сарат. Сборн., I, отд. 2, 96, 98.

Что касается Петровска, то въ самомъ началѣ разсматриваемаго періода, именно 1 марта 1801 года, наталкиваемся на слѣдующую любопытную исторію: петровскіе пахотные солдаты и черносошные крестьяне старообрядческаго исповѣданія даютъ довѣренность своему собрату, черносошному крестьянину Абраму Хомякову, хлопотать о причисленіи ихъ къ саратовскимъ старообрядцамъ и отыскать для исправленія нужныхъ христіанскихъ требъ кого-нибудь изъ числа наличныхъ петровскихъ священниковъ[1]). Хомяковъ выбралъ священника Богоявленской церкви Ивана Орлова и подалъ объ этомъ прошеніе къ преосв. Гаію, который положилъ слѣдующую резолюцію: „Снисходя просьбѣ просителей, предписываю священнику Орлову о исправленіи у нихъ всякихъ христіанскихъ требъ съ тѣмъ, чтобы онъ о тѣхъ, кои не въ его приходѣ, давалъ знать приходскому ихъ священнику для записыванія въ духовной росписи и метрической книгѣ непремѣнно“. Консисторія 27 марта 1803 года сообщила Орлову эту резолюцію особымъ указомъ и онъ вступилъ въ отправленіе требъ у старообрядцевъ, не оставляя въ тоже время и своего православнаго прихода. Такъ дѣло шло до 1821 года, когда отъ Орлова, въ это время уже протоіерея, пензенская консисторія потребовала объясненіе, зачѣмъ онъ исправляетъ требы у раскольниковъ. Началось слѣдствіе и выяснилось по нему, что въ первое время Орловъ дѣйствительно требы совершалъ по старообрядчески, потомъ же началъ совершать ихъ по православному, за что мѣстные поповцы въ 1818 году подавали на него жалобу къ преосв. Аѳанасію; но Аѳанасій относился къ расколу совсѣмъ иначе, сравнительно съ своими предшественниками—Гаіемъ и Моисеемъ, и потому оставилъ жалобу безъ послѣдствія[2]).

Усиливался расколъ и въ смежномъ съ петровскимъ уѣздомъ—уѣздѣ сердобскомъ: въ 1816—1817 годахъ открылась часовня въ селѣ Елшанкѣ (Рычи тоже), въ 1821 году—въ Большомъ Бакурѣ, въ 1825 году—въ Сѣверкѣ и Монастырщинѣ; эта послѣдняя имѣла важное значеніе для раскольниковъ всего сердобскаго уѣзда и сопредѣльныхъ уѣздовъ тамбовской и пензенской губерній. Около этого же времени открылась моленная въ самомъ Сердобскѣ, но годъ ея открытія съ точностью неизвѣстенъ[3]).

---

1) Бр. Св. Кр., № 564, 1.
2) С. И. А., Карт. А, № LXVII.
3) Арх. сар. консист., 1836, № 697, 182; Записка Артемьева, 34—35.

О развитіи раскола въ южныхъ частяхъ Саратовскаго края свѣдѣній не имѣется, но относительно Дубовки можно сказать, что нигдѣ, вѣроятно, расколъ не пользовался такой свободой, какъ тамъ. Такъ можно думать на основаніи слѣдующаго крайне любопытнаго донесенія дубовскаго полиціймейстера Розенмейера саратовскому губернатору Бибикову, сдѣланнаго въ 1838 году: „Не позволяю себѣ объяснить причины, побуждавшія предмѣстника моего, капитана Бардовскаго, въ союзѣ съ благочиннымъ Волковскимъ начинать преслѣдованіе раскольниковъ за преступленія, слишкомъ 25 лѣтъ тому назадъ ими совершенныя. Но какъ мѣстный начальникъ, въ таинства всѣхъ дѣйствій здѣшняго духовенства и раскольниковъ посвященный, я вмѣняю себѣ въ обязанность не утаивать предъ вашимъ превосходительствомъ ни самомалѣйшаго обстоятельства. Дубовскихъ раскольниковъ, сочетавшихся бракомъ съ православными, совратившихъ женъ своихъ въ расколъ и воспитавшихъ дѣтей въ сей сектѣ, имѣется въ посадѣ слишкомъ много и всѣ они совершали подобныя беззаконія нѣсколько десятковъ лѣтъ, конечно, не подъ столь непроницаемой завѣсой, чтобы здѣшнее духовенство въ то время не въ силахъ было провидѣть оныя и пресѣчь зло въ самомъ его началѣ. По крайней мѣрѣ, хранящаяся при личныхъ дѣлахъ моихъ копія съ условія, заключеннаго духовенствомъ съ раскольниками 1 іюля 1804 года, о полученіи съ нихъ по 100 рублей ежегодной платы за дозволеніе старообрядческимъ попамъ производить разныя требы, а сверхъ того и расписки духовенства въ полученіи тѣхъ денегъ, начиная съ 1804 по 1824 годъ, заставляютъ колебаться въ заключеніи: старообрядцы ли болѣе виновны въ совращеніи православныхъ женъ своихъ въ расколъ или само духовенство, заключившее съ ними подобное условіе, подъ защитой котораго совершались раскольниками безвозбранно, можетъ быть, и гораздо важнѣйшія преступленія?“[1]) Кто болѣе виновенъ,—это для насъ собственно вопросъ праздный, но фактъ существованія письменнаго условія и расписки дубовскаго духовенства въ полученіи взятокъ

[1]) Арх. канц. сар. губерн., 1838, № 112, 16—17. По справкѣ въ документахъ дубовскаго Успенскаго собора, священниками въ 1804 году значились: Иванъ Козминъ, Иванъ Сергіевъ, Дмитрій Дубовскій. Въ 1808 году Сергіевъ замѣнился Иваномъ Александровымъ; въ 1813 году Козминъ—Иваномъ Дьячковымъ; въ 1816 году Александровъ—протоіереемъ Сергіемъ Львовымъ; въ 1821 г Львовъ—прот. Петромъ Лугаревымъ. Значитъ, семь человѣкъ послѣдовательно смѣнившихъ одинъ другого священниковъ не погнушались жалкой „цѣной цѣненнаго.“ *Прим. авт.*

съ раскольниковъ—это уже нѣчто такое, что превосходитъ всякое вѣроятіе; обобщите этотъ фактъ—и вы поймете многое въ поразительныхъ успѣхахъ развитія раскола по Саратовскому краю. Судя по даннымъ исповѣдныхъ вѣдомостей и метрическихъ книгъ, хотя эти данныя въ сущности не заслуживаютъ никакого довѣрія, въ десятилѣтіе съ 1800 до 1810 года въ Дубовкѣ было всѣхъ бѣглопоповцевъ обоего пола 627 душъ; въ десятилѣтіе съ 1810 до 1820 года число это увеличилось до 742 душъ:[1]) для небольшого селенія, какимъ была въ это время Дубовка, это цифры очень почтенныя.

Въ Кузнецкѣ расколъ обосновался, какъ мы знаемъ уже, съ 1786 года; 24 года спустя онъ здѣсь оффиціально отдѣлился отъ православія. Главнымъ дѣятелемъ въ этомъ случаѣ былъ кузнецкій мѣщанинъ Василій Серебряковъ. Въ началѣ 1810 года онъ явился въ Пензу, къ преосвящ. Моисею, въ качествѣ уполномоченнаго лица отъ „кузнецкаго общества старообрядцевъ“ съ ходатайствомъ объ отводѣ особаго кладбища для погребенія старообрядцевъ; въ маѣ мѣсяцѣ этого года пензенская консисторія, по резолюціи преосв. Моисея, удовлетворила это ходатайство. Успѣхъ придалъ бодрости мѣстнымъ раскольникамъ и они постановили построить часовню. Строителемъ былъ избранъ Серебряковъ и энергично, не отступая ни передъ какими препятствіями, раскольничій дѣятель со всѣмъ усердіемъ взялся за дѣло, выхлопотавъ предварительно разрѣшеніе у преосвящ. Моисея[2]). Вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ на постройку преосвященный 24 августа 1810 года далъ имъ и священника, о. Трифона Андреева, изъ села Гусиной Лапы, саратовскаго уѣзда. Въ половинѣ 1811 года часовня была готова; не встрѣчая ни откуда помѣхъ и препятствій, Серебряковъ при часовнѣ построилъ даже колокольню и повѣсилъ на ней восьми-пудовой колоколъ. Преосв. Моисей, какъ это видно изъ журналовъ кузнецкаго духовнаго правленія, удовлетворяя всѣ ходатайства кузнецкихъ раскольниковъ, имѣлъ въ виду незамѣтно, исподволь упрочить въ Кузнецкѣ единовѣріе и потому не велѣлъ священнику Андрееву особенно поспѣшно вести дѣло. Но Андреевъ оказался человѣкомъ неблагонадежнымъ, скоро пріобрѣлъ самую незавидную репутацію и сдѣлался послушнымъ орудіемъ въ рукахъ раскольниковъ. Серебряковъ ловко воспользовался неудач-

[1]) Сар. епарх. Вѣдом., 1884, № 22
[2]) Арх. канц. сар. губерн., 1836, № 96, 26.

ной мечтой архипастыря о введеніи въ Кузнецкѣ единовѣрія: всѣ снисхожденія епархіальной власти онъ объясняль своимъ единовѣрцамъ въ смыслѣ послабленій, дѣлаемыхъ по приказанію свыше. Ни о какомъ единовѣріи не было и рѣчи. Результатъ этихъ лукавыхъ внушеній скоро обнаружился: Щипановы, за ними Недосовы, Серебряковы, Барминцевы и Маштаковы, т. е. всѣ почти богатыя и вліятельныя семейства, объявили себя чистыми раскольниками бѣглопоповскаго толка. За собой они увлекли всѣхъ, кто только былъ такъ или иначе связанъ съ ними. Расколъ выросъ вдругъ и сотнями уже сталъ считать своихъ послѣдователей. Въ домѣ Недосова старая дѣва Марья Гаврилова гласно открыла раскольничью школу и принимала въ нее дѣтей православныхъ родителей. Единовѣріе, выдвинутое Серебряковымъ въ его сношеніяхъ съ преосвящ. Моисеемъ лишь какъ переходная ступень къ чистому расколу, изчезло разомъ. Духовныя власти не изыскивали никакихъ средствъ для поддержки его. Между тѣмъ Серебряковъ, избранный старостой при часовнѣ, украсилъ ее иконостасомъ, въ видѣ цѣлой стѣны иконъ, поставилъ при входѣ свѣчной ящикъ, откуда продавались восковыя свѣчи и ладонъ, выстроилъ по бокамъ часовни 18 келій и помѣстилъ въ нихъ достаточное количество мѣстныхъ и пришлыхъ бѣлицъ и черницъ. Сначала ощущался недостатокъ въ церковной утвари, такъ что брачущимся, напр., приходилось возлагать на головы вмѣсто вѣнцовъ иконы, но скоро и этотъ недостатокъ былъ устраненъ. По смерти Андреева, Серебряковъ обратился за попомъ не въ Пензу, къ преосвящ. Аѳанасію, а на Иргизъ,— церемониться съ духовной властью теперь уже не представлялось нужнымъ,—откуда и прислали Ивана Петрова, бывшаго раньше въ селѣ Рыбномъ, вольскаго уѣзда. Публично, на глазахъ всего города, стали устраиваться торжественныя процессіи. Вмѣстѣ со звономъ въ двухъ православныхъ церквахъ раздавался звонъ и съ раскольничьей колокольни. Раскольники шли въ свою часовню толпами, приглашая съ собою и православныхъ. Скандалъ принималъ слишкомъ уже широкіе размѣры. Кузнецкое духовное правленіе, доселѣ думавшее и бездѣйствовавшее, встрепенулось и начало придумывать средства къ уменьшенію явнаго соблазна. Къ сожалѣнію, оно не надумало ничего лучшаго, какъ обратиться за содѣйствіемъ къ полиціи: увѣдомивъ, отношеніемъ отъ 10 октября 1813

года, за № 258, кузнецкую полицію о безпорядкахъ въ раскольничьей часовнѣ,—о которыхъ полиція и сама, разумѣется, отлично знала,—оно просило прислать для отвѣта Василія Серебрякова, какъ главнаго виновника. Полиція на это отвѣтила, что „не имѣетъ на сей предметъ предписанія отъ своего начальства и потому выслать въ правленіе для отвѣта мѣщанина Серебрякова не можетъ". Неудача выдумки обрадовала раскольниковъ. Они повели дѣло еще откровеннѣе. Часовня день ото дня все больше и больше становилась центромъ религіозно-нравственной жизни мѣстнаго раскола. Число келій вокругъ нея, за высокимъ глухимъ заборомъ съ улицы, все росло; они принимали видъ женской обители. Ворота обители широко растворялись для всякаго посѣтителя, богослуженіе началось повседневное и совершалось безусловно гласно, со звономъ уже въ четыре колокола.

Между тѣмъ духовное правленіе, раздосадованное отвѣтомъ полиціи, довело его до свѣдѣнія преосв. Аѳанасія, который обратился съ просьбой о прекращеніи соблазна къ губернатору. Но Панчулидзевъ отказался прекращать, отвѣтивъ архіерею, что въ виду предписанія министра внутреннихъ дѣлъ отъ 22 іюня 1803 года[1]) не считаетъ себя въ правѣ воспретить раскольникамъ отправленіе богослуженія и не можетъ ничего предпринять относительно священниковъ. Тогда преосвященный перенесъ дѣло въ Св. Синодъ, донося ему, что уже четвертая часть города состоитъ изъ раскольниковъ, количество которыхъ быстро увеличивается, благодаря вліянію Иргизскихъ монастырей и покровительству администраціи. Оберъ-прокуроръ Синода снесся по этому поводу 22 января 1815 года съ министромъ полиціи, гр. Вязмитиновымъ, и тотъ предложилъ саратовскому губернатору обратить на распространеніе раскола въ Кузнецкѣ большее вниманіе и воспретить публичныя процессіи и колокольный звонъ[2]). Панчулидзеву приходилось повиноваться и онъ замѣнилъ кузнецкаго городничаго Траупеля новымъ—Гладковымъ, которому и приказалъ „прижать" немного кузнецкое старообрядческое общество. Новый городничій пріѣхалъ въ Кузнецкъ. Молодая, но смѣлая обитель не сочла нужнымъ пріукрыться и думала жить по прежнему. Тогда Гладковъ повернулъ дѣло очень круто. По его

---

1) Собр. пост., по вѣд. М. В. Д., 21.
2) Арх. губерн. правл., 1, 33, № 1428, 2—3.

приказанію или даже, какъ говорятъ, при его личномъ участіи, восьми-пудовой колоколъ часовни первымъ снятъ былъ и попалъ на колокольню Покровскаго городского собора; иконостасъ разобранъ, старицы разогнаны; бѣглые священники, бывало безопасно ходившіе вездѣ, исчезли. Часовня вдругъ опустѣла. Въ растворенныхъ кельяхъ старицъ свободно гулялъ вѣтеръ. Смолкло и сокрылось все. Изрѣдка только, въ глухую ночь, появлялся кто-нибудь изъ бывшихъ обитателей часовни, чтобы оплакать разрушеніе. Къ счастью для раскольниковъ, Гладковъ не долго былъ въ Кузнецкѣ. Какъ только онъ былъ смѣненъ, напуганныя и разогнанныя старицы выглянули опять. Робко озираясь кругомъ, и на полицію, и на правленіе, онѣ понемногу начали сходиться на старое пепелище. Власти молчали. Дѣло закипѣло и скоро часовня оправилась отъ погрома. Въ Пензу отправлена была особая депутація съ ходатайствомъ о дозволеніи по прежнему имѣть при часовнѣ звонъ. Въ успѣхѣ были увѣрены вполнѣ, но ошиблись. Прочитавъ прошеніе, преосвящ. Амвросій сказалъ: „Если бы я не имѣлъ помѣхъ, то приказалъ бы раскидать самую вашу часовню по бревну, а не то что позволить вамъ имѣть при ней колоколъ“. За отказомъ Амвросія, дѣло обошлось и безъ разрѣшенія. Вмѣсто колокола повѣсили било и глухіе, отрывистые звуки его по прежнему собирали раскольниковъ на молитву со всѣхъ концовъ города. Все вошло въ свою колею; къ имѣющимся кельямъ были прибавлены еще нѣсколько; число старицъ дошло до двадцати. Бѣглый священникъ по прежнему жилъ гласно въ особо выстроенномъ для него флигелѣ, выходившемъ лицомъ на улицу. Иргизскіе монахи стали пріѣзжать на нѣсколькихъ тройкахъ въ разъ и останавливались во дворѣ часовни. Гостепріимныя старицы встрѣчали ихъ какъ дорогихъ гостей; полиція—ничего не видѣла. Въ уютныхъ кельяхъ шли пиры. Интимныя, не-монашескія отношенія старицъ и старцевъ другъ къ другу, шумныя попойки были дѣломъ обычнымъ. Въ городѣ все это, конечно, знали и видѣли, но никому дѣла не было. Часовня постепенно превратилась въ пріютъ пьянства и разврата. Дѣло, какъ говорятъ, доходило до того, что во время каѳизмъ на всенощномъ бдѣніи молодые люди обоихъ половъ выходили изъ часовни и совершали всякія непотребства. Бѣглые священники ничего не могли сдѣлать, ибо голоса ни въ чемъ не имѣли; да при томъ же и сами они жестоко пили: и времени

и денегъ для этого было достаточно. Изъ множества священниковъ преданіе не указываетъ ни одного трезваго. До этого раскольникамъ не было дѣла: попъ для нихъ былъ товаромъ, который въ Пензѣ можно во всякое время и купить и смѣнять. И товаръ этотъ при часовнѣ, дѣйствительно, мѣнялся каждый годъ, а иногда и чаще: судя по рапорту преосв. Иринея въ Св. Синодъ, Серебряковъ съ сентября 1826 по 1827 годъ перемѣнилъ троихъ[1]). Въ Пензѣ у раскольниковъ былъ въ лицѣ какого-то чиновника особый поставщикъ поповъ, у котораго всегда можно было присмотрѣть и приторговать „батюшку“ по душѣ. Все заштатное, отрѣшенное, спившееся съ кругу, брошенное на произволъ судьбы—готово было къ услугамъ раскольниковъ. А отъ Пензы до Иргиза—рукой подать; значитъ, свозить попа для исправы было не долго. Въ виду распоряженія о непреслѣдованіи бѣглыхъ священниковъ, разъ за ними нѣтъ никакихъ другихъ преступленій, они свободно гуляли по улицамъ Кузнецка, были приняты въ домахъ, гласно отправляли богослуженіе, ходили по городу въ ризахъ при похоронахъ и молебствіяхъ и т. п. Душой общины, главными руководителями ея были особыя лица: попечители часовни, которымъ все подчинялось, которые вѣдали всѣ дѣла общества, сносились съ Иргизомъ и другими раскольничьими центрами. Такими лицами около 30-ти лѣтъ были Сергій Щипановъ и Ананій Комкодаевъ.

Усиливаясь въ Кузнецкѣ, расколъ не миновалъ и уѣзда. По оффиціальнымъ даннымъ, расколъ появлялся въ уѣздѣ въ слѣдующемъ видѣ: въ 1813 году въ селѣ Новомъ Кряжимѣ было раскольниковъ 49 душъ; въ 1815 году въ Поселкахъ—155; въ 1816 году въ Ульяновкѣ—186 и въ Траханіотовѣ—73; въ 1817 году въ Пенделкѣ—35; въ 1818 году въ Никольскомъ Трусовѣ—15; въ 1824 году въ Анненковѣ—21 и въ Камышкирѣ—55 душъ[2]). Въ Поселкахъ и Траханіотовѣ въ 1825—1826 годахъ возникли моленныя[3]). Кромѣ этихъ селеній расколъ несомнѣнно охватилъ и другія; по крайней мѣрѣ, въ консисторскихъ дѣлахъ есть косвенное указаніе на этотъ счетъ: такъ въ 1818 году, напр., священникъ Ал. Соловьевъ выведенъ изъ Камышлейки, кузнецкаго уѣзда, въ Улыбовку, воль-

1) Арх. канц. губерн., 1836, № 96, 1.
2) „Сар. епар. Вѣд.,“ 1870, № 10; Ниж сем. библ., № 3774, 220.
3) Арх. сар. консист., 1836, № 697, 177.

ского уѣзда, „за потворство раскольникамъ“[1]). Но подобныя косвенныя указанія лишены всякой опредѣленности.

Хуже всѣхъ пришлось за разсматриваемый періодъ времени саратовскому старообрядческому обществу: оно было больше на виду у начальства и потому больше испытывало давленія, да и внутри его шли раздоры и несогласія, появились признаки внутренняго разложенія. Саратовъ гордился своей каменной, такъ называемой Барановской, часовней. Судя по цитированному уже письму Прохора къ саратовскому старообрядческому обществу, оказывается, что эта часовня построена была на чужомъ мѣстѣ: попечители саратовскаго общества Никифоръ Ивановичъ (Уфимцевъ?) и Петръ Илларіоновичъ (Барановъ?) прихватили подъ часовню смежное съ барановскимъ мѣсто Шапошникова. Послѣдній долго кланялся и упрашивалъ попечителей заплатить ему за самовольно захваченную усадьбу и Уфимцевъ, собираясь умирать, обѣщалъ заплатить ему 500 рублей, но какъ только выздоровѣлъ—отказался отъ всякой уплаты, говоря, что для добраго дѣла Шапошникову не грѣхъ и пожертвовать. Тогда Шапошниковъ, выведенный изъ терпѣнія, но все еще не желая заводить скандала въ видѣ судебнаго иска, обратился „ко святѣй церкви,“ т. е. къ Прохору, съ „жалостнымъ“ письмомъ, въ которомъ разсказывалъ, какъ „неправедно и усильно“ взяли у него мѣсто. Прохоръ вступился за обиженнаго. Передавая попечителямъ взводимое на нихъ обвиненіе, онъ говоритъ: „Ежели и въ самомъ дѣлѣ такъ, то совѣтуемъ вамъ означеннаго Шапошникова удовольствовать, чтобы не оставался отъ васъ обиженнымъ, ибо ни мало на христіанство не похоже, что святый храмъ построенъ на мѣстѣ посторонняго и для того ближній скорбится безъ всякаго удовольствія, ко Всевышнему умиленную приноситъ жалобу. Покорно васъ именемъ Божіимъ просимъ, постарайтесь всѣ совокупно молитвенный храмъ отъ долгу искупить и Шапошникову сдѣлать безобидное удовольствіе“. Обида Шапошникова, безъ сомнѣнія, вещь не хорошая, но это личный грѣхъ двоихъ попечителей, не грозившій существованію раскольничьей общины, и Прохоръ отнесся къ нимъ за него довольно легко. Но за ними былъ еще другой, болѣе существенный грѣхъ, имѣвшій соотношеніе съ мѣстной поповщиной въ ея цѣломъ, и на него-то Прохоръ направилъ самый тяжелый

[1]) Ibidem, 1839, № 1600, 51.

ударъ. Дѣло въ томъ, что тлетворный духъ времени коснулся и этихъ столповъ и ревнителей. Они стали рядить своихъ женъ и дочерей въ „нѣмецкія“ платья, познакомили ихъ съ шляпками и мантильями, начали учить музыкѣ и танцамъ. Раскольничья молодежъ, хотя еще въ видѣ исключенія, облекалась въ пальто и французскія перчатки и если не осмѣливалась еще бриться, за то охотно и часто начала подстригать бороду. Къ довершенію такого скандала, въ средѣ членовъ старообрядческой семьи проявилась склонность къ посѣщенію театральныхъ спектаклей. Слухъ объ этихъ безпорядкахъ, свидѣтельствующихъ о паденіи духа отцовскаго благочестія, возмутилъ Прохора и онъ въ своемъ посланіи удивляется, что въ саратовскомъ старообрядческомъ обществѣ „люди есть таковые, что, не убояся Господа Бога и забывъ смертный часъ и страшное второе Христово пришествіе, ревнуютъ языческимъ сквернымъ обычаямъ, отнюдь чуждымъ старообрядцамъ“. Напомнивъ слова Спасителя о подающихъ поводъ къ соблазну малымъ симъ, онъ восклицаетъ: „А у васъ самое верховное начальство или пепечители богопротивное бѣсовское позорище позоруютъ (посѣщаютъ театръ)! Горе таковымъ! Аще не покаются, отъ общенія православныхъ да отлучатся, ибо не лѣпо есть православнымъ такимъ сквернымъ кощунствомъ позоровати,—отъ сего бываетъ многимъ душамъ поврежденіе“. Свое письмо онъ оканчиваетъ слѣдующими краснорѣчивыми словами: „Образъ вѣрна христіанина ищу и не могу обрѣсти человѣка и звѣря различія, но звѣрія едино отъ злыхъ имутъ, ты же, вся собравъ, купно имаши, горше паче оныхъ осудишися; молю же васъ прочее, никто же васъ въ звѣриномъ образѣ да пребываетъ“[1]). О роли въ раскольничьей средѣ попечителей, грѣхи которыхъ такъ встревожили Прохора, можно судить по слѣдующему приговору саратовскаго старообрядческаго общества, составленному въ іюлѣ 1819 года для новоизбранныхъ попечителей Ивана Аѳанасьева Уфинцева и Петра Баранова и шести помощниковъ ихъ: 1) попечители обязаны провѣрить по описи все достояніе часовни и вносить въ опись всѣ новыя пожертвованія; 2) свѣчную и сборную кружку пересчитать и передать на отчетъ старостѣ, ревизуя потомъ его ежемѣсячно или какъ заблагоразсудится; 3) принять въ свое завѣдываніе общественное мѣсто и слѣдить,

1) С. И. А., Карт. А, № VII (подлинное письмо Прохора).

чтобы на немъ не жили безпаспортные и развратные люди; 4) книгу для сбора подаяній передать, кому найдутъ нужнымъ, и собрать недоимки; 5) составить списокъ всѣхъ членовъ саратовскаго старообрядческаго общества, дѣлать ежегодную раскладку на содержаніе состоящихъ при часовнѣ и на разные „непредвидимые расходы“ и вести вѣрный счетъ приходу и расходу этой суммы; 6) ходатайствовать по разнымъ гражданскимъ дѣламъ, имѣть попеченіе о молитвенномъ храмѣ и производить поправки и пристройки къ нему; 7) наблюдать за священникомъ, чтобы онъ дѣйствовалъ по правиламъ св. апостоловъ и св. отецъ и по опредѣленію Иргизскихъ монастырей, въ противномъ же случаѣ попытаться „уврачевать его духомъ кротости“, а если пребудетъ непреклоннымъ, немедленно смѣнить, отославъ въ монастырь, изъ котораго взятъ; частнымъ людямъ въ разбирательство подобнаго рода отнюдь не вмѣшиваться, иначе вмѣсто согласія произойдетъ одинъ раздоръ; впрочемъ, о всѣхъ замѣченныхъ ими отступленіяхъ они имѣютъ право доводить до свѣдѣнія попечителей; 8) уставщикъ церкви (Ив. Михайловъ) и головщикъ лѣваго клироса (Е. М. Молодцовъ) должны во всемъ подчиняться попечителямъ и „быть у нихъ въ полномъ послушаніи“; 9) попечители обязаны ежегодно представлять общій отчетъ о приходѣ и расходѣ суммъ по часовнѣ, при чемъ въ случаѣ дефицита общество должно немедленно пополнить его по подпискѣ, во избѣжаніе остановки и замѣшательства въ дѣлахъ; 10) въ важныхъ случаяхъ попечители дѣйствуютъ по соглашенію со своими помощниками, которымъ при отлучкѣ изъ города поручаютъ исправленіе своей должности, а въ экстренныхъ обстоятельствахъ собираютъ на совѣщаніе всѣхъ членовъ мѣстнаго старообрядческаго общества, обязующихся безотказно являться по первому ихъ зову[1]).

Таковы свѣдѣнія касательно внутренней жизни саратовской общины. Огносительно внѣшней жизни ея извѣстно только два факта. Въ концѣ 1815 года саратовскіе купцы Петръ Буркинъ и Петръ Барановъ со всѣмъ обществомъ подали губернатору прошеніе, что за смертью попа Ѳеодора они желаютъ имѣть при своей часовнѣ попа вольской старообрядческой церкви Григорія Иванова или вольской округи, села Чернавки, православнаго священника Ивана Петрова, для отправленія богослуженія по ихъ обрядамъ, и потому

[1]) Ibidem, № LXVI.

просятъ снестись по сему предмету съ архіереемъ. Но послѣдній отказался назначить кого бы то ни было. „Сердечно желалъ бы во удовлетвореніе желанію старообрядцевъ требованіе в. пр—ва исполнить,—писалъ 5 февраля 1816 года преосв. Аѳанасій Панчулидзеву,—но извините меня, покорнѣйше прошу, что въ исполненіе онаго возможности не имѣю... Поелику саратовскіе старообрядцы къ церкви святой не присоединены и присоединенія не ищутъ, то невозможно опредѣлить имъ священниковъ православныхъ: 1) для того, да обращаясь съ заблужденными не совратятся и сами съ праваго пути; 2) да не подадутъ народу причины думать, акибы раскольническое собраніе и православная церковь были едино, и тѣмъ да не послужатъ, къ вящшему своему осужденію, православнымъ преткновеніемъ въ благочестіи, а раскольникамъ—утвержденіемъ въ заблужденіи; а бѣглые, какъ потому, что они подъ вѣдѣніемъ архіерейскимъ не состоятъ и многому разысканію подлежатъ, такъ и въ силу пунктовъ (митр. Платона) мною опредѣляемы быть не могутъ. Что же касается до священника Григорія Иванова, находящагося нынѣ въ Вольскѣ при старообрядческой церкви, который прежде былъ хвалынской округи села Павловки, но по сгорѣніи церкви, какъ рапортомъ донесено, бѣжалъ съ антиминсомъ къ раскольникамъ, безъ сомнѣнія, съ тѣмъ намѣреніемъ, дабы на ономъ въ не освященныхъ и не благословенныхъ храмахъ въ явное поруганіе святыни священнодѣйствовать и тѣмъ бы большую ихъ къ себѣ привлечь благосклонность, хотя бы и слѣдовало вытребовать его, что не заключало бы въ себѣ ни притѣсненія старообрядцамъ, ни нарушенія законовъ о соблюденіи мира, спокойствія и тишины, но я, оставляя погибельнаго погибели его, въ сходство сего слова Божія: „скверный да сквернится“, еще покорнѣйше токмо в. пр. прошу повелѣть вольской полиціи съ прот. Дубовскимъ, въ прекращеніе наругательства святыни, вытребовавъ отъ него святой антиминсъ, представить въ консисторію“[1]). Панчулидзевъ остался недоволенъ этимъ отвѣтомъ и дѣло перешло въ Св. Синодъ, который 11 мая—11 іюня 1817 года согласился съ архіереемъ и предложилъ просителямъ принять прежде единовѣріе и затѣмъ уже хлопотать о дарованіи отдѣльнаго священника[2]). Излишне добавлять, что дѣло обошлось и помимо архіерейскаго разрѣшенія.

[1]) Ibidem, № IX.
[2]) Собр. постан., по вѣд. Св. Син., II, 122—124.

Гораздо больше непріятностей обрушилось на саратовскихъ раскольниковъ въ 1825 году. Панчулидзевъ давно уже настаивалъ, чтобы Барановская часовня была обнесена каменнымъ заборомъ. Старообрядцы жалѣли средствъ и уклонялись отъ исполненія губернаторской воли. Въ маѣ 1825 года саратовскій полиціймейстеръ Ищекинъ, желая выслужиться передъ начальствомъ, приказалъ пожарной командѣ и арестантамъ сломать деревянный заборъ, окружавшій эту моленную. Теперь ничего больше не оставалось часовеннымъ попечителямъ, какъ начать строить вмѣсто сломаннаго новый заборъ по утвержденному Панчулидзевымъ плану. И они принялись за работу и въ два мѣсяца вывели заборъ на 37 саженяхъ, при чемъ для большей крѣпости, въ виду покатости мѣста, вмѣсто контръ-форсовъ со внутренней стороны забора возвели нѣсколько домашнихъ службъ, какъ для помѣщенія служащихъ при часовнѣ, такъ и для престарѣлыхъ бѣдняковъ. Чтобы эти пристройки не были видны съ улицы, пришлось ограду поднять на аршинъ выше утвержденнаго губернаторомъ плана. Въ это время Панчулидзевъ чувствовалъ себя въ очень затруднительномъ положеніи: слухи о многочисленныхъ беззаконіяхъ, взяткахъ и растратѣ собранныхъ на построеніе каѳедральнаго собора денегъ дошли, наконецъ, до Петербурга и оттуда со дня на день можно было ожидать сенаторской ревизіи. Замѣна контръ-форсовъ разрѣшенной имъ постройки строеніями для богадѣльни сильно смутила и взволновала его: это было новое звено въ длинной цѣпи тяготѣвшихъ надъ нимъ обвиненій. Онъ поспѣшилъ отдать распоряженіе силой уничтожить начатую постройку и 28 іюля, среди бѣлаго дня, Ищекинъ, не предупредивъ никого, явился на постройку съ пожарной командой, вооруженной баграми, крюками, кирками и ломами, и приказалъ ломать заборъ со всѣми пристройками. На другой день онъ явился съ той же пожарной командой на старое раскольничье кладбище, бывшее около теперешняго Ильинскаго моста, и велѣлъ ломать крышу зданія маленькой часовенки, всего аршинъ 8 въ длину, 6—въ ширину и $5^3/_4$—въ вышину, которая стояла здѣсь больше полстолѣтія и употреблялась для служенія въ ней панихидъ по усопшимъ. Команда выполнила приказаніе: крышу разобрали, крестъ съ часовни сломали и бросили на землю, лѣпившіяся около часовни кельи бѣдняковъ, поселившихся здѣсь съ дозволенія самого же Ищекина, всѣ были перековерканы.

Старообрядцы смутились этимъ внезапнымъ и ничѣмъ, повидимому, не мотивированнымъ походомъ на ихъ часовни со стороны Ищекина и Панчулидзева,—людей, которымъ исправно доставлялись ими „безобидныя удовольствія“ изъ суммъ на „непредвидимые расходы“. Они отправили къ Панчулидзеву за объясненіемъ особую депутацію съ Буркинымъ, Ситниковымъ и Медвѣдевымъ во главѣ. Депутаты удостоились чести лицезрѣть „высокую особу губернатора“, но пользы отъ этого никакой не вышло: онъ имъ не разрѣшилъ исправить ищекинскую работу и обошелся очень круто. Тогда они 10 августа подали въ губернское правленіе жалобу на самоуправство полиціймейстера, при чемъ исчисляли причиненный имъ этимъ самоуправствомъ убытокъ въ 2.000 рублей и совершенно справедливо замѣчали, что Ищекинъ, если только онъ находилъ постройку противозаконной, могъ остановить ее въ самомъ началѣ и тѣмъ избавить ихъ отъ напрасной траты денегъ. Панчулидзеву по содержанію этого прошенія пришлось дать объясненіе, въ которомъ онъ прописалъ, что никакого разрушенія ограды не было, а было только пониженіе ея, согласно плану, на одинъ аршинъ; что Ищекинъ дѣйствовалъ по его личному приказанію и что кладбищенская часовня уничтожена въ виду ея ветхости и нахожденія въ срединѣ города. Вмѣстѣ съ этимъ, немного заднимъ числомъ, Панчулидзевъ предлагалъ правленію полиціймейстера и пристава Скворцова, позволившихъ раскольникамъ производить постройку келій, оштрафовать въ размѣрѣ получаемаго ими мѣсячнаго жалованья. Отвѣтомъ на это объясненіе губернатора послужила новая жалоба раскольниковъ, подписанная М. Ф. Ситниковымъ, отъ 24 сентября, въ которой они объясняютъ, что губернаторъ скромничаетъ, говоря будто ограда „понижена“ до указанной планомъ высоты: она просто сломана безъ всякаго соображенія съ какимъ бы то ни было планомъ. Ищекинъ самъ отлично понималъ свою оплошность и произволъ; узнавъ о жалобѣ старообрядцевъ въ губернское правленіе, онъ поспѣшилъ собрать каменщиковъ отъ разныхъ подрядчиковъ и, за карауломъ полиціи, приказалъ имъ накладывать сломаную ограду. Работа безостановочно шла съ 19-го по 22 сентября, не прекращаясь и въ воскресенье, но даже и при такихъ усиліяхъ стѣна къ 24 числу не была еще поднята до указанной планомъ высоты. Ситниковъ просилъ произвесть осмотръ на мѣстѣ и назначить слѣд-

ствіе, но губернское правленіе молчало. Между тѣмъ полиціймейстеръ предъявилъ къ нему требованіе разломать совсѣмъ кладбищенскую часовню; Ситниковъ, человѣкъ не трусливаго десятка, отвѣтилъ на это требованіе довольно рѣзко, что въ виду поданной имъ жалобы, по которой рѣшенія еще не послѣдовало, онъ не можетъ исполнить желаніе полиціймейстера, а такъ какъ разламывать взялся 29 іюля самъ полиціймейстеръ, то пусть онъ и доканчиваетъ. Ищекинъ, кругомъ неправый во всей этой исторіи, обрадовался такому отвѣту и, сдѣлавъ обиженную мину, потребовалъ „сужденія по законамъ“,—запутать Ситникова въ „исторію“ представлялось очень политичнымъ при условіяхъ тогдашняго судопроизводства. Одновременно съ этимъ, по распоряженію Ищекина, прекращено было совершеніе въ часовнѣ богослуженія и отправленіе по городу старообрядческихъ требъ[1]). Раскольники рѣшились подать просьбу на высочайшее имя, такъ какъ ждали прибытія въ Саратовъ императора Александра I. Въ этой просьбѣ,—написанной, нужно признаться, мастерски,—они перечисляютъ всѣ гоненія со стороны Ищекина и просятъ повелѣть „разсмотрѣть дѣйствія саратовскаго гражданскаго губернатора и охранить жизнь просителей“ отъ новыхъ притѣсненій. „Всеавгустѣйшій монархъ!—писали они въ заключеніе своего прошенія,—оставь памятникъ справедливости и милосердія твоего намъ и потомству твоихъ вѣрноподданныхъ“[2]). Но государь не пріѣхалъ въ Саратовъ и спасло старообрядцевъ отъ притѣсненій прибытіе въ саратовскую губернію сенатора Огарева, назначеннаго по высочайшему повелѣнію обревизовать дѣятельность саратовской администраціи. Результатомъ этой ревизіи получилось преданіе Панчулидзева, по высочайшему повелѣнію, суду правительствующаго сената и увольненіе отъ должности подручныхъ ему дѣятелей, въ родѣ Ищекина, умѣвшихъ съ быстротой хамелеона перемѣняться изъ покровителей раскола въ его гонителей и наоборотъ, смотря по обстоятельствамъ[3])... О распространеніи раскола по саратовскому уѣзду—свѣдѣній никакихъ не имѣется.

Кромѣ высказанныхъ нѣсколько выше какъ бы вскользь

1) Арх. сар. губ. правл., I, 33, № 1334, 5—37.
2) С. И. А., Карт. А, № XXII.
3) Дѣла Секр. Комит., Vol. XVII, стр. 652; Арх. сар. губ. правл., I, 63, № 2129, 1—121.

замѣчаній касательно отношеній къ расколу мѣстной духовной власти, считаю не лишнимъ сказать еще нѣсколько словъ относительно этого предмета. Изъ пяти епископовъ, правившихъ пензенско-саратовской каѳедрой въ теченіи первой четверти настоящаго вѣка, первый по времени, Гаій Такаовъ, относился къ расколу крайне снисходительно, если только не покровительственно. Не желая набрасывать невыгодную тѣнь на его память, я тѣмъ не менѣе не далекъ буду отъ истины, если скажу, что эта снисходительность была результатомъ денегъ, платимыхъ раскольниками его приближеннымъ. Самъ онъ мало входилъ въ дѣла управленія обширной епархіей; за него управляла тѣсно сплоченная клика любимцевъ. Правда, отъ времени до времени, когда доходили до него вопіющіе факты изъ жизни подвѣдомственнаго ему духовенства, онъ круто обходился съ виновниками, не останавливаясь даже передъ розгами, но эти вспышки и порывы не могли принести никакой пользы, тѣмъ болѣе, что послѣ нихъ онъ еще глубже погружался въ обычную апатію. Этой привычкой своего архипастыря глядѣть на дѣло чужими глазами, руководиться чужими совѣтами пользовались въ равной степени и духовенство и старообрядцы. Члены клира, стоявшаго, судя по нѣкоторымъ даннымъ, на очень низкой ступени умственнаго развитія, благодаря такимъ порядкамъ, подвергались быстрой деморализаціи, слѣды которой мы найдемъ и гораздо позже, у слѣдующихъ поколѣній духовенства. О степени образованности духовенства можно судить по слѣдующимъ цифрамъ. Въ 1800 году въ Саратовѣ изъ 16-ти наличныхъ священниковъ только 3 были въ богословскомъ классѣ и 2—въ „риторикѣ“, остальные же получили домашнее образованіе; изъ 9-ти діаконовъ—1 обучался въ риторикѣ и 8—дома; изъ 22-хъ причетниковъ—1 побывалъ въ старшемъ отдѣленіи училища и 8—въ младшемъ, остальные 13 обучались дома; такимъ образомъ изъ 47 членовъ причта 32 не обучались нигдѣ[1]). Не забудьте, что такой составъ клира былъ въ губернскомъ городѣ; что же было по селамъ? Тамъ заурядъ попадались священники, не умѣвшіе ничего писать, за исключеніемъ своей фамиліи, дьяконы и причетники—читавшіе по складамъ[2]). При такомъ составѣ духовенства можно ли было думать о серьезной борь-

1) „Сар. Спр. Листокъ“, 1872, № 87.
2) „Сар. епарх., Вѣдом., 1866, № 30.

бѣ съ народными предразсудками и суевѣріями, объ исправленіи народныхъ нравовъ и противодѣйствіи распространенію раскола?

Невозможность сдѣлать что-либо серьозное въ этомъ направленіи сознавалъ и преемникъ Гаія—Моисей Близнецовъ. Этотъ, не надѣясь на свое духовенство, задумалъ противопоставить расколу единовѣріе. Съ этой цѣлью онъ удовлетворялъ всѣ просьбы раскольниковъ, какъ относительно уступки того или другого православнаго священника, такъ и относительно построенія часовенъ и молитвенныхъ домовъ. Къ чему повела эта уступчивость раскольничьимъ домагательствамъ—мы знаемъ уже изъ исторіи распространенія раскола въ Вольскѣ и Кузнецкѣ: преосв. Моисей, очевидно, забывалъ, что старообрядцы обращаются къ нему за разрѣшеніемъ не ради поддержанія церковнаго единства, но только страха ради властелинска. Кромѣ того и въ выборѣ лицъ, на которыхъ возлагалась тяжелая миссія проводить въ раскольничьей средѣ единовѣріе и тѣмъ постепенно сблизить ее съ православіемъ, преосвящ. Моисей не былъ счастливъ; вспомнимъ хотя бы о. Трифона Андреева. Не больше успѣха имѣла и другая попытка его противодѣйствовать распространенію раскола—возстановленіе заброшеннаго и полуразрушеннаго Спасо-Преображенскаго мужскаго монастыря въ Саратовѣ. „Моисей, епископъ пензенскій и саратовскій,—писалъ въ 1811 году настоятель Спасо-Преображенскаго монастыря, Савва, въ докладной запискѣ на имя синодальнаго оберъ-прокурора,—по вступленіи своемъ на пензенскую епархію, узнавъ о крайней жалости достойномъ священномъ мѣстѣ, возскорбѣлъ душею и сердцемъ, тѣмъ паче, что оный край весьма зараженъ ересью раскола, раскольники же своимъ блескомъ, имѣющимся въ ихъ монастыряхъ и часовняхъ, плѣняя простой народъ, тѣмъ болѣе и болѣе отдираютъ оный отъ православной нашей церкви. Возскорбѣвъ же, заблагоразсудилъ вызвать меня изъ московскаго Заиконоспасскаго училищнаго монастыря собственно для возстановленія сея весьма близкой къ разрушенію обители“[1]). Ни преосвящ. Моисею съ Саввой, ни ихъ преемникамъ не удалось поднять саратовскій монастырь до такого блеска, который превосходилъ бы блескъ иргизскихъ обителей и еще болѣе, чѣмъ онѣ, „плѣнялъ“ бы простой народъ: этотъ монастырь до самыхъ послѣднихъ дней остался мѣстомъ ссылки пропоицъ и безобразни-

1) „Сар. епарх. Вѣдом.,“ 1878, № 22.

ковъ духовнаго званія и не пользовался лестной извѣстностью даже въ средѣ жителей самого Саратова, не говоря уже объ уѣздахъ саратовской губерніи, гдѣ о немъ ничего не знаютъ. Впрочемъ, Моисей былъ епископомъ пензенско-саратовскимъ только три года (съ 1808 до 1811 года); быть можетъ, дальше онъ нашелъ бы еще какія-нибудь, болѣе дѣйствительныя, мѣры для борьбы со смущавшимъ его расколомъ.

Аѳанасій Корчановъ (5 сентября 1811—8 февраля 1819 года) только въ началѣ своего управленія епархіей относился къ старообрядцамъ такъ же мягко и снисходительно, какъ и его предшественникъ: посѣщалъ ихъ часовни, присутствовалъ при богослуженіи и даже высказывалъ свое одобреніе замѣчаемому въ отправленіи послѣдняго порядку. Впослѣдствіи онъ рѣзко перемѣнилъ характеръ своихъ отношеній и первый изъ саратовскихъ епископовъ сталъ на путь активной борьбы съ расколомъ, не смущаясь ни богатствомъ раскольничьихъ покровителей, ни противодѣйствіемъ гражданской администраціи. Къ сожалѣнію, начиная эту борьбу, онъ забылъ прекрасныя слова блаженнаго Августина, который говоритъ: „Мое первое мнѣніе было таково, что никого не должно принуждать къ единенію со Христомъ, что должно дѣйствовать словомъ, опровергать разсужденіемъ, поражать силой убѣжденія, чтобы въ противномъ случаѣ открытыхъ еретиковъ не сдѣлать православными только по наружности“[1]). Напротивъ, онъ надѣялся задушить расколъ силой административнаго давленія, тяжестью полицейскихъ мѣръ. Такъ, представляя 24 апрѣля 1817 года требуемыя оберъ-прокуроромъ синода, кн. Голицынымъ, свѣдѣнія о числѣ раскольниковъ по саратовской губерніи, которыхъ по благочинническимъ вѣдомостямъ за 1815 годъ оказалось 18,563 души поповцевъ и 554 души поморцевъ, кромѣ жителей Мечетнаго и Криволучья, гдѣ поповцевъ насчитывалось до 1,500 душъ, онъ проектировалъ для противодѣйствія дальнѣйшему развитію раскола „отсылать упорныхъ, по усмотрѣнію начальства, въ отдаленныя (?) мѣста“[2]). Эта тенденція противопоставлять силѣ убѣжденія внѣшнюю, матеріальную силу, — тенденція, къ несчастью, усвоенная цѣлымъ рядомъ его преемни-

1) Op. S. Augustini, T. II, p. 180, epist. XCIII, cap. V, 17. Edit. Benedict, Antverpiae, 1700.

2) Дѣла Секр. Коммт., Vol. II, стр. 406—414.

ковъ по саратовской архіерейской каѳедрѣ,—лежитъ въ основаніи всей его дѣятельности противъ раскола. Только благодаря этой тенденціи онъ не понималъ, что въ интересахъ православія гораздо полезнѣе, прежде чѣмъ прибѣгать къ административной ссылкѣ упорныхъ раскольниковъ, очистить саратовскій клиръ отъ священниковъ, въ родѣ Фуфлыгина (изъ Малой Березовки, сердобскаго уѣзда), повинныхъ „въ чиненіи всегдашняго пьянства, въ служеніи молебновъ въ пьяномъ образѣ, въ дѣланіи при оныхъ буйственныхъ и самыхъ соблазнительныхъ безчиній, въ произношеніи при чтеніи евангелія сквернословныхъ словъ и въ битьѣ нѣкоторыхъ изъ своихъ духовныхъ дѣтей“. Между тѣмъ преосв. Аѳанасій, вполнѣ сознавая, что подобные поступки „навлекаютъ одинъ только позоръ церкви и духовенству“, ограничивался тѣмъ, что посылалъ такихъ священниковъ на исправленіе (!) въ монастырь и затѣмъ переводилъ ихъ въ видѣ наказанія въ другой, худшій приходъ, гдѣ они или безобразничали вдвое, или склонялись на побѣгъ къ раскольникамъ[1]). Отсюда безплодность его усилій: въ средѣ, которая прежде всего должна была ему содѣйствовать, онъ встрѣчалъ безсознательное, но сильное противодѣйствіе; то, что хотѣлъ сдѣлать онъ, разрушали тѣ, которые должны были быть его помощниками; даромъ тратились и силы и время, ибо пользы не получалось никакой.

Иннокентій Смирновъ, явившійся на епархію больнымъ и правившій ею всего полгода (съ 22 марта до 10 октября 1819 года), ничѣмъ не выказалъ себя по части отношеній къ расколу. Извѣстно одно, что онъ принялся было уничтожать ту продажность, которая царила въ духовной средѣ даже вокругъ самого архіерея. Вотъ любопытный отрывокъ изъ одного письма его въ Петербургъ, отъ 6 іюля 1819 года: „При моемъ предмѣстникѣ много брали со ставленниковъ; именно, на лицо архіерея при выдачѣ ставленной грамоты со священника—6 рублей, діакона—3, дьячка—въ стихарь 1 руб. 50 коп.; съ того же ставленника на пѣвчихъ—со священника 10, съ діакона—5, съ дьячка—2 руб. 50 коп., да еще на крестовыхъ іеромонаха, іеродіакона и прочію архіерейскую свиту: со священника—10, съ діакона—5, съ дьячка—2 рубля. Мнѣ хочется прекратить сей поборъ: и отъ того все ползетъ врозь. Пѣвчіе говорятъ:

[1]) Арх. губ. правл., I, 78, № 3271, 8—9.

одѣться нечѣмъ, изъ свиты прислужники просятся вонъ. А самъ архіерей рѣшается распустить и изъ свиты часть и изъ пѣвчихъ часть, рѣшается также лучше ѣсть хлѣбъ съ водою, чѣмъ держаться такого побора“[1]). Можно смѣло сказать, что дѣятельность его въ этомъ отношеніи, поживи онъ немного дольше, была бы несравненно полезнѣе воинственности его предшественниковъ.

О преемникѣ преосвящ. Иннокентія, Амвросіи Орнатскомъ (1819—1825), сохранилось представленіе, какъ о человѣкѣ „страннаго, строптиваго и неуживчиваго характера“[2]). Въ отношеніи раскола онъ слѣдовалъ принятому преосвящ. Аѳанасіемъ направленію и, по врожденной неуступчивости, доводилъ разъ начатое дѣло до рѣшенія его въ послѣдней, высшей инстанціи. Впрочемъ, вчинать много дѣлъ ему не пришлось, ибо на пути встрѣчалось не мало „помѣхъ“, какъ выразился онъ въ отвѣтѣ на извѣстную просьбу кузнецкихъ старообрядцевъ. Бороться противъ этихъ помѣхъ, если только подъ ними онъ понималъ господствующее снисходительное къ расколу направленіе правящихъ сферъ его времени и прежде всего покровительство расколу со стороны Панчулидзева, онъ, конечно, былъ не въ состояніи и, послѣ нѣсколькихъ внушеній сверху, махнулъ рукой на всякую борьбу. Къ чести его нужно сказать, что онъ внимательнѣе другихъ относился къ своему духовенству и участилъ объѣзды епархіи, чѣмъ раньше страшно злоупотребляли: находились мѣстности въ Саратовскомъ краѣ, съ самаго заселенія своего, въ теченіи цѣлой сотни лѣтъ, до дней Амвросія не видѣвшія у себя ни одного архипастыря, не только астраханскаго или казанскаго, но даже и пензенскаго[3]). Такимъ отсутствіемъ архіерейскаго надзора только и можно объяснить письменное условіе дубовскаго духовенства съ мѣстными старообрядцами, безразборное вѣнчаніе православными священниками смѣшанныхъ браковъ православныхъ съ раскольниками[4]) и т. п. возмутительные факты епархіальной жизни. Противъ нихъ архіерейскіе объѣзды и ревизіи были дѣйствительнымъ средствомъ.

[1]) Имп. Публ. библ., Q, I, № 741. Томъ переписки преосвящ. Иннокентія съ кн Мещерской.
[2]) „Рус. Стар.“, 1879, II, 729.
[3]) Сар. Сборн., I, 256.
[4]) Арх. сар. консист., 1836, № 898, 7.

ГЛАВА V.

Бытовая сторона иргизской исторіи.—Составъ братіи.—Настоятель, соборные старцы, казначей, уставщикъ.—Схимники, бѣльцы, священники и діаконы.—Средства содержанія монастырей.—Внутренній строй монастырской жизни.—Женскіе монастыри.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію исторіи саратовскаго раскола за время царствованія императора Николая I, попробую возстановить бытовую сторону жизни иргизскаго иночества. Первый вопросъ, на которомъ должно остановиться, касается состава братіи. Возникшіе по манифесту Екатерины II иргизскіе скиты наполнялись въ первое время выходцами изъ-за польской границы, куда бѣжали фанатики-ревнители старины, а потомъ—сходцами изъ разныхъ мѣстъ Россіи. Всѣ сословія имѣли здѣсь своихъ представителей: въ числѣ иночествующихъ можно было встрѣтить и купцовъ, и мѣщанъ, и крестьянъ, и военныхъ, и разночинцевъ, и даже дворянъ. Большинство приходило въ монастыри изъ саратовской же губерніи, но не мало было людей съ Дона и Урала, изъ-подъ Москвы, Нижняго, Петербурга, Перми, Сибири и Молдавіи. Едва ли хоть одинъ изъ православныхъ монастырей имѣлъ такой разнокалиберный составъ братіи. Для поступленія въ число братіи ничего не требовалось въ первое время существованія Иргиза, кромѣ добраго желанія, и очень многое—въ послѣднее время его жизни: пока община жила исключительно трудами рукъ своихъ, увеличеніе числа ея членовъ было крайне желательно, такъ какъ совмѣстная работа многихъ всегда плодотворнѣе такой же работы немногихъ, но когда община эта оперилась, разбогатѣла, изыскала другія средства къ жизни, кромѣ труда, приходъ всякаго лишняго человѣка становился далеко не желательнымъ, такъ какъ увеличивалъ число дольщиковъ безъ увеличенія суммы подлежащаго раздѣлу капитала. За это время установлена была съ новопоступавшихъ извѣстная плата въ пользу монастыря: размѣръ ея точно опредѣленъ не былъ и зависѣлъ въ каждомъ данномъ случаѣ отъ усмотрѣнія настоятеля и соборной братіи; низшій размѣръ вступительной платы равнялся стоимости кельи, отводимой приходящему

въ монастырь. До какихъ значительныхъ суммъ доходилъ размѣръ взноса отъ желающихъ вступить въ монастырь на Иргизѣ показываетъ слѣдующій примѣръ: шляхтичъ Ааронъ Софроновъ, при поступленіи въ Нижній монастырь около 1804—1806 года, внесъ въ братскую казну 1.470 руб., которые и остались въ собственности монастыря, когда Софроновъ отъ притѣсненій Прохора за объявленіе о держаніи бѣглыхъ вынужденъ былъ уйти съ Иргиза[1]). Безъ платы принимались въ число братіи только по рекомендаціи сильныхъ людей, въ надеждѣ будущихъ благъ; обычно же, разъ пріемщику почему-либо нравился новопришедшій, его, въ случаѣ бѣдности, принимали бѣльцомъ и онъ долженъ былъ нѣсколько лѣтъ прожить въ качествѣ монастырскаго „трудника“, прежде чѣмъ его удостоятъ постриженія: взносъ денегъ, очевидно, замѣняла тутъ плата натурой.

Ядро иргизскаго общества составляли иноки, внесенные въ реестръ 1797 года, по которому они были освобождены императоромъ Павломъ отъ рекрутской повинности, равно какъ и приписанные къ монастырямъ во время позднѣйшихъ народныхъ ревизій; всѣ они были причислены къ удѣльному вѣдомству и считались удѣльными крестьянами, платя наравнѣ съ ними подати и неся повинности. Размѣръ послѣднихъ въ началѣ настоящаго столѣтія опредѣлялся слѣдующими цифрами: въ пользу удѣла съ души—8 руб., подушнаго сбора—3 руб., на земскую повинность—30 коп., на содержаніе удѣльнаго приказа и мірскіе по приказу расходы—69 коп., всего же—11 руб. 99 коп. съ каждой ревизской души. Кромѣ этого приходилось ежегодно вносить извѣстное количество хлѣба въ запасные магазины удѣльнаго вѣдомства[2]). Кромѣ приписанныхъ къ монастырямъ въ нихъ не мало было лицъ, числившихся у помѣщиковъ и въ разныхъ крестьянскихъ, мѣщанскихъ и купеческихъ обществахъ; эти проживали здѣсь по отпускнымъ и увольнительнымъ свидѣтельствамъ и временнымъ паспортамъ отъ тѣхъ обществъ и лицъ, къ которымъ принадлежали лично или по состоянію; платежъ повинностей и податей они производили въ указанныхъ закономъ размѣрахъ по мѣсту увольненія. Такъ Прохоръ Калмыковъ до конца своей жизни числился саратовскимъ мѣщани-

[1]) С. И. А., I, А, № 10, 793—794.
[2]) Бр. Св. Кр., № 513, 141.

номъ или посадскимъ и несъ денежныя повинности, какъ житель Саратова хотя онъ полвѣка прожилъ въ монастырѣ въ качествѣ инока и схимника; тоже нужно сказать о настоятелѣ Верхняго монастыря Силуанѣ, приписанномъ въ хвалынскіе мѣщане, и многихъ другихъ. Особенно много приходилось платить проживавшимъ въ монастыряхъ помѣщичьимъ крестьянамъ: такъ инокъ Верхняго монастыря Филаретъ показывалъ на допросѣ исправнику, что ежегоднаго оброка выплачиваетъ „отъ щедротъ монастыря“ своему помѣщику Зеленцову 100 рублей, несмотря на неспособность къ работѣ[1]).

Всѣ жившіе въ монастыряхъ по законнымъ видамъ назывались „лицевыми“; но кромѣ нихъ было еще не мало „слѣпенькихъ“ или „сиротъ“, т. е. всевозможныхъ бѣглыхъ, безпаспортныхъ бродягъ и людей съ просроченными видами. Число таковыхъ, особенно значительное въ первые годы иргизскихъ обществъ, постепенно уменьшалось, благодаря полицейскимъ преслѣдованіямъ, хотя никогда, даже въ самыя опасныя для Иргиза минуты, не сходило на нѣтъ. Обыкновенно „сиротъ“ настоятель записывалъ въ число братіи, давая имъ имена и документы умершихъ и выбывшихъ изъ монастыря. Для нихъ отводились кельи поближе къ монастырской оградѣ, чтобы въ случаѣ опасности можно было во время ускользнуть въ лѣсъ и тамъ скрыться отъ поисковъ полиціи въ какой-нибудь землянкѣ, на монастырскомъ пчельникѣ, мельницѣ, хуторѣ или скотномъ дворѣ. Ходили слухи, проникшіе и въ „*Сборникъ*“ преосвящ. Іакова, что подъ кельями устроены были подземныя помѣщенія, сообщающіяся при помощи такихъ же подземныхъ галлерей съ землянками и оврагами въ чащѣ окружающаго монастыри лѣса; но существованіе этихъ подземныхъ ходовъ и корридоровъ осталось не доказаннымъ, хотя по поводу ихъ и производилось довольно долго спеціальное разслѣдованіе[2]). Всего вѣрнѣе, что это дѣйствительно были только слухи, измышленные чьей-либо досужей фантазіей: благодаря негласнымъ, но тѣснымъ связямъ съ полиціей, Иргизъ всегда заблаговременно зналъ о каждомъ пріѣздѣ должностныхъ лицъ въ монастыри и могъ принимать соотвѣтствующія мѣры, сплавивъ въ укромные уголки всѣхъ подозрительныхъ

[1]) С. И. А, I, А., № 11, 165.
[2]) Ibidem, 54--55.

монастырскихъ жителей. Никакіе подземные корридоры не могли такъ вѣрно избавить монастыри отъ риска попасться въ укрываніи бѣглыхъ, какъ любезность большихъ и маленькихъ чиновниковъ, присылавшихъ секретныя вѣсточки.

Во главѣ каждаго монастырскаго общества стоялъ настоятель, выбираемый на безсрочное время, смотря по обстоятельствамъ, или братіей одного монастыря, или всѣхъ, съ участіемъ даже вольскихъ и хвалынскихъ купцовъ и окружныхъ крестьянъ. Примѣромъ избранія перваго рода могутъ служить выборы 28 января 1793 года, когда 18 человѣкъ братіи Верхняго монастыря избрали настоятелемъ Сергія Юршева; примѣромъ второго—вольскіе выборы 1795 года, когда Сергій смѣненъ былъ Исаакіемъ: тутъ избирателями явились иноки всѣхъ Иргизскихъ монастырей и масса свѣтскихъ лицъ. Съ 1820 года, по распоряженію удѣльной конторы, въ выборѣ настоятеля участвовали не всѣ иночествующіе, но только причисленные къ вѣдомству удѣла[1]). Актъ избранія утверждался сначала земскимъ исправникомъ, потомъ удѣльной конторой, а послѣ 1828 года—губернаторомъ. Основанія и мотивы избранія бывали крайне разнообразны. Иногда избраніе падало на лицо, указанное предшественникомъ его по должности настоятеля,—такъ избранъ Сергій 3-го мая 1780 года по указанію строителя Исаакія; иногда—на лицо, стоящее подъ покровительствомъ какого-либо крупнаго купца, благодѣтеля монастырскаго,—такъ выбранъ Прохоръ въ 1791 году; иногда —на прославившагося строгой подвижнической жизнью,—такъ въ половинѣ 1819 года избранъ въ настоятели Средняго монастыря Сергій, жившій въ особой пустынькѣ на Маломъ Иргизѣ. Но всѣ избранія имѣли ту общую черту, что только въ исключительныхъ случаяхъ, когда разгорѣвшіяся страсти заступали мѣсто анализирующаго разума, падали они на людей неспособныхъ или недостойныхъ этого мѣста: если откинуть Кирилла и Исаакія съ Мамонтомъ, правившимъ послѣ Сергія Юршева Верхнимъ монастыремъ, то окажется, что всѣ остальные настоятели иргизскіе, какъ нельзя больше, были на своемъ мѣстѣ. Вотъ почему едва ли можно согласиться съ Леопольдовымъ, когорый говоритъ, что поводомъ къ избранію служили происки честолюбія и корыстные виды: „Чтобы сдѣлаться настоятелемъ, потребно было много вовсе не похвальныхъ качествъ:

[1]) Ibidem, 15—16.

прикрыть себя глубокимъ смиреніемъ и вооружиться тонкимъ лицемѣріемъ; одѣваться въ рубище, наружно постничать, не упускать времени службы, выполнять по лѣстовкамъ положенное по какому-то уставу число поклоновъ, сопровождаемыхъ вздохами, бранить православіе и его исповѣдниковъ, особенно табачниковъ; ласкать бѣльцовъ и глупыхъ старцевъ, чтобы изъ этой сволочи приготовить для себя партію, готовую подать въ пользу ихъ голосъ при выборахъ; повидимому, заботиться о порядкахъ и хозяйствѣ въ монастырѣ"[1]). Одного лицемѣрія и лукавства,—съ чѣмъ на Иргизѣ каждый знакомъ былъ съ малолѣтства,—для избранія на высшую въ монастырѣ должность было, вѣроятно, маловато, иначе много охотниковъ нашлось бы „ласкать глупыхъ старцевъ", подготовляя изъ нихъ для себя послушную партію....

Съ званіемъ настоятеля не соединялся, какъ перемѣнное условіе, священническій санъ и потому, кромѣ первыхъ иргизскихъ настоятелей и вмѣстѣ основателей этихъ скитовъ, въ настоятельской средѣ мы не встрѣтимъ іеромонаховъ, хотя были схимонахи. Настоятель былъ отвѣтственнымъ представителемъ всей монастырской братіи въ глазахъ гражданскаго начальства; для удѣльнаго начальства они замѣняли собой сельскихъ старостъ; чрезъ нихъ исключительно производились всѣ сношенія администраціи съ монастырями. Устранившись отъ всякихъ отношеній къ епархіальной власти, настоятели, равно какъ и подчиненные имъ монастыри, во всѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлахъ зависѣли отъ гражданскаго начальства: отъ него получали они предписанія, у него и спрашивали разрѣшенія и т. п.

Въ помощь настоятелю избирались тоже на безсрочное время 12 соборныхъ старцевъ, изъ которыхъ одинъ несъ обязаности казначея, а другой—уставщика. Соборные старцы по идеѣ были элементомъ контролирующимъ дѣятельность настоятеля: безъ нихъ онъ не имѣлъ права рѣшать никакихъ важныхъ дѣлъ; все, затрогивающее интересы цѣлаго общества, а не той или другой отдѣльной личности, подлежало предварительному обсужденію, „соборованію" этихъ 12-ти избранниковъ. Въ кругу соборныхъ старцевъ настоятель былъ только первымъ между равными, не больше. Но такъ было въ идеѣ и далеко не такъ на практикѣ. Обыкновенно настоятель

[1]) Леопольдовъ, Ист. зам. о Сам. краѣ, 76. Спб., 1860.

сходился съ ближайшимъ своимъ помощникомъ, казначеемъ, и вдвоемъ, какъ хотѣли, правили дѣлами обители, предоставляя остальнымъ соборнымъ старцамъ одно только преимущество чести, но не власти. Настоятели, болѣе сильные вліятельной подержкой со-внѣ или энергіей воли, авторитетомъ и популярностью, обходились даже и безъ казначея и въ буквальномъ смыслѣ царили въ своихъ монастыряхъ. Такъ Прохоръ, по показанію иноковъ Никанора, Адріана и Саввы, очень часто дѣйствовалъ самолично, не приглашая никого на совѣтъ, даже въ принятіи бѣглыхъ поповъ и въ распоряженіи ими, хотя это принято было дѣлать совмѣстно съ соборной братіей[1]). На обязанности казначея лежалъ весь хозяйственный распорядокъ монастыря: онъ нанималъ, по нуждѣ монастырей, рабочихъ; онъ дѣлалъ нужныя закупки и продавалъ продукты монастырскаго хозяйства; на немъ лежали всѣ письменныя и судебныя дѣла по монастырю, пріемъ и ублаготвореніе пріѣзжающихъ въ обитель чиновниковъ и т. п. Для ходатайства по монастырскимъ дѣламъ казначей всегда имѣлъ въ городѣ постояннаго довѣреннаго или адвоката. Настоятели, на время отсутствія изъ монастырей, передавали исправленіе своей должности по большей части казначеямъ, которые въ этомъ случаѣ носили названіе „наказныхъ“ настоятелей[2]); послѣдніе распоряжались часто и въ присутствіи настоятеля выдачей разрѣшенія на кратковременную отлучку изъ монастыря живущимъ въ немъ лицамъ; они же вмѣстѣ съ настоятелемъ наблюдали за нравственностью и благоприличнымъ поведеніемъ монастырскихъ обитателей, съ правомъ кары виновниковъ. Впрочемъ, право кары не простиралось на увольненіе виновныхъ изъ числа монастырской братіи: это право принадлежало въ обителяхъ однимъ настоятелямъ.

Другимъ ближайшимъ помощникомъ настоятеля, послѣ казначея, былъ такъ называемый уставщикъ, въ завѣдываніи котораго находился весь церковный уставъ и церковная ризница. Этотъ выбирался изъ людей, хорошо знавшихъ всѣ порядки и тонкости старообрядческаго богослуженія и требоотправленія, такъ какъ ему

1) Арх. губерн. правл., I, 58, № 45, 9. Настоятель Верхняго единовѣрческаго иргизскаго монастыря, Іоасафъ, лично знавшій Прохора, передавалъ мнѣ, что братія неоднократно покушалась смѣнить Прохора, страшнаго для нея своимъ самовластіемъ и строгостью, но онъ каждый разъ возстановлялъ свои права чрезъ содѣйствіе вольскаго исправника и разгонялъ изъ монастыря недовольныхъ. *Прим. авт.*

2) С. И. А., I, А, № 6, 810.

приходилось обучать исправленныхъ священниковъ и слѣдить за точнымъ соблюденіемъ при совершеніи богослуженія всѣхъ требованій церковнаго устава. Строгая консервативность старообрядцевъ въ обращеніи съ церковнымъ уставомъ и близкое знакомство съ нимъ очень многихъ изъ ихъ среды дѣлали то, что роль уставщика,—особенно на Иргизѣ, бывшемъ въ глазахъ всѣхъ поповцевъ училищемъ благочестія,—принадлежала къ числу очень отвѣтственныхъ и требующихъ большого навыка и еще большей ловкости: малѣйшій пропускъ, ошибка, неточность въ исполненіи того или другого церковнаго чинопослѣдованія могли произвесть крупный соблазнъ и всею тяжестью падали на него. Уставщикъ долженъ былъ присутствовать непремѣнно за каждымъ богослуженіемъ, за недостаткомъ священника и діакона отправлять самолично всѣ службы, кромѣ обѣдни, служить молебны, панихиды и даже совершать погребеніе[1]). Уставщикъ производилъ судъ и раздавалъ наказанія церковнымъ преступникамъ; онъ же составлялъ списки наградъ, подлежащихъ къ выдачѣ чрезъ каждую четверть года жителямъ монастыря. Должность казначея и уставщика была выборная,—соборные старцы избирали ихъ изъ своей среды; но бывали и въ этомъ случаѣ отступленія: такъ Прохоръ назначалъ ихъ иногда своей властью, безъ предварительнаго согласія старшей братіи, какъ это можно видѣть въ случаѣ съ Платономъ, котораго онъ единолично сдѣлалъ уставщикомъ; впрочемъ, въ послѣдніе годы своего настоятельства Прохоръ, быть можетъ, по старости лѣтъ, избѣгалъ такихъ единоличныхъ распоряженій. Въ тѣхъ случаяхъ, когда избраніе этихъ лицъ совершалось по общему согласію, составлялись въ удостовѣреніе особые приговоры, обращикомъ которыхъ можетъ служить приговоръ отъ 20 сентября 1825 года, подписанный соборной братіей Нижняго монастыря вмѣстѣ съ Прохоромъ: „Настоятель, при собраніи соборныхъ старцевъ, по общему между себя любовному согласію, призвавъ Господа Бога въ помощь, упрося казначея инока Веніамина въ другую нужную монастырскую службу, безъ всякаго порока отмѣнили его отъ сей должности, а избрали на мѣсто его бывшаго во святой церкви уставщика, инока Никанора. По убѣдительной просьбѣ настоятеля и всей соборной братіи, оказалъ онъ безпрекословное послушаніе, согласился послужить святой оби-

[1]) Ниж. сем. библ., № 3774, 416.

тели, сколько ему Богъ поможетъ препроводить времени свою жизнь; а особливо съ настоятелемъ быть въ любовномъ союзѣ и во общемъ душеспасительномъ согласіи управлять и неусыпное стараніе имѣть, чтобы въ монастырѣ не было никакихъ блазнительныхъ и грѣховныхъ пороковъ.... Дабы никто изъ братіи самовольно изъ монастыря въ слободу или въ другія мѣста безъ благословенія настоятеля или казначея отнюдь не отлучался, а ежели таковыя окажутся безчинники, будутъ безъ воли настоятеля или казначея тайнымъ образомъ во дни или въ нощи братіи творить соблазнъ, таковаго, во-первыхъ, съ любовію увѣщевать и приводить къ душеспасительной пользѣ; по первомъ, и второмъ, и третьемъ увѣщаніи, буде явится таковый ослушникъ попъ или діаконъ, инокъ или бѣлецъ, то я, настоятель, хотя въ небытность мою въ монастырѣ, позволяю вмѣсто себя оному казначею наказывать, какъ ему заблагоразсудится, чтобы и прочіе имѣли опасеніе. Во святой церкви вмѣсто уставщика Никанора избрали честнаго и воздержнаго инока-схимника Савву“[1]). Должность уставщика и казначея очень часто служила переходной ступенью къ должности настоятеля. Кромѣ общихъ уставщикамъ всѣхъ монастырей обязанностей, уставщикъ Средняго монастыря подъ конецъ существованія Иргиза несъ еще особую: онъ былъ помощникомъ настоятеля по части письменной отчетности,—онъ вносилъ въ особо заведенную метрическую книгу всѣхъ сочетавшихся бракомъ старообрядцевъ, о которыхъ получались на имя настоятеля отношенія отъ подлежащихъ мѣстъ и учрежденій, равно какъ и о крещеніи младенцевъ; списки съ этихъ книгъ ежегодно доставлялись вольскому земскому суду[2]).

Каждый изъ соборныхъ старцевъ, наравнѣ съ настоятелемъ, казначеемъ и уставщикомъ, имѣлъ право принимать къ себѣ въ духовное руководство и подчиненіе молодыхъ иноковъ и бѣльцовъ, которые назывались въ такомъ случаѣ ихъ „евангельскими дѣтьми“. Число евангельскихъ дѣтей для каждаго соборнаго старца ничѣмъ ограничено не было и зависѣло отъ степени популярности и авторитета каждаго инока. Больше всего евангельскихъ дѣтей бывало, конечно, у настоятеля. По отношенію къ евангельскимъ дѣтямъ ихъ

---

1) Арх. Нижн. мон., № 2.
2) Ниж. сем. библ., № 3774, 420.

духовные отцы и руководители пользовались правомъ наказанія, которое носило характеръ келейной или публичной эпитиміи. Келейная эпитимья назначалась за мелкіе проступки, также за буйство и пьянство, и состояла въ увеличеніи числа поклоновъ, въ тѣлесныхъ наказаніяхъ розгами или шелепами или въ одиночномъ заключеніи въ какомъ-нибудь темномъ чуланѣ, при чемъ на виновника надѣвали цѣпь, однимъ концомъ запиравшуюся на шеѣ, а другимъ—прикованную къ чурбану,—это такъ называемая „стуловая цѣпь“; въ случаѣ сопротивленія надѣвались ручные и ножные кандалы. Публичная эпитимья налагалась за болѣе важные проступки и состояла въ состояніи на колѣнахъ въ церкви съ обязательствомъ положить извѣстное—и всегда очень крупное—количество поклоновъ. Отъ эпитиміи не освобождались и монастырскіе священники съ діаконами, но взысканіе на нихъ накладывалъ самъ настоятель, по жалобѣ уставщика или по личному усмотрѣнію. Число подвергавшихся эпитиміямъ всегда было значительное, благодаря принятому въ монастырѣ убѣжденію, что этими средствами можно исправить даже тѣхъ, которые давно уже утратили всякое понятіе о нравственности[1]); но особенно увеличилось оно въ послѣдніе дни существованія Иргиза, при настоятеляхъ Корнилія и Силуанѣ: тогда, по картинному выраженію одного современника, „за Волгой у кузнецовъ не доставало углей на ковку цѣпей, въ которыя заковывали нетрезвыхъ и буйныхъ иноковъ и поповъ“[2]). Кромѣ прямого монастырскаго начальства, наказанія щедро раздавали и разные „благодѣтели“ обителей изъ числа богатыхъ купцовъ; нерѣдко случалось, что настоятель, наскучивши исправлять того или другого старца, обращался за содѣйствіемъ къ „благодѣтелю“ и тотъ раздѣлывался съ виновникомъ быстро и строго. Особенно памятенъ остался въ этомъ отношеніи на Иргизѣ И. В. Расторгуевъ, очень часто наѣзжавшій въ монастыри и, по жалобѣ настоятелей на невоздержанныхъ иноковъ, священниковъ и діаконовъ, жестоко наказывавшій ихъ шелепами: „этотъ не проѣзжалъ никогда, не наказавъ кого-нибудь,—говоритъ арх. Платонъ,—и страшенъ былъ по своей строгости“[3]). Такое властное вмѣшательство мірянъ во внутреннюю жизнь

[1]) Бр. Св. Кр., № 500, 58.
[2]) Поповъ, IV, 193.
[3]) Ниж. сем. библ., № 3774, 440.

обителей не было, разумѣется, установлено правилами монастырскаго устава, но, по обстоятельствамъ, было терпимо, ибо никто не смѣлъ протестовать противъ богатыхъ и вліятельныхъ благодѣтелей, отъ щедротъ которыхъ монастыри получали не мало выгодъ. Это вмѣшательство проявлялось иногда и въ худшей формѣ, не вызывая тѣмъ не менѣе общаго ропота и недовольства: въ монастыряхъ хозяйничали, какъ дома, даже жены купцовъ. Такъ извѣстная „защитница православія“, П. М. Злобина, однажды въ праздничный день, войдя въ церковь за вечернюю службу, разсердилась за что-то на служившаго іеромонаха Іасона и, ставши въ сѣверныхъ алтарныхъ дверяхъ, съ гнѣвомъ топала ногами и кричала ему: „скинь, попишко, ризы, скинь!“ Тотъ долго слушалъ молча, но подъ конецъ не вытерпѣлъ, сорвалъ съ себя ихъ и бросилъ на полъ, а самъ ушелъ изъ церкви и, боясь строгаго наказанія, бѣжалъ затѣмъ совсѣмъ изъ монастыря[1]). Злобина вообще нерѣдко собственноручно раздѣлывалась съ виноватыми иноками и сдирала ризы съ недостойныхъ, по ея мнѣнію, священниковъ,—ради богатства и вліятельности все это ей дозволялось со стороны настоятеля и братіи безвозбранно.

Настоятель и соборные старцы составляли начальство монастыря; масса же монастырскаго населенія состояла изъ рядовыхъ иноковъ и сравнительно небольшого числа схимниковъ, такъ какъ послѣдніе входили обыкновенно въ составъ соборныхъ старцевъ. Всѣ иночествующіе, т. е. принявшіе постриженіе отъ старообрядческихъ іеромонаховъ, иногда же и просто бѣглыхъ священниковъ, носили, пока находились въ стѣнахъ монастырскихъ, особую одежду, по своему покрою и аксессуарамъ нѣсколько отличавшуюся отъ той, какую носятъ монашествующіе православной церкви. Иноческій костюмъ составляла весьма длинная, почти до пятъ, рубашка, поверхъ которой надѣвался черный шерстяной кафтанъ, ничѣмъ не опоясанный,—„чтобы духъ Божій свободнѣе могъ проходить всюду“ (sic!),—съ узкими рукавами и бархатнымъ, плисовымъ или той же матеріи обшлагомъ; вокругъ шеи, сверхъ кафтана, повязывалась круглая перелинка или длинный кругло-скроенный воротникъ, отдѣланный по борту какой-нибудь красной матеріей; на головѣ всегда носилась круглая, въ видѣ скуфьи или

[1]) Ibidem, 441.

татарской ермолки, черная суконная шапочка съ шелковымъ или испанской черной овчинки околышемъ; на эту скуфейку надѣвался еще родъ чехла съ очень длиннымъ воротникомъ, отъ котораго идутъ длинныя четырехъ-угольныя полы, у нѣкоторыхъ доходящія до колѣнъ, съ отдѣлкой по краямъ изъ краснаго шнурка. Это такъ называемый „кафтырь“, безъ котораго никто изъ иночествующихъ не долженъ идти ни въ церковь, ни къ начальству, ни въ общество[1]). Впрочемъ, по причинѣ гонительнаго времени, выходя за стѣны монастыря, иноки надѣвали обыкновенную мірскую одежду, такъ какъ иначе за иночество приходилось, по распоряженію гражданскихъ властей, путешествовать въ мѣста первоначальнаго жительства этапнымъ порядкомъ. Схимники носили одежду одинаковаго покроя съ простыми иноками; вся разница состояла въ томъ, что на камилавкѣ у нихъ со всѣхъ сторонъ вышивались или нашивались тесьмой восьмиконечные кресты, иногда же трость, копіе и летящіе херувимы, а по околышу слова: „Святый Боже, святый крѣпкій, святый безсмертный, помилуй насъ.“ Кромѣ этого они надѣвали еще „подсхимникъ,“—круглую шишоватую шапочку, на которой вышивались кресты съ обычными иниціалами и по херувиму спереди и сзади,—и „схиму“—родъ священнической эпитрахили изъ грубой бѣлой или блѣдно-красной волосяной ткани, съ изображеніемъ вышитаго одного большого креста и множества маленькихъ; одинъ конецъ схимы накидывался на голову. Подсхимникъ и схима надѣвались только въ случаѣ пріобщенія св. таинъ или передъ смерью[2]). Для участія въ крестныхъ ходахъ и церковныхъ процессіяхъ схимникъ,—такъ же какъ и настоятель, казначей, уставщикъ и лучшіе соборные старцы,—надѣвалъ длинную безъ рукавовъ мантію съ многочисленными складками. Схимники представляли собой самый устойчивый и нравственный элементъ обители; ряды ихъ пополнялись людьми трезвыми и степенными, пришедшими сюда на жительство дѣйствительно по чистой вѣрѣ, по влеченію къ уединенію, изъ желанія нравственнаго успокоенія; поэтому они вели обыкновенно хорошую жизнь, заботились о благочестіи, проводили время въ молитвѣ, постѣ и чтеніи душеспасительныхъ книгъ[3]). Нисшій классъ монастыр-

1) Бр. Св. Кр., № 500, 57.
2) Арх. канц. губерн., 1838, N. 236, 2—3.
3) Бр. Св. Кр., №.500, 58; Ниж. сем. библ., № 3774, 11.

скихъ жителей составляли такъ называемые „бѣльцы“,—лица не принявшія еще, за молодостью лѣтъ и по другимъ какимъ-либо причинамъ, ангельскаго образа, но числившіяся кандидатами въ будущемъ на монашество. Эти бѣльцы частью были послушниками у престарѣлыхъ, опытныхъ въ духовной жизни иноковъ, частью же пѣли на клиросѣ; послѣдніе набирались обыкновенно изъ дѣтей, обучавшихся въ монастыряхъ грамотѣ. Въ послѣдніе годы существованія Иргизскихъ монастырей въ нихъ были замѣчательные хоры пѣвчихъ, славившіеся на всю Русь; особенно хорошо поставлено было это дѣло въ Верхнемъ монастырѣ въ настоятельство Силуана, который былъ эстетикомъ въ душѣ и не щадилъ для пѣвчихъ ни средствъ, ни льготъ. Хоры были многочисленны, но въ полномъ составѣ пѣли только по большимъ праздникамъ или по случаю пріѣзда богатыхъ гостей; въ обыкновенные же дни каждый клиросъ состоялъ изъ десяти человѣкъ пѣвчихъ суточныхъ, кромѣ пономарей, дежурившихъ по-недѣльно. Хорами завѣдывали такъ называемые „головщики“ или регенты, у которыхъ въ видѣ помощниковъ состояли „подголовщики“. На обязанности головщика лежало не одно только управленіе хоромъ, но и запѣвъ каждой пѣсни: хоръ только подтягивалъ ему; по этому головщикъ долженъ былъ обладать хорошимъ голосомъ. Церковное пѣніе шло протяжно, „демественно“, по крюковымъ нотамъ. Художники-головщики переложили на крюковыя ноты большую часть церковныхъ пѣснопѣній и очень много религіозныхъ и нравственно-назидательныхъ гимновъ или псальмъ. Такъ называемыя „пѣвчія книги“ или ноты писались большею частью въ самыхъ монастыряхъ,—это искусство было довольно сильно развито на Иргизѣ и въ кругъ монастырскаго обученія входили между прочимъ уроки писанья крюковь для пѣвчихъ книгъ косымъ перомъ[1]). Настоятели очень дорожили своими головщиками и хоромъ пѣвчихъ и предоставляли имъ большую свободу и даже просторъ въ образѣ жизни, такъ какъ иначе, при первой же ссорѣ, они могли уйти въ сосѣдній монастырь[2]). Изъ пѣвчихъ, носившихъ еще названіе клирошанъ, иные были людьми семейными и жены ихъ съ дѣтьми жили тутъ же, въ монастырѣ, въ однѣхъ кельяхъ съ мужьями,—отступленіе отъ общихъ правилъ,

1) Поповъ, IV, 194.
2) Парѳеньевъ, Оправд. церк., 137.

допускаемое только для нихъ и бѣглыхъ священниковъ съ діаконами. Бѣльцы не-пѣвчіе, а послушники, не несли по монастырю никакой обязательной службы, кромѣ исполненія „послушанія“, т. е. порученій и приказаній своихъ духовныхъ отцовъ. Всѣ они, наравнѣ съ иночествующими, должны были ежедневно присутствовать въ церкви при каждомъ общественномъ богослуженіи; исключеніе допускалось только для тѣхъ, которымъ не дозволяло исполнять это требованіе монастырскаго устава наложенное на нихъ евангельскими отцами послушаніе. Изъ всей монастырской братіи аккуратное посѣщеніе богослуженія, по принятому обычаю, считалось необязательнымъ только для настоятелей, въ виду многосложности ихъ занятій; эти посѣщали службу смотря по досугу и доброму желанію. Иноки и бѣльцы, жившіе въ монастыряхъ, не были ничѣмъ съ ними связаны и въ любую минуту могли оставлять свое мѣстожительство и уходить куда угодно. Этимъ правомъ они пользовались въ широкихъ размѣрахъ: наскучитъ человѣку жизнь въ монастырѣ, разойдется онъ съ настоятелемъ или другимъ монастырскимъ начальствомъ—и бросаетъ принявшій его монастырь, и уходитъ въ другой, сосѣдній, или въ Сыртовскіе скиты, въ сибирскія лѣсныя обители и даже въ міръ, но послѣднее было въ существѣ дѣла скандаломъ, такъ какъ снимать иночество признавалось непозволительнымъ[1]).

Кромѣ постоянныхъ жителей, въ монастыряхъ всегда было достаточное количество временныхъ посѣтителей, пришлаго люда. Этихъ можно раздѣлить на двѣ группы, далеко не равныя по численности, но почти равныя по своему значенію для монастырей: это такъ называемые монастырскіе гости и бѣглые члены православнаго клира, принимавшіе здѣсь исправу. Гостями назывались купцы, ремесленники и другіе старообрядцы, не принадлежащіе собственно къ монастырямъ, но живущіе въ нихъ временно по нѣсколько мѣсяцевъ и даже лѣтъ. Богатые купцы нерѣдко отдавали знакомымъ старцамъ въ науку своихъ дѣтей; въ этомъ случаѣ для жительства юныхъ воспитанниковъ строилась и омеблировывалась на средства родителей особая келья и заводился штатъ прислуги. Въ случаѣ пріѣзда родителей или родственниковъ, они останавливались въ такихъ кельяхъ и жили тутъ семействами иногда очень по-долгу. По

1) Ниж. сем. библ., № 3774, 419.

окончаніи обученія келья подобнаго рода переходила въ собственность монастыря или инока-воспитателя; во всякомъ случаѣ не было примѣровъ, чтобы она продавалась на сносъ или уступалась монастырю за деньги. Гости, не имѣвшіе въ обители своихъ келій, помѣщались обыкновенно у знакомыхъ старцевъ, такъ какъ общей гостинной кельи не было. Приливъ гостей былъ особенно великъ во дни большихъ праздниковъ и въ посты: „Казачьи чиновники и просто казаки,—говоритъ Витевскій,—съ женами и дѣтьми ежегодно цѣлыми обозами отправлялись изъ Уральска на богомолье въ Иргизскіе монастыри ко времени успенскаго поста, запасшись на дорогу, на случай безопасности, ружьями, порохомъ и свинцомъ. Здѣсь богомольцы во время поста говѣли, исповѣдывались и причащались у иргизскихъ іеромонаховъ и снова отправлялись домой, прилично наградивъ своихъ отцовъ духовныхъ. Эта религіозная потребность уральскихъ старообрядцевъ исполнялась и послѣ, когда въ самомъ Уральскѣ, по просьбѣ чиновниковъ, была устроена раскольничья часовня и когда у казаковъ явились свои излюбленные, истовые попы“[1]). Такіе обозы тянулись, разумѣется, не съ одного Урала: являлись поклониться на „святой Иргизъ“ и изъ другихъ, нерѣдко очень отдаленныхъ, краевъ Россіи. Монастыри радушно принимали всѣхъ гостей, такъ какъ послѣдніе были желанными людьми во многихъ отношеніяхъ: отъ нихъ получались вклады и пожертвованія, изъ нихъ же, по естественному чувству благодарности, выходили потомъ борцы и ходатаи за интересы Иргиза.

Монастырскіе воспитанники въ большинствѣ случаевъ дѣлались по выходѣ изъ монастыря пропагандистами раскола; бѣднѣйшіе изъ нихъ становились уставщиками при разныхъ часовняхъ и моленныхъ, богатые—попечителями такихъ часовенъ. Положимъ, не каждый изъ посѣтителей окупалъ своимъ вкладомъ стоимость своего пребыванія въ монастырѣ, но это обстоятельство создавало потомъ изъ него восторженнаго панегириста Иргиза съ его святынями и порядками. Это тоже чего-нибудь стоило!... Въ общемъ же, по указанію самого Прохора, подаянія посѣтителей составляли главный рессурсъ монастырскихъ доходовъ[2]). Другимъ не меньшимъ, если только не боль-

[1]) Витевскій, Раск. въ Урал. войскѣ, 14.
[2]) Бр. Св. Кр., № 513, 141.

шимъ источникомъ доходовъ, хотя Прохоръ благоразумно умалчиваетъ о немъ въ своемъ предназначенномъ для кн. Голицына „Описаніи“ монастыря, были для Иргиза бѣглые священники. Всѣ принимаемые извнѣ монастырями священники считались „монастырскими“, какъ бы принадлежащими къ этимъ монастырямъ, хотя бы отпущены были въ какую-нибудь старообрядческую общину временно или навсегда; всѣ они состояли въ распоряженіи настоятелей, но къ составу монастырской братіи въ собственномъ смыслѣ этого слова не принадлежали. Очень не рѣдко случалось, что бѣглые священники и діаконы являлись въ монастырь вмѣстѣ съ женами и дѣтьми; тогда они помѣщались съ ихъ семействами въ отдѣльныхъ кельяхъ за предѣлами монастырской ограды. Но этотъ порядокъ не всегда соблюдался: случалось, что попу съ семействомъ отводилась келья и въ самомъ монастырѣ,—по крайней мѣрѣ, въ Нижнемъ, при Прохорѣ, въ числѣ 46 братскихъ келій было четыре флигеля для принятыхъ священниковъ и діаконовъ[1]). Всѣ бѣглецы-клирики содержались на счетъ монастырей: отъ нихъ получали они, кромѣ квартиры, отопленіе, освѣщеніе, хлѣбъ и другіе предметы первой необходимости. Собственно при каждомъ монастырѣ состояло постоянно не больше 3—7 священниковъ[2]); излишніе, сверхъ этой максимальной цифры, разсылались на условіяхъ, о которыхъ читатель уже знаетъ, по разнымъ старообрядческимъ обществамъ, при чемъ въ видахъ контроля въ спутники имъ давали обыкновенно благонадежныхъ иноковъ. Отправляемый священникъ получалъ отъ настоятеля своего рода увольнительное свидѣтельство вмѣстѣ съ наставленіемъ. Для образца привожу въ извлеченіи одно такое: „О имени Господа Іисуса Христа, Сына Божія. Средне-Никольскаго старообрядческаго монастыря приказаніе настоятеля съ братіей онаго же монастыря священно-іерею Іоанну Иванову, иноку Іоасафу и дьячку Евстафію Петровичу. По дошедшимъ къ намъ просьбамъ старообрядческихъ христіанскихъ обществъ, отправляемъ васъ во оныя общества и во окрестныя тѣхъ мѣстъ селенія для исправленія старообрядческихъ христіанскихъ нуждъ...

1) Ibidem, № 500, 54.

2) Добротворскій („Пр. Соб.“, 1857, III, 537) говоритъ, что иногда въ одномъ монастырѣ скоплялось до 50-ти бѣглыхъ поповъ. Это ошибка, основанная на неправильномъ толкованіи относящихся сюда словъ архим. Платона: „въ бытность мою въ одномъ монастырѣ у Прохора перебывало до 50-ти поповъ“ (Ниж. сем. библ., № 3774, 441). Добротворскій забылъ, вѣроятно, что „бытность“ Платона въ Нижнемъ монастырѣ продолжалась не одинъ годъ.

Будучи вы въ тѣхъ мѣстахъ, имѣйте себя въ добропорядочномъ поведеніи... съ приходящими къ вамъ со всякими духовными требами обращеніе имѣйте благосклонное... безъ общаго вашего согласія никакого дѣйствія не производите; а наиболѣе то зависитъ отъ васъ, честный отецъ священно-іерей, чтобъ имѣть между собою любовную склонность, т. е. ко иноку и дьячку, а имъ должное имѣть къ вамъ почитаніе, каковымъ благополучнымъ вашимъ пребываніемъ по-премногу обвеселите насъ и всѣхъ къ вамъ приходящихъ. А паче чаянія кто изъ васъ будетъ каковой-либо непристойностью выходить и непокорствовать начнетъ общему вашему благосклонному совѣту, священникъ, или инокъ, или дьячекъ, того при собраніи случившагося тамошняго общества пишите къ намъ о немъ по-подробну, каковое его непристоинство и мы, въ разсужденіи его соблазновъ и безумій, можемъ въ скорости прислать другого вмѣсто того строптиваго. А въ разсужденіи доходовъ не безъизвѣстно вамъ наше прежнее положеніе, т. е. двѣ части церкви, двѣ священнику, а одна, пятая, дьячку, какъ деньги, такъ же и холстъ равно, а свѣщи и воскъ безъ раздѣлу всѣ доставлять ко святой церкви, а что особое отъ кого будетъ подано въ церковь или на братію, то безъ раздѣленія записывать въ книгу шнуровую, порученную иноку. И тако, поруча васъ Божію промыслу, просимъ васъ лицомъ святыя церкви за страхъ Божій наблюсти сіе наше приказаніе.“ Подписанъ этотъ приказъ настоятелемъ Амвросіемъ, уставщикомъ Діонисіемъ, казначеемъ Ѳеодоритомъ; священникъ Ивановъ, отправляясь по предписанію монастырскаго начальства къ старообрядцамъ глазовскаго уѣзда, вятской губерніи, собственноручно „во исполненіе“ подписалъ 13 сентября 1814 года подлинникъ приказа, къ которому приложена и церковная печать, а себѣ получилъ копію[1]). При монастыряхъ на собственную потребу, оставляемы бывали наиболѣе благонадежные, скромные и степенные священники. Они по очереди отправляли повседневную службу и исполняли требы, которыхъ было не мало: изъ отдаленныхъ и близкихъ мѣстъ обращались къ настоятелямъ устно и письменно съ просьбами приказать монастырскимъ попамъ дать молитву родильницѣ, прочитать сороковую молитву, отпѣть умершаго и т. п. Жители окрестныхъ селеній за очистительной молитвой посылали нарочнаго, которому ро-

[1]) Арх. губерн. правл., I, 24, № 543, 3—4.

дильница давала новый платокъ или полотенце; надъ этимъ полотенцомъ или платкомъ священникъ вычитывалъ положенныя молитвы и затѣмъ, свернувъ его, отдавалъ посланному. Тотъ везъ его назадъ и, войдя въ домъ, гдѣ родился младенецъ, развертывалъ и махалъ имъ по воздуху,—привезенной благодатью домъ очищался; такое очищеніе совершалось иногда чрезъ полгода и болѣе по рожденіи ребенка[1]). Заочныя погребенія также были въ модѣ у старообрядцевъ, но особенно усилились они въ 30-хъ и 40-хъ годахъ настоящаго столѣтія, когда началось „оскудѣніе священства“, вслѣдствіе преслѣдованія бѣглыхъ поповъ. Заочнымъ погребеніемъ отпѣвали однако не каждаго покойника по одиночкѣ,—это дѣлалось только для людей богатыхъ,—обыкновенно же набирали ихъ человѣкъ 10—20 и разомъ, соборнѣ, пѣли погребеніе. Похороны огуломъ удобны были для настоятелей въ томъ отношеніи, что позволяли отпѣвать и такихъ лицъ, которыхъ въ одиночку нельзя было удостоить этой чести. Привожу въ поясненіе случай подобнаго рода, хотя онъ относится и къ нѣсколько позднѣйшему времени. Въ 1834 году умеръ скоропостижно въ Уральскѣ богатый войсковой чиновникъ Михаилъ Донсковъ; былъ онъ раскольникъ, но бороду брилъ и потому, когда жена его обратилась въ Верхній монастырь съ просьбой совершить заочное погребеніе, то среди братіи „довольное было смятеніе“. Настоятель однако не смутился нимало соблазномъ брадобритія и за хорошія деньги приказалъ пѣть погребеніе соборнѣ, при чемъ на данной имъ запискѣ въ ряду многихъ другихъ именъ помѣщено было имя и новопреставленнаго Михаила. Погребеніе совершилось безъ всякаго соблазна[2]). Количество заочныхъ отпѣваній особенно увеличивалось въ годы моровыхъ повѣтрій: такъ въ холерный годъ (1830) отпѣвали въ монастыряхъ умершихъ старообрядцевъ цѣлыми сотнями[3]). Кромѣ перечисленныхъ требъ приходилось чуть ли не ежедневно служить молебны или панихиды, исповѣдывать и пріобщать больныхъ, вѣнчать браки, крестить дѣтей изъ сосѣднихъ старообрядческихъ селеній. При этомъ исповѣдь и причащеніе исправлялись въ церкви и только иногда исповѣдывали по кельямъ, браки же вѣнчались въ особыхъ кельяхъ, спеціально для этой цѣли приспосо-

[1]) Ниж. сем. библ., № 3774, 417.
[2]) Ibidem, 285.
[3]) Витевскій, Раск. въ Урал. войскѣ, 68.

бленныхъ; тутъ же совершалось и крещеніе младенцевъ,—въ монастырской церкви совершать эти два таинства считалось не соотвѣтствующимъ требованіямъ скитскаго устава. Въ случаѣ неповиновенія или отступленія со стороны священника и діакона отъ принятаго въ монастырѣ богослужебнаго чина, ихъ штрафовали, какъ соблазнителей, удерживая часть подлежащаго выдачѣ дохода: это было сильнымъ средствомъ, такъ какъ било прямо по карману[1]).

Таковъ личный составъ пргизскихъ обителей. Посмотримъ, каковы были денежныя средства ихъ и обычный порядокъ жизни. Выше, для наглядности, исчисленъ былъ приблизительный доходъ монастырей отъ разсылки бѣглымъ священникамъ. Но это, разумѣется, не все. Были и другія статьи прихода въ монастырскомъ бюджетѣ, изъ которыхъ на первомъ планѣ стояли доходы съ обширныхъ земельныхъ участковъ, пожалованныхъ монастырямъ отъ щедротъ Александра I. Земельныя угодья состояли изъ пашенъ, луговъ и лѣса; почва глиниста и мѣстами солонцовата, но въ удобреніи для хлѣбопашества не нуждалась и хлѣбъ родился довольно сносно: при среднемъ урожаѣ озимого хлѣба собиралось съ десятины по 40 четвериковъ, ярового—по 50, проса—по 100—150. Но посѣвами въ обширныхъ размѣрахъ занимался одинъ только Нижній монастырь, которому даже не доставало своей земли и приходилось снимать у казеннаго вѣдомства; впрочемъ, обыкновенно снималъ участки у казны Сапожниковъ и безплатно отъ себя передавалъ монастырямъ. Средній монастырь засѣвалъ ежегодно до 100 десятинъ, въ томъ числѣ десятинъ 20 ярового; своихъ пашенъ казалось монастырю мало и потому въ 1813 году онъ прикупилъ у Товарова до 1000 десятинъ къ 1562 десятинамъ, полученнымъ отъ казны. Самымъ обширнымъ участкомъ земли (8312 десятинъ) владѣлъ Верхній монастырь и потому могъ бы свободно превзойти двухъ своихъ сосѣдей размѣромъ запашекъ; но онъ почему-то мало обращалъ вниманія на хлѣбопашество и засѣвалъ не болѣе 40 десятинъ озимого и ярового хлѣба. Обработка земли производилась вольнонаемнымъ трудомъ, уборка хлѣба—помочами изъ окольныхъ крестьянъ-раскольниковъ; иногда же приходилось и тутъ прибѣгать къ помощи наемныхъ рукъ. Собранный хлѣбъ обработывался на монастырскихъ хуторахъ и перемалывался на монастырскихъ мель-

[1]) Іоаннъ, Духъ мудр. нѣк. раск. толк., 56—57.

ницахъ: у Нижняго монастыря ихъ было три,—одна вѣтрянка и двѣ водяныя; у Верхняго—столько же и у Средняго—одна. Послѣдняя построена была очень рано: по крайней мѣрѣ, въ 1788—1789 годахъ она уже работала подъ управленіемъ инока Ѳеодосія[1]). Мельницы, стоявшія на Иргизѣ, были отдаваемы монастырями въ аренду. Излишкомъ въ хлѣбѣ могъ похвалиться одинъ Средній монастырь, кормившій своимъ хлѣбомъ даже инокинь Успенскаго скита, въ обмѣнъ за овощи и всякаго рода зелень съ обширныхъ огородовъ и бахчей, разведенныхъ инокинями. Обширныя степи благопріятствовали развитію скотоводства, но имъ занимались только Нижній и Верхній монастыри, Средній же находилъ, что „по дороговизнѣ сѣна и частымъ неурожаямъ“ оно приноситъ дохода не можетъ, и потому довольствовался штуками 50-ью лошадей и сотней головъ рогатаго скота,—быковъ для полевыхъ работъ и коровъ для молочныхъ скоповъ. Между тѣмъ Нижній держалъ на своихъ поляхъ до тысячи головъ скота, считая въ этомъ числѣ половину овецъ; овцеводство давало возможность, по словамъ Прохора, не покупать братіи ни сукна на платье, ни кожи на обувь; все же скотоводство не только удовлетворяло потребностямъ братіи, но и давало еще отъ двухъ до трехъ тысячъ рублей ежегоднаго дохода. Монастырскій скотъ былъ очень хорошихъ породъ, особенно рогатый. Немногимъ меньше было скота у Верхняго монастыря. На зиму заготовлялось только луговое сѣно, такъ какъ степное вытравлялось за лѣто скотомъ; Верхній монастырь въ хорошій годъ накашивалъ до 300 стоговъ, въ плохой,—при маломъ разливѣ Иргиза и засухѣ лѣтомъ,—до 100; Средній, при тѣхъ же условіяхъ, получалъ отъ 50 до 100 стоговъ; Нижній—отъ 100 до 200 стоговъ. Эти цифры были бы значительно крупнѣе, не будь у монастырей привычки нанимать для косьбы сѣна рабочихъ „исполу“, т. е. съ правомъ получать за трудъ половину сбора; эта система, благодаря постояннымъ обманамъ со стороны рабочихъ, за которыми надзоръ существовалъ больше фиктивный, была очень убыточна для монастырскаго кармана. Рыбныя ловли какъ въ Иргизѣ, такъ и въ заливныхъ озерахъ, монастырями эксплоатировались очень небрежно или вѣрнѣе —неумѣло, хотя принадлежащія имъ воды были богаты рыбой, заходящей во время весенняго половодья изъ Волги. Чаще всего

1) С. И. А., I, А, № 6, 67.

воды сдавались въ аренду по очень низкой цѣнѣ, но иногда ловъ производили монастыри своими силами: Нижній монастырь добывалъ ежегодно для домашняго обихода до 500 пудовъ сазана, судака, сома, леща, карася, окуня, линя, щуки и ерша въ Большомъ Иргизѣ и монастырскихъ озерахъ; Верхній—тѣхъ же породъ рыбъ—до 1000 пудовъ; Средній монастырь совсѣмъ забросилъ свои ловли въ виду будто бы тѣхъ неудобствъ, что Иргизъ засоренъ нападавшимъ въ него лѣсомъ, а Безыменное озеро заросло чаканомъ и тростникомъ; полавливали рыбу сѣтями и небольшими неводами только любители изъ монаховъ. Понятно, что барыша отъ любительской ловли было немного. Едва ли больше пользы приносили монастырямъ и пчельники, почему-то бывшіе въ загонѣ, хотя монастыри нуждались въ воскѣ для сучки свѣчей, которыхъ при ежедневной службѣ и постоянныхъ требахъ въ годъ тратилось не малое количество. Прибыльнѣе было лѣсоводство, благодаря недостатку лѣса въ окрестной степной мѣстности и правительственному надзору. Дѣло въ томъ, что лѣса по Иргизу хотя и отмежеваны были во владѣніе обителей, но состояли въ вѣдомствѣ лѣсного департамента, такъ что участки для сруба на монастырскія нужды отводились ежегодно казенными лѣсничими. Подвѣдомственны были этимъ лѣсничимъ и опредѣляемые изъ числа монастырскихъ жителей лѣсные надзиратели, дѣйствовавшіе на основаніи полученныхъ отъ лѣсничихъ инструкцій. Такой порядокъ содѣйствовалъ сохраненію монастырскихъ лѣсовъ и мѣшалъ ихъ обезцѣненію; ежегодно вырубаемаго лѣса съ излишкомъ хватало на отопленіе монастырей и необходимыя постройки; впрочемъ, для послѣдней цѣли монастырскій лѣсъ было мало пригоденъ, какъ по размѣрамъ,—деревья больше 4—5 вершковъ въ отрубѣ встрѣчались рѣдко,—такъ и по породѣ,—это былъ дубъ, вязъ и осина, изрѣдка—неклень и чилимникъ[1]).

Не останавливаясь на болѣе мелкихъ статьяхъ дохода Иргизскихъ монастырей, въ родѣ сдачи въ аренду мельницъ и т. п., перейду прямо къ доходамъ отъ пожертвованій разныхъ христолюбцевъ. Нужно заранѣе оговориться, что опредѣлить хотя бы приблизительно размѣры этого источника доходовъ въ данную минуту положительно невозможно: въ свое время этого не знали даже сами

1) Бр. Св. Кр., № 513, 139—141; № 500, 3, 5, 60, 67, 75; Ниж. сем. библ., № 3774, 418.

иночествующіе, кромѣ казначея съ настоятелемъ да нѣсколькихъ близко стоявшихъ къ нимъ лицъ. Но изъ этихъ свѣдущихъ людей никто не повѣрилъ бумагѣ своихъ свѣдѣній. Несомнѣнно,—такъ какъ это говоритъ самъ Прохоръ,—одно только, что этотъ источникъ по размѣру своему игралъ первенствующую роль въ монастырскомъ бюджетѣ и едва ли уступалъ доходамъ отъ бѣглыхъ священниковъ. Пожертвованія стекались въ монастыри двумя путями: передавались лично посѣщавшими монастыри богомольцами въ качествѣ какъ бы косвенной платы за радушный пріемъ, поминовеніе за здравіе на проскомидіи, запись умершихъ родственниковъ въ синодикъ и тому подобныя любезности, и получались чрезъ спеціально посылаемыхъ по Россіи сборщиковъ. Изъ богатыхъ богомольцевъ рѣдкій оставлялъ въ монастырѣ меньше сотни—другой; многіе же, особенно чувствительные къ оказываемымъ имъ знакамъ уваженія со стороны настоятеля и братіи, дѣлали вклады на тѣ или другія нужды монастыря до тысячи рублей и болѣе. Запись въ синодикъ для вѣчнаго поминовенія также становилась не дешево: это стоило, смотря по количеству душъ, которыхъ желательно было вписать, отъ 25 до 300 рублей, а внести въ монастырскій синодикъ умершихъ родичей считалъ чуть ли не долгомъ всякій мало-мальски состоятельный и вѣрующій старообрядецъ. Поэтому синодики иргизскіе представляли собой огромные фоліанты. Въ Нижнемъ единовѣрческомъ монастырѣ мнѣ удалось отыскать одинъ изъ многочисленныхъ томовъ такого синодика, относящійся къ послѣднимъ годамъ настоятельства Прохора, съ массой именъ, разбитыхъ по семействамъ, и множествомъ кабаллистическихъ отмѣтокъ на поляхъ, смыслъ которыхъ понять положительно невозможно. Любопытно было бы взглянуть на первый томъ его: кромѣ массы курьезовъ, о которыхъ упоминаетъ архим. Платонъ,—запись на вѣчное поминовеніе Адама и Евы, „его супруги“, всѣхъ святителей со всѣмъ ихъ родомъ, какъ напр., Николая Чудотворца, и т. п.[1]),—тамъ мы нашли бы и самый вѣрный списокъ всѣхъ иргизскихъ настоятелей и настоятельницъ съ точнымъ указаніемъ лѣтъ ихъ смерти, т. е. то, чего я нигдѣ не могъ отыскать.... Для увеличенія притока пожертвованій монастыри разсылали по всѣмъ концамъ Россіи особыхъ сборщиковъ, которыхъ выбирали изъ числа наиболѣе

[1]) Ниж. сем. библ., № 3774, 441.

достойныхъ, степенныхъ и честныхъ иноковъ. На сборъ имъ выдавалась шнуровая книга за подписью настоятеля и соборныхъ старцевъ, съ приложеніемъ церковной печати,—въ нее вносились всѣ пожертвованія, получаемыя сборщиками. Кромѣ книги имъ давалось и циркулярное просительное письмо, съ объясненіемъ цѣли производимаго сбора,—обыкновенно указывался какой-нибудь ремонтъ, украшеніе храма и т. п. Такъ какъ всѣ письма подобнаго сорта писались по одному и тому же шаблону, то понятіе о нихъ можно составить по слѣдующему: „(По молитвѣ) Милостивый государь и щедрый отецъ и благотворитель! Ежегодно отъ вашего благоугоднаго изволенія, отъ вашихъ христіанскихъ трудовъ, убогая обитель наша чрезъ посланныхъ денежную милостыню получаетъ и святое ваше имя въ незабвенную память написано во святѣй церкви на божественномъ жертвенникѣ и о вашемъ дражайшемъ здравіи и о чадѣхъ вашихъ Господу Богу св. просфора вынимается. Нынѣ васъ, милостиваго отца христолюбца, за любовь Христову, чрезъ сего подателя, посланнаго отъ нашего монастыря, честнаго житія инока NN, и вручивши ему простительную книгу для испрошенія отъ всѣхъ православныхъ денежныя милостыни, (просимъ), елико вамъ Богъ вложитъ во благое ваше Христово изволеніе, помогите, отецъ щедрый, оказать возможное подаяніе на позлащеніе иконостаса въ церкви Рождества Пресвятой Богородицы и на другія монастырскія разныя потребности, за что и мы, убогіи иноцы, во святѣй церкви обязаны о дражайшемъ вашемъ здравіи и о преставльшихся сродницѣхъ Господу Богу грѣшныя молитвы приносить. Въ надеждѣ на васъ, милостивый государь, и остаемся всенижайшимъ убогимъ поклоненіемъ всеусердные ваши доброжелатели, во святѣй церкви незабвенные богомольцы, Нижне-Воскресенскаго старообрядческаго монастыря убогіе иноцы“[1]). Рекомендуя благодѣтелямъ своего сборщика, какъ инока „честнаго житія“, монастыри говорили въ подобныхъ случаяхъ правду: по сбору посылались, въ видѣ награды и поощренія, наиболѣе исправные и трезвые старцы, такъ какъ иначе сборщикъ не только могъ дискредитировать своимъ поведеніемъ отправившій его монастырь, но и причинить значительный матеріальный ущербъ, ибо пользовался правомъ издерживать во время путешествія на свои надобности, сколько позволитъ совѣсть. И тратилось ими обык-

1) Бр. Св. Кр., № 513, 157.

новенно не мало, въ виду полной невозможности какого бы то ни было контроля за ихъ дѣйствіями по сбору. При выборѣ сборщиковъ крупную роль играла конкуренція соборныхъ старцевъ, потому что каждый изъ нихъ хотѣлъ провести своего кандидата; въ благодарность, по принятому обыкновенію, сборщикъ часть полученныхъ пожертвованій отдѣлялъ въ пользу своего патрона, показывая при отчетѣ, что это передано жертвователями въ пользу не монастыря, но даннаго лица. На благоразумно сбереженныя отъ командировки деньги сборщики впослѣдствіи обзаводились въ монастыряхъ своими собственными кельями, заводили послушниковъ и жили въ монастырской средѣ большими барами, при чемъ подозрительная экономія, дававшая средства для этой жизни, особенно строго въ вину имъ не ставилась, какъ вещь слишкомъ обыденная и потому всѣмъ достаточно приглядѣвшаяся. До 1815 года сборщикамъ выправлялись отъ надлежащихъ присутственныхъ мѣстъ паспорты, а послѣ стали выдавать четырех-мѣсячные билеты на бумагѣ шести-рублеваго достоинства. Въ послѣдніе дни существованія Иргиза странствія по сборамъ были совсѣмъ воспрещены и производились въ глубокой тайнѣ: сборщики путешествовали подъ видомъ купцовъ и мѣщанъ и являлись только по знакомымъ старообрядцамъ,—иначе легко было поплатиться не только всѣмъ сборомъ, но и собственной свободой. Подаянія дѣлались не одними деньгами, но и вещами, и разнаго рода припасами: Москва и Петербургъ давали церковную утварь и матеріи для облаченій; Сибирь—желѣзо разныхъ сортовъ и мѣдь въ дѣлѣ, котлы, кострюли и т. п.; Вольскъ—муку высшихъ сортовъ; Донъ—вино и фрукты, Уралъ—цѣлые транспорты всякой рыбы во всѣхъ видахъ,—вязигу, клей рыбій, балыки, паюсную, а зимой и свѣжую икру; изъ Казани шли выдѣланныя кожи, изъ Ярославля—полотно; словомъ, чуть ни всякій уголокъ Россіи дѣлился съ Иргизомъ избыткомъ своихъ богатствъ, получая какъ бы въ отдарье отъ монастырей иконки, книжки, крестики, просфоры и другіе пустячные по цѣнѣ, но дорогіе по значенію предметы, которыми получавшіе дорожили, какъ православные дорожатъ вещичками изъ Кіева, Іерусалима или съ Аѳона. Подаянія сборщики отсылали въ монастыри и почтой и чрезъ знакомыхъ, а чаще доставляли лично, особенно когда гражданская администрація начала косо посматривать на

эту статью доходовъ[1]). О количествѣ дѣлаемыхъ посланцами монастырей сборовъ можно до извѣстной степени судить на основаніи слѣдующаго факта: въ 1835 году былъ пойманъ инокъ Средняго монастыря Никаноръ, пробиравшійся со сбора изъ донскихъ предѣловъ чрезъ камышинскій уѣздъ, и при немъ по обыску оказалось 700 рублей денегъ, нѣсколько раскольничьихъ книгъ и множество домашнихъ вещей,—все это подано было въ милостыню[2]). Въ общемъ годовой бюджетъ монастырей, судя по показаніямъ ихъ настоятелей, доходилъ отъ 10,000 до 15,000 рублей—въ Нижнемъ, отъ 5,000 до 9,000 рублей—въ Среднемъ и отъ 8,000 до 16,000 рублей—въ Верхнемъ монастырѣ[3]). Въ дѣйствительности эти цифры были, несомнѣнно, значительно больше, такъ какъ отцы настоятели при выводѣ ихъ опустили доходъ отъ бѣглыхъ священниковъ и едва ли показали настоящія цифры по другимъ статьямъ, ибо всегда старались скрывать свои финансовыя средства отъ постороннихъ и тѣмъ болѣе оффиціальныхъ наблюдателей. Разница дѣйствительно получаемаго и оффиціально показаннаго была довольно значительная: въ 1826 году Средній монастырь прожилъ 12,000 рублей, а исправнику показано только 7,000 рублей, т. е. чуть ни вдвое меньше[4]). Въ случаѣ дефицита настоятель отъ имени монастыря дѣлалъ займы у частныхъ лицъ, которые покрывались потомъ изъ экономіи, такъ какъ никакихъ запасныхъ капиталовъ у монастырей не имѣлось[5]).

На вопросъ, куда расходились такія крупныя суммы, Леопольдовъ отвѣчаетъ, что „самой крупной статьей расхода было вино, котораго изводилось въ годъ не одинъ десятокъ бочекъ для потребленія инокамъ и для угощенія посѣтителей всякаго рода, и взятки“[6]). Въ поясненіе послѣдняго слова онъ говоритъ: „Пріѣдетъ ли мелкотравчатый чиновникъ изъ суда съ какой-нибудь неважной бумагой,—его напоятъ, накормятъ, успокоятъ и при отъѣздѣ дадутъ денегъ. За правило было: всякаго задобрить, ибо боялись всякаго. Волшебная сила денегъ притягивала въ монастыри повытчиковъ, секретарей, засѣдателей, исправниковъ, стряпчихъ, судей, чинов-

1) Бр. Св. Кр., № 500, 59; № 513, 141; Витевскій, Раск. въ Урал. войскѣ, 66—67.
2) Ниж. сем. библ., № 3774, 23.
3) Бр. Св. Кр., № 500, 60, 68, 76.
4) С. И. А. I, А, № 11, 53.
5) Бр. Св. Кр., № 500, 8.
6) Леопольдовъ, Ист. замѣтки о Сам. краѣ, 78.

никовъ особыхъ порученій, совѣтниковъ и даже предсѣдателей: предлоги къ посѣщенію монастырей выдумывались благовидные, хотя и незаконные. Всѣхъ принимали, всѣхъ угощали и всѣмъ давали денегъ. Но изъ всей этой стаи чиновниковъ, дѣлавшихъ набѣги на скиты, страшилищемъ былъ исправникъ: ему давали чаще и больше всѣхъ, безъ счета. Чуть поскупятся—онъ собиралъ понятыхъ и, окруживъ ими монастырь, объявлялъ настоятелю или повѣрку всѣмъ проживавшимъ въ монастырѣ, или забродъ неводомъ въ Иргизѣ. Эта мѣра поражала настоятелей паническимъ страхомъ: въ первомъ случаѣ открылось бы много бѣглыхъ изъ разныхъ мѣстъ и даже изъ Сибири, во второмъ—много младенцевъ, рожденныхъ въ женскихъ скитахъ и бросаемыхъ въ рѣку. Тутъ настоятели соглашались дать такой калымъ, какой требовалъ исправникъ. Бывали случаи, что промотавшееся начальство чрезъ исправника брало изъ монастырскихъ сундуковъ, какъ изъ своихъ, сколько хотѣло. Отказать было нельзя,—въ такомъ разѣ приходилось платить вдвое. Иначе грозили донять чѣмъ-нибудь и всѣ скиты стереть съ лица земли. Предлоговъ къ притязанію была бездна“[1]). Брали съ монастырей не только деньгами, но и вещами: Леопольдовъ самъ видѣлъ двѣ массивныя золотыя доски, на которыхъ написаны были иконы, и эти иконы были подарены двумъ вліятельнымъ лицамъ[2]). Не отрицаю второй половины объясненія: „искупленіе времени“ дѣйствительно стоило монастырямъ громадныхъ денегъ; не обкрадывалъ ихъ изъ чиновниковъ саратовской администраціи только лѣнивый или „глупый“; мѣсто вольскаго исправника считалось самымъ доходнымъ въ губерніи и отдавалось—или лучше продавалось—съ бою; но въ первой нельзя не видѣть сильнаго преувеличенія: за счетъ церковныхъ суммъ монастыри не поили виномъ своихъ обитателей,—на этотъ предметъ у послѣднихъ, какъ увидимъ нѣсколько ниже, было достаточно и своихъ личныхъ денегъ,—угощеніе же посѣтителей не могло стоить особенно дорого и потому, что не мало вина получали монастыри съ Дона и изъ другихъ мѣстъ даромъ, въ видѣ пожертвованій, и потому, что поили имъ съ большимъ разборомъ, не всегда и не каждаго. Поэтому правильнѣе будетъ вмѣсто расхода на вино указать расходъ на содер-

1) Ibidem, 79—80.
2) Леопольдовъ, Біогр. В. А. Злобина, 42.

жаніе обителей. Не говоря уже о массѣ вольно-наемныхъ рабочихъ, жившихъ на жалованьи, не дешево стоило монастырямъ прокормить всю массу иночествующихъ, бѣльцовъ, трудниковъ и посторонних ъ посѣтителей, не мало выходило на церкви и т. п.

Иргизскіе монастыри были общежительными; все монастырское имѣніе составляло общую собственность и никто изъ постоянныхъ жителей монастыря, даже и самъ настоятель, не могъ имѣть ничего своего[1]). На выполненіи иноками принципа общежитія особенно сильно настаивалъ Прохоръ, вводя этотъ пунктъ въ клятвенное „обѣщаніе", полученное имъ отъ братіи; онъ понималъ, что только тщательнымъ соблюденіемъ общежительнаго устава можно удержать иргизское монашество отъ внутренняго разложенія и паденія, и старался во что бы то ни стало сохранить во внутреннемъ строѣ быта иргизскихъ общинъ завѣщанныя первыми строителями ихъ традиціи. Но эта задача была не по силамъ одному человѣку, хотя бы онъ обладалъ такой желѣзной силой воли и неустанной энергіей, какъ Прохоръ. Богатство всегда оказываетъ на людей нравственно-разлагающее дѣйствіе и чѣмъ ниже умственный и нравственный уровень даннаго общества или общественной группы, тѣмъ сильнѣе это дѣйствіе. Иргизъ въ этомъ случаѣ можетъ служить убѣдительнымъ примѣромъ: чѣмъ больше богатѣли обители, чѣмъ дальше и громче разносилась слава и росла сила ихъ, тѣмъ глубже и шире проникала деморализація въ иноческую среду, тѣмъ дальше удалялись монастыри отъ цѣли своего назначенія, тѣмъ болѣе забывали иноки о духовномъ подвижничествѣ. Изъ борцовъ духа они постепенно вырождались въ сытыхъ рантьеровъ. Для людей дальновидныхъ и притомъ искренно любившихъ монастыри было ясно, къ чему можетъ повесть это усиленіе деморализаціи, но всѣ ихъ старанія въ противоположномъ направленіи были напрасны: противъ нихъ была многоголовая толпа, видѣвшая въ иноческомъ куколѣ не цѣль, а только средство къ безпечальному существованію. И эта толпа взяла верхъ: уже въ первые годы настоящаго столѣтія принципъ общежитія сталъ нарушаться все чаще и чаще. За иноками было признано монастырскимъ начальствомъ право собственности; монастыри перестали выдавать братіи содержаніе и одежду; только престарѣлые бѣдняки и трудники монастырскіе продолжали по прежъ-

[1]) Бр. Св. Кр., № 513, 140.

нему получать и то и другое. Общая трапеза осталась, но существовала больше для вида: въ нее ходили только для отвода глазъ посѣтителямъ монастыря, кормились же постоянно очень немногіе,— одни бѣдняки да еще слишкомъ рьяные блюстители монастырскаго устава. Между тѣмъ обычная трапеза монастырская не страдала скудостью: въ праздничные дни давалась рыба, каша изъ пшена съ масломъ и молоко, въ будни—щи изъ сѣрой капусты и каша изъ обдирной пшеницы съ постнымъ масломъ; огурцовъ и кислой капусты всегда было вдоволь, хлѣба тоже[1]). Но по кельямъ у болѣе или менѣе состоятельныхъ иноковъ столъ готовился гораздо лучше; бѣльцы-послушники часто оказывались отличными поварами и тайкомъ угощали своихъ евангельскихъ отцовъ совсѣмъ не-монашескими блюдами изъ куръ, гусей, индѣекъ и говядины,—тщательно обѣгался одинъ лишь картофель. Скитскій уставъ о брашнѣ соблюдался только на общей трапезѣ, но по кельямъ оставался въ совершенномъ забвеніи,—постничали только при посторонникъ и для посторонникъ. „Нѣтъ излишества, которымъ не снабжены были монастыри,—говоритъ Арсеньевъ,—они имѣли все и для своего продовольствія, и для пріема почетныхъ гостей,—чиновниковъ губернскихъ и другихъ пріѣзжающихъ, отъ которыхъ или боятся чего, или надѣются“[2]). Хорошій обѣдъ сопровождался хорошей выпивкой; впрочемъ, на вино было разрѣшеніе по вся дни, безъ заговѣнья, и пили его честные отцы-подвижники до обѣда и послѣ обѣда, утромъ и вечеромъ, въ будни и въ праздники, пили даже въ церкви, во время служенія[3]). Въ этихъ грѣхахъ неповинны были соборные старцы, но ихъ келейники, клирошане, священники и діаконы грѣшили каждый за десятерыхъ. Денежныхъ средствъ для этого было безусловно достаточно. Клирошане, кромѣ казенной одежи и обуви, каждые 3 мѣсяца, при дѣлежѣ церковной кружки, получали отъ 5 до 50 рублей каждый, смотря по заслугѣ; попы получали за каждую обѣдню по 2 рубля, діаконы—по 1 рублю и изъ

---

1) Ниж. сем. библ., № 3774, 421. „Очевидецъ—старожилъ“ у Попова (IV, 193) жалуется на скудость монастырскаго стола: или онъ слишкомъ многаго требовалъ, или въ послѣдніе годы Иргиза столъ дѣйствительно ухудшился вслѣдствіе паденія принципа общежитія,—иноки обѣдали по кельямъ, а трудниковъ не считали нужнымъ кормить особенно сытно и вкусно. *Прим. авт.*

2) Дѣла Секр. Ком., Vol. XIV, стр. 1,118.

3) Леопольдовъ, Ист. зам. о Сам. краѣ, 85.

кружки—по заслугѣ[1]); на человѣка приходилось никакъ не меньше 40 рублей, а соборные старцы получали даже значительно больше. Вмѣстѣ съ этимъ каждые три мѣсяца производилась раздача по кельямъ всей братіи, начиная съ настоятеля и оканчивая послушниками, денегъ, получаемыхъ за молебны, панихиды и т. п.,—цифры и здѣсь получались круглыя, такъ какъ требъ въ монастыряхъ совершалось очень много, какъ по личнымъ просьбамъ приходящихъ, такъ и по письмамъ со всѣхъ концовъ Россіи[2]). Если прибавить къ этому еще частую раздачу богатыми гостями денегъ по рукамъ братіи и вспомнить, какъ дороги были деньги въ началѣ настоящаго вѣка, то нельзя не согласиться, что монастырскіе обитатели всегда имѣли въ своемъ распоряженіи достаточное количество свободныхъ денегъ на удовлетвореніе не только потребностей, но и прихотей.

Съ обиліемъ денегъ стоялъ до извѣстной степени въ связи, кромѣ пьянства, и другой господствующій порокъ монашествующей братіи—развратъ, развивавшійся, какъ и пьянство, параллельно развитію монастырей. Сергій Юршевъ, перейдя на Иргизъ, взялъ къ себѣ мать и сестру, которыхъ помѣстилъ въ женской обители; то же дѣлали и другіе монахи, при чемъ иные помѣщали въ женскія обители и своихъ женъ, называя ихъ духовными сестрами или—короче—„посестріями“, но не прекращая съ ними прежнихъ связей. Примѣръ былъ заразителенъ и не мало людей холостыхъ или вдовыхъ постарались также обзавестись въ женскихъ монастыряхъ духовными сестрами, которымъ приходилось очень часто исполнять совсѣмъ не-духовные подвиги. Іеромонахъ Арсеній говоритъ, что монахи „гостидьбу между собой имѣли свободную и помогали имъ (монахинямъ) въ построеніи келій на счетъ монастырскій“; да и вообще, по его словамъ, „незаконныя связи монаховъ съ монахинями и всегдашнее ихъ вмѣстѣ пребываніе не поставлялось въ зазорную жизнь“[3]). Это приложимо къ монастырямъ Верхнему и Среднему; но и въ Нижнемъ, благодаря близости селеній, дѣло шло не лучше: „и старцы и бѣльцы,—увѣряетъ арх. Платонъ,—всякъ по своей волѣ посѣщалъ прихожанъ и приводилъ ихъ въ свою келью,

---

[1]) Ниж. сем. библ., № 3774, 422.
[2]) Поповъ, IV, 185.
[3]) Ниж. сем. библ., № 3774, 420.

кого хотѣлъ, беззазорно.... даже и женскій полъ допускали ночевать въ ихъ кельяхъ и для того всѣ изъ своихъ келій имѣли сквозь монастырскую ограду калитки и оными выходили безъ вѣдома начальства“[1]). То же самое говоритъ обо всѣхъ иргизскихъ обителяхъ и Леопольдовъ, только въ еще болѣе рѣзкой формѣ: „Подлѣ двухъ мужскихъ скитовъ жило множество женщинъ, бо́льшая (?) часть коихъ была сомнительнаго поведенія; подлѣ третьяго была большая слобода поселянъ. Иноки ходили къ нимъ и днемъ и ночью; прогуливались съ ними въ лѣсахъ; равно во всякое время открытъ былъ женщинамъ входъ въ мужскіе скиты. Иногда женщины проводили цѣлыя ночи въ мужскихъ скитахъ, а иноки въ женскихъ, и это не считалось нарушеніемъ скитскихъ правилъ. Отъ такихъ связей рождались дѣти, которые тутъ же и воспитывались подъ именемъ сиротъ. Не мало дѣвицъ умерщвляли своихъ дѣтей и бросали въ Иргизъ“. Особенно много безобразій творилось по монастырямъ лѣтомъ, когда во время уборки хлѣба собирались на помочь съ обоихъ Иргизовъ раскольники: „по окончаніи работъ дѣлалось угощеніе и около монастырей шла гульба въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ; составлялись хороводы съ пѣснями; въ хороводахъ участвовали и иноки, толпы коихъ гуляли съ дѣвками въ лѣсу“. Гульба справлялась очень основательно, такъ что молодыя женщины и дѣвки иногда оставались гостить въ монастыряхъ на нѣсколько дней[1]). Нѣчто похожее случалось и по большимъ, особенно же храмовымъ, праздникамъ,—на Пасху, Рождество, Троицу, Преображеніе, Успеніе и т. п.: въ монастыри стекались изъ ближайшихъ деревень массы народа, всѣхъ званій, возрастовъ и половъ, и послѣ богослуженія эти посѣтители разсыпались по кельямъ знакомыхъ иноковъ и угощались самымъ шумнымъ образомъ. Конецъ и тутъ былъ тотъ же: не мало богомольныхъ посѣтительницъ заночевывало въ иноческихъ кельяхъ, не мало иноковъ и бѣльцовъ, уступая свои жилища гостямъ, отправлялись на ночлегъ къ знакомымъ инокинямъ и бѣличкамъ[3])... Парѳеньевъ утверждаетъ даже, будто по такимъ праздникамъ часто случалось, что „за вечерней и каноны править некому,—всѣ гуляютъ или хвораютъ,“ но миссіонеръ Полянскій справедливо замѣчаетъ на

---

[1]) Ibidem, 442.
[2]) Леопольдовъ, Ист. зам. о Сам. краѣ, 81—82.
[3]) Парѳеньевъ, О правой вѣрѣ, 108—109.

это, что поголовное гулянье и хворь подлежатъ сомнѣнію[1]),—благоприличіе, особенно на глазахъ у многочисленной публики, иноки всегда старались и умѣли соблюсти, выполненіе же обряда ставили еще выше благоприличія.

Выше указано уже, что на всѣхъ наличныхъ жителяхъ монастырей лежала только одна обязанность,—неуклонно посѣщать церковное богослуженіе. Но это была не легкая обязанность, благодаря непомѣрной продолжительности церковныхъ службъ и обилію ихъ: одинъ юный монахъ не даромъ жаловался въ довольно-таки нескладномъ стихотвореніи на тяготы обительской жизни:

„...Кто въ монахахъ не бывалъ,
Тотъ нужды, горя не видалъ...
По обѣдѣ—всѣ по кельямъ
И, какъ будто отъ бездѣлья,
Должны правило нести.
Не успѣлъ я отдохнуть,
Меня въ церковь ужъ зовутъ,
Все къ вечернѣ и къ мольбѣ“[2]).

Кругъ богослуженія въ мужскихъ монастыряхъ обнималъ собой вечерню, правильные каноны и повечеріе—до ужина; отпустительныя молитвы на сонъ грядущій—послѣ ужина; утреню, часы и обѣдню—до обѣда; подъ праздники къ утренѣ присоединялось всенощное бдѣніе, тянувшееся часовъ по семи, такъ какъ на немъ читалось толковое евангеліе или сочиненія Ефрема и Исаака Сириновъ и другихъ церковныхъ учителей. Продолжительность службъ чувствовалась тѣмъ обременительнѣе, что при богатыхъ гостяхъ всѣ службы растягивались для вящшаго благолѣпія дольше обыкновеннаго, а гости навѣщали Иргизъ очень часто. Въ посты особенно долго тянулась обѣдня, по причинѣ массы причастниковъ: великимъ постомъ ихъ бывало до 700 въ одну обѣдню, такъ что пріобщеніе шло въ два потира[3]). Въ видахъ облегченія впослѣдствіи вошло въ обычай во время всенощной выходить изъ церкви напиться чаю, при чемъ иноки приглашали съ собой и знакомыхъ богомольцевъ, но къ концу богослуженія считалось нужнымъ опять собираться въ церковь, особенно для выслушиванья „прощенія“, бывавшаго обыкновенно послѣ всенощной и утрени[4]). Наблюдая за тщательнымъ выполненіемъ мельчайшихъ деталей

[1]) Парѳеньевъ, Оправд. церк., 136.
[2]) Поповъ, IV, 191.
[3]) Ниж. сем. библ., № 3774, 416.
[4]) Ibidem, 11.

церковнаго устава, монастыри наблюдали и за торжественностью внѣшней обстановки: такъ въ Нижнемъ монастырѣ въ праздничные дни въ огромномъ шести-ярусномъ паникадилѣ зажигались всѣ 52 свѣчи, вѣсомъ въ 4 пуда; на подсвѣчникахъ предъ иконами ставились 30-ти фунтовыя свѣчи; вынимались изъ ризницы богатые сосуды, драгоцѣнныя евангелія, блестящія золотомъ и серебромъ священныя облаченія[1]). Соборные иноки иногда отправляли службы у себя по кельямъ вмѣстѣ съ своими евангельскими дѣтьми и потому всегда имѣли у себя минеи, октоихи, апостолы и евангелія въ простыхъ переплетахъ, безъ украшеній. Неграмотные отправляли правило поклонами и всегда въ ночную пору. Старообрядцы пріѣзжіе не входили въ церковь, не выслушавъ предварительно „прощи“,—молитвы, прочитанной надъ ними священникомъ или іеромонахомъ. Монастырскіе жители и прихожане входили безъ прощи, но предварительно дѣлали троекратный поясной поклонъ съ крестнымъ знаменіемъ иконѣ, пристроенной надъ входной дверью церкви. Затѣмъ, войдя въ церковь, они брали „подручникъ“,— родъ тоненькой подушки или стеганнаго коврика для рукъ и головы при земныхъ поклонахъ,—и дѣлали „началъ“, т. е. семь поклоновъ, въ будни земныхъ, а въ праздники и воскресенья поясныхъ, говоря про себя: при первомъ поклонѣ—„Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному“; при второмъ—„создавый мя, Господи, помилуй мя“; при третьемъ—„безъ числа согрѣшихъ, Господи, прости мя“; при четвертомъ—читаютъ „Достойно есть“; при пятомъ говорятъ—„Слава Отцу и Сыну и св. Духу“; при шестомъ—„и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣкомъ, аминь“; при седьмомъ—„Господи помилуй, Господи помилуй, Господи благослови“. Совершивъ семь поклоновъ, раскольники низко кланяются направо, налѣво и назадъ, говоря тихо предстоящему народу: „простите мя грѣшнаго“, и становятся мущины по правую сторону, а женщины по лѣвую, или мущины впереди, а женщины сзади. Во время богослуженія всѣ присутствующіе стоятъ въ безмолвіи, стройными рядами; поклоны творятъ въ положенное время и при томъ всѣ вмѣстѣ; впрочемъ, это соблюдалось не всегда строго. Молятся по четкамъ или „лѣствокамъ“; каждая лѣствока должна имѣть 100 узловъ или зеренъ, по которымъ и отсчитывались поклоны.

[1]) Бр. Св. Кр., № 513, 137.

Старцы, которые не въ состояніи класть земные поклоны, ставятъ предъ собой скамеечки, вышиной въ 2—3 четверти отъ полу, и преклоняютъ головы до этихъ скамеечекъ. По окончаніи службы опять дѣлаютъ началъ и выслушиваютъ прощу или отпустительную молитву[1]). Къ богослуженію въ первые дни Иргиза сзывали богомольцевъ глухіе звуки „била“,—доска сухого ясеневаго дерева, подвѣшенная къ чему-нибудь за одинъ край,—или „клепала“,—такая же доска чугунная, въ которую били особымъ молоткомъ; во дни разцвѣта—эти допотопные инструменты были замѣнены колоколами, а съ 1826 года, когда колокольный звонъ былъ запрещенъ, обители опять обратились къ биламъ и клепаламъ.

Въ монастырской трапезѣ или келарнѣ, какъ только раздавался звонъ къ „Достойно“, начинали приготовляться къ обѣду. Не успѣвала окончиться обѣдня, едва начиналъ народъ выходить изъ церкви, какъ келарь или его послушникъ нѣсколько разъ ударялъ въ било или клепало, а въ заключеніе дѣлалъ три удара въ колоколъ, въ обыкновенные дни въ поліелейный, а въ торжественные—въ большой: это громкое приглашеніе всѣмъ желающимъ пожаловать къ трапезѣ. Всѣ, входящіе въ трапезу по этому зову, кладутъ первымъ долгомъ три поклона; затѣмъ одинъ изъ старшихъ монаховъ звонитъ въ ручной колокольчикъ, чтобы водворить тишину, подходитъ къ стоящему на срединѣ трапезы аналою и кладетъ поклонъ со словами: „за молитвъ св. отецъ нашихъ, Господи Ісусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ“; всѣ присутствующіе отвѣчаютъ въ одинъ голосъ „аминь“ и читаютъ молитвы „Отче нашъ“, „Слава и и нынѣ“, „Господи помилуй“. Потомъ монахъ опять произноситъ „за молитвъ св. отецъ нашихъ“, присутствующіе опять отвѣчаютъ „аминь“ и кладутъ 3 поясныхъ поклона съ словами „Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному, создавый мя, Господи, помилуй мя, безъ числа согрѣшихъ, Господи, прости мя“, потомъ садятся и ѣдятъ. Обѣдъ идетъ тихо, въ полномъ молчаніи; въ келарнѣ раздается только внятное, неторопливое чтеніе однимъ изъ иноковъ четьи-минеи или торжественника, если дѣло происходитъ въ праздникъ. Послѣ обѣда читаютъ тѣ же молитвы, только „Отче нашъ“ замѣняется „Достойно есть“ и вмѣсто „Боже, милостивъ буди“—„за молитвъ св. отецъ нашихъ“ съ 12-ю поясными поклонами за творя-

[1]) Ниж. сем. библ., № 3774, 3.

щихъ милостыню. Ужинъ, послѣ вечерни, проходилъ, какъ и обѣдъ, но послѣ него въ келарнѣ вычитывались молитвы ко сну и заканчивался онъ въ отличіе отъ обѣда 17-ю поклонами[1]).

Убранство келій было самое бѣдное: по стѣнамъ стояли грубо сколоченныя скамейки и стулья, плетенные изъ тальника или сбитые изъ досокъ, собственной работы,—кожаные и крашеные были только у настоятелей; постели замѣнялись рогожками или небольшими войлоками; единственнымъ украшеніемъ была божница, уставленная множествомъ образовъ иконописной или литейной работы, и подъ ней—у грамотныхъ—книги духовнаго содержанія,—псалтырь, часословъ, цвѣтники и патерики, да нѣсколько картинъ религіознаго содержанія и множество четокъ и лѣстовокъ, развѣшанныхъ по стѣнамъ[2]).

Въ монастырскихъ школахъ, очень многочисленныхъ по числу учениковъ и разнородныхъ по ихъ составу, обученіе захватывало всѣ знанія, считавшіяся необходимыми для благочестиваго человѣка. Начинался курсъ ученія съ азбуки славянской, затѣмъ проходился часословъ и псалтырь, заучивались на память каноны и стихиры. За обученіемъ чтенію шло обученіе письму, при чемъ учили писать обыкновенной скорописью, церковными буквами и крюками для пѣвчихъ книгъ. Параллельно шло обученіе пѣнію по крюковымъ нотамъ; пѣли по октоиху, обиходу, проходили для практики ирмосы, стихиры, евангеліе и обѣдницу. По желанію обучали демественному древнему пѣнію съ азбуки; учебникомъ былъ „демественникъ", въ которомъ помѣщались задостойники, величанія великихъ праздниковъ и т. п. Кромѣ пѣнія давались уроки рисованія, въ очень скромныхъ, однако, размѣрахъ: показывались и копировались рисунки заставокъ, заглавныхъ словъ и другихъ украшеній, употребляемыхъ въ старинныхъ рукописяхъ. Классы шли утромъ и послѣ обѣда, начинались и оканчивались молитвой и крестнымъ знаменіемъ. За порядкомъ въ классѣ наблюдалъ старшій ученикъ, съ котораго взыскивали за всѣ недосмотры и упущенія; за разныя провинности учащихся ставили въ классѣ на колѣна, съ обязательствомъ положить извѣстное число поклоновъ, отечески наказывали розгами и ременной плеткой-двухвосткой, а за серьезные проступки—сажали на цѣпь въ темные чуланы.

[1]) Ibidem, 4; Поповъ, IV, 186—188.
[2]) Ниж. сем. библ., № 3774, 420; Леопольдовъ, Ист. зам., 82.

Устройство и жизнь монастырей женскихъ сложились по одному типу съ мужскими монастырями, но начало общежительства игнорировалось гораздо больше. Каждый женскій монастырь состоялъ изъ нѣсколько отдѣльныхъ общинъ, связанныхъ только единствомъ иноческаго устава да подчиненіемъ одной настоятельницѣ, такъ что общежитія, собственно говоря, никакого не было. Личный составъ женскихъ обителей былъ тотъ же самый, что и въ мужскихъ: инокини и бѣлицы, при чемъ въ числѣ инокинь бывало не мало схимницъ. Болѣе состоятельныя инокини содержали при себѣ, въ качествѣ евангельскихъ дочерей, болѣе бѣдныхъ инокинь и бѣлицъ; каждая такая евангельская мать съ своими дочерями и составляла отдѣльную общину, члены которой зависѣли исключительно отъ нея одной и отъ главной настоятельницы монастыря, не состоя ни въ какомъ обязательномъ отношеніи къ евангельскимъ матерямъ другихъ сосѣднихъ общинъ. Общинныя матери за себя и за своихъ евангельскихъ дочерей и послушницъ въ нужныхъ случаяхъ относились къ главной настоятельницѣ, какъ къ начальницѣ обители. Всякая новопостриженная должна была избрать себѣ на первый разъ евангельскую мать и за постригъ внести извѣстную сумму денегъ, не менѣе однако 100 рублей, въ пользу постригающей и общины. Если у евангельской матери не было свободнаго помѣщенія въ кельѣ, то строилась новая, на счетъ поступившей: обще-монастырской считалась только большая крестовая келья настоятельницы да часовня. При каждой кельѣ былъ особый дворикъ съ хозяйственными постройками, а при иныхъ и садики. Изъ числа общинныхъ матерей выбирались 12 соборныхъ старицъ,— изъ лицъ, по преимуществу, испытанной нравственности; обыкновенно въ соборныя старицы выбирались инокини, у которыхъ было больше евангельскихъ дочерей,— это служило какъ бы рекомендаціей ихъ достоинства; число евангельскихъ дочерей и послушницъ колебалось для каждой отдѣльной общинной матери отъ 2—3-хъ до 20-ти, при чемъ болѣе всего имѣла ихъ, разумѣется, настоятельница. Такъ въ Успенскомъ монастырѣ послѣ Анфисы, инокини-схимницы Анисіи Сапожниковой и инокини-схимницы Гавделы, у которыхъ неизвѣстно поскольку было послушницъ, настоятельствовали: инокиня Капитолина, имѣвшая 26 евангельскихъ дочерей, инокиня-схимница Алевтина донская—съ 25 евангельскими дочерями, инокиня-схимница Капитоли-

на донская и Феофанія уральская—каждая съ 30 дочерями. У соборныхъ старицъ въ томъ же Успенскомъ монастырѣ число евангельскихъ дочерей только изрѣдка доходило до такой цифры: изъ 12 старицъ, перечисленныхъ іеромон. Арсеніемъ, только одна Александра уральская имѣла ихъ 25, да и то, впрочемъ, потому лишь, что жила безвыходно въ обители 25 лѣтъ; обычно же ихъ было 10 (Тарсила Сапожникова),—(15 Евпраксія донская, Анфиса черная) и (20 Достифея Гавдеина, Манефа донская, Елизавета уральская[1]). Общинная мать пользовалась въ отношеніи своихъ евангельскихъ дочерей правомъ перваго наказанія,—могла ставить на поклоны и давать въ „послушаніе“ трудныя работы; за крупныя провинности она высылала по соглашенію съ настоятельницей виноватыхъ совсѣмъ изъ монастыря. Такъ какъ общей трапезы въ женскихъ обителяхъ не было, то общиннымъ матерямъ приходилось самимъ заботиться о пропитаніи своихъ дочерей. Источникомъ средствъ къ существованію былъ для женскихъ обителей личный трудъ и сборъ подаяній. Не имѣя своей земли, такъ какъ поселены были, съ разрѣшенія подлежащаго начальства, на земляхъ Верхняго и Средняго монастырей, скитницы не могли заниматься земледѣліемъ и потому обратились къ огородничеству, которое сумѣли поставить очень хорошо. Успенскій монастырь по контракту со Среднимъ, съ разрѣшенія департамента удѣловъ, получилъ подъ огородъ 17 десятинъ и на нихъ разводилъ цѣлую массу овощей, въ обмѣнъ за которые получалъ отъ Средняго монастыря хлѣбъ и лѣсъ на отопленіе и постройки[2]). Неимѣнье земли не позволяло заниматься и скотоводствомъ, такъ что у каждой общины и у настоятельницы было всего по 1—2 лошади и по нѣскольку коровъ, впрочемъ, очень хорошей породы[3]). Большинство занималось рукодѣліемъ: шили бѣлье по заказамъ знакомыхъ старообрядцевъ, вязали чулки, пряли и ткали; въ Покровскомъ монастырѣ, по иниціативѣ настоятельницы Надежды, въ 20-хъ годахъ развилось шитіе золотомъ, серебромъ и шелкомъ плащаницъ и церковныхъ одеждъ, а также отдѣлка образовъ фольгой, каменьями, жемчугомъ и бисеромъ. Кромѣ рукодѣлья, монахини ходили по сосѣднимъ селамъ на заработки,—на сѣнокосъ, полотье и жнитво,—и ловили рыбу въ Ирги-

[1]) Ниж. сем. библ., № 3774, 413.
[2]) Бр. Св. Кр., № 500, 9, 63.
[3]) Ниж. сем. библ., № 3774, 419.

зѣ и озерахъ; послѣднее, впрочемъ, чаще всего поручалось бѣлицамъ, подъ бдительнымъ надзоромъ старицъ[1]). Но самыми доходными работами было чтеніе по домамъ у богатыхъ раскольниковъ заупокойныхъ каноновъ и псалтири, за что получалось отъ 50 до 300 рублей, смотря по продолжительности поминовеній, и сборъ „по міру“ подаяній, которыя принимались и деньгами и припасами. По сбору ходили по очереди, а чаще всего по желанію, съ благословенія настоятельницы. Въ крайнемъ случаѣ инокини чрезъ настоятельницу обращались за помощью къ мужскимъ монастырямъ и никогда не встрѣчали отказа; за эту помощь они отплачивали натурой: шили инокамъ бѣлье и платье, мыли передъ праздниками полы и стѣны въ церкви и настоятельскихъ кельяхъ, поливали монастырскіе сады и келейные палисадники. На всѣ эти работы назначались по очереди бѣлицы и молодыя монахини, при чемъ не обходилось, разумѣется, безъ злоупотребленій и нарушенія обѣтовъ монашеской жизни. Такъ бѣлицы и молоденькія монахини Покровской обители, пользуясь слабостью своей уставщицы Анфисы къ вину, умышленно спаивали ее, чтобы не въ очередь получить назначеніе идти въ мужской монастырь „для трудовъ“. Правда, Анфиса однѣхъ ихъ туда безъ себя не пускала, но и подъ ея надзоромъ было очень удобно мыть полы у молодыхъ монаховъ, такъ какъ она ходила обыкновенно въ мужской монастырь „мертвецки пьяная“ и даже нерѣдко „валялась безъ чувствъ“[2]). Одежду инокини составлялъ сарафанъ, сверхъ котораго надѣвалось нѣчто похожее на халатъ съ маленькимъ стоячимъ воротникомъ изъ черной матеріи; у шеи повязывалась круглая перелинка, какъ и у монаховъ, съ красной выпушкой по борту или одного цвѣта съ перелинкой,—такъ называемая мантія. Кромѣ того надѣвалась тонкой черной матеріи круглая шапочка безъ околыша, которая сзади соединялась съ круглымъ, короче перваго, воротникомъ съ черной оторочкой; къ нему прикрѣпленъ нагрудникъ, въ видѣ свѣтской манишки безъ сборовъ, изъ той же матеріи. Всѣ эти три соединенныя вещи назывались „апостольникомъ“, безъ котораго ни за трудами, ни во время покоя никто быть не долженъ. Кромѣ того, какъ будто для отличія отъ иноковъ, на головахъ у нихъ были черные платки,

[1]) Бр. Св. Кр., № 500, 71.
[2]) Ниж. сем. библ., № 3774, 284.

завязывающіеся подъ подбородкомъ; края платка, идущіе по плечамъ и кругомъ шеи, по круглому воротнику, должны быть распущены. Лица закрывались чернымъ покрываломъ, такъ называемой „наметкой“. Бѣлицы придерживались только одного цвѣта и покрывали головы черными или темными платками[1]).

Кругъ службъ церковныхъ отправлялся нѣсколько инымъ порядкомъ, чѣмъ въ мужскихъ монастыряхъ: только по большимъ праздникамъ богослуженіе совершали іеромонахи и священники, присылаемые изъ монастырей, въ обыкновенные же дни ихъ замѣняли уставщицы, отправлявшія службы при часовнѣ по очереди, по недѣлямъ или по суткамъ; евангеліе, впрочемъ, всегда читала сама настоятельница. Соборныя старицы, равно и всѣ общинныя матери, очень часто по буднямъ отправляли службы въ своихъ „крестовыхъ кельяхъ“. Литургій въ женскихъ обителяхъ не совершалось, потому что въ часовняхъ не было престоловъ. Панихиды и поминовенія усопшихъ совершали сами инокини, иногда же и погребали своихъ сестеръ безъ священниковъ, которымъ потомъ поручалось отпѣть заочно[2]).

[1]) Бр. Св. Кр., № 500, 63.
[2]) Ibidem, 62; Ниж. сем. библ., № 3774, 417.

ГЛАВА VI.

Смерть Александра I и перемѣны въ личномъ составѣ саратовскихъ властей.—Поѣздка кн. Голицына на Иргизъ.—Смѣта Прохора.—Вопросъ о вольскомъ старообрядческомъ храмѣ.—Письмо Иринея.—Постановленіе секретнаго комитета относительно вольскаго храма.—Старанія Голицына ознакомиться съ Иргизомъ.—Два доноса.—Вольскій компромиссъ.—Докладъ Голицына объ Иргизѣ.—Переписка Бахметьева съ Иринеемъ.—Командировка на Иргизъ Полонскаго.—Вольскіе переговоры.—Осмотръ монастырей Голицынымъ.—Подписка Нижняго монастыря на принятіе единовѣрія.—Отказъ отъ нея.—Ходатайство Голицына о передачѣ монастырей въ вѣдѣніе губернскаго начальства.—Высылка изъ монастырей нѣсколькихъ лицъ.—Паника въ Нижнемъ монастырѣ.—Передача монастырей въ завѣдываніе губернскаго начальства.—Избраніе въ настоятели Нижняго монастыря Никанора.—Открытіе въ Саратовѣ епископской каѳедры.—Возвращеніе въ Саратовъ инока Іоасафа.—Отдача бѣльцовъ Нижняго монастыря въ рекруты.—Ходатайство Никанора за бѣльца Гавріила Филипова.—Согласіе на принятіе единовѣрія.—Волненіе, вызванное этимъ въ монастырѣ и внѣ его.—Поѣздка Никанора въ Саратовъ.—Просьбы и предположенія его.—Подача прошенія пр. Моисею.—Постановленіе консисторіи.—Письма къ Никанору Голицына и Моисея.—Письмо Голицына къ митр. Серафиму.—Окончательный переходъ монастыря въ единовѣріе.—Завѣщаніе и смерть Никанора.—Итоги дѣятельности Голицына въ отношеніи раскола.

Къ началу 1827 года произошли одна за другой три перемѣны въ правящихъ сферахъ, въ большей или меньшей степени одинаково неблагопріятныя для саратовскаго раскола; вліяніе ихъ быстро отразилось на старообрядческихъ центрахъ—Иргизѣ и Вольскѣ. Вотъ эти перемѣны: въ ноябрѣ 1825 года императоръ Александръ I смѣнился императоромъ Николаемъ I; въ январѣ 1826 года на мѣсто Амвросія Орнатскаго пріѣхалъ въ Пензу преосв. Ириней Нестеровичъ и въ томъ же году отданнаго подъ судъ Панчулидзева замѣстилъ новый губернаторъ, князь Александръ Борисовичъ Голицынъ. Съ именемъ Николая I въ представленіи каждаго старообрядца связано воспоминаніе о „гонительномъ“ для раскола времени. Такой взглядъ не вполнѣ справедливъ. Въ первые годы царствованія Николая Павловича мы не найдемъ никакихъ рѣзкихъ мѣръ противъ раскола,—этотъ государь вначалѣ шелъ по стопамъ своего брата и отца. На первомъ разсмотрѣнномъ имъ журналѣ секретнаго комитета о раскольникахъ (29 января 1826) съ предложеніемъ довольно суровыхъ мѣръ противъ дальнѣйшаго развитія раскола онъ положилъ слѣдующую замѣчательную резолюцію: „Во всѣхъ вещахъ торопливость есть первый вредъ; тѣмъ подавно

въ важныхъ, особенно же когда наслѣдникъ долженъ идти въ противорѣчіе предшественнику; сверхъ того, я требую сперва доказательствъ, а потомъ приму мѣры, которыя признаю нужными, съ тѣмъ большей твердостью, чѣмъ больше убѣжденъ буду въ справедливости"[1]). Требованіе доказательствъ было выполнено не сразу и потому въ политикѣ первыхъ годовъ правленія императора Николая Павловича въ отношеніи раскола найдемъ не мало колебаній и въ ту и въ другую сторону. Примѣры увидимъ нѣсколько ниже. Преосвящ. Иринеи едва ли больше своего предшественника по управленію епархіей былъ противъ раскола, но, какъ человѣкъ желѣзной воли, онъ гораздо настойчивѣе, упрямѣе его проводилъ свои взгляды. При томъ же, если Амвросій встрѣчалъ помѣхи, то для Иринея ихъ не было: кн. Голицынъ явился полной противоположностью Панчулидзеву и настроенъ былъ скорѣе содѣйствовать епархіальной власти въ борьбѣ ея съ разроставшимся зломъ, чѣмъ дѣлать затрудненія. Какого рода мотивы двигали княземъ— рѣшить трудно: можетъ быть, онъ искалъ случая заявить себя дѣятелемъ и обрушился на расколъ изъ карьерныхъ видовъ, но также можетъ быть, что дѣйствовалъ по убѣжденію, искренно желалъ принести посильную пользу православію. Пріятнѣе было бы допустить послѣднее предположеніе, но совсѣмъ не-княжеское занятіе Голицына откупами, усиленное насажденіе имъ въ сибирскихъ губерніяхъ кабаковъ невольно наводятъ на сомнѣніе въ искренности его благочестія и потому щекотливый вопросъ о мотивахъ лучше всего оставить открытымъ.

Вскорѣ по прибытіи въ Саратовъ, кн. Голицынъ предпринялъ объѣздъ губерніи и заѣхалъ по пути въ Нижній монастырь. Прохоръ, опять на короткое время сдѣлавшійся настоятелемъ, принялъ его, конечно, со всевозможнымъ почтеніемъ и, по отъѣздѣ, отправилъ ему въ Саратовъ статистическое описаніе своей обители, помѣщенное въ неоднократно цитированной мною рукописи № 500 библіотеки саратовскаго „Братства Св. Креста", вмѣстѣ съ письмомъ, переписаннымъ рукою инока Арсенія, въ мірѣ титулярнаго совѣтника Алексѣя Семеновича Пермякова, бывшаго чиновника горнаго вѣдомства, который завѣдывалъ въ монастырѣ письмоводствомъ. Судя по этому письму, Голицынъ въ первый пріѣздъ свой на Ир-

[1]) Дѣла Секр. Комит., Vol. III, стр. 129.

гизъ не обнаружилъ никакихъ плановъ, опасныхъ для блага обители; напротивъ, Прохоръ какъ будто разсчитывалъ даже имѣть въ немъ такого же покровителя, какимъ былъ Панчулидзевъ. По крайней мѣрѣ, вотъ что писалъ онъ въ препроводительномъ письмѣ: „Бывъ удостоенъ милостивымъ посѣщеніемъ вашего сіятельства и почитая оное неограниченнымъ счастіемъ, коимъ братія Нижне-Воскресенскаго старообрядческаго монастыря пользуется, я въ обязанность себѣ поставляю повергнуть въ милостивое разсмотрѣніе вашего сіятельства начало и настоящее существованіе монастыря съ высочайше дарованными ему правами и милостями..... Я при преклонныхъ своихъ лѣтахъ, коихъ имѣю уже 80, и находясь почти безпрерывно съ 1791 года настоятелемъ, почту себя съ братіею неограниченно счастливымъ, если ваше сіятельство милостиво удостоите принять сіе свѣдѣніе и, разсмотря, не отринуть имѣть насъ подъ высокимъ вашимъ покровительствомъ“[1]). Но разсчеты на этотъ разъ обманули многоопытнаго старца: Голицынъ получилъ и письмо и описаніе, но принять монастырь въ свое „высокое покровительство“ не пожелалъ, хотя ничего не предпринималъ пока и въ противоположномъ направленіи.

Прежде всего самъ Прохоръ не долго пробылъ настоятелемъ: въ 1820 году его смѣнило вольское купечество, въ 1827 году— удѣльная контора. Избравъ Прохора на мѣсто умершаго Тарасія, братія Нижняго монаятыря обычнымъ путемъ, чрезъ балаковскій удѣльный приказъ, представила свой приговоръ на утвержденіе саратовской удѣльной конторѣ; но эта нашла, что „выборъ сужденнаго за разные поступки, находящагося въ мѣщанскомъ званіи инока-схимника Прохора, сколько противенъ существующимъ на предметъ сей законамъ, столько и для самой братіи можетъ быть постыденъ“. Не удовольствовавшись этимъ отказомъ, иноки снова возбудили ходатайство объ утвержденіи своего избранника въ званіи настоятеля. Въ отвѣтъ на вторую просьбу контора предписала балаковскому приказу „вновь внятнымъ образомъ внушить жителямъ монастыря, что упомянутое желаніе ихъ никакъ уважено быть не можетъ“, а приказнаго голову и писаря предположила оштрафовать за то, что они, зная поступки Прохора и понимая невозможность избранія его въ настоятели, тѣмъ не менѣе засвидѣтельство-

[1]) Арх. Нижн. мон., № 1, 154—155.

дали приговоръ объ избраніи. Приказъ, очевидно не особенно торопился „внятно внушать“,—въ перепискѣ прошло все лѣто, конторѣ не разъ пришлось еще настаивать на новыхъ, правильныхъ выборахъ и только къ осени Прохоръ замѣненъ былъ Саввой[1]). Такимъ образомъ Иргизъ лишился самаго опытнаго и талантливаго своего цѣятеля и лишился какъ разъ въ то время, когда тучи надвигались все гуще и гуще.

Война Голицына съ расколомъ началась въ Вольскѣ. Въ январѣ 1826 года вольскій городничій получилъ отъ губернатора предписаніе снять со старообрядческаго храма крестъ и ни подъ какимъ предлогомъ не дозволять переносить въ этотъ храмъ богослуженіе изъ старой часовни. Строители пришли въ ужасъ. Новое запрещеніе въ одну минуту уничтожало возможность насладиться плодомъ многолѣтнихъ трудовъ. Немедленно созвано было собраніе и составленъ приговоръ, которымъ поручалось попечителямъ вольскаго старообрядческаго общества войти съ жалобой на самовольное и противорѣчащее высочайше утвержденному 19 августа 1824 г. положенію комитета министровъ дѣйствіе губернатора. Попечители написали жалобу и подали ее на высочайшее имя[2]). Началась переписка и Голицыну пришлось давать объясненія; онъ давалъ ихъ въ тонѣ сдѣланнаго распоряженія, хотя это распоряженіе принадлежало его предшественнику. Въ концѣ концовъ дѣло по всеподданнѣйшему прошенію перешло на разсмотрѣніе комитета министровъ и 10 мая 1827 года отмѣнено было положеніе того же комитета, сдѣланное три года тому назадъ: комитетъ нашелъ теперь, что „должно вновь построенный въ Вольскѣ старообрядческій храмъ, имѣющій наружный видъ православной церкви, какъ выстроенный въ противность постановленіямъ, запечатать и не дозволять старообрядцамъ переносить въ оный богослуженіе.“ На этомъ положеніи государь надписалъ: „Что же съ новой церковью? Надо или пріобрѣсть оную для православнаго прихода, или, какъ предположено было, въ единовѣрческую“[3]).

Не успѣло пройти всѣ инстанціи дѣло вольскихъ старообрядцевъ, какъ въ Саратовѣ захваченъ былъ полиціей бѣглый священникъ Кириллъ, совратившій не мало народа въ расколъ. Препровождая его ставленную грамоту къ преосв. Иринею, Голицынъ, въ отношеніи

1) Бр. Св. Кр., № 513, 172—173.
2) С. И. А., Карт. А, № XXIII.
3) Дѣла Секр. Ком., Vol. VI, стр. 237.

отъ 25 апрѣля, спрашивалъ мнѣніе его по вопросу о прекращеніи дальнѣйшаго распространенія раскола. Ириней отвѣтилъ цѣлой филиппикой. Быстрый ростъ раскола, по мнѣнію пензенскаго епископа, прежде всего обусловливался закономъ, допустившимъ свободу открытыхъ сношеній православнаго духовенства съ раскольниками. На Иргизъ двинулась такая масса бѣглыхъ духовнаго сана, что сами раскольники испугались этого наплыва народа со всѣхъ сторонъ Россіи и начали тѣхъ изъ бѣглыхъ поповъ, „которые развратными поступками своими содѣлались и тамъ нетерпимы“, выгонять изъ своихъ монастырей, иногда же прямо выдавали ихъ въ руки полиціи. Цѣль неудачнаго закона не была достигнута: „зло воспріяло образованіе и приняло на себя отблескъ истины, не имѣя существа ея“; бѣглые священники, имѣвшіе быть по духу этого закона какъ бы соединяющимъ звеномъ между православіемъ и расколомъ, играли какъ разъ противоположную роль, были слѣпымъ орудіемъ для умноженія раскола. Раскольничьи коноводы, будучи „кривотолками св. писанія, криво толкуютъ и законы“: они внушаютъ народу, что если бы старая вѣра не была права, то не существовало бы дозволенія священникамъ свободно уходить въ расколъ. На ряду съ этой причиной развитія раскола стоитъ и другая: снисходительное отношеніе властей къ построенію раскольниками церквей и часовенъ. Правительство,—полагаетъ преосвященный,—разрѣшаетъ сооружать только единовѣрческія церкви; таковъ смыслъ указовъ 12 марта 1798, 27 октября 1800 и 14 октября 1807 года. „Но сей снисходительный гласъ правительства не былъ услышанъ въ главномъ гнѣздилищѣ разврата раскольничьго—иргизскихъ скитахъ и городѣ Вольскѣ. Тамъ устроялись церкви по своевольнымъ и прихотливымъ желаніямъ загрубѣлыхъ въ заблужденіи своемъ изувѣровъ; взирая же и другіе на нихъ, построили молельни и часовни на подобіе греко-россійскихъ церквей въ разныхъ городахъ, селахъ и деревняхъ“. Въ силу такихъ соображеній Ириней предлагалъ слѣдующія мѣры: 1) священниковъ, находящихся у раскольниковъ, обязать строжайшими подписками, чтобы они впредь ни подъ какими предлогами не присоединяли вновь къ расколу православныхъ, хотя бы послѣдніе объявляли, что обращаются по собственному желанію, а не по возбужденію совнѣ. 2) Строжайше воспретить имъ смѣшанные браки между раскольниками и православными и крещеніе дѣтей отъ такихъ браковъ.

3) Виновныхъ въ нарушеніи данной подписки отбирать у раскольниковъ и препровождать къ епархіальному начальству для сужденія по законамъ,—на первый разъ подлежитъ этому попъ Кириллъ, сознавшійся въ неоднократномъ совращеніи въ расколъ православныхъ. 4) Слѣдить со стороны гражданской администраціи, чтобы священники бѣглые, помимо исполненія данной подписки, служили орудіемъ къ соединенію заблудшихъ съ православной церковью, а въ случаѣ уклоненія ихъ отъ сего—отправлять къ епархіальному начальству и такимъ образомъ снисхожденію правительства полагать мало по малу предѣлъ, а раскольниковъ возбуждать къ скорѣйшему принятію благословеннаго священства. 5) Подтвердить чрезъ полицію всей иргизской иночествующей братіи и сестрамъ, чтобы и они никого не совращали въ свою ересь подъ опасеніемъ преданія уголовному суду. 6) Въ дополненіе къ существующему запрещенію строить раскольничьи церкви и часовни—воспретить перестраивать и возобновлять построенныя раньше, иначе онѣ всегда будутъ въ одинаковомъ положеніи и высочайшее повелѣніе не достигнетъ своей цѣли. „Дабы пресѣчь раскольникамъ къ тому способы, то, исчисливъ секретно такія церкви, часовни и молельни и назначивъ нѣкоторыя къ немедленному, а другія къ постепенному уничтоженію, имѣть списки сіи въ виду какъ гражданскому, такъ и духовному начальству и затѣмъ поручить полиціи и благочиннымъ строго наблюдать и, при малѣйшемъ движеніи раскольниковъ къ возобновленію оныхъ, доносить каждому по своему начальству; своевольное же оканчиваніе раскольниками въ городѣ Вольскѣ каменной церкви воспретить, если они не согласятся имѣть оную на правилахъ единовѣрческой церкви[1]). Какъ бы въ дополненіе и подкрѣпленіе изложеннаго взгляда, преосв. Ириней вслѣдъ за первой бумагой въ томъ же маѣ мѣсяцѣ 1827 года отправилъ Голицыну другую съ жалобой, что настоятель Тарасій ежедневно почти посылаетъ въ Каменку своихъ бѣглыхъ поповъ и монаховъ для исправленія требъ и хожденія въ праздничные дни съ крестомъ. „При таковомъ случаѣ увлекаютъ они прихожанъ села Каменки въ расколъ, увѣряя простодушныхъ крестьянъ, что они имѣютъ на то высочайшее повелѣніе... а чтобы они, какъ бѣглые, не были взяты кѣмъ-либо и представлены къ сужденію, для сего со-

[1]) „Дѣло“, 1872, № 1, 81—86.

провождаются изъ дома въ домъ 20—30 человѣками раскольниковъ". Просьбы каменскаго приходскаго священника, Ивана Терентьева, обращенныя къ Тарасію, о прекращеніи этихъ нашествій и открытаго совращенія въ расколъ каменскихъ крестьянъ оставляются Тарасіемъ безъ всякаго вниманія... По этой жалобѣ губернское правленіе предписало вольскому земскому суду обязать строжайшими подписками всѣхъ настоятелей Иргизскихъ монастырей, чтобы они „отнюдь не допущали и не позволяли бѣглымъ попамъ и монахамъ отлучаться въ православныя селенія и приходы и никто бы не отваживался дѣлать вредныя ложныя о высочайшихъ повелѣніяхъ разглашенія, таскаться въ сопровожденіи раскольниковъ, бродить для сбору милостыни". Православнымъ жителямъ сосѣднихъ съ монастырями селъ отдано было строгое приказаніе съ подписками же, чтобы они хватали появляющихся у нихъ бѣглыхъ поповъ и доставляли въ земскій судъ. Независимо отъ этихъ распоряженій, вольскому исправнику предписывалось произвесть слѣдствіе о Тарасіи и другихъ иргизскихъ настоятеляхъ, отпускавшихъ въ Каменку своихъ поповъ и монаховъ для совращенія въ расколъ православныхъ[1]).

Кн. Голицынъ во всемъ согласился съ мнѣніемъ преосв. Иринея. Мало этого: онъ поспѣшилъ сообщить своему начальству о раскольничьихъ безпорядкахъ по губерніи и предложилъ составить, по соглашенію съ епархіальнымъ архіереемъ, проектъ правилъ для устраненія ихъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, въ отзывѣ своемъ отъ 27 іюня 1827 года, изъявилъ согласіе на это предложеніе[2]). Такимъ образомъ унія духовной и гражданской власти въ саратовскихъ предѣлахъ, о которой такъ много и такъ долго хлопотали предшественники Иринея, нынѣ благополучно состоялась. Извѣстное уже намъ положеніе комитета министровъ о вольскомъ храмѣ дало Голицыну толчекъ приступить къ указаннымъ архіереемъ мѣрамъ. Чрезъ полицію онъ объявилъ вольскимъ раскольникамъ высочайшее повелѣніе 10 мая 1827 года и требовалъ отъ нихъ рѣшительнаго отвѣта, какимъ образомъ предполагаютъ они исполнить высочайшую волю: желаютъ ли обратить храмъ въ единовѣрческій или уступить для православнаго прихода? Ста-

1) Бр. Св. Кр., № 513, 171—172; Указъ пенз. конс. 23 апр. 1827, № 3735.
2) С. И. А., А, I, № 11, 69.

рообрядцы представили два объясненія, уклоняясь отъ рѣшительнаго отвѣта. Въ первомъ они очень положительно заявляли, что противиться волѣ государя не смѣютъ, но если требуютъ ихъ согласія, то согласиться на эту перемѣну не могутъ; въ послѣднемъ же предоставляли сооруженную ими каменную церковь на волю государя, но сами высказывали желаніе остаться при своей старой деревянной церкви на прежнихъ основаніяхъ. Губернаторъ поясняль, что раскольники стараются только выиграть время и выхлопотать въ Петербургѣ разрѣшеніе оставить дѣло по прежнему, и въ подтвержденіе ссылался на Сапожникова, который будто бы сказалъ ему это. Представляя объ этомъ 24 декабря 1827 года въ министерство внутреннихъ дѣлъ, Голицынъ заявлялъ, что, по мнѣнію его, „рѣшительное дѣйствіе обратить вольскій молитвенный храмъ въ единовѣрческую церковь принесетъ много пользы“. Изъ министерства донесеніе Голицына перешло въ секретный комитетъ, который вполнѣ согласился съ княземъ и постановилъ: „Предоставить управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ секретно предписать саратовскому губернатору, дабы онъ предварительно внушилъ вольскимъ старообрядцамъ, что вновь сооруженный ими храмъ имѣетъ быть обращенъ въ единовѣрческую церковь, и когда нѣкоторые изъ нихъ открыто изъявятъ желаніе быть въ ней прихожанами, то наставилъ бы ихъ просить епархіальнаго архіерея объ освященіи той церкви и утвержденіи къ ней священника по ихъ избранію“. Комитетъ полагалъ, что безъ этой предосторожности простое наименованіе церкви единовѣрческой можетъ оставить ее безъ прихожанъ. Далѣе митрополиту Серафиму поручалось внушить пензенско-саратовскому епископу, что коль скоро къ нему войдутъ съ просьбой старообрядцы, то онъ немедленно долженъ удовлетворить ее, а губернатору въ тоже время предписано наблюсти, чтобы вновь не появлялись у старообрядцевъ бѣглые попы. Государь надписалъ: „Церковь въ Вольскѣ посвятить единовѣрческому обряду на предлагаемомъ основаніи“[1]).

Одновременно съ нападеніемъ на Вольскъ Голицынъ задумалъ напасть и на Иргизъ, но предварительно счелъ нужнымъ прозондировать почву, запастись свѣдѣніями о монастыряхъ, поискать матеріаловъ, на основаніи которыхъ сдѣлалось бы возможнымъ настаивать на

[1]) Дѣла Секр. Ком., Vol. VI, стр. 119—133; Ниж. сем. библ., № 3774, 305.

немедленномъ разгромѣ этого „гнѣздилища разврата раскольничьяго“, по выраженію пр. Иринея. Онъ потребовалъ отъ вольскаго исправника свѣдѣній: въ какомъ употребленіи находятся принадлежащія монастырямъ земли, изъ какихъ угодій онѣ состоятъ и какой доходъ приносятъ; чѣмъ содержатся монастыри, въ чемъ ихъ имущество, какими средствами пріобрѣтается оно, какъ велики годовой доходъ и расходъ монастырей,—„хотя примѣрно, но сколько можно ближе къ истинѣ“,—сколько проживаетъ въ монастыряхъ людей, кромѣ иноковъ и бѣльцовъ, изъ какого они званія и чѣмъ занимаются[1]). Исправникъ Канищевъ, спѣшившій уѣхать въ отпускъ, представилъ очень неполныя и далеко не ясныя свѣдѣнія и въ донесеніи своимъ сообщилъ между прочимъ и о смѣнѣ Прохора изъ настоятелей. Голицынъ остался недоволенъ доставленными ему на скорую руку свѣдѣніями и, по поводу смѣны Прохора, потребовалъ 16 августа 1827 года отъ исправляющаго должность исправника, дворянскаго засѣдателя Николая Юрасова, узнать подъ рукой, въ какомъ отношеніи находятся Иргизскіе монастыри къ удѣльной конторѣ, какой доходъ даютъ ей, отъ кого зависитъ увольненіе настоятелей и какъ производится выборъ ихъ. Не надѣясь, повидимому, получить удовлетворительный отвѣтъ на этотъ запросъ отъ Юрасова, Голицынъ 18 августа обратился съ подобнымъ же, только нѣсколько расширеннымъ, запросомъ къ удѣльной конторѣ: 1) въ какомъ отношеніи состоятъ монастыри къ удѣльной конторѣ по всѣмъ предметамъ; 2) сколько состоитъ въ монастырях собственно удѣльныхъ крестьянъ, какой они платятъ оброкъ и чрезъ кого онъ собирается; 3) какъ устроена въ нихъ хозяйственная часть, изъ кого состоитъ сельское начальство въ нихъ, кѣмъ производится выборъ настоятелей, кто утверждаетъ ихъ въ этомъ „духовномъ“ званіи, отъ кого зависитъ удаленіе ихъ отъ должности и на какихъ узаконеніяхъ основаны всѣ эти порядки[2]). И удѣльная контора и Юрасовъ представили 21 и 26 августа короткія, отрывочныя свѣдѣнія, на основаніи которыхъ трудно было составить сколько-нибудь опредѣленное представленіе о монастыряхъ; при этомъ Юрасовъ хотя обѣщалъ въ непродолжительномъ будущемъ доставить полное статистическое описаніе монастырей, а контора не обѣщала и этого, намекая деликатно, что губернаторъ самъ

[1]) „Дѣло“, 1872, № 1, 87.
[2]) С. И. А., I, А, № 11, 14—18.

долженъ знать все это, такъ какъ отправленіе, напримѣръ, монастырскими жителями богослуженія и прочихъ по ихъ сектѣ духовныхъ обрядовъ, равно пріемъ въ монастыри священниковъ и діаконовъ и т. п., „по нахожденію старообрядцевъ въ непосредственномъ завѣдываніи и наблюденіи начальника губерніи, ни до какого мѣстнаго начальства не относится и контора, не имѣвъ на сіе отъ своего начальства никакого постановленія, въ предметъ сей не входитъ“[1]). Голицынъ опять остался недоволенъ и 1 сентября обратился къ удѣльной конторѣ съ новымъ запросомъ: въ чемъ состоятъ монастырскія сокровища и какимъ количествомъ земли владѣли монастыри до 1801 года со времени своего основанія. Въ то же время онъ затребовалъ изъ межевой конторы копію съ указа сената, по которому въ 1804 году окончательно укрѣплены за монастырями пожалованныя имъ земли, но въ межевой конторѣ никакого указа не оказалось. Не менѣе разочарованія доставила губернатору и удѣльная контора: ни о сокровищахъ, ни о землѣ она ничего не знала и потому поручила балаковскому и мечетному приказамъ разузнать объ этомъ на мѣстѣ; а губернаторъ торопилъ и торопилъ... Только въ концѣ ноября контора доставила Голицыну копіи съ реестровъ монастырскаго имущества, составленныхъ самими настоятелями и настоятельницами при удѣльномъ чиновникѣ. Повидимому, составители сговорились заранѣе, какъ писать реестры: въ одинъ голосъ заявляли они, что никакихъ сокровищъ у нихъ нѣтъ, кромѣ иконъ и книгъ, что до 1801 года земли у нихъ было гораздо больше, но сколько именно—сказать не могутъ, такъ какъ никто не мѣрилъ и т. п.[2]).

Не видя пользы отъ ознакомленія съ монастырями изъ оффиціальныхъ донесеній разныхъ чиновниковъ, Голицынъ рѣшилъ испытать, не выплыветъ ли какое-нибудь компрометирующее монастыри обстоятельство изъ провѣрьи ходившихъ въ обществѣ слуховъ о существованіи въ монастыряхъ подземныхъ ходовъ и помѣщеній, служащихъ для укрывательства бѣглыхъ, для секретнаго сообщенія мужскихъ обителей съ женскими и для храненія несмѣтныхъ сокровищъ монастырскихъ, которыя не входятъ ни въ какія описи. Такъ какъ подобные слухи шли особенно относительно Средняго монастыря, то въ немъ 10 октября Канищевъ съ понятыми и про-

[1]) Ibidem, 20.
[2]) Ibidem, 29—50.

извелъ обыскъ. Не мало стараній было приложено исправникомъ, не мало половыхъ досокъ было поднято, но то, чего искали, найдено не было. Правда, въ среднихъ сѣняхъ настоятельской связи или „стаи“ подъ поломъ отысканъ былъ выходъ или келья, но это оказался холодный чуланъ покойнаго настоятеля Амвросія, гдѣ ставилось имъ питье для монаховъ, и притомъ чуланъ лѣтъ восемь уже заброшенный и обвалившійся. Въ другой половинѣ той же связи найденъ подъ сѣнями глубокій погребъ; въ кельяхъ бывшаго лѣтъ двадцать тому назадъ настоятеля Іакова найдено въ разныхъ комнатахъ и чуланахъ шесть творилъ, подъ которыми оказались тоже небольшіе погреба, иные давно уже засыпанные. Ни въ одномъ изъ подкелейныхъ помѣщеній ничего подозрительнаго не встрѣтилось, сокровищъ не найдено, подземныхъ переходовъ изъ одной связи въ другую не запримѣчено; настоятель Тарасій и другіе иноки удостовѣряли, что такихъ подземныхъ ходовъ ни въ ихъ, ни въ другомъ какомъ изъ Иргизскихъ монастырей не имѣется[1]). Результатъ обысковъ не оправдалъ ожиданій Голицына; нѣсколько погребовъ и выходовъ, найденныхъ подъ кельями, не давали никакой почвы для обвиненія. Оставалось запастись терпѣніемъ и выжидать удобнаго случая, оповѣстивъ чрезъ исправника всю монастырскую братію, что каждый недовольный или обиженный житель монастыря можетъ свободно жаловаться губернатору. Долго ждать не пришлось. Черезъ два мѣсяца послѣ обысковъ, 8 декабря, губернаторъ получилъ разомъ два анонимныхъ доноса, судя по почерку, писанныхъ однимъ лицомъ. Привожу ихъ въ выдержкахъ. „Ваше сіятельство, проницательнѣйшій господинъ саратовскій губернаторъ! По дозволенію доносить вашему сіятельству на каждомъ шагу о законопротивныхъ поступкахъ, которые совершаются со всякой похабностью и необузданностью въ Средне-Никольскомъ старообрядческомъ мужскомъ и дѣвичье-успенскомъ монастыряхъ, я за необходимое поставилъ по обязанности моей сдѣлать честь вашему сіятельству донесть о разслабленномъ настоятелѣ, инокѣ-схимникѣ Тарасіи, и о надутой настоятельницѣ, инокинѣ Ѳеофаніи. Между сими двумя лицы единственная есть неразрывность и отверстыя къ противленію его царскаго величества указамъ врата.

[1]) Ibidem, 54—55.

Нужда, заставляющая ихъ такъ поступать, есть сія: поелику что въ прихоти своей предпріиметъ Θеофанья настоятельница, то и Тарасій дѣлаетъ въ угодность ей со всевозможнѣйшей поспѣшностью, бояся, дабы ее не прогнѣвать, отчего онъ можетъ [и не диво] лишиться благого ея правленія и распоряженія въ его монастырѣ. Къ исполненію же сему, имѣя подъ собою подобныхъ себѣ похотопослѣдователей, церкве-управителя инока Павла, у котораго рѣдкіе сутки не наполняема бываетъ голова горячими напитками, и подчиненный ему попъ, Иванъ Петровичъ по прозванью, есть оныхъ вседѣйствующее орудіе указопротивнымъ дѣламъ, чрезъ которое могутъ исполнять все то, что кому требуется, не только въ полдень, но и въ полночь; причина сего есть та, что были бы ему даны деньги, а кольми паче и паче всего виномъ кто его напоитъ. 1) Понеже пьяный оный попъ смѣло и безразборчиво приступилъ крестить, числомъ пять человѣкъ... Совершилось сіе тайнодѣйствіе октября 31 числа по утру, 1827 года, поелику въ тотъ день настоятель Тарасій съ согласія Θеофаньи уволилъ попа отъ священныя литургіи и дозволилъ ѣхать въ женскій монастырь, а настоятельница Θеофанья изготовила на рѣкѣ Иргизѣ іордань для совершенія крестинъ, гдѣ и было величайшее позорище, на которое стеклось народу душъ сотъ до четырехъ. Тогда попъ едва-едва на ногахъ стоялъ отъ одуренія горячими напитками, не взирая на указъ, воспрещающій опоеніе виномъ поповъ, существующій съ 1827 года да и навсегда. 2) Еще сей же Иванъ попъ вновь исправилъ, т. е. миромъ помазывалъ, того же года, мѣсяца ноября 9 числа, ночью въ одиннадцатомъ часу, хвалынскаго уѣзда, деревни Грачей, двухъ господскихъ человѣкъ..... Итакъ просимъ ваше сіятельство исполнить свою должность и поддержать оныхъ монастырей своевольныхъ настоятелей съ ихъ послѣдователями, дабы они впредь болѣе не разразились о камень противленія и невоздержанія своего, и дать имъ знать, для чего они суть настоятели и къ чему приставленъ инокъ Павелъ, управитель церкви, и что суть законы, что—указы и что значитъ подписка, по которой обязались впредь нежели крестить крещенныхъ не по силѣ указа, но не пріимать и въ исправу... Я есмь правдолюбящій гражданинъ“

Доносъ „правдолюбящаго гражданина“ направленъ, очевидно, противъ Тарасія, Θесфаніи и Павла; но этихъ трехъ лицъ ему по-

казалось мало и онъ написалъ второй доносъ, въ которомъ набрасывалъ тѣнь и на казначея Ефрема. „Ваше сіятельство, господинъ губернаторъ! Не соблаговолите ли милостиво взойти въ расходъ бывшаго казначея, инока Ефрема, того же Средне-Никольскаго монастыря, и не благоугодно ли вамъ будетъ потребовать расходную его книгу на 1826 годъ... Оный казначей при собравшейся всей братіи оказалъ расходъ на одинъ годъ подлинно слишкомъ 7000 рублей, за что уже самое и смѣненъ изъ казначеевъ. Также убо нужно предозначается вытребовать расходъ сего года и отъ настоятеля Тарасія: ибо онъ объявилъ мелькомъ братіи расходу на одинъ годъ 12,000 рублей, а приходу братіи открылъ 11,000 рублей, но исправнику объявлено, кажется, 7000 рублей,—подлинно не знаю, право; буде семь исправнику объявлено, то всеподлинно ложь. Надѣемся, ваше сіятельство, что сами изволите узнать, по громкому вашему любопытству, все здѣсь совершающееся“[1]).

„Правдолюбящій гражданинъ“ оказалъ Голицыну услугу, которой онъ напрасно ждалъ отъ своего исправника и отъ удѣльной конторы: за доносы его князь поспѣшно ухватился и немедленно, въ самый день полученія ихъ, послалъ предписаніе вольскому исправнику „лично, самымъ аккуратнѣйшимъ образомъ“, произвесть дознаніе, „основавъ оное на несомнѣнныхъ видахъ и доказательствахъ“. Въ этомъ предписаніи на каждомъ шагу проглядываетъ желаніе Голицына поскорѣе найти поводъ къ административному воздѣйствію на Иргизъ. Непровѣренныя и, быть можетъ, пристрастныя указанія анонимнаго доносчика онъ торопливо возводитъ на степень несомнѣнныхъ фактовъ и смѣло говоритъ, что въ Среднемъ мужскомъ и Успенскомъ женскомъ монастыряхъ „совершаются разныя непотребства съ похабностью и необузданностью“, что между схимникомъ Тарасіемъ и инокиней Ѳеофаніей существуетъ „похотливая связь“, по причинѣ которой Тарасій „всѣ похотливыя предпріятія“ своей любовницы исполняетъ „съ точностью и подобострастіемъ“, такъ что послѣдняя, „такъ сказать, управляетъ всѣмъ монастыремъ его“, что этотъ Тарасій и Ѳеофанія—„главнѣйшіе нарушители и противники воли правительства по стремленію ихъ къ поддержанію раскола“; что послѣдователи ихъ „такіе же любодѣйцы“, особенно инокъ Павелъ и попъ Иванъ Петровъ, которые

[1]) Ibidem, 51—53.

повседневно почти пьяны". Слѣдствіе началось, но окончилось только въ маѣ 1828 года и подтвердило изъ всѣхъ обвинительныхъ пунктовъ лишь одинъ—фактъ крещенія пяти человѣкъ[1]).

Въ промежутокъ съ декабря до мая Голицынъ занялся вольскими дѣлами. Распространивъ предварительно чрезъ полицію слухъ, что каменная вольская церковь неминуемо подлежитъ обращенію въ единовѣрческую или православную, онъ въ февралѣ 1828 года лично явился въ Вольскъ, собралъ къ себѣ до 300 самыхъ почетныхъ въ городѣ раскольниковъ и объявилъ имъ, что государь повелѣлъ обратить новую церковь въ единовѣрческую, а потому требовалъ принятія пунктовъ митр. Платона и грозилъ съ неповинующимися поступить какъ съ ослушниками монаршей воли. Спустя немного, онъ приказалъ объявить имъ, что въ случаѣ нежеланія освятить церковь на основаніи пунктовъ Платона онъ и безъ согласія обратитъ ее въ приходскую, деревянную же запечатаетъ и всѣхъ вольскихъ бѣглыхъ поповъ отдастъ подъ судъ[2]). Раскольники призадумались. Съ одной стороны не хотѣлось переходить въ единовѣріе, съ другой—страшно было ослушаться губернатора. У вольскихъ обывателей свѣжо еще было въ памяти скандальное дѣло дочери бѣглаго попа Петрова, наглядно свидѣтельствовавшее, чего можно ждать подвергающимся опалѣ людямъ. Передамъ въ двухъ словахъ сущность этого дѣла, краснорѣчиво обрисовывающаго нравы и порядки того времени. Какой-то „турченокъ" Иванъ Деспотовичъ увезъ дочь бѣглаго священника Петрова, Пелагею, похитивъ вмѣстѣ съ тѣмъ и 4.000 рублей денегъ. Въ погоню посланъ былъ дворянскій засѣдатель Григорьевъ. Онъ догналъ Деспотовича, отобралъ Пелагею и повезъ ее въ Вольскъ, но дорогой воспользовался тѣмъ, что ѣхалъ съ ней въ закрытой повозкѣ и „два раза учинилъ надъ нею усильствомъ блудодѣяніе". Съ цѣлью скрыть слѣды, онъ, по прибытіи въ Вольскъ, постарался засадить свою жертву въ тюрьму, какъ сообщницу Деспотовича въ кражѣ денегъ у матери. Но тюрьмой дѣло Пелагеи не кончилось: вольскій квартальный надзиратель Ивановъ отыскалъ ее и тамъ и, въ виду ея молодости и красоты, тоже „причинилъ ей блудодѣйствомъ насиліе". Мать Пелагеи подала жалобу, давала взятки,—городничій Никифоровъ взялъ съ нея 50 рублей и

[1]) Ibidem, 56—58.
[2]) Нижг. сем. библ., № 3774, 308.

квартальный Амантовъ—40 руб.,—хлопотала, довела дѣло до самого Голицына и въ концѣ концовъ ничего не достигла: вольскій уѣздный судъ оставилъ обвиняемыхъ „въ сильномъ подозрѣніи“ и оштрафовалъ одного изъ нихъ,—иного постановленія нельзя было и ждать женѣ бѣглаго попа, осмѣлившейся жаловаться на полицію[1]). Перебирая въ памяти факты подобныхъ насилій и подобнаго правосудія, вольскіе старообрядцы рѣшили уступить губернаторскимъ настояніямъ, но предварительно предложили маленькій компромиссъ. Приговоромъ отъ 17 февраля они постановили „внять внушеніямъ“ губернатора и согласиться на обращеніе церкви въ единовѣрческую, но просить при этомъ объ одномъ,—чтобы мѣстный епископъ разрѣшилъ указнымъ предписаніемъ трехъ священниковъ и діаконовъ при деревянной старообрядческой церкви и допустилъ ихъ священнодѣйствовать при открываемой церкви заочно, „не требуя къ себѣ на лицо“, равно и впредь опредѣлялъ священниковъ по желанію общества однимъ указнымъ предписаніемъ; священники эти должны стоять въ зависимости отъ попечителей старообрядческаго общества, а не отъ архіерейской власти, въ вѣдѣніе которой передаются только въ случаѣ совершенія преступленія, влекущаго за собой по церковнымъ правиламъ изверженіе изъ сана; вольское старообрядческое общество по всѣмъ дѣламъ должно зависѣть исключительно отъ гражданской власти; каменную церковь должны освятить три старообрядческихъ священника, по разрѣшенію ихъ епископомъ, на до-никоновскихъ антиминсахъ и обращающимся въ единовѣріе старообрядцамъ никакихъ разрѣшительныхъ молитвъ не читать. Вмѣстѣ съ этимъ составлено было и прошеніе на высочайшее имя: въ немъ старообрядцы „безмолвно изъявляютъ желаніе на обращеніе молитвеннаго храма въ единовѣрческую церковь“, но предварительно „дерзаютъ повергнуть къ священнымъ стопамъ государя со всей откровенностью единое опасеніе“. Такъ какъ старообрядцамъ неоднократно приходилось „ощущать неблагорасположеніе епархіальнаго архіерея“, то они, опасаясь архіерейскихъ „притязаній и покушеній къ нарушенію нѣкоторыхъ предметовъ совѣсти“, умоляютъ подчинить ихъ по дѣламъ вѣры „не прямо епархіальному архіерею, но непосредственной власти гражданскаго начальства“, которое „обяжется защищать ихъ отъ всего того, что имъ теперь пред-

[1]) Дѣло вол. гор. магистр., 1827, № 93, 27—151.

ставляется еще столь страшнымъ“[1]). Къ удивленію просителей, Голицынъ согласился на этотъ компромиссъ, взялъ подписку и прошеніе и уѣхалъ изъ Вольска. Отправившись затѣмъ по дѣламъ службы въ Петербургъ, онъ представилъ оба эти документа управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, В. С. Ланскому, который въ свою очередь передалъ ихъ на разсмотрѣніе секретнаго комитета. Въ засѣданіи 13-го марта комитетъ нашелъ, что „вольскіе старообрядцы или раскольники въ данной ими подпискѣ изъявили согласіе только на то, чтобы построенная ими церковь *наименовалась* единовѣрческой; но сами они не поступаютъ въ единовѣрцы, поелику единовѣрцами называются тѣ изъ старообрядцевъ, которые присоединяются къ православной церкви на основаніи согласительныхъ пунктовъ митр. Платона“. Поэтому рѣшено чрезъ управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ предписать саратовскому губернатору привесть въ исполненіе высочайшее повелѣніе объ обращеніи раскольничьяго вольскаго храма въ единовѣрческую церковь[2]). Вмѣстѣ съ докладомъ на счетъ вольскихъ старообрядцевъ Голицынъ 6 апрѣля представилъ въ министерство и докладъ объ Иргизѣ, очень рѣзкій по тону и оригинальный по проектируемымъ мѣрамъ. По мнѣнію князя, Иргизскіе монастыри суть убѣжища праздности и разврата и разсадники раскола, а потому необходимо уничтожить ихъ. По внимательномъ соображеніи дѣлъ объ этихъ монастыряхъ открывается слѣдующее: 1) Общество это сдѣлалось самостоятельнымъ съ того времени, какъ послѣдовали указы, освобождавшіе его отъ рекрутской повинности и утвердившіе за нимъ земли въ исключительное владѣніе посредствомъ межеваній. Но эти указы давали права только тѣмъ старообрядцамъ, которые вышли изъ-за границы; 2) состояніе иноковъ не есть наслѣдственное: со смертію ихъ должны окончиться и преимущества ихъ; 3) распространять эти преимущества на Иргизскіе монастыри значило бы сравнять ихъ съ православными монастырями. Въ другомъ смыслѣ это было бы тоже, что правительство печется о распространеніи раскола; 4) по сему существованіе мужскихъ монастырей слѣдуетъ считать зависящимъ отъ тѣхъ старообрядцевъ, которые считались на лицо въ 1797 году и понынѣ остаются въ живыхъ, и еще отъ тѣхъ, которые въ послѣд-

[1]) Дѣла Секр. Ком., Vol. VI, стр. 141—143; С. И. А., Карт. А, № XXIV.
[2]) Дѣла Секр. Ком., Vol. VI, стр. 144—147.

нее время причислены къ монастырямъ окладомъ, хотя, впрочемъ, безъ всякаго законнаго основанія. По смерти ихъ церкви и другія строенія и земли должны обратиться въ ненаселенное имѣніе удѣла; 5) затѣмъ всѣ живущіе въ монастыряхъ мужскихъ своими домами и въ монастырскихъ зданіяхъ, равно и всѣ населяющія женскіе монастыри, принадлежа къ разнымъ сословіямъ, должны считаться самовольно поселившимися на земляхъ удѣльнаго вѣдомства. Никакая давность не можетъ давать имъ права осѣдлости, ибо они жили въ монастыряхъ по паспортамъ, т. е. въ видѣ временныхъ посѣтителей, и всѣ повинности за мужскимъ поломъ отправлялись по тѣмъ состояніямъ, къ которымъ они принадлежали. На этомъ основаніи, дабы съ одной стороны избавить край отъ вреда, наносимаго развратомъ и соблазномъ старообрядческихъ Иргизскихъ монастырей, а съ другой, сколько возможно, избѣжать рѣшительныхъ мѣръ къ уничтоженію этого общества, князь полагалъ постановить слѣдующія правила: 1) Иргизскіе монастыри считаются существующими только въ продолженіи жизни иноковъ, бывшихъ на лицо въ 1797 году и въ послѣдующее время формально причисленныхъ къ монастырямъ. По смерти ихъ монастыри уничтожаются, а земли, которыми они владѣли, передаются удѣлу; 2) монастырямъ строжайше воспретить вновь принимать въ монашество и для постояннаго жительства новыхъ лицъ; 3) равномѣрно воспретить имъ пріемъ бѣглыхъ поповъ и съ послѣдними, въ случаѣ поимки, поступать какъ съ отступившими отъ правилъ господствующей церкви; 4) проживающимъ своими домами въ монастыряхъ по паспортамъ дозволяется жить тамъ, доколѣ дома ихъ будутъ способны къ тому безъ возобновленія; 5) мірянъ и не причисленныхъ въ окладъ выслать въ мѣста ихъ жительства и впредь посѣщеніе ими монастырей ограничить не болѣе, какъ тремя мѣсяцами; 6) монастыри подчиняются болѣе строгому надзору полиціи, въ видахъ преслѣдованія разврата и пресѣченія соблазновъ; 7) утвержденіе избираемыхъ въ монастыряхъ настоятелей предоставить, вмѣсто удѣльной конторы, гражданскому губернатору, ибо лица эти, по существу своихъ обязанностей, должны подлежать болѣе полицейскому надзору, чѣмъ хозяйственному. Мѣры эти—находилъ Голицынъ—не содержатъ въ себѣ никакихъ новыхъ узаконеній, но истекаютъ изъ существующихъ законовъ о порядкѣ,

тишинѣ, спокойствіи, преслѣдованіи соблазновъ и пресѣченіи праздношатательства. Онѣ были бы не нужны, если бы обращаемо было надлежащее вниманіе на поведеніе монашествующихъ, если бы число монашествующихъ старообрядцевъ было ограничено тѣмъ количествомъ, какое было въ 1797 году; тогда достаточно было бы однихъ обыкновенныхъ способовъ, предоставляемыхъ мѣстной полиціей, остановить стремленіе праздныхъ людей въ эти обители и удерживать ихъ въ положеніи, приличномъ скромнымъ убѣжищамъ отъ свѣта, не допуская иноковъ до привлеченія послѣдователей раскола. Мѣры эти можно осуществить и тогда монастыри сами собой уничтожатся. Ланской, противъ ожиданій Голицына, не принялъ предлагаемыхъ имъ мѣръ и докладъ долго пролежалъ въ министерскомъ портфелѣ, прежде чѣмъ дождался утвержденія[1]).

Почти одновременно съ поѣздкой Голицына въ Вольскъ пензенскій генералъ-губернаторъ Бахметьевъ сообщилъ преосв. Иринею, что вслѣдствіе распространенія по управляемымъ имъ губерніямъ раскольничьихъ сектъ онъ получилъ высочайшее повелѣніе обратить на это строгое вниманіе и принять дѣятельныя мѣры для искорененія ихъ, а потому и просилъ предписать духовенству раскольничьихъ приходовъ оказать содѣйствіе гражданской власти. Преосвященный рапортомъ отъ 8 февраля донесъ синоду о приказаніи Бахметьева отъ имени государя и сообщилъ, что онъ находитъ весьма полезнымъ учредить должность особыхъ священниковъ-миссіонеровъ, по одному и болѣе на уѣздъ, которые, получивъ предварительно отъ него нужное архипастырское наставленіе и не требуя на разъѣзды денегъ (?), могли бы при каждомъ удобномъ случаѣ дѣйствовать на раскольниковъ путемъ „зрѣлыхъ увѣщаній“. Синодъ согласился съ предложеннымъ проектомъ и потребовалъ только, чтобы требы и богослуженіе въ приходахъ миссіонеровъ отправлялись неопустительно[2]). Но не успѣлъ еще синодъ обсудить рапортъ преосвящ. Иринея и самъ Ириней едва успѣлъ отписать Бахметьеву, что „миссіонерскія увѣщанія болѣе имѣютъ силы тамъ, гдѣ есть содѣйствіе гражданскаго правительства“ и потому должно дать распоряженіе чинамъ полиціи о содѣйствіи предполагаемымъ мис-

[1]) Ниж. сем. библ., № 3774, 187—189. Сн.: Леопольдовъ, Ист. зам. о Самар. краѣ. 87—90.
[2]) Собр. пост., по вѣд. св. Син., II, 209—211.

сіонерамъ, какъ одно высочайшее повелѣніе было отмѣнено другимъ: 27 марта Ириней сообщилъ митрополиту Серафиму петербургскому, что Бахметьевъ извѣстилъ его о новомъ повелѣніи государя императора—прекратить дѣйствіе принятыхъ противъ раскольниковъ строгихъ мѣръ и ограничиться только исполненіемъ общихъ законовъ, съ такимъ добавленіемъ, что отъ раскольниковъ должна быть скрыта эта перемѣна въ распоряженіи правительства, дабы они, узнавши о ней, не сдѣлались слишкомъ дерзки, какъ прежде бывало[1]). Серафимъ, изумленный нѣсколько этой рѣзкой перемѣной и слишкомъ уже замѣтной неустойчивостью правительственной политики по части раскола, попытался было представить рапортъ Иринея секретному комитету, но и комитетъ ничего не придумалъ сдѣлать, въ виду категоричности названнаго высочайшаго повелѣнія, и постановилъ только: „принять къ надлежащему свѣдѣнію“[2]).

Только что возвратился Голицынъ изъ Петербурга, какъ отъ Ланского пришла 3 мая бумага, указывавшая, что вверху на Иргизъ обратили серьезное вниманіе. Ланской писалъ со словъ министра двора, князя Волконскаго, что по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ ревизовавшаго саратовское удѣльное имѣніе чиновника, жители Иргизскихъ монастырей, особенно женскихъ, „ведутъ жизнь крайне развратную и разнаго рода обманами переманиваютъ въ свое общество другихъ поселянъ, и что монастыри сіи, по удобству мѣстоположенія, нерѣдко служатъ пристанищамъ бѣглыхъ людей“. Кн. Волконскій, получивъ такія свѣдѣнія, полюбопытствовалъ узнать, существуетъ ли за монастырями этими какой-нибудь полицейскій надзоръ со стороны саратовскаго губернскаго начальства. Ланской остался недоволенъ этимъ запросомъ и предписалъ Голицыну немедленно сдѣлать зависящія распоряженія къ прекращенію „толико предосудительныхъ и общему благоустройству противныхъ безпорядковъ“[3]). Голицынъ замедлилъ отвѣтомъ: онъ не придумалъ никакихъ мѣръ къ предотвращенію „толикихъ безпорядковъ“, кромѣ изложенныхъ въ докладѣ его 6 апрѣля, который не получилъ утвержденія со стороны управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Князь остановился въ недоумѣніи: онъ не зналъ, съ чего начать. Между

[1]) Дѣла Секр. Ком., Vol. XIII, л. 408—409.
[2]) Ibidem, Vol. VI, стр. 230.
[3]) С. И. А., I, А, № 11, 59.

тѣмъ въ Петербургѣ вспомнили его обѣщаніе составить проектъ мѣръ по упорядоченію дѣлъ на Иргизѣ и 18 мая сообщили, что ждутъ, въ замѣну лежащаго подъ сукномъ апрѣльскаго проекта его, другого, который „въ настоящихъ обстоятельствахъ могъ бы быть весьма полезенъ“. Голицынъ рѣшился приступить къ дѣлу и 28 мая приказалъ своему чиновнику особыхъ порученій, Л. А. Полонскому, ѣхать въ монастыри и составить подробное историко-статистическое описаніе ихъ,—составленное ранѣе исправникомъ и удѣльной конторой, очевидно, не удовлетворяло его,—затѣмъ разслѣдовать, дѣйствительно ли съ священника Петрова, окрестившаго пять человѣкъ, не взята была подписка о несовращеніи въ расколъ, и попытаться склонить иноковъ Нижняго монастыря къ принятію единовѣрія. Въ помощь ему онъ командировалъ новаго вольскаго исправника Христіана Шенне, а должность послѣдняго временно передалъ извѣстному уже намъ засѣдателю Юрасову. Полонскій собрался въ дорогу не сразу,—предварительно онъ поторговался съ казенной палатой, которая отпустила ему прогоновъ 75 р., и вытребовалъ у нея чрезъ губернатора еще 125 р.[1]), и на Иргизъ прибылъ вмѣстѣ съ Шенне только 4 іюня. Тамъ, по словамъ очевидца, іеромонаха Арсенія, они до 6 числа трудились надъ составленіемъ описанія монастырей,—и при этомъ, замѣчу кстати, ничего новаго сравнительно съ описаніемъ Прохора не сказали,—а въ этотъ день Полонскій объявилъ настоятелю Адріану и четыремъ соборнымъ старцамъ, каждому порознь, волю правительства, чтобы Иргизскимъ монастырямъ бѣглыхъ поповъ болѣе не имѣть, пояснивъ, что находящіеся въ нихъ теперь будутъ отобраны, а вмѣсто нихъ монастыри могутъ получить новыхъ или непосредственно отъ епархіальнаго архіерея, или чрезъ губернатора. Полонскій не зналъ еще, что государь не согласился на ходатайство Голицына о разрѣшеніи раскольникамъ сноситься съ епархіальной властью чрезъ губернатора, находя, что это „и неудобно и неприлично для православной церкви“, такъ какъ при такомъ порядкѣ старообрядцы будутъ представлять собою „одну изъ договаривающихся сторонъ и тѣмъ дѣйствовать на простодушныхъ“,—этотъ отвѣтъ на докладную записку князя былъ полученъ въ Саратовѣ только 11 іюля[2]). За дальнѣй-

[1]) Ibidem, 60—68. Мордовцевъ („Дѣло“, 1872, № 1, 100) путаетъ хронологію и передаетъ событія въ томъ порядкѣ, въ какомъ подшиты бумаги дѣла губернаторской канцеляріи, послужившаго для него источникомъ.

[2]) С. И. А., I, А, № 11, 103.

шими распоряженіями Полонскій велѣлъ явиться четыремъ главнымъ старцамъ къ губернатору въ Вольскъ. Адріанъ съ тремя старцами въ силу этого приказанія отправился 13 числа въ путь, но не доѣзжая до Вольска верстъ 15-ти встрѣтилъ посланнаго отъ исправника нарочнаго, который велѣлъ ему возвратиться назадъ, такъ какъ губернаторъ самъ скоро посѣтитъ монастыри[1]).

Пока Полонскій работалъ въ монастыряхъ, Голицынъ принималъ въ Вольскѣ рекрутъ 92 рекрутскаго набора и безуспѣшно убѣждалъ мѣстныхъ старообрядцевъ принять единовѣріе. „Я нашелъ вольскихъ старообрядцевъ уже не въ той готовности, съ какой они дали подписки свои на обращеніе выстроеннаго ими храма въ единовѣрческую церковь“,—писалъ онъ министру внутреннихъ дѣлъ Закревскому въ отчетѣ объ этой поѣздкѣ. „Они впродолженіи столь значительнаго времени, сбитые съ пути истины разувѣреніями Иргизскихъ монастырей,—симъ гнѣздилищемъ безразсудныхъ толковъ, мнимой набожности и избытка въ порокахъ,—уже отклонили прежде объявленную ими готовность на то согласіе, какое объявлено будетъ мнѣ въ отношеніи къ сему предмету со стороны тѣхъ старообрядческихъ монастырей. Поставивъ такимъ образомъ себѣ за правило дѣйствовать во всякомъ случаѣ съ сими монастырями единодушно, они приняли оное въ томъ упованіи, что монастыри изъ единаго опасенія своего быть обращенными, подобно всякому молитвенному храму, въ единовѣрческіе, останутся непоколебимыми въ измѣненіи древнихъ своихъ обрядовъ и тѣмъ отвергнувъ предлагаемое единовѣріе, дадутъ чрезъ то и имъ способъ остаться въ одинаковой съ ними степени. Вмѣстѣ съ симъ узналъ я, что Иргизскіе монастыри, нарядивъ отъ себя депутацію, изъ 12 (?) иноковъ состоящую, отправили оную ко мнѣ. Не постигая, для какой цѣли составляется сія депутація, я однако-жъ имѣю въ предметѣ моемъ, что обращеніе монастырей въ единовѣрческія обители не столько трудно, какъ присоединеніе вольскихъ старообрядцевъ къ единовѣрческой церкви. По симъ причинамъ, опасаясь, дабы съ прибытіемъ въ Вольскъ сказанныхъ иноковъ не могъ составиться изъ нихъ, такъ сказать, новый соборъ защитниковъ ереси, который могъ бы содѣлаться гласнымъ и тѣмъ послужить вреднымъ примѣромъ для вольскихъ старообрядцевъ, сего только ожидавшихъ, я при-

[1]) Ниж. сем. библ., № 3774, 407.

казалъ предварить тѣхъ иноковъ, чтобы они, не переправляясь чрезъ Волгу, возвратились въ свои обители“[1]). Въ Вольскѣ князю ничего не удалось сдѣлать: „молитвенный храмъ тотъ остается донынѣ въ прежнемъ его положеніи“, говорится далѣе въ донесеніи Закревскому. „Обратить оный въ православную церковь нашу на точномъ основаніи высочайшей воли, значило бы, по мнѣнію моему, дать способъ вольскимъ старообрядцамъ остаться при терпимомъ отреченіи ихъ отъ прежняго даннаго ими согласія на обращеніе храма сего въ единовѣрческую церковь,—согласія, имѣющаго, впрочемъ, нѣкоторыя исключенія изъ правилъ преосв. Платона, отвергнутыя министромъ внутреннихъ дѣлъ; но отверженіе сіе, какъ объясняютъ старообрядцы, не имѣетъ себѣ основаніемъ высочайшаго повелѣнія. Оно только сильно заставить ихъ обратиться въ единовѣрцевъ и сіе тѣмъ необходимѣе, что они уже близки къ сему соединенію. Примѣру ихъ послѣдуютъ, конечно, и монастыри иргизскіе“[2]). Оставимъ на время княжескія предположенія и перейдемъ къ фактамъ. Къ вечеру 14 іюня онъ пріѣхалъ въ Нижній монастырь и приступилъ къ „обращенію“. Есть два разсказа о томъ, какъ велъ онъ это дѣло: цитированный уже рапортъ самого Голицына Закревскому и „Описаніе“ обращенія Нижняго монастыря въ единовѣріе, составленное по приказанію преосвящ. Іакова іеромонахомъ Арсеніемъ, свидѣтелемъ-очевидцемъ передаваемыхъ событій. Эти два разсказа далеко не вездѣ совпадаютъ; факты передаются одни и тѣже, но освѣщеніе, детали—совсѣмъ разныя; маленькій примѣръ этого уже видѣнъ въ исторіи съ иргизской депутаціей,—Арсеній говоритъ, что поѣхали въ Вольскъ 4 старца, по распоряженію Полонскаго; Голицынъ насчитываетъ ихъ 12 человѣкъ и не постигаетъ, съ какой стати ѣхали они. Но это мелочь; гораздо больше неточностей и даже умышленнаго извращенія дѣйствительности найдемъ дальше. Кто изъ двоихъ ближе къ правдѣ—рѣшить не трудно: не говоря уже о томъ, что разсказъ Арсенія,—не раскольника, а единовѣрца,—подтверждается и разсказомъ неизвѣстнаго автора, помѣщеннымъ въ рукописи „Брат. Св. Креста“, № 513, необходимо принять въ соображеніе, что полезно было кое о чемъ умолчать и кое-что передать въ другомъ видѣ одному толь-

[1]) С. И. А., I, А. № 11, 118—119.
[2]) Ibidem, 128—129.

ко Голицыну, писавшему по начальству; посторонніе свидѣтели несомнѣнно должны были изложить дѣло гораздо объективнѣе, чѣмъ участникъ и дѣятель, вынужденный къ тому же представить себя передъ Закревскимъ въ ореолѣ прозорливости, исполнительности и законности. Вотъ почему канвой для разсказа о посѣщеніи Голицынымъ Иргиза я возьму „Описаніе“ Арсенія и сходное съ нимъ „Описаніе“ неизвѣстнаго автора, а не рапортъ Закревскому, какъ это дѣлаетъ Мордовцевъ.

По пріѣздѣ въ монастырь, Голицынъ собралъ всѣхъ иноковъ, числомъ 62 человѣка, и „вычиталъ имъ секретно положеніе высшаго правительства, утвержденное государемъ императоромъ, о томъ, чтобы всѣ монастыри старообрядческіе, по Иргизу состоящіе, уничтожить и закрыть; имущество монастырское отдать въ казну удѣла и землю причислить къ землѣ удѣла; иноковъ посторонняго вѣдомства разослать въ свои ихъ мѣста, а удѣльныхъ размѣстить по слободамъ и селамъ обще съ удѣльными крестьянами; но ежели жители монастырей будутъ просить оставить монастыри съ ихъ имуществомъ и землею за ними, съ тѣмъ, что они желаютъ имѣть церковь единовѣрческую, въ такомъ случаѣ отдать имъ монастыри и все ихъ имущество и сдѣлать тогда по согласію мѣстнаго архіерея и по ихъ желанію освященіе церквей въ единовѣрческія и составить всему штаты, на каковой конецъ предложилъ настоятелю и соборнымъ старцамъ пріѣхать къ нему въ Саратовъ“[1]). Иноки отвѣтили на это, что монастырь принять единовѣріе не желаетъ да и не можетъ, тѣмъ болѣе что одинъ монастырь, безъ согласія двухъ другихъ, не имѣетъ и права рѣшиться на такой шагъ. Голицынъ, боявшійся новаго собора „защитниковъ ереси“, не согласился дать время для совмѣстнаго обсужденія вопроса о принятіи единовѣрія всѣми тремя монастырями и какъ вечеромъ 14-го, такъ и утромъ 15-го „настоятельно требовалъ на согласіе принятія церкви единовѣрческой подписки“. Монастырь отказался. Князь началъ убѣждать, что „подписка потребна не ради каковаго утвержденія со стороны жителей Нижне-Воскресенскаго монастыря самаго дѣла, но проформы ради и убѣжденія другихъ къ тому же монастырей“.

1) Ниж. сем. библ., № 3774, 407. Поповъ (IV, 40) ошибочно полагаетъ, что Голицынъ явился въ монастырь для исполненія указа о передачѣ Иргизскихъ монастырей исключительному надзору губернскаго начальства: этотъ указъ, какъ увидимъ дальше, дошелъ до Голицына только 20 сентября.

Не дѣйствовало и такое объясненіе. Тогда князь объявилъ, что, въ случаѣ несогласія обоихъ другихъ монастырей на дачу такой же подписки, онъ безъ замедленія возвратитъ жителямъ Нижняго монастыря данную ими. Повѣривъ словамъ Голицына, настоятель Адріанъ, схимники Прохоръ и Савва, иноки Никаноръ, Ѳеодоритъ, Мардарій, Игнатій и Арсеній дали требуемую подписку, но только на послѣднемъ условіи, „сколько по причинѣ упованія, что благородная душа не поклеплетъ и не солжетъ, какъ и въ законѣ написано, а болѣе потому, что его сіятельство одного престарѣлаго инока, по имени Іоасафа, не хотящаго подписать, при всей братіи лишилъ иноческаго чина, снявъ камилавку, и отправилъ его въ Саратовъ, причтя ему въ вину, якобы таковою неподпискою ослушается выполнить высочайшую государя волю“[1]). Самъ Голицынъ передаетъ дѣло иначе: „Отправясь въ иргизскіе монастыри,— говоритъ онъ,—я въ ближайшемъ изъ нихъ къ Вольску, такъ называемомъ Нижне-Воскресенскомъ, нашелъ помянутую депутацію, неизвѣстно для чего тамъ остановившуюся, тогда какъ сіи монахи знали, что я осматривать буду всѣ монастыри ихъ[2]). Окруженъ будучи ими, я услышалъ отъ нихъ первый вопросъ: „а что будетъ съ нашей вольской церковью“. Итакъ, мнѣ надлежало разрѣшить оный не изустнымъ объявленіемъ высочайшей о ней воли, но непремѣнно дозволеніемъ моимъ прочесть имъ то высочайшее о вольскомъ молитвенномъ храмѣ повелѣніе, которымъ велѣно обратить оный въ единовѣрческую церковь на точномъ основаніи мнѣнія митр. Платона. Къ исполненію сего я подвигнутъ былъ тѣмъ болѣе обстоятельствомъ, что не токмо живущіе въ монастырѣ иноки, но даже многіе и изъ вольскихъ старообрядцевъ относили высочайшее о молитвенномъ храмѣ ихъ повелѣніе къ собственному распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ, безъ всякаго вліянія на оное государя императора, и что схимникъ Прохоръ увѣрялъ меня неоднократно, что если воспослѣдуетъ высочайшая Е. И. В. воля объ обращеніи Иргизскихъ монастырей въ единовѣрческіе, то онъ надѣется, что къ исполненію ея не встрѣтится никакихъ пре-

[1]) Ниж. сем. библ., № 3774, 408; Бр. Св. Кр., № 513, 181; „Сынъ Отеч.“, 1862, № 38.

[2]) Голицынъ долженъ былъ знать, зачѣмъ ѣздила къ нему въ Вольскъ депутація, такъ какъ до пріѣзда еще въ монастырь видѣлся съ Полонскимъ, который не могъ, конечно, не сообщить ему о своемъ распоряженіи, если даже сдѣлалъ его помимо вѣдѣнія Голицына. *Прим. авт.*

пятствій и что самъ онъ будетъ примѣромъ въ томъ для своей братіи. Но когда дозволилъ я симъ собравшимся инокамъ прочесть предписаніе ко мнѣ по сему предмету управлявшаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, то весьма немногіе изъ нихъ могли понять оное, прочіе же затѣмъ или по простотѣ своей, или по совершенному упрямству, или по безразсудку своему, не видя въ томъ предписаніи, чтобы помѣщенное въ немъ высочайшее о молитвенномъ храмѣ повелѣніе объявлялось мнѣ высочайшимъ именемъ Е. И. В., т. е. подобно тому, какъ объявляются правительствующимъ сенатомъ именныя его величества повелѣнія,—остались при томъ заблужденіи, что дѣйствіе сіе происходитъ по единственному направленію управлявшаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, въ каковомъ заблужденіи, сверхъ чаянія моего, остался и извѣстный первостатейный вольскій купецъ Петръ Сапожниковъ“[1]). Такимъ образомъ Голицынъ умалчиваетъ о „секретномъ вычитываніи“ несуществующаго положенія правительства касательно закрытія всѣхъ Иргизскихъ монастырей и утверждаетъ, что давалъ инокамъ читать министерское предписаніе о вольскомъ храмѣ. Но если Голицыну позволительно было скрыть отъ Закревскаго свою попытку подѣйствовать на иноковъ посредствомъ прочтенія имъ подложнаго высочайшаго повелѣнія, то намъ еще болѣе позволительно спросить, зачѣмъ понадобилось читать въ монастырѣ бумаги о вольскомъ храмѣ? Какое отношеніе имѣли онѣ къ Иргизу и чего могъ достичь Голицынъ чрезъ ознакомленіе съ ними иночествующей братіи? Вѣдь болѣе чѣмъ странно было бы думать, что „сіи невѣжды“ убѣдятся какой бы то ни было бумагой и станутъ помогать Голицыну въ склоненіи вольскихъ старообрядцевъ къ единовѣрію. Обращать въ единовѣріе жителей Вольска... на Иргизѣ—это даже не оригинально, а просто нелѣпо, и нельзя предположить, чтобы Голицынъ не понималъ этого, а потому приходится признать, что онъ описывалъ Закревскому далеко не то, что было на дѣлѣ. Но послушаемъ дальше его разсказъ. „Оставшись въ монастырѣ съ одними только живущими тамъ иноками, я, при благоразуміи схимника Прохора, убѣдилъ ихъ изъявить полную готовность и усердіе на присоединеніе ихъ къ единовѣрческой церкви *съ принятіемъ всѣхъ правилъ митр. Платона*. Сей схимникъ Прохоръ первый вызвался дать мнѣ въ томъ подписку, а съ

[1]) С. И. А., I, А, № 11, 120—122.

нимъ вмѣстѣ подписались и нынѣшній настоятель онаго монастыря Адріанъ, уставщикъ Никаноръ, иноки: Савва, Ѳеодоритъ, Мардарій, Игнатій и Арсеній. Но при семъ разѣ, при семъ усердномъ (sic) присоединеніи сихъ иноковъ къ единовѣрію,—ибо они уже знали, что такимъ дѣйствіемъ исполняется всеавгустѣйшая воля государя императора,—одинъ изъ нихъ, Іоасафъ, сущій невѣжда, закоренѣвшій въ грубыхъ своихъ предразсудкахъ и суевѣріи, остался къ тому непреклоненъ. Онъ въ то время, какъ расположился я въ монастырѣ до другого дня, не токмо бѣгалъ во всю ночь изъ одной кельи въ другую, устращивалъ гнѣвомъ Божіимъ изъявившихъ желаніе принять единовѣріе, убѣждалъ и настаивалъ отвергнуть сіе, по мнѣнію его, пагубное для нихъ намѣреніе, но даже дозволилъ себѣ возмущать подобнымъ образомъ и живущихъ близъ монастыря старообрядцевъ, удѣльныхъ крестьянъ селенія Криволучья. Сей дерзновенный поступокъ Іоасафа тотчасъ доведенъ былъ на другой день до свѣдѣнія моего самимъ настоятелемъ и иноками. Они, явясь ко мнѣ, убѣждали или дать имъ дозволеніе разстричь сего негодяя, или исторгнуть его навсегда изъ ихъ обители, присовокупляя къ тому, что по буйному духу его онъ уже не одинъ разъ находился въ подобныхъ сему дѣлахъ, ссорахъ, враждахъ и всякихъ неистовствахъ. Обуреваемый такимъ духомъ примѣрной дерзости, онъ даже рѣшился объявить и мнѣ, что „къ единовѣрческой церкви онъ не присоединится и тогда, если бы послѣдовало на то высочайшее государя императора повелѣніе, хотя, впрочемъ, знаетъ, что оное должно быть священно“. По симъ причинамъ, дабы съ одной стороны удовлетворить убѣжденіямъ настоятеля и иноковъ, а съ другой—чтобы сіе противозаконное дѣйствіе Іоасафа не могло имѣть на другихъ пагубнаго вліянія, я приказалъ тотчасъ отправить его ко мнѣ въ Саратовъ“[1]).

Заручившись подпиской, Голицынъ отправился въ Средній и Верхній монастыри, но ни эти два, ни находящіеся около нихъ женскіе не соблазнились примѣромъ Нижняго и не согласились дать подобныхъ подписокъ. Губернатору по необходимости пришлось ограничиться собираніемъ въ десятый разъ свѣдѣній о порядкѣ управленія монастырями, осмотромъ церквей и келій, снятіемъ копій съ семи антиминсовъ и снятіемъ колоколовъ съ часовенъ, да предположеніями, кого изъ

1) Ibidem, 122—123.

иночествующихъ нужно немедленно удалить изъ монастыря. Самымъ важнымъ результатомъ этого объѣзда было взятіе съ настоятелей подписки о прекращеніи постриженія въ монашество приходящихъ въ монастыри и о недержаніи въ обители лицъ съ просроченными паспортами[1]). Въ донесеніи Закревскому Голицынъ постѣснился сообщить о безуспѣшности своихъ миссіонерскихъ трудовъ и увѣрялъ, что ни въ одной изъ иргизскихъ обителей, кромѣ Воскресенской, „не дѣлалъ уже убѣжденій о присоединеніи къ единовѣрію“, ибо довольно ясно видѣлъ, „сколь далеки живущіе тамъ отъ онаго и сколь трудно отклонить ихъ отъ упорныхъ заблужденій.“ Причину упорства онъ видѣлъ „въ нелѣпомъ предубѣжденіи ихъ о какой-то пагубѣ, которая будто бы неразлучна съ обращеніемъ ихъ къ единовѣрію, какъ съ слѣдствіемъ расторженія сохраняемыхъ ими древнихъ уставовъ церкви“. Озлобленный неудачей, онъ допускаетъ дальше логическій кругъ въ своемъ разсужденіи,—объясняетъ упорство иноковъ вліяніемъ вольскихъ старообрядцевъ, тогда какъ раньше упорство вольскихъ старообрядцевъ объяснялъ вліяніемъ иноковъ,—и не останавливается предъ инсинуаціей на счетъ удѣльной конторы: удѣльные чиновники,—пишетъ онъ,—распоряжаясь старообрядческими монастырями непосредственно, по праву принадлежности ихъ къ удѣлу, стараются подъ рукою тайными внушеніями своими направлять по своему преднамѣренію, обезсиливая въ понятіяхъ ихъ всѣ распоряженія правительства и тѣмъ удерживая ихъ въ твердыхъ границахъ упорнаго отреченія отъ соединенія съ православною церковью нашей, имѣя, конечно, въ предметѣ своемъ то обстоятельство, что въ противномъ сему случаѣ монастыри Иргизскіе должны будутъ перейти уже въ зависимость духовнаго начальства и слѣдовательно отторгнутся отъ учета въ доходахъ ихъ и распоряженія ими удѣльной конторы“[2]).

Оффиціальная работа въ монастыряхъ окончилась 16 іюня: внушенія выслушаны, колокола сняты, обязательства, какія можно, даны, губернаторъ съ его свитой выпровожены и напутствованы благожеланіями. Теперь началась работа неоффиціальная. Извѣстіе о намѣреніи Нижняго монастыря примкнуть къ единовѣрію, какъ громомъ, поразило Иргизъ. Ужасъ объялъ всѣхъ ревнителей стари-

1) Ibidem, 181; Ниж. сем. библ., № 3774, 408.
1) С. И. А., № 11, 124.

ны, когда они увидѣли подъ согласіемъ на единовѣріе характерную подпись Прохора. Въ Верхнемъ монастырѣ немедленно составился соборъ, во главѣ котораго сталъ доселѣ малоизвѣстный инокъ Силуанъ, въ міру Семенъ Никифоровъ, сынъ крестьянина конюшеннаго вѣдомства, бывшій маркеръ московскихъ трактировъ и бѣглый рекрутъ[1]). Соборъ этотъ отлучилъ отъ общенія жителей Нижняго монастыря и постановилъ увѣдомить объ этомъ событіи особыми извѣстительными письмами иногороднія старообрядческія общества. Силуанъ вмѣстѣ съ своимъ послушникомъ, Аѳоніемъ Кочуевымъ, недавно еще прибывшимъ въ Верхній монастырь, разослали письма въ Петербургъ—Королевской общинѣ, въ Москву—на Рогожское, въ Екатеринбургъ—Рязанову, на Керженецъ, въ Казань, Пермь, на Уралъ, на Донъ, на Кавказскую линію, словомъ, повсюду, гдѣ были сколько-нибудь крупные центры поповщины. Увѣдомляя о событіяхъ дня, они въ то же время сообщали своимъ единомышленникамъ, что, несмотря на всѣ настоянія верховной власти принять единовѣріе, иноки рѣшились лучше пострадать и умереть, чѣмъ согласиться на измѣну завѣтамъ отцовъ; къ тому же убѣждали и всѣхъ остальныхъ старообрядцевъ, опасаясь, что гоненіе на расколъ приметъ характеръ повсемѣстнаго явленія[2]). Прохору было послано особое увѣщаніе. Въ старообрядческомъ мірѣ поднялась буря. Въ Нижній монастырь полетѣли письма. На голову Прохора посыпались упреки въ отступничествѣ. Присылка подаяній монастырю прекратилась, многіе изъ иноковъ и бѣльцовъ громко протестовали и осуждали поспѣшность своихъ заправилъ, другіе бросали монастырь и расходились по разнымъ сторонамъ. Въ заключеніе всего человѣкъ 50 изъ жителей Криволучья собрались въ монастырь и настоятельно, съ угрозами, требовали отъ восьми старцевъ, чтобы они немедленно отказались отъ своего намѣренія. Подъ этимъ градомъ упрековъ, угрозъ, увѣщаній, подъ этимъ моральнымъ гнетомъ стоять было трудно и 21 іюня Адріанъ созвалъ на соборное разсужденіе „братію иноковъ и бѣльцовъ удѣльнаго вѣдомства и всѣхъ иноковъ изъ людей посторонняго вѣдомства при монастыряхъ проживавшихъ по увольненію и паспортамъ“ и всѣмъ соборнѣ изложилъ ходъ дѣла. Объясненіе Адріана удовлетворило собравшихся на совѣщаніе и они

[1]) „Рус. Вѣст.“, 1866, № 5, 74.
[2]) Палладій, Обозр. перм раск., 12.

единогласно приняли слѣдующую резолюцію: „Просимъ настоятеля объяснить его сіятельству, сар. гражд. губернатору, что такъ какъ монастырь нашъ имѣетъ святую и апостольскую церковь... безъ всякихъ измѣненій, или прибавленій, или убавленій по старопечатнымъ книгамъ единую вѣру, принятую равноапостольнымъ княземъ Владиміромъ и до лѣтъ Никона, патріарха московскаго, 650 лѣтъ всею Россіей свято чтимую и св. отцы россійскіе чудотворцы и соборомъ московскимъ, рекомымъ стоглавымъ,... подтверждаемую,... то и не можемъ оставить ее ни по какому случаю; церкви же единовѣрческой на пунктахъ Платона митрополита никто изъ насъ не только не проситъ и не желаетъ, но даже о принятіи оной и помыслить не можемъ, хотя бы то страхомъ, угрозами, раззореніемъ и самымъ истязаніемъ принуждаемо было, тѣмъ паче, что предки наши и мы около 170 лѣтъ не состоимъ въ паствѣ архіереевъ церкви велико-россійской. Волѣ Е. И. В. никакъ не противимся и съ вѣрноподданнѣйшей любовью пріемлемъ утѣсненіе священства, при насъ находящагося, уничтоженіе монастыря, лишеніе насъ его имущества, нами собраннаго отъ доброхотныхъ дателей-старообрядцевъ, живущихъ во всей Россіи и Сибири, лишеніе земли, собственно монастырю высочайше дарованной, и расточеніе насъ самихъ вонъ изъ монастыря. Сколько бы для насъ ни прискорбно было, но все то изъ повиновенія правительству готовы перенести, только церковь единовѣрческую принять совѣсть намъ не допускаетъ. А потому, какъ поспѣшно данная безъ общаго согласія всѣхъ монастырей его сіятельству подписка положила многимъ, ревнующимъ весьма усердно ко древней св. церкви и ея обрядамъ, соблазнъ и претыканіе, то, во исцѣленіе таковаго соблазна, просимъ настоятеля нашего, когда получитъ онъ отъ его сіятельства обратно ту подписку, тогда явитъ намъ оную соборнѣ, такожде явитъ вообще съ симъ приговоромъ въ Средне-Никольскомъ и Верхне-Спасопреображенскомъ монастыряхъ, дабы они таковою нашею непредусмотрительностью, что могла подписка, *проформы* ради данная, подѣйствовать, были успокоены и увѣрены, что настоятель и вся братія отнюдь не имѣли сердечнаго чувства отступать отъ святыя церкви, нами всѣми чтимой, и принять вмѣсто оной церковь единовѣрческую, выше объясненную, и никого къ тому и никто по совѣсти не имѣетъ изъ насъ желанія и согласія“. Это постановленіе, подписанное 29 ино-

ками и бѣльцами, въ числѣ которыхъ были и 8 человѣкъ давшихъ подписку Голицыну, на другой же день отослано было Адріаномъ къ губернатору вмѣстѣ съ такимъ письмомъ: „Всепокорнѣйше просимъ ваше сіятельство простить нашей неусмотрительности великодушно; мы сами никакъ не предвидѣли того, какое дѣйствіе возымѣетъ подписка в. с., не ради какого утвержденія со стороны нашей самаго дѣла, но проформы ради данная и на условіи самимъ в. с. предложенномъ, т. е. ежели оба другіе монастыря на таковую не согласятся, то и нашу подписку возвратить намъ обратно; но коль скоро узнали оба монастыри и самые жители здѣшняго монастыря о дачѣ нами таковой подписки, то и отринули насъ отъ себя, а служащіе при монастырѣ нашемъ иноки и бѣльцы посторонняго вѣдомства всѣ разошлись и оставили всѣ нужныя монастырскія работы и потребности, и ничѣмъ ихъ успокоить и пригласить на службу въ монастырь нѣтъ возможности, какъ только увѣрить тою подпискою, когда изволите ее намъ возвратить. Всепокорнѣйше и убѣдительнѣйше просимъ в. с. возвратить намъ оную нашу подписку, по честному и вѣрному в. с. слову, и въ надеждѣ полученія таковой милости остаемся в. с., милостивѣйшаго государя, всепокорнѣйшіе слуги и богомольцы“[1])... Если раньше губернаторъ могъ разсчитывать сдѣлать что-нибудь съ помощью отобранной подписки, то теперь долженъ былъ бросить всякую надежду: откровенное письмо Адріана очень рѣзко противорѣчило его донесенію въ министерство,—тамъ онъ ни о какихъ „проформахъ“ не сообщалъ,—и дать оффиціальный ходъ дѣлу, круто настаивать на выполненіи выманеннаго обязательства представлялось совсѣмъ неудобнымъ. Голицынъ уступилъ, хотя и не въ томъ видѣ, какъ желала братія Нижняго монастыря: вопреки „честному и вѣрному“ слову своему, онъ подписки не возвратилъ, письменно предписавъ Полонскому объявить просителямъ, что возвратить нельзя, ибо она уничтожена уже“[2]).

Въ то время, какъ въ монастыряхъ шли волненія, измышлялись средства противодѣйствія надвигавшейся грозѣ, Голицынъ въ Саратовѣ подводилъ итоги своей поѣздкѣ. Прежде всего онъ занялся составленіемъ отчета въ министерство. Описывая поѣздку въ

---

[1]) Бр. Св. Кр., № 513, 181—182. Сн.: „Сынъ Отеч.“, 1862, № 38.
[2]) Бр. Св. Кр., № 513, 183.

монастыри и подвиги свои въ Вольскѣ, о чемъ мы уже знаемъ изъ предыдущаго, онъ въ этомъ отчетѣ излагалъ дальше произведенное на него обзоромъ монастырей впечатлѣніе и снова проектировалъ разныя мѣры для прекращенія раскола. Впечатлѣніе, какъ и слѣдовало ожидать, онъ вынесъ далеко не благопріятное: монастыри эти, по отзыву князя, „кромѣ истиннаго пріюта бѣглецамъ, разврата, тунеядства, мнимой набожности и всѣхъ вообще пороковъ, ничего въ себѣ не заключаютъ“. Мужскіе еще представляютъ собой „нѣкоторый образъ смиреннаго обитанія, усвоеннаго монастырями велико-россійскими“, но женскіе ничего не имѣютъ похожаго на монастыри; повсюду „видимо совершенное безобразіе“. Между тѣмъ въ Успенскомъ монастырѣ насчитывается 128 инокинь и 174 бѣлицы, а въ Покровскомъ—20 схимницъ, 300 инокинь и 200 бѣлицъ. Это многолюдство женскаго населенія въ связи съ безпрепятственнымъ доступомъ ко всѣмъ вообще келіямъ, по мнѣнію князя, „ясно (?!) образуетъ, до какой степени допущенъ развратъ въ сихъ обиталищахъ,—развратъ, толико нетерпимый въ гражданскомъ состояніи и влекущій за собою пагубныя послѣдствія“. Въ виду этого онъ находитъ, что дальнѣйшее существованіе монастырей въ настоящемъ ихъ положеніи „не можетъ быть допущено ни подъ какимъ предлогомъ“. Средство для уничтоженія монастырей Голицынъ видитъ въ прекращеніи доступа въ нихъ постороннимъ лицамъ, хотя бы они являлись съ законными паспортами: „тогда живущіе въ монастыряхъ иноки и прислужники, умаляясь мало по малу, наконецъ, съ прекращеніемъ бытія своего, прекратятъ и самыя правила своихъ обителей. Если такая мѣра уничтоженія монастырей признается мѣрой благовидной, то существованіе ихъ продолжится не надолго. Сему служитъ доказательствомъ то, что изъ числа написанныхъ въ тѣхъ монастыряхъ по нынѣшней седьмой ревизіи 203 мужескаго пола душъ умерло со дня той ревизіи 139, да и остающіеся затѣмъ 64 человѣка уже большей частью самыхъ преклонныхъ лѣтъ“. До времени окончательнаго уничтоженія монастырей, въ ожиданіи, пока вымрутъ остающіеся монастырскіе жители, Голицынъ считаетъ необходимымъ подчинить монастыри непосредственному надзору мѣстной полиціи „въ большей степени, нежели сколько такового имѣть можетъ она на удѣльныхъ крестьянъ по общимъ положеніямъ, дабы средствомъ симъ удобнѣе

было преслѣдовать развратъ въ монастырскихъ жителяхъ и разсѣваемые отъ нихъ соблазны". Эта мѣра, равно какъ и слѣдующія, составляютъ повтореніе предложенныхъ имъ 6 апрѣля: Ланской смѣнился Закревскимъ и Голицынъ основательно разсчитывалъ, что неодобренное однимъ можетъ быть одобрено другимъ. Требуя передачи губернатору принадлежавшаго доселѣ удѣльной конторѣ права утверждать настоятелей въ должности, Голицынъ обусловливаетъ это тѣмъ, что иначе раскольники „всегда будутъ находить способы уклоняться отъ исполненія требованій мѣстной полиціи, считая власть сію до себя не принадлежащей, и по тайному внушенію чиновниковъ конторы, разувѣряющихъ о неподчиненности ихъ оной власти и о противныхъ будто бы дѣйствіяхъ губернскаго начальства, приносить, подъ предлогомъ стѣсненія ихъ, жалобы свои на мѣстную полицію", такъ что губернаторъ всегда будетъ встрѣчать препоны въ точномъ исполненіи высочайшей воли и распоряженій высшаго правительства, ибо тамъ, гдѣ раздѣленія властей и дѣйствія ихъ одно другому противоположны, нельзя имѣть желаемаго успѣха и монастыри всегда будутъ при тѣхъ же правилахъ своихъ и при тѣхъ закоренѣлыхъ предразсудкахъ, въ коихъ подтверждаемы они нынѣшнимъ ихъ образомъ управленія". Въ заключеніе донесенія князь проситъ принять въ соображеніе „закоснѣлыя отъ невѣжства понятія старообрядцевъ" и впредь всѣ касающіяся ихъ министерскія распоряженія, основанныя на высочайшей волѣ, начинать „самыми разительными для нихъ словами—именемъ Е. И. В.", чрезъ что избѣгнуты будутъ разные безразсудные толки о самоволіи министерства[1]). Вслѣдъ за донесеніемъ Закревскому Голицынъ отправилъ къ нему съ жандармомъ Трутневымъ арестованнаго 15 іюня инока Іоасафа, прося сослать его куда-нибудь подальше отъ саратовской губерніи, ибо съ одной стороны на этомъ „настаивалъ и самъ монастырь (?), а съ другой—средствомъ симъ сколько накажется онъ за содѣянное имъ преступленіе, столько не менѣе того послужитъ оное примѣромъ и для другихъ". Предать Іоасафа „строжайшему суду по законамъ" на мѣстѣ, въ Саратовѣ или Вольскѣ, Голицынъ не считалъ удобнымъ, такъ какъ „инокъ сей есть самый дерзновенный и способный на всѣ роды неистовства" и потому во время суда надъ нимъ могли огласиться его „неистовства, а съ ни-

1) С. И. А., № 11, 125—135.

ми и самое происшествіе". Трутневу приказано было, въ предупрежденіе побѣга, имѣть за Іоасафомъ бдительный надзоръ, но запрещалось особенно торопиться прибытіемъ въ Петербургъ въ виду престарѣлыхъ лѣтъ инока[1]).

Повидимому, Голицынъ очень мало разсчитывалъ на успѣхъ своего ходатайства о передачѣ Иргиза въ вѣдѣніе губернатора и о достодолжномъ наказаніи Іоасафа. Чтобы увеличить свои шансы на успѣхъ, онъ послалъ копію съ донесенія своего въ министерство митрополиту Серафиму и просилъ оказать непосредственное содѣйствіе какъ въ утвержденіи предположенныхъ мѣръ, такъ и въ удаленіи Іоасафа подальше отъ предѣловъ Саратовскаго края[2]). Подобная же копія отправлена была преосв. Иринею, съ замѣчаніемъ, что „если правительство уважитъ его настояніямъ дозволеніемъ ему непосредственнаго вліянія на распорядокъ сими монастырями, съ устраненіемъ власти на оные удѣльнаго начальства, то можно ручаться, что сей корень раскола самъ собою истребится". Ириней, конечно, понялъ, что этимъ намекомъ требовалось его содѣйствіе въ ходатайствѣ объ уваженіи губернаторскаго настоянія, но въ отвѣтѣ своемъ не показалъ на этотъ счетъ никакого вида и только разсыпался въ комплиментахъ, утверждая, что „подвиги его сіятельства, ко славѣ св. церкви предпріемлимые, безъ сомнѣнія, увѣнчаются вожделѣннымъ успѣхомъ", о чемъ онъ непрестанно возноситъ моленія къ Господу[3]).

Вслѣдъ за Іоасафомъ, которому суждено было для внушенія спасительнаго страха прочимъ испытать на себѣ тяжесть губернаторскаго гнѣва, Голицынъ взялся за троихъ другихъ иноковъ, показавшихся ему наиболѣе опасными борцами за расколъ. Вольскому исправнику 3 іюля предписано было арестовать иноковъ Средняго монастыря Антонія и Филарета „за дерзостные отвѣты и закоснѣлость ихъ" и представить въ Саратовъ „подъ крѣпкимъ присмотромъ". Тотъ и другой были, разумѣется, высланы, но далеко не подъ крѣпкимъ присмотромъ, потому что Антоній до явки къ губернатору успѣлъ побродить по Саратову, распространяя не мало толковъ объ иргизскихъ дѣлахъ, за что исправнику было объявлено приличное случаю внушеніе. Послѣ бесѣды съ губернаторомъ оба инока были выслa-

[1]) Ibidem, 113.
[2]) Ibidem, 136—137
[3]) Ibidem, 140—141.

ны этапнымъ манеромъ въ мѣста первоначальнаго жительства: Антоній—на Кавказъ, а Филаретъ—въ пермскую губернію, съ отмѣткой въ препроводительныхъ бумагахъ, что высылаются „за дерзкія мнѣнія о вѣрѣ," и съ просьбой назначить за ними строгій надзоръ. Пермскій губернаторъ полюбопытствовалъ было узнать, въ чемъ состоятъ эти дерзкія мнѣнія, но Голицынъ велѣлъ оставить его запросъ безъ отвѣта[1]). Нѣсколько позже этихъ двоихъ вытребованъ былъ изъ Нижняго монастыря „на лицо губернатора" инокъ Фирсъ, вышедшій изъ-за границы по манифесту въ 1816 году и приписавшійся въ число казенныхъ крестьянъ сосѣдней съ монастыремъ деревни Пузанихи. Этотъ оказался виноватъ „въ буйствѣ и нарушеніи спокойствія нелѣпыми толкованіями о принятіи единовѣрческой церкви" 18 іюня, по отъѣздѣ Голицына съ Иргиза, когда отъ Адріана требовали отказа отъ данной подписки. Послѣ бесѣды съ княземъ онъ былъ отправленъ обратно въ Вольскъ, причемъ исправнику предписано произвести „строжайшее изслѣдованіе о дѣйствіяхъ его и, обнаружа оныя въ полной мѣрѣ", отдать подъ судъ безъ очереди[2]).

Не удовольствовавшись этими тремя арестантами, Голицынъ 8 іюля потребовалъ препроводить къ нему изъ Нижняго монастыря священно-инока Мамонта, явившагося въ монастырь 15 мая этого года изъ московскаго Воскресенскаго монастыря, Новаго Іерусалима; исправнику на этотъ разъ не было объявлено даже и причины ареста. Этотъ арестъ сильно смутилъ монастырскую братію: Мамонтъ былъ единственный священно-инокъ во всемъ монастырѣ и безъ него, по справедливому замѣчанію настоятеля Адріана, „никакъ обойтись нельзя", ибо некому остается совершать требы по монастырю. Поэтому 10 іюля Адріанъ написалъ къ Голицыну письмо, подписанное также Никаноромъ, Прохоромъ, Саввой и Арсеніемъ, въ которомъ просилъ возвратить имъ Мамонта, въ монастырь добровольно пришедшаго и раньше не совершившаго никакого преступленія, навлекающаго на него уголовную отвѣтственность. „Если же почему-либо необходимой сей нашей просьбѣ удовлетворить не будетъ возможно,—писалъ

1) Ibidem, 143, 157, 166.

2) Ibidem, 173—176. Мордовцевъ увѣряетъ („Дѣло", 1872, № 2, 117), что Фирсъ „намѣченъ былъ Голицынымъ въ бытность его на Иргизѣ", тогда какъ буйство учинено только 18 іюня и самъ исправникъ сообщилъ, что Фирсъ ни въ чемъ самъ не сознался, но „настоятелемъ и лучшими соборными старцами обличается",—для очевидца излишни были бы свидѣтели и обличители.

далѣе Адріанъ,—то причину таковую не оставьте отъ насъ въ неизвѣстности, но объявите намъ по принадлежности для руководства на будущее время". Въ отвѣтъ на это письмо Голицынъ 17 іюля предписалъ Шенне: „Когда будете по дѣламъ службы въ Иргизскихъ монастыряхъ, то объявите настоятелю Нижне-Воскресенскаго монастыря Адріану съ братіей, что просьба ихъ, ко мнѣ присланная, объ оставленіи у нихъ священно-инока Мамонта удовлетворена быть не можетъ, ибо въ правилахъ о попахъ-бѣглецахъ, на коихъ они основываютъ свою просьбу, ничего не сказано объ іеромонахахъ и діаконахъ, да и самыя правила сіи за послѣднее время измѣнились"[1]). Мамонтъ былъ такъ нуженъ монастырю, что братія рѣшилась въ полной мѣрѣ выполнить данное при его пріемѣ въ монастырь обязательство,—„въ случаѣ какой-либо напасти со стороны начальства, ему помогать и не отговариваться никому"[2]),— и, не надѣясь на успѣхъ ходатайства предъ губернаторомъ, подала почти одновременно съ просьбой Голицыну прошеніе въ удѣльную контору, въ которомъ умоляла вступиться за нихъ, возвратить Мамонта и увѣдомить Средній и Верхній монастыри, что подписка, нынѣ уничтоженная, имѣла чисто фиктивный характеръ. Иначе, грозили просители, если въ этихъ двухъ монастыряхъ насъ будутъ считать отступниками, то мы скоро не будемъ въ состояніи даже платить подати въ казну удѣла[3]). Удѣльная контора, встревоженная всѣми этими арестами, совершенными въ монастырѣ помимо ея вѣдѣнія, не прочь была оказать просителямъ всякое содѣйствіе, но это было не такъ-то легко: Голицынъ, жаловавшійся своему начальству на противодѣйствіе со стороны удѣла его предначертаніямъ, вовсе не расположенъ былъ уступить. Управляющій удѣльной конторой, Манасеинъ, обратившійся за справками объ арестахъ къ губернатору, не получилъ отъ него никакого отвѣта; исправникъ, вступившій было въ переписку по этому поводу съ удѣльными властями, получилъ отъ Голицына строжайшій выговоръ[4]).

Крутыя мѣры Голицына нагнали страхъ на жителей Нижняго монастыря: наиболѣе фанатическіе и осторожные изъ нихъ поспѣшили заблаговременно оставить излюбленное мѣсто житель-

[1]) Бр. Св. Кр., № 513, 174—175.
[2]) Ibidem, 173.
[3]) Ibidem, 184. Сн.: „Сынъ Отеч.", 1862, № 38; Ниж. сем. библ., № 3774, 408.
[4]) С. И. А., № 11, 142—143.

ства; очевидно, на просьбы и жалобы слишкомъ много надеждъ не возлагалось. Иноки Филиппъ, Діонисій, Пахомій, Савватій, Іаковъ, Ефремъ, Германъ, Іоиль, Серапіонъ и схимникъ Григорій вмѣстѣ съ бѣльцами Артамоновымъ, Яковлевымъ, Федоровымъ, Степановымъ и неизвѣстнымъ по имени пятымъ скрылись въ половинѣ іюля изъ монастыря неизвѣстно куда. Настоятель Нижняго монастыря на запросъ исправника о бѣглецахъ объяснилъ, что они ушли съ его разрѣшенія, по нежеланію оставаться въ обители, давшей подписку на принятіе единовѣрія. Голицынъ понялъ, что 15 человѣкъ бѣглецовъ, разсыпавшихся по всѣмъ концамъ Россіи, представляютъ гораздо больше опасности для порядка, чѣмъ удвоенное число тѣхъ же фанатиковъ, сконцентрированныхъ въ монастырѣ, гдѣ за ними возможенъ полицейскій надзоръ. Поэтому немедленно начались розыски по саратовской и смежнымъ съ ней губерніямъ. Голицынъ просилъ тамбовскаго, пензенскаго, астраханскаго, оренбургскаго и другихъ губернаторовъ „такихъ самозванцевъ всюду преслѣдовать“, какъ разсѣвающихъ ересь въ умахъ простодушныхъ людей[1]). Эти-то 15 человѣкъ бѣглецовъ и дали, кажется, поводъ къ выдаваемымъ за истину предположеніямъ, будто бы въ 1828 году Иргизскіе монастыри отправили въ Пермскій край для противодѣйствія новооткрытой тамъ православной миссіи своихъ миссіонеровъ[2]): въ половинѣ и концѣ этого года Иргизу было не до заботъ о поддержаніи раскола въ Пермскомъ или другомъ какомъ краѣ, приходилось дрожать за свое собственное существованіе. На ряду съ жителями Нижняго монастыря перепугались и женскія обители, хотя главное вниманіе и давленіе Голицына обращено было до сихъ поръ по преимуществу на первый: инокини потихоньку начали вывозить изъ монастырей свое имущество. Извѣстіе объ этомъ встревожило губернатора не менѣе побѣга иноковъ; 27 іюля онъ отправилъ къ Шенне лаконическое предписаніе, какъ можно скорѣе, прекратить силой вывозъ вещей изъ монастырей, такъ какъ всему монастырскому имуществу составлены описи, переданныя на разсмотрѣніе высшаго правительства. Вмѣстѣ съ этимъ онъ увѣдомилъ и удѣльную контору, требуя сдѣлать надлежащее распоряженіе. Шенне 10 августа успокоилъ Голицына, сообщивъ, что изъ

[1]) Бр. Св. Кр., № 513, 175; С. И. А., № 11, 188—190.

[2]) Варадиновъ, VIII, 224, 284; Собр. пост., по вѣд. Св. Син., II, 215.

мужскаго монастыря ничего не вывезено да и намѣренія такого ни у кого не было, вывезена же кое-какая частная собственность изъ женскаго Успенскаго монастыря; впрочемъ, теперь взята подписка съ настоятельницы о прекращеніи вывоза на будущее время[1]).

Въ то время какъ на мѣстѣ шла эта усиленная дѣятельность, въ Петербургѣ донесеніе Голицына отъ 1 іюля передвигалось изъ одной инстанціи въ другую, пока 23 августа не состоялось высочайшее повелѣніе о передачѣ Иргизскихъ монастырей въ вѣдомство губернскаго начальства съ замѣной ихъ удѣльному вѣдомству изъ другихъ экономическихъ имѣній; при этомъ велѣно 19 человѣкъ монастырскихъ бѣльцовъ—годныхъ отдать въ рекруты въ зачетъ будущихъ наборовъ, негодныхъ—сослать на поселеніе, а дѣтей зачислить въ кантонисты[2]). Сентября 20 Голицынъ получилъ объ этомъ предписаніе отъ Закревскаго, а 22—предложилъ казенной палатѣ, впредь до полученія надлежащаго распоряженія отъ министра финансовъ: „а) всѣхъ живущихъ въ Иргизскихъ монастыряхъ оставить въ настоящемъ ихъ положеніи безъ всякаго перечисленія въ другія казенныя имѣнія; б) не дѣлать никакихъ измѣненій въ управленіи сими монастырями, ибо о семъ предметѣ должны послѣдовать особыя правила; в) по всѣмъ случаямъ, до сихъ монастырей относящимся, отъ нихъ ли самихъ возникшимъ или другимъ какимъ образомъ, не приступать безъ вѣдома губернатора ни къ какому распоряженію“. Независимо отъ этого посланъ былъ на Иргизъ чиновникъ особыхъ порученій Полонскій объявить всѣмъ монастырскимъ жителямъ въ присутствіи исправника и удѣльнаго чиновника объ изъятіи монастырей изъ удѣльнаго вѣдомства и провѣрить по описямъ все монастырское имущество, чтобы „при семъ переворотѣ не могли послѣдовать тому имуществу какія-либо утраты“[3]). О своемъ распоряженіи князь немедленно сообщилъ особымъ рапортомъ государю императору, а копію съ этого рапорта представилъ министру внутреннихъ дѣлъ, при чемъ предложилъ и проектъ правилъ полицейскаго надзора за монастырями. Проектъ заключался въ слѣдующемъ: 1) живущіе въ монастыряхъ бѣглые священники лишаются

---

[1]) С. И. А., № 11, 226—227.

[2]) Ibidem, 239. Мордовцевъ, неизвѣстно почему, относитъ это высочайшее повелѣніе къ началу сентября, хотя въ бывшихъ у него документахъ ясно указано время—23 августа.

[3]) Ibidem, 242—243.

права отлучки изъ монастыря. 2) Новые въ монастыри не принимаются, но тотчасъ послѣ явки въ монастырь передаются въ вѣдѣніе исправника, который долженъ снять допросъ, отобрать ставленную грамоту и препроводить къ губернатору. 3) Иноки и бѣльцы не имѣютъ права удаляться изъ монастыря безъ предварительнаго разрѣшенія на то со стороны губернатора. 4) Постриженіе въ монахи и пріемъ на жительство въ монастыри строжайше воспрещается. 5) Приписанные къ монастырю крестьяне отлучаются изъ мѣста жительства единственно съ дозволенія монастырскаго начальства, которое непремѣнно должно знать, по какимъ надобностямъ удалился тотъ или другой. 6) Неприписанные къ монастырямъ, но живущіе въ нихъ собственными домами, должны имѣть узаконенные виды, безъ которыхъ не могутъ жить въ монастыряхъ и временные посѣтители. 7) Никто не имѣетъ права прибывать или выбывать изъ монастыря безъ вѣдома монастырскаго начальства. 8) Всякаго рода распутство, особенно же пьянство и блудъ, должны быть всячески предотвращаемы предупредительными мѣрами, ибо пороки эти совсѣмъ неприличны монашествующимъ; поэтому доступъ постороннимъ лицамъ, разъ они навлекаютъ на себя чѣмъ-нибудь подозрѣніе, долженъ быть воспрещаемъ, а посѣщеніе иноковъ инокинями и наоборотъ ограничиваемо крайней необходимостью. 9) Настоятелей остается трое, въ видѣ сельскихъ старостъ, при чемъ одинъ считается главнымъ, въ родѣ волостного головы; главный настоятель имѣетъ общій надзоръ за всѣми монастырями, не исключая и женскихъ, а потому его распоряженію подчинены всѣ настоятели и настоятельницы; каждый мѣсяцъ онъ доноситъ губернатору чрезъ исправника о состояніи подвѣдомственныхъ ему обителей. 10) Выборъ, утвержденіе и смѣна монастырскаго начальства зависитъ непосредственно отъ губернатора[1]). Впослѣдствіи, впрочемъ, Голицынъ отказался отъ всѣхъ этихъ мѣръ, найдя, что и указываемыхъ въ законѣ достаточно для предотвращенія безпорядковъ[2]).

Получивъ предложеніе Закревскаго принять монастыри въ свое вѣдѣніе, Голицынъ почувствовалъ, что у него развязаны руки для сведенія счетовъ съ удѣльнымъ начальствомъ, а потому, прежде чѣмъ приступить къ распоряженіямъ по пріему монастырей, напи-

[1]) Ibidem, 258—263.
[2]) Ibidem, 373.

салъ Манасеину крайне рѣзкую и оскорбительную бумагу, въ которой, по поводу нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ полученнаго отъ него запроса объ арестахъ въ монастырѣ, внушаетъ, что всѣ дѣла о вѣрѣ принадлежатъ непосредственному вѣдѣнію губернатора и въ силу этого всякое вмѣшательство удѣльной конторы „вовсе уже неумѣстно", что онъ имѣетъ для руководства въ своихъ дѣйствіяхъ секретныя высочайшія повелѣнія, съ которыми и сообразуется, и проситъ Манасеина все это принять къ свѣдѣнію и „надлежащему исполненію"[1]). Манасеинъ прочиталъ это внушеніе, но скоро выискалъ случай отмстить: онъ донесъ министру двора, кн. Волконскому, о самовластіи Голицына, который вмѣшивается въ дѣла посторонняго вѣдомства и даетъ предписанія лицамъ, ему не подчиненнымъ; Голицыну въ свою очередь пришлось выслушать внушеніе отъ Закревскаго, къ которому обратился съ жалобой Волконскій[2]).

Въ октябрѣ пріемъ монастырей окончился. Иночествующая братія отлично понимала, что теперь некому больше вступаться за нее передъ губернаторомъ. Гроза единовѣрія надвигалась все ближе. Адріанъ не чувствовалъ въ себѣ достаточно способностей и силъ устоять въ неравной борьбѣ, которая должна была, судя по всѣмъ признакамъ, открыться не нынѣ, такъ завтра. Но онъ не хотѣлъ брать на себя и нравственной отвѣтственности за недостатокъ характера, а потому поспѣшилъ,—оффиціально за слабостью и разстройствомъ здоровья,—отказаться отъ должности настоятеля. На его мѣсто былъ избранъ Никаноръ, какъ человѣкъ, по словамъ приговора объ избраніи, отличнаго поведенія и раньше съ похвалой исправлявшій должность настоятеля въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, а затѣмъ почти безсмѣнно несшій на себѣ обязанности уставщика. Въ первый еще разъ за все время существованія монастырей обставлено было избраніе настоятеля такими ограниченіями, какъ теперь; каждый сколько-нибудь важный шагъ настоятеля обусловливался согласіемъ и совѣтомъ съ братіей: монастырское имущество Никаноръ долженъ принять отъ Адріана по описи и хранить его, какъ свою собственность, ничего не тратя изъ него безъ совѣта иноковъ; распоряженія по монастырю, пріемъ приходящихъ на жительство съ законными видами не производить помимо братіи; за

[1]) Ibidem, 146.
[2]) Ibidem, 235.

всѣ замѣченныя имъ противъ уставовъ церкви дѣянія наказывать съ общаго согласія[1]). Это избраніе, утвержденное Голицынымъ, оказалось роковымъ для монастыря; событія теперь быстро покатились къ развязкѣ и чрезъ полгода Нижній монастырь превратился въ единовѣрческій.

Возвратимся немного назадъ. Закревскій призналъ донесеніе Голицына отъ 1 іюля существенно важнымъ и, независимо отъ выхлопотаннаго разрѣшенія на передачу монастырей въ вѣдѣніе губернскаго начальства, внесъ его на разсмотрѣніе секретнаго комитета. Послѣдній обсудилъ дѣло въ засѣданіи 6 сентября 1828 года и предположилъ принять противъ раскола по Саратовскому краю нѣсколько мѣръ, позаимствованныхъ изъ проекта сенатора Баранова для олонецкой губерніи. Вотъ эти мѣры въ короткомъ извлеченіи изъ протокола засѣданія: а) учредить въ Саратовѣ епископскую каѳедру, что давно уже признавалось необходимымъ, и поручить епископу имѣть спеціальный надзоръ за Иргизскими монастырями; б) въ Вольскѣ для старообрядческихъ дѣтей открыть духовное училище; в) воспретить старообрядческимъ монастырямъ принимать на воспитаніе малолѣтнихъ дѣтей; г) никого не приписывать и не перечислять къ раскольничьимъ монастырямъ и селеніямъ; д) бродягъ, называющихъ себя старообрядческими попами, какъ явныхъ развратителей и соблазнителей, по открытіи ихъ, брать подъ стражу и предавать суду; е) погребеніе старообрядцевъ производить не иначе, какъ съ вѣдома сельскаго начальства, которое обязано увѣдомлять о томъ мѣстныхъ священниковъ. Государь утвердилъ первую мѣру, остальныя же отклонилъ, находя, что и одно строгое соблюденіе существующихъ постановленій о раскольникахъ отвратитъ многія неудобства[2]). Постановленіе комитета объ открытіи епархіи было очень быстро приведено въ исполненіе: 21 октября Пенза отдѣлена отъ Саратова[3]), а мѣсяцъ спустя для послѣдняго назначенъ былъ епископомъ Моисей Богдановъ, бывшій ректоръ кіевской духовной академіи, человѣкъ „поведенія пречестнѣйшаго, въ должности своей преисправный и благонадежный, энергичный, но вмѣстѣ и привѣтливый начальникъ и дружелюбный сослуживецъ“[4]).

---

[1]) Ibidem, 277.
[2]) Дѣла Секр. Комит., Vol. VI, стр. 246—248, 257—259.
[3]) Пол. собр. зак., III, № 2361, 1828 г.
[4]) „Рус. Стар.“, 1878, I, 198.

Такимъ образомъ многословное донесеніе или, вѣрнѣе сказать, цѣлое „разсужденіе“ Голицына до извѣстной степени достигло цѣли и не его, во всякомъ случаѣ, была вина, что колебавшійся въ это время въ своихъ взглядахъ на расколъ императоръ Николай Павловичъ не рѣшился обогатить сборникъ постановленій по части раскола предложенными княземъ мѣрами. Гораздо менѣе успѣха имѣло ходатайство князя объ административной ссылкѣ Іоасафа: Закревскій въ этомъ ветхомъ старикѣ не усмотрѣлъ ничего похожаго на упорнаго и опаснаго агитатора, въ рѣчахъ его—никакого намека на колебаніе „основъ“ или оскорбленіе величества, и потому при всемъ, быть можетъ, желаніи не рѣшился исполнить просьбу князя; такая игра съ человѣческой личностью и свободой даже ему, далеко не отличавшемуся мягкостью характера, показалась возмутительной. Онъ продержалъ опальнаго инока въ Петербургѣ два мѣсяца, а 5 октября выслалъ его обратно въ Саратовъ, предписавъ Голицыну, буде Іоасафъ не обратится въ православіе, предать общему суду, какъ нарушителя общественнаго спокойствія и благоустройства, но приговоръ, до приведенія въ исполненіе, сообщить въ Петербургъ. Голицынъ призвалъ Іоасафа и „съ приличнымъ гражданской власти внушеніемъ“ объявилъ ему волю высшаго правительства; но внушеніе не подѣйствовало и тогда, выдержавъ его въ тюрьмѣ полгода, князь попросилъ преосвящ. Моисея назначить кого-нибудь изъ „духовныхъ особъ“ для увѣщанія. Преосвященный назначилъ ключаря каѳедральнаго собора, Ѳедора Вязовскаго, который, разумѣется, чрезъ мѣсяцъ увѣдомилъ, что, не смотря на „всемѣрныя старанія“ его доказать истинность православія, Іоасафъ, „по закоснѣнію и непреклонности“, не внялъ имъ. Дѣло перешло въ саратовскій уѣздный судъ, но чѣмъ кончилось—не знаю; могу сказать только, что попытка князя сослать его чрезъ распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ обошлась казначейству по-княжески дорого: провозъ Іоасафа въ оба конца стоилъ ровно 900 руб. 36 коп.![1]).

Въ январѣ 1829 года Шенне началъ по одному вылавливать изъ Нижняго монастыря бѣльцовъ, предназначенныхъ къ отдачѣ въ рекруты. Въ числѣ другихъ подлежалъ этой участи и любимецъ Никанора, Гавріилъ Филиповъ, племянникъ, если только не по-

[1]) С. И. А., № 11, 289—295; 110; 154.

бочный сынъ его. Никаноръ страшно былъ перепуганъ, томился, тосковалъ и недоумѣвалъ, какъ освободить его. Волненіе старика было слишкомъ замѣтно для такого опытнаго сыщика, какъ Шенне. Не поэксплоатировать его исправнику показалось грѣшно и Гавріилъ Филиповъ, показанный въ описи Полонскаго, при переходѣ монастырей отъ удѣла въ казну, человѣкомъ здоровымъ, превратился чрезъ двѣ недѣли,—не безъ приличной мзды, конечно,—по описи Шенне въ калѣку, у котораго „правая рука съ малолѣтства не поднимается“, хотя это, замѣтить кстати, не мѣшало ему заниматься въ монастырѣ письмоводствомъ[1]). Но и эта остроумная выдумка опытнаго на обходы закона исправника не спасла Никанора отъ разлуки съ любимцемъ; напротивъ, она даже ухудшила дѣло, такъ какъ, по позднѣйшему разъясненію высочайшаго повелѣнія, калѣки подлежали ссылкѣ въ Сибирь, что представлялось еще хуже рекрутчины. Хитроумный Шенне, попользовавшійся уже на свою долю, задумалъ услужить и Голицыну и построилъ на любви Никанора къ Гавріилу Филипову чисто мефистофельскій планъ: онъ сталъ внушать обезумѣвшему отъ горя старику, что дѣло можно поправить принятіемъ единовѣрія. Никаноръ сначала задумался, но потомъ рѣшился попытать счастья, какъ свидѣтельствуетъ письмо его къ губернатору отъ 1 марта: „Если по данной нами вашему сіятельству подпискѣ возстановится полная при трехъ чинахъ единовѣрческая церковь и дадутся законные попы, которые обрядовъ нашихъ и пѣнія не слыхали, а у насъ коренныхъ пѣвцовъ не остается и церковнаго чиноположенія содержать на будущее время некому, а мой несчастный Гавріилъ Филиповъ читать, пѣть и писать достаточенъ и мальчиковъ всему этому научить можетъ; того ради прошу слезно, по вашему неограниченному великодушію и для установленія церковнаго порядка, оставить его быть при оной на пунктахъ митр. Платона“. Освобожденіе „несчастнаго сироты“ представляется Никанору тѣмъ болѣе возможнымъ и справедливымъ, что онъ законно уволенъ обществомъ отъ своего жительства, села Кормежки; къ монастырю по седьмой ревизіи (1815 года) приписанъ; рекрутская очередь отправлена, ибо имѣетъ рекрутскую квитанцію, и повинностей за нимъ никакихъ нѣтъ. Никаноръ пугаетъ даже Голицына, что, въ случаѣ неисполненія его просьбы, можетъ

[1]) Ibidem, 251; см. 316.

„съ такой непереносной печали лишиться жизни или здраваго разсудка“, а кто тогда, спрашивается, возстановитъ порядокъ въ монастырѣ, если ему дана будетъ единовѣрческая церковь? Съ цѣлью задобрить князя онъ напоминаетъ, что никогда не противился ему въ своемъ монастырѣ, и пишетъ дальше легонькій доносъ на Прохора, что тотъ входитъ въ сношенія съ сосѣдними крестьянами, давая имъ списывать разныя бумаги и указы, и по прежнему становится на настоятельскомъ мѣстѣ. Въ заключеніе проситъ „осчастливить его отеческими словами, хотя чрезъ Крестьянъ Крестьяныча“ (Шенне), и обѣщаетъ нетерпѣливо ожидать отвѣта[1]). И Голицынъ осчастливилъ: онъ чрезъ Крестьянъ Крестьяныча объявилъ Никанору, что ходатайство его объ оставленіи Гавріила Филипова можетъ быть удовлетворено на единственномъ условіи,— если всѣ жители монастырскіе единодушно изъявятъ желаніе быть единовѣрцами. Одновременно съ этимъ объявлено было и Прохору, что до губернатора дошли слухи объ его „непокойной“ жизни и дѣланіи по монастырю безпорядковъ, за что онъ можетъ подвергнуться переводу въ другой монастыръ или даже совершенному удаленію съ Иргиза[2]). Никаноръ не нашелъ иного выхода, какъ подчиниться, и 17 марта иноки Адріанъ, Савва, Ѳеодоритъ, Тимофей, Діонисій и Мардарій, бѣльцы Гавріилъ Филиповъ и Андрей Петровъ и церковный служитель Самуилъ Аникѣевъ дали ему слѣдующую довѣренность: „По многомъ совѣщаніи нашемъ купно съ вами, мы рѣшились, наконецъ, удовлетворить внушенію начальства о принятіи единовѣрія на точномъ основаніи правилъ митр. Платона. Вслѣдствіе чего просимъ васъ, согласно собственному вашему расположенію, подать, куда слѣдуетъ, прошеніе на тотъ конецъ, чтобы соблаговолено было церкви монастыря нашего переименовать единовѣрческими и снабдить рукоположенными священниками по избранія нашему... Сверхъ сего также просимъ употребить ходатайство ваше у начальства объ оставленіи всѣхъ при монастырѣ нашемъ удаляемыхъ нынѣ жителей, если то возможно: ибо безъ нихъ мы, престарѣлые иноки, не можемъ содержать монастырь нашъ и оплачивать лежащія на насъ государственныя подати и повинности“[3]). Эта довѣренность вызвала страшный шумъ:

[1]) С. И. А., Карт. А, № CXIII.
[2]) Ibidem, № 11, 366.
[3]) Арх. Нижн. един. мон., № 6, 6.

несогласные, во главѣ которыхъ стали Прохоръ съ Игнатіемъ, а потомъ примкнули Тимофей и Мардарій, рѣшились на крайнюю мѣру,—составили приговоръ о непринятіи единовѣрія и постановили всѣхъ принимающихъ выгнать вонъ изъ монастыря. Никаноръ немедленно донесъ объ этомъ приговорѣ Голицыну, который велѣлъ земской полиціи охранять монастырь и защищать пріемлющихъ благословенное священство. Упорствующіе, числомъ до 60 человѣкъ, должны были отказаться отъ своего намѣренія и постепенно были удалены подъ разными предлогами, а иногда и безъ всякихъ предлоговъ, изъ монастыря[1]). Но начавшіеся въ обители безпорядки вышли скоро и за предѣлы ея: 31 марта Голицынъ, сильно не любившій удѣльной конторы, вынужденъ былъ обратиться по поводу волненій сосѣднихъ съ монастыремъ крестьянъ къ Манасеину. Сообщая, что иноки Нижняго монастыря принимаютъ единовѣріе, онъ замѣчаетъ, что намѣреніе это извѣстно удѣльнымъ крестьянамъ Мечетной слободы и Криволучья, которые „ненависть свою къ инокамъ довели до высшей степени“. Поэтому онъ проситъ Манасеина принять мѣры, чтобы ненависть эта не выразилась въ осязательной формѣ, и внушить крестьянамъ, что они никакой связи съ монастыремъ не имѣютъ и потому дѣйствія послѣдняго „не могутъ подлежать ихъ сужденію“. Изъ дальнѣйшихъ словъ письма Голицына можно заключить, что въ Криволучьи у нѣкоторыхъ крестьянъ составлялись сходки, на которыхъ произносились зажигательныя рѣчи съ цѣлью возмутить старообрядцевъ и подвинуть ихъ къ активному противодѣйствію намѣреніямъ Никанора съ братіей[2]).

Волновались несогласные, волновались крестьяне, волновался и самъ Никаноръ. Глубокій, 64-лѣтній старикъ, пол-жизни прожившій въ монастырѣ, не могъ равнодушно отнестись къ мысли объ единовѣріи. Онъ съумѣлъ склонить къ принятію единовѣрія нѣсколько человѣкъ изъ монастырской братіи, заручился нужнымъ документомъ, но не могъ не сознавать, что идетъ вопреки своимъ убѣжденіямъ, допускаетъ предательство, покупая свободу своего любимца непомѣрно дорогой цѣной,—измѣной завѣтамъ старины, уступкой свободы и самостоятельности цѣлой обители. Долго тянулась тяжелая борьба привычки, убѣжденій, долга съ личнымъ чувствомъ. Никаноръ томился сомнѣніями, изнывалъ въ нерѣшитель-

[1]) Ниж. сем. библ., № 3774, 409.
[2]) С. И. А., № 11, 363.

ности, молился, вздыхалъ и... хитрилъ. Пронеслись слухи, что Голицынъ уходитъ изъ Саратова. Никаноръ схватился за эти слухи, какъ за послѣдній якорь спасенія: а что, если выждать время, если ограничиться одними обѣщаніями? Быть можетъ, преемникъ будетъ глядѣть на расколъ совсѣмъ другими глазами и тогда всѣ обѣщанія, данныя теперь, останутся безъ результата, тогда все пойдетъ по старому. Только бы выгадать время!... Въ концѣ марта Никаноръ отправился въ Саратовъ. Посѣтивъ губернатора, онъ наговорилъ ему не мало о готовности братіи принять благословенное священство; по его словамъ, все дѣло стояло теперь только за тѣмъ, чтобы навербовать побольше согласниковъ. Голицынъ повѣрилъ,— въ представленіи министру внутреннихъ дѣлъ, отъ 31 марта, онъ говоритъ, что „старообрядцы явили самые несомнѣнные знаки къ принятію единовѣрія“[1]),—и поручилъ Никанору дѣятельнѣе убѣждать своихъ иноковъ и заручиться отъ нихъ письменной довѣренностью. Обманъ удался: довѣренность лежала уже въ карманѣ у Никанора, а Голицынъ ничего этого не зналъ, Голицынъ согласился ждать, пока онъ будетъ склонять братію къ тому, къ чему она уже склонена! Было чему радоваться и на радостяхъ Никаноръ отправился даже къ преосвящ. Моисею и повторилъ свои розсказни. Остался доволенъ и преосвящ. Моисей[2]). Обрадованный успѣхомъ выдумки, Никаноръ повелъ дѣло дальше. По возвращеніи въ монастырь изъ Саратова, онъ писалъ Голицыну отъ 4 апрѣля, что братія „всепокорнѣйше и обще“ проситъ „исполнить волю вышняго правительства“, ибо душевно желаетъ „принять христопреданную и утвержденную на камени единовѣрческую церковь съ ея обрядами въ непродолжительномъ времени, несмотря на невѣжествующихъ и незнающихъ закона“; немедленному осуществленію этого желанія мѣшаетъ только распутица,—переѣздъ чрезъ Волгу сдѣлался крайне опасенъ и самъ Никаноръ на возвратномъ пути изъ Саратова едва не утонулъ вмѣстѣ съ повозкой и лошадьми. Жалуясь на то, что монастырь съ его

1) Ibidem, 374.

2) Это свиданіе Никанора съ Моисеемъ послужило поводомъ Попову утверждать, что формальная просьба о дарованіи Нижнему монастырю единовѣрческихъ священниковъ подана была въ мартѣ (IV, 44). Дубакинъ („Обр. пргг. раскол. въ един.“, 60) могъ бы не дѣлать этой ошибки, ибо она исправлена Мордовцевымъ („Дѣло“, 1872, № 4, 275); но онъ, дословно пользуясь мордовцевскими статьями, вздумалъ, на основаніи непостижимыхъ соображеній, корректировать ихъ и, конечно, перепуталъ даты, смѣшавъ мартъ съ маемъ. *Прим. авт.*

„убогими обитателями“ всѣми покинутъ и забытъ, Никаноръ увѣряетъ, что у иноковъ теперь единственная надежда—„на отеческое покровительство“ губернатора и снова проситъ употребить „всѣ средства“ къ переименованію монастыря и церквей въ единовѣрческія, по примѣру Высоковской пустыни. Скрытая мысль этого непомѣрнаго усердія, не спѣшившаго однако подачей формальнаго прошенія, выясняется дальнѣйшими словами письма: „всеусерднѣйше и слезно“ Никаноръ проситъ „обрадовать на первый случай“, отпустить 8 человѣкъ „несчастныхъ жителей, обритыхъ и въ острогѣ держащихся“. Кромѣ „перваго случая“ указываются и другіе мотивы этой просьбы,—приближеніе праздника Пасхи и нужда въ рабочихъ рукахъ для завѣдыванія монастырскимъ скотоводствомъ и хлѣбопашествомъ. Чтобы просьба эта не бросилась особенно непріятно въ глаза губернатору, Никаноръ въ концѣ письма снова сводитъ рѣчь на тему объ единовѣріи: „не позволите ли,—говоритъ онъ,—писать о духовныхъ нуждахъ пастырю, его преосвященству?.. Пожалуйте, научите, какъ писать титулъ ему, а матерію можемъ знать сами“[1]). Титулу Голицынъ, вѣроятно, обучилъ Никанора, но обритыхъ иноковъ въ монастырь не пустилъ,—какъ негодныхъ въ рекруты, онъ отправилъ ихъ въ Тюмень, тобольской губерніи.

Никаноръ замолчалъ. Прошелъ цѣлый мѣсяцъ, а надежда на уходъ губернатора не оправдывалась, Шенне снабженный секретными инструкціями, торопилъ подачей прошенія. Волга давно прошла, въ Саратовъ съѣздить было не долго. Оттягивать время становилось трудно, за неимѣніемъ сколько-нибудь уважительныхъ причинъ. Нужно было на что-нибудь рѣшиться. Никаноръ 24 апрѣля обратился съ письмомъ къ настоятелю Высоковскаго единовѣрческаго монастыря, архимандриту Герасиму. Всѣ Иргизскіе монастыри, писалъ онъ, по распоряженію высшаго правительства, подлежатъ уничтоженію, въ случаѣ отказа ихъ отъ единовѣрія; „я съ малой братіей въ Нижнемъ Воскресенскомъ монастырѣ согласенъ выполнить требованіе правительства, дабы не раззорился въ конецъ нашъ монастырь“. Принимая въ соображеніе, что Высоковская обитель издавна перешла въ единовѣріе, Никаноръ проситъ позволенія прислать инока

[1]) Сар. Ист. Арх., Карт. А, № CXIV. Подлинникъ письма Никанора къ Голицыну, писанный рукой Гавріила Филипова; только нѣсколько заключительныхъ строкъ приписаны Никаномъ собственноручно.

Савву поучиться уставу и порядку богослуженія. Вмѣстѣ съ этимъ онъ проситъ Герасима увѣдомить его, по возможности скорѣе, о всемъ порядкѣ внутренняго управленія обители и объ отношеніи ея къ высшей духовной власти. „Не оставьте насъ, ваше высокопреподобіе,—заканчивалъ письмо Никаноръ,—напитать своими душеспасительными совѣтами и наставленіями, яко млекомъ младенцевъ, какъ намъ должно, при введеніи новаго сего образованія, управлять и поступать“[1]). Новая выдумка была не дурна: переписка съ Герасимомъ, посылка Саввы и обученіе его заняли бы не мало времени. Но Голицыну надоѣло ждать. Онъ слишкомъ далеко зашелъ въ сообщеніяхъ по начальству о результатахъ своей миссіонерской дѣятельности, чтобы можно было идти назадъ или даже только стоять на одномъ мѣстѣ. Ему, кажется, и самому становилось совѣстно за безконечныя слова и слова; требовалось какъ можно скорѣе подкрѣпить ихъ фактами. И вотъ, въ первыхъ числахъ мая, онъ отправилъ Шенне слѣдующее полуоффиціальное письмо: „Напоминаю вамъ объ окончаніи дѣла на счетъ обращенія къ единовѣрію Нижне-Воскресенскаго старообрядческаго монастыря, чего я давно уже ожидаю, ибо весьма достаточно было времени на изъявленіе ими формальнаго согласія, вмѣсто словеснаго, давно даннаго настоятелемъ Никаномъ отъ лица всѣхъ тамъ живущихъ. Впрочемъ, ежели бы встрѣтилось какое-либо неожиданное по сему предмету препятствіе, то и тогда вы обязаны были поставить меня о нихъ въ свѣдѣніе“[1]). Шенне такъ горячо принялъ къ сердцу это „напоминаніе“, что Никаноръ 10 мая, скрѣпя сердце, отправился въ Саратовъ хлопотать о ненавистномъ единовѣріи. Голицынъ не принялъ представленнаго имъ прошенія съ приложенной довѣренностью отъ братіи и велѣлъ обратиться съ ними къ преосвящ. Моисею. Объ этомъ распоряженіи онъ 14 мая увѣдомилъ преосвященнаго очень обстоятельнымъ письмомъ, въ которомъ съ самаго начала разсказалъ всю исторію обращенія Нижняго монастыря, подчеркивая и оттѣняя свои старанія и заслуги въ этомъ дѣлѣ. Въ разсказѣ Голицына обходятся молчаніемъ два существенно важныхъ пункта: „проформы ради“ данная въ 1828 году Нижнимъ монастыремъ подписка и торговля изъ-за Гавріила Филипова, т. е.

[1]) Арх. Нижн. един. мон., № 6, 7.
[2]) С. И. А., № 11, 388.

выпускается вся суть, вся закулисная механика совершающагося факта. Легко представить, какъ правдоподобна вышла разсказанная исторія: болѣе, чѣмъ объ истинѣ, разсказчикъ заботился о выгодномъ освѣщеніи своей личности, своей предусмотрительности и административнаго такта. Въ концѣ письма Голицынъ проситъ преосвященнаго увѣдомить его для всеподданнѣйшаго донесенія государю о всѣхъ распоряженіяхъ по духовной части, какія были и будутъ имъ сдѣланы, и высказываетъ свое мнѣніе, что все имущество монастырское должно остаться за монастыремъ и кромѣ того иноческующіе должны быть избавлены отъ платежа повинностей, отправляемыхъ ими донынѣ наравнѣ съ удѣльными крестьянами. Къ письму Голицынъ приложилъ и копію составленной Полонскимъ описи монастырскаго имущества[1]).

Никаноръ и послѣ явки къ губернатору нѣсколько дней еще колебался идти къ архіерею и только 14 мая подалъ ему прошеніе[2]). При этомъ была сдѣлана послѣдняя попытка вернуть монастырю восемь изъятыхъ изъ него иноческихъ душъ: со словъ Никанора, преосвящ. Моисей ходатайствовалъ за нихъ предъ Голицынымъ, какъ за людей существенно необходимыхъ монастырю,—они „знаютъ вполнѣ уставъ церковный, существовавшій до временъ Никона патріарха, и одни только могутъ поддерживать бытіе престарѣлыхъ иноковъ работою хозяйственною“[3]). До извѣстной степени указываемый мотивъ заслуживалъ вниманія: изъ девяти принимавшихъ единовѣріе иноковъ ни одному, кажется, не было менѣе 50 лѣтъ и шестерымъ—больше 60 лѣтъ, а изъ пяти бѣльцовъ двое были совсѣмъ мальчики,—Самуилу Савельеву всего 15 лѣтъ, а Андрею Петрову даже только 13 лѣтъ[4]). Это, повидимому, понималъ и Голицынъ, обѣщая преосвященному ходатайствовать предъ правительствомъ о возвращеніи монастырю восьми удаленныхъ изъ него иноковъ,[5]) но такъ какъ удалены они были по высочайшему повелѣнію, то и возвратить ихъ можно было только при помощи новаго высочайшаго повелѣнія. Получить такое повелѣніе было не легко и Голицынъ не сталъ хлопотать.

Консисторія, на разсмотрѣніе которой преосвящ. Моисей пере-

[1]) Ibidem, 392—394.
[2]) Ibidem, 395.
[3]) Арх. Нижн. един. мон., № 6, 6.
[4]) С. И. А., № 11, 398.
[5]) Ibidem, 397.

далъ прошеніе Никанора съ братіей, постановила: 1) монастырь долженъ быть общежительнымъ; называться будетъ не раскольничьимъ или старообрядческимъ, по единовѣрческимъ; „дабы отличить и возвысить оный предъ прочими Иргизскими монастырями и тѣмъ возбудить въ сихъ послѣднихъ таковое же соревнованіе къ единовѣрію, учредить его класснымъ“ и оставить за нимъ всѣ земли и угодья; 2) настоятеля Никанора оставить въ этомъ званіи и, буде пожелаетъ, рукоположить въ іеромонахи по старопечатнымъ книгамъ; 3) наравнѣ съ нимъ постричь и тѣхъ бѣльцовъ, которые будутъ освобождены изъ податного сословія и пожелаютъ принять монашество; 4) священниковъ и діаконовъ опредѣлить или посвятить къ монастырю въ достаточномъ для удовлетворенія нуждъ его количествѣ, находящихся же въ монастырѣ теперь отослать къ ихъ епархіальному архіерею для поступленія съ ними по законамъ; 5) церкви монастырскія освятить по старопечатнымъ книгамъ; 6) во всемъ, касающемся монастыря и жителей его, руководствоваться пунктами митрополита Платона, снабдивъ копіей съ нихъ и настоятеля новоприсоединяемаго монастыря; 7) наблюденіе за выполненіемъ братіей монастыря всѣхъ существующихъ на счетъ единовѣрія законовъ возлагается на благочиннаго, въ округѣ котораго находится монастырь этотъ, съ обязательствомъ доносить архіерею о состояніи монастыря по полугодіямъ, и въ экстренныхъ случаяхъ—немедленно[1]). Сообщая синоду это постановленіе, преосвященный вмѣстѣ съ тѣмъ ходатайствовалъ и о возстановленіи, въ видахъ противодѣйствія расколу, закрытаго въ 1794 году саратовскаго женскаго Крестовоздвиженскаго монастыря. Ходатайство это было уважено и монастырь, именнымъ указомъ 30 ноября 1829 года, вновь возстановленъ[2]). Получивъ 19 мая увѣдомленіе преосвященнаго о консисторскомъ постановленіи, Голицынъ вздохнулъ свободно и въ тотъ же день представилъ управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ о результатѣ своихъ хлопотъ съ Иргизомъ, при чемъ называлъ событіе это „довольно важнымъ“, испрашивалъ „начальственное разрѣшеніе“, что дѣлать съ несогласными на единовѣріе, и просилъ дозволенія воспользоваться раньше даннымъ ему отпускомъ, такъ какъ дѣла по откупу настоятельно требуютъ его присутствія въ сибирскихъ губерніяхъ[3]).

[1]) Ibidem, 404—405.
[2]) „Сар. епар. Вѣдом.“, 1882, № 33, 223.
[3]) С. И. А., N 11, 406—407.

То обстоятельство, что епархіальный архіерей собственной властью не рѣшился присоединить монастырь и обратился съ запросомъ въ синодъ, смутило нѣсколько „согласниковъ“ и Никаноръ отъ лица братіи спрашивалъ Голицына, дѣйствительно ли монастырь ихъ будетъ обращенъ или нужно ждать какой-либо перемѣны. Отвѣтомъ на это недоумѣніе являлось коротенькое письмо Голицына къ Никанору отъ 8 іюля: „Поручаю тебѣ объявить братіи Нижне-Воскресенскаго монастыря, что изъявленное ими богоугодное желаніе обратить сказанный монастырь въ единовѣрческій доведено мною до свѣдѣнія высшаго правительства, что дѣло о семъ предметѣ въ надлежащемъ ходу и что никакихъ перемѣнъ противу сдѣланныхъ отсюда представленій послѣдовать не можетъ, т. е. обращеніе ихъ монастыря въ единовѣрческій совершится такъ, какъ они того желаютъ“[1]). Не менѣе успокоительное извѣстіе прислалъ Никанору 28 іюля и преосвящ. Моисей, письмо котораго любопытно во многихъ отношеніяхъ. „Касающіяся васъ отъ вашихъ братій поношенія,—писалъ преосвященный,—доводятъ васъ до самыхъ мрачныхъ мыслей; вы теперь опасаетесь, чтобы обитель ваша по навѣтамъ многихъ не дошла до раззоренія и уничтоженія потому единственно, что вы теперь рѣшились на столь благое дѣло. Но кто созидаетъ и уничтожаетъ обители? начальство, которое пріемлетъ васъ въ особенное покровительство, имѣя всегда попеченіе о внутреннемъ и внѣшнемъ вашемъ благосостояніи“. Да и кромѣ того мрачныя мысли слишкомъ преждевременны: „всѣми временными выгодами,—читаемъ далѣе,—вы пользуетесь, кажется мнѣ, вполнѣ; во всемъ вы изобилуете, способы къ содержанію себя имѣете достаточные, вклады получаете богатые, молитвенные храмы украшены до возможнаго совершенства; утварь церковная драгоцѣнна; ни въ чемъ у васъ нѣтъ недостатка“[2]). Преосв. Моисей, конечно, отлично понималъ, что всѣ эти „мрачныя мысли“ существуютъ только на бумагѣ, что это не больше, какъ видъ попрошайничества.

Одной изъ послѣднихъ бумагъ Голицына, имѣющей отношеніе къ расколу, было письмо его митрополиту Серафиму отъ 20 мая. Принеся благодарность за архипастырское благословеніе и на-

[1]) Бр. Св. Кр., № 513, 177.
[2]) Ibidem, 176—177.

помнивъ о своихъ двух-лѣтнихъ трудахъ по уменьшенію раскола въ Саратовскомъ краѣ, Голицынъ высказываетъ очень опредѣленно свой взглядъ на мѣры къ подавленію раскола: „Если правительство желаетъ видѣть расколъ пресѣкаемымъ, то необходимо наблюдать такое поведеніе, которые бы могло разувѣрить раскольниковъ въ продолженіи безпредѣльнаго снисхожденія къ нимъ". Въ видѣ примѣра онъ ссылается на дѣло съ вольскимъ старообрядческимъ молитвеннымъ домомъ: „Раскольники, свободно построивъ его, никакъ не хотятъ отступить отъ мнѣнія, что имъ позволено будетъ перенести туда богослуженіе, и нынѣ утруждаютъ о томъ государя императора, несмотря на объявленное имъ высочайшее повелѣніе объ обращеніи сего дома въ церковь единовѣрческую или православную. Такимъ образомъ для успѣха въ дѣлѣ обращенія нужно особенное вниманіе къ представленіямъ губернскаго начальства и даже согласіе на заключенія его, хотя бы они въ нѣкоторомъ отношеніи казались не вполнѣ соотвѣтственными общимъ правиламъ терпимости". Передавъ всѣ эти разсужденія на благоусмотрѣніе митрополита, Голицынъ выражаетъ полную надежду, что „благое содѣйствіе" владыки „упрочитъ ему свободу располагать дальнѣйшими дѣйствіями относительно раскольниковъ сообразно мѣстнымъ обстоятельствамъ"[1]). Неизвѣстно, рѣшился ли митр. Серафимъ помогать полученію согласія свыше на „не вполнѣ соотвѣтствующія общимъ правиламъ терпимости" заключенія Голицына, но Голицыну во всякомъ случаѣ не пришлось воспользоваться этой помощью, ибо онъ скоро уѣхалъ въ отпускъ, а затѣмъ и совсѣмъ оставилъ службу въ саратовской губерніи. Между тѣмъ 27 іюля, по высочайше одобренному докладу св. синода, Воскресенскій монастырь утвержденъ третье-класснымъ; штатъ иноковъ, со включеніемъ настоятеля, опредѣленъ въ 12 человѣкъ[2]). Трудно было надѣяться, чтобы число желающихъ поступить въ новооткрытый монастырь превысило этотъ миніатюрный штатъ: на это не разсчитывалъ и самъ Никаноръ, 24 іюля просившій Герасима отпустить къ нему изъ Высоковскаго скита одного священно-инока съ іеродіакономъ,—„мы, по малому братству,—писалъ онъ,—даже затрудняемся въ выборѣ въ священство изъ среды насъ, а посторонних избрать опасаемся,

[1]) С. И. А., № 11, 408—409.
[2]) Пол. собр. зак., IV, № 3042. 1829 г.

чтобы обрядъ противъ древности въ чемъ-либо не измѣнить“[1]). Въ октябрѣ того же 1829 года обѣ церкви Нижняго монастыря были освящены на выданныхъ архіереемъ древнихъ антиминсахъ. Торжественное освященіе, больше напоминавшее собою погребеніе 66-лѣтняго старца-скита, прошло тихо и грустно; всѣ молча подчинились факту, но никто не радовался ему. Никакихъ безпорядковъ со стороны старообрядцевъ при этомъ не было, благодаря „содѣйствію и наблюденію исправника“, какъ замѣчаетъ іеромонахъ Арсеній[2]). Никаноръ не долго правилъ обителью: 16 марта 1830 года онъ умеръ чуть ли ни водянкой. По духовному завѣщанію свою келію со всѣмъ хранящимся въ ней имуществомъ онъ отказалъ бѣльцу Гавріилу Филипову Грязнову, „ибо онъ мнѣ,—говоритъ завѣщатель,—служилъ со всею вѣрностію и усердіемъ 18 лѣтъ. И за таковую его вѣрную службу прошу и молю всю братію монастыря и будущаго по мнѣ настоятеля не допустить его, Гавріила, никому и ничѣмъ обидѣть“. Особымъ письмомъ къ преосвященному Никаноръ извѣстилъ о своемъ завѣщаніи и просилъ не допускать земскую полицію къ распоряженію остающимся имѣніемъ[3]). Братія монастыря, донося преосвящ. Моисею о смерти своего настоятеля, просила ходатайствовать о назначеніи на его мѣсто священно-инока Платона изъ Высоковской пустыни, который прежде былъ здѣсь инокомъ и доброе поведеніе котораго поэтому хорошо извѣстно. Вмѣстѣ съ этимъ выражалось желаніе, чтобы присланъ былъ еще іеромонахъ и іеродіаконъ съ 4—6 иноками: „въ братіи нашей крайній въ томъ недостатокъ и едва иночествующими можемъ изъ среды своей замѣщать пономарскія должности, ибо нѣкоторые неграмотны, а другіе совершенно престарѣлые“[4]).

Итакъ къ 1830 году кн. Голицынъ сошелъ со сцены. Къ чему же привели его трех-лѣтніе труды по управленію Саратовскимъ краемъ? Почти ни къ чему, или къ очень малому: „при орлиныхъ очахъ князю не доставало орлиныхъ когтей, „сказалъ впослѣдствіи о немъ преосв. Іаковъ и, нужно сознаться, сказалъ совершенно справедливо. Голицынъ понималъ, что для борьбы съ расколомъ совершенно достаточно точнаго соблюденія существующихъ на этотъ предметъ общихъ узаконеній и сепаратныхъ распоряженій, но онъ

[1]) Арх. Нижн. мон., № 6, 8.
[2]) № 3774, 410.
[3]) Арх. Нижн. мон., № 13, 50, 51.
[4]) Ibidem, 52.

не въ состояніи былъ выдержать роль холоднаго, безпристрастнаго блюстителя закона,—онъ волновался, горячился, дѣлался пристрастнымъ и одностороннимъ. Путемъ далеко не чистымъ ему удалось отнять у раскола Нижній монастырь, но никакого практическаго результата это отнятіе само по себѣ не имѣло. Храбрый на бумагѣ и трусливый на дѣлѣ, онъ не сумѣлъ не только уничтожить остальныя иргизскія обители, но даже и вольскій старообрядческій храмъ оставилъ въ рукахъ старообрядцевъ, хотя имѣлъ въ своемъ распоряженіи высочайшее повелѣніе относительно обращенія его въ единовѣрческій или православный. Страхъ предъ волненіемъ умовъ—вотъ что связывало его по рукамъ и ногамъ, вотъ что заставляло по временамъ забывать о престижѣ власти. Этимъ страхомъ и обусловливалась двойственность и недостатокъ послѣдовательности въ его дѣйствіяхъ. Онъ шумѣлъ, кричалъ, грозилъ,—это была его обычная манера „дѣйствовать“; но разъ встрѣчалъ отпоръ, хотя бы только пассивный, онъ тушевался, прятался на задній планъ. Это мы видѣли на Иргизѣ въ его іюньскую поѣздку туда, это же можемъ видѣть и въ Вольскѣ. Даже преосв. Моисей, человѣкъ безусловно мягкій и добрый, былъ недоволенъ его нерѣшительностью и 14 мая 1829 года убѣдительно просилъ Голицына „почтить увѣдомленіемъ“, что думаетъ онъ дѣлать съ вольскимъ храмомъ, напомнивъ при этомъ, что въ силу предписанія св. синода отъ 24 октября 1827 года онъ, Моисей, собственнолично не можетъ приступить ни къ какимъ дѣйствіямъ по обращенію храма этого въ единовѣрческій или православный и обязанъ дожидаться распоряженій гражданскаго начальства. Голицынъ не „почтилъ“, ибо никакихъ распоряженій по этому вопросу не сдѣлалъ[1]). На запросъ министерства по этому же предмету Голицынъ отписывалъ обыкновенно, что онъ „усиленно дѣйствуетъ“ и надѣется скоро „увидѣть достойные усилій своихъ плоды“; когда же плоды эти черезчуръ замедлялись, то онъ начиналъ кивать на Петра, жаловаться на жандармскаго полковника Юренева, который будто бы однимъ вопросомъ своимъ, обращеннымъ къ вольскимъ старообрядцамъ,—„не чувствуютъ ли они отъ мѣстнаго начальства стѣсненія“,—разрушилъ все дѣло[2]). Будь кн. Голицынъ немного поправдивѣе, относись онъ нѣсколько серьезнѣе къ оффиціальнымъ бумагамъ,—онъ никогда не

[1]) С. И. А., № 11, 403.
[2]) Ibidem, 374.

написалъ бы этихъ строкъ, ибо долженъ же былъ понимать, что никакой Юреневъ ничего не могъ разрушить въ Вольскѣ, такъ какъ и „дѣла“ никакого тамъ не было: въ теченіи трехъ лѣтъ, при самомъ безобразномъ административно-полицейскомъ гнетѣ, ему удалось отыскать изъ вольскихъ обывателей только 72 человѣка, согласныхъ на единовѣріе, да и то согласныхъ съ оговорками, которыхъ не принялъ государь. Но оставимъ Вольскъ съ Иргизомъ; быть можетъ, по другимъ мѣстностямъ Саратовскаго края княземъ сдѣлано больше? Увы, нѣтъ! Правда, Голицынъ не давалъ разрѣшенія на постройку новыхъ старообрядческихъ часовенъ и молитвенныхъ домовъ, но въ существующихъ богослуженіе отправлялось, какъ и раньше, безъ всякихъ затрудненій и стѣсненій. Даже въ Саратовѣ, на глазахъ начальства, въ Барановской часовнѣ служили бѣглые священники, хотя и не такъ явно, какъ прежде. На базарѣ въ томъ же Саратовѣ открыто продавались иконы стараго письма; одинъ изъ торговцевъ этимъ товаромъ разсылалъ съ ними прикащиковъ по всѣмъ ярмаркамъ Саратовскаго края и возбраненія нигдѣ не встрѣчалось[1]). Самымъ крупнымъ распоряженіемъ за все время его управленія губерніей нужно признать предписаніе губернскаго правленія отъ 27 февраля 1828 года вольскому земскому суду о наблюденіи за прекращеніемъ разсылки съ Иргиза священниковъ и монаховъ и одновременное съ этимъ предписаніе кузнецкому городничему наблюсти за непріемомъ пришлыхъ „бабъ и дѣвокъ“ въ кельи на дворѣ Серебряковской часовни и за необученіемъ раскольниками грамотѣ дѣтей православныхъ родителей[2]). Отказъ въ прошеніи 554 старообрядцамъ Кормежки, Сухого Отрога, Большого Кушума и Криволучья, хлопотавшимъ чрезъ департаментъ удѣловъ предъ министромъ двора, кн. Волконскимъ, о занесеніи ихъ въ списки раскольниковъ 1811 года, куда они не записались своевременно изъ опасенія „дабы не могло имъ послѣдовать откуда-либо стѣсненія“, послѣдовалъ, благодаря хлопотамъ не Голицына, а преосв. Моисея[3]). Жестоко ошибался преосв. Иринеи, когда въ прощальномъ письмѣ своемъ изъ Пензы, отъ 25 ноября 1828 года, писалъ Голицыну: „Во все время управленія моего церквами саратовской губерніи я имѣлъ душевную радость видѣть, сколько ваше

[1]) Арх. сар. губ. правл., I, 131, № 1122, 4.
[2]) Арх. канц. сар. губерн., 1836, № 96, 3—4.
[3]) С. И. А., № 11, 230—235.

сіятельство озабочивались *умирить* святую церковь съ отпадшими, и безъ сомнѣнія сіе святое предначертаніе ваше вскорѣ, при благодатной помощи свыше, достигнетъ своей цѣли“[1]). Голицынъ не „умирилъ“ церковь съ отпадшими; не миръ, а мечъ принесъ онъ съ собою въ Саратовскій край и,—какъ знать,—быть можетъ, это-то и повредило въ значительной степени благимъ начинаніямъ послѣдующаго времени. Во всякомъ случаѣ отъ зла не рождается добро; ложь и обманъ не могутъ служить на пользу церкви и планъ, построенный исключительно на нихъ, не долженъ быть называемъ „святымъ предначертаніемъ“.

[1]) Ibidem, 320.

ГЛАВА VII.

Губернаторство Рославца.--Пожаръ и перестройка Верхняго монастыря.—Открытіе новыхъ моленныхъ и поправка старыхъ.—Переверзевъ.—Уничтоженіе креста на вольскомъ старообрядческомъ храмѣ.—Возстановленіе Иргиза —Петербургскія распоряженія по этому поводу.—Іаковъ Вечерковъ.—Общество „благочестивыхъ“.—Изученіе Іаковомъ саратовскаго раскола.—Учрежденіе миссіи.—Попытка воздѣйствовать на Иргизъ.—Желаніе подчинить монастыри иргизскіе епархіальной власти.—Осмотръ монастырей Арсеньевымъ.—Его проектъ мѣръ для борьбы съ расколомъ и постановленіе по этому поводу секретнаго комитета.—Безпорядки въ раскольничьихъ общинахъ.—Столкновеніе Іакова съ Переверзевымъ.—Попытка Іакова ввести единовѣріе въ Вольскѣ и Саратовѣ.—Увеличеніе состава миссіи.—Запрещеніе иргизской исправы.—Озлобленіе поповцевъ.—Смѣна Переверзева Степановымъ.—Открытіе въ Заволжьи новыхъ городовъ.—Постановленіе о закрытіи Средняго монастыря.—Пріѣздъ архимандрита Зосимы.—Затрудненіе въ исполненіи высочайшаго повелѣнія о присоединеніи монастыря.—Переполохъ въ Саратовѣ.—Командировка на Иргизъ Зѣвакина.—Пріѣздъ Быкова.—Бунтъ 21-го февраля —Прошеніе иноковъ шефу жандармовъ.—Донесеніе Степанова въ Петербургъ.—Попытка дѣйствовать чрезъ А. П. Сапожникова.—Посылка на Иргизъ Горохова.—„Воззваніе“ Степанова.—Высочайшее повелѣніе.—Посылка въ монастырь Дельвига.—Взятіе монастыря и разгромъ его.—Увольненіе Степанова и пріѣздъ на его мѣсто Бибикова.—Прошеніе старообрядцевъ.—Судъ надъ защитниками монастыря.—Пожары на Иргизѣ.—Гоненіе на бѣглыхъ священниковъ.—Результаты этой мѣры.—Подложные указы.—Стѣсненіе Покровскаго монастыря.—Постановленіе секретнаго комитета объ уничтоженіи мужскаго и женскаго Верхнихъ монастырей.—Исполненіе этого постановленія Фадѣевымъ.—Поѣздка Іакова на Иргизъ.

Въ 1830 году саратовскимъ губернаторомъ назначенъ былъ Викторъ Яковлевичъ Рославецъ. Съ вопросомъ о расколѣ ему пришлось встрѣтиться съ первыхъ же дней своего управленія губерніей. Еще при Голицынѣ, 10 мая 1829 года, въ Верхнемъ монастырѣ случился пожаръ. Послѣ часовъ, когда братія собралась въ трапезу обѣдать, въ деревянной церкви загорѣлась отъ неугасимой лампады предъ образомъ Николая Чудотворца стѣна алтаря. Никѣмъ во-время не замѣченный, пожаръ быстро распространился и когда иноки бросились тушить его—было уже поздно: вся деревянная церковь, крыша и осмерикъ каменный, болѣе половины монастырскихъ келій, часть деревянной ограды и множество иконъ и церковной утвари сдѣлалось добычей пламени. По оцѣнкѣ монаховъ, сгорѣвшая церковь стоила 50.000 руб., иконостасъ въ ней —10.000 руб., колокола—7.340 руб. и разныя строенія—16.000 руб.; церковную утварь и особенно иконы монахи отказались оцѣ-

нить, такъ какъ записей стоимости ихъ не было, и замѣчаютъ только, что большая часть иконъ была въ жемчужныхъ ризахъ съ драгоцѣнными камнями[1]). Рославецъ, къ которому раскольники обратились съ просьбой о разрѣшеніи замѣнить истребленныя огнемъ постройки новыми, возбудилъ въ этомъ смыслѣ ходатайство и комитетъ министровъ 10 іюня 1830 года удовлетворилъ его. Верхній монастырь въ самомъ непродолжительномъ времени обстроился гораздо лучше прежняго; церковь сооружена громадная каменная и снабжена всей утварью и украшеніями съ еще большимъ изяществомъ и богатствомъ, чѣмъ прежде; число келій по счету нѣсколько уменьшилось, но за то вновь устроенныя гораздо помѣстительнѣе[2]). Этимъ снисхожденіемъ новаго губернатора раскольники не замедлили воспользоваться: въ томъ же 1830 году открыты двѣ моленныя въ Мещеряковкѣ, одна—въ Полухинѣ и одна—въ Натальинѣ, балашовскаго уѣзда[3]). Въ Криволучьи, въ часовнѣ, имѣвшей, по словамъ благочиннаго Тимофея Иргизова, „всякую церковную благовидность“, т. е. главы и кресты на крышѣ, богослуженіе начали отправлять публично, даже съ колокольнымъ звономъ. Въ виду этого духовное начальство велѣло было причислить значившихся по спискамъ православными жителей слободы приходомъ къ селу Суховкѣ, но они, „по своей закоснѣлости въ старообрядчествѣ, отреклись отъ этого и убѣжденій никакихъ не слушали“. Консисторія обратилась за „содѣйствіемъ“ къ губернатору, а тотъ перенесъ дѣло въ комитетъ министровъ, который и запретилъ колокольный звонъ, но уставщиковъ преслѣдовать не велѣлъ[4]). Благодушіе новаго губернатора соблазнительно подѣйствовало и на низшихъ чиновниковъ: 12 августа 1830 года благочинный Іоаннъ Іерихонскій донесъ преосвящ. Моисею, что въ Сосновой Мазѣ, хвалынскаго уѣзда, раскольниками перекрыта часовня съ дозволенія исправника Сумарокова. Назначено было слѣдствіе и по нему открылось, что раскольники начали перекрывать съ вѣдѣнія мѣстнаго священника Колоярскаго и самого Іерихонскаго, которому дано за это 60 руб. и пудъ рыбы. Вольское духовное правленіе признало обвиненіе Іерихонскаго лживымъ, ибо „обвиняемый сознанія не учинилъ, а уличается толь-

[1]) С. И. А., № 11, 410—412.
[2]) Дѣла Секр. Ком., Vol. XIV, стр. 1108.
[3]) Арх. консист., 1833, № 697.
[4]) Арх. губерн. правл., I, 80, № 4201, 2—17.

ко раскольниками“[1]). По жалобѣ раскольниковъ дѣло дошло до комитета министровъ, который постановилъ: „оставить часовню въ прежнемъ положеніи“. Государь утвердилъ это постановленіе слѣдующей резолюціей: „Старообрядческую часовню села Сосновой Мазы оставить въ настоящемъ ея положеніи, подтвердивъ строго старообрядцамъ того села, чтобы они впредь отнюдь не осмѣливались сдѣлать въ своей молельнѣ какихъ-либо починокъ и поправокъ, подъ опасеніемъ взысканія по законамъ и уничтоженія самой молельни. Но вмѣстѣ съ тѣмъ поставить на видъ губернскому начальству допущенныя безъ вѣдома его противозаконныя въ сей часовнѣ починки, которыя при строгомъ съ его стороны наблюденіи, конечно, не могли бы быть произведены тѣми старообрядцами самовольно“[2]).

Рославецъ не долго губернаторствовалъ. Въ 1831 году его смѣнилъ Федоръ Лукичъ Переверзевъ, управлявшій Сиратовскимъ краемъ въ теченіи пяти лѣтъ. Переверзевъ напомнилъ раскольникамъ Панчулидзева: если даже не совсѣмъ справедливо утвержденіе, будто онъ „разрѣшилъ всѣмъ желающимъ подавать ему прошенія о зачисленіи въ какую угодно секту“[3]), то во всякомъ случаѣ его благоволеніе къ старообрядцамъ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію,—онъ скрывалъ и защищалъ даже скопцовъ, съ которыхъ саратовская полиція не безъ вѣдома, быть можетъ, его получала ежегоднаго оброка по 1000 рублей[4]). Если онъ въ этомъ отношеніи не превзошелъ Бѣлякова съ Панчулидзевымъ, то тутъ виноваты съ одной стороны условія времени, при которыхъ ему пришлось дѣйствовать, съ другой—оппозиція преосв. Іакова Вечеркова, который 27 марта 1832 года назначенъ былъ на мѣсто Моисея Богданова: не будь этихъ двухъ условій, 1831—1835 годы явились бы для мѣстнаго раскола вторымъ „исправленнымъ и улучшеннымъ“ изданіемъ 1802—1826 годовъ. Начать управленіе Переверзеву пришлось мѣрой противо-раскольничьяго характера: онъ долженъ былъ выполнить постановленіе комитета министровъ, состоявшееся 20 фев-

[1]) Этотъ Іерихонскій, въ 1828 году сдѣлавшійся миссіонеромъ, усиленно обращавшій раскольниковъ въ православіе при преосвящ. Іаковѣ и получившій за это даже скуфью, десять лѣтъ спустя блестяще оправдалъ довѣріе вольскаго духовнаго правленія: онъ бѣжалъ къ раскольникамъ на Донъ, ибо оказался прикосновеннымъ къ дѣлу объ убійствѣ одного татарина (Арх. сар. консист., 1841, № 894).

[2]) Арх. губ. правл., I, 81, № 4640, 10—31.

[3]) № 3774, 394.

[4]) „Чт. въ общ. ист. и др.“, 1873, I, отд. 5, 127.

раля 1830 года по всеподданнѣйшему прошенію вольскихъ старообрядцевъ, которые въ августѣ 1829 года на отрѣзъ отказывались отъ единовѣрія, какъ противнаго „ихъ совѣсти, истекающей отъ самого Бога“, и просили подтвердить разрѣшеніе императора Александра I окончить храмъ и открыть въ немъ богослуженіе: иначе чѣмъ же особенно могли заслужить гнѣвъ государя одни только вольскіе старообрядцы, когда московскіе и другіе свободно молятся въ своихъ храмахъ. Комитетъ министровъ на это прошеніе отвѣтилъ слѣдующей резолюціей: „Не требуя сломки купола и перестройки корпуса новаго ихъ храма, поставить только въ непремѣнную обязанность снять съ онаго главу и крестъ и не имѣть колоколовъ; дозволивъ имъ на семъ основаніи докончить постройку храма и отправлять въ оном богослуженіе, не принимать затѣмъ съ ихъ стороны никакихъ дальнѣйшихъ возраженій“[1]). Это постановленіе комитета министровъ, помимо своей непослѣдовательности и даже противорѣчія предыдущимъ распоряженіямъ правительства, было крупной ошибкой: операція снятія креста произвела сильное впечатлѣніе на вольскихъ старообрядцевъ, но далеко не въ пользу православія. Вотъ какъ описываетъ очевидецъ это событіе: „Тысячи народа наполнили улицы, окна и крыши домовъ и даже на горныхъ лачугахъ виднѣлись человѣческія фигуры. Тутъ были и православные и старообрядцы, почти весь городъ на лицо, даже нарочно пріѣхали изъ ближайшихъ деревень и съ Иргиза. Вотъ Семенъ Кровельщиковъ взбирается по куполу ко кресту. Я боялся и того, что онъ сорвется, и какъ будто желалъ, чтобы это случилось. Я чувствовалъ, какъ сердце мое замирало и мнѣ казалось, что и многотысячная толпа испытывала тоже... Поднялся Семенъ, держась за цѣпь, ко кресту, засучилъ рукава и остановился на минуту безъ движенія; его рука съ пилой безпомощно опустилась. Толпа замерла. О чемъ думалъ Кровельщиковъ въ ту минуту? Двѣ—три секунды и я читаю на всѣхъ лицахъ пониманіе причины бездѣйствія: вѣдь все-жъ таки это крестъ, все-жъ таки это церковь, а Богъ одинъ для всѣхъ... Колебаніе прошло. Пила поднялась и стала подъ угломъ къ главѣ, на которой утвержденъ былъ крестъ. Вижу будто сейчасъ, какъ сотни и тысячи рукъ благоговѣйно слагались, глаза наполнялись слезами и колѣна сами собой

[1]) Арх. канц. губерн., вяз. 5, № 3, 10—11; Ниж. сем. библ., № 3774, 308.

подгибались; и теперь еще вижу я, какъ на изстрадавшихся лицахъ пожилыхъ людей, на грустныхъ физіономіяхъ молодыхъ дѣвушекъ бѣгутъ или катятся слеза за слезой и капаютъ на землю, на которой нѣсколько тысячъ народа стояло на колѣнахъ и благоговѣйно, вѣрующе устремляло свои руки къ спиливавшемуся кресту. А въ ушахъ у каждаго раздавалось холодное жжигъ, жжигъ, жжигъ, какъ будто души присутствовавшихъ разомъ распиливались той же пилой. Я въ жизнь мою не видалъ картины болѣе глубоко грустной, болѣе многодумной... Крестъ спиленъ, подвязанъ на веревку и помощью блока начали спускать его на землю. Тутъ я совсѣмъ растерялся. Общій стонъ и плачъ, обмороки съ женщинами, своя гнетущая скорбь измучили меня нравственно и физически до полнѣйшаго отупѣнія. Я смотрѣлъ и ничего не видѣлъ, старался понять происходящее вокругъ меня что-то ужасное и не могъ. Я сталъ человѣкомъ, который отъ тяжести переживаемаго имъ момента потерялъ способность къ дальнѣйшему воспріятію впечатлѣній. Мнѣ кажется, что живи я сотни лѣтъ, а видѣнная картина никогда не исчезнетъ изъ моихъ глазъ“[1]). Люди, пережившіе эту горькую для вѣрующей души минуту,—а такихъ были тысячи,—конечно, на весь свой вѣкъ затаили въ душѣ ненависть къ никоніанству, такъ наругавшемуся надъ ихъ святыней. Уничтоженіе креста на вольскомъ храмѣ—это одна изъ тѣхъ побѣдъ православія, которыя по своимъ послѣдствіямъ стоили ему дороже пораженія.

Преувеличенные, искаженные слухи о принятіи единовѣрія Нижнимъ монастыремъ быстро облетѣли всю Русь: такъ поселенецъ Голованов письмомъ изъ Усть-Каменогорска, отъ 20 марта 1830 года, спрашивалъ настоятеля Средняго монастыря, Корнилія, дѣйствительно ли на Иргизѣ, за исключеніемъ Нижняго монастыря, все осталось по старому? „Нынѣшній годъ,—писалъ онъ,—весь народъ въ великомъ обуреваніи и совсѣмъ повѣрили, что всѣ Иргизскіе монастыри приняли благословенное священство и отступили отъ своего правила“. Благодаря этимъ слухамъ, собранная въ тамошней мѣстности милостыня на монастырскія нужды, до 2000 рублей, была задержана отправкой на Иргизъ до выясненія обстоятельствъ[2]). Въ отвѣтъ на такія недоумительныя письма изъ монастырей летѣли разъясненія и увѣренія, что благочестіе хранится во всѣхъ четырехъ

[1]) Сар. Сборн., I, отд. I, 62—63.
[2]) Арх. канц. губерн., вяз. 12, № 3, 1.

обителяхъ свято и ненарушимо, что голицынская гроза пронеслась мимо и настала ослаба послѣ тяжелаго гнета. Разсылать эти увѣдомленія было тѣмъ необходимѣе, что недоумѣніе, вызванное превратными слухами, наносило, какъ показано сейчасъ, матеріальный ущербъ монастырямъ. И радовались старообрядцы за иргизскихъ ревнителей благочестія, трудниковъ о Христѣ, не послѣдовавшихъ примѣру Никанора съ его 13 единомышленниками, радовались и ослабѣ административнаго ярма, слали на Иргизъ пожертвованія, слали и новыхъ подвижниковъ. Иргизъ быстро ожилъ. Если при Голицынѣ оттуда десятками уходили иноки и бѣльцы, то теперь еще большими толпами приливали новые насельники. Монастырскія кельи, особенно въ женскихъ монастыряхъ, скоро были переполнены пришельцами. Ничего не видѣлъ и молчалъ вольскій исправникъ, ничего не видѣло и молчало губернское начальство. Однако шумъ пестрой толпы иргизскихъ иноковъ и помимо губернскаго начальства дошелъ до Петербурга и въ секретномъ комитетѣ вопросъ объ Иргизѣ опять выступилъ на первый планъ. Тамъ вспомнили представленіе кн. Голицына въ министерство съ предложеніемъ считать Иргизскіе монастыри существующими только въ продолженіи жизни иноковъ, указанныхъ въ реестрѣ, приложенномъ при указѣ 1797 года объ избавленіи ихъ отъ рекрутской повинности, а по смерти ихъ всѣ земли и имущество монастырское взять въ казну. Въ засѣданіи 15 января 1832 года члены секретнаго комитета нашли „мѣру сію полезною и могущею содѣйствовать къ искорененію раскола, но, для приведенія ея въ исполненіе сколь можно съ большей осторожностью, нашли нужнымъ предварительно получить секретно, чрезъ министерство внутреннихъ дѣлъ, отъ саратовскаго губернатора свѣдѣніе: сколько теперь состоитъ на лицо при означенныхъ монастыряхъ иноковъ, съ показаніемъ ихъ лѣтъ, и собственно тѣхъ, которые были поименованы въ реестрѣ, обративъ вниманіе губернатора, нѣтъ ли между наличными и такихъ, кои приняли имена умершихъ иноковъ, въ реестрѣ означенныхъ, и потомъ уже постановить заключеніе о тѣхъ монастыряхъ, которые могутъ остаться пустыми“[1]). Переверзевъ представилъ требуемые списки наличныхъ жителей монастыря. Разсмотрѣвъ эти списки, секретный комитетъ 2 мая 1833 года нашелъ, что по пра

[1]) Дѣла Секр. Ком., Vol. VI, стр. 568—569.

ву находятся въ монастырѣ только три инока, числящіеся въ реестрѣ 1797 года, но что насильственное удаленіе изъ монастырей остальныхъ жителей можетъ быть принято за гоненіе на монастыри; поэтому рѣшилъ чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ предложить саратовскому губернатору со всей строгостью соблюдать существующія постановленія по части раскола, а саратовскому архіерею внушить секретно, чрезъ митр. Серафима, чтобы онъ обратилъ особенное вниманіе на Иргизъ и сообразилъ на мѣстѣ, нельзя ли Средне-Никольскій монастырь, въ которомъ не осталось ни одного инока 1797 года, присоединить къ обращенному уже въ единовѣріе Воскресенскому? Государь утвердилъ это постановленіе[1]).

Министръ внутреннихъ дѣлъ, какъ будто не надѣясь на точность доставленныхъ Переверзевымъ свѣдѣній, командировалъ для осмотра Иргиза члена совѣта министерства, статскаго совѣтника Арсеньева. Кромѣ этого 21 мая министерство предложило Переверзеву составить тщательную перепись всѣхъ жителей монастыря, съ описаніемъ точныхъ примѣтъ каждаго лица, такъ чтобы нельзя было одно лицо прикрыть другимъ и подъ однимъ ангельскимъ именемъ прятать нѣсколько именъ мірскихъ. Вновь селиться въ монастыряхъ запрещалось безусловно, за женскими обителями предписывалось слѣдить внимательно и женщинъ, „кои изобличены будутъ въ распутствѣ“, немедленно отсылать на фабрики или въ Сибирь на поселеніе. Къ довершенію всего сообщалась воля государя императора „войти въ разсмотрѣніе, не удобнѣе ли будетъ для надзора за монастырями опредѣлить туда постояннаго полицейскаго чиновника съ нѣсколькимъ числомъ служителей подобно тому, какъ сдѣлано уже для обузданія раскольниковъ въ Судиславлѣ и посадѣ Сольцахъ“. Губернаторъ затребовалъ свѣдѣнія о штатѣ полицейскихъ чиновниковъ, назначенныхъ для наблюденія за судиславльскими раскольниками, отъ костромскаго губернатора. Тотъ далъ свѣдѣнія, но о высочайше утвержденныхъ правилахъ для судиславльской богадѣльни, въ виду того что они объявлены ему секретно, отказался сообщить что-либо. Переверзевъ нашелъ, что послѣдовать примѣру Судиславля дѣйствительно будетъ „удобнѣе“, и предложилъ завесть особаго чиновника, при которомъ должны состоять трое разсыльныхъ и письмоводитель, съ тѣмъ чтобы онъ жилъ въ Среднемъ

[1]) Ibidem, стр. 794, 796, 806.

монастырѣ, какъ наиболѣе центральномъ, и оттуда слѣдилъ за всѣми обителями. Расходъ на этотъ предметъ исчислялся въ 1550 рублей (750 руб. чиновнику, 300 руб. письмоводителю, по 120 руб. троимъ разсыльнымъ и 140 руб. на канцелярскіе расходы), при чемъ квартира должна быть отъ монастырей[1]). Этотъ проектъ не прошелъ въ министерствѣ, такъ какъ тамъ приняты были предложенія Арсеньева. Но еще прежде полученія изложеннаго предложенія министерства Перевзерзевъ отправилъ въ Петербургъ 19 апрѣля 1833 года дополнительное донесеніе къ представленному нѣсколько раньше со спискомъ иргизскихъ жителей. Въ этомъ донесеніи онъ писалъ, что въ началѣ августа предыдущаго года „лично былъ въ Иргизскихъ монастыряхъ и, разсмотрѣвъ всѣ виды проживавшихъ тамъ иноковъ, не нашелъ ни одного подставного лица въ подмѣну первыхъ, водворившихся тамъ старообрядцевъ. Не довѣряя однимъ симъ доказательствамъ и видя, что всѣ иноки происходятъ изъ купечества, мѣщанъ, казенныхъ и удѣльныхъ крестьянъ или изъ отставныхъ казаковъ, вступалъ нарочито въ разговоры съ ними о мѣстѣ рожденія первыхъ и о походахъ послѣднихъ. Изъ отвѣтовъ ихъ удостовѣрился въ правильности представленныхъ видовъ и въ количествѣ объявленныхъ каждымъ лѣтъ. О недопущеніи же безпаспортныхъ людей къ жительству въ монастыряхъ и о несовращеніи изъ православія въ старообрядческую ересь сдѣланы мною строгія приказанія какъ настоятелямъ монастырей и инокамъ, такъ и земскому исправнику, который всякій разъ въ проѣздъ въ монастыри и таволжанскую волость обязанъ провѣрять въ монастыряхъ сихъ заведенныя для записи всѣхъ живущихъ и временно пріѣзжающихъ въ монастыри сіи книги“. Далѣе прибавляетъ, что „нашелъ тамъ весьма многихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ донского и уральскаго казачьяго войска, по старообрядству своему прибывающихъ туда цѣлыми семействами для говѣнья и пріобщенія св. таинъ“[2]). Къ чему привела вся эта переписка—увидимъ немного дальше, а пока посмотримъ, къ какимъ выводамъ относительно саратовскаго раскола пришелъ саратовскій епископъ и Арсеньевъ. Начну съ перваго.

Въ ряду духовныхъ дѣятелей противъ раскола саратовскому

[1]) Арх. канц. губерн., вяз. 15, № 7, 239—241, 378, 381.
[2]) Ibidem, 21—22.

епископу тридцатыхъ годовъ, преосвящ. Іакову, принадлежитъ одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ. Для знакомства съ нимъ въ нашей литературѣ есть двѣ книжки: „*Преосвящ. Іаковъ, архіепископъ Нижегородскій и Арзамасскій*“, іеромонаха Макарія (Москва, 1858) и „*Разсказъ очевидца о дѣйствіяхъ преосв. Іакова по обращенію раскольниковъ Саратовской губерніи съ 1832 до 1839 года*“, неизвѣстнаго автора (Спб., 1862); но ни одно изъ этихъ сочиненій не даетъ полнаго представленія ни о личности, ни о дѣятельности этого достопамятнаго архипастыря за время управленія имъ саратовской епархіей. Причину, вѣроятно, нужно искать въ томъ, что „Очевидецъ“ разсматриваетъ его дѣятельность эпизодически, сообщая факты изъ нея, насколько они оказались доступны его пониманію, безъ всякой связи съ послѣдующимъ временемъ, а іеромонахъ Макарій описывалъ эту дѣятельность заглазно, по разсказамъ келейниковъ и послушниковъ, и потому наговорилъ въ общемъ выводѣ больше теплыхъ, сочувственныхъ словъ, чѣмъ дѣла. Правда, у обоихъ авторовъ фигура Іакова выходитъ и внушительна и симпатична, но этихъ качествъ не лишится она и при болѣе строгой, болѣе согласной съ требованіями исторической правды, оцѣнкѣ. Въ настоящей, равно какъ и въ слѣдующей, главѣ я дамъ матеріалы, представлю факты для надлежащаго пониманія личности и дѣятельности преосв. Іакова, а затѣмъ сдѣлаю общій выводъ изъ этихъ фактовъ, произведу оцѣнку его противораскольничьихъ трудовъ.

Къ 1832 году, ко времени пріѣзда въ Саратовъ преосв. Іакова, здѣсь образовалось „общество благочестивыхъ“, поставившее цѣлью борьбу съ расколомъ. Во главѣ общества стоялъ мѣстный портной Пономаревъ; въ составъ входили: мѣщанинъ С. Я. Чекеневъ, купецъ Л. И. Залетновъ, купцы В. И. Крюковъ, Ф. И. Курбатовъ, Усовъ, обращенный ими же изъ раскола, Бакуровъ, мѣщанинъ П. А. Солоховъ и нѣкоторые другіе, всего до 30 человѣкъ. Далѣе къ обществу или „братству“ примкнули: членъ консисторіи прот. И. С. Крыловъ, священникъ М. С. Чердынскій, священникъ И. Родіоновъ и учителя духовнаго училища, іеромонахи Іоаннъ и Гурій. Стояли въ сношеніяхъ съ „благочестивыми“ и нѣкоторые изъ семинаристовъ старшаго отдѣленія. Преосв. Іаковъ скоро познакомился съ членами братства, принималъ ихъ безъ всякихъ формальностей во всякое время; неоднократно и самъ призывалъ того

или другого изъ нихъ къ себѣ для полученія различныхъ свѣдѣній, а иногда давалъ имъ и порученія по дѣламъ раскола. Сойдясь съ братствомъ, Іаковъ занялся подготовленіемъ и самого себя къ миссіонерской дѣятельности. Съ этой цѣлью онъ завелъ у себя ежедневныя вечернія собранія, на которыхъ присутствовали обыкновенно двое изъ членовъ братства, Іоаннъ и Гурій, и протоіерей Матѳей Миртовскій. Здѣсь шли собесѣдованія и цѣлые ученые диспуты относительно спорныхъ съ раскольничьей точки зрѣнія вопросовъ[1]). П. И. Мельниковъ въ своихъ „*Матеріалахъ для исторіи хлыстовской и скопческой ереси*“ передаетъ, что близкія сношенія Іакова съ „благочестивыми“, которыхъ въ Саратовѣ многіе принимали за особаго рода сектантовъ, смущали нѣкоторыхъ и заставляли дивиться, „какъ это такой строгій ко всѣмъ вообще сектантамъ преосв. Іаковъ втайнѣ бесѣдуетъ съ послѣдователями мнимой секты и вообще оказываетъ имъ знаки особаго милостиваго расположенія“. Особенно возставалъ противъ нихъ соборный протоіерей Гавріилъ Чернышевскій. Онъ былъ человѣкъ обширнаго ума, хитрый и чрезвычайно честолюбивый. Долгое время присутствовалъ онъ въ саратовской консисторіи и нажилъ большое состояніе при прежнемъ епископѣ, пользовался его благорасположеніемъ, но довѣріемъ преосв. Іакова не пользовался. Чернышевскій послалъ доносъ о мнимой сектѣ, прибавивъ, что ей покровительствуетъ преосв. Іаковъ. Потребовано было отъ епископа объясненіе и онъ оградилъ братство, объяснивъ св. синоду цѣль его и образъ дѣйствій. Епископу предоставлено было сдѣлать взысканіе съ Чернышевскаго за ложный доносъ, но преосв. Іаковъ, по кротости и смиренномудрію, не хотѣлъ дѣлать непріятности доносчику, такъ что тотъ едва ли и зналъ о послѣдствіяхъ своего доноса. Въ безсильной злобѣ прот. Чернышевскій сталъ противодѣйствовать членамъ братства въ дѣлѣ обращенія раскольниковъ, сблизившись съ полиціймейстеромъ Евреиновымъ и, при его помощи, а также и при содѣйствіи губернатора Переверзева, дѣлалъ миссіонерамъ разныя непріятности, разумѣется, втайнѣ отъ преосвященнаго“[2]). Оставляя этотъ разсказъ на отвѣтственности автора, считаю долгомъ замѣтить, что едва ли сколько-нибудь заслуживаетъ довѣрія отзывъ его о Чернышевскомъ: въ Саратовѣ живы еще люди, которые лично знали

[1]) „Разск. очевидца“, 30—37, 47, 50.
[2]) „Чтенія въ общ. ист. и др.“, 1873, I, отд. 5, 147.

Чернышевскаго, и всѣ они въ одинъ голосъ говорятъ, что это былъ человѣкъ не только замѣчательнаго ума, но и замѣчательной честности; пробывъ десятки лѣтъ членомъ консисторіи и цѣлую четверть вѣка городскимъ благочиннымъ, онъ не нажилъ никакого состоянія, кромѣ плохонькаго домишка, хотя жилъ очень скромно. Если даже не вѣрить этимъ показаніямъ, то необходимо обратить вниманіе на то обстоятельство, что преосвящ. Іаковъ, очень ревниво относившійся къ своей власти и по натурѣ неспособный поощрять доносчиковъ, всегда высоко цѣнилъ прот. Чернышевскаго и въ теченіи всѣхъ 15 лѣтъ своего управленія саратовской епархіей держалъ его около себя.

Благодаря сближенію съ братствомъ, Іаковъ очень быстро ознакомился съ состояніемъ раскола по епархіи; чрезъ посредство тайныхъ агентовъ братства въ архіерейской келіи было извѣстно все, что творилось по самымъ отдаленнымъ уголкамъ раскольничьяго міра въ Саратовскомъ краѣ[1]): никакой буеракъ или трущоба съ подземными кельями и потайными выходами не могли скрыть отъ него разыскиваемаго бѣглаго попа; никакими деньгами не могъ откупиться тотъ или другой расколоучитель, когда нужно было предать его суду[2]). Но еще быстрѣе ознакомленія съ расколомъ столкнулся онъ съ администраціей, безъ содѣйствія которой всѣ его „благочестивые“, не исключая и дамъ [въ числѣ агентовъ у него были между прочимъ: камышинская мѣщанка Елена Серебрякова, занимавшаяся отыскиваніемъ и устраиваніемъ ловушекъ для разныхъ раскольничьихъ старицъ[3]), и болтуновскій крестьянинъ Суконцевъ, которому особой резолюціей преосвященнаго рекомендовалось „бесѣдовать съ раскольниками для обращенія ихъ въ нѣдра православныя церкви“[4]], не могли и шага ступить: для миссіонерскаго въ полномъ смыслѣ этого слова труда они въ большинствѣ случаевъ не были приспособлены и обра-

[1]) Какъ скоро и какъ издалека доходили до пр. Іакова новости изъ міра раскола—лучше всего свидѣтельствуетъ слѣдующій случай, передаваемый Мелниковымъ: изъ журнала московскаго совѣщательнаго о раскольникахъ комитета, 28 іюня 1837 года, видно, что Іаковъ увѣдомилъ московскаго викарія, управлявшаго епархіей за отсутствіемъ митр. Филарета, жившаго тогда въ Петербургѣ для присутствованія въ св. синодѣ, о „великомъ рогожскомъ соборѣ и о приведеніи рогожскимъ попомъ Иваномъ Матвѣевымъ Ястребовымъ къ присягѣ московскихъ старообрядцевъ на вѣрность расколу“ („Рус. Вѣст.“, 1866, № 5, 53).

[2]) „Разск. очевидца“, 53.

[3]) Арх. конст., 1838, № 2549, 6; сн.: Собр. пост., по вѣд. св. син., II, 328.

[4]) С. И. А., Карт. А, № CXXIX, л. 110.

щать въ православіе безъ полиціи совсѣмъ не умѣли. „Гдѣ не могъ дѣйствовать онъ самъ,—говоритъ іеромонахъ Макарій,—тамъ дѣйствовали миссіонеры, имъ ободряемые; гдѣ не могла имѣть вліянія власть духовная, тамъ прибѣгалъ онъ къ покровительству власти гражданской“[1]), и если,—продолжу словами „Очевидца“,—„въ губернаторѣ Переверзевѣ встрѣтилъ значительныя препятствія и затрудненія въ исполненіи своего намѣренія“[2]), за то правой рукой и дѣятельнымъ помощникомъ былъ для него жандармскій подполковникъ П. И. Быковъ, объ оставленіи котораго въ Саратовѣ, когда его „по нѣкоторымъ, весьма уважительнымъ, обстоятельствамъ службы“ хотѣли перевесть въ Могилевъ, онъ даже весьма успѣшно ходатайствовалъ предъ гр. Бенкендорфомъ[3]). Въ 1835—1836 годахъ Іаковъ встрѣтилъ сочувствіе и помощь въ лицѣ полиціймейстера Демостико, который, ревнуя о православной церкви и „употребляя всѣ мѣры“, обращалъ въ православіе разныхъ солдатокъ[4]).

Однимъ изъ первыхъ самостоятельныхъ шаговъ Іакова было разрѣшеніе дмитріевскимъ священникамъ, по призывамъ двоенскихъ раскольниковъ, аткарскаго уѣзда, совершать крещеніе младенцевъ и браки, пріобщать больныхъ, отпѣвать умершихъ и провожать тѣла ихъ на кладбище съ пѣніемъ „Святый Боже“. Исторія этой мѣры такова. Въ 1827—1828 гг. изъ числа двоенскихъ крестьянъ 338 человѣкъ совратились въ расколъ. Для увѣщанія ихъ командированы были протоіерей Василій Турковскій и священникъ Савва Трофимовъ, но они не имѣли никакого успѣха и пропаганда раскола шла своимъ путемъ. Преосвященный Іаковъ, по вступленіи въ управленіе епархіей, поручилъ увѣщевать совратившихся прот. Матѳею Миртовскому и обратился въ то же время къ управлявшему губерніей съ просьбой о возбужденіи противъ нихъ уголовнаго преслѣдованія. Послѣдній 20 ноября 1832 года увѣдомилъ архіерея, что расколъ въ Двоенкахъ существуетъ съ давнихъ поръ и что приходское духовенство этой деревни, видя упорство раскольниковъ, отказывается совершать у нихъ всякія христіанскія требы. Въ виду этого управлявшій губерніей полагалъ необходимымъ приказать духовенству не прекращать требоотправленія въ Двоенкахъ. Пре-

[1]) Макарій. „Іаковъ, архіеп. Нижег.“, 37.
[2]) „Разск. очевидца“, 54.
[3]) № 3774, 401.
[4]) Арх. консист., 1836, № 1068.

освященный согласился съ этимъ мнѣніемъ, находя, что предлагаемое средство способно постепенно сблизить раскольниковъ съ православіемъ и отклонить ихъ отъ обращенія за требоисправленіями къ бѣглымъ попамъ, и предположилъ распространить эту мѣру и на прочіе приходы епархіи. Св. синодъ, разсмотрѣвъ ходатайство его въ этомъ смыслѣ, 23 февраля—17 марта 1833 года постановилъ: распоряженія архіерея о крещеніи младенцевъ православными священниками у раскольниковъ не отмѣнять, но съ условіемъ, чтобы крещенія эти были занесены въ метрическія книги; „что же касается до таинствъ, совершаемыхъ надъ взрослыми, и наипаче до св. причащенія, то предписать преосвященному, что допускать къ оному раскольниковъ можно только по присоединеніи ихъ къ церкви установленнымъ образомъ“[1]). Видя неудачу этого плана, преосвященный задумалъ учредить въ саратовскихъ предѣлахъ противораскольничью миссію. Онъ совершенно основательно нашелъ, что оффиціальная миссія можетъ дѣйствовать несравненно вѣрнѣе и прямѣе, чѣмъ негласное „общество благочестивыхъ“, и возбудилъ въ синодѣ соотвѣтственное ходатайство. Оберъ-прокуроръ Нечаевъ сочувственно отнесся къ этому ходатайству и доложилъ государю, что въ виду успѣшныхъ дѣйствій пермской миссіи полезно учредить таковую же и въ саратовской губерніи, „какъ въ такомъ краѣ, гдѣ, по бывшей отдаленности архіерейской каѳедры, расколы преимущественно умножались“. Центральнымъ пунктомъ миссіи онъ предложилъ избрать единовѣрческій иргизскій монастырь, такъ какъ „съ сей твердой точки представляется большая удобность дѣйствовать на всю обширную окрестность“, или Вольскъ, гдѣ „начинается нѣкоторое колебаніе въ умахъ раскольниковъ“. На этотъ докладъ Нечаева 19 августа 1833 года послѣдовала высочайшая резолюція: „Согласенъ, но быть какъ въ дѣйствіяхъ, такъ и въ выборѣ миссіонеровъ крайне осторожнымъ“[2]). Начальникомъ миссіи, по словамъ „Очевидца“, Іаковъ назначилъ Миртовскаго, который принялъ монашество съ именемъ Моисея, а помощниками ему—бывшаго протоіерея пензенскаго каѳедральнаго собора, Павла Архангельскаго, теперь іеромонаха Палладія, и священника Петропавловской церкви въ Саратовѣ, Исидора Родіонова (Атаевскаго).

[1]) Собр. пост., по вѣд. св. син., II, 251—254; сн.: Указъ св. синода 24 мая 1833, № 3561.

[2]) Собр. пост., по вѣд. св. син., II, 256—257.

Моисей и Палладій скоро сдѣлались главными двигателями миссіи[1]),— впрочемъ, вѣроятно, не гласными, потому что въ послужномъ спискѣ Палладія объ этомъ ни полслова не упоминается, хотя онъ несомнѣнно былъ въ числѣ оффиціальныхъ миссіонеровъ, по крайней мѣрѣ, въ 1836 году[2]). По рапорту Іакова синодъ 20 декабря 1833—23 февраля 1834 г. утвердилъ въ должности миссіонеровъ изъ представленныхъ кандидатовъ двоихъ—священника саратовской Срѣтенской церкви, Исидора Атаевскаго, и вольской Покровской церкви—Евфимія Дьяконова, предоставивъ преосвященному командировать ихъ, куда будетъ признано наиболѣе полезнымъ. Сверхъ прогоновъ до мѣста назначенія и обратно, велѣно выдать миссіонерамъ по 500 рублей на каждаго въ единовременное пособіе и для большаго успѣха миссіонерской дѣятельности—дать право миссіонерства архимандриту Воскресенскаго единовѣрческаго монастыря Платону, насколько позволяютъ ему прямыя обязанности по управленію обителью. Затѣмъ предписывалось Іакову „всемѣрно побуждать“ саратовскихъ и вольскихъ городскихъ священниковъ къ тщательному исполненію своихъ обязанностей въ обращеніи раскольниковъ, а предъ министромъ внутреннихъ дѣлъ рѣшено хлопотать о содѣйствіи гражданской власти[3]). Статсъ-секретарь Блудовъ, управлявшій въ это время министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, согласился исполнить желаніе синода и поручилъ Переверзеву вмѣнить въ непремѣнную обязанность полиціямъ, чтобы по прибытіи миссіонеровъ въ какую-либо мѣстность немедленно объявляемо было раскольникамъ объ этомъ прибытіи и чтобы полиціи имѣла внимательное наблюденіе относительно недѣланія вліятельными раскольниками препятствій миссіонерамъ[4]). Саратовская консисторія, журнальнымъ постановленіемъ своимъ отъ 23 марта 1834 года по поводу синодальнаго указа объ открытіи въ Саратовскомъ краѣ миссіи, разрѣшила Дьяконову и Атаевскому крестить раскольничьихъ младенцевъ, „по желанію родителей, безъ всякихъ другихъ разбирательствъ, поелику младенецъ до крещенія такъ же не принадлежитъ къ расколу, какъ и къ церкви“. Къ прочимъ таинствамъ дозволялось принимать раскольниковъ не иначе, какъ по присоединеніи къ православной церкви безусловно или, по

[1]) „Разск. очевидца“, 52.
[2]) С. И. А., Карт. А, № CXXIX, л. 111.
[3]) Собр. пост., по вѣд. Св. Син., II, 265—266.
[4]) „Дѣло“, 1872, № 4, 296.

крайней мѣрѣ, на правилахъ единовѣрія. Миссіонеры снабжены были книгами, писанными въ обличеніе раскола (консисторія предполагала дать имъ „*Розыскъ*“, „*Наставленія, какъ правильно состязаться съ раскольниками*“, „*Отвѣты*“ преосвященнаго Никифора и другія, какія только „отыскать можно будетъ въ книжной лавкѣ или церковныхъ библіотекахъ“), и нѣкоторыми старопечатными,—эти послѣднія заимствовались изъ библіотеки единовѣрческаго монастыря. Кромѣ того преосв. Іаковъ пожертвовалъ миссіонерамъ и нѣсколько книгъ этого рода изъ собственной—довольно богатой—библіотеки. О дѣйствіяхъ своихъ и встрѣчающихся затрудненіяхъ миссіонеры обязывались еженедѣльно рапортовать преосвященному. То же самое предписано и архимандриту Платону для дѣйствій по миссіи въ Вольскѣ, Хвалынскѣ, въ раскольничьихъ монастыряхъ и окружающихъ Воскресенскій монастырь селеніяхъ, особенно же въ Криволучьи. „Для перваго опыта“ Атаевскій былъ откомандированъ въ концѣ марта этого года съ миссіонерскими цѣлями въ Дмитріевку, Монастырское и Шереметевку аткарскаго уѣзда, а Дьяконовъ —въ Мечетную, Широкое, Каменку, Давыдовку и Пузановку вольскаго уѣзда и Селитьбу хвалынскаго уѣзда, съ обязательствомъ, впрочемъ, заглянуть и въ другія селенія этихъ уѣздовъ, гдѣ есть раскольники и гдѣ миссіонеры признаютъ нужнымъ быть. Срокъ командировки назначался полугодичный[1]).

Съ разрѣшенія синода, Іаковъ вошелъ въ сношенія по дѣламъ миссіи съ Аркадіемъ пермскимъ, прося его сообщить свѣдѣнія о составѣ миссіи въ предѣлахъ пермской епархіи и о способахъ ея дѣятельности[2]). Преосв. Іаковомъ дана была слѣдующая инструкція оо. миссіонерамъ: „1) Въ дѣлѣ обращенія раскольниковъ всю надежду полагать на Господа Бога и Его непрестанно призывать въ помощь; 2) дѣйствовать осторожно, не торопясь, кротко и съ любовью; 3) имѣть между собой согласіе, любить и помогать другъ другу совѣтами и молитвой; 4) въ проѣздъ по епархіи не быть никому въ тягость; 5) не унывать при неуспѣхѣ отъ первой проповѣди, но продолжать оную съ терпѣніемъ; 6) отъ мѣста къ мѣсту, гдѣ имѣются раскольники, не спѣшить слишкомъ, но стараться

[1]) Журн. сар. конс. 23 мар. 1834, № 5. (Засвидѣтельствованная копія имѣется въ Сар. Ист. Архивѣ).
[2]) „Сар. епарх. Вѣд.“, 1880, № 1.

посѣять и укоренить слово истины въ одномъ мѣстѣ, а потомъ отправляться въ другое; 7) бесѣдовать со старообрядцами и въ частности и вообще, смотря по обстоятельствамъ, но всячески избѣгать случаевъ, могущихъ безпокоить или затруднить полицію, и не обнаруживать нигдѣ своего властительства; 8) ежемѣсячно рапортовать о своихъ дѣйствіяхъ, а въ случаяхъ нужныхъ немедленно увѣдомлять". Позже эта инструкція была дополнена еще двумя пунктами: 1) чтобы миссіонеры доводили до свѣдѣнія архіерея о лицахъ, споспѣшествующихъ дѣлу миссіи и неблагопріятствующихъ, и 2) не позволяли бы себѣ брать ни отъ кого и никакихъ подарковъ въ проѣздѣ по епархіи[1]).

Независимо отъ миссіонеровъ, Іаковъ въ первые годы управленія саратовской епархіей и самъ очень часто посѣщалъ мѣстности съ густымъ старообрядческимъ населеніемъ, бесѣдовалъ съ раскольниками, убѣждалъ и склонялъ ихъ лично и чрезъ другихъ лицъ къ переходу въ православіе или единовѣріе. Такъ въ іюлѣ 1833 года онъ былъ въ Вольскѣ, судя по письмамъ его къ митрополиту Серафиму петербургскому, съ исключительной цѣлью „болѣе ознакомиться съ раскольниками и поговорить съ ними о присоединеніи къ церкви"[2]). Въ началѣ этого года, какъ видно изъ того же письма, онъ посылалъ въ Иргизскіе монастыри „на благословеніе иконы греческаго письма и жизнеописаніе святителя Митрофана. По сему случаю въ Иргизскихъ монастыряхъ былъ соборъ и вслѣдствіе онаго Верхній мужской монастырь принялъ книгу „Жизнеописаніе святителя Митрофана", Верхній женскій—принялъ икону, а Средніе монастыри, мужскій и женскій, принять иконъ не согласились и говорили настоятелю иноки, что они оставятъ монастырь, если будетъ принята икона". Тогда Іаковъ поручилъ ближайшему къ монастырямъ благочинному, „человѣку любимому раскольничьими монахами", предложить настоятелю Верхняго монастыря принять единовѣріе съ обѣщаніемъ оставить его начальникомъ и сохранить монастырю всѣ угодья. Интересенъ конецъ этого письма къ митр. Серафиму: „Не столько опасаюсь раскольническаго фанатизма, сколько раскольническихъ денегъ. Не ученіе раскольничье умножаетъ и утверждаетъ расколъ, а деньги"[3]). Получивъ отъ митрополита Сера-

[1]) Указы сар. конс. 18 сент. и 1 окт. 1835, №№ 6117, 6427.
[2]) Дѣла Секр. Ком., Vol. XIV, стр. 1059.
[3]) Ibidem, 1057—1058.

фима запросъ о Среднемъ монастырѣ, Іаковъ отправился на Иргизъ лично. Въ селеніяхъ, окруженныхъ раскольниками, онъ освятилъ между прочимъ двѣ церкви и отправлялъ въ нихъ архіерейское служеніе, а затѣмъ заглянулъ и въ самые монастыри. Въ Среднемъ его не приняли, но въ Верхнемъ оставили даже переночевать. Настоятель Силуанъ принялъ его лично съ большимъ уваженіемъ, но на вторичное, теперь уже устное, предложеніе перейти въ единовѣріе отвѣчалъ отказомъ: „еще не время говорить объ этомъ, ибо братія ни за что не согласится“, возразилъ онъ преосвященному. По возвращеніи изъ-за Волги, Іаковъ попросилъ Переверзева, 25 октября 1833 года, переслать Силуану въ Верхній и Корнилію въ Средній монастыри „Записку“ объ астраханской плащаницѣ[1]), съ содержаніемъ которой читатели уже знакомы, и отписалъ въ Петербургъ, что обращеніе Средняго монастыря въ единовѣріе или православіе очень полезно и удобно[2]). Вслѣдъ за тѣмъ, въ виду благоволенія къ расколу со стороны администраціи, въ письмѣ къ митрополиту Серафиму отъ 12 ноября 1833 года, Іаковъ испрашивалъ частнымъ образомъ его согласія на подачу представленія въ синодъ о подчиненіи Иргизскихъ раскольничьихъ монастырей епархіальной власти. „Соображая мѣстныя обстоятельства, я считаю сіе дѣло неизлишнимъ, при помощи правительства удобнымъ, по причинѣ монашества приличнымъ, для обращенія въ нѣдра церкви раскольниковъ-монаховъ надежнымъ и къ искорененію раскольничьихъ гнѣздъ по Иргизу несомнѣннымъ. Взятіе раскольническихъ монастырей, богатыхъ деньгами, изъ рукъ полиціи сдѣлаетъ самую полицію безпристрастнѣе къ расколу, да сверхъ сего и хлопоты ея уменьшатся... Теперь же въ раскольничьихъ монастыряхъ нѣтъ людей, славящихся или умомъ, или святой жизнью, или начитанностью. Самые міряне-раскольники не отзываются съ уваженіемъ о нынѣшнемъ состояніи монастырей, а особенно о Среднемъ. Верхній считается лучшимъ, но и тамъ нѣтъ такихъ людей, какіе прежде, по отзыву раскольниковъ, бывали“. Митр. Серафимъ внесъ это письмо подлинникомъ въ секретный комитетъ, но согласія не послѣдовало[3]).

Гораздо богаче результатами оказалась командировка на Иргизъ Арсеньева. Осмотръ монастырей произвелъ на него неблаго-

[1]) Арх. канц. губерн., вяз. 16, № 65, 3.
[2]) Дѣла Секр. Ком., Vol. VI, стр. 890—891.
[3]) Ibidem, Vol. XIV, стр. 1066—1067.

пріятное въ интересахъ раскола впечатлѣніе. Здѣсь ему все не понравилось, начиная съ многочисленности раскольниковъ въ прииргизскомъ краѣ (ихъ считали тамъ въ это время до 30.000 душъ; но показаніе это ему представлялось значительно ниже дѣйствительности[1]) и въ самыхъ монастыряхъ (въ Верхнемъ ихъ было 99, въ женскомъ Успенскомъ—253 и въ Покровскомъ—292[2]); въ числѣ иноковъ онъ не мало нашелъ безпаспортныхъ. Его крайне удивила легкость, съ какой губернское начальство выдаетъ разрѣшенія на производство въ монастыряхъ разныхъ построекъ и поправокъ, и недостатокъ полицейскаго надзора за жизнью обителей. Въ доказательство фанатизма иргизскихъ раскольниковъ онъ приводитъ слѣдующій фактъ, случившійся не задолго до его пріѣзда, лѣтомъ этого года: „Настоятель Нижняго единовѣрческаго монастыря, Платонъ, едва не погибъ жертвою злобы враговъ своихъ; нѣсколько человѣкъ неизвѣстныхъ убійцъ вломились въ его келью и одно только бѣгство могло спасти его отъ ударовъ; этотъ случай вызвалъ установленіе въ монастырѣ ночныхъ карауловъ“[3]). Предубѣжденіе Арсеньева противъ раскольниковъ доходитъ до того, что даже физіономіи у всѣхъ иноковъ кажутся ему „противными“, ибо „глупое ханжество и ожесточенность, прикрываемыя наружнымъ смиреніемъ, выражаются явственно на лицахъ ихъ“. Иноковъ онъ призналъ „грубыми невѣждами“: въ Среднемъ монастырѣ нѣтъ ни одного, съ которымъ можно бы вести обыкновенный разговоръ, а въ Верхнемъ, по его словамъ, только двое отличаются отъ прочихъ,—Силуанъ, настоятель, „смышленый и бойкій, мягкій и вмѣстѣ хитрый, имѣющій великій вѣсъ и уваженіе отъ всѣхъ, и 24-лѣтній инокъ Платонъ (Вандышевъ), также уклончивый и разумный, будущая надежда братіи“[4]). Въ Верхнемъ монастырѣ его особенно удивили сообщеніемъ цифры всѣхъ раскольниковъ въ Россіи,—ихъ считали тамъ до семи милліоновъ, въ томъ числѣ поповцевъ четыре милліона; и эту цифру „сказали мнѣ не за новость, а мимоходомъ, какъ дѣло всѣмъ положительно извѣстное“, удивляется Арсеньевъ[5]). При такомъ количествѣ сторонни-

[1]) Ibidem, 1104.

[2]) Ibidem, 1109, 1122, 1125.

[3]) Ibidem, 1120. На основаніи устныхъ разсказовъ, слышанныхъ мною въ Нижнемъ единовѣрческомъ монастырѣ, я думаю, что Арсеньевъ допускаетъ маленькую ошибку: въ келью Платона ломились не враги его, а воры, знавшіе, что монастырскія деньги онъ постоянно держитъ при себѣ. *Прим. авт.*

[4]) Ibidem, 1117.

[5]) Ibidem, 1127.

ковъ, на Иргизѣ, естественно, и думать не хотѣли объ единовѣріи. Въ концѣ концовъ для борьбы съ расколомъ по Иргизу Арсеньевъ предлагалъ слѣдующія мѣры: 1) открыть новые уѣздные города въ Заволжьи; 2) новыхъ переселенцевъ размѣщать отдѣльными селами, вдали отъ раскольниковъ; 3) открыть во всѣхъ новыхъ уѣздныхъ городахъ школы и запретить мѣстнымъ жителямъ отдавать дѣтей въ ученье по частнымъ домамъ; 4) всѣхъ иноковъ и бѣльцовъ, живущихъ въ раскольничьихъ монастыряхъ, но не приписанныхъ къ нимъ, выслать въ мѣста первоначальнаго жительства; 5) остальныхъ помѣстить въ Преображенскій монастырь, а Никольскій обратить въ православную приходскую церковь; 6) женскіе монастыри упразднить[1]).

Разнорѣчіе показаній Арсеньева съ показаніями Перевэрзева по вопросу о безпаспортныхъ инокахъ вызвало выговоръ послѣднему изъ министерства: сообщая ему 22 ноября 1833 года этотъ пунктъ разнорѣчія, Блудовъ проситъ обратить на это „особое вниманіе“. Перевэрзевъ однако не нашелъ нужнымъ обращать и отвѣтилъ, что онъ категорически отрицаетъ указанія Арсеньева на проживаніе въ монастыряхъ безпаспортныхъ лицъ[2]). Преосвященный Іаковъ своими сообщеніями въ синодъ косвенно поддерживалъ Арсеньева и не давалъ тамъ забыть вопросъ объ Иргизѣ. Такъ онъ, кажется, донесъ, что оттуда отправлено въ пермскую губернію 14 человѣкъ монастырскихъ жителей „для препятствованія всемѣрно успѣхамъ миссіи“. Это сообщеніе дошло до свѣдѣнія государя, который и приказалъ узнать, кто именно отправился? Перевэрзевъ поручилъ вольскому исправнику Савельеву сдѣлать секретныя справки и тотъ донесъ, что въ теченіи 1832—1833 года изъ Иргизскихъ монастырей дѣйствительно удалилось 13 человѣкъ,—3 инока и 10 бѣльцовъ,—и одинъ изъ нихъ показанъ ушедшимъ на прежнее мѣсто жительства, двое—въ Сыртовскіе скиты на богомолье, а остальные десять человѣкъ—неизвѣстно куда. Пермскому губернатору сообщенъ былъ именной списокъ отправившихся, но онъ, послѣ долгихъ поисковъ, увѣдомилъ, что таковыхъ въ пермской губерніи не значится[3]). Такимъ образомъ почва для сочувственнаго принятія арсеньевскаго проекта подготовлялась самими обстоятельствами и нѣтъ ничего удивительнаго, что секретный комитетъ въ засѣданіи

[1]) Ibidem, 1134—1137.
[2]) Арх. канц. губерн., вяз. 15, № 7, 257—379.
[3]) Ibidem, вяз. 16, № 54, 6; Дѣла Секр. Ком., Vol. XV, стр. 165, 167, 771.

28 ноября 1834 года нашелъ предполагаемыя Арсеньевымъ мѣры заслуживающими полнаго вниманія; но цифры раскольниковъ по Иргизу и во всей Россіи, приведенныя въ докладной запискѣ этого изслѣдователя, сильно смутили большинство комитета. Изъ опасенія вызвать волненіе умовъ комитетъ необходимымъ нашелъ ограничиться на первый разъ однимъ открытіемъ на пространствѣ луговой стороны саратовской губерніи новыхъ уѣздныхъ городовъ съ мѣстами городского и уѣзднаго управленія и просилъ министра внутреннихъ дѣлъ войдти по этому вопросу съ нужнымъ представленіемъ; остальныя мѣры рѣшено было приводить въ исполненіе постепенно, безъ излишней поспѣшности. Государь утвердилъ это постановленіе комитета слѣдующей резолюціей: „Совершенно согласенъ; не медля приступить, но дѣйствовать съ особой осторожностью“. Министръ внутреннихъ дѣлъ нашелъ указанныя комитетомъ мѣста для новыхъ городовъ вполнѣ соотвѣтствующими цѣлямъ и спеціальнаго своего и общаго назначенія[1]). Такимъ образомъ за Волгой возникли скоро три новыхъ города съ уѣздами при нихъ: Николаевскъ, преобразованный изъ слободы Мечетной, Новоузенскъ и Царевъ.

Второй разъ гроза все ближе и ближе надвигалась на саратовскую поповщину, а между тѣмъ ни губернаторъ, ни старообрядцы какъ будто не замѣчали этого: губернаторъ попрежнему не скрывалъ своихъ симпатій къ расколу и, отписывая одной рукой въ Петербургъ о принятіи надлежащихъ мѣръ къ уменьшенію раскола, другой въ то же время подписывалъ желательныя старообрядцамъ резолюціи; въ раскольничьей средѣ все шире разгоралась внутренняя рознь, рельефнѣе выступали на первый планъ личные интересы и страсти въ ущербъ интересамъ общаго дѣла. Существованіе поповщинскихъ общинъ in statu quo висѣло на волоскѣ, а члены ихъ какъ будто махнули на все рукой и все чаще и чаще свою внутреннюю грязь, свои домашнія неурядицы, накопившійся годами соръ выносили изъ избы на показъ властямъ. Могутъ быть только два объясненія этого страннаго явленія: или ихъ сбивало съ толку губернаторское покровительство и увѣренность въ безнаказанности, или внутреннее разложеніе общинъ зашло такъ

---

1) Дѣла Секр. Комит., Vol. V, 108—109, 115.

далеко, что остановить его, скрыть отъ постороннихъ и даже оффиціальныхъ глазъ стало невозможнымъ. Что вѣроятнѣе—рѣшить трудно.

Въ началѣ 1832 года Переверзевъ распорядился сломать деревянныя постройки на дворѣ Барановской часовни въ Саратовѣ, „въ виду ихъ ветхости, угрожающей опасностью живущимъ въ нихъ и безобразящей мѣстность“. Раскольники немедленно обратились къ нему съ просьбой о разрѣшеніи на мѣсто сломанныхъ ветхихъ лачугъ построить каменный флигель и нѣсколько покоевъ для помѣщенія богадѣльни. Переверзевъ, имѣя въ виду, что цѣль постройки—богадѣльня—соотвѣтствуетъ цѣлямъ правительства, заботящагося о призрѣніи бѣдныхъ и безпомощныхъ, и что зданіе совершенно согласно съ высочайше конфирмованнымъ для Саратова планомъ, далъ разрѣшеніе[1]). Во вновь построенныхъ зданіяхъ помѣстилось 14 человѣкъ мужчинъ и 76 женщинъ, большею частью преклонныхъ лѣтъ, съ имѣющимися у иныхъ дѣтьми 9—16 лѣтняго возраста; тутъ же устроились и 3 уставщика съ своими семьями. Правилъ въ этой богадѣльнѣ, по отзыву самого Переверзева въ представленіи министру внутреннихъ дѣлъ отъ 16 декабря 1835 года, „никакихъ особенныхъ нѣтъ“, кромѣ того, что призрѣваемые должны присутствовать при каждомъ отправленіи богослуженія. Богадѣльщики или вѣрнѣе скитники, какъ люди преклонныхъ лѣтъ и при томъ ни въ чемъ предосудительномъ не замѣченные, пользовались полной свободой, безъ всякаго надзора. При богадѣльнѣ открылась и школа съ 24 дѣтьми, въ которой обученіемъ занимались уставщики. Кромѣ уставщиковъ имѣлся при часовнѣ и священникъ, отправлявшій богослуженіе и требы довольно открыто. Часовня и богадѣльня, по объясненію попечителей, содержатся на суммы свѣчной выручки и кошельковаго сбора, т. е. на 1100—1500 руб. (?) въ годъ, при чемъ изъ этихъ же денегъ уплачивалось жалованье сторожамъ и уставщикамъ и исправлялись „полицейскія повинности“[2]). Если такъ велось дѣло въ Саратовѣ, на глазахъ всей администраціи, какъ гражданской, такъ и духовной, то легко представить себѣ, что творилось въ глуши уѣздовъ. Въ сердобскомъ уѣздѣ въ одинъ годъ открываются три часовни—въ Голяевкѣ, Камзолкѣ и Миткиреѣ; въ аткарскомъ тоже—въ Двоенкахъ, Шереметев-

[1]) Ibidem, Vol. XVII, стр. 653—654.
[2]) Ibidem, стр. 668—672.

кѣ и Екатериновкѣ[1]). Въ хвалынскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Натальиной, причисленной къ заволжской церкви села Балакова, расколъ усиливался изо дня въ день, благодаря живущимъ тамъ двумъ раскольничьимъ старцамъ, Зосимѣ и Александру. Въ существѣ дѣла вся деревня, въ которой числилось до 640 ревизскихъ душъ, стала раскольничьей: ни погребенія, ни исповѣданія и причащенія священнику совершенно тамъ не приходилось дѣлать и въ церковь не только добровольно, но и насильно никто почти не ходитъ. Такъ въ теченіи великаго поста никто изъ этой деревни не говѣлъ. Консисторія нашла нужнымъ просить губернское правленіе удержать старцевъ отъ распространенія раскола и снестись съ владѣльцами деревни, не желаютъ ли они въ ней построить особую церковь или, по крайней мѣрѣ, молитвенный домъ[2]). Что сдѣлало губернское правленіе со старцами—неизвѣстно, но владѣльцы церкви строить не пожелали... Въ Кузнецкѣ въ 1834 году, по смерти бѣглаго священника Іакова, старообрядческое общество просило у Переверзева разрѣшенія принять другого какого-нибудь бѣглеца. На прошеніе послѣдовалъ отказъ, съ предложеніемъ предварительно обратиться въ единовѣріе и тогда уже просить себѣ попа. Старообрядцы подали второе прошеніе, съ объясненіемъ, что на единовѣріе согласиться не могутъ и потому настаиваютъ на дозволеніи пріобрѣтать новыхъ священниковъ, въ виду многолюдства прихожанъ (до 2500 душъ). Губернаторъ опять отказалъ и тогда они самовольно приняли бѣглаго священника изъ села Поима, пензенской губерніи, Игнатія Захарова; запрещенія не послѣдовало[3]).

Въ Дубовкѣ мѣстное раскольничье общество поручило своему попечителю, купцу Петру Макарову, хлопотать о выдачѣ на его имя плана на уступленное обществу В. Н. Рѣпниковымъ мѣсто, занятое часовней. Макаровъ получилъ планъ и собирался строить на мѣстѣ обветшалой часовни новую[4]). За Волгой, гдѣ, при усиливавшейся колонизаціи, не мало деревень оставалось не причисленными къ православнымъ приходамъ[5]), православные цѣлыми сотнями переходили въ расколъ, соблазняемые примѣромъ каменскихъ раскольниковъ, которые, съ разрѣшенія гражданскаго начальства, въ

[1]) Арх. консист., 1836, № 697.
[2]) Указъ сар. конс. 27 окт 1832, № 6588.
[3]) Арх. канц. губерн., вяз. 19, № 80.
[4]) Арх. губерн. правл., I, 174, № 392, 8.
[5]) Указъ сар. конс. 14 апр. 1833, № 2672.

1833 году формально отписались въ расколъ. Къ губернатору ежедневно поступали массами прошенія объ отпискѣ. Преосвященный, въ видахъ борьбы съ этимъ движеніемъ, предписалъ приходскимъ священникамъ не признавать такихъ отчисленій въ расколъ и дѣйствовать среди отписавшихся по прежнему[1]), но такая мѣра едва ли могла имѣть какіе-нибудь практическіе результаты. Около Березоваго Яра, николаевскаго уѣзда, крестьянинъ Тимофей Ануфріевъ, въ иночествѣ Трифилій, высланный изъ Средняго монастыря за безпокойный нравъ, осенью 1833 года дѣлаетъ попытку завесть маленькій скитъ; власти потребовали отъ него подписку о неношеніи монашескаго платья, но онъ отказался дать ее и остался на прежнемъ положеніи[2]). Верхній монастырь обносится новой оградой на каменныхъ столбахъ, внутри ограды строится высокая башня въ готическомъ вкусѣ будто бы для постановки на ней боевыхъ часовъ, на самомъ же дѣлѣ для помѣщенія колоколовъ. Планъ этой башни составлялся, по приказанію Переверзева, губернскимъ архитекторомъ Петровымъ. Въ Среднемъ монастырѣ устраивается каменная кладовая и ризница, на крышѣ которой воздвигается даже крестъ[3]). Женскій Успенскій монастырь обносится, съ разрѣшенія начальства, досчатымъ заборомъ[4]). Іеромонахъ Иларій, бывшій кунгурскій мѣщанинъ Иванъ Васильевъ Нестеровъ, поступившій въ 1817 году въ Спасо-Преображенскій монастырь казанской епархіи, а оттуда въ 1827 году бѣжавшій въ Средній иргизскій монастырь, скрылся было съ Иргиза во дни кн. Голицына въ Екатеринбургъ, но теперь, узнавъ объ ослабѣ, опять началъ навѣщать иргизскихъ иноковъ[5]). Правда, бывалъ онъ теперь довольно осторожно, прячась даже отъ жившихъ въ монастырѣ бѣлыхъ поповъ, но постригалъ въ иночество очень многихъ: въ Среднемъ монастырѣ изъ 39 иноковъ было 16 его постриженниковъ; зимой 1834 года, скрываясь въ келіи уставщика Верхняго монастыря, Аѳанасія, онъ разомъ постригъ 5 человѣкъ; въ эту же зиму въ Покровскомъ женскомъ монастырѣ постригъ 6 женщинъ. Былъ онъ на Иргизѣ и въ слѣдующемъ году, скрываясь то въ кельяхъ сестеръ Кузьмичевыхъ, то у инокини Маргариты и жившихъ съ нею

[1]) Указъ вол. дух. правл. 11 янв. 1835, № 1.
[2]) Арх. канц. губерн., вяз. 19, № 58, 4—8.
[3]) Ibidem, вяз. 20, № 66, 1, 11, 58.
[4]) № 3774, 9.
[5]) Дѣла Секр. Ком., Vol. VII, стр. 623—624.

вятскихъ инокинь[1]). Кромѣ постриженія, и исправленіе бѣглыхъ священниковъ совершалось безвозбранно: такъ въ февралѣ 1834 года Пареньевымъ исправленъ бѣглый священникъ Іоаннъ, въ декабрѣ—Александръ; въ маѣ 1835 года Канардовъ исправилъ Алексѣя[2]). Объ этихъ наѣздахъ и постриженіяхъ знали въ Саратовѣ всѣ, кромѣ гражданской администраціи. Далѣе въ Среднемъ монастырѣ совершалось иногда что-то похожее на уголовныя преступленія. Изрѣдка, стороной, свѣдѣнія объ этомъ доходили до начальства; но обыкновенно игнорировались имъ. Инокъ Мельхиседекъ въ 1834 году доносилъ Переверзеву, что исправникъ Безобразовъ стоитъ въ очень неблаговидныхъ сношеніяхъ съ настоятелемъ Корнилiемъ, что инокъ Юлій (въ подлинникѣ Іолій), человѣкъ пьяный, въ августѣ мѣсяцѣ подозрительно скоропостижно умеръ въ квасномъ выходѣ и былъ похороненъ безъ всякаго слѣдствія. Правда, послѣ исправникъ, по личному заявленію Мельхиседека, произвелъ слѣдствіе и вырывалъ трупъ изъ могилы, но опредѣлить причину смерти, конечно, не могъ, ибо трупъ совсѣмъ уже разложился, и рѣшилъ наудачу, со словъ Корнилія, что инокъ умеръ отъ апоплексическаго удара. Тотъ же Мельхиседекъ сообщилъ, что загадочно исчезъ изъ монастыря долгое время проживавшій въ немъ инокъ Варсонофій[3]). Всѣ эти донесенія остались не провѣренными; они только вызвали коллективную жалобу на Мельхиседека отъ всѣхъ жителей Средняго монастыря и просьбу избавить обитель отъ этого не спокойнаго и буйнаго старца. Переверзевъ внялъ жалобѣ и отдалъ Мельхиседека подъ судъ[4]).

На ряду съ этими безпорядками, въ монастыряхъ страшно участились случаи нарушенія иночествующими сѣдьмой заповѣди. Приведу нѣсколько фактовъ, заимствуя ихъ изъ докладной записки преосв. Іакова въ синодъ. 1) Инокъ Прохоръ, уставщикъ Никольскаго монастыря, состоялъ въ связи съ удѣльной дѣвкой Агафьей Ивановой, болѣе извѣстной подъ именемъ „Прохоровой Агашки“; ей онъ выстроилъ въ Николаевскѣ особую келью и очень часто путешествовалъ туда. Съ ней онъ на масляницѣ 1834 года публично катался по слободѣ Мечетной на иноходцѣ, распѣвая скверныя пѣсни, съ ней же постоянно пьянствуетъ по базарамъ. Живя очень часто въ

1) № 3774, 283—284, 290.
2) Собр. постан., по М. В. Д., стр. 136—137.
3) Арх. губерн. правл., I, 3, № 553, 3.
4) „Дѣло“, 1872, № 4, 289.

келіи у Прохора, Агашка распоряжается клирошанами и пономарями, приказывая, когда и въ какой колоколъ звонить и какую вечерню,—большую или малую,—служить. 2) Инокъ Ефремъ въ связи съ инокиней Успенскаго монастыря Глафирой, которая и живетъ у него, въ мужскомъ монастырѣ; это—„Глашка Ефремова". 3) Настоятель Корнилій живетъ съ инокиней Гавделой, отъ которой имѣлъ сына Николая, женатаго на бѣлицѣ Степанидѣ, которая воспитывалась у настоятельницы Покровскаго женскаго монастыря, Надежды. Вмѣстѣ съ женой Николай живетъ въ Среднемъ монастырѣ въ одной келіи съ Корниліемъ. Сама Гавдела живетъ въ Успенскомъ монастырѣ, гдѣ Корнилій построилъ ей особую келью, называющуюся по этому „игуменской". У этой Гавделы въ келіи жили двѣ молодыя родственницы Корнилія, которыя обѣ подозрѣвались съ 1830 года въ связи съ Корниліемъ. Одну изъ нихъ онъ отдалъ замужъ. По большимъ праздникамъ духовенство прежде всего являлось съ крестомъ въ келью Гавделы. Корнилій принималъ ихъ здѣсь, какъ хозяинъ, и распоряжался, какъ у себя дома. Отсюда причтъ церковный шелъ къ Глафирѣ Евфремовой, гдѣ угощеніе тянулось иногда до самаго вечера, а потомъ старцы отправлялись къ старицамъ, а клирошане—къ бѣлицамъ и въ кельяхъ у нихъ оставались на ночь. 4) Инокъ Филаретъ въ связи съ мѣщанкой Анной Егоровой, извѣстной подъ именемъ „Саратовки", которая живетъ въ женскомъ монастырѣ. Эти прижили дочь, которую и выдали замужъ за балаковскаго голову, П. М. Шикина. 5) Инокъ Игнатій въ связи съ дѣвкой Настасьей Матвѣевой, извѣстной подъ именемъ „Настьки Мартиріевой",—потому что мать ея была въ связи съ инокомъ Мартиріемъ,—или „Игнатьевой"; она живетъ у родной матери, въ женскомъ монастырѣ. 6) Инокъ Іоасафъ въ связи съ инокиней Севастіаной, которая живетъ въ Успенскомъ монастырѣ, въ келіи старой игумены Алевтины; впрочемъ, она постоянно пребываетъ въ келіи своего любовника, почему и называется „Сонькой Асафовой". 7) Инокъ Никаноръ живетъ съ инокиней Манефой. Они не разставались даже во время поѣздокъ послѣдней за сборомъ милостыни: тогда Никаноръ ѣздилъ съ ней подъ видомъ извозчика. 8) Инокъ Амвросій живетъ съ инокиней Калесфиніей. Съ ней вмѣстѣ, а равно и съ другой инокиней Иринархой, не разъ ѣздилъ онъ въ Сибирь для сбора милостыни. 9) Инокъ Іона живетъ съ вдовой сво-

его брата, которая помѣщается въ построенной имъ для нея келіи въ слободѣ Мечетной. 10) Инокъ Антоній въ связи съ инокиней Анафрасіей, дочерью хвалынскаго купца Огурцова. Раньше онъ жилъ въ Среднемъ монастырѣ, но потомъ переѣхалъ въ Хвалынскъ, чтобы не разставаться съ любовницей, и они вмѣстѣ отправляли богослуженіе въ домѣ отца ея и по другимъ купцамъ. 11) Настоятель Силуанъ въ связи съ дѣвкой Александрой, живущей въ Покровскомъ монастырѣ, въ келіи старицы Олимпіады московской. Она извѣстна подъ именемъ „Силуановой Алексашки“. Силуанъ часто ѣздилъ къ ней, а она къ нему въ монастырь. Въ 1832 году, когда разъ Силуанъ ночью пріѣхалъ къ Александрѣ, у его лошадей неизвѣстно кѣмъ были обрѣзаны хвосты. 12) Инокъ Іоасафъ состоитъ въ связи съ инокиней Павлиной Лавинской, которая имѣетъ свою келью въ Покровскомъ монастырѣ. Іоасафъ въ мужскомъ монастырѣ почему-то не живетъ и все время проводитъ у любовницы, пьянствуя безъ зазору. 12) Бѣлецъ Никита Никитинъ въ связи съ инокиней Назаретой, называемой „Солдатомъ“, которая живетъ въ монастырѣ у старицы Аѳанасіи Крюковой. 14) Инокъ Платонъ Вандышевъ въ связи съ симбирской купеческой дочерью Натальей Ивановой, которая каждое воскресенье пріѣзжаетъ въ его келью, а въ остальное время Платонъ живетъ у нея. Въ случаѣ пріѣзда Натальи, у Платона бываетъ сборище старцевъ и старицъ развратнаго поведенія. У Платона своя келья, на створчатыхъ дверяхъ которой изображены два человѣка, изъ которыхъ одинъ, съ бревномъ въ глазу, указываетъ на другого, съ сучкомъ; внизу подпись; „о бревнѣ и сучцѣ“. Этимъ онъ какъ бы напоминалъ о неосужденіи его зазорнаго поведенія. Въ 1834 году онъ нанялъ одну молодую симбирскую вдову для услуженія и, выдавая ее за двоюродную сестру, открыто жилъ съ ней, какъ съ женой, ведя одновременно двѣ другія интриги съ инокиней Павлиной и бѣлицей Просковьей Кузьминой. Изъ Петербурга, гдѣ былъ для сбора подаяній, онъ привезъ съ собой музыкальный ящикъ, подъ звуки котораго пьянствовалъ, и камеръ-обскуру съ 50 картинками (какого содержанія?). 15) Священникъ Евдокимъ Парѳеньевъ въ связи съ инокиней Измарагдой, которая въ его келіи жила по цѣлымъ недѣлямъ. Съ нимъ 9 мая 1834 года случился слѣдующій скандалъ. Наканунѣ этого дня, запершись съ Измарагдой въ келіи, онъ пилъ цѣлую

ночь. По случаю престольнаго праздника нужно было соборное служеніе. Поэтому настоятель съ братіей приходилъ къ нему и стучался въ келью, приглашая служить, но онъ въ пьяномъ видѣ учинилъ буйство и съ двернымъ засовомъ гнался за игуменомъ. На утро Евдокимъ послѣ литургіи явился въ церковь и вздумалъ принять участіе въ крестномъ ходѣ. Но монахи не дали ему ризъ. Въ это время монастырскіе служители отбили бревномъ дверь у его кельи и, вытащивъ пьяную до безобразія Измарагду, положили ее на телѣгу, чтобы отвезти въ женскій монастырь къ настоятельницѣ Ѳеофаніи. Уставщикъ Прохоръ, ссорившійся съ Евдокимомъ въ алтарѣ изъ-за недопущенія къ участію въ церемоніи, сказалъ ему: „поди лучше, отецъ домой; Измарагду твою, кажется, вонъ уже везутъ изъ монастыря“. Евдокимъ, бросивъ споръ, выбѣжалъ изъ церкви и, нагнавъ везущихъ Измарагду, отбилъ ее и вернулъ въ монастырь. У этого же Евдокима однажды ночью найдено въ келіи въ разъ четыре женщины развратнаго поведенія. 16) Священникъ Петръ Канардовъ въ связи со старицей Евсевіей Козловой, къ которой нерѣдко ходилъ въ женскій монастырь днемъ и ночью. За похожденія по женской части монастырскіе служители вызвали его однажды ночью и жестоко избили плетью и за волосы[1]). Какой богатый выборъ случаевъ представлялся Переверзеву для примѣненія министерскаго предписанія отъ 21 мая 1833 года относительно ссылки на фабрики или въ Сибирь изобличенныхъ въ распутствѣ жительницъ иргизскихъ обителей! Но онъ забылъ объ этомъ предписаніи и какъ будто ничего не зналъ обо всѣхъ этихъ Алексашкахъ, Агашкахъ, Сонькахъ, Глашкахъ и т. п.

Съ безпорядками на Иргизѣ могли стать рядомъ развѣ только однѣ неурядицы въ Вольскѣ. Едва успѣли старообрядцы перенесть богослуженіе въ новый храмъ, какъ въ средѣ ихъ начались крупные раздоры. Въ первыхъ числахъ мая 1831 года вольскій городской голова, Егоръ Курсаковъ, собравъ къ себѣ въ домъ большое число вольскихъ старообрядцевъ, объявилъ имъ, что по храму происходятъ большіе безпорядки и расхищеніе церковныхъ суммъ, что попечитель Лука Волковойновъ, несмотря на многократныя просьбы лучшихъ вольскихъ гражданъ, не даетъ отчета въ церковныхъ доходахъ; поэто-

[1]) Арх. канц. губерн., 1837, № 307. Копія съ доклада преосв Іакова, переданная оберъ-прокуроромъ министру внутреннихъ дѣлъ и отъ послѣдняго пересланная для свѣдѣнія саратовскому губернатору. *Прим. авт.*

му онъ и настаивалъ на смѣнѣ его. Спустя нѣсколько времени, Курсаковъ вновь собралъ раскольниковъ и прямо уже называлъ при нихъ Волковойнова „церковнымъ татемъ", говоря, что онъ расходуетъ церковныя деньги безъ отчета и записи въ книги и даже безъ вѣдома своего товарища по званію попечителя, купца Гавріила Расторгуева. Далѣе онъ обвинялъ его въ противленіи высочайшей волѣ, ибо онъ не сноситъ назначенный къ уничтоженію старый раскольничій храмъ, а къ новому дѣлаетъ незаконныя пристройки. Присутствующіе согласились смѣнить попечителя и послали за нимъ, но онъ отказался явиться для учета, подъ предлогомъ болѣзни, хотя всѣмъ извѣстно было, что онъ вполнѣ здоровъ. Въ виду этого Курсаковъ снова послалъ за нимъ и велѣлъ передать, что собраніе желаетъ повѣрить его въ церковныхъ суммахъ, прося, въ случаѣ невозможности явиться лично, прислать ключи отъ денежныхъ ящиковъ. Волковойновъ отказался и тогда Курсаковъ со всѣмъ собраніемъ отправился въ церковь и запечаталъ всѣ ящики, положивъ не признавать болѣе Волковойнова попечителемъ. Спустя нѣсколько времени послѣ этого, Курсаковъ въ третій разъ собралъ къ себѣ старообрядцевъ и предложилъ избрать вмѣсто Волковойнова другого попечителя. Собраніе, оставивъ Расторгуева, избрало товарищемъ къ нему Лутохина, о чемъ и былъ составленъ актъ за общимъ подписомъ, оставшійся въ рукахъ у Курсакова. Волковойновъ ничего этого признавать не хотѣлъ и продолжалъ тратить деньги на разныя пристройки къ церкви, медля въ то же время разборкой стараго храма, вопреки высочайшему повелѣнію. Все это весьма безпокоило и страшило старообрядцевъ. Наконецъ, 2 ноября 1832 года, послѣ праздничной обѣдни, прислужникъ при храмѣ, Василій Поповъ, объявилъ прихожанамъ, что онъ будто бы поймалъ около церковнаго ящика родственника Волковойнова, Лаврова, у котораго нашелъ одинъ рубль съ копѣйками и ключи, спрятанные въ сапогѣ. Объ этомъ было сообщено, по ихъ приказанію, Курсакову. Видя, что безпорядки не уменьшаются, а даже увеличиваются, избранные попечители хотѣли вступить въ должность и послали къ Курсакову за общественнымъ приговоромъ, но тотъ приговора не отдалъ. Тогда они вмѣстѣ съ купцами Дмитріемъ Матросовымъ, Василіемъ Мясниковымъ и Сергѣемъ Мельниковымъ 9 ноября собрались въ храмъ и послали за Курсаковымъ; тотъ отказался явиться. Они пригласили священ-

ника Гавріила Калугина и при немъ потребовали отъ Попова ключи, но этотъ отвѣчалъ, что у него ихъ нѣтъ. Для вскрытія ящиковъ были принесены клещи и они высыпали деньги изъ ранѣе запечатанныхъ Курсаковымъ ящиковъ, сосчитали ихъ, записали въ особо заведенную шнуровую книгу и положили въ новый сундукъ, который запечатали и поручили хранить благонамѣреннымъ людямъ. Поповъ, видя себя устраненнымъ отъ церкви, подалъ заявленіе въ полицію и началось формальное дѣло о разбитіи Матросовымъ, Мельниковымъ и Мясниковымъ церковныхъ ящиковъ и сундуковъ. Для устраненія соблазна и безпорядковъ обвиняемые просили у исправлявшаго тогда должность саратовскаго губернатора, Муромцева, разрѣшенія произвесть новые выборы попечителя, что Муромцевъ и позволилъ имъ 10 марта 1833 года. Волковойновъ послалъ своего прикащика Мельникова по окружающимъ Вольскъ селамъ запастись приговорами объ избраніи въ попечители опять его, а не другого кого. Мельниковъ набралъ ему до 200 подписей. Вступился за него теперь и Курсаковъ: породнившись и помирившись съ Волковойновымъ, онъ не желалъ уже болѣе смѣны его и умышленно оттягивалъ избраніе новаго попечителя, что заставило недовольныхъ снова жаловаться губернатору, который вторичнымъ предписаніемъ, отъ 28 марта, сдѣлалъ ему строгое замѣчаніе и подтвердилъ приказаніе произвесть выборы немедленно и тотчасъ же ввесть вновь избраннаго попечителя въ должность. Наблюдать за исполненіемъ этого предписанія поручено было чиновнику особыхъ порученій Полонскому; въ присутствіи его 31 марта были произведены выборы и Курсаковъ, введя въ храмъ избраннаго ими Мельникова, приказалъ всѣмъ признавать его попечителемъ. Чрезъ мѣсяцъ Мельниковъ, по обыкновенія, вздумалъ счесть собранную сумму и занесть въ шнуровую книгу, но Поповъ объявилъ ему, что Курсаковъ, при отъѣздѣ въ Саратовъ, запретилъ допускать его, Мельникова, до денежныхъ ящиковъ. Общество оскорбилось и обратилось къ губернатору съ жалобой, прося объ утвержденіи Мельникова. Губернаторъ утвердилъ попечителями избранныхъ купцовъ Расторгуева и Мельникова и мѣщанина Угольникова[1]). Изъ всѣхъ попечителей хуже всѣхъ было положеніе Мельникова, такъ

[1]) Арх. губерн. правл., I, 93, № 3984, 14, 62—65; Ниж. сем. библ., N 3774, 244.

какъ и послѣ губернаторскаго утвержденія въ званіи попечителя ему пришлось на каждомъ шагу вести упорную борьбу съ Курсаковымъ, поддерживаемымъ и руководимымъ Волковойновымъ и Суетинымъ. Тѣснимый этими сильными противниками, онъ задумалъ вмѣстѣ съ бѣглымъ священникомъ Калугинымъ обратить вольскій старообрядческій храмъ въ единовѣрческій и съ этой цѣлью въ іюлѣ этого года, въ бытность Іакова въ Вольскѣ, обратился къ преосвященному съ просьбой о дозволеніи войти съ ходатайствомъ о разрѣшеніи имѣть церковь на основаніи пунктовъ митр. Платона. Іаковъ, разумѣется, съ радостью согласился и предложилъ принять подобнаго рода прошеніе хоть сейчасъ, но Мельниковъ отложилъ подачу до возвращенія съ макарьевской ярмарки вольскихъ купцовъ. Такую уступчивость Мельникова преосв. Іаковъ объяснялъ потомъ митр. Серафиму слѣдующимъ образомъ: „до раскольниковъ дошло свѣдѣніе, что отъ нихъ возьмутъ бѣглыхъ священниковъ. Это много расположило ихъ къ исканію единовѣрія“. Но онъ ошибся и въ объясненіи и въ разсчетѣ на Мельникова: тотъ и по возвращеніи купцовъ съ ярмарки не подалъ прошенія, такъ какъ согласныхъ не нашелъ. По крайней мѣрѣ, въ половинѣ ноября преосв. Іаковъ писалъ тому же митрополиту Серафиму: „вольскій купецъ, хотѣвшій подать прошеніе, до сихъ поръ не собрался съ силами“[1]). Но если Мельниковъ удержался пока отъ искушенія, то не устоялъ противъ него бѣглый діаконъ вольскихъ старообрядцевъ, Тиховъ, раскаявшійся въ побѣгѣ и поѣхавшій вмѣстѣ съ вольскимъ протоіереемъ Бибиковымъ въ Саратовъ къ архіерею съ повинной. Обращеніе въ православіе діакона сильно поразило раскольниковъ; одинъ изъ нихъ, инокъ Лука, писалъ по этому поводу на Иргизъ: „какъ дьяволъ Іуду на хвостѣ въ адъ стащилъ, такъ и онъ съ протоіереемъ въ Саратовъ полетѣлъ“. По случаю этой дьяконской измѣны, 27 апрѣля 1834 года, состоялась въ Вольскѣ сходка, на которой Волковойновъ и Курсаковъ уговаривали гнаться за дьякономъ и отбить его на пути у протопопа, но болѣе осторожные остановили чернь. Недовольные такимъ исходомъ, Волковойновъ съ Курсаковымъ вызвали на сходку своихъ поповъ, изъ которыхъ Калугинъ отказался явиться, а Прохоръ Любимовъ явился и убѣждалъ раскольниковъ быть твердыми въ вѣрѣ, обѣщалъ и самъ за нихъ

[1]) Дѣла Секр. Ком., Vol. XIV, стр. 1061, 1070.

голову положить и прибавилъ къ этому съ крикомъ: „или петля на-двое, или шея прочь, а я нимало не поколеблюсь, какъ дьяконъ Тиховъ“[1]).

При видѣ всей этой неурядицы, этой массы безпорядковъ всякаго рода, преосв. Іаковъ первоначально обращался съ просьбами объ устраненіи ихъ къ губернскому начальству. Такъ 31 мая 1834 г. онъ увѣдомилъ Переверзева о построеніи башни въ Верхнемъ и каменнаго дома въ Среднемъ монастырѣ. Переверзевъ на отношеніи надписалъ: „не вѣдятъ, что творятъ“, и отложилъ отношеніе въ сторону. Іаковъ 10 января 1835 года сообщилъ Переверзеву, что вокругъ Верхняго монастыря строится ограда. Переверзевъ надписалъ на сообщеніи этомъ: „какая ограда строится и какое дѣло до оной архіерею?“ Въ томъ же 1835 году Іаковъ вторично сообщилъ, что въ Среднемъ монастырѣ строится домъ, который, по свѣдѣніямъ прот. Элпидинскаго, имѣетъ быть обращенъ въ церковь. Переверзевъ ничего даже не надписалъ и бросилъ бумагу архіерейскую подъ сукно. Такое не въ мѣру уже легкое отношеніе губернатора къ архіерею оскорбило послѣдняго и онъ принялся дѣйствовать самолично, за собственный свой счетъ и страхъ: вмѣсто переписки съ губернскимъ начальствомъ, онъ сталъ сообщать о всѣхъ сколько-нибудь крупныхъ безпорядкахъ въ Петербургъ, гдѣ синодальный оберъ-прокуроръ и митрополиты Серафимъ и Филаретъ умѣли при случаѣ доводить эти сообщенія до свѣдѣнія государя. Такъ по поводу постройки въ Среднемъ монастырѣ дома, на запросъ о которомъ Переверзевъ ничего не счелъ нужнымъ отвѣчать Іакову, изъ министерства внутреннихъ дѣлъ пришла въ томъ же 1835 году бумага, начинающаяся словами: „Дошло до свѣдѣнія государя императора, что въ Среднемъ монастырѣ построенъ каменный домъ... Государь повелѣлъ секретно разузнать, зачѣмъ онъ построенъ и дѣйствительно ли предполагаютъ превратить его въ церковь?“ Объясненія, которыхъ губернаторъ не далъ архіерею, пришлось теперь давать министру: „... Прочитавъ предписаніе вашего высокопревосходительства,... я съ совершеннымъ прискорбіемъ увидѣлъ дерзновенную смѣлость доводить до высочайшей особы государя императора несправедливыя свѣдѣнія, служащія собственно къ омраченію мѣстнаго гражданскаго начальства, какъ бы въ послабленіи старообрядцамъ, преслѣдуемымъ со

[1]) Арх. канц. губерн., 1836, № 95, 6—16; Ниж. сем. библ., № 3774, 244.

стороны мѣстнаго духовенства всѣми изыскиваемыми онымъ средствами", писалъ Переверзевъ 21 декабря 1835 года Блудову. Далѣе онъ доказываетъ, что домъ строится не для церкви, а для ризницы, и при томъ въ значительно меньшихъ противъ указанныхъ размѣрахъ[1]). Это одинъ опытъ самостоятельности и первая по времени попытка преосв. Іакова заставить администрацію дѣйствовать въ томъ направленіи, какъ хотѣла того епархіальная власть. Но гораздо рельефнѣе самостоятельность Іакова проглядывала въ его распоряженіяхъ по духовному вѣдомству. По вопросу объ единовѣріи въ Вольскѣ его предшественники обращались обыкновенно за содѣйствіемъ къ губернатору; Іаковъ рѣшился обойтись безъ этого содѣйствія: будучи 2 января въ Вольскѣ, онъ приказалъ прот. Бибикову подъ секретомъ предложить А. П. Сапожникову чрезъ родственника его Г. С. Расторгуева, не согласится ли онъ уступить выстроенный имъ въ 1832 году въ видѣ часовни памятникъ надъ могилой отца подъ единовѣрческую церковь? Расторгуевъ отказался говорить объ этомъ съ Сапожниковымъ. Тогда преосвященный отъ своего имени послалъ письмо къ Сапожникову съ просьбой объ уступкѣ памятника, который въ силу закона не можетъ иначе удовлетворить своему назначенію. Вмѣстѣ съ этимъ Іаковъ предлагалъ ему оставить расколъ и быть „основателемъ въ Вольскѣ единовѣрія", говоря, что отъ него больше чѣмъ отъ кого-либо зависитъ успѣхъ возсоединенія раскольниковъ съ церковью. Сапожниковъ ничего не отвѣтилъ. Между тѣмъ въ концѣ февраля Бибиковъ рапортовалъ, что въ Вольскѣ есть желающіе принять единовѣріе, но, какъ люди бѣдные, не рѣшаются на это. Даже 40 человѣкъ принявшихъ уже единовѣріе въ Воскресенскомъ монастырѣ опасаются обнаружить это и не рѣшаются подать прошеніе объ устройствѣ для нихъ единовѣрческой церкви. Іаковъ велѣлъ Бибикову пріискивать въ Вольскѣ домъ, въ которомъ можно было бы открыть храмъ для этихъ 40 душъ, опасаясь, чтобы и онѣ, не имѣя храма, не охладѣли къ церкви, а въ синодъ донесъ, что пріобрѣсти каменный домъ подъ церковь епархіальное начальство беретъ на себя. Наиболѣе дешевый способъ открытія въ Вольскѣ единовѣрія предложилъ настоятель Воскресенскаго единовѣрческаго монастыря Платонъ: онъ проектировалъ обратить въ единовѣрческую вольскую кладбищенскую церковь,

[1]) Арх. канц. губерн., вяз. 20, № 66, 1, 3, 11—12, 17.

съ передачей ея въ завѣдываніе его монастыря. Но противъ этого проекта возстало вольское духовное правленіе, находившее, что обращеніе православной церкви въ единовѣрческую можетъ произвесть соблазнъ среди населенія города, что, въ виду увеличенія числа жителей города, эта церковь необходима православнымъ и что она, наконецъ, устроена частнымъ лицомъ—женой К. В. Злобина[1]). Предложеніе Платона было отвергнуто епархіальнымъ начальствомъ. Въ видахъ сближенія вольскихъ раскольниковъ съ православными Іаковъ просилъ у синода разрѣшенія дать единовѣрцамъ находящихся нынѣ въ расколѣ бѣглыхъ поповъ, если за ними нѣтъ преступленій, разрѣшивъ ихъ въ священнослуженіи и подчинивъ епархіальной власти[2]). Особенно хлопоталъ онъ за бѣглаго попа Ананьева и дьякона Иванова, испрашивая имъ у синода въ пособіе на первоначальное обзаведеніе 200 р. первому и 150 р.—второму. Синодъ нашелъ, что хотя на поведеніе Ананьева, судя по приложеннымъ къ рапорту преосвященнаго бумагамъ, „падаетъ не малое сомнѣніе, но, пріемля во уваженіе, что онъ нынѣ по поведенію одобряется, добровольно обратился къ православію и содѣйствовалъ къ тому же двоимъ дьяконамъ“, разрѣшилъ ему священнослуженіе, въ испрашиваемомъ же пособіи отказалъ, такъ какъ „и настоящее о немъ положеніе дѣлается по крайнему снисхожденію“. Дьякона же Иванова, впредь до рѣшенія неоконченнаго за побѣгомъ его дѣла о любодѣяніи съ крестьянской дѣвкой Анной Ивановой, синодъ разрѣшить въ священнослуженіи призналъ невозможнымъ[3]). Такой строгости преосвященный, очевидно, не ожидалъ, такъ какъ до полученія еще синодальнаго отвѣта на свое ходатайство объ этихъ лицахъ разрѣшилъ ихъ собственной властью въ священнослуженіи[4]).

Для борьбы съ иргизскими старообрядцами Іаковъ велѣлъ настоятелю Нижняго монастыря, архимандриту Платону, сочинить особую книжку. 12 февраля 1835 года книжка, подъ заглавіемъ *„Воззваніе настоятелямъ и всей братіи Верхняго и Средняго монастырей“*, была сочинена и немедленно отправлена адресатамъ.

[1]) С. И. А., карт. А, № CXXX. (Рапортъ Платона вол. дух. правл., 11 мар. 1833, № 28, и копія съ журнал. постан. этого правленія 15 мар. того же года за № 262).
[2]) Арх. сар. конс., 1835, № 6, 1—6, 9—10, 23.
[3]) Указъ сар. конс., 27 февр. 1836, № 1235.
[4]) Тоже, 29 ноября 1835, № 8225.

Іаковъ велѣлъ руководствоваться ею всѣмъ миссіонерамъ и въ копіи отослалъ пермскому епископу; сверхъ того ключарю саратовскаго каѳедральнаго собора предписано было разсмотрѣть это произведеніе и приготовить его къ печати[1]). Но для печати оно оказалось негодно. Въ своемъ „Воззваніи“ Платонъ повторялъ давно извѣстныя вещи о незаконности отдѣленія старообрядцевъ отъ церкви, объ отсутствіи у нихъ истовыхъ священниковъ, о замѣнѣ мира простымъ деревяннымъ масломъ и т. п.[2]). Корнилій и Силуанъ съ братіей все это знали и понимали, вѣроятно, не хуже самого автора и „Воззваніе“ осталось гласомъ вопіющаго въ пустынѣ: ни одной души не призвалъ имъ Платонъ въ ограду церкви. Не богаче результатами была и другая мѣра преосвященнаго: воспользовавшись указаніемъ архим. Платона о неимѣніи въ Иргизскихъ монастыряхъ св. мира, онъ приказалъ всѣмъ приходскимъ священникамъ объявить объ этомъ раскольникамъ и при всякомъ удобномъ случаѣ внушать имъ, что „они, раскольники, поэтому не принадлежатъ къ святому стаду Христову, яко не запечатлѣнные печатью св. Духа, и не имѣютъ права на полученіе части со святыми въ царствѣ небесномъ“[3]). Гораздо успѣшнѣе были стараніи Іакова насадить единовѣріе въ Саратовѣ: здѣсь онъ „путемъ усиленныхъ убѣжденій“ склонилъ къ принятію благословеннаго священства купца Никанора Горбунова, которому хотѣлось попасть въ городскіе головы, и съ нимъ нѣсколько десятковъ мѣщанъ и мелкихъ купцовъ. Въ домѣ самого Горбунова, впослѣдствіи, по высочайшему повелѣнію, освобожденномъ отъ казеннаго постоя[4]), устроенъ былъ и молитвенный храмъ. Съ помощью „горбуновцевъ“ Іаковъ „исторгнулъ“ изъ иргизскаго монастыря бѣглаго священника Виноградова, о чемъ довелъ до свѣдѣнія императора Николая Павловича. Государь, считая справедливымъ и полезнымъ простить Виноградова, высочайше повелѣть соизволилъ: сообщить о томъ всѣмъ начальникамъ губерній, дабы они сдѣлали сіе извѣстнымъ находящимся у раскольниковъ попамъ не формальнымъ порядкомъ, но по ихъ усмотрѣнію, чрезъ посредство довѣренныхъ лицъ, и буде сіи попы изъявятъ наклонность предстать къ своему начальству съ искреннимъ раскаяніемъ

[1]) Имп. Публ. библ., I, № 830, 195.
[2]) Ibidem, 183—184.
[3]) Указъ сар. конс., 4 мая 1835, № 2412.
[4]) Собр. постан., по вѣд. М. В. Д., 151.

въ ихъ поступкѣ, то таковымъ оказывать всевозможное пособіе къ исполненію ихъ намѣренія“[1]).

Противораскольничья миссія дѣйствовала очень усердно, хотя результатовъ этой дѣятельности было и немного. Миссіонеръ Атаевскій доносилъ преосвященному, что раскольники аткарскаго уѣзда отказались принять единовѣріе или православіе, говоря, что „живутъ за людьми“ и что если бы въ Москвѣ, Петербургѣ, Стародубьи, на Иргизѣ и при саратовской часовнѣ приняли единовѣріе, то, можетъ быть, и они на это согласились бы. Впрочемъ, они изъявляли согласіе принять православнаго священника, если бы такой отлучился къ нимъ съ благословенія архіерея, но не въ резолюціи или указномъ предписаніи консисторіи, а только словесно выраженнаго. Въ какихъ именно селеніяхъ Атаевскому изъявлено было такого рода согласіе—неизвѣстно, но въ селѣ Монастырщинѣ съ нимъ былъ слѣдующій случай: на предложеніе вызваннымъ къ нему раскольникамъ изъ разныхъ деревень монастырскаго прихода принять единовѣріе они отвѣчали, что не желаютъ, такъ какъ „нужды ни въ покаяніи, ни въ причащеніи св. тайнами или въ благословенномъ священникѣ не имѣютъ, потому что дважды въ годъ бываютъ снабжены для христіанскаго исправленія требъ священниками отъ игумена иргизскаго раскольничьяго монастыря, имѣющими и сборныя прошнурованныя книги за печатью монастырскою и подписомъ того игумена“. По донесенію объ этомъ Атаевскаго, Іаковъ распорядился просить губернатора о воспрещеніи бѣглымъ священникамъ разъѣзжать по селеніямъ, а иргизскимъ настоятелямъ — выдавать ими книги и проѣздные виды; благочиннымъ предписалъ ловить бѣглыхъ священниковъ и представлять ихъ въ духовныя правленія или прямо въ консисторію[2]). Нѣсколько позже это распоряженіе было немного смягчено и съ благочинныхъ снята обязанность производить аресты: оберъ-прокуроръ Нечаевъ входилъ со всеподданѣйшимъ ходатайствомъ о разрѣшеніи епархіальнымъ архіереямъ, помимо гражданскаго начальства, наблюдать чрезъ благочинныхъ за появленіемъ у раскольниковъ бѣглыхъ поповъ и немедленно увѣдомлять объ открывающихся мѣстнаго губернатора и св. синодъ; ходатайство было государемъ уважено[3]).

[1]) Ibidem, 120.

[2]) С. И. А., карт. А, № CXXX (Указъ вол. дух. правл. прот. Бибикову, 11 сент. 1834, № 28).

[3]) Указъ сар. конс., 5 авг. 1835, № 4702.

Въ виду обнаруженнаго членами саратовской миссіи усердія и нѣкоторой успѣшности ихъ трудовъ, миссія оставлена была и на слѣдующій годъ, но до государя дошли, очевидно, свѣдѣнія о чрезмѣрномъ подчасъ рвеніи миссіонеровъ, такъ какъ онъ 20 мая 1835 года изъявилъ волю, чтобы „дѣйствія миссіи продолжать не торопясь и болѣе посредствомъ примѣровъ и убѣжденій, и отнюдь не показывать намѣренія къ насильственному дѣйствію“[1]). Синодъ за „успѣшную“ дѣятельность назначилъ въ 1835 году Дьяконову и Атаевскому постоянный окладъ жалованья по 500 руб. на каждаго и кромѣ того, для усиленія дѣйствій миссіи, утвердилъ изъ представленныхъ Іаковомъ кандидатовъ еще двоихъ: по городу Вольску—прот. Бибикова, а по вольскому и хвалынскому уѣздамъ—прот. Ремезова, на томъ же основаніи, на какомъ были и первые два миссіонера. Изъ нихъ Ремезову, Дьяконову и Атаевскому велѣно выдавать на разъѣзды прогонные деньги. Постоянное жалованіе Бибикову и Ремезову обѣщано „по оказаніи ими хорошихъ успѣховъ“[2]). Преосвященному очень желательно было открыть въ Хвалынскѣ и Кузнецкѣ единовѣрческія церкви, съ назначеніемъ на жалованье духовенству при каждой изъ нихъ по 500 руб., впредь до образованія самостоятельныхъ приходовъ. Въ этомъ смыслѣ 16 ноября 1835 года онъ и входилъ съ рапортомъ (№ 7755) въ св. синодъ. Но послѣдній нашелъ, что въ этихъ городахъ „единовѣрія еще никакого нѣтъ и на вступленіе въ единовѣріе никто изъ раскольниковъ прямой рѣшительности не изъявилъ“, а потому „открытіе тамъ единовѣрческихъ церквей и представляется дѣломъ преждевременнымъ и сомнительнымъ“. Съ цѣлью убѣдиться, можно ли ждать успѣха въ обращеніи хвалынскихъ и кузнецкихъ раскольниковъ къ единовѣрію, велѣно было Іакову командировать въ эти города по священнику, который, по желанію тамошнихъ жителей, отправлялъ бы у нихъ богослуженіе и требы по старопечатнымъ книгамъ. Въ случаѣ успѣха Іакову предлагалось вторично войти съ ходатайствомъ о формальномъ открытіи единовѣрія въ этихъ городахъ[3]).

Не имѣя возможности разомъ сжать заволжскій расколъ, преосв. Іаковъ велъ съ нимъ упорную, безпрерывную войну по мелочамъ, по тѣмъ или другимъ частнымъ случаямъ. Ему давно уже казался

[1]) „Сар. епар. Вѣд.“, 1880, № 1.
[2]) Собр. постан., по вѣд. Св. Син., II, 272—273.
[3]) Указъ сар. конс., 14 мар. 1836, № 1641.

и неприличнымъ и соблазнительнымъ иргизскій чинъ исправы. Уничтожить исправу чрезъ вліяніе губернскаго начальства онъ не могъ, ибо не ладилъ съ этимъ начальствомъ; поэтому онъ обратился съ особымъ донесеніемъ въ синодъ, откуда оно перешло въ секретный комитетъ. Этотъ послѣдній, въ засѣданіи 20 декабря 1835 года, нашелъ, въ виду оскорбительности чина исправы для православія, необходимымъ обязять подпиской настоятелей Иргизскихъ монастырей впредь не принимать на исправу бѣглыхъ поповъ; государь императоръ 17 января слѣдующаго года утвердилъ такое постановленіе комитета[1]). Затѣмъ въ началѣ 1836 года Іаковъ предпринялъ разслѣдованіе о хранящихся будто бы въ Верхнемъ монастырѣ мощахъ умершаго въ иноческомъ санѣ бѣглаго священника Іоасафа. Протоіерей Бибиковъ, производившій дознаніе по этому поводу, сообщилъ потомъ, что въ народѣ держится упорный слухъ объ иргизскихъ мощахъ, но одни говорятъ объ Іоасафѣ, другіе—объ Исаакіи, третьи—о Филаретѣ. Мощи, какъ утверждаютъ, хранятся подъ спудомъ изъ опасенія, чтобы не были взяты въ велико-россійскую церковь. Отъ этихъ мощей имѣются будто бы въ ризницѣ Верхняго монастыря и части одежды. Впрочемъ, единовѣрческій священникъ Ананьевъ, 2 года бывшій въ томъ монастырѣ, полагалъ, что эти слухи распускались для соблазна простодушныхъ людей и не имѣли никакой реальной подкладки, такъ какъ ему, Ананьеву, ни мощей ни одежды съ нихъ не показывали, уклоняясь отъ его просьбъ въ этомъ смыслѣ подъ разными предлогами[2]).

Параллельно съ развитіемъ этой войны развивалась на Иргизѣ и ненависть старообрядцевъ противъ господствующей церкви и правительства. Ненависть это проглядывала на каждомъ шагу, во всѣхъ мелочахъ ежедневнаго обихода, и нашла даже себѣ выраженіе въ составленіи подложныхъ манифестовъ и особыхъ тетрадокъ, наполненныхъ хулами на никоніанъ-гонителей. Первые стали появляться въ старообрядческой средѣ съ 1835 года и А. К. Кочуевъ едва ли не былъ основателемъ этого рода литературы. Они

---

[1]) Дѣла Секр. Ком., Vol. VII, стр. 1075—1086; Собр. пост., по вѣд. М. В. Д., 136—137.

[2]) Указъ сар. конс., 29 февр. 1836, № 1276. Считаю необходимымъ сказать здѣсь, что среди поповцевъ саратовской губерніи доселѣ держится преданіе, будто по распоряженію Іакова мощи изъ Верхняго монастыря были увезены благочиннымъ Державинымъ съ полиціей и съ того времени пропали безслѣдно. *Прим. авт.*

пріурочивались обыкновенно къ 23 января 1831 года и содержали въ себѣ разрѣшеніе раскольничьихъ часовенъ, безпрепятственное отправленіе въ нихъ богослуженія и свободу имѣть бѣглыхъ священниковъ[1]). Вторыя, тетрадки, появились нѣсколько раньше; въ Саратовскомъ краѣ онѣ фабриковались преимущественно на Иргизѣ. Въ 1836 году турецкій выходецъ, уроженецъ герцогства Варшавскаго, Мелхиседекъ Якубовскій, по оффиціальному званію—единовѣрческій инокъ, по негласному занятію—духовныхъ дѣлъ сыщикъ и шпіонъ при Іаковѣ, представилъ своему патрону три рукописныхъ книжки, которыми раздобылся въ Среднемъ монастырѣ: 1) *О пришествіи антихриста*; 2) *Сказаніе о картахъ и звѣриномъ образѣ* и 3) *Библію пророка Ездры*. Двѣ послѣднія, по словамъ доноса, сочинены инокиней Успенскаго монастыря, Александрой Уральской, въ это время большой уже старухой. Работала она совмѣстно съ уставщикомъ Средняго монастыря, Іоной, и нѣкоторые свои труды, какъ напр. „*Библію*“, до выпуска въ свѣтъ давала на просмотръ разнымъ скитскимъ грамотникамъ и даже посылала въ уральскіе скиты[2]). Съ ея „*Библіей*“ я незнакомъ, но о характерѣ этого произведенія можно до извѣстной степени судить по ея же „*Сказанію о картахъ*“: это рядъ подчасъ безсмысленныхъ, но всегда крайне рѣзкихъ, а иногда даже и остроумныхъ нападокъ на правительственную власть, напоминающихъ такіе же нападки раскольничьихъ сочиненій безпоповскаго направленія: Александра разсказываетъ извѣстную легенду о подмѣнѣ настоящаго Петра I въ Швеціи (въ „Стекольномъ царствѣ“) какимъ-то жидовиномъ изъ колѣна Данова, въ нецензурномъ видѣ изображаетъ его преемницъ, толкуетъ о воцареніи антихриста, звѣриный образъ котораго уже видѣнъ въ лицѣ достоинства царскаго и архіерейскаго, проповѣдуетъ отрицаніе паспортовъ (картъ), снабженныхъ печатью антихриста, и т. п.[3]). Александра, конечно, была предана суду за свои „бредни“, но бредни эти ходили по рукамъ въ сотняхъ списковъ и, конечно, гораздо больше тормозили дѣло единовѣрія, чѣмъ сколько содѣйствовали ему всѣ труды оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ миссіонеровъ и обратителей. Эта сторона дѣла, къ сожалѣнію, была упущена изъ вида преосв. Іаковомъ въ его апостольскихъ трудахъ.

[1]) № 3774, 247; см: „Рус. Вѣст.“, 1866, № 9, 16.
[2]) Дѣла Секр. Ком., Vol. XIX, л. 511—519.
[3]) Копія съ этого „Сказанія“ есть въ сборникѣ Ниж. сем. библ., № 3774.

Въ концѣ 1835 года Переверзевъ, подъ давленіемъ все чаще и сильнѣе бросаемыхъ въ него „съ дерзновенной смѣлостью“ доносовъ епархіальной власти, имѣвшихъ цѣлью „собственно омраченіе гражданскаго начальства“, долженъ былъ оставить саратовскую губернію. На его мѣсто назначенъ былъ адъютантъ Суворова, Алексѣй Петровичъ Степановъ, человѣкъ въ достаточной мѣрѣ всесторонній и извѣстный начальству, какъ прямой и крутой администраторъ, авторъ нѣсколькихъ ученыхъ изслѣдованій о Сибири и даже романистъ. Сынъ Степанова передаетъ, что когда новый губернаторъ, по случаю назначенія, явился къ государю, тотъ указалъ ему на обиліе раскольниковъ въ саратовской губерніи и въ особенности на гнѣздо ихъ—иргизскіе скиты. „Ваше величество, я ихъ приведу къ одному знаменателю“, отвѣчалъ Степановъ. Государь улыбнулся и сказалъ: „безъ сильныхъ мѣръ; надо дѣйствовать осторожно и не раздражать“[1]). Министръ внутреннихъ дѣлъ, сообразуясь съ этими словами государя и съ его резолюціей на журналѣ секретнаго комитета 28 ноября 1834 года, далъ Степанову соотвѣтственную инструкцію. Затѣмъ предложеніемъ отъ 26 января 1836 года онъ поручилъ ему тщательно ознакомиться съ положеніемъ Иргизскихъ монастырей и представить свои соображенія, когда именно и какимъ образомъ онъ полагалъ бы приступить къ выполненію высочайшей воли, имѣя въ виду, что выполнить ее необходимо съ крайней осторожностью и непремѣнно лично[2]). Степановъ, явившись въ губернію, сначала ревностно принялся преслѣдовать раскольниковъ и прежде всего натолкнулся на поправку въ Хвалынскѣ крыши у моленной. Городничій, маіоръ Антоновскій, немедленно попалъ подъ слѣдствіе; попечитель часовни, купецъ Назаръ Лопоуховъ, былъ посаженъ въ тюрьму. Іаковъ остался очень доволенъ такими распоряженіями; вотъ что писалъ онъ по этому поводу къ губернатору 28 февраля 1836 года: „...Не одобряю сего незаконнаго возобновленія крыши и съ благодарностью усматриваю въ отсылкѣ подъ стражу виновниковъ сего преступленія благонамѣренность (sic!) начальства; но, зная Лопоухова лично съ хорошей стороны, покорнѣйше прошу ваше превосходительство, если можно, повелѣть освободить сего почтеннаго гражда-

[1]) „Рус. Стар.“, 1879, I, 552.
[2]) С. И. А., № 12, 117.

нина изъ тюремнаго замка и отдать его на поруки, а дѣлу дать законный ходъ. Я твердо увѣренъ, что Лопоуховъ не употребитъ во зло освобожденіе его изъ-подъ стражи“[1]). То же довольство Степановымъ, та же радость „благонамѣренности“ начальства проглядываютъ и въ другомъ, нѣсколько позднѣйшемъ, письмѣ Іакова отъ 2 мая: „Посылаю орлиный, безпристрастный взглядъ на раскольничьи Иргизскіе монастыри. У г. Голицына при орлиныхъ очахъ не доставало, повидимому, орлиныхъ когтей. А силы души вашего превосходительства восхищаютъ меня. Можно надѣяться, что при содѣйствіи Всевышняго мало останется цыплятъ въ главныхъ гнѣздахъ суевѣрія и разврата. Perge, eminentissime, quo coepisti! Sic itur ad astra! [Продолжайте, в. пр., что начали! Такъ идутъ къ звѣздамъ!] Истребивъ означенныя гнѣзда, вы истребите исходища заразы, опасной для церкви и полиціи. Богъ да поможетъ вамъ сокрушить зло, допущенное и возлелѣянное ко вреду общественныхъ порядковъ. Tuae eminentiae servus humillimus Iacobus, E. S.“ [В. пр. покорнѣйшій слуга Іаковъ, епископъ саратовскій] [2]). Но эти добрыя отношенія скоро испортились въ конецъ, благодаря старой привычкѣ преосв. Іакова жаловаться,—теперь уже даже безъ надобности,—на все, что казалось ему послабленіемъ расколу, непосредственно въ синодъ, синодальному оберъ-прокурору и митрополитамъ Серафиму петербургскому и Филарету московскому. Изъ за этихъ жалобъ 29 іюня 1836 года Степановъ писалъ Іакову: „Дошло до свѣдѣнія государя императора, что къ вашему преосвященству нерѣдко поступаютъ донесенія отъ благочинныхъ, что раскольничьи молельни во многихъ мѣстностяхъ возобновляются и вновь строятся и что дѣйствіи сіи производятся подъ прикрытіемъ сельскаго начальства... Хотя, по настоянію вашего преосвященства, таковыя молельни назначаются иногда къ уничтоженію, но рѣдко сіе приводится въ исполненіе, а уничтоженныя вскорѣ возобновляются... Его величество высочайше повелѣть соизволилъ г. министру внутреннихъ дѣлъ, поставя въ виду моемъ таковыя противозаконныя дѣйствія раскольниковъ, предписать строго наблюдать существующія на сей предметъ постановленія“. Въ виду этого губернаторъ просилъ преосвященнаго увѣдомить его, гдѣ именно, по донесенію благочинныхъ, возобновляются и вновь строятся молельни и какая

[1]) Арх. канц. губерн., вяз. 17, № 74, 94.
[2]) № 3774, 113.

полиція потворствуетъ раскольникамъ. Послѣдній указалъ[1]). Итакъ, факты подобнаго рода существовали въ дѣйствительности. Но для насъ сейчасъ важны не самые факты, а отношенія двухъ властей, возникавшія изъ-за этихъ фактовъ. Степановъ, ничѣмъ не заявившій себя по части потворства раскольникамъ, напротивъ, вооружившійся противъ нихъ всѣми бывшими въ его распоряженіи средствами, имѣлъ законное, нравственное право негодовать на Іакова, который обходилъ его своими сообщеніями и навлекалъ выговоры свыше изъ-за потворства полиціи на самого губернатора. И онъ негодовалъ, тѣмъ болѣе, что преосвященный какъ будто не понималъ, что такимъ образомъ дѣйствій онъ ставитъ губернатора въ крайне затруднительное и неловкое положеніе, и продолжалъ дальше поступать также. Въ концѣ этого года ему, напримѣръ, донесли, что въ Верхній монастырь прибылъ бѣглый священникъ Стефанъ. Вмѣсто предварительнаго сношенія съ губернаторомъ, Іаковъ распорядился немедленно донесть объ этомъ синоду. Для историка этотъ рапортъ въ синодъ очень интересенъ,—въ немъ преосвященный усиленно проситъ оберъ-прокурора исходатайствовать запрещеніе раскольникамъ принимать бѣглыхъ поповъ: „въ противномъ случаѣ,—говоритъ онъ,—расколъ долженъ сильно умножаться, церкви Божіи—приходить въ запустѣніе, духовенство—клониться къ разслабленію отъ мысли о возможности бѣжать къ раскольникамъ на вольную жизнь, пастырская ревность къ истребленію раскола—остывать, а между начальствомъ гражданскимъ и епархіальнымъ—возникать неудовольствія къ соблазну народа“[2]),—но для Степанова, конечно, было бы гораздо интереснѣе и пріятнѣе ознакомиться съ этими соображеніями Іакова и съ вызвавшимъ ихъ случаемъ чрезъ самого же преосвященнаго, а не чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ, до свѣдѣнія котораго подобные факты доводились оберъ-прокуромъ синода. Іаковъ игнорировалъ все это и неудовольствія между начальствомъ гражданскимъ и епархіальнымъ „возникали къ соблазну народа“ и къ несчастію для церкви.

Несмотря на возникновеніе непріятностей съ епархіальной властью, отбивавшихъ всякую охоту содѣйствовать ей въ обращеніи раскольниковъ, Степановъ хорошо помнилъ данную ему инструк-

[1]) Арх. консист., 1836, № 697, 1—3.
[2]) Ibidem, 1836, № 2074, 4.

цію и слова Іакова: „sic itur ad astra“ [такъ идутъ къ звѣздамъ]. Открывая городъ Николаевскъ на мѣстѣ Мечетной слободы, онъ заглянулъ въ Никольскій и Успенскій монастыри съ цѣлью позондировать почву. Результатъ развѣдокъ онъ такъ изложилъ въ конфиденціальномъ письмѣ Блудову: жители Средняго мужскаго и женскаго монастырей „отозвались упорно, что не хотятъ сопричисляться къ единовѣрцамъ, но засимъ высочайшая воля должна быть исполнена по всѣмъ пунктамъ въ точности и не требуетъ, по сдѣланнымъ соображеніямъ, никакого отлагательства“. Степановъ находилъ, что „если истребленіе раскола на Иргизѣ необходимо, то и необходимо поспѣшить приведеніемъ въ исполненіе высочайшей воли, ибо иначе медленность повредитъ успѣху и откинетъ на нѣсколько десятковъ лѣтъ расколъ въ прежнее его положеніе“. Особенно торопился Степановъ потому, что до его свѣдѣнія дошло, будто раскольники отправили уже ходоковъ въ столицу съ цѣлью противодѣйствовать обращенію въ единовѣріе. Зная существовавшее тогда опасеніе, какъ бы обращеніе въ единовѣріе монастырей не заставило поповцевъ превратиться въ безпоповцевъ, Степановъ увѣрялъ Блудова, что это опасеніе не имѣетъ подъ собой почвы, потому что старообрядцы придерживающихся безпоповщины „почитаютъ истинными отступниками“; по его мнѣнію, напротивъ, обращеніе монастыря „неминуемо повлечетъ ихъ къ православію“[1]).

Въ ожиданіи распоряженій сверху, Степановъ принималъ мѣры и къ уменьшенію численности иночествующихъ: приказалъ николаевскому исправнику и городничему внимательно слѣдить, чтобы въ монастыряхъ не жили съ просроченными паспортами. Такихъ оказалось не мало въ Успенскомъ монастырѣ и городничій велѣлъ имъ выѣхать изъ монастыря въ теченіи семи дней. Настоятельница Ѳеофанія не исполнила этого приказа, заявивъ, что заставить нежелающихъ удалиться она не можетъ. Городничій въ іюнѣ 1836 года удалилъ ихъ силой, что и вызвало отказъ Ѳеофаніи отъ званія настоятельницы „за болѣзнію“. Губернаторъ велѣлъ было избрать на ея мѣсто другую; инокини выбрали Александру Уральскую, но эта не пожелала и онѣ стали упрашивать Ѳеофанію. Дѣло уладилось къ общему удовольствію,—Ѳеофанія осталась настоятельницей[2]).

---

[1]) Дѣла Секр. Комит., Vol. VIII, л. 146—148.
[2]) С. И. А., № 12, 250—251, 256—257; Арх. канц. губерн., 1836, № 181, 1—10.

Основываясь на отзывѣ Степанова, что дальше медлить нечего, секретный комитетъ составилъ постановленіе о присоединеніи Средняго монастыря къ единовѣрію на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) оставить за монастыремъ всѣ земли и угодья, которыя къ нему отмежеваны и издавна считаются въ его владѣніи; 2) желающихъ принять единовѣріе оставить въ монастырѣ, а упорствующихъ перевести въ Верхній; 3) именовать впредь этотъ монастырь Никольскимъ и считать на собственномъ содержаніи отъ оставленныхъ при немъ земель и угодій, а чтобы дать богослуженію болѣе благолѣпный видъ, то дозволить настоятеля монастыря произвести въ санъ архимандрита; 4) для первоначальнаго устройства поручить монастырь во временное управленіе извѣстному опытностью архимандриту единовѣрческаго Высоковскаго монастыря, Зосимѣ; 5) епархіальному архіерею и гражданскому губернатору негласно и съ должной осторожностью распорядиться, чтобы архим. Зосима могъ принять монастырь при помощи полиціи въ свое вѣдѣніе со всѣмъ церковнымъ имуществомъ, землей и угодьями; 6) число монашествующихъ въ немъ опредѣлить до 25, уполномочивъ архимандрита принимать согласно съ существующими правилами преимущественно обращенныхъ изъ раскола; 7) епархіальному архіерею предоставить приготовить надежнаго архимандрита, который могъ бы замѣнить нынѣ временно туда опредѣленнаго; 8) женщинъ, произвольно поселившихся на землѣ Средняго монастыря и называвшихъ жилища свои женскимъ монастыремъ, перевесть въ Покровскій монастырь, предоставя имъ свезти и продать дома въ теченіи 1837 года; 9) за остающимися монастырями Преображенскимъ и Покровскимъ учредить ближайшій надзоръ полиціи; 10) все это привесть въ исполненіе одновременно и секретно по гражданской и духовной части[1]). Государь утвердилъ это постановленіе.

Имѣя въ рукахъ высочайшее повелѣніе относительно обращенія Средняго монастыря въ единовѣріе, Блудовъ однако изъ осторожности не пустилъ его тотчасъ въ дѣло, а предварительно запросилъ Степанова, все ли готово къ обращенію монастыря и нѣтъ ли какихъ особенныхъ затрудненій. „Въ исходѣ 1836 года,—разсказываетъ сынъ Степанова,—явился къ губернатору богатый, вліятельный въ южномъ Поволжьи негоціантъ, старовѣръ С(апожниковъ?),

[1]) Дѣла Секр. Комит., Vol. VIII, л. 149—153.

и объявилъ по секрету, что на дняхъ получится изъ Петербурга запросъ о томъ, подготовленъ ли иргизскій монастырь къ передачѣ единовѣрческой церкви? Потомъ С(апожниковъ) всею силою своего краснорѣчія доказывалъ несостоятельность этой мѣры, которая нисколько не приведетъ къ цѣли, предполагаемой правительствомъ; расколъ не уменьшится, а напротивъ—ожесточится и преисполнится ненавистью, которой по сіе время не было. Много говорилъ онъ и въ заключеніе употребилъ всѣ имѣющіяся у него убѣжденія для того, чтобы склонить губернатора къ отвѣту, что иргизскіе скиты еще не готовы. „Тогда,—добавилъ онъ,—дѣло затянется и все будетъ по прежнему тихо и спокойно“... Чрезъ нѣсколько дней, дѣйствительно, запросъ былъ полученъ и Степановъ отвѣтилъ, что у него все готово[1]). Дѣло восприняло законный ходъ, казенная машина со скрипомъ завертѣлась.

Блудовъ увѣдомилъ 14 января 1837 года Степанова о высочайшемъ повелѣніи относительно обращенія Средняго монастыря. Смыслъ этого замедленія въ увѣдомленіи губернатора о высочайшемъ повелѣніи Блудовъ такъ объясняетъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ отъ 26 февраля 1837 года: „Согласно съ особымъ словесно даннымъ мнѣ вами приказаніемъ я далъ надлежащее предписаніе саратовскому губернатору, но не раньше 14 января, дабы выждавъ бывшіе въ концѣ декабря и въ началѣ января праздники, тѣмъ съ большею благонадежностью можно было приступить къ передачѣ монастыря“[2]). Іакову такое же увѣдомленіе 15 января послалъ оберъ-прокуроръ синода, графъ Протасовъ. 27 января явился въ Саратовъ архимандритъ Зосима, 28 получено увѣдомленіе Іаковомъ и 29—Степановымъ. Іаковъ немедленно, въ день полученія, увѣдомилъ Степанова о полученномъ распоряженіи и просилъ назначить „благонадежнаго чиновника“ для сдачи монастыря архимандриту Зосимѣ. Затѣмъ, не получая еще отвѣта на это отношеніе, онъ отправилъ ему второе, съ просьбою прислать составленную при кн. Голицынѣ опись монастырскаго имущества. Степановъ не отвѣчалъ и на это отношеніе[1]). По порученію Іакова, Зосима неоднократно

---

[1]) „Рус. Стар.“, 1879, I, 553.
[2]) Дѣла Секр. Комит., Vol. V, стр. 231—232.
[3]) Арх. канц. самар. епископа, № 1, 1—4. Дѣло о присоединеніи къ единовѣрію Средняго монастыря, по образованіи самостоятельной самарской каѳедры, было передано въ Самару. *Прим. авт.*

являлся къ губернатору съ напоминаніемъ о дѣлѣ, но каждый разъ уходилъ ни съ чѣмъ, потому что или не получили еще соотвѣтственнаго предписанія отъ министра внутреннихъ дѣлъ, или никакъ не доищутся описи въ дѣлахъ канцеляріи, или не выберутъ годнаго къ исполненію такого порученія чиновника[2]). Время шло. Наконецъ, опись была отыскана и 5 февраля отправлена къ архіерею; вслѣдъ за описью, въ этотъ же день, отправленъ былъ къ нему пакетъ на имя николаевскаго городничаго, два бланка подорожной и увѣдомленіе о назначеніи, на время обращенія монастыря, пристава Константиновскаго въ помощь николаевскому городничему, съ тѣмъ, чтобы они руководствовались наставленіями о. архимандрита Зосимы. Въ предписаніи Константиновскому и городничему Степановъ не объясняетъ существа дѣла, въ которомъ они должны помогать Зосимѣ,—послѣдній предъявитъ имъ на мѣстѣ высочайшее повелѣніе,—и только на первый разъ приказываетъ удалить изъ мужскаго и женскаго Среднихъ монастырей всѣхъ живущихъ по паспортамъ, хотя бы имъ и не вышелъ срокъ, „къ ихъ собратьямъ,—иноковъ въ Преображенскій, а инокинь—въ Покровскій“, оставивъ въ монастыряхъ только приписанныхъ къ нимъ по ревизіи[1]). Іаковъ приказалъ передать полученную отъ губернатора опись Зосимѣ и предписалъ консисторіи распорядиться выдачей ему также двухъ древнихъ антиминсовъ, съ тѣмъ, чтобы архимандритъ, по пріемѣ монастыря, освятилъ находящіяся въ немъ двѣ церкви, равно выдачей мира и достаточной суммы дѣнегъ на непредвидѣнныя потребности. На увѣдомленіи о назначеніи Константиновскаго преосв. Іаковъ сдѣлалъ такую надпись: „предписать о. архимандриту указомъ, что ему не идетъ распорядительная часть по дѣламъ, касающимся гражданской власти, а только до духовной“. Это была предосторожность, оказавшая впослѣдствіи Зосимѣ большую услугу; и предосторожность эта ясно говоритъ, что разладъ между союзниками въ дѣлѣ обращенія еще до начала самаго дѣла былъ очень силенъ, послѣдующія же событія раздули его еще больше.

Архимандритъ вмѣстѣ съ саратовскимъ благочиннымъ Чернышевскимъ и приставомъ Константиновскимъ выѣхали изъ Саратова на Иргизъ 6 февраля, въ 5 часовъ вечера; на слѣдую-

---

[1]) „Историч. описаніе“, въ рук. Ниж. сем. библ., № 3774.
[2]) С. И. А., № 12, 1—6.

щій день, къ 9 часамъ вечера, они прибыли въ село Каменку и остановились тутъ на ночлегъ. Въ 2 часа утра 8 февраля они послали въ Николаевскъ Константиновскаго, чтобы онъ вмѣстѣ съ исправляющимъ должность тамошняго городничаго, Дмитріевымъ, сдѣлалъ нужныя предварительныя распоряженія, а чрезъ два часа послѣ него выѣхали и сами. Въ 6 часовъ утра всѣ командированныя для обращенія лица собрались въ домѣ Дмитріева и, послѣ короткаго совѣщанія, найдя „все, что нужнымъ тогда признавалось, въ готовности", отправились въ мужскій монастырь, при чемъ взяли съ собой „для предосторожности" двоихъ унтеръ-офицеровъ и десять рядовыхъ мѣстной инвалидной команды[1]). Въ монастырѣ они явились къ настоятелю Корнилію, попросили его собрать всю братію и прочли всѣмъ собраннымъ высочайшее повелѣніе о монастырѣ ихъ. Затѣмъ архимандритъ обратился къ настоятелю и братіи съ увѣщаніемъ принять единовѣріе, но согласія на этотъ призывъ ни отъ кого не послѣдовало. И Корнилій и братія рѣшительно отказались сдавать имущество или только дать ключи отъ кладовыхъ и церкви, объяснивъ, что для этого нужно согласіе окрестныхъ старообрядцевъ, такъ какъ и монастырь и церковь построены на деньги усердствующихъ, а они, иноки, „только стражи сего мѣста". Пока шли всѣ эти переговоры, въ монастырскую ограду началъ быстро стекаться народъ. Въ нѣсколько минутъ собралась толпа человѣкъ въ сотню, потомъ увеличившаяся до 300 или даже больше. Иноки, ободренные появленіемъ этихъ людей, „вѣроятно, оповѣщенныхъ ими нарочито", стали оказывать еще большее упорство. Между тѣмъ толпа, подбиваемая монашествующими, особенно же инокомъ Ефремомъ и монастырскимъ казначеемъ Серапіономъ, настоятельно требовала объявленія ей высочайшаго повелѣнія. Архимандритъ видѣлъ, что нужно исполнить это требованіе и, по соглашенію съ своими товарищами, вызвалъ изъ толпы нѣсколько десятковъ человѣкъ и прочелъ имъ текстъ высочайшаго повелѣнія. Чтеніе произвело совсѣмъ не то дѣйствіе, какое ожидалось: народъ рѣшительно объявилъ, что не допуститъ архимандрита съ товарищами въ церковь, „хотя бы то стоило даже пролитія крови". Ни увѣщанія о. Зосимы, ни убѣжденія Дмитріева и Константиновскаго не въ состояніи бы-

1) Поповъ (IV, 68), на основаніи невѣдомыхъ „документовъ", утверждаетъ, будто вмѣстѣ съ ними былъ въ монастырѣ и губернаторъ. Что это неправда—увидимъ дальше. *Прим. авт.*

ли подѣйствовать на старообрядцевъ: и монахи и народъ шумѣли и волновались, отказываясь отъ всякаго повиновенія. „Въ азартѣ сопротивленія,—замѣчаетъ составитель журнала о происшествіи,— иноки между прочимъ открыли, что они уже обдумали, какъ поступить при предъявленіи имъ означеннаго высочайшаго повелѣнія, о которомъ они еще до пріѣзда нашего имѣли свѣдѣніе, и что они ожидаютъ насъ уже четыре дня". Разсказывали иноки еще и то, что въ ночь на 8 февраля они видѣли на небѣ знаменіе, состоящее изъ трехъ столбовъ; изъ нихъ одинъ упалъ надъ Средне-Никольскимъ монастыремъ. Въ нерѣшимости исполнители высочайшей воли собрались на совѣщаніе въ настоятельскихъ покояхъ и постановили пригласить для содѣйствія уѣзднаго стряпчаго Кизо, чиновника земскаго суда Трофимова и удѣльной конторы—Акшевскаго, равно какъ и удѣльнаго голову Шикина, потому что большинство толпы состояло изъ удѣльныхъ крестьянъ. Приглашенные чиновники, кромѣ Шикина, скоро прибыли въ монастырь и ознакомились съ высочайшимъ повелѣніемъ. Начались новые переговоры съ братіей и народомъ. Новоприбывшіе употребили „всѣ возможныя кроткія мѣры", чтобы склонить народъ къ повиновенію. Иноки и народъ снова потребовали объявленія имъ высочайшаго повелѣнія; „и снова оно было прочитано имъ, и снова обращены къ непокоряющимся убѣжденія". Между тѣмъ настоятель Корнилій, убѣжденный представленными ему доводами относительно послѣдствій дальнѣйшаго упорства, испуганный тяжестью отвѣтственности, падавшей на него, какъ главу мѣстной старообрядческой общины, за сопротивленіе монаршей волѣ, приказалъ церковному пономарю, схимнику Паисію, отдать ключи отъ западныхъ дверей главной церкви, объявивъ, что „ни онъ, ни другой кто изъ братіи не рѣшится быть предателемъ церкви и своими руками передать имущество монастырское", а потому пусть пересматриваютъ и повѣряютъ все по описямъ безъ личнаго присутствія братіи. Паисій принесъ ключи и положилъ ихъ на столъ. Было уже четыре часа вечера. Архимандритъ со спутниками взяли ключи и отправились въ церковь, но едва успѣли подойти къ паперти, какъ подстрекаемый иноками народъ бросился вслѣдъ за ними, а на колокольнѣ раздался набатъ. Толпа зашумѣла. „Караулъ, караулъ, стойте, старики!" слышались громкіе крики. Идти въ церковь Зосима съ

чиновниками не рѣшился и вернулся назадъ. А звуки набата все гудѣли, а толпа все шумѣла грознѣе и грознѣе. Не видя возможности „ни укротить волненіе народное, ни взять главныхъ виновниковъ возмущенія“,—Широкова, Кузнецова, Алексѣева, Кожемякина и Стекольщикова,—чтобы, по причинѣ ожесточенія сбѣжавшихся въ монастырь раскольниковъ, не произвести большаго зла, исполнители высочайшаго повелѣнія рѣшились возвратиться въ Николаевскъ: оставаться на ночь въ стѣнахъ монастыря имъ казалось слишкомъ опаснымъ. Въ шесть часовъ вечера они пріѣхали въ городъ, составили журналъ о происшествіи и общимъ совѣтомъ постановили: на утро, 9 февраля, собрать 24 человѣка понятыхъ православнаго исповѣданія, привесть ихъ къ присягѣ, истребовать у воинскаго начальника 25 рядовыхъ инвалидной команды съ унтеръ-офицеромъ, собрать изъ окружныхъ селъ до 200 человѣкъ народа и всѣмъ опять отправиться въ непокоряющійся монастырь, гдѣ еще разъ предложить настоятелю, инокамъ и народу безпрекословно исполнить объявленную имъ высочайшую волю.

Утромъ 9 февраля все это было исполнено. Къ 11 часамъ дня духовенство, чиновники, понятые, инвалидная команда и до 200 человѣкъ православныхъ крестьянъ подошли къ стѣнамъ монастыря. Ворота его были заперты на замокъ, но, по приказанію Дмитріева, монастырскій привратникъ отперъ ихъ безъ возраженія. Въ стѣнахъ монастыря оказалось до 500 человѣкъ старообрядцевъ, окружившихъ главную монастырскую церковь. Дмитріевъ потребовалъ безпрекословнаго исполненія объявленной имъ наканунѣ высочайшей воли. Какъ одинъ человѣкъ, весь этотъ народъ палъ на колѣна, прося оставить имъ монастырь на прежнемъ основаніи. Нѣкоторые, не бывшіе въ монастырѣ наканунѣ, требовали вновь прочитать имъ бумагу, въ которой изъяснена высочайшая воля. Иноки Ефремъ, Амвросій и Филаретъ ходили въ толпѣ и безбоязненно ободряли народъ, подстрекая его къ неповиновенію и лично подавая примѣръ этого: приказанія собравшихся чиновниковъ удалиться въ свои кельи они не слушали. Кизо громко прочиталъ высочайшее повелѣніе.—„Слышали ли волю государя императора относительно монастыря сего и ясно ли поняли оную?“ спросилъ онъ по окончаніи чтенія. Отвѣтъ послѣдовалъ единогласный: „слышали и поняли, что монастырь долженъ быть обращенъ въ единовѣрческій.“—„А если

вы теперь знаете волю государя императора о монастырѣ, то должны исполнить ее и разойтись по домамъ",—продолжалъ Кизо; но раскольники отвѣчали: „нѣтъ, не дадимъ нашей церкви!" Много и долго духовенство и чиновники старались образумить толпу, „обольстительно вовлеченную иноками въ преступленіе противленія власти", но все было напрасно. Чтобы показать, какія послѣдствія ждутъ противящихся законной власти, Кизо прочиталъ ст. 242, 243, 247 и 248 т. XV св. угол. зак. и спросилъ: „слышали ли прочитанныя статьи законовъ?"—„Слышали, но лучше претерпимъ всякую казнь, нежели отдадимъ церковь нашу",—кричали непокорные. Убѣжденія больше не дѣйствовали: „это не настоящая высочайшая воля, это подложная... Она и писана не на гербовой бумагѣ, и нѣтъ на ней руки государевой",—слышались возраженія изъ толпы. Крики, брань и „многія оскорбительныя для правительства слова" все усиливались. Обычное русскому человѣку чувство робости передъ властью исчезло, смѣнившись порывомъ безумной, стадной дерзости. Кизо вздумалъ было арестовать одного изъ наиболѣе дерзкихъ „ругателей", повидимому, коноводившаго толпой, но толпа, окруживъ Кизо, кричала: „Не дадимъ, не дадимъ; стойте, старики, дружно за церковь! Бейте тревогу!" Опять загудѣлъ съ монастырской колокольни набатъ. Бунтовщика отняли у солдатъ и скрыли въ толпѣ. Кизо не могъ даже узнать имени его, такъ какъ на вопросъ: „чей онъ и кто?" слышался одинъ и тотъ же отвѣтъ: „Христовъ!" Видя безполезность увѣщаній, исполнители обратились къ народу съ рѣшительнымъ вопросомъ: „допуститъ ли онъ исполнить объявленное ему высочайшее повелѣніе?" Отвѣтъ былъ тоже рѣшительный, что „никогда не допуститъ и слушать никого не хочетъ". Чиновники „замѣтили по имени" главныхъ бунтовщиковъ,—Ильинъ, Кожухинъ, монастырскій портной Леонтій, Никифоровъ, Кузнецовъ, Стекольщиковъ, Смысловъ, Лосевъ и „тайно дѣйствующій на умы раскольниковъ" удѣльный писарь Киселевъ,—и ушли въ настоятельскую келью, изъ которой Корнилій съ нѣкоторыми изъ братіи все время не выходилъ къ народу. Корнилію внушили, что онъ, какъ глава раскольническаго общества, долженъ успокоить народъ и убѣдить его повиноваться законной власти. Ему указали, что должно уступить необходимости и безъ нужды не доводить народъ до бѣды. Кизо съ азартомъ заявилъ, что въ случаѣ упорства привезены

будутъ пушки и начнутъ стрѣлять по толпѣ: „Государю императору-де ничего не стоитъ, если и сто человѣкъ убьютъ однимъ выстрѣломъ“. Корнилій отвѣчалъ, что онъ не упорствуетъ исполнить царскую волю, но остановить буйство народное не можетъ и самъ боится насилія со стороны толпы. Тогда власти объявили всѣмъ инокамъ, живущимъ въ монастырѣ по паспортамъ, чтобы они въ два дня оставили монастырь и отправились въ мѣста первоначальнаго своего жительства (по смыслу губернаторскаго предписанія Константиновскому, это распоряженіе нужно было сдѣлать раньше попытки обращенія), а сами уѣхали изъ монастыря. Не ожидая встрѣтить подобнаго сопротивленія въ женскомъ Успенскомъ монастырѣ, они, дорогой, отпустивъ воинскую команду и собранныхъ крестьянъ, задумали заѣхать въ эту обитель и мимоходомъ обратить ее. Но разсчетъ оказался ошибочнымъ: инокини встрѣтили ихъ не лучше иноковъ и въ часовню не допустили. Прочитавъ высочайшее повелѣніе и распорядившись объ удаленіи въ теченіи двухъ дней всѣхъ живущихъ по паспортамъ, комиссія оставила инокинь и возвратилась въ Николаевскъ, гдѣ немедленно составила журналъ о происшествіяхъ дня. На другой день Дмитріевъ написалъ рапортъ губернатору и съ приложеніемъ копій съ журналовъ отправилъ его эстафетой въ Саратовъ[1]). Зосима и Чернышевскій такія же копіи съ своимъ рапортомъ отправили къ преосвященному.

Въ Саратовъ извѣстіе о неудачѣ обращенія монастырей пришло поздней ночью 12 или раннимъ утромъ 13 февраля,—Степановъ помѣтилъ рапортъ Дмитріева 13 числомъ, Іаковъ рапортъ Зосимы и Чернышевскаго—сначала тоже 13, но потомъ переправилъ послѣднюю цифру на два. Переполохъ губернскихъ властей легко представить. Губернскій прокуроръ Тюльпинъ, увѣдомленный по эстафетѣ отъ Кизо о происшествіи, формальной бумагой затребовалъ отъ губернатора подробныхъ свѣдѣній „для донесенія министру юстиціи“ и получилъ въ отвѣтъ, что раскольники оказали сопротивленіе волѣ государя, а потому губернаторъ дѣлаетъ особыя по этому дѣлу распоряженія, лежащія на его личной отвѣтственности. Преосвященный немедленно обратился съ просьбой „поспѣшить начальническимъ распоряженіемъ къ обузданію противниковъ церкви и высочайшей воли“, добавляя, что о. Зосима сообщилъ уже

[1]) С. И. А., N. 12, 7—15; 267.

о происшествіи во всѣхъ подробностяхъ оберъ-прокурору синода и что самъ онъ, преосвященный, извѣститъ графа Протасова съ первой же почтой[1]). Степановъ смутился. „Никакъ не могъ предполагать я, чтобы тайна объ упраздненіи раскольническаго монастыря могла быть открыта до настоящаго исполненія, и однако же это случилось и остановило на нѣкоторое время исполненіе высочайшей воли“, писалъ онъ 14 февраля министру внутреннихъ дѣлъ, въ донесеніи за № 165. Признавая совершившееся „происшествіе“ дѣломъ чрезвычайной важности и зная, что комиссія бездѣйствуетъ въ ожиданіи „начальственныхъ предписаній“, Степановъ пригласилъ къ себѣ на совѣщаніе преосвященнаго и управляющаго удѣльной конторой Свѣчина, такъ какъ большинство ослушниковъ состояло изъ удѣльныхъ крестьянъ. На совѣщаніи этомъ положено: „Обратить главнѣйшее вниманіе на народъ, ибо иноки до того были убѣждены архимандритомъ, что отдали ему ключи отъ церкви, которые у него и теперь находятся, а потому для обузданія черни послать со стороны удѣла благонадежнаго чиновника и сдѣлать предписаніе по части казенныхъ крестьянъ исправнику, чтобы тотъ и другой приняли строжайшія мѣры къ недопущенію происходить скопищамъ въ монастырѣ или въ окрестности онаго, а для общаго соглашенія дѣйствій отдѣльныхъ начальствъ отрядить котораго-либо изъ опытнѣйшихъ и благоразумнѣйшихъ совѣтниковъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, уполномочивъ его во всѣхъ распоряженіяхъ и подчинивъ ему всѣ части“[2]). Свѣчинъ въ силу этого постановленія командировалъ на Иргизъ своего помощника Часовникова, а Степановъ— совѣтника губернскаго правленія Зѣвакина и саратовскаго исправника Микулина. Къ вечеру 15 числа всѣ эти распоряженія были приведены въ исполненіе. Самъ Степановъ не рѣшился оставить Саратовъ, по случаю происходившихъ въ это время дворянскихъ выборовъ, и обѣщалъ Д. Н. Блудову „дней черезъ пять, утвердя новыхъ чиновниковъ, привеця ихъ къ присягѣ и отправивъ представленіе о тѣхъ, которые слѣдуютъ къ высочайшему утвержденію“, лично поспѣшить въ Николаевскъ и не выѣзжать оттуда, пока не исполнитъ со всей точностью воли Е. И. В. Предполагая „во всякомъ случаѣ“ употреблять мѣры умѣренности, онъ прибав-

[1]) Ibidem, 17, 100.
[2]) Ibidem, 23.

ляетъ однако: „Ежели, сверхъ чаянія, повстрѣчается какое-либо обстоятельство, которое вывело бы дѣло изъ общаго порядка, то всепокорнѣйше прошу ваше высокопревосходительство испросить у государя императора высочайшее разрѣшеніе дѣйствовать рѣшительно на основаніи законовъ, относящихся до ослушниковъ воли Е. И. В. Оставленіе безъ окончанія начатаго вселило бы въ безсмысленныхъ раскольникахъ мысль не о кротости милосердія, но о собственной своей самостоятельности“[1]).

Со времени отправленія эстафеты въ Саратовъ и до пріѣзда Зѣвакина, т. е. съ 11 до 17 февраля, „чиновники духовнаго вѣдомства,—по словамъ „*Историческаго Описанія*“,—„ни въ какомъ монастырѣ не бывали, ниже входили въ какія-либо распоряженія по сему дѣлу“. Полицейскіе чиновники 10, 11 и 12 числа, какъ разсказываетъ авторъ письма въ Кременчугъ, наѣзжали въ монастырь и „съ великими угрозами“ предлагали старообрядцамъ принять единовѣріе; 13-го они окружили монастырь понятыми и заперли пекарню (келарню?), чтобы голодомъ заставить непокорныхъ сдаться[2]). Къ келарнѣ приставленъ былъ и караулъ изъ трехъ человѣкъ, но едва чиновники успѣли уѣхать, какъ явился казначей монастыря, разогналъ караулъ и сбилъ замокъ съ дверей[3]). На слѣдующій день Константиновскій занимался отъ бездѣлья охотой за выходившими изъ монастыря; такъ онъ поймалъ престарѣлаго инока Макарія, отправлявшагося на Иргизъ за водой, побилъ его и увезъ въ николаевскую тюрьму[4]). Въ слѣдующіе дни, 15 и 16 февраля, къ прежнимъ понятымъ, окружавшимъ монастырь, прибавлено было еще 400 человѣкъ, которые для защиты отъ холода развели огни, употребляя вмѣсто дровъ „разныя монастырскія постройки, не щадя при этомъ и монастырскихъ запасовъ сѣна, соломы и т. п.“[5]). Зачѣмъ понадобилась вся эта масса понятыхъ, съ какой цѣлью устроена была вся эта траги-комическая осада монастыря—сказать трудно; быть можетъ, только для того, чтобы показать усердіе и не сидѣть недѣлю безъ дѣла.

Вечеромъ 16-го пріѣхалъ въ Николаевскъ Зѣвакинъ. Вотъ какъ онъ описываетъ свою дѣятельность въ донесеніи губернатору, отъ

1) Ibidem, 24.
2) „Сынъ Отеч.“, 1862, № 38.
3) С. И. А., № 12, 27.
4) Ibidem, 267.
5) „Сынъ Отеч.“, 1862, № 38.

17 числа: „За позднотою времени вчера приступить по порученному мнѣ дѣлу я уже не могъ, собралъ однако же разныя свѣдѣнія: 1) одинъ изъ понятыхъ, составляющихъ пикетъ на дорогѣ, ведущей къ монастырю, толпою буйныхъ старообрядцевъ былъ прибитъ; 2) крестьянинъ кузнецкаго уѣзда, находящійся теперь въ монастырѣ и не оставляющій оный, говорилъ чиновникамъ про государя императора, что онъ царь имъ, а не старообрядцамъ; 3) казначей монастыря ... сбилъ замокъ съ келарни и прогналъ караулъ; 4) одинъ изъ крестьянъ кричалъ, что ихъ не только здѣсь, но и во всей Россіи много. Обо всѣхъ сихъ случаяхъ я приказалъ составить журнальныя записки и такимъ образомъ окончилось 16 число". Какимъ образомъ началось вслѣдъ затѣмъ 17 число и что въ оное воспослѣдовало—я передамъ своими словами, такъ какъ выслушивать старческую болтовню Зѣвакина читателю, конечно, по меньшей мѣрѣ скучно. Утро 17-го „опытнѣйшій и благоразумнѣйшій совѣтникъ саратовскихъ присутственныхъ мѣстъ" началъ визитомъ къ о. архимандриту. Отъ него онъ проѣхалъ въ тюремный замокъ, гдѣ сидѣло нѣсколько непокорныхъ крестьянъ и одинъ инокъ. Всѣмъ этимъ арестантамъ Зѣвакинъ представлялъ „гнусное ихъ заблужденіе, слѣдствія, ожидающія ихъ, буде не раскаются, власть государя императора, милостивое его и къ нимъ вниманіе, выражающееся въ томъ, что онъ благоволилъ отправлять имъ дѣла молитвы по старопечатнымъ книгамъ" и т. п. Окончивъ этотъ любопытный разговоръ, Зѣвакинъ далъ имъ время подумать и велѣлъ въ этотъ же день сообщить ему, что они надумаютъ. Къ чему тратилъ съ арестантами перлы своего краснорѣчія совѣтникъ Зѣвакинъ, посланный бесѣдовать не съ тѣми, которые сидѣли уже въ тюрьмѣ, а съ тѣми, которыхъ предстояло отправить туда,—этого онъ въ своемъ донесеніи не объясняетъ, а кромѣ него едва ли кто можетъ понять. Познакомившись съ Зосимой и съ арестованными старообрядцами, Зѣвакинъ собирался посѣтить монастырь, „посмотрѣть на толпу, тамъ заключающуюся, поговорить съ нею и настоятелемъ монастыря".—„Желалъ бы искренно,—говоритъ въ заключеніе своего донесенія Зѣвакинъ,—чтобы поѣздка моя въ монастырь не была безуспѣшна; если же не принесетъ она желанной пользы, тогда мѣра военной строгости, кажется, будетъ необходима"![1]). Но

[3]) С. И. А., № 12, 27.

прежде чѣмъ ѣхать въ монастыръ, Зѣвакинъ потребовалъ, по словамъ „*Историческаго Описанія*“, къ себѣ въ городъ двоихъ или троихъ иноковъ, „давъ имъ слово возвратить ихъ опять въ монастырь“. Изъ монастыря явились два инока и келейникъ игуменскій, Александръ Трофимовъ. Зѣвакинъ побесѣдовалъ съ ними наединѣ, въ сѣняхъ, но о чемъ—неизвѣстно удовлетворительно. Окончивъ тайные переговоры, онъ вмѣстѣ съ остальными чиновниками отправился въ монастырь и тамъ „настоятельно“, но безуспѣшно, требовалъ принять единовѣріе: бытность этихъ чиновниковъ въ монастырѣ, по „*Истор. Опис.*“, ничего не произвела лучшаго,—раскольники попрежнему не отдавали церкви и монастыря и попрежнему не повиновались. Власти вынуждены были ни съ чѣмъ вернуться въ Николаевскъ. Если предшественники Зѣвакина отъ бездѣлья измыслили „пикеты“ и осаду монастыря, то самъ Зѣвакинъ задумалъ заняться статистикой: онъ затребовалъ отъ разныхъ мѣстныхъ властей свѣдѣнія о томъ, кто изъ крестьянъ былъ 8 и 9 февраля въ монастырѣ и кто остался тамъ теперь, а Константиновскаго послалъ 20 февраля провѣрить полученныя свѣдѣнія на мѣстѣ, въ монастырѣ. Подъѣзжая къ монастырю, Константиновскій услышалъ одинъ ударъ въ колоколъ, а когда въѣзжалъ въ ограду, то увидѣлъ, что народъ толпится около церкви. Константиновскій объяснилъ толпѣ цѣль свою пріѣзда, но никто о званіи своемъ ему не объявилъ: „Всѣ мы сыны церкви и болѣе ничего о себѣ сказать не можемъ“, отвѣчали ему крестьяне. Употреблены были „мѣры убѣжденія“, но проку изъ нихъ не вышло и Константиновскій вынужденъ былъ написать въ рапортѣ Зѣвакину, что исполнить возложеннаго на него порученія онъ не могъ[1]).

Цѣлыхъ двѣ недѣли десятки чиновниковъ и сотни понятыхъ безуспѣшно старались привесть въ исполненіе высочайшее повелѣніе относительно монастыря. Преосв. Іаковъ потерялъ, наконецъ, всякое терпѣніе и обратился съ просьбой къ своему пріятелю, жандармскому офицеру Быкову, съѣздить въ монастырь и попытаться что-нибудь сдѣлать. Быковъ согласился и 20 числа явился въ монастырь. Не имѣя предписанія „присоединять“, онъ ничего не сдѣлалъ въ монастырѣ и ограничился только личнымъ обозрѣніемъ положенія дѣла да разговоромъ съ иноками и народомъ. Изъ этого разговора онъ вынесъ, судя по письму его къ Іакову отъ 22 февраля, убѣжденіе, что рас-

[1]) Ibidem, 36.

кольники добровольно не оставятъ монастыря, но если вывесть ихъ силой, то противиться не будутъ: „Заключеніе сіе основывается на томъ, что число находящихся въ монастырѣ крестьянъ состоитъ до 300 человѣкъ, въ числѣ которыхъ большая часть стариковъ, и орудія при нихъ никакого нѣтъ, а дѣйствія ихъ заключаются въ томъ только, что при подъѣздѣ чиновниковъ къ монастырскимъ воротамъ бьютъ одинъ разъ въ колоколъ и по сигналу сему собираются монашествующіе въ гостинныя комнаты, а прихожане—къ церкви, которую окружаютъ, и, по приходѣ чиновниковъ, падаютъ на колѣна и просятъ ходатайствовать у государя объ оставленіи имъ оной, говоря: въ храмѣ семъ молились предки ихъ и они желаютъ молиться до конца жизни своей“[1]). Быкову не удалось склонить народъ къ повиновенію и надежда Зосимы и Чернышевскаго видѣть при содѣйствіи его исполненіе высочайшаго повелѣнія не осуществилась, но появленіе его въ монастырѣ, какъ сообщаютъ эти лица преосвященному въ рапортѣ отъ 21 февраля, „потрясло духъ противленія бунтующихъ“. Это дало основаніе обоимъ депутатамъ съ духовной стороны „всепокорнѣйше“ просить преосвященнаго „снестись, съ кѣмъ слѣдуетъ, о командировкѣ сего чиновника къ исполненію высочайшаго повелѣнія съ законнымъ полномочіемъ“; они надѣялись, что новое появленіе его „разрушитъ всякое сопротивленіе“[2]). На возвратномъ пути въ Саратовъ Быковъ встрѣтился съ губернаторомъ и сказалъ ему, что „въ существѣ всѣ имѣютъ готовность къ послушанію, но ожидаютъ наружнаго принужденія чтобы какъ будто черезъ него, а не добровольно послѣдовала сдача монастыря“[3]).

Основываясь на сообщенныхъ Быковымъ свѣдѣніяхъ, Степановъ съ дороги далъ предписаніе всѣмъ гражданскимъ и духовнымъ[4]) исполнителямъ высочайшаго повелѣнія собраться въ бунтую-

[1]) Арх. капц. самар. еписк., № 1, 21.

[2]) Ibidem, 16

[3]) С. И. А., № 12, 70. Нѣкто г. Стоговъ, приписывая себѣ обращеніе монастыря въ единовѣріе, высказываетъ авторскія претензіи на сдѣланныя Быковымъ выводы изъ наблюденій во время посѣщенія имъ монастыря 20 числа. Не говоря уже о томъ, что ни о какомъ Стоговѣ ни въ одномъ изъ относящихся къ дѣлу о присоединеніи Средняго монастыря документовъ не упоминается, достаточно просто внимательно прочесть его разсказъ объ этомъ („Рус. Стар.“, 1878, III, 688—691), чтобы оцѣнить степень его исторической достовѣрности: это отъ начала до конца совершенное подобіе разсказовъ Хлестакова или Ноздрева.

[4]) О томъ, что 21 февраля въ монастырѣ былъ Зосима съ Чернышевскимъ, упоминается только въ письмѣ въ Кременчугъ („Сынъ Отеч.“, 1862, № 38); другіе источники объ этомъ умалчиваютъ.

щій монастырь и ждать тамъ его прибытія. Часовъ въ 10 ночи, 21 февраля, Степановъ проѣхалъ „мимо табора понятыхъ, освѣщеннаго огнями, какъ большой бивуакъ,“ прямо къ стѣнамъ монастыря; ворота монастыря были открыты настежъ, дворъ переполненъ толпой раскольниковъ. Въ настоятельскихъ кельяхъ губернаторъ нашелъ Корнилія съ четверыми иноками въ готовности исполнить волю правительства. Помня слова Быкова, губернаторъ распорядился ввести въ ограду монастыря понятыхъ и велѣлъ имъ силой вытаскивать раскольниковъ за ворота монастыря. Понятые приступили къ работѣ, но, встрѣтивъ сопротивленіе, принялись жестоко бить попадавшихся имъ въ руки; жестокостью особенно отличались взятые съ собою Степановымъ жандармы. Народъ, „видя безпощадное наказаніе и смертельные побои, закричалъ: убиваютъ, убиваютъ, неправо судятъ и наказываютъ, тогда какъ законъ ночью никого не судитъ“. По словамъ самого Степанова, едва начали приводить въ исполненіе его приказаніе, какъ „поднялся величайшій шумъ, вопль, раздался звонъ колоколовъ“. Усиленный набатъ вызвалъ на помощь въ монастырь раскольниковъ сосѣднихъ селеній. Когда доложили губернатору, сидѣвшему въ настоятельскихъ кельяхъ, о появленіи новыхъ бунтовщиковъ, онъ сообразилъ, что ночное побоище можетъ имѣть очень дурныя послѣдствія, и потому велѣлъ понятымъ отступить отъ монастыря на версту къ Николаевску, потребовалъ свой экипажъ и вмѣстѣ со всѣми чиновниками выѣхалъ изъ обители. Колокольный звонъ продолжался и послѣ его отъѣзда; на дорогѣ изъ монастыря въ Николаевскъ губернаторъ встрѣтилъ толпы горожанъ на коняхъ и пѣшихъ, съ палками и кистенями, спѣшившихъ въ монастырь на призывъ набата. Они напали на понятыхъ и отбили у нихъ 18 человѣкъ вытащенныхъ защитниковъ монастыря. На другой день Степановъ одинъ снова посѣтилъ монастырь. Не выходя изъ саней, онъ крикнулъ стоявшимъ у церкви старообрядцамъ: „вы не повинуетесь государю императору!“ Толпа въ одинъ голосъ отвѣчала: „Мы волѣ государя императора ни въ чемъ не противимся, только просимъ ваше превосходительство оставить монастырь сей на прежнемъ положеніи“. Степановъ сказалъ, что за буйство у нихъ будутъ отняты послѣдніе два священника на Иргизѣ, а чрезъ это и сами они и всѣ собратья ихъ лишатся возможности отправлять всѣ требы христіанскія. Но

и эта угроза не произвела никакого дѣйствія: народъ отвѣчалъ, что имъ „не нужно никакихъ требъ“, что они „могутъ и безъ нихъ прожить“. Тогда Степановъ пообѣщалъ привезть пушки и сбить всѣ колокола и уѣхалъ въ Николаевскъ[1]). Принимая въ соображеніе все видѣнное и слышанное, онъ рѣшился измѣнить принятыя до его пріѣзда мѣры, которыя „вели только къ отягощенію 800 понятыхъ безъ возможности имѣть какой-нибудь успѣхъ въ усмиреніи непослушныхъ“. Дальнѣйшее оставленіе ихъ подъ стѣнами монастыря для одного только охраненія монастырскаго имущества казалось ему, какъ онъ выразился въ представленіи Д. Н. Блудову, „непростительной нелѣпостью“. Поэтому онъ немедленно далъ предписаніе николаевскому исправнику Немирову: 1) распустить по домамъ всѣхъ понятыхъ, изъ которыхъ большая часть расположена была подъ стѣнами обители, остальные же по ближайшимъ селамъ; 2) отобрать у всѣхъ крестьянъ-раскольниковъ казеннаго вѣдомства огнестрѣльное оружіе, составивъ списокъ, кому какое принадлежитъ; 3) неупустительно наблюдать за сношеніемъ окружныхъ раскольниковъ съ засѣвшими въ монастырѣ, и 4) приторговать до 500 четвертей овса, съ обязательствомъ доставить его по востребованію въ теченіи четырехъ дней въ Николаевскъ. Всѣмъ чиновникамъ, безполезно жившимъ въ Николаевскѣ, онъ приказалъ возвратиться къ своимъ мѣстамъ, оставивъ въ городѣ одного только Часовникова „для наблюденія и успокоенія крестьянъ удѣльнаго вѣдомства“, съ тѣмъ, чтобы и онъ, подобно исправнику, отобралъ огнестрѣльное оружіе у подвѣдомственныхъ ему раскольниковъ и собиралъ свѣдѣнія о количествѣ занявшихъ монастырь и могущихъ прибавиться къ нимъ старообрядцевъ. Арх. Зосимѣ онъ предложилъ переѣхать въ Нижній единовѣрческій монастырь, обѣщая „въ свое время извѣстить о возможности исполнить его обязанность“[2]). Сдѣлавъ всѣ эти распоряженія, Степановъ поспѣшно уѣхалъ въ Саратовъ.

Если губернаторъ торопился принимать мѣры, то не бездѣйствовали и защитники монастыря: Корнилій съ братіей 25 февраля отправилъ прошеніе на имя шефа жандармовъ, А. Х. Бенкендорфа. Въ прошеніи они довольно обстоятельно передаютъ подробности

[1]) С. И. А., № 12, 69—74; Арх. канц. сам. еписк., № 1, 23.
[2]) С. И. А., № 12, 56—58, 75.

двух-недѣльнаго „сидѣнья“, свидѣтельствуютъ „самимъ Богомъ и всѣмъ, что есть святого на небѣ и на землѣ“, въ истинѣ своихъ словъ и выражаютъ сомнѣніе, чтобы дѣйствительно была воля монарха на обращеніе ихъ „бѣднаго и ничтожнаго“ монастыря въ единовѣріе, такъ какъ, съ одной стороны, „вся вселенная прославляетъ мудрость, милосердіе и человѣколюбіе“ Николая Павловича, а съ другой—онъ самъ же, 15 сентября 1826 года, разрѣшилъ существованіе старообрядческихъ церквей и разрѣшеніе это отмѣнено не было. Кромѣ того въ подлинности повелѣнія заставляетъ усумниться и терпимость правительства „къ вѣрамъ не только христіанскимъ, но магометанской, еврейской и самой даже языческой“. Прося защиты „страждущимъ токмо за привязанность къ вѣрѣ и обрядамъ своихъ предковъ“, авторы добавляютъ, что „этимъ они никому не дѣлаютъ вреда, усердно платятъ всѣ требуемыя правительствомъ подати, не уклоняютъ себя ни отъ какой общественной и государственной службы, повинуются гражданскимъ законамъ, почитаютъ священными власть и особу государя и всегда готовы для него и за него пролить кровь свою, а слѣдовательно, не столь и виновны, какъ, можетъ быть, думаетъ и доноситъ о нихъ мѣстное духовное и гражданское начальство“[1]).

Преосвященный, получивъ рапортъ Зосимы отъ 22 числа о неудачной попыткѣ самого губернатора обратить монастырь, немедленно отправилъ въ копіи этотъ рапортъ гр. Протасову, приложивъ кстати въ копіи и письмо Быкова, и ходатайствовалъ о назначеніи послѣдняго къ исполненію высочайшей воли, какъ человѣка „для совершенія таковыхъ дѣлъ самаго надежнѣйшаго по здѣшней сторонѣ“[2]). Въ то же время онъ обратился къ губернатору съ просьбой „назначить особый надзоръ за Никольскимъ монастыремъ, мятежниками нынѣ занимаемомъ, дабы не сдѣлано было въ ономъ злоупотребленія въ монастырскихъ угодьяхъ и расхищенія монастырской и вмѣстѣ казенной собственности“. Отъ себя онъ назначилъ наблюдать за этимъ прот. Элпидинскаго и свящ. Державина[3]). Тѣмъ временемъ Степановъ обратился за содѣйствіемъ къ губернскому правленію. Въ засѣданіи 26 февраля онъ сообщилъ присутствію „происшествіе“ въ монастырѣ 21 числа и пред-

[1]) Ibidem, 267—269.
[2]) Арх. канц. сам. еписк., № 1, 22—23, 26.
[3]) С. И. А., № 12, 102.

ложилъ, принявъ во вниманіе и „сообразивъ съ законами“, съ одной стороны, „мрачное упорство безъ всякихъ признаковъ буйства“, съ другой—„набатъ, какъ дѣйствіе уже буйное, призывъ окрестныхъ старообрядцевъ на помощь“, и съ третьей—„цѣль сего призыва“, опредѣлить, заключаютъ ли всѣ эти обстоятельства ослушаніе противъ высочайшей воли и, слѣдовательно, преступленіе или только „предварительный приступъ къ возмущенію?“ Правленіе „сообразило“ и нашло, что дѣйствія защитниковъ монастыря „суть дѣйствія возмутительныя“, а потому вызываютъ необходимость употребить въ дѣло войска[1]). Заручившись такимъ постановленіемъ, Степановъ потребовалъ отъ начальника мѣстнаго артиллерійскаго резерва командировать въ Николаевскъ одну батарею изъ Хвалынска, отъ начальника саратовскаго гарнизоннаго баталіона—отправить туда же роту съ офицеромъ[2]). Не получивъ еще разрѣшенія на представленіе свое министру внутреннихъ дѣлъ о дозволеніи прибѣгнуть къ сильнымъ мѣрамъ, Степановъ имѣлъ въ виду только стянуть войска къ мѣсту дѣйствія и подготовиться, такъ сказать, къ рѣшительному моменту. Поэтому, поручивъ общее начальство надъ артиллеріей и пѣхотой съ присоединеніемъ николаевской инвалидной команды барону Дельвигу, онъ не далъ ему никакой инструкціи и только велѣлъ внимательно наблюдать, чтобы солдаты не дѣлали обывателямъ никакого стѣсненія и насилія[3]). Всѣ эти подготовленія были окончены 28 числа и оставалось только ждать свыше дальнѣйшихъ распоряженій Во время этого ожиданія Степановъ составилъ и 1 марта отправилъ Блудову отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ по усмиренію возмущенія. Прежде всего онъ выяснилъ отличіе подготовляемаго теперь разгрома Иргиза отъ предшествовавшаго, при кн. Голицынѣ. Тогда правительство имѣло дѣло съ большимъ числомъ иноковъ, руководившихъ мнѣніемъ народа, который былъ за стѣнами монастыря; теперь 42 инока играютъ страдательную роль среди толпы народа, овладѣвшаго монастыремъ, и народъ обдумалъ свои дѣйствія не въ теченіи какихъ-нибудь четырехъ дней, но со времени обращенія Нижняго монастыря въ единовѣріе. Онъ расположился, въ количествѣ 500 человѣкъ, на дворѣ монастыря; „чрезъ таинство исповѣди“ онъ поклялся на смерть не отдавать

1) Ibidem, 59—60.
2) Ibidem, 62—64.
3) Ibidem, 84, 89—92.

храма своего. „Толпа не имѣетъ ничего наступательнаго и оборонительнаго, кромѣ частной и общей силы тѣла и духа. Въ то время, какъ таскали изъ монастыря, ни одинъ ни тронулъ понятого: всѣ они стали на колѣна въ нѣсколько колецъ кругомъ храма, сцѣпились руками и ногами и такимъ образомъ съ трудомъ поддавались посторонней силѣ". Толпа эта рѣшилась умереть на мѣстѣ безъ всякой обороны, заслоняя тѣлами своими входъ въ храмъ. Дѣйствительно, они не имѣли никакого оружія. Совсѣмъ не то въ толпахъ, собирающихся изъ окрестныхъ селеній по призыву набатнаго колокола,—онѣ имѣли кое какое вооруженіе и количество ихъ увеличивалось, смотря по мѣрѣ надобности, выражаемой звономъ набата. „Духовенство,—жалуется дальше Степановъ,—не принимая въ разсчетъ ни случившихся неожиданныхъ обстоятельствъ, ни спокойствія 800 жителей, окружающихъ монастырь съ нѣкоторымъ ущербомъ по домашнему быту, ни соотношеній старообрядцевъ Иргиза съ другими ихъ обществами, требуетъ единственно отъ гражданской распорядительной власти сохраненія монастырскаго имущества, между тѣмъ какъ обстоятельство сіе есть послѣдовательное за сохраненіемъ человѣчества и пріобрѣтеніемъ возможности уничтожить безумное упрямство старообрядцевъ". Сообщая далѣе о постановленіи губернскаго правленія и о распоряженіи своемъ относительно приближенія къ монастырю воинскихъ командъ, Степановъ говоритъ, что онъ ожидаетъ только распоряженія свыше, чтобы разомъ окончить такъ затянувшееся дѣло, которое представляетъ собой цѣпь „безпрестанныхъ неожиданностей"[1]).

Петербургскія распоряженія пришли въ Саратовъ только 9 марта. До этого времени Степановъ попытался примѣнить къ непокорнымъ еще двѣ мѣры, съ цѣлью склонить ихъ къ повиновенію. Прежде всего онъ обратился 3 марта съ письмомъ къ А. П. Сапожникову. „Въ столицѣ и здѣсь всѣмъ извѣстно, какое вліяніе имѣете вы на сихъ людей (иргизскихъ поповцевъ) по вашимъ умственнымъ и душевнымъ способностямъ,—писалъ онъ вольскому магнату. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ сдачѣ монастыря... они, по вашему увѣщанію, обратились бы неукоснительно къ своимъ обязанностямъ и послушно, терпѣливо, смиренно приняли къ исполненію высочайшую волю. Мнѣ было бы чрезвычайно пріятно

[1]) Ibidem, 69—77.

донесть всеподданнѣйше Е. И. В., что чрезъ ваше содѣйствіе прекращены безпорядки, возникшіе на Иргизѣ". Но если Степановъ, посылая это письмо, забылъ, какъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ Сапожниковъ убѣждалъ его отложить присоединеніе монастыря, то не забылъ этого самъ Сапожниковъ: отвѣчая на переданное ему губернаторскимъ чиновникомъ Татариновымъ письмо, онъ говоритъ, что, какъ вѣрноподданный, за первое благо жизни поставляетъ исполненіе воли государя императора и вмѣнилъ бы себѣ въ непремѣнный долгъ исполнить порученіе губернатора, если бы этому не мѣшала болѣзнь глазъ. Кромѣ того, что касается вліянія на иргизскихъ старообрядцевъ, то онъ не только не знакомъ съ тамошними жителями, но даже почти не знаетъ и мѣстности прилегающихъ къ Иргизу селеній, такъ какъ былъ въ монастырѣ за всю жизнь не болѣе пяти—шести разъ[1]). Итакъ, эта попытка вытащить чужими руками каштаны изъ огня не удалась. Донесеніе Часовникова, что въ монастырѣ находится всего 49 человѣкъ удѣльныхъ крестьянъ[2]), дало поводъ къ другой выдумкѣ: 7 марта Степановъ далъ предписаніе своему чиновнику особыхъ порученій Горохову немедленно отправиться въ Николаевскъ, а оттуда вмѣстѣ съ Часовниковымъ—въ монастырь и прочитать тамъ старообрядцамъ особо составленное на этотъ случай воззваніе. Степановъ надѣялся, что это воззваніе будетъ имѣть успѣхъ, такъ какъ, съ одной стороны, приближеніе войска должно будетъ смутить защитниковъ монастыря, а съ другой—фактъ ихъ численнаго уменьшенія свидѣтельствовалъ какъ будто о готовности къ уступкамъ. Въ томъ случаѣ, если старообрядцы согласятся оставить монастырь, Гороховъ долженъ былъ выждать ихъ удаленія и затѣмъ вызвать арх. Зосиму и 50 человѣкъ инвалидной команды. Окруживъ часовыми колокольню, чтобы никто не могъ къ ней приблизиться, Гороховъ долженъ отобрать отъ иноковъ заявленіе о желаніи принять единовѣріе и всѣхъ нежелающихъ отправить за карауломъ въ городъ, гдѣ казначея и другого неизвѣстнаго по имени инока изъ уральскихъ казаковъ заключить въ тюрьму, а остальнымъ раздать паспорты и отправить подъ присмотромъ земской полиціи въ мѣста жительства, обязавъ подпискою не возвращаться въ саратовскую

[1]) Ibidem, 80—82.
[2]) Ibidem, 87.

губернію[1]). Гороховъ 8 марта вмѣстѣ съ Часовниковымъ явились въ монастырь, гдѣ нашли не 49, а болѣе 500 человѣкъ крестьянъ обоего пола. Свои убѣжденія они начали съ Корнилія, котораго просили вмѣстѣ съ иноками оставить безполезное упорство и показать толпѣ примѣръ исполненія высочайшей воли[2]). Потомъ вмѣстѣ съ нимъ вышли къ народу и прочитали „воззваніе“ Степанова слѣдующаго содержанія:

„Всемилостивѣйшему государю нашему угодно было приказать сопричислить старообрядческій Никольскій монастырь къ единовѣрческимъ; но когда приступлено было къ исполненію сей высочайшей воли, то вы вторглись въ сей монастырь и воспретили исполнить высочайшую волю сію. Это неимовѣрная дерзость со стороны подданнаго къ государю, это такое же преступленіе, какъ бы дѣти возстали противъ отца. Васъ бы слѣдовало уничтожить силою и не великая нужна сила, чтобы уничтожить васъ! Что же препятствуетъ тому, что до сихъ поръ васъ не уничтожаютъ? Чему вы это приписываете? Я увѣренъ, что у васъ довольно смысла понять, что вы никакой не имѣете возможности устрашить правительство, хотя бы васъ большія тысячи были противъ могущества царской власти! Одна только кротость и отеческое милосердіе самодержавнаго царя терпитъ вашему преступленію. Тотъ, кто могъ бы сокрушить васъ однимъ словомъ, ожидаетъ еще вашей покорности и раскаянія, какъ дѣтей блудныхъ. Не требуютъ отъ васъ обращенія къ единовѣрію,— исповѣдывайте вѣру по своему; не гонятъ васъ, не преслѣдуютъ, не разрушаютъ вашего семейнаго быта, не прикасаются къ вашей собственности... Зачѣмъ мѣшаетесь не въ свое дѣло? Дѣти не требуютъ отчета у отца. Если бы дѣти возстали противъ отца, тогда не устояло бы ни одно семейство, ни одно селеніе, ни одинъ городъ, ни одно царство. Не подданнымъ судить царя,—судитъ его Царь небесный, а наше дѣло повиноваться властямъ и за возстаніе противъ отца, противъ царя, отдадимъ отвѣтъ на страшномъ судѣ Господу Богу. Возмутители похожи на ангеловъ падшихъ, на адскихъ ангеловъ, которые возмутили порядокъ небесный. Я, облеченный довѣріемъ всемилостивѣйшаго государя моего, потому только и дѣйствовалъ кротко до сихъ поръ съ вами, что дѣйствовалъ въ духѣ нашего милосердаго государя. Еще прошу васъ, еще

[1]) Ibidem, 93—95.
[2]) Ibidem, 125.

убѣждаю—не нарушайте порядка, установленнаго въ томъ царствѣ, гдѣ вы родились и гдѣ живете! Еще есть время, говорю я вамъ; раскаяніе ваше смягчитъ вашу судьбу, но дальнѣйшее упорство поведетъ къ гибели здѣсь и въ будущемъ свѣтѣ, какъ измѣнниковъ, потому что вы измѣняете долгу своему повиноваться властямъ, измѣняете слову Божію, великому ученію Христа Спасителя“[1]).

Не ограничившись прочтеніемъ этого воззванія, Гороховъ „мѣрами кротости внушалъ слушателямъ обязанности вѣрноподданныхъ, развернулъ (!) то наказаніе, которое ждало ихъ за неповиновеніе волѣ государевой, сказалъ имъ, чтобы они добровольно оставили монастырь и не мѣшали привесть въ исполненіе священную волю императора“. Корнилій съ своей стороны склонялъ народъ къ тому же. Но „человѣколюбивое и отеческое объявленіе губернатора и всѣ долговременныя внушенія остались безъ всякаго успѣха и одинъ отвѣтъ былъ всѣхъ: умремъ у церкви и не отдадимъ монастыря. Вслѣдъ затѣмъ вся толпа разомъ опустилась на колѣна“. Часовниковъ съ Гороховымъ вернулись въ Николаевскъ, гдѣ собрали къ себѣ 8 человѣкъ наиболѣе благонадежныхъ крестьянъ, прочли имъ „воззваніе“, разъяснили опасность неповиновенія царской волѣ и послали въ монастырь „убѣждать“. Посланные трудились вмѣстѣ съ Корниліемъ съ 6 часовъ вечера до 2 часовъ ночи, но ничего не достигли. Гороховъ 9 марта еще разъ побывалъ въ монастырѣ вмѣстѣ съ Часовниковымъ, Дмитріевымъ, Немировымъ и Кизо и тоже ничего не могъ сдѣлать[2]). Приходилось уѣзжать ни съ чѣмъ въ Саратовъ, но до отъѣзда, если вѣрить г. Попову, Гороховъ сдѣлалъ еще новую и—нужно признаться—очень оригинальную попытку склонить ослушныхъ къ повиновенію: „Отецъ Корнилій!—сказалъ онъ будто бы по секрету настоятелю,—ежели вы не намѣрены и не хотите мнѣ доставить честь чрезъ принятіе Платоновыхъ пунктовъ, то, Бога ради, другому чиновнику не доставляйте, ибо какъ проповѣдь, такъ и система единовѣрія основаны на интересѣ и заслугахъ“. Корнилій понялъ дѣло хорошо и поступилъ согласно сдѣланному Гороховымъ внушенію...[3]). Дѣйствительно ли былъ такой разговоръ—неизвѣстно, но, судя по всему, что извѣстно о Гороховѣ, нужно думать, что могъ быть.

[1]) Ibidem, 96—98.
[2]) Ibidem, 124—127.
[3]) Попов, V, 17.

Въ то время, какъ Гороховъ „дѣйствовалъ“ на Иргизѣ, Степановъ получилъ уже 9 марта строжайшій выговоръ отъ Блудова и слѣдъ затѣмъ высочайшее повелѣніе немедленно покончить съ „происшествіемъ“. Блудовъ писалъ ему отъ 26 февраля, что онъ „крайне удивляется тому равнодушію и холодности“, съ какой, повидимому, губернаторъ принялъ извѣстіе о безпорядкахъ 8 и 9 числа. Вопросъ о присоединеніи,— напоминаетъ онъ,—рѣшенъ не сразу; губернаторъ зналъ заблаговременно о готовящейся мѣрѣ противодѣйствія расколу и, если бы хотѣлъ, могъ подготовить къ ней, какъ должно. Этого мало: губернаторъ самъ же ввелъ въ заблужденіе правительство своимъ сообщеніемъ, что обращеніе совершится тихо и спокойно. Не будь этой „въ излишней мѣрѣ“ увѣренности, онъ послалъ бы на мѣсто дѣйствія войска, а не двоихъ унтеръ-офицеровъ съ десяткомъ рядовыхъ жалкой инвалидной команды. Все это свидѣтельствуетъ о недостаточной распорядительности губернатора[1]). Донесеніе Степанова о безпорядкахъ 8 и 9 февраля Блудовъ въ подлинникѣ представилъ государю и во всеподданнѣйшемъ докладѣ своемъ писалъ между прочимъ: „По мнѣнію моему, губернаторъ не довольно, кажется, вникнулъ въ важность сего дѣла и не принялъ заблаговременно мѣръ, какія принять надлежало“. На этомъ докладѣ государь надписалъ: „Губернаторъ дурно сдѣлалъ, что не отложилъ приступленія къ дѣлу до окончанія дворянскихъ выборовъ, когда ему уже *самому* можно бы было ѣхать съ архимандритомъ. Нынѣ нечего другого дѣлать, какъ строго подтвердить принять мѣры предосторожности, чтобы бунтъ далѣе не распространялся, и для того вытребовать, ежели нужно, часть квартирующихъ войскъ для рѣшительнаго дѣйствія“[2]). Это повелѣніе было сообщено Степанову съ добавленіемъ, что „всѣ могущія быть неблагопріятныя послѣдствія“ относятся на его личную отвѣтственность[3]). Степановъ отвѣтилъ, что онъ 10 марта выѣзжаетъ въ Николаевскъ. Одновременно съ этимъ увѣдомленіемъ онъ послалъ министру внутреннихъ дѣлъ маленькую апологію своихъ дѣйствій. Сваливая всю вину на народъ, совершенно неожиданно принявшій столь горячее участіе въ монастырѣ, Степановъ повторяетъ, что онъ не ошибся въ своемъ заключеніи, такъ какъ иноки давно уже

[1]) С. И. А., № 12, 117—118.
[2]) Дѣла Секр. Комит., Vol. V, стр. 231, 233.
[3]) С. И. А., № 12, 118.

согласны сдать монастырь. Не онъ, а Зосима съ чиновниками водили зачѣмъ-то съ собой изъ Николаевска въ монастырь маленькіе отряды инвалидовъ; не онъ, а они измыслили по невѣдомымъ соображеніямъ курьезную осаду монастыря 800 понятыми. Выясняя такимъ образомъ сущность дѣла, Степановъ добавляетъ, что онъ не хочетъ всѣмъ этимъ оправдываться, ибо убѣжденъ, что мѣстное начальство хотя и лучше видитъ вещи, но „не можетъ обнять ихъ съ той полнотой и общностью, какъ высшее“. Его отвѣтъ—это только попытка возстановить истину[1]). Окончивъ съ Петербургомъ, Степановъ сдѣлалъ послѣднія распоряженія на мѣстѣ. Прежде всего онъ велѣлъ отправить въ Николаевскъ 30 человѣкъ казаковъ, снабдивъ ихъ „двойнымъ количествомъ нагаекъ“[2]). Затѣмъ командировалъ туда же четыре пожарныхъ трубы съ брандмейстеромъ Акимовымъ и нужнымъ числомъ прислуги, такъ какъ получилъ свѣдѣнія, что старообрядцы хотятъ сжечь Николаевскъ и монастырь[3]); наконецъ, взялъ съ собой акушера саратовской врачебной управы, доктора Крузе[4]), и отправился въ путь.

Губернаторъ явился въ Николаевскъ 12 марта. Всѣ предназначенные къ дѣйствію войска и чиновники были уже на лицо. Онъ велѣлъ собрать для содѣйствія побольше понятыхъ православнаго исповѣданія и послалъ въ монастырь, въ видѣ послѣдней попытки, „желая образумить бунтующихъ мѣрами кротости и убѣжденія“, барона Дельвига, который долженъ былъ еще разъ предложить инокамъ и народу изъявить добровольную покорность и, въ случаѣ отрицательнаго отвѣта, рѣшительно объявить имъ, что послѣ всего этого употреблена будетъ сила къ водворенію въ монастырѣ порядка, желаемаго правительствомъ, и всѣ виновники подвергнутся суду и потерпятъ строгое наказаніе. Подобно всѣмъ предыдущимъ, и эта попытка не привела ни къ чему; 432 человѣка мужчинъ и 617 женщинъ, засѣвшихъ въ монастырѣ, рѣшительно отказались отъ добровольной покорности: „Монастыря не оставимъ, церкви нашей никому не выдадимъ. Сила наша будетъ крѣпче вашей силы“, кричали старообрядцы. Вечеромъ составленъ былъ у губернатора „военный совѣтъ“, на которомъ принято рѣшеніе

[1]) Ibidem, 119–123.
[2]) Ibidem, 128.
[3]) Ibidem, 130.
[4]) Ibidem, 131.

дѣйствовать не огнестрѣльнымъ оружіемъ и артиллеріей, а нагайками казаковъ, прикладами солдатъ и пожарными трубами. Такъ и было сдѣлано: 13 марта „полчище“ подступило къ монастырю. Вокругъ храма въ нѣсколько рядовъ лежалъ народъ, крѣпко сцѣпившись другъ съ другомъ. Растащить ихъ не было возможности. Гарцовавшій впереди отряда Степановъ скомандовалъ „пли!“ и началась стрѣльба холостыми зарядами[1]). Въ тоже время изъ трубъ начали качать воду на бунтовщиковъ. Казаки ударили въ нагайки, пѣхота начала дѣйствовать прикладами по неподвижно-лежавшимъ защитникамъ монастыря. Гулъ выстрѣловъ, вопли и стоны избиваемыхъ смѣшались въ одномъ хаосѣ, который способенъ былъ нагнать паническій страхъ на самаго храбраго человѣка. Понятые и солдаты бросились на смутившихся и растерявшихся старообрядцевъ и начали ихъ вязать и вытаскивать изъ монастыря. Въ теченіи цѣлыхъ двухъ часовъ безостановочно шла работа, пока всѣ 1049 человѣкъ были удалены за ограду. Губернаторъ послалъ экипажъ съ четырьмя казаками въ Николаевскъ за духовенствомъ. Дрожа отъ страха, Зосима, Элпидинскій и Державинъ сѣли въ экипажъ: „Что было дѣлать?—говоритъ прот. Элпидинскій.—Должность велитъ отправляться немедленно. а страхъ овладѣваетъ сердцами. Но, положившись во всемъ на волю Божію, тотчасъ отправились“. Передамъ дальнѣйшій разсказъ со словъ того же Элпидинскаго, николаевскаго протоіерея и благочиннаго, по рапорту его преосв. Іакову отъ 17 марта: „Подъѣзжая къ воротамъ монастыря, увидѣли множество народа обоего пола лежащаго связанными. Въѣхавъ внутрь онаго, увидѣли по всему двору текущую воду и множество крови; ибо насосами разливали народъ, а на лошадяхъ разбивали оный врозь; оттого вода и кровь омыли монастырскую площадь. У холодной церкви г. губернаторъ верхомъ встрѣтилъ насъ таковымъ привѣт-

[1]) „Рус. Стар.“, 1879, I, 554. П. А. Степановъ и источники старообрядческаго происхожденія („Церк. Ист.“ П. Васильева, III, 146, и письмо старообрядца въ Кременчугъ) утверждаютъ, что была пальба; г. Поповъ (IV, 94), со словъ какого-то „старожила“, отрицаетъ ее; въ оффиціальныхъ бумагахъ объ этомъ умалчивается. Первыя показанія представляются болѣе вѣроятными, такъ какъ иначе не понятно, изъ-за чего же и разбѣжался народъ? Холоднымъ душемъ едва ли можно было испугать людей, приготовившихся къ смерти. Что касается „старожила“, на котораго въ данномъ случаѣ ссылается Поповъ, то необходимо замѣтить, что, обвиняя другихъ въ „наглой лжи“ (IV, 89), онъ этимъ только напрасно киваетъ на Петра; неумѣренно-храброе отрицаніе фактовъ такъ же непохвально, какъ и преувеличеніе ихъ. Приводимые ниже рапорты Зосимы и Чернышевскаго убѣдительно подтвердятъ эти слова. *Прим. авт.*

ствіемъ: „нý, гг. отцы, извольте подбирать, что видите“. О. архимандритъ благодарилъ его за выполненіе воли монаршей. Засимъ въ теплой церкви, по сбитіи замковъ, освящена вода и все оною окроплено и паки благодарѣнъ губернаторъ. Между тѣмъ, пока служенъ былъ молебенъ, воинство и понятые разбойнически въ присутствіи губернатора грабили имущество монастырское. Окна, двери, полы, погреба, подвалы, кладовыя, сундуки, шкафы, словомъ, все какъ бы отъ ужаснаго землетрясенія разрушилось. Всего имущества, кромѣ находящагося въ церквахъ и въ ризницѣ, при всей нашей тщательной заботливости, не собрано по всему монастырю болѣе, какъ на 300 рублей. Хлѣбъ, кромѣ трехъ амбаровъ, которые остались не разломанными, рыба, масло, овощи, одежда, плуги, сани, колеса, телѣги и всякая домашняя рухлядь—все какъ бы огнемъ пожжено. Словомъ, монастырь сей оставленъ въ самомъ жалкомъ положеніи, по соизволенію г. губернатора“[1]). Этотъ разсказъ подтверждается и рапортомъ преосвященному Іакову прот. Чернышевскаго: „При въѣздѣ моемъ въ монастырь, съ прискорбіемъ увидѣлъ, что во всѣхъ кельяхъ онаго окна или разбиты, или совсѣмъ выломаны. При свиданіи съ о. архимандритомъ Зосимой узналъ я, что сіе раззореніе монастырскихъ сихъ келій произведено 13 марта, въ первомъ часу по полудни, т. е. въ то время, когда въ оном были: г. начальникъ губерніи, воинская команда и собранные изъ окрестныхъ селъ понятые. По личному же моему осмотру найдено, что внутри оныхъ келій мало что осталось въ цѣлости: сундуки и шкафы разбиты, кіоты съ иконами изломаны; кладовыя, принадлежащія вообще монастырю и частно монашествующимъ—раззорены и все то, что въ оныхъ было получше и что можно было похитить,—похищено, а все оставшееся или разбито, или разсыпано; изъ выходовъ, погребовъ и амбаровъ почти все растаскано,—даже полы въ нѣкоторыхъ кельяхъ взломаны; словомъ, монастырь, кромѣ уцѣлѣвшихъ отъ сего церквей и ризницы, потерпѣлъ значительное раззореніе“[2]). Совершенно сходно съ этимъ писали иноки Средняго монастыря въ прошеніи своемъ на имя саратовскаго военнаго губернатора, Бибикова, отъ 14 мая этого года. Исполнители высочайшей воли, по словамъ иноковъ, „приказали пѣхотнымъ солдатамъ бить народъ ружейными

[1]) Арх. канц. сам. еписк., № 1, 48.
[2]) Тамъ же, 49.

прикладами, а коннымъ—мять лошадьми; при семъ дѣйствіи изло́мано было ружейныхъ ложъ до нѣсколько десятковъ. Сверхъ того, не обращая вниманія на суровость зимняго времени, дабы увеличить мученія лежащихъ избитыхъ людей, приказали пожарной командѣ лить на тѣхъ изъ привезенныхъ трубъ воду, каковой и употреблено большое количество. Вслѣдствіе чего какое произошло смятеніе, вопль, плачь, убійственныя кровавыя раны между безоружными старообрядцами, въ особенности же между женскимъ поломъ и малолѣтними дѣтьми, того описать невозможно. Тогда церковная паперть и около оной мѣсто, гдѣ лежали избитые старообрядцы, обагрены были оныхъ кровью. Потомъ ихъ брали и безчеловѣчно за монастырь таскали. Въ то же самое время у церковной двери сбили замокъ; посредствомъ такого пути и вошелъ съ своимъ причтомъ единовѣрческій архимандритъ для совершенія въ оной благодарственнаго о побѣдѣ молебствія, а солдаты и понятые, устремясь по кельямъ, расхищали собственность монастырскихъ жителей и разбивали двери, окна, печи и полы“[1]). Совсѣмъ иначе представляетъ дѣло арх. Зосима въ своемъ донесеніи оберъ-прокурору св. синода: „12 марта г. начальникъ губерніи прибылъ въ Николаевскъ; 13 числа его благоразумными распоряженіями и отеческими мѣрами къ подданнымъ государства, въ 12 часовъ утра, споспѣшествуя волѣ монаршей, успѣлъ по монастырю привесть все въ благоустроенный порядокъ, безъ всякаго не только кровопролитія, но даже и малѣйшаго противъ неблагоразумныхъ ожесточенія. Его благоразуміе, вмѣсто огнестрѣльнаго смертоноснаго оружія, употребило водяные насосы, нарочито для сего привезенные изъ Саратова, коими глупая народная сволочь не болѣе, какъ въ полчаса, приведена въ разсѣяніе. А по разсѣяніи всѣ бунтовщики немедленно взяты подъ стражу... обѣ церкви святой водой окроплены, равно и его превосходительство со всѣмъ христолюбивымъ воинствомъ и всѣ гг. чиновники, присутствовавшіе въ семъ монастырѣ. Засимъ церкви и имущество монастырское мною приняты“[2]). Что въ этой коротенькой бумагѣ о. архимандритъ неоднократно покривилъ душой, это ясно: изъ предыдущаго мы знаемъ уже, что и „ожесточенія“ и кровопролитія было достаточно, иначе монастырская площадь не была бы, по характерному выраженію прот. Элпидинскаго, „омыта кровью“; „благоустроеннымъ

[1]) С. И. А., № 12, 265—266.
[2]) Арх. канц. сам. еписк., № 1, 51.

порядкомъ" едва ли можно было назвать разрушеніе монастыря „какъ бы землетрясеніемъ"; монастырское имущество 14 марта, когда отправлено было это донесеніе Зосимы, принято не было, такъ какъ губернаторъ отказался 13 марта назначить для передачи его особаго чиновника, въ виду того что „объ этомъ въ предписаніи ему ничего не сказано", и принялъ его гораздо позже не Зосима, а Чернышевскій[1]). На вопросъ, зачѣмъ скрывалъ истину о. архимандритъ, къ чему онъ кривилъ душой, прот. Элпидинскій отвѣчаетъ: „въ утишеніе раздраженнаго сердца губернаторскаго". И „утишеніе" было достигнуто: „По принятіи сей штафеты губернаторское сердце къ о. архимандриту уже переродилось, вмѣсто звѣрскаго стало благодѣтельнымъ. И о. архимандритъ, водворяся на монастырскихъ развалинахъ,... благодаритъ Бога, что при образованіи обители никто не палъ мертвымъ"[2]).

Оставимъ о. Зосимѣ благодарить Господа Бога и посмотримъ на послѣдовавшія за „возсоединеніемъ" Никольскаго монастыря событія. Прежде всего закрытъ былъ женскій Успенскій монастырь, но безъ всякой помпы: губернаторъ приказалъ инокинямъ удалиться изъ монастыря, приписаннымъ къ нему по ревизіи—въ Покровскій монастырь, а не приписаннымъ и живущимъ по паспортамъ—на родину; срокъ на распродажу келій назначилъ до 1838 года. Послѣ губернатора посѣтилъ обитель, по приказанію Зосимы, свящ. Державинъ съ единовѣрческимъ монахомъ Игнатіемъ, выбралъ изъ часовни иконы, книги и утварь, а часовню запечаталъ[3]). Затѣмъ Степановъ составилъ представленіе министру внутреннихъ дѣлъ и всеподданнѣйшій рапортъ государю. Министру очень сдержанно и темно, съ пропусками и недомолвками, сообщалась операція возсоединенія[4]); государю докладывалось только о побѣдѣ, съ коротенькимъ замѣчаніемъ, что „при семъ дѣйствіи не сдѣлано было ни одного выстрѣла и никто не лишился жизни"[5]). Преосвящ. Іаковъ донесъ гр. Протасову о счастливомъ совершеніи возсоединенія и, какъ будто забывъ свою недавнюю просьбу о Быковѣ, ходатайствовалъ о выраженіи благодарности Степанову, который „благоразумными мѣрами содѣйствовалъ окончанію дѣла", равно какъ

[1]) Ibidem, 52.
[2]) Ibidem, 50.
[3]) С. И. А., № 12, 272.
[4]) Ibidem, 142—146.
[5]) Ibidem, 141.

и о всемилостивѣйшемъ прощеніи бунтовавшихъ крестьянъ, потому что бунтъ этотъ былъ результатомъ „ихъ простоты и малообразованности“, свойственныхъ заволжскимъ степнымъ раскольникамъ, въ особенности давно тамъ поселеннымъ“[1]). Вслѣдъ затѣмъ онъ поручилъ Чернышевскому составить „*Историческое описаніе обращенія монастыря*“, что и было исполнено къ 15 октября этого же года[2]). Ходатайство за Степанова опоздало: оно вмѣстѣ съ не совсѣмъ точными оффиціальными донесеніями о взятіи монастыря спасло ему губернаторское содержаніе, но не спасло мѣста[3]),— Степановъ еще до полученія этихъ бумагъ былъ уволенъ отъ должности и саратовскимъ военнымъ и гражданскимъ губернаторомъ сдѣланъ Илларіонъ Михайловичъ Бибиковъ. На докладѣ Блудова 23 марта о взятіи монастыря государь надписалъ: „Слава Богу, что такъ кончилось; надо подтвердить г. Бибикову, чтобы строго слѣдилъ за дѣйствіями раскольниковъ и за впечатлѣніемъ, какое сіе происшествіе на нихъ произвело“[4]).

Это было вверху; внизу шло другое. Всѣ женщины, захваченныя въ плѣнъ при взятіи монастыря, были немедленно распущены по домамъ; мужчины, въ числѣ 379 человѣкъ, отправлены въ Николаевскъ и предназначены къ помѣщенію во вновь отстроенной тюрьмѣ. Но изъ нихъ, по осмотру Крузе, 160 оказались „хворыми, слабыми и утомленными“ (послѣдній терминъ обозначаетъ, по всей вѣроятности, избитыхъ, такъ какъ защитники монастыря содержались на монастырскій счетъ и никакихъ укрѣпленій не строили, а потому и утомиться имъ было негдѣ); эти были отпущены по домамъ впредь до востребованія; изъ остальной половины часть устроилась въ тюрьмѣ, гдѣ помѣщеніе было на 70—80 человѣкъ, а другая часть расположена на квартирахъ подъ приличнымъ карауломъ[5]). Затѣмъ произведены были обыски у нѣкоторыхъ понятыхъ, по заявленію потерпѣвшихъ, при чемъ у иныхъ оказались довольно крупныя суммы: такъ понятой Зайчиновъ стащилъ кожаную сумку съ 1211 рублями[6]). Далѣе назначено слѣдствіе по дѣлу о сопротивленіи крестьянъ; производить его поручено Горохову. Главной задачей слѣдствія Сте-

[1]) Арх. канц. сам. еписк., № 1, 41.
[2]) Ibidem, 93.
[3]) „Рус. Стар.“, 1879, I, 554.
[4]) Дѣла Секр. Комит., Vol. V, стр. 225.
[5]) С. И. А., № 12, 149.
[6]) Ibidem, 133.

Пановъ поставилъ—открытіе истинныхъ зачинщиковъ и опредѣленіе степени виновности остальныхъ захваченныхъ въ монастырѣ[1]). Это все сдѣлано было 14 марта; 15 осмотрѣны, по требованію военнаго начальства, солдатскія ружья, сильно пострадавшія при „усмиреніи буйнаго народа“: изломано и повреждено 45 ружейныхъ ложъ и прикладовъ и испорчено нѣсколько ружей; нѣкоторые солдаты,—вѣроятно, изъ болѣе усердныхъ,—ухитрились даже разбить приклады и сломать желѣзные шомпулы[2]). Изъ всѣхъ иноковъ Средняго монастыря только 8 человѣкъ были переведены въ Верхній, а изъ женскаго—только 13 инокинь отправлены въ Покровскій; остальные разосланы въ мѣста жительства, со снятіемъ монашескаго платья и съ запрещеніемъ показываться въ предѣлы Саратовскаго края[3]). Что касается двоихъ священниковъ, Пареньева и Канардова, захваченныхъ въ монастырѣ, то Степановъ обратился съ особымъ ходатайствомъ къ Блудову: отсылка ихъ, какъ предполагалъ Іаковъ, по первоначальному мѣсту службы, къ епархіальнымъ архіереямъ тамбовскому и пензенскому, кажется ему мѣрой неудовлетворительной, такъ какъ они въ этомъ случаѣ легко могутъ возвратиться на Иргизъ, гдѣ будутъ скрываемы старообрядцами со всѣмъ тщаніемъ и обезпечатъ ихъ на счетъ всѣхъ духовныхъ требъ. Правда, за этими священниками никакого преступленія нѣтъ, но оба они, особенно же первый, пользуются на Иргизѣ общимъ довѣріемъ и любовію народа, а потому всего надежнѣе было бы, тотчасъ по разстриженіи, отослать ихъ куда нибудь подальше, напр., въ Соловецкій монастырь. Тогда всѣ 13.000 иргизскихъ старообрядцевъ лишены будутъ возможности совершать христіанскія требы и по необходимости „другъ за другомъ станутъ прибѣгать къ единовѣрію или къ самому православію“.—„У старообрядцевъ,—говоритъ Степановъ,—нѣтъ ни твердости ни отчаянія; напротивъ—упрямство и чаяніе: они не перейдутъ ни въ какую секту, держась упрямо своей старины и твердо надѣясь, что правительство не можетъ не дать имъ поповъ“. Но если только имъ дозволить имѣть новыхъ поповъ или если къ нимъ явятся эти два, тогда напрасно два раза громили монастыри: цѣль на-долго еще останется не достигнутой и единовѣріе

[1]) Ibidem, 157.
[2]) Ibidem, 162, 165.
[3]) Ibidem, 188—189.

не привьется на иргизской почвѣ[1]). Но и это, послѣднее за время губернаторства Степанова, представленіе по дѣламъ о расколѣ въ министерство внутреннихъ дѣлъ уважено не было: государь одобрилъ намѣреніе преосв. Іакова отправить обоихъ священниковъ къ ихъ епархіальному начальству для преданія суду и только повелѣлъ строго наблюдать, чтобы они не бѣжали изъ монастырей, въ которые будутъ помѣщены, и не появились вновь на Иргизѣ,—при хорошемъ надзорѣ ссылка въ Соловки не нужна[2]).

Скоро на мѣсто Степанова явился Бибиковъ. При отъѣздѣ его изъ Петербурга государь приказалъ ему: „Не упускать изъ виду возможности упразднить и послѣдній раскольничій Верхне-Спасо-Преображенскій монастырь“[3]). Бибиковъ 3 мая былъ уже въ Саратовѣ и, согласно высочайшей воли, прежде всего приступилъ къ обозрѣнію дѣйствій саратовскаго гражданскаго начальства при обращеніи Средняго монастыря; 10 числа онъ отправился въ Николаевскъ для осмотра на мѣстѣ Никольскаго монастыря и обоихъ верхнихъ[4]). Смыслъ этой поѣздки не понять былъ заволжскими старообрядцами и потому они засыпали Бибикова жалобами и просьбами на счетъ отобранія монастырей. Такъ въ Вольскѣ 14 мая ему подали прошеніе отъ лица николаевскихъ старообрядцевъ Петръ Долговъ и Семенъ Власовъ. Въ этомъ прошеніи любопытно объясненіе причины бунта: онъ возникъ отъ предположенія, что „съ отобраніемъ монастырей въ единовѣріе и старообрядчество непремѣнно должно кончиться по всему Иргизу“. Грубой толпѣ нельзя было и не предположить этого, такъ какъ явившіеся отбирать монастыри прежде всего предложили принять единовѣріе и обнаружили намѣреніе взять наличныхъ бѣглыхъ священниковъ, послѣ чего на Иргизѣ должно было изсякнуть священство. Отсюда страхъ и ужасъ, отсюда упорство, отсюда штурмъ съ его послѣдствіями,—опустошеніемъ и разграбленіемъ монастыря, избіеніемъ и оскорбленіемъ его защитниковъ, которыхъ не только били прикладами, плетями и дубинками, не только топтали лошадьми, но и позорно вытаскивали изъ монастыря за волосы и за бороды[5]). Два дня спустя послѣ по-

[1]) Ibidem, 147—148.
[2]) Ibidem, 325.
[3]) Дѣла Секр. Комит., Vol. IX, л. 462.
[4]) С. И. А., № 12, 249.
[5]) Ibidem, 253—254.

дачи долговскаго прошенія, Бибиковъ подобное же прошеніе полу чилъ отъ Корнилія съ братіей, а потомъ и отъ Θеофаніи съ сестрами[1]). Нѣсколько позже, въ проѣздъ государя наслѣдника чрезъ саратовскую губернію, эти же самыя лица подали ему прошеніе о возвращеніи монастыря и о дарованіи имъ права священства: государь отказалъ просителямъ, какъ писалъ объ этомъ гр. Протасовъ въ іюлѣ 1837 года, и повелѣлъ объявить чрезъ гражданское начальство, что правительство съ отобраніемъ монастырей не лишаетъ раскольниковъ ни употребленія старопечатныхъ книгъ ни богослуженія по ихъ обрядамъ, но не можетъ дозволить имѣть бѣглыхъ поповъ, какъ безпорядокъ, нетерпимый ни въ какомъ благоустроенномъ обществѣ, тѣмъ болѣе что и самая важность таинствъ препятствуетъ допустить отправленіе ихъ порочными и часто преступными бѣглецами[2]). Собственно говоря, изъ всѣхъ просителей болѣе другихъ имѣла основаніе жаловаться Θеофанія. Распродажа келій велась самымъ безобразнымъ способомъ: полиція продавала ихъ за крайне дешевую цѣну, причемъ покупщиками являлись православные священники сосѣднихъ селъ; арх. Зосима изъявилъ притязаніе на 11 келій, какъ построенныхъ будто бы на средства Никольскаго монастыря, и кельи эти были отданы ему. Многимъ и много пришлось хлопотать, чтобы выяснить его ошибку и возстановить право собственности[3]).

Если Бибиковъ ничего не могъ сдѣлать для скорбѣвшихъ объ отнятіи монастыря, то онъ сдѣлалъ многое для захваченныхъ въ монастырѣ и преданныхъ суду. Военно-судная комиссія по дѣлу о сопротивленіи высочайшей волѣ постановила: 11 человѣкъ наказать кнутомъ и сослать въ каторжныя работы; 326 человѣкъ и настоятеля Корнилія наказать плетями и сослать на поселеніе; 16 человѣкъ, по старости лѣтъ, безъ тѣлеснаго наказанія сослать въ Сибирь на поселеніе; 50 человѣкъ оправдать[4]). Благодаря заступничеству Бибикова, этотъ драконовскій приговоръ былъ сильно смягченъ государемъ при конфирмаціи: тѣлесное наказаніе отмѣнено для всѣхъ безъ исключенія, чтобы не сдѣлать ихъ мучениками и страдальцами за вѣру, и только 7 человѣкъ повелѣно помѣстить въ арестантскія

[1]) Ibidem, 264—266; 271—272.
[2]) Ibidem, 345.
[3]) Арх. канц. губерн., 1837, № 99.
[4]) С. И. А., № 12, 273—274.

роты, а 18—сослать въ закавказскія провинціи; но изъ этихъ 25 человѣкъ шестеро, по старости лѣтъ и слабости здоровья, размѣщены въ православныхъ монастыряхъ, 18—вмѣстѣ съ Корниліемъ отправлены въ Закавказье и только одинъ попалъ въ арестантскія роты[1]).

Иргизъ, только что пострадавшій отъ никоніанъ, скоро еще больше пострадалъ отъ огня: 25 мая 1837 года въ Покровскомъ женскомъ монастырѣ истреблено пожаромъ до 50 дворовъ. Настоятельница Надежда обратилась къ Бибикову за разрѣшеніемъ построить новыя кельи и указывала, что пострадало отъ пожара до 130 человѣкъ, при томъ большею частью старыхъ и безродныхъ, которые буквально не имѣютъ крова. Бибиковъ разрѣшилъ только возобновить настоятельскую стаю, такъ чтобы можно было помѣстить до 30 престарѣлыхъ инокинь, болѣе же ничего не дозволилъ строить. Блудовъ нашелъ это распоряженіе „основательнымъ“, а государь написалъ на докладѣ Блудова: „справедливо“[2]). Прошло три мѣсяца послѣ этого пожара и случился новый, еще болѣе сильный: 28 августа въ Никольскомъ единовѣрческомъ монастырѣ вспыхнулъ среди бѣлаго дня сарай и разлившійся при сильномъ вѣтрѣ по всему монастырю огонь въ 3—4 часа уничтожилъ 23 кельи и большое количество разныхъ запасовъ, всего на 21.145 руб. Преосв. Іаковъ, со словъ Зосимы, подозрѣвалъ поджогъ и обвинялъ въ этомъ раскольниковъ; Гороховъ отправленъ былъ производить слѣдствіе, но виновниковъ не нашелъ. Чрезъ мѣсяцъ, 29 сентября, пожаръ повторился, но захваченъ былъ въ самомъ началѣ. Поджогъ сдѣлалъ сынъ бѣглаго священника, Иванъ Васильевъ Петровъ, жившій въ монастырѣ; за неудачную попытку онъ получилъ десять ударовъ плетью и отправленъ въ Сибирь на поселеніе[3]).

Итакъ второе раскольническое „гнѣздо“ пало. Однимъ,—и очень крупнымъ, по взгляду епархіальной власти,—препятствіемъ къ успѣшному ходу дѣла единовѣрія въ Саратовскомъ краѣ стало меньше. Еще оставалось, повидимому, только два препятствія: существованіе на прежнемъ положеніи Верхняго монастыря и дѣятельность бѣглыхъ священниковъ. Къ устраненію этихъ „препонъ“ и направилась дѣятельность саратовской администраціи. Преосвящ.

[1]) Ibidem, 331, 348.
[2]) Дѣла Секр. Комиг., Vol. V, стр. 293, 296.
[3]) Арх. канц. губерн., 1837, № 252, 2, 90.

Іаковъ былъ глубоко убѣжденъ, что его миссіонеры оказали бы несравненно больше успѣховъ, если бы имъ не вредилъ фактъ существованія бѣглыхъ священниковъ. На эту мысль его навели, кажется, сами миссіонеры. По крайней мѣрѣ, прот. Бибиковъ усердно старался въ этомъ духѣ и при всякомъ удобномъ случаѣ сваливалъ вину за недостаточность результатовъ своей дѣятельности на этихъ козловъ отпущенія. Вотъ что между прочимъ рапортовалъ онъ Іакову 14 января 1837 года: „Вольскіе раскольники, не находя словъ противъ предложенныхъ мною истинъ (во время собесѣдованія), одно только говорятъ: „доколѣ у насъ будутъ священники, дозволенные верховнымъ правительствомъ, дотолѣ мы едва ли пожелаемъ принять единовѣріе“... И преосвященный, подготовленный къ чтенію подобныхъ рапортовъ, ни на минуту не задумался надъ этими строками; ему не показалось страннымъ внезапное оскудѣніе въ Вольскѣ умныхъ людей изъ раскольниковъ и непостижимая откровенность, съ какой послѣдніе обнаруживаютъ свою ахиллесову пяту. Нѣтъ, онъ поспѣшилъ сообщить донесеніе Бибикова св. синоду, какъ прекрасную и фактическую иллюстрацію для мысли о необходимости стѣснить до-нельзя или, еще лучше, совсѣмъ уничтожить бѣглыхъ поповъ[1]). Приведенный случай не былъ явленіемъ единичнымъ: бѣглые попы часто спасали прот. Бибикова отъ разныхъ непріятностей; для него это былъ своего рода громоотводъ архіерейскаго гнѣва.

Гоненіе на бѣглыхъ поповъ—вотъ чѣмъ озабоченъ былъ преосв. Іаковъ въ 1837 и 1838 годахъ. Онъ нетерпѣливо ждалъ полнаго оскудѣнія священства въ средѣ старообрядцевъ и послѣдствія этого оскудѣнія рисовалъ себѣ и другимъ въ самомъ розовомъ свѣтѣ. Въ этомъ онъ сошелся съ Степановымъ, которому казалось, что всѣ труды администраціи погибнутъ даромъ, если Канардовъ съ Парѳеньевымъ вернутся на Иргизъ. Легко представить себѣ его радость, когда онъ узналъ, что священникъ Калугинъ переходитъ въ единовѣріе,—благодаря этому въ Вольскѣ оставался только одинъ священникъ, Прохоръ Дмитріевъ Любимовъ. Отнятіе у раскольниковъ одного бѣглаго попа казалось ему важнѣе обращенія сотни мірянъ. Это была ошибка: Любимовъ и безъ Калугина успѣвалъ исправлять всѣ духовныя требы вольскихъ „христіанъ,“ такъ что надобности

[1]) Арх. сарат. консист., 1837, № 141, 5.

обращаться къ священнику единовѣрческому или православному они не чувствовали. Съ другой стороны, примѣръ Калугина не соблазнилъ никого: до него въ Вольскѣ было 30 человѣкъ, желающихъ перейти изъ раскола въ единовѣріе, съ нимъ стало ихъ 31. И напрасно эти 31 человѣкъ, величая себя „лучшими гражданами изъ вольскихъ старообрядцевъ“, хлопотали о передачѣ имъ каменнаго храма; напрасно преосвященный хлопоталъ предъ администраціей объ оказаніи содѣйствія этимъ „благонамѣреннымъ“ гражданамъ: Бибиковъ взглянулъ на нихъ, какъ на ренегатовъ, изъявлявшихъ притязаніе на чужую собственность, и отклонилъ ходатайство о передачѣ храма[1]). Но этого мало. Есть основанія сомнѣваться и въ искренности обращенія самого Калугина: по крайней мѣрѣ, больше года по принятіи единовѣрія онъ продолжалъ попрежнему заниматься требоисправленіемъ у своихъ прежнихъ духовныхъ дѣтей, пока, наконецъ, въ 1838 году ему не запретилъ этого вольскій городничій Любецкій[2]). Между тѣмъ эти бывшія духовныя дѣти единовѣрія не приняли... Съ Прохоромъ Любимовымъ преосв. Іаковъ упорно боролся нѣсколько лѣтъ: это былъ священникъ, пользовавшійся въ Вольскѣ авторитетомъ даже среди православныхъ, человѣкъ умный, хитрый, осторожный. Узнавъ, что его приглашаютъ въ присутственныя мѣста для привода раскольниковъ къ присягѣ, Іаковъ потребовалъ прекращенія этого „соблазна“[3]),—это единственная побѣда, которою могъ похвалиться преосвященный; совершенно парализовать дѣйствія Прохора ему никогда не удалось.

Почти одновременно съ Вольскомъ пришлось обратить усиленное вниманіе на Хвалынскъ, гдѣ поселившійся бѣглый священникъ села Адоевщины, хвалынскаго уѣзда, Иванъ Петровъ, исправлялъ по секрету старообрядцамъ всякія требы[4]). Іаковъ дождался донесенія отъ хвалынскаго благочиннаго Н. Ремезова, въ которомъ сообщалось, сословъ священника Константина Воловскаго, будто Иванъ Петровъ гермафродитъ, и немедленно сдѣлалъ представленіе св. синоду о необходимости удалить этого урода изъ Хвалынска, такъ какъ, по каноническимъ правиламъ, онъ священствовать никакъ не можетъ[5]). Такая заботливость о соблюденіи церковныхъ каноновъ раскольни-

1) Ibidem, 1837, № 2348.
2) С. И. А., Карт. А, № CXXIX, л. 11.
3) Арх. канц. губерн., 1837, № 80.
4) Арх. консист., 1837, № 450.
5) Ibidem, 1837, № 2298, 5.

ками могла бы показаться нѣсколько странной въ православномъ епископѣ, если бы не была понятна ея задняя мысль...

Наблюдая за Вольскомъ и Хвалынскомъ, преосв. Іаковъ не спускалъ глазъ и съ Иргиза. Уже въ 1837 году онъ донесъ синоду, что въ Верхнемъ монастырѣ богослуженіе отправляется съ колокольнымъ звономъ, и получилъ въ отвѣтъ предложеніе настоять предъ мѣстнымъ начальствомъ о прекращеніи этого беззаконія. Губернаторъ остался очень недоволенъ непосредственнымъ обращеніемъ преосвященнаго за помощью прямо къ синоду и надписалъ на отношеніи Іакова по этому поводу слѣдующую резолюцію: „Почему же преосвященный не далъ мнѣ знать о семъ? Это безъ обремененія св. синода можно бы прекратить, если бы дѣйствительно это было. Просить его преосвященство о семъ на будущее время, а николаевскому исправнику поставить на видъ такой безпорядокъ“. Съ настоятеля Силуана взята была подписка о неупотребленіи звона при богослуженіи[1]), но онъ вслѣдъ затѣмъ обратился къ губернатору съ ходатайствомъ о разрѣшеніи звона къ молитвѣ и исправникъ Ансіевъ, „по мѣстнымъ обстоятельствамъ“, находилъ возможнымъ удовлетворить ходатайство. Бибиковъ однако не согласился[2]). Не прошло послѣ этого двухъ мѣсяцевъ, какъ преосв. Іаковъ сообщилъ губернатору, что Ансіевъ запретилъ въ Верхнемъ монастырѣ только „формальный“ звонъ, а въ малые колокола звонъ не прекратился, и потому просилъ снять всѣ колокола монастыря и передать ихъ въ Средній монастырь. Бибиковъ исполнилъ первую половину просьбы, но отказалъ во второй,—колокола оставилъ хранить при Верхнемъ монастырѣ, не передавая единовѣрцамъ[3]). Далѣе въ началѣ сентября 1838 года единовѣрческіе архимандриты Платонъ и Зосима посѣтили, по порученію архіерея, Верхній монастырь. Въ алтарѣ они встрѣтили замѣчательную чистоту и опрятность, на престолѣ и жертвенникѣ не нашли никакихъ признаковъ пыли. Принимая въ соображеніе, что иноки уважаютъ святыню и прикосновеніе къ ней неосвященными руками считаютъ за великій грѣхъ, архимандриты пришли къ мысли, что слухъ о нерѣдко бывающемъ въ этомъ монастырѣ секретномъ отправленіи богослуженія по ночамъ вполнѣ справедливъ. Іаковъ тотчасъ потребовалъ произвести слѣд-

[1]) Арх. канц губерн., 1838, № 252, 1—5.
[2]) Ibidem, 1839, № 87.
[3]) Ibidem, 1838, № 218, 7—8.

ствіе, но исправникъ Ансіевъ, которому предварительно поручено было секретно разузнать дѣло, отвѣтилъ, что „невозможно нисколько замѣтить отправленія богослуженія“, и слѣдствія, во избѣжаніе излишняго шума, назначено не было[1]).

Лучше всего въ эти годы было раскольникамъ аткарскаго и балашовскаго уѣздовъ, благодаря близости Земли войска донского, они отъ времени до времени получали оттуда бѣглыхъ поповъ и могли, съ грѣхомъ пополамъ, удовлетворять требованіямъ религіознаго чувства. Миссіонеръ Полянскій жаловался неоднократно преосвященному на бѣглаго священника Василія, который наѣзжалъ въ Кологривовку, Баланду и Салтыковку, аткарскаго уѣзда, для совершенія требъ; проживалъ онъ обыкновенно въ Пяти-избинской станицѣ, у отставного полковника Денисова, который посылалъ его по всѣмъ раскольникамъ аткарскаго и балашовскаго уѣздовъ въ сопровожденіи двухъ человѣкъ, одѣтыхъ въ казачье платье. Пріѣзжалъ сюда иногда и другой священникъ, Александръ. Поймать ихъ довольно трудно, такъ какъ сельское начальство въ Кологривовкѣ и Салтыковкѣ состоитъ изъ раскольниковъ[2]). Благодаря слабости надзора, въ Ртищевѣ, аткарскаго уѣзда, иргизскій инокъ Питиримъ свободно ходилъ въ монашескомъ платьѣ и ревностно велъ пропаганду раскола[3]). Бывали разные бѣглые священники и по другимъ мѣстностямъ, но очень рѣдко и осторожно. Такъ по сердобскому уѣзду, у раскольниковъ села Монастырщины, въ 1838 году исправлялъ требы священникъ Стефанъ Провансовъ. Въ 1839 году началось по этому поводу слѣдствіе, тянувшееся очень долго и кончившееся ничѣмъ, такъ какъ Провансовъ оставленъ лишь въ подозрѣніи. Слѣдствіе установило, впрочемъ, фактъ, что, живя у своего тестя, священника села Никольскаго, Ѳомы Соколова, Провансовъ тайно отлучался къ раскольникамъ сердобскаго уѣзда, по преимуществу въ Монастырщину, и даже ризы бралъ чрезъ тестя своего, изъ православной церкви[4]). Старообрядцы Заволжья пробавлялись въ это время разстриженнымъ священникомъ симбирской губерніи, Степаномъ Васильевымъ. Этого священника возилъ по уѣзду крестьянинъ Петръ Салоновъ, сдѣлавшій изъ него живую

[1]) Ibidem, 1—4.
[2]) Арх. консист., 1838, № 2438, 4—6; № 2439, 1—5.
[3]) Ibidem, 1837, № 1165, 3.
[4]) Ibidem, 1839, № 1369, 1—107.

статью дохода, такъ какъ получалъ половину всей платы за отправляемыя имъ требы. Салововъ такъ тщательно наблюдалъ за своимъ „батюшкой“, что послѣдній „и для естественной надобности одинъ выпускаемъ не былъ“. На слѣдствіи Васпльевъ показалъ, что ему чаще всего приходилось крестить младенцевъ, человѣкъ по 6—20 въ разъ. Крещеніе производилось обыкновеноо въ землянкахъ, на сѣнникахъ, въ лѣсу, куда приносилась купель и пристраивался на дерево образъ. Пойманъ онъ былъ въ октябрѣ 1838 года священникомъ Яковомъ Архангельскимъ за совершеніемъ требъ, ночью, въ домѣ крестьянина села Богородскаго, николаевскаго уѣзда (этотъ крестьянинъ послѣ 30 лѣтъ жизни въ расколѣ только что принялъ *православіе*). Уголовная палата скоро освободила однако Васильева отъ суда и онъ устроился въ Николаевскѣ у Луки Волковойнова, продолжая отправлять раскольникамъ требы. Мѣстные раскольники оживились духомъ: „Богъ далъ попа!“ Поймать его во второй разъ было очень трудно, ибо раскольники, по словамъ прот. Элпидинскаго, „блюли его, какъ какую драгоцѣнность“. И онъ, дѣйствительно, былъ драгоцѣнностью для нихъ: ему приходилось вѣнчать разомъ по 28 паръ,—такъ сильно чувствовалось надобность въ священникахъ. Вѣнчаніе производилось въ степи или въ лѣсу въ особой полотняной палаткѣ, со столомъ—вмѣсто аналоя и съ иконами—вмѣсто вѣнцовъ[1]).

Если къ перечисленнымъ бѣглымъ священникамъ, которыми могли пользоваться саратовскіе старообрядцы, прибавить еще двоихъ —въ Саратовѣ и Кузнецкѣ[2]),— то это будутъ всѣ, которыхъ мы знаемъ за это время въ Саратовскомъ краѣ. Есть основаніе полагать, что больше ихъ и не было: преосв. Іаковъ съ помощью своихъ миссіонеровъ слишкомъ пристально слѣдилъ за ними, чтобы пропустить кого-нибудь. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что 5—6 священниковъ на всю многотысячную массу саратовскихъ поповцевъ было крайне недостаточно. Недостаточность эта скоро обнаружилась. Уже въ 1838 году шереметевскіе раскольники, аткарскаго уѣзда, въ количествѣ 364 душъ, пришли къ убѣжденію, что часовня святѣе церкви. Крещеніе у нихъ отправляютъ бабки, миропомазанія нѣтъ, исповѣдь совершаютъ начетчики по скитскому по-

1) Ibidem, 1838, № 2775, 1—82.
2) Указъ сар. конс., 28 іюня 1837, № 4653.

каянію, пріобщаются они „большой богоявленской водой“[1]). Къ 1841 году подобное явленіе наблюдалось и за Волгой: свадьбы тамъ перестали вѣнчать. Обычай этотъ укоренился до такой степени, что увѣщанія духовенства оставались безъ результатовъ и Элпидинскій находилъ одно только дѣйствительное средство противодѣйствовать развивавшемуся „безобразію“,—это развесть всѣ незаконныя купножительства раскольниковъ[2]), но на такую рѣшительную мѣру преосв. Іаковъ не пошелъ. Часть заволжскихъ старообрядцевъ, въ количествѣ 10.000 душъ, въ концѣ 1838 года подала прошеніе министру внутреннихъ дѣлъ о разрѣшеніи ѣздить съ требами въ Хвалынскъ и Вольскъ, къ находящимся тамъ бѣглымъ священникамъ: по взятіи Средняго монастыря для нихъ,—пишутъ они,—„настала эпоха нравственныхъ страданій и долговременнаго испытанія, которое повергло ихъ въ совершенное уныніе“. Прошеніе было удовлетворено. Вслѣдъ затѣмъ и хвалынскіе старообрядцы, оставшись безъ пастыря за обращеніемъ въ единовѣріе ихъ единственнаго священника, обратились къ губернатору съ просьбой о дозволеніи ѣздить за исправленіемъ требъ въ Вольскъ. Разрѣшеніе тоже было дано. Съ такою же просьбой обращались потомъ нѣсколько сельскихъ обществъ заволжскаго края, числомъ до 3.338 душъ, и 1500 человѣкъ кузнецкихъ старообрядцевъ, лишившихся своего священника, и всѣ эти просьбы были уважены[3]). Позже другихъ возбудили подобное ходатайство саратовскіе старообрядцы съ Уфимцевымъ, Жуковымъ, Губинымъ и Масленниковымъ во главѣ, потому что у нихъ ушелъ священникъ Федоровскій; губернаторъ удовлетворилъ[4]). Даже Силуанъ съ братіей просилъ Бибикова разрѣшить имъ или обращаться въ Саратовъ и Вольскъ съ необходимыми требами, или приглашать къ себѣ въ монастырь старообрядческихъ священниковъ, хотя бы на самое короткое время. Ни на то, ни на другое Бибиковъ не согласился[5]). Дубовскіе старообрядцы—такъ тѣ отправили въ Петербургъ Іерофея Кочедыкова, болѣе извѣстнаго подъ именемъ „Христіанина“, хлопотать прямо о дарованіи имъ права имѣть бѣглыхъ священниковъ[6]) и, когда эти хлопоты остались безуспѣшны,

[1]) Арх. конс., 1838, № 817, 9.
[2]) Ibidem, 1838, № 2775, 105.
[3]) Арх. канц. губерн., 1839, № 22, 4—19; № 30, 2—3.
[4]) Ibidem, 1840, № 495, 1—2.
[5]) Ibidem, 1838, № 107, 1—2.
[6]) Прилож. къ отч. гр. Стенбока.

то начали безъ всякихъ разрѣшеній ѣздить за отправленіемъ крупныхъ требъ въ Росговъ на-Дону, гдѣ при часовнѣ былъ бѣглый священникъ Пальмовъ[1]). Затруднительные поиски бѣглыхъ священниковъ, дороговизна ихъ услугъ, полицейскія преслѣдованія—все это заставляло иныхъ старообрядцевъ идти на компромиссъ съ православіемъ, принимать единовѣріе, но что это былъ за компромиссъ, какъ выполнялись условія его—объ этомъ можно судить по слѣдующему примѣру. Въ ноябрѣ 1838 года присоединились къ единовѣрію 165 душъ крестьянъ села Краснаго Яра, новоузенскаго уѣзда. Къ нимъ опредѣленъ единовѣрческій священникъ Иванъ Виноградовъ; но въ январѣ 1839 года новоприсоединенные жалуются уже, что о. Виноградовъ „неопытенъ служить по старообрядчески“ и просятъ взять его, а въ сентябрѣ мѣсяцѣ самъ Виноградовъ подаетъ прошеніе объ увольненіи за штатъ, такъ какъ единовѣрія въ Красномъ Яру совершенно нѣтъ и дѣлать священнику тамъ нечего: единовѣрцы попрежнему исправляютъ свои обряды,—сами совершаютъ крещеніе, сами вѣнчаютъ браки; священникъ существуетъ у нихъ только на показъ полиціи и духовнымъ властямъ[2]).

Для поддержанія бодрости духа въ унывающихъ, старообрядцы все чаще и чаще стали выпускать въ свѣтъ подложные указы и манифесты о дозволеніи имѣть имъ бѣглыхъ священниковъ по сношенію съ гражданской властью; все чаще и усиленнѣе стали они распространять слухи о чудесахъ, въ родѣ истеченія крови изъ иконы Богоматери[3]). Начинались слѣдствія, исписывались цѣлые томы, виновники наказывались, но сѣмя надежды западало въ душу массъ и поддерживало въ тяжелыя минуты кризиса; когда же кризисъ былъ пережитъ, то самые слабые духомъ ободрялись и становились непреклонными[4]). Напрасно духовная власть преслѣдовала съ поразительнымъ усердіемъ бѣглыхъ священниковъ; напрасно „для достиженія благой цѣли обращенія заблудшихъ на путь истины“ открыли, по высочайшему повелѣнію отъ 5 мая 1839 года, въ Саратовѣ совѣщательный секретный комитетъ по дѣламъ раскола[5]); напрасно полиція со всѣмъ усердіемъ „содѣйствовала“ миссіонерамъ; напрасно миссіонеры причины неуспѣховъ единовѣрія

[1]) Арх. канц. губерн., 1838, № 112.
[2]) Арх. конс., 1838, № 2642, 1–23.
[3]) Дѣло волжск. магистр., 1845, № 233.
[4]) Арх. губ. правл., I, 146, № 1661; II, 196, № 479.
[5]) Собр. постан., по вѣд. М. В. Д., 234.

сваливали на личную отвѣтственность тѣхъ или другихъ коноводовъ раскола: такъ прот. Бибиковъ, въ проѣздъ чрезъ Вольскъ въ августѣ 1838 года министра государственныхъ имуществъ, П. Д. Киселева, слабое развитіе единовѣрія въ этой мѣстности прямо объяснялъ ему противодѣйствіемъ Курсакова, Суетина, Волковойнова и свящ. Прохора Любимова[1]); такъ свящ. Андрей Клементовъ въ рапортѣ Іакову отъ 12 декабря 1838 года писалъ, что на Силуанѣ „вся заволжская страна зиждетъ богомерзкій расколъ свой“[2]);—напрасно все это: всѣмъ этимъ расколъ только оторвали на время отъ почвы, пошатнули его въ сторону, заставили пережить „эпоху нравственныхъ страданій“, но не приблизили ни на одну іоту къ православію, скорѣе, напротивъ, отдалили отъ него....

Въ то время, какъ епархіальная власть энергично боролась съ расколомъ и ежедневно обращалась за содѣйствіемъ къ полиціи, въ то время, какъ она открыла ожесточенную травлю бѣглыхъ священниковъ, въ то время, какъ она со дня на день ждала невиданнаго еще успѣха единовѣрія и пребывала въ сладкой увѣренности, что нужда—суровая нужда—сломитъ, наконецъ, упорство козлищъ русской церкви и, противъ воли, сопричислитъ ихъ къ овцамъ, раскольники изо всѣхъ силъ дѣйствовали въ діаметрально противоположномъ направленіи. Вѣковая братоубійственная вражда достигла, казалось, здѣсь кульминаціоннаго пункта въ своемъ развитіи. Ожесточенная, непримиримая борьба кипѣла повсюду. Силы борцовъ были неравныя: гоненію старообрядцы могли противопоставить только безграничное, все-выносящее терпѣніе, давленію—скрытую, подпольную пропаганду, нуждѣ—надежду. И сила матеріальная столкнулась съ силой моральной, и ярмо власти разбилось о силу проповѣди, о могущество слова, убѣжденія. Въ самомъ дѣлѣ, какое въ высшей степени поучительное зрѣлище представляетъ собой эта страница изъ жизни саратовскаго старообрядчества! Самымъ неблагопріятнымъ образомъ складывались условія, а старообрядчество не только устояло на занятыхъ позиціяхъ, но даже раздвинуло предѣлы своихъ владѣній. Вѣковыя ошибки ревнителей православія и все-превозмогающее усердіе фанатиковъ раскола—вотъ два коренныя условія, содѣйствовавшія этому поразительному и на первый разъ

[1]) № 3774, 399—400
[2]) Арх. конс., 1836, № 335, 10.

невозможному явленію. Этотъ монастырскій бунтъ, залитый холодной водой и кровью, эти административныя высылки, это тасканіе по судамъ, это гоненіе на свободу совѣсти и убѣжденія—все это роняло въ глазахъ массы уваженіе къ православію, все это вызывало въ ней симпатію къ гонимымъ раскольникамъ. „Не та вѣра правая, которая гонитъ, а та вѣра правая, которую гонятъ“,—вотъ мысль, на которую съ удовольствіемъ откликался русскій народъ и которую усердно твердили ему проповѣдники и „исповѣдники“ старообрядчества. А проповѣдниковъ этихъ было не мало. „Цыплята“ всѣхъ возрастовъ расползлись по всѣмъ направленіямъ изъ трехъ разрушенныхъ гнѣздъ „суевѣрія“ и не теряли времени даромъ. Благодаря въ значительной мѣрѣ ихъ трудамъ, къ 1840 году движеніе въ саратовскомъ расколѣ проявилось съ страшной силой; бурной волной прокатилось оно изъ одного конца его въ другой. А власти не поняли внутреннихъ мотивовъ этого массоваго движенія, не вникли, какъ слѣдуетъ, въ психологію народа и все объясняли причинами внѣшними, все ставили въ зависимость отъ личности. Этотъ примитивный способъ мышленія, эта святая простота въ объясненіи общественно-религіознаго явленія и привели къ уничтоженію послѣднихъ иргизскихъ гнѣздъ—Преображенскаго и Покровскаго монастырей. Нижній монастырь обманулъ надежды кн. Голицына и преосв. Моисея, Средній—не оправдалъ чаяній преосв. Іакова и Степанова. Подмѣтить это было не трудно, но люди никогда не научаются вполнѣ.

Замѣчая все расширяющееся броженіе въ старообрядческой средѣ, слыша объ увеличеніи старообрядческой пропаганды, о славѣ, которая покрывала два уцѣлѣвшіе иргизскіе монастыря, Бибиковъ объяснялъ себѣ безуспѣшность принятыхъ для борьбы съ расколомъ въ Саратовскомъ краѣ мѣръ вліяніемъ на умы мѣстныхъ поповцевъ со стороны этихъ монастырей и пришелъ къ мысли о необходимости упразднить ихъ. Упраздненіемъ разомъ достигался двойной результатъ: прежде всего исполнялась воля государя, приказавшаго ему, какъ мы знаемъ, не упускать изъ виду возможности покончить съ Иргизомъ, а потомъ обезпечивалась успѣшность противораскольнической дѣятельности духовенства. Мысль была соблазнительная и въ 1839 году Бибиковъ предложилъ правительству взяться за осуществленіе ея, ограничивъ на первый

разъ число монахинь Покровскаго монастыря только тѣми, которыя приписаны къ нему по восьмой ревизіи. Секретный комитетъ согласился на сдѣланное предложеніе, но съ тѣмъ ограниченіемъ, что велѣлъ оставить при монастырѣ всѣхъ старицъ свыше 60 лѣтъ[1]). Изъ 196 обитательницъ Покровскаго монастыря (въ томъ числѣ 141 инокиня) свыше установленной комитетомъ нормы оказалось 57 человѣкъ, которые и подлежали оставленію при монастырѣ; это все были ветераны обители, безвыходно жившіе тутъ съ 1778, 1779, 1780, 1782, 1784 года и т. д. Но кромѣ нихъ отыскались еще десять человѣкъ безродныхъ калѣкъ, которымъ было некуда больше дѣваться, кромѣ келій обители; всѣ остальные 129 человѣкъ были удалены въ мѣста первоначальнаго жительства[2]). Это распоряженіе явилось началомъ конца. Вслѣдъ за нимъ, въ томъ же 1839 году, 28 ноября, министръ государственныхъ имуществъ, гр. Киселевъ, настроенный противъ раскола прот. Бибиковымъ во время вольскаго свиданія съ нимъ, внесъ предложеніе въ секретный комитетъ уничтожить окончательно оба Верхнихъ монастыря и жителей обратить въ казенныхъ крестьянъ, а лишнюю за нарѣзкой по числу душъ землю отобрать въ казенное завѣдываніе. Не забывшій еще исторіи предыдущаго обращенія, комитетъ нашелъ невозможнымъ принять это предложеніе безъ предварительнаго сношенія съ саратовскимъ секретнымъ совѣщательнымъ комитетомъ о раскольникахъ. Государь надписалъ карандашомъ на поляхъ журнала: „нужна крайняя осторожность“[3]). Гр. Киселевъ, которому поручено было комитетомъ собрать предварительныя свѣдѣнія о времени и способѣ упраздненія послѣдняго монастыря, обратился за ними къ саратовскому губернскому начальству и мѣстный секретный совѣщательный комитетъ, обсудивъ въ засѣданіяхъ своихъ 16 января и 26 апрѣля 1840 года вопросъ о присоединеніи, пришелъ къ выводу, что упразднить можно въ любой моментъ, такъ какъ препятствій къ этому никакихъ нѣтъ. По мнѣнію саратовскаго комитета, все дѣло въ томъ, чтобы объявить высочайшую волю о закрытіи монастыря внезапно и на мѣстѣ. Настоятель по секрету говорилъ, что онъ не прочь бы принять единовѣріе, если бы братія согласилась,

[1]) Дѣла Секр. Комит., Vol. IX, л. 463.
[2]) Ibidem, Vol. X, стр. 349; Арх. канц. губерн., 1839, № 41, 10, 86.
[3]) Дѣла Секр. Комит., Vol. IX, л. 494.

но братія не соглашается[1]). По взгляду архіерея, монастырь нужно для утвержденія единовѣрія въ Заволжьи обратить въ православный. Послѣднее предложеніе министръ государственныхъ имуществъ, внесшій протоколы 16 января и 26 апрѣля на разсмотрѣніе секретнаго комитета, въ засѣданіи 8 апрѣля 1841 года, находилъ неудобнымъ, потому что тогда приписанные къ монастырю крестьяне остались бы безъ всякаго надзора и безъ средствъ къ существованію, разъ земля должна отойти къ монастырю. Равномѣрно отвергъ онъ и предложеніе управляющаго палатой государственныхъ имуществъ, Фадѣева, разослать монаховъ на мѣсто родины, такъ какъ эта мѣра можетъ показаться раскольникамъ слишкомъ крутой и несообразной съ бывшей дотолѣ терпимостью къ расколу; къ тому же и прежнія общества могутъ не согласиться на принятіе ихъ. Между тѣмъ „для утвержденія православія въ городахъ и селахъ существуютъ приходскіе священники". Онъ предложилъ обратить монастырь въ единовѣрческій, тѣмъ болѣе что признаніе Силуана даетъ надежду на принятіе единовѣрія иными изъ нынѣшнихъ начальственныхъ лицъ въ монастырѣ, если имъ сохранены будутъ занимаемыя ими теперь мѣста. Всѣхъ проживающихъ по паспортамъ, если примутъ единовѣріе, оставить при монастырѣ, съ платежомъ за нихъ повинностей до новой ревизіи; изъ монастырскихъ доходовъ уплачивать подати и повинности и за приписанныхъ къ монастырю государственныхъ крестьянъ, съ тѣмъ, чтобы принявшіе единовѣріе, какъ государственные крестьяне, такъ и неприписанные къ монастырю, но неимѣющіе возможности заработать пропитаніе, помѣщены были въ богадѣльнѣ при монастырѣ. Въ виду неизвѣстности ему саратовскаго губернатора, Киселевъ боялся за успѣхъ и предложилъ замѣнить его управляющимъ саратовской палатой государственныхъ имуществъ, А. М. Фадѣевымъ. Комитетъ согласился со всѣми предложеніями графа и поручилъ ему дѣйствовать по предварительному соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ[2]).

---

[1]) Какъ помирить съ этимъ утвержденіемъ саратовскаго секретнаго комитета фактъ подачи Силуаномъ въ 1840 году архимандриту Платону и Зосимѣ *„Изъясненія причинъ, по которымъ не могутъ въ Россіи живущіе върноподданные христіане, такъ называемые старообрядцы, принять правила, таинства и священство единовѣрческой церкви"*? (см. прилож. № I). Или оно подано позже 26 апрѣля? Текстъ этого „Изъясненія" написанъ, по словамъ Іакова, саратовскимъ мѣщаниномъ Леонтіемъ Гавриловымъ, поморцемъ (№ 3774, 384), а по словамъ рукописи № 8, хранящейся въ библіотекѣ М. В. Д., Аѳоніемъ Кочуевымъ. *Прим. авт.*

[2]) Дѣла Секр. Комит., Vol, X, стр. 608—633.

Фадѣевъ немедленно былъ назначенъ саратовскимъ губернаторомъ, а 27 апрѣля государь императоръ повелѣлъ: 1) Верхній монастырь, за смертью послѣднихъ иноковъ, значившихся въ реестрѣ 1797 года, и за прекращеніемъ въ немъ богослуженія, обратить въ единовѣрческій, перевести въ него, если окажется нужнымъ, нѣсколько иноковъ изъ другого единовѣрческаго монастыря и опредѣлить, по усмотрѣнію епархіальнаго начальства, особаго священника. 2) Начальствующихъ теперь въ монастырѣ лицъ, если присоединятся къ единовѣрію, оставить въ ихъ должности и вносить за нихъ подати и повинности до новой ревизіи изъ монастырскихъ доходовъ. 3) Оставить въ монастырѣ на томъ же условіи и другихъ живущихъ тамъ лицъ. 4) Изъ монастырскихъ же доходовъ уплачивать подати и за всѣхъ приписанныхъ къ монастырю государственныхъ крестьянъ, съ тѣмъ, чтобы не согласившіеся на принятіе единовѣрія, равно какъ и неимѣющіе возможности получить себѣ гдѣ-нибудь пріютъ изъ числа живущихъ въ монастырѣ по паспортамъ, были помѣщены въ богадѣльнѣ при этомъ монастырѣ. 5) Покровскій монастырь обратить въ единовѣрческую обитель, возложивъ отправленіе службы и требъ на священника Преображенскаго монастыря. 6) Всѣхъ непріемлющихъ единовѣрія инокинь разослать по ихъ семействамъ, а безпріютныхъ, престарѣлыхъ и немощныхъ помѣстить въ особой женской богадѣльнѣ, на счетъ монастырскихъ доходовъ. 7) Отмежеванныя въ 1801 году земли оставить монастырю. 8) Приведеніе въ исполненіе всѣхъ этихъ распоряженій возложить на саратовскаго губернатора, архіерея и управляющаго палатой государственныхъ имуществъ[1]).

Киселевъ немедленно сообщилъ это высочайшее повелѣніе управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, гр. Строганову, а тотъ въ свою очередь 7 мая сообщилъ его Фадѣеву и писалъ при этомъ, что на основаніи словесно выраженной высочайшей воли дѣло обращенія поручено губернатору подъ личной его отвѣтственностью. Фадѣеву вмѣнялось въ обязанность не приступать ни къ чему безъ предварительнаго совѣщанія въ саратовскомъ секретномъ комитетѣ съ епархіальнымъ архіереемъ и управляющимъ государственными имуществами, такъ какъ въ 1837 году несвоевременное распоряженіе губернскихъ властей въ связи съ огласкою задуманнаго дѣла по-

[1]) С. И. А., № 14, 3—4.

служило поводомъ къ возникновенію на Иргизѣ крупныхъ безпорядковъ[1]). Фадѣевъ получилъ предписаніе министра 21 мая и тотчасъ приступилъ къ дѣйствіямъ. Прежде всего онъ сообщилъ высочайшее повелѣніе преосвященному. Вдвоемъ съ нимъ они рѣшили, что для обезпеченія успѣха необходимы два условія: „1) внезапность и нечаянность исполненія въ отношеніи къ обитателямъ монастыря, и отвращеніе всякаго препятствія къ исполненію во время самаго приведенія въ дѣйствіе; 2) уничтоженіе моральной причины покушенія окрестныхъ старообрядцевъ къ возвращенію монастыря въ старообрядчество и отвращеніе какихъ-либо со стороны ихъ безпокойствъ послѣ обращенія". Для достиженія перваго необходимо соблюденіе глубокой тайны и тщательная маскировка предварительныхъ распоряженій; для достиженія второго—скорѣйшее вступленіе единовѣрческаго духовенства въ церкви и окропленіе ихъ святой водой,—святыня старообрядческая тогда будетъ въ глазахъ старообрядцевъ осквернена. Старообрядцы дорожатъ своими церквами только до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ освященія ихъ единовѣрческимъ духовенствомъ[2]). Іаковъ назначилъ присоединять монастырь арх. Платона и прот. Ѳ. С. Вязовскаго. Подробная инструкція и копія съ высочайшаго повелѣнія были вручены Вязовскому для личной передачи архимандриту. Въ то же время Фадѣевъ послалъ предписаніе новоузенскому окружному начальнику отправиться въ Николаевскъ и ждать тамъ его пріѣзда. Къ предписанію приложены были двѣ бумаги въ незапечатанныхъ конвертахъ для передачи николаевскому городничему и и. д. николаевскаго окружнаго начальника; въ послѣдней содержались распоряженія о заготовленіи 12 лошадей на почтовомъ трактѣ для губернатора и свиты, отправляющихся на границу губерніи для переговоровъ съ оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ о башкирскихъ земляхъ, и о задержаніи въ Николаевскѣ головъ малоперекопской и толстовской волостей до губернаторскаго пріѣзда. Отправивъ эти распоряженія въ Николаевскъ, Фадѣевъ распустилъ въ Саратовѣ слухъ, что ѣдетъ въ кузнецкій уѣздъ вмѣстѣ съ жандармскимъ маіоромъ Есиповымъ для усмиренія крестьянскихъ безпорядковъ. Только 25 мая онъ сообщилъ саратовскому исправнику, что заготовленныхъ по кузнецкому тракту лошадей можно распустить, такъ какъ поѣздка отложена,

[1]) Ibidem, 5—8.
[2]) Ibidem, 74—75.

и въ этотъ же день выѣхалъ въ Вольскъ, напутствуемый благожеланіями Іакова и двумя секретно переданными записочками его: „Книги и зловредныя тетради у жильцовъ монастыря полезно отобрать и представить, куда слѣдуетъ, на разсмотрѣніе. Богъ да благословитъ путь вашъ!“ писалъ Іаковъ въ первой изъ нихъ. „Если на озерѣ Калачѣ принять лодку, на которой монастырскія бабы переѣзжаютъ въ мужской монастырь, если поставить штыка три—четыре на мосту монастырской мельницы, то доступъ къ мужскому Спасо-Преображенскому монастырю для постороннихъ людей совершенно будетъ невозможенъ. Жандармъ можетъ при лодкѣ на Калачѣ покупаться. Нужно обратить вниманіе на Толстовку,—село, изобилующее раскольниками и недалекое отъ Давыдовки. Благословеніе Господне да будетъ на васъ!“ писалъ онъ во второй[1]). На другой день Фадѣевъ былъ уже въ Вольскѣ, гдѣ и потребовалъ отъ начальника инвалидной команды 12 человѣкъ рядовыхъ съ однимъ благонадежнымъ унтеръ-офицеромъ для отправленія въ николаевскій уѣздъ, а отъ удѣльнаго чиновника Краснова—распоряженіе заготовить по всѣмъ селеніямъ удѣльнаго вѣдомства на пути отъ Балакова до села Подъема 12 лошадей подъ экипажъ губернатора и шесть троекъ подъ провозъ нарочныхъ, чиновниковъ и командъ. Этихъ лошадей запрещалось давать кому бы то ни было, равно какъ велѣно остановить и всякую пересылку писемъ и посылокъ по этому тракту посредствомъ обывательскихъ подводъ. Сходное съ этимъ предписаніе получилъ и вольскій исправникъ Безобразовъ. Ему поручалось наблюсти, чтобы почтовыхъ лошадей по тракту до Балакова, впредь до возвращенія губернатора въ Вольскъ, никому даваемо не было, чтобы „партикулярнымъ“ проѣзжающимъ обывательскія подводы не отпускались и письма и посылки отъ нихъ не принимались[2]). Затѣмъ Фадѣевъ уѣхалъ въ Николаевскъ.

Прот. Вязовскій 26 мая прибылъ въ Нижній монастырь и вручилъ арх. Платону секретное предписаніе преосвященнаго. Въ тотъ же день оба они отправились въ Никольскій единовѣрческій монастырь и на утро, 27 числа, обсудили тамъ вмѣстѣ съ и. д. настоятеля этого монастыря, Арсеніемъ, мѣры и назначили время для завладѣнія Верхнимъ монастыремъ,—10 часовъ утра слѣдующаго

[1]) Ibidem, 28—29.
[2]) Ibidem, 12—17.

дня[1]). Предметы совѣщанія и принятыя рѣшенія видны изъ переданной ими Фадѣеву по секрету записки: 1) Утреня въ монастырѣ начинается въ 3, а оканчивается въ 6 часовъ; часы начинаются въ 9, а оканчиваются въ 11 часовъ и монашествующіе, даже занятые нѣкоторыми монастырскими послушаніями, къ 10 часамъ непремѣнно собираются въ храмъ; это время представляется наиболѣе удобнымъ для вступленія въ монастырь. 2) Въ началѣ 11-го архимандритъ съ прочими будетъ находиться близъ монастыря, у плотины. 3) Изъ мужскаго монастыря въ женскій ведутъ двѣ дороги,—на лодкахъ чрезъ озеро и кругомъ озера, чрезъ лѣсъ; въ этихъ двухъ мѣстахъ необходимъ караулъ. 4) Изъ пузановскихъ, николаевскихъ и давыдовскихъ старообрядцевъ ждать сопротивленія ни отъ кого нельзя. 5) Изъ чиновниковъ особенно благонадеженъ окружный начальникъ Воробьевъ, хотя и о другихъ ничего дурного сказать нельзя. 6) Изъ монастырскаго начальства наименѣе упорны уставщики Веніаминъ и Трифилій, настоятель же Силуанъ[2]), уставщики Аѳанасій и Платонъ—„одного духа—противленія“. 7) Если губернаторъ не согласится на выбранное время, то ждать отъ него приказанія[3]). Между тѣмъ губернаторъ весь день 27-го провелъ въ Николаевскѣ, осматривая присутственныя мѣста и подъ рукою распуская слухъ, что прибылъ для обозрѣнія башкирскихъ земель. Въ 11 часовъ ночи онъ пригласилъ къ себѣ николаевскаго городничаго, земскаго исправника и начальника окружнаго управленія казенныхъ крестьянъ и порознь каждому изъ нихъ объявилъ по секрету настоящую цѣль своего прибытія. По городу рѣшили распространить слухъ, что бѣжали пять человѣкъ арестантовъ. Городничій распорядился, якобы для поимки ихъ, оцѣпить городъ коннымъ и пѣшимъ карауломъ и, собравъ всѣ лодки и перевозни на городскомъ берегу Иргиза, запретилъ горожанамъ переправляться за рѣку, въ сторону Преображенскаго монастыря. Всю ночь 27-го и день 28-го онъ лично наблюдалъ за карауломъ. Между тѣмъ исправникъ и окружный начальникъ

---

[1]) № 3774, 403,—„*Историческое извѣстіе*“ объ обращеніи Верхняго монастыря, составленное іеромонахомъ Арсеніемъ.

[2]) Силуанъ называется настоятелемъ, очевидно, по старой памяти: въ концѣ декабря 1840 года онъ, по разстроенному здоровью и упадку силъ, отказался отъ этой должности и на его мѣсто общимъ соборомъ иноковъ избранъ былъ Аѳанасій, съ тѣмъ, чтобы онъ управлялъ на одинакихъ условіяхъ съ предшественникомъ, не измѣняя обрядовъ и вѣры (Арх. казн. губерн., 1841, № 514, 2).

[3]) С. И. А., № 14, 33.

нарядили въ число понятыхъ на межу башкирскихъ земель, за 25 верстъ отъ монастыря, главныхъ крестьянъ-раскольниковъ Пузановки и Давыдовки, ближайшихъ къ монастырю селеній. Затѣмъ на разсвѣтѣ 28-го оцѣпили Преображенскій и Покровскій монастыри карауломъ изъ 200 понятыхъ православнаго исповѣданія. Жандармскій маіоръ Есиповъ, наканунѣ побывавшій въ монастыряхъ, теперь опять посѣтилъ ихъ и нашелъ, что ни монахи ни монахини ничего не знаютъ. Даже сами понятые, разставленные въ лѣсу и кустарникахъ вокругъ монастыря, были убѣждены, что ихъ помѣстили тутъ для отысканія какихъ-то бѣглыхъ арестантовъ. Къ 6 часамъ все было готово и губернаторъ отправился въ монастырь, распорядивши, чтобы и Платонъ явился туда къ 7 часамъ, вмѣсто назначенныхъ раньше 10 часовъ утра. Платонъ, взявъ съ собой Арсенія, одного іеромонаха, одного священника, одного дьякона и четверыхъ клирошанъ, отправился вмѣстѣ съ ними изъ Никольскаго монастыря въ закрытыхъ повозкахъ черезъ городъ и въ 7 часовъ остановился близъ Преображенскаго монастыря въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій губернатора. Утреня кончилась уже, когда экипажъ Фадѣева подкатился къ воротамъ монастыря. Губернаторъ попросилъ всѣхъ иноковъ „для необходимой съ ними бесѣды“ собраться въ церковь и едва исполнили это иноки, какъ Есиповъ поставилъ караулъ изъ солдатъ у монастырскихъ воротъ, у церкви, ризницы и колокольни и отправился за архіер. Платономъ. Въ то же время губернаторъ читалъ въ церкви высочайшее повелѣніе о монастырѣ и отбиралъ у каждаго порознь заявленіе о согласіи или несогласіи на единовѣріе. Всѣ иноки, говоритъ Фадѣевъ, „приняли высочайшее повелѣніе, по крайней мѣрѣ, наружно съ покорностью и смиреніемъ, но присоединиться къ единовѣрію не согласились“[1]), ибо „не приготовили еще свою совѣсть оставить предковъ своихъ отдѣленіе отъ церкви россійской и подчиниться епархіальному начальству“[2]). Въ это время въ церковь вошелъ архіер. Платонъ съ своимъ духовенствомъ. Губернаторъ прочиталъ ему высочайшее повелѣніе въ присутствіи иноковъ. Платонъ началъ увѣщать иноковъ принять единовѣріе и, когда это не подѣйствовало, немедленно въ полномъ облаченіи отслужилъ моле-

[1]) Ibidem, 76.
[2]) № 3774, 404.

бенъ и окропилъ церковь и алтарь святой водой. Затѣмъ, съ цѣлью показать инокамъ суетность ихъ святыни и мнимую древность церкви, вынесъ для осмотра лежавшій на престолѣ антиминсъ, оказавшійся безъ мощей и подписи архіерея. Силуану дано было приказаніе сохранять спокойствіе въ средѣ монастырскихъ жителей впредь до дальнѣйшихъ распоряженій; въ монастырѣ оставленъ военный караулъ и губернаторъ отправился въ женскій монастырь, пригласивъ Платона прибыть вслѣдъ за нимъ. Платонъ оставилъ часть духовенства въ Преображенскомъ монастырѣ, а съ остальными поѣхалъ за губернаторомъ. Не входя въ женскую обитель, онъ остановился около нея, ожидая, когда позовутъ его. Между тѣмъ Фадѣевъ объявилъ собравшимся въ часовню монахинямъ и настоятельницѣ Надеждѣ о цѣли своего прибытія и убѣждалъ ихъ принять единовѣріе. Результатъ былъ тотъ же, что и въ Преображенскомъ монастырѣ: Надежда и всѣ сестры отвѣчали, что часовню со всѣмъ ея имуществомъ передать начальству согласны, но единовѣрія принять не могутъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ просили разрѣшенія возвратиться въ свои родныя семьи, брошенныя ради души спасенія. Тогда опять приглашенъ былъ Платонъ, отслуженъ молебенъ и часовня окроплена святой водой. По распоряженію исправника, всѣ монахини и бѣлицы въ теченіи 3 дней удалились изъ монастыря, распродавъ лично или чрезъ родныхъ свои кельи и огороды, такъ что на мѣстѣ монастыря осталась одна часовня, изъ которой иконы, ризница и книги вмѣстѣ съ небольшимъ пяти-пудовымъ колоколомъ были перевезены въ Преображенскій монастырь[1]). Присоединивъ женскій монастырь, архимандритъ приступилъ къ принятію монастырскаго имущества. Въ мужскомъ монастырѣ оказалось имущества значительно больше, чѣмъ сколько значилось его по описямъ. Передавая объ этомъ въ представленіи министру внутреннихъ дѣлъ, Фадѣевъ прибавляетъ: „нельзя пройти молчаніемъ здѣсь странность, быть можетъ, преднамѣреннаго, но не менѣе того неожиданнаго поступка бывшаго настоятеля Силуана. Человѣкъ этотъ, обладающій замѣчательнымъ по происхожденію его природнымъ умомъ, въ теченіи многихъ лѣтъ производившій сильное вліяніе на приверженцевъ старообрядчества, по окончаніи почти уже описи, обратился ко мнѣ и архимандриту съ убѣдительной просьбой

[1]) Ibidem, 405—406.

принять въ казну церкви сохранившіяся у него пожертвованныя въ разное время деньги, 7.800 руб., заключавшіяся въ билетахъ сохранной казны на имя неизвѣстнаго; онъ присовокупилъ, что къ этому не обязываетъ его никакая формальность, но единственно по желанію очистить совѣсть и показать, что онъ вполнѣ чувствуетъ, какъ и всѣ его единомышленники, всю кротость и умѣренность мѣръ, которыми приведена въ исполненіе неизмѣнная высочайшая воля государя“[1]).

Въ этотъ же день старообрядцамъ Николаевска и сосѣднихъ деревень объявлено было о приведеніи въ исполненіе высочайшаго повелѣнія относительно Верхнихъ монастырей, объ освященіи въ нихъ церквей и объ открытіи единовѣрческаго богослуженія. Въ видахъ предупрежденія волненія умовъ имъ объяснили, что это присоединеніе не имѣетъ никакого соотношенія съ религіознымъ положеніемъ старообрядцевъ и не повлечетъ за собой поголовнаго обращенія ихъ въ единовѣріе. Это имѣло хорошее вліяніе на раскольниковъ и они встрѣтили извѣстіе о совершившемся, несомнѣнно нежелательномъ для нихъ фактѣ, тихо и покорно. Покорность иноковъ и инокинь волѣ правительства оказалось полезною для нихъ въ томъ отношеніи, что губернаторъ, въ виду ея, „счелъ возможнымъ и даже, въ преднамѣреніи смягченія ожесточенныхъ давними предразсудками умовъ, полезнымъ предоставить имъ полное распоряженіе оказавшимся у нихъ на лицо движимымъ имуществомъ“. Отобраны были только книги и рукописныя тетрадки, да иноческія одѣянія. Изъ 15 иноковъ въ монастырѣ впредь до распоряженія оставлено 13, изъ 27 бѣльцовъ—10. Для надзора за ними и для охраненія монастыря отъ покушенія со стороны старообрядцевъ, которыхъ Фадѣевъ не переставалъ бояться, несмотря на ихъ видимую покорность, въ обители оставлена была военная команда[2]), а исправнику приказано еженедѣльно сообщать въ Саратовъ о всемъ происходящемъ въ монастырѣ[3]). Самъ Фадѣевъ немедленно сообщилъ о совершившемся обращеніи монастыря въ единовѣрческій преосв. Іакову, который отвѣчалъ ему очень любопытнымъ письмомъ: „Поздравляю съ благополучнымъ исполне-

[1]) С. И. А., № 14, 80.
[2]) Команда эта была взята изъ монастыря только въ концѣ мая 1844 года (С. И. А., № 14, 390—391).
[3]) Ibidem, 78, 81.

ніемъ важной порученности по обращенію монастыря! Это прекрасное начало вашего новаго служенія престолу и отечеству. Это брильянтъ въ вѣнцѣ вашего губернаторства. Это твердое основаніе новаго вашего поста и вмѣстѣ доказательство Божія къ вамъ благоволенія. Святая саратовская церковь будетъ васъ помнить и молить о васъ Богу“[1])... Фадѣевъ былъ пріятно польщенъ и, въ знакъ благодарности, переслалъ преосвященному свое представленіе въ министерство съ подробностями о присоединеніи послѣднихъ Иргизскихъ монастырей.

Вскорѣ послѣ обращенія Верхнихъ монастырей, преосв. Іаковъ, по совѣту губернатора, съѣздилъ туда для личнаго осмотра. Губернаторъ находилъ, что поѣздка эта необходима, во-первыхъ, для „испытанія еще средствъ убѣжденія склонить оставшихся иноковъ и бѣльцовъ къ принятію единовѣрія, такъ какъ безъ этого мужской монастырь можетъ опустѣть, а о. Платонъ одинъ въ этомъ успѣть не можетъ, по недоброхотству къ нему жильцовъ монастырскихъ; во-вторыхъ, для скорѣйшаго освященія церкви и въ-третьихъ, для какихъ-либо распоряженій съ женскимъ монастыремъ, вовсе опустѣвшимъ“. Но изъ средствъ убѣжденія ничего не вышло: согласился на единовѣріе одинъ только Трифилій, да и тотъ, по словамъ старообрядцевъ, съ единственной цѣлью—избѣжать грозившей ему рекрутчины. Съ цѣлью склонить какъ-нибудь къ тому же и Силуана, Іаковъ поручилъ послѣднему завѣдываніе монастырскимъ хозяйствомъ. Но это возымѣло совсѣмъ не тотъ результатъ, какого ожидалъ преосвященный: не успѣлъ Іаковъ возвратиться съ Иргиза въ Саратовъ, какъ получилъ отъ Платона жалобу на Силуана и просьбу перевесть его куда-нибудь изъ монастыря. На этой просьбѣ Іаковъ положилъ такую резолюцію: „Волки вредны взаперти, но вреднѣе они на свободѣ. Надобно меньшее зло предпочитать большему. Впрочемъ, Силуанъ можетъ быть полезнымъ для монастыря, если архимандритъ будетъ остороженъ и поддержитъ въ Силуанѣ то расположеніе къ обители, какое онъ обнаружилъ, передавъ въ оную добровольно денежные билеты и довольное количество жемчуга“[2]). Поддержать архимандритъ не сумѣлъ и Силуанъ скоро оставилъ монастырь и поселился въ Хвалынскѣ.

[1]) Ibidem, 69.
[2]) Арх. канц. самар. еписк., № 2, 27—44; С. И. А., № 14, 115; Попов., IV, 149.

ГЛАВА VIII.

Итоги разгрома Иргиза и систематическаго стѣсненія раскола.—Оцѣнка разгрома раскольниками, администраціей и литературой.—Вопросъ о численномъ умеиьшеніи раскольниковъ въ Саратовскомъ краѣ.—Число перешедшихъ въ единовѣріе.—Безвыходное положеніе поповцевъ.—Волненіе въ ихъ средѣ—Озлобленіе противъ православія.—Ошибочность взгляда и дѣйствій мѣстной администраціи. Безуспѣшность принятыхъ правительствомъ мѣръ противъ раскола.—Неудачный выборъ миссіонеровъ—Неуспѣхи единовѣрія.—Неправильное отношеніе духовенства къ своимъ пастырскимъ обязанностямъ.—Необезпеченность духовенства.—Учрежденіе бѣло-криницкой іерархіи.

Послѣ 20 лѣтъ упорной борьбы Иргизъ долженъ былъ уступить предъ нападавшимъ на него православіемъ. Саратовскій центръ поповщины, задавленный совокупными усиліями гражданской и духовной власти, распался и прекратилъ свое самостоятельное существованіе. Посредствомъ подкупа присоединилъ князь Голицынъ въ 1829 году монастырь Нижній; „силой воинской“ Степановъ въ 1837 году отнялъ у раскола монастыри Средніе; „ночнымъ нападеніемъ волка на овчарню“ Фадѣевъ въ 1841 году захватилъ Верхніе монастыри. Совершилось великое „вавилонское плѣненіе“ и 28 мая 1841 года „солнце православія зашло на Иргизѣ“ окончательно. Это была страшная утрата для раскола и не одно сердце болѣзненно сжалось при вѣсти о ней. Отзвуки этой скорби найдемъ мы въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ народной лирики, особенно любимыхъ и распространенныхъ между старообрядцами Поволжья. Въ ряду ихъ на первомъ мѣстѣ нужно поставить „*Стихъ о временахъ антихриста*“, извѣстный еще подъ именемъ „*Стиха преболѣзненнаго воспоминанія объ озлобленіи католиковъ*“, который составленъ былъ, можетъ быть, гораздо раньше паденія Иргиза, но съ небольшими вставками удобно примѣненъ къ этому событію[1]).

1) Первое заглавіе онъ носитъ въ „*Этнографическомъ Сборникѣ*“ (вып. V, 38—40. Спб., 1862), второе—въ „*Сборникѣ*“ преосв. Іакова и въ „*Сборн. рус дух. стиховъ*“ Варенцова (1860, Спб., 179—181). Варенцовъ извлекъ его изъ поморскихъ рукописей; преосв. Іаковъ также приписываетъ составленіе его поморцамъ (№ 3774, 249). Что поповцы примѣнили его къ себѣ—доказываетъ варіантъ, помѣщенный у Дюнисіева („Отеч. Зап.“, 1874, № 11, 87), гдѣ прямо упоминается объ „иргизскомъ солнцѣ“, чего поморцы, конечно, не сдѣлали бы. *Прим. авт.*

Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ этого стиха:

„По грѣхомъ нашимъ нашу страну
Осѣни облакъ зѣло мрачный;
Постигла насъ тьма кромѣшная;
Во солнцѣ угасли лучи свѣтлые...
.. Изъ разсѣлины изъ каменной
Изыде змій многоглавный
Со левіафанами, съ крокодилами;
Огради стадо овецъ мысленныхъ,
Умертви овцы и со пастыри...
. Въ та времена во плачевная
Всякая душа православная
Не можетъ пребыть безъ рыданія:
Каковыхъ святынь мы лишилися!...
...Не слышимъ нынѣ гласа пастырей,
Наставляющихъ ко спасенію...
...Почто живыхъ гробамъ насъ не предали?
Не видали бы мы плачевныхъ дней...
....Не терпѣли бы мы глада нуждного...
....До конца тлѣетъ благочестіе,
Процвѣтаетъ нынѣ все нечестіе.
Лихоимцы вси грады содержатъ,
Немилосерди вси во градѣхъ первіи,
Смиреннїи отъ градовъ бѣжатъ,
Слезно плачутся, гдѣ сокрыгися?
На мѣстахъ зли приставники,
Православніи вси пограблены,
Отъ отечества вси повыгнаны.
....Вдовы, сироты вси обижены...
....Не могу пребыть безъ рыданія ..
...Вавилонская любодѣица
Отъ своей чаши упоила насъ,
Растлѣніемъ прельстила всѣхъ...
....Солнце къ вечеру приближается,
Тому дни конецъ познавается.
Что еще нынѣ ожидать будемъ?..
....Оперися, душе, крылы легкими,...
....Простирай свои очи мысленніи,
Взирай къ горамъ, равнымъ облакомъ“[1]).

Еще мрачнѣе по колориту, еще безотраднѣе по смыслу другой раскольничій стишокъ, относящійся также къ Иргизу:

„Идутъ лѣта всего свѣта,
Приближается конецъ вѣка;
Пришли времена лютая,
Пришли годы тяжкіе:
Не стало вѣры истинныя,

1). № 3774, 158—160.

Не стало стѣны каменныя,
Не стало столповъ крѣпкіихъ,
Погибла вѣра христіанская.
Стали у насъ судіи неправедные,
Пастыри при церквахъ законицы и пьяницы,
Отягощали люди даньми тяжкими;
Нѣтъ у насъ пути спасенія.
Кому повѣмъ печаль мою?
Кого призову въ помощники?
Кто мя научитъ спасенію?
Нѣть ми учителей вѣрныихъ,
Кто бы мя вѣрѣ научилъ истинной,
Како бы душу спасти.
Падутъ, падутъ многогрѣшницы,
Всего міра прелестницы,
Господи, помилуй насъ грѣшныхъ“[1]).

Такъ взглянули на разгромъ Иргиза раскольники. Иначе посмотрѣла на него епархіальная и губернская власть, иначе опредѣлила его значеніе казенная литература. Письмо преосв. Іакова къ Фадѣеву и благодарность послѣдняго, извѣстныя уже читателямъ по предыдущей главѣ, достаточно ясно показываютъ взглядъ мѣстной администраціи на совершившійся фактъ, такъ что не представляется нужнымъ подробно останавливаться на разъясненіи этого взгляда. Гораздо интереснѣе и поучительнѣе познакомиться съ оцѣнкой „вавилонскаго плѣненія“ въ духовной литературѣ. И. М. Добротворскій говоритъ: „Иргизскіе монастыри вредны были для государства тѣмъ, что самую царскую власть не признавали истинной и православной и не хотѣли даже называть царей нашихъ благочестивѣйшими; дерзкимъ нарушеніемъ законовъ подавали заразительный примѣръ всякаго рода преступленій; укрывали у себя людей, вредныхъ для государства, и примѣромъ развратной жизни воспитывали людей порочныхъ, праздныхъ и склонныхъ къ неповиновенію. Они вредны были для общества тѣмъ, что не раздѣляли общественныхъ трудовъ, которые лежатъ на всякомъ членѣ общества; безъ всякой пользы владѣли богатыми землями, которыя могли бы прокормить нѣсколько тысячъ добрыхъ членовъ общества; передерживали бѣглецовъ, за которыхъ общества должны были платить подати. Они особенно вредны были для православной церкви тѣмъ, что отвлекали отъ нея тысячи и сотни тысячъ членовъ, внушая имъ духъ противленія или, по крайней мѣрѣ, небреженія

[1]) Варенцовъ, Сборн. рус. дух. стиховъ, 196.

о ней... Обращеніе Иргизскихъ раскольничьихъ монастырей къ единовѣрію было весьма благодѣтельно не только для саратовской губерніи, но и для всей Россіи. Ни упорные раскольники ни дерзкіе преступники законовъ и вредные члены государства и общества теперь уже не скрывали своихъ преступленій въ Иргизскихъ монастыряхъ подъ личиной старой вѣры. Лишившись надежнаго пристанища и подпоры, раскольники теперь уже не могли и совершать всякаго рода преступленія съ прежней дерзостью. Особенно замѣтно ослаблены обращеніемъ Иргизскихъ монастырей саратовскіе раскольники. Съ обращеніемъ ихъ къ единовѣрію изъ саратовской губерніи выбыли въ большомъ числѣ самые упорные и грубые монахи и монахини, которые поддерживали расколъ деньгами, гостепріимствомъ, склонностью заводить незаконныя связи и многими другими преступными средствами... Изгнанные монастырскіе жители унесли вмѣстѣ съ собой заразительные примѣры своеволія и преступленій. Прежде существованіе монастырей питало въ раскольникахъ обольстительныя мысли, что расколъ не противенъ самому правительству; въ обращеніи монастырей они ясно увидѣли, что правительство, напротивъ, вовсе не намѣрено потворствовать расколу, и смирились... Прежде раскольники и даже православные толпами стремились въ Иргизскіе монастыри на богомолье; по обращеніи же ихъ къ единовѣрію послѣдніе сѣщатъ въ православныя церкви, а первые принуждены скрываться съ своимъ богослуженіемъ въ темныхъ кельяхъ. Прежде бѣглые попы и монахи, разъѣзжая по раскольникамъ, исправляли у нихъ духовныя требы и сѣяли расколъ между православными; послѣ раскольники принуждены или оставаться безъ требъ, или обращаться для исправленія ихъ къ православнымъ священникамъ, и расколъ, не имѣя главной подпоры, не только не могъ распространяться, но еще долженъ былъ по естественному порядку ослабѣвать въ своей силѣ. Знаменитые монахи, прославленные иргизскіе чудотворцы, мнимыя мощи и чудотворныя иконы стали мало по малу приходить въ забвеніе; народъ пересталъ слышать хулы на церковь и похвалы расколу, пересталъ видѣть изувѣрныхъ лицемѣровъ и ханжей-молитвенницъ. Все это, безъ всякихъ сторонніхъ пособій, само собой значительно ослабляло расколъ. Мало того. Какъ прежде Иргизскіе раскольничьи монастыри были опорой и главными сѣятелями раскола, такъ послѣ Иргизскіе единовѣрческіе мона-

стыри сдѣлались подпорой единовѣрія; простолюдины какъ прежде были подражателями въ отпаденіи отъ церкви, такъ послѣ легко дѣлались подражателями и въ возсоединеніи съ ней“[1]).

Взглядъ г. Добротворскаго раздѣляетъ и М. С—й въ своемъ „*Историческомъ очеркѣ единовѣрія*“, съ той лишь разницей, что въ качествѣ сопутствующихъ причинъ усиленнаго обращенія саратовскихъ раскольниковъ къ единовѣрію въ промежутокъ отъ 1834 до 1847 года онъ указываетъ еще: открытіе уѣздныхъ городовъ въ Заволжьи, дѣятельное исполненіе мѣстными властями постановленій по части раскола, письменныя наставленія и изустную проповѣдь духовенства. По его словамъ, проповѣдничествомъ „занимались всѣ приходскіе священники и частные люди, но особенно миссіонеры, назначенные въ 1834 году, по ходатайству преосв. Іакова для обращенія раскольниковъ, изъ болѣе опытныхъ въ семъ дѣлѣ протоіереевъ и священниковъ. Проповѣдь сихъ миссіонеровъ всегда почти доставляла торжество или православію, или единовѣрію[2]).

Нѣтъ словъ, пріятно было бы вѣрить, что все шло такъ, какъ это описываютъ И. М. Добротворскій и М. С—й; нѣтъ сомнѣній, всякому православному сыну церкви отрадно слышать, что по закрытіи пяти „убѣжищъ праздности, суевѣрія и избытка въ порокахъ“ расколъ „ослабѣлъ въ своей силѣ“, что иргизскіе единовѣрческіе монастыри стали „подпорой единовѣрія“, что „простолюдины легко дѣлались подражателями ихъ въ возсоединеніи съ церковью, что изгнанные монастырскіе жители „унесли вмѣстѣ съ собой заразительные примѣры своеволія и преступленій“, что проповѣдь православныхъ миссіонеровъ „почти всегда доставляла торжество православію или единовѣрію“. Но дѣйствительно ли все это было? Правильно ли подведены итоги разгрома, не ошиблись ли счетчики въ своей работѣ, не рисуютъ ли они картинъ, которыя только тѣшатъ глаза, но, какъ миражъ, не имѣютъ подъ собой никакой реальной основы? Всѣ выводы Добротворскаго и М. С—го такъ голословны, такъ апріорны, что прежде, чѣмъ вѣрить имъ, ихъ нужно провѣрить. Посмотримъ же, дѣйствительно ли расколъ, за принятыми правительствомъ мѣрами, ослабѣлъ въ Саратовскомъ краѣ послѣ 1841 года.

[1]) „Прав. Собесѣдн.“, 1858, I, 131—132; 258—261; сн.: Отч. об.-прок. Св. Син. за 1846, стр. 29.

[2]) М. С—ій, Историч. очеркъ единовѣрія, 88.

Къ началу „гонительнаго“ для раскола времени, въ 1826 году, всѣхъ пріемлющихъ и непріемлющихъ священство старообрядцевъ было въ саратовскихъ предѣлахъ 41.761—по свѣдѣніямъ министерства внутреннихъ дѣлъ[1]), и 14.602—по свѣдѣніямъ епархіальной власти[2]); чрезъ десять лѣтъ, въ 1837 году, ихъ стало 54.138 по первому[3]) и 22.648 по второму счету[4]); еще чрезъ десять лѣтъ, въ 1847 году, министерство внутреннихъ дѣлъ считало ихъ 35.338[5]), а духовное вѣдомство—33.989 душъ[6]). Безпоповцевъ въ 1827 году считало первое 10.176, второе—2.700; въ 1837 году—9.050 и 4.686; въ 1847 году—9.529 и 11.044. На вопросъ, насколько справедливы эти цифры, всѣ оффиціальные и неоффиціальные изслѣдователи саратовскаго раскола отвѣчаютъ въ одинъ голосъ, что онѣ совсѣмъ не справедливы. Протоіерей Чернышевскій въ своей запискѣ о расколѣ, составленной въ 1839 году, прямо говоритъ, что правильнаго счета раскольниковъ не имѣетъ ни гражданское ни духовное начальство, и что болѣе или менѣе зараженныхъ расколомъ надобно считать сотнями тысячъ[7]). Согласно съ этимъ и Артемьевъ, производившій вмѣстѣ съ гр. Стенбокомъ въ 1854 году изслѣдованіе саратовскаго раскола, опредѣляетъ общее число раскольниковъ съ неотписными въ 125.000 человѣкъ, кромѣ Заволжья[8]). Въ виду этихъ указаній людей, спеціально изучавшихъ состояніе раскола по Саратовскому краю, я не считаю возможнымъ дѣлать какіе-нибудь выводы изъ оффиціальныхъ цифръ, долженствующихъ показывать число раскольниковъ: ни за увеличеніе числа раскольниковъ ни противъ него онѣ, очевидно, говорить ничего не могутъ. Обратимся къ другимъ цифрамъ, опредѣляющимъ число ушедшихъ изъ раскола въ православіе и единовѣріе: духовенство могло не знать всѣхъ растерянныхъ овецъ своей паствы, но отысканныхъ и пріобщенныхъ къ ней оно долж-

1) Дѣла Секр. Ком., Vol. III, л. 506; Варадиновъ, VIII, 166. Разница между цифровыми данными, бывшими въ рукахъ у Варадинова и доложенными комитету, очень не велика: обыкновенно одинъ—другой десятокъ душъ и только разъ, въ 1837 году, она доходитъ до 490.

2) № 3774, 161—163. Цифра за 1828 годъ, такъ какъ за 1826 годъ свѣдѣній нѣтъ.

3) Дѣла Секр. Ком., Vol. XX, стр. 1618; Варадиновъ, loc. cit., 374.

4) № 3774, 163—168. Свѣдѣнія за 1834 годъ.

5) Дѣла Секр. Ком., Vol. XXXII, л. 433; Варадиновъ (loc. cit., 448) указываетъ 35.786 въ 1846 году.

6) № 3774, 460. Свѣдѣнія за 1845 годъ.

7) Ibidem, 25.

8) Стат. табл. Рос. имп., II, 235. Спб., 1863.

но было знать со всей точностью. Начиная съ 1828 и оканчивая 1847 годомъ, у раскола саратовскимъ духовенствомъ отнято было 17.835 сторонниковъ, въ томъ числѣ на правахъ единовѣрія присоединено съ 1835 года (раньше обращеній къ единовѣрію не было)—8.926 чел.[1]). Такимъ образомъ ежегодно среднимъ числомъ оставляли расколъ 891 человѣкъ. Если принять приведенныя выше цифры раскольничьяго населенія Саратовскаго края за точныя, то среднее ариѳметическое изъ нихъ будетъ равняться 43.679, а отсюда процентъ обращаемыхъ въ православіе и единовѣріе составитъ всего два человѣка на сотню. Эта крайняя незначительность процента обращеній убѣдительно говоритъ противъ мнѣнія Добротворскаго, будто раскольники легко дѣлались подражателями возсоединенія съ церковью иргизскихъ монаховъ; впрочемъ, Добротворскій правъ, если онъ хотѣлъ этимъ сказать, что старообрядцы вообще такъ же неохотно присоединялись къ единовѣрію, какъ и иргизскіе иноки: изъ 600—700 монашествующихъ обоего пола на Иргизѣ на единовѣріе согласилось никакъ не больше 20 человѣкъ; но нельзя предполагать, чтобы Добротворскій сталъ шутить въ серьезномъ дѣлѣ.

Преосвящ. Іаковъ хорошо понялъ, что разгромъ монастырей не повелъ за собой тѣхъ послѣдствій, какихъ отъ него ждали, но онъ не понялъ причинъ, такъ неожиданно разрушившихъ его надежды и, за недостаткомъ бѣглыхъ священниковъ, свалилъ вину на уставщиковъ и начетниковъ. Поэтому онъ возбудилъ ходатайство въ св. синодѣ о воспрещеніи послѣднимъ, наравнѣ съ бѣглыми священниками, проживать внѣ своихъ селеній для отправленія службъ церковныхъ и переѣзжать изъ уѣзда въ уѣздъ. Особенно полезнымъ представлялось ему такое распоряженіе для николаевскаго уѣзда. Результатомъ этого ходатайства и явилось высочайшее повелѣніе 27 марта 1843 года, которымъ предписывалось отнюдь не дозволять раскольникамъ отлучаться изъ мѣстъ ихъ жительства, кромѣ законныхъ надобностей, и ни въ какомъ случаѣ не присвоять имъ названія уставщиковъ и начетчиковъ[2]). Итакъ и послѣ разгрома дѣло обращенія не прогрессировало, но за то прогрессировала

[1]) Дѣла Секр. Ком., Vol. XX, стр. 510—517; № 3774, 14; Арх. сар. консист., 1850, № 1744; С. И. А., карт. А, № CXXII.

[2]) Арх. конс., 1841, № 535, 23—56; Собр. пост., по вѣд. Св. Син., II, 288; Указъ сар. конс., 9 мая 1843, № 5508.

изобрѣтательность властей въ изысканіи мѣръ, которыя, какъ полагали, могли улучшить положеніе вещей.

Разгромъ Иргиза и тѣсно связанное съ нимъ оскудѣніе священства дѣйствительно ставили старообрядцевъ въ весьма затруднительное, можно сказать, даже безвыходное положеніе: имъ приходилось дѣлаться безпоповцами не по убѣжденію, но по нуждѣ, противъ воли. Однако это не приблизило ихъ къ оградѣ православія; часть и притомъ часть ничтожная, всего какой-нибудь 1%, остановилась на порогѣ этой ограды, приняла единовѣріе,—что это было за единовѣріе—увидимъ ниже; другая часть затолковала о необходимости архіерейства. Прежде всего эта мысль родилась, по увѣренію П. И. Мельникова, на Иргизѣ, въ кельяхъ Верхне-Преображенскаго настоятеля Силуана: „этотъ Силуанъ съ казначеемъ своимъ Аѳанасіемъ, съ симбирскимъ купцомъ Платономъ Вандышевымъ и горбатовскимъ уроженцемъ Аѳоніемъ Кочуевымъ первые придумали то, о чемъ уже давно перестали думать старообрядцы; имъ принадлежитъ иниціатива Бѣлокриницкой іерархіи“[1]). Но кромѣ этихъ двухъ группъ была еще третья, самая значительная по своей численности,—съ безпоповскимъ оттѣнкомъ. Въ 1841 году въ Вольскъ, къ Гурію Сутягину, съѣзжались за совѣтомъ раскольники изъ Саратова (Мартынъ Жуковъ, Гавріилъ Рощинъ, Михаилъ и Каллистратъ Губины), Земли войска донского и другихъ мѣстностей,—по уничтоженіи монастырей центръ саратовскаго и сосѣднихъ губерній раскола поповщины перешелъ въ Вольскъ. Собраніе послѣ бурныхъ преній постановило терпѣливо ждать лучшихъ дней, такъ какъ „сердце царево въ рукѣ Божіей“, и по нуждамъ времени обходиться безъ священниковъ[2]). Подобное собраніе съ подобнымъ же результатомъ состоялось потомъ въ Хвалынскѣ, гдѣ купцы Михайловы, Гузиковъ и Пономаревъ составили что-то въ родѣ комитета для поддержанія раскола всѣми средствами. Къ тому же рѣшенію, послѣ многократныхъ разсужденій, пришли и старообрядцы Дубовки. Православное духовенство сначала только удивлялось, гдѣ и какъ дубовскіе бѣглопоповцы исправляютъ свои требы,—такъ на вопросъ, гдѣ они вѣнчаютъ браки, одни отвѣчали, что въ харьковской губерніи, другіе—на Кавказѣ и т. под.,—

[1]) „Рус. Вѣст.“, 1864, № 5, 78.
[2]) Арх. консист., 1841, № 894.

но потомъ сообразило: „надобно утвердительно заключать,—писалъ одинъ изъ дубовскихъ священниковъ,—что большая часть изъ нихъ сходятся на купножительство безъ совершенія надъ ними таинства брака; новорожденные же младенцы едва ли не всѣ остаются некрещенными, развѣ только бываютъ погружаемы отъ повивальной бабки“[1]). Нужда—вотъ страшное въ расколѣ слово, которымъ объяснялись и извинялись всѣ отступленія отъ церковныхъ правилъ!...

И эти отступленія, носившія очень ясный характеръ обыкновенно столь ненавистной для старообрядцевъ безпоповщины, не были частными случаями; напротивъ, это общее явленіе эпохи возсоединеній, явленіе, исторически обоснованное вожаками поповщины, чуть ни публично проповѣдуемое. Прот. Бибиковъ говоритъ, что по вольскому уѣзду старцы, старицы, начетчики и даже самъ священникъ Прохоръ Любимовъ усердно внушали старообрядцамъ, что „лучше каяться къ землѣ, чѣмъ идти къ православному попу, ибо этотъ еретикъ, а единовѣрческій отступникъ“; они располагали своихъ сторонниковъ переходить „предпочтительнѣе въ безпоповщину, чѣмъ въ никоніанство“, говоря, что „спасительнѣе креститься у бабушекъ, чѣмъ въ церкви“[2]). И народъ слѣдовалъ этимъ внушеніямъ, такъ какъ противовѣса имъ ни откуда не было: Бибиковъ самъ сознается, что увѣщанія православныхъ священниковъ не дѣйствуютъ на раскольниковъ, которые „къ этимъ священникамъ не имѣютъ никакой вѣры“[3]). Съ другой стороны народъ слѣдовалъ этимъ внушеніямъ и потому, что иначе приходилось идти въ православіе, а если поповцы и всегда, въ силу вѣковыхъ счетовъ, питали вражду къ православнымъ, то послѣ обращенія Иргизскихъ монастырей и отнятія бѣлыхъ священниковъ вражда эта, по выраженію Арсеньева, перешла въ „лютую ненависть“; а вражда между кровными родными всегда бываетъ ожесточеннѣе, ненависть—пламеннѣе и непримиримѣе[4]). Такъ понялъ дѣло и преосвящ. Антоній, викарій саратовскій, когда въ отчетѣ своемъ о ревизіи заволжскихъ уѣздовъ въ 1850 году говорилъ: „Раскольники... большею частью далеки отъ обращенія къ церкви... они ожесточены за изгнаніе ихъ старцевъ изъ Иргизскихъ монастырей. Доселѣ они остаются въ той мысли, что только въ Иргизскихъ мона-

[1]) Ibidem, 1849, № 64, 3.
[2]) Сар. сем. библ., № 2662, 13.
[3]) № 3774, 199.
[4]) Дѣла Секр. Комит., Vol. XXXIV, л. 738; ср. Варадиновъ, VIII, 566.

стыряхъ была церковь истинная, а съ упраздненіемъ оныхъ теперь нигдѣ уже нѣтъ ни церкви истинной ни священства"[1]). Этого обстоятельства, очевидно, не предусмотрѣли обратители, сбитые съ толку обычной покорностью толпы и забывшіе, что если имѣютъ дѣло и со стадомъ, то все-таки словесныхъ, а не безсловесныхъ овецъ. Озлобленіе,—вотъ ядовитое сѣмя, заброшенное гонительной эпохой въ въ душу приверженцевъ и поклонниковъ старины: „Не имѣемъ мы... надъ собою власти благочестивыя, ни гражданскія, ни духовныя; нѣтъ у насъ ни царя благовѣрнаго, ни патріарха святѣйшаго, ни князя православнаго, ни иного кого отъ начальствующихъ, а все пребываемъ подъ рукою хульниковъ благочестія и ругателей креста Христова, и некому насъ отъ враждующихъ на истину защитить и помиловать, и наче всѣхъ языкъ жизнь наша проходитъ въ обидѣ и утѣсненіи. Не есть ли се время плача достойное?"[2])—вотъ выводъ, къ которому пришли старообрядцы теперь, вотъ первые всходы ядовитаго сѣмени, всходы быстро разроставшіеся: въ 1848 году руководитель дубовскихъ старообрядцевъ, купецъ П. Ф. Макаровъ, говоритъ уже,—„если бы у насъ открылось тоже, что на Западѣ, я бы первый поднялъ мечъ на дворянъ и поповъ"[3]). Эти всходы скоро обнаружили ошибку властей; и власти поняли это, но было уже поздно, круто возвращаться назадъ было нельзя. Одинъ изъ миссіонеровъ доносилъ преосв. Іакову, что хвалынскіе раскольники называютъ мѣры правительства противъ раскола „гоненіемъ" и на этомъ фактѣ гоненій обосновываютъ правоту свою,—правду, молъ, всегда гонятъ[4]). Іаковъ могъ оцѣнить это донесеніе по достоинству, такъ какъ хорошо зналъ, что русскій человѣкъ всегда становится на сторону слабаго и тѣмъ болѣе, если не понимаетъ причинъ, подвергающихъ его гоненію[5]), и онъ оцѣнилъ его: объ этомъ свидѣтельствуютъ неоднократныя ходатайства преосвященнаго предъ св. синодомъ о разрѣшеніи разныхъ отступленій отъ пунктовъ митр. Платона. Такъ въ донесеніи отъ 12 декабря 1843 года, сообщая св. синоду, что саратовскіе старообрядцы обнаруживаютъ неполное расположеніе къ правиламъ 1800 года,—тяготятся названіемъ едино-

[1]) С. И. А., Карт. А, № CXXI (скрѣпленная Антоніемъ копія отчета).
[2]) См. приложеніе № II.
[3]) Дѣла Секр. Комит., Vol. XXXIV, л. 740.
[4]) № 3774, 212.
[5]) Имп. Рус. Геогр. Общ., рук. Гана, 24.

вѣрцевъ, покушаются подвергнуть священника исправѣ, хотятъ имѣть свое, мнимо-древнее миро и т. п.,—онъ съ своей стороны находитъ нужнымъ „на первый разъ великодушно потерпѣть немощь сію, въ надеждѣ, что при назидательномъ обращеніи всѣ предразсудки со временемъ уничтожатся“[1]). Но съ одной стороны и синодъ далеко не всегда считалъ возможнымъ удовлетворять эти просьбы, на неопредѣленный срокъ превращавшія единовѣріе въ фикцію, съ другой же—прежде, чѣмъ хлопотать объ единовѣріи, нужно было похлопотать о смягченіи характера отношеній раскольниковъ къ православію, чему господствующая система стѣсненій вовсе не благопріятствовала. Измѣнить эту систему, какъ я уже сказалъ, было нельзя, смягчить ее—не могъ и самъ преосв. Іаковъ, да не соглашался и Фадѣевъ. Этотъ послѣдній, неожиданно для самого себя превратившійся изъ управляющихъ палатой государственныхъ имуществъ въ управляющаго губерніей и еще болѣе неожиданно возмнившій себя знатокомъ и спеціалистомъ раскола, своимъ неумѣстнымъ усердіемъ въ дѣлѣ обращенія оказывалъ православію въ полномъ смыслѣ слова медвѣжьи услуги. Не понимая ни раскола вообще ни состоянія его въ данную минуту, онъ былъ увѣренъ, что стоитъ только „поналечь“ на раскольниковъ и они всѣ пойдутъ въ православіе или, по меньшей мѣрѣ, въ единовѣріе. Въ любопытной докладной запискѣ министру внутреннихъ дѣлъ Перовскому онъ дѣлитъ всѣхъ саратовскихъ раскольниковъ на три группы: а) близкихъ къ принятію единовѣрія, б) фанатиковъ и в) народную толпу, готовую примкнуть къ той или другой партіи. Первые, по мнѣнію его, понимаютъ ничтожность причинъ своего упорства и присоединились бы къ единовѣрію, если бы торговые и другіе интересы не связывали ихъ съ богатыми фанатиками; вторые состоятъ изъ стариковъ и старухъ, упорно желающихъ провести жизнь свою въ прежней вѣрѣ; ихъ немного и ожидать вліянія ихъ на будущее поколѣніе нельзя; третьи держатся раскола только потому, что въ Вольскѣ есть бѣлый попъ, да потому еще, что богатые купцы-раскольники оказываютъ имъ поддержку[2]). При такой упрощенности воззрѣній Фадѣевъ естественно гнулъ раскольниковъ и этимъ безъ всякой надобности усиливалъ ихъ озлобле-

[1]) Отчетъ гр. Стенбока.
[2]) Варадиновъ, VIII, 460—461.

ніе, увеличивалъ пропасть, отдѣляющую ихъ отъ церкви. „Широта“ воззрѣній на расколъ и широта „воздѣйствія“ на него были въ этомъ представителѣ администраціи одинаково странны, чтобы не сказать большаго. Изъ его дѣятельности укажу только одинъ случай для примѣра.

Въ концѣ 1843 года Фадѣевъ представилъ въ министерство о необходимости удалить изъ Вольска бѣглаго священника Прохора Любимова, находя, что этотъ *единственный* въ губерніи бѣглый священникъ тормозитъ все дѣло обращенія старообрядцевъ и что въ случаѣ его удаленія всѣ они за оскудѣніемъ священства пойдутъ въ единовѣріе. Государь приказалъ удалить Прохора изъ Вольска въ ту епархію, изъ которой онъ бѣжалъ, если только не согласится остаться въ Вольскѣ священникомъ на правилахъ 1800 года. Исполненіе этого повелѣнія предписывалось произвести „съ должной осторожностью и за личной отвѣтственностью губернатора, такъ какъ мѣра сія принимается вслѣдствіе его о томъ представленія“. Фадѣевъ поступилъ дѣйствительно осторожно: 27 января 1844 года, въ 2 часа ночи, прибылъ въ Вольскъ саратовскій полиціймейстеръ, арестовалъ Прохора, запечаталъ старообрядческій храмъ и поставилъ около него военный караулъ[1]). Прохоръ увидѣлъ, что дѣло плохо, и 30 января далъ подписку на принятіе единовѣрія. Фадѣеву эта подписка показалась столь важной, что онъ приказалъ городскимъ и земскимъ полиціямъ объявить о ней „всѣмъ старообрядцамъ поповской секты и внушить при томъ, что за таковымъ совершеннымъ уничтоженіемъ старообрядческаго священства имъ остается одно средство для успокоенія себя въ духовныхъ нуждахъ— принятіе единовѣрія“. Такая публикація о „важномъ событіи“, разумѣется, ни къ чему не повела: во-первыхъ, раскольники порѣшили уже, что можно прожить и безъ поповъ, а во-вторыхъ, они, вѣроятно, лучше самого Фадѣева знали, какъ обратился Любимовъ. Послѣдній 21 апрѣля того же года, не отслуживъ ни одной единовѣрческой обѣдни, не исправивъ ни одной единовѣрческой требы подалъ прошеніе объ увольненіи его за штатъ по причинѣ ревматизма оконечностей. Вслѣдъ затѣмъ онъ подалъ второе прошеніе, о снятіи съ него сана. Молва, распускаемая имъ въ народѣ, что его силой заставили принять единовѣріе, оказалась, по словамъ

[1]) С. И. А., карт. А, № CXXIX, 47.

прот. Бибикова, „не безъ вреда для церкви“. Началось слѣдствіе, выяснившее, что Прохоръ ни у исповѣди ни у причастія не бываетъ. Въ 1846 году преосв. Іаковъ заставилъ его побывать на исповѣди, но отъ причастія онъ и тутъ уклонился — „по болѣзни своей нутряной“. Во все время бытности единовѣрческимъ священникомъ, въ теченіи четырехъ лѣтъ, онъ не переставалъ по секрету исправлять требы у богатыхъ раскольниковъ[1]).

Итакъ разгромъ Иргиза, если понимать подъ этимъ всю гонительную систему отношеній правительства къ расколу, не принесъ ожидавшейся отъ него пользы. Духовная власть неуспѣшность своей борьбы съ расколомъ объясняла первоначально существованіемъ монастырей Иргизскихъ. Монастыри были уничтожены, а успѣховъ все не получалось. Духовенство стало объяснять это вреднымъ вліяніемъ бѣглыхъ священниковъ. Началось гоненіе на бѣглыхъ священниковъ, а дѣло обращенія все не подвигалось отъ этого впередъ. Духовная власть вооружилась противъ уставщиковъ. Стѣснены были уставщики, а расколъ все крѣпче закупоривался въ свою скорлупу и не шелъ на „позываніе“ православныхъ пастырей Цѣной невыносимаго полицейскаго гнета, цѣной страшной нравственной тяготы и муки десятковъ тысячъ народа православіе пріобщало на свои пажити жалкіе 2% изъ общаго числа страдающихъ людей. Взятыя за тотъ или другой годъ въ отдѣльности, цифры обращеній представляются довольно внушительными, но, при среднемъ выводѣ, онѣ мельчаютъ и показываютъ во всемъ ничтожествѣ принятую правительствомъ систему дѣйствій. Система эта была безполезна для православія,—вотъ первый выводъ, который мы съ чувствомъ искренней скорби въ правѣ сдѣлать на основаніи приведенныхъ данныхъ. Разсматривая дальше итоги разгрома, съ еще большей скорбью найдемъ, что она была безусловно вредна и что причины ея неуспѣшности искали не тамъ, гдѣ ихъ нужно было искать.

Въ одномъ изъ своихъ рапортовъ въ св. синодъ преосв. Іаковъ говорилъ между прочимъ, что „труднопобѣдимое упорство“ раскольниковъ является главнымъ препятствіемъ переходу ихъ въ православіе. Поэтому онъ особенно усиленно старался обращать ихъ не въ православіе, на что было мало надежды, а въ единовѣріе. Сна-

[1]) Арх. консист., 1844, № 278, 1—40.

чала успѣхъ стараній его въ этомъ отношеніи превзошелъ всѣ ожиданія: въ одномъ 1843 году приняли единовѣріе или дали подписку на принятіе до 7.000 человѣкъ[1]); но скоро число жаждущихъ перехода значительно уменьшилось и въ началѣ 50-хъ годовъ всѣхъ единовѣрцевъ числилось только 6.192 человѣка. Такимъ образомъ и учрежденіе единовѣрія, какъ средства сближенія раскольниковъ съ православіемъ, оказалось въ Саратовскомъ краѣ вовсе не соотвѣтствующимъ своей благой цѣли. „Къ единовѣрію раскольники не имѣютъ никакого сочувствія и, называя его „ловушкой правительства", считаютъ новой ересью, опаснѣе всѣхъ прочихъ", говоритъ гр. Стенбокъ. Вотъ маленькое стихотвореніе, характеризующее взглядъ раскольниковъ на единовѣріе:

„Явилась церковь вновь, имѣя двѣ личины,
Хранитъ разгласные уставы и всѣ чины.
Всѣмъ кажется она, что хвалитъ старину,
Но купно содержитъ въ себѣ и новину;
На двухъ ногахъ она, а храмлетъ обоими,
На всѣ страны скользитъ затѣями своими"[2]).

Можно бы, пожалуй, удивляться даже временному успѣху пропаганды единовѣрія въ Саратовскомъ краѣ, если бы не было извѣстно, кто были миссіонерами, какъ велась ими пропаганда и что обозначали саратовскія власти словомъ „единовѣріе". Однимъ изъ первыхъ по времени миссіонеромъ былъ іеромонахъ Палладій, въ мірѣ прот. Павелъ Архангельскій. Въ іюлѣ 1845 года преосв. Іаковъ, ходатайствуя предъ св. синодомъ о поощреніи Палладія, просилъ дать ему наперстный крестъ и говорилъ, что въ борьбѣ съ расколомъ онъ оказалъ „неутомимую ревность и примѣрное благоразуміе", обращалъ же сотнями. Заглянемъ въ формулярный списокъ этого дѣятеля. Въ 1808 году Архангельскій былъ удаленъ отъ священнической должности за дозволеніе похоронить скоропостижно умершаго крестьянина, избитаго управляющимъ. Нѣсколько лѣтъ спустя онъ попалъ подъ слѣдствіе „за имѣніе любодѣйной связи съ жившей у него въ услуженіи дѣвкой". Консисторія, гдѣ онъ былъ членомъ, оправдала его, но архіерей велѣлъ занесть эту подсудность въ формуляръ. Въ 1828 году онъ вновь попалъ подъ судъ—„за прелюбодѣйную связь съ женой пономаря". За это его отрѣшили отъ должности и послали въ монастырь „на усмотрѣніе въ поведеніи". Пе-

[1]) Варадиновъ, VIII, 574
[2]) Библ. А. И. Хлудова, № 319, 26.

реведенный затѣмъ въ Хвалынскъ, онъ въ 1830 году снова былъ подъ судомъ за нанесеніе побой какому-то канцеляристу Віанцеву. Консисторія оставила было Архангельскаго въ подозрѣніи, но св. синодъ нашелъ это рѣшеніе „слабымъ“ и велѣлъ послать виновнаго въ монастырь навсегда съ запрещеніемъ священнослуженія впредь до архіерейскаго усмотрѣнія. Выплылъ Палладій при Іаковѣ и, уловивъ духъ времени, принялся миссіонерствовать[1]). Легко представить, какое „примѣрное благоразуміе“ могъ обнаруживать этотъ „дѣятель“ по нарушенію седьмой заповѣди!... Другимъ крупнымъ миссіонеромъ и даже негласнымъ руководителемъ миссіи былъ прот. Миртовскій, во иночествѣ Моисей, долгое время любимецъ Іакова. Преосвященный 29 февраля 1836 года далъ слѣдующее предложеніе консисторіи: „За охотное проповѣданіе слова Божія, за особенную ревность къ обращенію раскольниковъ и молоканъ, за строгое и терпѣливое иноческое житіе, за введеніе въ Петровскомъ монастырѣ лучшихъ нравственныхъ порядковъ, представить іеромонаха Моисея къ производству во игумена въ означенномъ Петровскомъ монастырѣ“[2]). Какъ оправдалъ Моисей эту лестную рекомендацію?— Въ 1842 году началось крайне скандальное дѣло о „блудной жизни игумена Моисея“ и по слѣдствію Моисей оказался виновнымъ во взведенныхъ на него преступленіяхъ[3]). Третьимъ миссіонеромъ и, пожалуй, самымъ крупнымъ изъ всѣхъ былъ прот. Е. П. Дьяконовъ. Этотъ не попалъ подъ судъ и объ его нравственной личности можно судить только по устнымъ преданіямъ,—что, разумѣется, не будетъ особенно убѣдительно для науки[4]),—да по одной дошедшей до насъ резолюціи преосв. Иринея, въ которой этотъ владыка грозитъ „строго наказать“ Дьяконова за интриги противъ сослуживцевъ, „яко нарушителя мира церкви святыя“, и перемѣстить его „въ самое бѣдное мѣсто“[5]), но вотъ документальное указаніе на то, какъ онъ собесѣдовалъ съ раскольниками. Правленіе саратовской семинаріи, разсматривавшее журналъ его собесѣдованій, такъ отозвалось о нихъ: „По содержанію они не убѣдительны, по формѣ—сбивчивы...

---

[1]) С. И. А., карт. А., № CXIX, 1—8.
[2]) Арх. консист., 1836, № 233, 1.
[3]) Ibidem, 1842, № 2843.
[4]) Въ консисторіи было дѣло о солитьбинскихъ „единовѣрцахъ,“ въ которомъ Дьяконовъ игралъ очень подозрительную роль, но оно неизвѣстно когда и какъ—пропало изъ архива.
[5]) Указъ пензен. конс., 9 іюня 1828, № 6263.

О. протоіерей заключаетъ свой журналъ тѣмъ, что „раскольники остались непреклонными,—болѣе нечего было и ожидать“[1]). И это отзывъ о собесѣдованіяхъ одного изъ лучшихъ миссіонеровъ!

Если таковы были свѣтила саратовской миссіи, то что сказать о миссіонерахъ рядовыхъ, также усердно старавшихся „обращать“?! Тоже правленіе саратовской семинаріи даетъ слѣдующій отзывъ о собесѣдованіяхъ священниковъ Андрея Знатокова, Дмитрія Сокольскаго, Петра Веселовскаго и Павла Александровскаго: „И внѣшній составъ и внутреннее содержаніе этихъ собесѣдованій мало отвѣчаютъ цѣли... Въ собесѣдованіяхъ нѣтъ жизни: читая ихъ, не чувствуешь рѣчи священника съ раскольникомъ, а припоминаешь сухое изложеніе класснаго руководства... Священники не умѣютъ упрощать книжныхъ доказательствъ для вразумительнаго изложенія ихъ предъ простыми людьми... Особенно достойны сожалѣнія рѣзкіе пріемы, употребляемые священниками въ бесѣдахъ съ раскольниками... Отлично принятый раскольникомъ Прокофіемъ Андреевымъ, священникъ Веселовскій повелъ свою рѣчь такъ, что получилъ приглашеніе оставить домъ, не безъ вины съ своей стороны: онъ подвергъ хулѣ добрый пріемъ хозяина, его убѣжденія; разбранилъ бѣлыхъ священниковъ и расхвалилъ себя, забывъ, что въ его достоинства раскольникъ не вѣритъ. Такъ вести бесѣды—значитъ только портить Божье дѣло обращенія раскольниковъ, удалять ихъ отъ сближенія съ церковью... Нѣкоторыя собесѣдованія наводятъ на сомнѣніе въ ихъ дѣйствительной бытности... Во всѣхъ собесѣдованіяхъ раскольники представляются страдательными существами, жертвами, обреченными на неотвратимое вниманіе и готовыми то и дѣло сказать вмѣстѣ съ Прокофіемъ Андреевымъ: „говорите, говорите, только насъ, ради Бога, не тѣсните!“ а священники—величественными ораторами, нисколько, впрочемъ, не смягчающими строптивости раскольниковъ, именно отъ того, что не спускаются до понятій раскольниковъ, не сближаются съ ними сердцемъ, а проповѣдуютъ имъ какъ будто по заказу“[2]). Заволжскій благочинный Андрей Клементовъ, одинъ изъ дѣятельныхъ „обратителей“, оказался, какъ публично назвалъ его единовѣрецъ Лосевъ, „грабителемъ и злоупотребителемъ цѣлаго общества“[3]). Въ сердобскомъ

[1]) Арх. консист., 1859, № 1940, 58.
[2]) Ibidem, 57—59.
[3]) Арх. канц. губерн., 1838, № 197.

уѣздѣ священники Василій Миролюбовъ и Василій Твердовскій, по словамъ консисторіи, „въ опроверженіи раскольничьихъ заблужденій обнаруживаютъ безсмыслицу въ сужденіяхъ и незнаніи русской грамматики“, а потому имъ велѣно пріобрѣсть книги, содержащія опроверженія раскольничьихъ мнѣній, и научиться грамотѣ. Между тѣмъ Миролюбовъ въ своемъ журналѣ, дѣйствительно, образцовомъ по безграмотности, писалъ, что раскольники „хотя и возражали, но крайне безграмотно и безсмысленно“, опроверженія же на „неумѣстные ихъ вопросы были одни только практическія“ (sic!). Не лучше и у о. Твердовскаго[1]). Этихъ примѣровъ достаточно. Зачѣмъ же, спрашивается, всѣ эти люди, или по своему развитію, или по своей нравственности, неспособные къ миссіонерству, брались неумѣлыми или нечистыми руками за святое дѣло? Косвенный отвѣтъ на это даетъ іеромонахъ Макарій въ своей біографіи преосв. Іакова: „Ревность къ занятіямъ расколомъ въ духовенствѣ Іаковъ возбуждалъ обращеніемъ особеннаго вниманія на занимающихся, и наградами для нихъ. Многимъ пріятно было заниматься тѣмъ, что любилъ самъ архипастырь и чѣмъ занимался онъ съ усердіемъ. Слыша частыя поученія своего архипастыря, духовные и сами воспламенялись ревностью къ проповѣданію слова Божія“[2]). Принимая первую половину объясненія, я рѣшительно отвергаю вторую: въ ней Макарій повторяетъ ту самую ошибку, которую долго допускалъ и потомъ горько каялся въ этомъ преосвящ. Іаковъ. Нѣтъ, не ревностью и подражаніемъ воспламенялись, а мечтами честолюбія и корысти увлекались миссіонеры Іакова! Я внимательно перечиталъ формулярные списки главныхъ миссіонеровъ этого времени, усердно собиралъ оффиціальныя, по документамъ консисторіи, и неоффиціальныя, по устнымъ разсказамъ старожиловъ, свѣдѣнія о нихъ и на основаніи всего этого пришелъ къ самому безотрадному выводу, что $^9/_{10}$ этихъ миссіонеровъ были всего менѣе годны къ избранной ими дѣятельности и что самые *худшіе* изъ нихъ въ нравственномъ отношеніи *наиболѣе* прославились успѣхами въ дѣлѣ обращенія раскольниковъ; для обращеній во вкусѣ того времени требовалась прежде всего безцеремонность.

Таковъ составъ миссіонеровъ. Взглянемъ на примѣры возсо-

[1]) Арх. консист., 1849, № 1604, 8—12.
[2]) Макарій, Іаковъ, арх. нижегор., 40.

единеній: это выяснить, *какъ* возсоединяли и *что* вышло изъ этихъ возсоединеній. „Мѣстное начальство, какъ духовное, такъ и свѣтское,—говоритъ гр. Стенбокъ,—глядѣло ошибочно на дѣло единовѣрія и дѣйствовало хотя съ благими намѣреніями, но не прямымъ путемъ“[1]). Первое крупное обращеніе въ единовѣріе по Саратовскому краю имѣло мѣсто въ слободѣ Криволучьи, николаевскаго уѣзда. Неизвѣстно, не было ли у преосв. Іакова особой инструкціи по дѣлу криволуцкихъ раскольниковъ, ибо въ то время командированъ былъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ статскій совѣтникъ Алябьевъ для содѣйствія по обращенію саратовскихъ раскольниковъ въ единовѣріе, но только Іаковъ, искренно убѣжденный въ пользѣ единовѣрія, дозволилъ, съ благословенія св. синода, 1740 чел. криволуцкихъ крестьянъ перейти въ единовѣріе съ разными отступленіями отъ правилъ 1800 года. Согласились на единовѣріе криволуцкіе крестьяне, благодаря давленію удѣльныхъ властей, при чемъ мѣстный удѣльный начальникъ, К. А. Гуськовъ, при первоначальныхъ переговорахъ объ устройствѣ въ Криволучьи храма и церковнаго порядка допустилъ непростительную „фальшь“: онъ не вполнѣ раскрылъ имъ волю синода. Служа посредникомъ между правительствомъ и крестьянами при составленіи указа прихожанамъ криволуцкимъ, онъ прописалъ резолюцію синода, въ указѣ его отъ 14 августа 1843 года, № 10477, съ опущеніемъ словъ: „28 октября 1800 года“ и „единовѣріе[2])“. Благодаря этимъ пропускамъ криволуцкіе раскольники были увѣрены, что все дѣло присоединенія состоитъ только въ томъ, что они примутъ священника не тайно, а съ разрѣшенія архіерея. Поэтому принятаго ими священника Ильменскаго они подвергли исправѣ чрезъ бѣглаго іеромонаха Пахомія, секретно отъ православныхъ, и продолжали считать и называть себя не единовѣрцами, но попрежнему старообрядцами. Далѣе они запретили своему священнику принимать благословеніе отъ епархіальнаго архіерея, заимствоваться отъ него миромъ и вести переписку безъ ихъ вѣдома. Все это, конечно, скоро стало извѣстно епархіальной власти, но преосв. Іаковъ дѣлалъ видъ, что ничего не знаетъ. Преемникъ его, преосв. Аѳанасій Дроздовъ, иначе взглянулъ на дѣло и, воспользовавшись отказомъ криволуцкихъ единовѣрцевъ съ самимъ Ильменскимъ во

[1]) Отчетъ гр. Стенбока.
[2]) См. приложеніе № III.

главѣ допустить единовѣрческаго благочиннаго Трифилія къ обзору церкви и документовъ за 1847 годъ, началъ усиленно давить на нихъ; священника Ильменскаго, человѣка пьянаго и съ дурнымъ поведеніемъ, замѣнилъ другимъ—священникомъ Терсинскимъ, которому велѣлъ строго слѣдить за исполненіемъ крестьянами христіанскихъ требъ. Мнимые единовѣрцы взбунтовались, тѣмъ болѣе что Терсинскій оказался человѣкомъ очень добросовѣстнымъ и первымъ долгомъ отказался принять исправу. Посыпались жалобы на притѣсненіе, разоблачилась исторія присоединенія, вынесена была наружу вся ея закулисная грязь и гуськовскій подлогъ. „Бѣдствующіе жители Криволучья“, 16 іюля 1849 года, подали прошеніе Арсеньеву, гдѣ заявляли, что „быть на правилахъ 1800 года они не хотѣли и не хотятъ“, а потому просятъ дозволить ихъ священнику принять себѣ духовникомъ какого-нибудь бѣглаго попа. Разумѣется, ничего подобнаго дозволено имъ не было. Результаты скоро сказались: въ сентябрѣ 1850 года преосв. Антоній доносилъ Аѳанасію, что въ криволуцкомъ приходѣ осталось едва ли 10 человѣкъ единовѣрцевъ,—на пасху было въ церкви всего три человѣка. Два года спустя, Терсинскій рапортовалъ единовѣрческому благочинному, архимандриту Іоасафу: „Прихожане мои, жители слободы Криволучья, ни мало не имѣютъ нужды въ священникѣ для исправленія христіанскихъ требъ въ ихъ обществѣ: новорожденныхъ крестятъ у нихъ бабки—нужды ради, какъ они говорятъ; умирающихъ исправляютъ ихъ наставники-мужики, читая имъ скитское покаяніе; вмѣсто св. причастія даютъ имъ пить такъ называемую старообрядцами „большую воду“; умершихъ хоронятъ тѣ же самые наставники,—похороны или панихиду поютъ не въ домѣ умершаго, но у сосѣдей; браки вѣнчаютъ у бродягъ“. Такъ распался криволуцкій единовѣрческій приходъ[1]).

Нѣсколько позже, чѣмъ въ Криволучьи, совершилось крупное присоединеніе къ единовѣрію въ Саратовѣ. Здѣсь дѣло началось съ того, что въ 1840 году прекратилось „древнее“ священство за уходомъ въ единовѣріе бѣглаго священника Ѳедоровскаго при Барановской часовнѣ. Мѣстные старообрядцы, признавая и „душевреднымъ“, и „зазорнымъ“ жить безъ попа, „какъ басурманы“, обратились къ министру внутреннихъ дѣлъ съ просьбой о дозволе-

[1]) Арх. канц. самар. еписк., № 358; Дѣла Секр. Комит., Vol. XXXII, л. 486; XXXIV, л. 815.

ніи принять бѣглаго священника съ вѣдома гражданской власти. Въ ходатайствѣ было отказано, съ воспрещеніемъ утруждать впредь начальство подобными просьбами. Преосв. Іакову казалось существенно важнымъ развитіе единовѣрія въ Саратовѣ: за „губерніей“, гдѣ къ тому же была и высоко цѣнимая старообрядцами Барановская часовня, пойдутъ и сельскіе раскольники; для нагорной части Саратовскаго края крупное обращеніе къ единовѣрію въ Саратовѣ, по его разсчету, родившемуся подъ вліяніемъ донесеній миссіонера Полянскаго[1]), должно имѣть такое же значеніе, какъ обращеніе Криволучья для Заволжья[2]). Правда, въ Саратовѣ лѣтъ восемь уже существовала „горбуновская“ церковь, но преосвященный зналъ, какъ глядятъ старообрядцы на коммерціи совѣтника Горбунова съ его малымъ стадомъ; онъ слышалъ ихъ отзывы, что Горбуновъ принялъ единовѣріе „любочестія ради“,—чтобы быть городскимъ головой и увѣшать грудь орденами на разныхъ лентахъ. Примѣръ Горбунова не могъ соблазнить многихъ. Преосвященный взялся за Александра Ивановича Уфимцева, стоявшаго въ это время во главѣ саратовскаго старообрядческаго общества[3]). Можетъ быть, изъ этого ничего не вышло бы, если бы за спиной Уфимцева не стоялъ нарождавшійся въ это время оракулъ саратовскихъ старообрядцевъ, купецъ Левъ Степановичъ Масленниковъ. Подъ вліяніемъ этого ловкаго и честолюбиваго человѣка, которому старообрядчество до извѣстной степени связывало крылья, Уфимцевъ задумалъ замаскировать расколъ единовѣріемъ и вступилъ въ переговоры съ преосв. Іаковомъ. Переписка шла долго. Въ дѣло вмѣшался губернаторъ и вице-губернаторъ; былъ даже выписанъ изъ Петербурга чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ Алябьевъ. Старообрядцы саратовскіе вступили въ переписку съ Рязановымъ и даже, повидимому, посылали къ нему въ Екатеринбургъ особую депутацію, разузнать во всѣхъ подробностяхъ, на какихъ условіяхъ существуетъ его церковь съ 1838 года[4]). Рязановъ, увѣдомляя ихъ 3 мая 1843 года, что о дозволеніи завести подобныя его церкви ходатайствуютъ уже старообрядцы екатеринбургскіе и черниговскіе,—

[1]) № 3774, 152.
[2]) Ibidem, 295.
[3]) Исторію обращенія Барановской часовни въ единовѣрческую передаю на основаніи подлинныхъ, бѣловыхъ и черновыхъ, документовъ, полученныхъ мною отъ А. Н. Масленниковой и нынѣ переданныхъ въ Историческій Архивъ при саратовской ученой архивной Комиссіи.
[4]) С. И. А., Карт. А, № XXIX.

послѣдніе по вліянію на нихъ саратовскаго „христіанина“ Іерофея Іевлева,—совѣтовалъ спѣшить возбужденіемъ такого же ходатайства предъ синодомъ, такъ какъ „чѣмъ больше просителей, тѣмъ уважительнѣе просьба“[1]). Саратовцы въ точности послѣдовали этому совѣту и отправили къ оберъ-прокурору синода, гр. Протасову, прошеніе о разрѣшеніи имъ имѣть церковь на тѣхъ же основаніяхъ, какъ разрѣшено Рязанову. Св. синодъ нашелъ, что дарованіе просителямъ священниковъ, стоящихъ въ зависимости только отъ синода, безъ всякаго посредства власти мѣстнаго архіерея, противно и древнимъ уставамъ церкви и государственному порядку. Далѣе синодъ не видѣлъ никакихъ основаній измѣнять форму, по которой провозглашаются на эктеньяхъ имена благочестивѣйшаго государя императора и всей царской фамиліи и согласно съ которой молятся и всѣ иновѣрцы (саратовскіе старообрядцы не хотѣли называть государя „благочестивѣйшимъ,“ а только „державнымъ“). Что касается ходатайства старообрядцевъ о разрѣшеніи имъ при храмѣ устроить школу для своихъ дѣтей, въ которой могутъ обучаться и дѣти принятыхъ ими священниковъ и діаконовъ, то синодъ предоставилъ имъ, по окончательномъ рѣшеніи вопроса о принятіи единовѣрія, возбудить объ этомъ новое ходатайство. Въ заключеніе всего синодъ постановилъ удостовѣрить просителей, что отъ правилъ 1800 года, „по которымъ они успокоятся совершенно въ дѣлахъ своей совѣсти,“ не будетъ впредь допущено ни малѣйшаго отступленія, что на увольненіе къ старообрядцамъ священниковъ, не подвѣдомственныхъ епархіальному архіерею, согласиться ни подъ какимъ видомъ нельзя, ибо „такой неправильности и нововведенія начальство допустить не можетъ“, и что самое прошеніе ихъ о томъ есть грѣховно. Преосв. Іакову синодъ разрѣшилъ немедленно назначить священника, если часть раскольниковъ пожелаетъ принять единовѣріе, и обезпечить ихъ во всѣхъ нуждахъ, представивъ тогда же св. синоду, который не затруднится назначить способы къ сооруженію другого единовѣрческаго храма въ Саратовѣ[2]). Преосвященный немедленно сообщилъ старообрядцамъ объ этомъ постановленіи синода, состоявшемся 29 сентября 1843 года, и просилъ Масленникова и Уфимцева склонить своихъ единомышленниковъ къ безусловному принятію единовѣрія. На это послѣдніе объяснили, что въ подан-

[1]) Ibidem, № XXXI.
[2]) Ibidem, № XXXIV—XXXV.

номъ въ синодъ прошеніи по ошибкѣ помѣщена ссылка на екатеринбургскихъ единовѣрцевъ, что „теперь они просятъ объ учрежденіи церкви на правилахъ криволуцкой и что въ отношеніи направленія общественнаго мнѣнія къ исполненію вполнѣ желаній правительства, по столь важному дѣлу совѣсти, потребно еще время“[1]). Губернатору надоѣли всѣ эти переговоры, пререканія, торговля. Онъ поручилъ 5 декабря 1843 года саратовскому городскому головѣ, Д. М. Вакурову, дознать чрезъ попечителя старообрядческаго общества, Уфимцева, положеніе дѣла и предложить всѣмъ извѣстнымъ благонамѣренностью старообрядцамъ „употребить дѣятельное соучастіе къ скорѣйшему приведенію въ дѣйствіе благого преднамѣренія“ относительно единовѣрія. Въ силу этого порученія Вакуровъ и обратился съ „покорнѣйшей просьбой и усерднѣйшимъ приглашеніемъ къ скорѣйшему приведенію въ дѣйствіе совѣщанія о принятіи священства на тѣхъ основаніяхъ, какія св. синодомъ допущаются“. Кромѣ того онъ просилъ сообщить ему, не позже 12 декабря, для передачи губернатору свѣдѣнія, „какъ о тѣхъ лицахъ, кои благонамѣренностью своей успѣху въ дѣлѣ покажутъ ревностное участіе, такъ и о тѣхъ, кои упорствомъ и пронырствами будутъ тому препятствовать“[2]). Это письмо быстро подвинуло дѣло впередъ. Начались частыя совѣщанія, на которыхъ обсуждались по преимуществу два вопроса: можно ли принимать опять бѣглыхъ священниковъ, обратившихся въ единовѣріе, и могутъ ли данные архіереемъ священники достойно исполнять свои обязанности безъ предварительной исправы? Кое-какъ уладивъ эти щекотливые вопросы, Масленниковъ и Уфимцевъ предложили 10 декабря старообрядческому обществу проектъ прошенія губернатору, согласный съ тѣми условіями, на которыхъ принятъ священникъ въ Криволучьи. Партія непримиримыхъ, во главѣ которой стояли купцы Мартынъ Жуковъ, Каллистратъ Губинъ, Гавріилъ Рощинъ, Даніилъ Уваровъ и казакъ Перфиловъ, отказалась подписать предложенный проектъ: „Была нами подана просьба г. министру и о ней объявлено, что она уважена быть не можетъ; я болѣе подавать ничего не желаю и утруждать начальство не смѣю“, надписалъ на проектѣ Жуковъ; такое же замѣчаніе сдѣлали и нѣкоторые его сторонники[3]). Другіе под-

[1]) Отчетъ гр. Стенбока.
[2]) С. И. А., Карт. А. № XXXVII; сн.: Варадиновъ, VIII, 466.
[3]) Ibidem, № XXXVIII.

писались подъ проектомъ безъ возраженій, но съ единственной цѣлью—„извлекать мысли о семъ благомъ дѣлѣ“; втихомолку они ратовали противъ и распространяли слухъ, что всѣ подписавшіеся будутъ присоединены къ горбуновской церкви. Этимъ средствомъ они сбили многихъ[1]). Но, несмотря на всѣ происки непримиримыхъ, 12 декабря большинство старообрядческаго общества, выслушавъ послѣ богослуженія въ часовнѣ заготовленное на имя губернатора прошеніе, согласились подписать его,—„существо онаго неотрицательно подтвердили“, какъ говоритъ Уфимцевъ[2]). Коноводы раскола задумали пригласить къ себѣ вольскаго бѣглаго попа Гавріила (Калугина?), уже перешедшаго въ единовѣріе, и 14 декабря отправили къ нему съ двумя депутатами особое посланіе: „Общество наше, преисполненное глубокимъ чувствомъ уваженія къ вашему преподобію, покорнѣйше проситъ васъ, милостивый государь и честнѣйшій отецъ, изъявить согласіе на поступленіе въ нашъ храмъ и исправленіе всякихъ христіанскихъ требъ по древнимъ книгамъ и обрядамъ, къ коимъ вы съ давняго времени имѣете душевное уваженіе“, писали они ему. Они просили о. Гавріила пріѣхать въ Саратовъ немедленно даже и въ томъ случаѣ, если онъ и не согласится на поступленіе къ ихъ храму[3]). Но съ честнѣйшимъ о. Гавріиломъ дѣло не сладилось и они скоро подыскали себѣ другого бѣглаго священника, бывшаго раньше у нихъ же, а потомъ перешедшаго въ единовѣріе, Ѳ. В. Ѳедоровскаго, который принялъ и исправу въ довольно-таки осторожной формѣ: „Азъ, нижеименованный, изъявивъ саратовскому старообрядческому обществу согласіе мое вступить къ нимъ для отправленія въ молитвенномъ храмѣ ихъ богослуженія и исполненія всѣхъ христіанскихъ требъ по всѣмъ тѣмъ правиламъ и обрядамъ, какъ производилъ оное по нахожденію моему у нихъ прежде, побуждаюсь собственной моей совѣстью принести предъ Господомъ Богомъ чистосердечное раскаяніе въ томъ, ежели по невѣдѣнію волею или неволею, уклоняясь отъ преданій св. отецъ, соучаствовалъ я въ какой-либо ереси, и потому произношу съ проклятіемъ всѣхъ ересей мое раскаяніе предъ животворящимъ крестомъ Христа Спасителя нашего и святымъ его евангеліемъ“[4]).

[1]) Ibidem, № XLI.
[2]) Ibidem, № XXXIX.
[3]) Ibidem, № XLIV.
[4]) Ibidem, № L.

Прошеніе было подано губернатору, который 15 числа переслалъ его Іакову, а тотъ на слѣдующій день письмомъ на имя Л. С. Масленникова, А. И. Уфимцева, Т. В. Кутина, И. П. Медвѣдева, Ѳ. С. Гладкова и П. М. Канина увѣдомилъ старообрядцевъ, что онъ находитъ предложенныя ими условія согласными съ указомъ синода, которымъ дозволялось дать священника въ Криволучье, и согласенъ дозволить имъ избрать священника и діакона къ ихъ храму[1]). Вслѣдъ затѣмъ губернаторъ выдалъ имъ за своимъ подписомъ копію съ постановленныхъ ими условій. Копія эта носитъ слѣдующее названіе: „Правила, на коихъ допущено старообрядцамъ въ городѣ Саратовѣ имѣть священниковъ“. Ни въ одномъ пунктѣ этихъ правилъ не упоминается слово „единовѣріе“: составители тщательно обѣгаютъ его и не безъ умысла, конечно, вездѣ называютъ свою церковь „старообрядческой“[2]). Спустя недѣлю, преосвященный далъ предписаніе Ѳедоровскому отправлять богослуженіе и требы у саратовскихъ старообрядцевъ на основаніи синодальнаго указа по дѣлу криволуцкихъ единовѣрцевъ[3]). Богослуженіе въ Барановской часовнѣ началось, но дѣло этимъ не кончилось. Препровождая въ св. синодъ прошеніе старообрядцевъ, Іаковъ вмѣстѣ съ нимъ просилъ дозволить возстановить на часовнѣ главу и крестъ, допустить звонъ и освятить часовню въ церковь. Синодъ отвѣтилъ, что онъ „утѣшается душеспасительнымъ согласіемъ старообрядцевъ принять священника съ зависимостью отъ епархіальнаго архіерея“, но не можетъ признать дѣла совершенно оконченнымъ, такъ какъ поставленныя старообрядцами условія несогласны нѣсколько съ пунктами митр. Платона, а пункты эти, какъ извѣстно, составляютъ крайній предѣлъ снисхожденія. Нельзя согласиться на возношеніе молитвъ за царя съ измѣненіями противъ утвержденной синодомъ формы; не видно, будетъ ли поминаться на эктеньяхъ св. синодъ, и не опредѣлено, откуда будутъ доставать новые единовѣрцы св. миро (синодъ зналъ изъ донесенія Іакова, что они не хотятъ заимствоваться миромъ отъ епархіальнаго архіерея). Прежде удовлетворенія ходатайства о крестѣ и звонѣ синодъ считаетъ необходимымъ выяснить эти пункты. Сообщая въ мартѣ 1844 года Уфимцеву этотъ отвѣтъ синода, Іаковъ просилъ его со всѣмъ старообрядческимъ обществомъ „внять

[1]) Ibidem, № XLV.
[2]) Ibidem, № XLIX.
[3]) Ibidem, № XLVIII.

гласу правительства" и принять единовѣріе на правилахъ 1800 года[1]). Это письмо Іакова вызвало цѣлую бурю: мѣсяца четыре волновались и толковали старообрядцы. Согласныхъ на предложеніе было очень немного. Только въ іюлѣ они отвѣтили преосвященному, что предложенныя имъ условія ничѣмъ не отличаются отъ условій криволуцкихъ крестьянъ, принятыхъ св. синодомъ безъ возраженій, что тѣмъ крестьянамъ синодъ разрѣшилъ отправленіе богослуженія по правиламъ россійскихъ патріарховъ безъ всякой перемѣны и что „въ отношеніи направленія общественнаго мнѣнія къ исполненію вполнѣ желаній духовнаго правительства по столь важному дѣлу совѣсти потребно еще время"[2]). Какое употребленіе сдѣлалъ Іаковъ изъ этого письма—сейчасъ увидимъ: 27 октября онъ сообщилъ Уфимцеву, что „вслѣдствіе изъявленнаго желанія саратовскихъ старообрядцевъ принять единовѣріе на правахъ 27 октября 1800 года" онъ ходатайствовалъ предъ синодомъ относительно обращенія Барановской часовни въ единовѣрческую церковь и получилъ надлежащее разрѣшеніе[3]). Излишне говорить, что это сообщеніе произвело въ средѣ 2.300 прихожанъ Барановской часовни невообразимый переполохъ. Страшное слово „единовѣріе" было произнесено церковной властью во всеуслышаніе, безъ всякихъ ужимокъ и увертокъ. Нѣтъ больше при часовнѣ „старообрядцевъ," есть только „единовѣрцы"! Одни смутились, другіе даже возмутились: откуда взялъ преосвященный, что они желаютъ принять единовѣріе? Этого ни въ одной бумагѣ ихъ по данному предмету сказано ими не было; они никогда не выражали намѣренія принять „платонову ересь"... Немедленно полетѣло прошеніе къ губернатору. Ему объясняли, что саратовскіе старообрядцы просили себѣ священника на правахъ криволуцкихъ крестьянъ,—это было выражено прямо и ясно; также ясно выразилъ и преосвященный свое согласіе на предложенныя ему условія. Новое теперешнее предложеніе его „заключаетъ въ существѣ своемъ такую перемѣну противъ прежняго его дозволенія объ отправленіи въ ихъ часовнѣ богослуженія, что въ настоящее время общество на оную склонить нельзя, и если имъ, паче чаянія, не разрѣшатъ отправлять богослуженіе по примѣру Криволучья, тогда, къ величайшему сожалѣнію и сильному огорченію всего обще-

1) Ibidem, № LII.
2) Ibidem, № LV.
3) Ibidem, № LVI.

ства, могутъ открыться въ немъ разные толки, послѣдствія коихъ поселятъ непреодолимый раздоръ и болѣе неудобный и несовмѣстный съ видами правительства разномысленный расколъ". Въ виду этого Уфимцевъ настаивалъ на оставленіи дѣла по старому, какъ оно было начато и рѣшено Іаковомъ[1]). Сходное съ этимъ прошеніе отправлено было и къ Іакову. Подписавшійся подъ этимъ прошеніемъ попечителемъ „старообрядческаго" храма Уфимцевъ напоминаетъ преосвященному, что имъ, Іаковомъ, выражено уже въ декабрѣ прошлаго года согласіе на представленныя старообрядцами условія, что ему откровенно высказана невозможность сразу принять единовѣріе,—для этого „потребна послѣдовательная постепенность и свойственная благодѣтельному правительству терпимость",—угрожаетъ, что въ случаѣ насильственнаго осуществленія „перемѣны" многіе изъ единовѣрцевъ отпадутъ отъ Барановской часовни и „со временемъ содѣлаются подобными составляющимъ здѣсь безпоповщинскую секту", и заявляетъ, что самъ онъ больше ничего ни сдѣлать ни предлагать своимъ собратьямъ не можетъ и оставляетъ на отвѣтственности преосвященнаго. Но преосвященный никакой отвѣтственности на себя брать не хотѣлъ и замялъ дѣло[2]).

Такъ образовалось единовѣріе въ Саратовѣ. Не трудно замѣтить, что тутъ съ обѣихъ сторонъ дѣло велось не прямымъ путемъ: преосвящ. Іаковъ первоначально шелъ на всякія уступки, а потомъ, когда изъ старообрядческаго общества выдѣлилась извѣстная и притомъ довольно многочисленная группа согласныхъ на подчиненіе священниковъ своихъ епархіальному архіерею, онъ повернулъ въ другую сторону и свои уступки началъ брать назадъ; просители домогались только возстановленія богослуженія въ своей часовнѣ и приданія ей вида храма, дѣлали видъ, что соглашаются на единовѣріе, но избѣгали даже слова этого; становились въ зависимость отъ православнаго епископа, но не хотѣли молиться за св. синодъ, не хотѣли называть царя благочестивымъ, не хотѣли получать отъ православной церкви миро, подвергали по прежнему исправѣ даннаго имъ священника! Эта обоюдная фальшь быстро сдѣлала свое дѣло: „зло воспріяло образованіе и отблескъ истины, не имѣя существа ея", какъ сказалъ бы преосв. Ириней Нестеровичъ; рас-

[1]) Ibidem, № LVII.
[2]) Ibidem, № LVIII.

кольники спрятались подъ маской единовѣрія, но не перестали быть раскольниками; конечно, безсознательно, по невѣжеству, но очень характерно и ядовито саратовская полиція съ этого времени завела въ своихъ спискахъ отдѣльную графу съ заглавіемъ „раскольники *единовѣрческой* секты“[1]). Наружную язву, доступную глазу, замазали обоюдными стараніями, вогнали вовнутрь организма. Десять лѣтъ спустя, вотъ что писалъ гр. Стенбокъ объ этомъ дутомъ единовѣріи: „Масленниковская церковь (такъ называлась Барановская часовня послѣ мнимаго возсоединенія) не болѣе, какъ сборище тайныхъ раскольниковъ, большей частью даже покровителей раскола, прикрывающихъ свои дѣйствія личиной единовѣрія. Ожиданія преосв. Іакова не сбылись: не только не присоединились къ благословенной церкви 30.000 раскольниковъ, но даже и тѣ, которые сначала вступили въ нее, скоро опять отпали въ расколъ, узнавъ, что священникъ ихъ находится въ зависимости отъ епархіальнаго начальства“[2]). Не во вредъ ли церкви шли такія возсоединенія, согласны ли они съ достоинствомъ православія, кому и зачѣмъ были нужны?..

Если эти 4000 фиктивныхъ единовѣрцевъ Саратова и Криволучья недостаточно убѣдятъ читателя въ той истинѣ, что единовѣріе 1841—1847 годовъ совсѣмъ не было единовѣріемъ, то я приведу еще нѣсколько однородныхъ примѣровъ. Старообрядцы балаковскаго и каменскаго удѣльныхъ приказовъ въ количествѣ 3.781 души, въ 1844 году, вслѣдъ за криволуцкими собратьями, приняли единовѣріе[3]). Для значительной части ихъ, именно единовѣрцевъ села Теликовки, николаевскаго уѣзда, которые, казалось, особенно искренно присоединялись, въ 1845 году выстроенъ былъ молитвенный домъ и данъ священникъ[4]). Прошелъ какой-нибудь годъ послѣ этого и обнаружилось, что почти всѣ единовѣрцы „уже отклонились отъ молитвеннаго дома, и хотятъ опять привесть себя въ первобытное состояніе“. Сами единовѣрцы объясняли этотъ фактъ тѣмъ, что священникъ ихъ, І. Лукинскій, болѣе занимается „хмѣльнымъ питіемъ“, гуляньемъ съ людьми дурного поведенія и посѣщеніемъ непристойныхъ домовъ, чѣмъ отправленіемъ богослуженія; но если

1) Отчетъ гр. Стенбока.
2) Ibidem.
3) Отч. синод. об.-прок. за 1844 годъ, 35.
4) № 3774, 53—55.

принять во вниманіе, что этотъ священникъ въ сентябрѣ 1845 г. получилъ архипастырскую благодарность за исправное прохожденіе возложенной на него должности, а въ 1847 году, послѣ слѣдствія по теликовскому дѣлу, перемѣщенъ преосв. Аѳанасіемъ въ Никольскій единовѣрческій женскій монастырь, то можно, пожалуй, и усумниться въ справедливости такого объясненія возвращенія единовѣрцевъ въ первобытное состояніе: изъ этого состоянія они и не выходили[1]).

Еще интереснѣе исторія единовѣрія въ сельцѣ Малнгѣ, тоже за Волгой. Въ январѣ 1842 года туда пріѣхалъ вольскій единовѣрческій священникъ Степанъ Урбановъ съ балаковскимъ удѣльнымъ головой Павломъ Шикинымъ и безъ вѣдома приходскаго духовенства записалъ въ единовѣріе около 100 душъ маянгскихъ удѣльныхъ крестьянъ. Согласія записываемыхъ на принятіе единовѣрія Урбановъ съ Шикинымъ, конечно, не спрашивали. Затѣмъ они открыли богослуженіе въ домѣ раскольника Чеботарева и поручили крестьянкѣ Дарьѣ Васильевой отправлять его послѣ ихъ отъѣзда, причемъ оставили ей ризы и кадило. Единовѣріе открылось, но скоро выяснилось, что оно собой обозначало: во-первыхъ, раскольники, у которыхъ Дарья доселѣ была чѣмъ-то въ родѣ попа, теперь открыто и безвозбранно стали отправлять богослуженіе подъ именемъ единовѣрцевъ; во-вторыхъ, въ единовѣріе записанными оказались крестьяне *православнаго* исповѣданія, всегда исправлявшіе требы у своихъ приходскихъ священниковъ[2]). О цѣнѣ этого присоединенія говорить не буду.

Почти одновременно съ раскольниками николаевскаго уѣзда начались усиленныя обращенія къ единовѣрію и среди раскольниковъ хвалынскаго уѣзда. Въ самый непродолжительный промежутокъ времени въ Хвалынскѣ, Апалихѣ и Селитьбѣ приняли единовѣріе 2.640 человѣкъ[3]), благодаря закрытію раскольничьихъ часовенъ. Но и въ хвалынскомъ уѣздѣ принятіе единовѣрія происходило не лучше, чѣмъ въ Саратовѣ или за Волгой: въ Апалихѣ „упорствующій“ единовѣрецъ Сидоръ Харитоновъ открылъ свою моленную; въ Селитьбѣ единовѣрцевъ, спустя всего какихъ-нибудь 3—4 года по обращеніи ихъ изъ раскола, осталось только 6 семействъ, прочіе же опять укло-

[1]) Арх. канц. сам. еписк., № 378, 1—29.
[2]) Указъ сар. конс., 14 мая 1842, № 3218.
[3]) Варадиновъ, VIII, 467.

нились въ расколъ, заявляя, что они дали подписку на единовѣріе единственно „вслѣдствіе угрозъ окружнаго начальника и протоіерея“ (Дьяконова) и что на самомъ дѣлѣ они согласны принять попа только съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы онъ отрекся отъ епископа и состоялъ въ исключительномъ завѣдываніи полиціи. Опредѣленный къ нимъ священникъ только при помощи мѣстнаго начальства могъ найти себѣ квартиру и всѣ его прихожане,—эти „упорствующіе единовѣрцы,“ т. е. раскольники, которыхъ, по деликатному выраженію гр. Стенбока, „не совсѣмъ правильно присоединили къ церкви,“—толпами ѣздили въ старообрядческую часовню въ Сосновую Мазу и смотрѣли на нее, какъ на соборную церковь. Въ исторіи селитьбинскаго единовѣрія, какъ она извѣстна въ разсказѣ гр. Стенбока, любопытно показаніе „упорствующаго единовѣрца“ Пимена Антонова: онъ объявилъ, что никогда не давалъ подписки на принятіе единовѣрія, но въ бытность въ Селитьбѣ миссіонера Дьяконова далъ ему подписку въ томъ, что „желаетъ имѣть священника на правахъ старообрядческихъ, каковъ былъ въ Вольскѣ попъ Прохоръ,“ и положительно не знаетъ, какъ читалъ эту подписку Дьяконовъ и зачѣмъ помѣстилъ его въ списки единовѣрцевъ[1]).

Гораздо меньше было обращеній по вольскому уѣзду и потому тамъ неизвѣстно такихъ прискорбныхъ фактовъ, какъ только что перечисленные. Послѣ долгихъ безуспѣшныхъ стараній преосв. Іакову удалось добиться распоряженія обратить вольскій каменный старообрядческій храмъ въ единовѣрческій. Секретный комитетъ, въ засѣданіи 11 января 1840 года, согласно съ мнѣніемъ министра внутреннихъ дѣлъ, гр. Строгонова, основаннымъ на представленіи саратовскаго губернатора Власова, отклонилъ ходатайство преосвященнаго относительно передачи этого храма единовѣрцамъ, въ виду того, что во всемъ Вольскѣ единовѣрцевъ оказалось только 30 человѣкъ, но поручилъ Іакову не переставать убѣждать вольскихъ раскольниковъ присоединиться къ церкви[2]). Къ 1845 году преосвященный нашелъ еще нѣсколько десятковъ согласныхъ на единовѣріе и храмъ 6 февраля этого года былъ переименованъ. Но само по себѣ одно переименованіе не упрочило въ городѣ единовѣрія: Христо-

[1]) Дѣла Секр. Комит., Vol. XXXII, л. 488; Отчетъ гр. Стенбока. Сн.: Варадиновъ. VIII, 575.

[2]) Дѣла Секр. Комит., Vol. X, стр. 62—64.

рождественская церковь, несмотря на всѣ усилія А. П. Сапожникова, обратившагося въ единовѣріе, по примѣру Уфимцева и Масленникова, никогда не имѣла и десятой доли прихожанъ Львовской раскольничьей часовни, стоявшей въ саду Расторгуевыхъ, къ которой принадлежало приходомъ до 10.000 человѣкъ[1]).

На ряду съ безуспѣшностью проповѣди единовѣрія къ началу 50-хъ годовъ замѣчается и другое явленіе, стоящее въ близкой связи съ даннымъ: отпаденія и совращенія стали прогрессивно усиливаться Такъ въ Поцовкѣ, хвалынскаго уѣзда, 120 душъ православныхъ обоего пола, по отзыву причта, „самыхъ усердныхъ къ храму Божію", вмѣстѣ со старостой, попечителемъ и церковными пѣвчими обратились къ своему священнику съ просьбой внести ихъ въ списки раскольниковъ и настоятельно требовали поскорѣе отправить ихъ на увѣщаніе къ епархіальному архіерею или въ консисторію. На мѣру увѣщанія раскольники вообще смотрѣли какъ на необходимую формальность или неизбѣжную церемонію, которую должно непремѣнно отбыть и результаты которой впередъ извѣстны. Увѣщатели часто даже не трудились и убѣждать упорствующихъ, такъ что вся церемонія ограничивалась одной данью, а затѣмъ высланные на увѣщаніе отправлялись по домамъ и водворялись въ мѣстахъ жительства безъ всякаго взысканія[2]). Однородныхъ случаевъ, хотя и не въ такихъ крупныхъ размѣрахъ, можно насчитать сотни: въ архивѣ саратовской консисторіи за это время на каждомъ шагу встрѣчаются дѣла объ „отпаденіяхъ" и „совращеніяхъ". Поэтому представляется совершенно справедливымъ утвержденіе товарища министра внутреннихъ дѣлъ Сенявина, который, по высочайшему повелѣнію, въ 1848 году изучалъ состояніе раскола въ Саратовскомъ краѣ, въ докладной запискѣ его императору Николаю, что „необычайный успѣхъ въ дѣлѣ присоединенія изъ раскола къ единовѣрію вмѣсто пользы обратился во вредъ православію". Получая постоянно извѣстія, что совращенія, несмотря на всѣ противораскольничьи мѣры, повторяются и даже усиливаются, что обращенные въ единовѣріе опять уходятъ къ прежнимъ заблужденіямъ и объясняютъ, что хотя они и изъявляли желаніе принять правильное священство, однако дѣлали это не искренно, а только во избѣ-

[1]) Отчетъ гр. Сгенбока.
[2]) Ibidem.

жаніе преслѣдованій гражданскаго и духовнаго начальства, правительство остановилось въ недоумѣніи, что дѣлать дальше? Если усилить преслѣдованія за переходъ въ расколъ, если всѣхъ признающихъ неискреннимъ свое присоединеніе считать за совратившихся, то всѣ присутственныя мѣста почти исключительно будутъ заняты разсмотрѣніемъ дѣлъ о совращеніяхъ; если же какъ будто не замѣчать зла, то явится мысль о безмолвномъ покровительствѣ расколу[1]). Въ виду затруднительности этой дилеммы, правительство покончило съ ней довольно оригинально: оно приняло обѣ половины ея,—въ однихъ случахъ строго карало за совращенія, въ другихъ—глядѣло на нихъ сквозь пальцы. Само собою понятно, что этимъ путемъ дѣло не поправлялось, а только допорчивалось.

Итакъ къ 50-мъ годамъ, при всей строгости правительственныхъ мѣръ, отпаденія не прекратились, а даже усилились; единовѣріе „возбуждало справедливыя сомнѣнія и даже опасенія“ По спискамъ, единовѣрцевъ числилось до 10.000, но, по наблюденіямъ Арсеньева, едва ли и пятая доля этой цифры исполняли правила 1800 года и были единовѣрцами въ душѣ; остальные же только слыли единовѣрцами или потому, что ихъ занесли въ единовѣрческіе списки произвольно, безъ ихъ согласія, или потому, что они увлеклись возможностью подъ прикрытіемъ новаго званія свободнѣе прежняго продолжать жить раскольниками: „Можетъ быть, настоящее единовѣріе водворено только въ 2—3 бѣдныхъ приходахъ и въ Иргизскихъ монастыряхъ; за то эти приходы бѣдны, а монастыри всегда пусты и никѣмъ не посѣщаются“[2]).

Въ чемъ же нужно видѣть причины неуспѣшности борьбы православія съ расколомъ, отчего зависѣла безплодность усилій правительства? Духовенство всегда видѣло эти причины въ недостаткѣ строгихъ мѣръ со стороны гражданскихъ властей, въ продажности низшей администраціи, въ богатыхъ денежными средствами покровителяхъ раскола. Свѣтскіе люди, по тому или другому поводу зна-

[1]) Дѣла Секр. Комит., Vol. XXXII, л. 484—485.

[2]) Дѣла Секр. Комит., Vol. XXXIV, л. 786—787. Арсеньевъ ошибается, предполагая, что въ Иргизскихъ монастыряхъ было настоящее единовѣріе: тамъ были такіе же единовѣрцы, какъ и вездѣ. Доказательствомъ можетъ служить выданный Верхнему „единовѣрческому“ монастырю 22 января 1844 года губернаторомъ Фадѣевымъ открытый листъ за № 112, слѣдующаго содержанія: „Воспрещается входить въ церковь сего монастыря во время богослуженія не молящимся въ два перста, по обычаю единовѣрцевъ“ (Арх. канц. сам. епарх., № 376, 16). Гдѣ же тутъ единство вѣры, единеніе духа? О такомъ „единовѣріи“ можно только скорбѣть. *Прим. авт.*

комившіеся съ саратовскимъ расколомъ, подчасъ раздѣляли мнѣніе духовенства, иногда же указывали и другія болѣе солидныя причины: распространенность въ раскольничьей средѣ духа прозелитизма, большую грамотность и зажиточность раскольниковъ и разъединенность между православнымъ народомъ и духовенствомъ въ связи съ повсемѣстнымъ почти забвеніемъ со стороны послѣдняго своего пастырскаго долга въ отношеніи заблуждающихся. Едва ли нужно останавливаться на разсмотрѣніи объясненія духовныхъ властей: изъ предыдущихъ главъ читатели знаютъ уже, что и богатства раскольничьихъ покровителей, и продажность администраціи содѣйствовали въ значительной степени распространенію раскола, но они знаютъ и другое, что увеличеніе строгости мѣръ противъ раскола, усиленіе административнаго давленія на его послѣдователей не повело къ благимъ для православія результатамъ. Все это озлобило однихъ и этимъ надолго отдалило ихъ отъ всякаго сближенія съ православіемъ, и заставило покривить душой другихъ, болѣе трусливыхъ и честолюбивыхъ, превратило ихъ изъ открытыхъ враговъ церкви Христовой въ православныхъ лишь по наружности. Но это только одна сторона дѣла; была и другая, быть можетъ, худшая: административное „содѣйствіе“ вредно отзывалось на самодѣятельности духовенства, пріучало его къ мысли о необходимости правительственной опеки, извращало взглядъ на обязанности пастырскаго служенія, дѣятелей слова и любви низводило на уровень становыхъ и исправниковъ, благопріятствовало развитію въ нихъ худшихъ инстинктовъ человѣческой природы. Все это очень удачно подмѣтилъ одинъ изъ наиболѣе внимательныхъ и наблюдательныхъ изслѣдователей саратовскаго раскола, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Сенявинъ: „Вся дѣятельность духовенства,—говоритъ онъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ о состояніи раскола по Саратовскому краю,—устремлена на законное преслѣдованіе отступившихъ отъ православія, а отнюдь не на назиданіе тѣхъ, которые пребываютъ ему вѣрными; итакъ, удивительно ли, что въ глазахъ раскольниковъ православные священники теряютъ свой священный характеръ и кажутся имъ только полицейскими чиновниками, а въ прихожанахъ своихъ поселяютъ къ себѣ чувство совершеннаго равнодушія“? Разумѣется, удивляться тутъ нечему, и государь надписалъ на поляхъ, противъ этихъ словъ доклада: „Весьма справедливо и крайне

прискорбно“[1]). И долго еще пришлось православнымъ сынамъ церкви скорбѣть по этому поводу, ибо порча пошла на много лѣтъ!...

Гораздо серьезнѣе и основательнѣе второе мнѣніе, по которому корень зла крылся въ разобщенности паствы отъ пастырей и въ неправильномъ отношеніи послѣднихъ къ своимъ обязанностямъ. То несомнѣнный фактъ, что къ началу 50-хъ годовъ весь Саратовскій край охваченъ былъ расколомъ. Если по счету прот. Чернышевскаго въ 1839 году въ саратовскомъ уѣздѣ „заражено“ было расколомъ только 8 селеній [Синенькіе, Базарный Карбулакъ, Поповка, Вязовка, Дорофеевка, Нагорная Нееловка, Идолга и Широкій Буеракъ], то 15 лѣтъ спустя гр. Стенбокъ причислялъ къ нимъ еще 14 [Увѣкъ, Хмѣлевка, Пристанное, Усовка, Михайловка, Ново-Натальино, Гремячка, Лохъ, Озерки, Комаровка, Одоевщина, Содомъ, Завьяловка и Тепляковка] и называлъ 20 изъ нихъ, за исключеніемъ Идолги и Нееловки, „центрами“ раскола,—по его наблюденіямъ, чисто православнымъ селомъ оказалась только Рыбушка, заселенная выходцами изъ Малороссіи. Далѣе, если въ уѣздѣ хвалынскомъ, по счету прот. Ремезова, было около того же 1839 года 10 раскольничьихъ селъ [Ѳедоровка, Ивановка, Елшанка, Окатная и Сосновая Мазы, Широкій Буеракъ, Алексѣевка, Апалиха, Селитьба и Шалкино], то Стенбокъ насчиталъ ихъ 16 безъ Широкаго Буерака [кромѣ перечисленныхъ еще Самодуровка, Поповка, Болгуновка, Покурлей, Поселокъ, Павловка и Шиховское], съ значеніемъ центровъ раскола. Еще: по уѣзду вольскому прот. Бибиковъ зналъ 8 раскольничьихъ селъ [Рыбное, Синодская Терешка, Терса, Черкасское, Улыбовка, Кряжимъ, Юловая Маза и Чернавка],—гр. Стенбокъ нашелъ ихъ 18 безъ Чернавки и Рыбнаго [Воскресенское, Труева Маза, Вязовый Ключъ, Колоярь, Донгузъ, Барановка, Балтай, Царевщина, Максимовка, Меденниково, Булгаковка и Лопастейка[2]]. По другимъ уѣздамъ не существуетъ такихъ подробныхъ свѣдѣній, но, судя по нѣкоторымъ указаніямъ, тѣло и тамъ обстояло нисколько не лучше: прот. Ястребовъ уже въ 1841 году насчитывалъ по аткарскому уѣзду 18 селъ съ раскольничьимъ населеніемъ [Баланда, Монастырское, Чадаевка, Большая Ольшанка, Большая и Малая Дмитріевка, Бѣлтаза, Рельня, Колѣно, Большая

[1]) Ibidem, Vol. XXXII, л. 476—477; св.: Варадиновъ, VIII, 573.
[2]) Отчетъ гр. Стенбока; № 8774, 13—14.

Екатериновка, Воскресенское, Голицыно, Александровка, Шереметевка ,Широкій Карамышъ, Новая Бахметевка, Атаевка, Копены[1]]; прот. Рождественскій въ 1840 году писалъ, что въ петровскомъ уѣздѣ, не говоря уже о большомъ количествѣ чистыхъ раскольниковъ, даже большая часть православныхъ, „кромѣ дворянскаго сословія и мордовской націи", молятся двуперстнымъ сложеніемъ[2]); о саратовцахъ вообще преосв. Іаковъ отзывался, что они склонны къ старообрядчеству, что даже въ православныхъ церквахъ есть иконы съ двуперстнымъ сложеніемъ, „по раскольничьему мудрованію", и при православномъ богослуженіи многіе, приходя въ храмъ, крестятся двумя перстами, а по мѣстамъ „самые православные сыны православной церкви имѣютъ твердое убѣжденіе, что тотъ, кто не изображаетъ на себѣ крестнаго знаменія двуперстнымъ сложеніемъ, по старинному обряду, хотя бы онъ имѣлъ высокія добродѣтели, не можетъ внити въ царство небесное"[3]).

При такомъ составѣ паствы духовенству необходимо было жить одной жизнью съ нею, стоять возлѣ, а не вдали, и въ то же время каждую минуту держаться на высотѣ своего призванія. Въ Саратовскомъ краѣ, быть можетъ, болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, духовенство должно было помнить слова Спасителя о свѣтильникѣ, стоящемъ на вершинѣ горы, о свѣтѣ міра, о соли земли. Тысячи главъ слѣдили жадно за горѣніемъ этого свѣтильника, тысячи злыхъ языковъ готовы были разнести дурную молву объ его мерцаніи. Пустой промахъ, малѣйшая оплошность—и тяжелый укоръ падаетъ на православіе, и соблазняется единый отъ малыхъ, немощныхъ въ вѣрѣ сыновъ его, и оставляетъ церковь Христову... Здѣсь свѣтъ долженъ свѣтить ярко и ровно, здѣсь соль постоянно должна сохранять свои свойства—и горе, если свѣтъ станетъ меркнуть, если соль обуяетъ! Въ начинающейся темнотѣ духовныя овцы легко собьются съ дороги и разбредутся по чужимъ пажитямъ; при недостаткѣ соли быстро разольется во всѣ стороны гніеніе духовнаго организма. Напрасны тогда всѣ эти тусклые, коптящіе и чадящіе свѣтильники, будутъ ли они въ черныхъ или цвѣтныхъ рясахъ, съ мірскими или ангельскими именами, всѣ эти Моисеи и Палладіи,

---

[1]) Сар. сем. библ., № 2662, 120.
[2]) Ibidem, 53.
[3]) Имп. Рус. геогр. общ., рук. Іакова.

Дьяконовы и Бибиковы; безполезны мѣстныя, наружныя средства, хотя бы это были огонь и желѣзо!...

Такъ отчасти смотрѣлъ на дѣло и св. синодъ, когда въ началѣ 1843 года писалъ въ своемъ указѣ преосв. Іакову: „Для успѣховъ обращенія раскольниковъ къ православію, независимо отъ надлежащаго содѣйствія со стороны гражданскаго начальства, необходимо усугубить внимательность духовенства къ способамъ ихъ обращенія, непосредственно отъ него зависящимъ. Способы сіи... могутъ состоять... въ строжайшемъ наблюденіи за неукоризненнымъ поведеніемъ приходскихъ священниковъ, чтобы они сами отнюдь недавали повода раскольникамъ избѣгать выполненія обрядовъ, чтобы не были притязательны къ вымогательству возвышенной платы за совершеніе требъ, особенно же за вѣнчаніе. Все это бываетъ часто, но ваше преосвященство, при всей благонамѣренности, неохотно тому вѣрите, не хотите иначе взыскивать за то, какъ по изобличеніи формальными слѣдствіями. Слѣдствія сіи производятся благочинными, тоже большею частью расположенными покрывать неблаговидныя дѣйствія подобныхъ священниковъ или по видамъ корысти, или пріязни къ нимъ, или же самаго покровительства, которое священники имѣютъ въ консисторіи и въ почетныхъ духовныхъ лицахъ губернскаго города, васъ окружающихъ; это духовенство поддерживаетъ въ васъ ту мысль, что малымъ успѣхамъ въ обращеніи раскольниковъ единственною причиной послабленія городской и земской полиціи. Не отвергая вовсе послѣдней причины, поддерживаемой достаткомъ и единодушіемъ раскольниковъ, можно сказать утвердительно, что она есть *второстепенная*, но главная состоитъ въ отсутствіи въ духовенствѣ или качествъ, или готовности къ изысканію тѣхъ способовъ къ обращенію раскольниковъ, кои были бы къ тому всего дѣйствительнѣе, или отчасти, быть можетъ, заключается и въ самомъ крайне скудномъ ихъ содержаніи въ тѣхъ приходахъ, кои составлены главнѣйше изъ раскольниковъ“[1]). Еще рѣзче, яснѣе проглядываетъ та же мысль въ другомъ, циркулярномъ, указѣ св. синода, отъ 5 апрѣля 1845 года, состоявшемся по высочайшему повелѣнію: „Преосвященные должны, сколь можно чаще, внушать священникамъ тѣхъ приходовъ, гдѣ живутъ раскольники: а) обращаться съ раскольниками не презрительно и

1) Арх. консист., 1843, № 1369, 1.

не враждебно, а кротко и миролюбиво, наблюдая во всемъ благоразумную умѣренность и осторожность, ничѣмъ не раздражая ихъ ни въ рѣчахъ, ни въ дѣйствіяхъ; б) прежде всего дѣйствовать на нихъ собственнымъ примѣромъ строгой, неукоризненной, христіанскимъ пастырямъ приличной, благочестивой жизни, исполненной духа теплой, безкорыстной любви не только къ прихожанамъ православнымъ, но и къ заблудшимъ; в) удаляться въ житіи своемъ отъ всего того, что могло бы дать пищу предосудительнымъ толкамъ и злословію; г) тѣмъ паче избѣгать въ дѣйствіяхъ своихъ всего того, что могло бы давать поводъ раскольникамъ къ ропоту и жалобамъ; д) для обращенія ихъ ни въ какомъ случаѣ не прибѣгать къ инымъ средствамъ, кромѣ указуемыхъ достоподражательнымъ примѣромъ св. ревнителей о спасеніи душъ, т. е. духовнаго увѣщанія, раствореннаго любовью, кротостью и долготерпѣніемъ; е) духовныя увѣщанія дѣлать пользуясь благоприличными къ собесѣдованію случаями; ж) пріобрѣтать уваженіе и довѣріе раскольниковъ разсудительностью и безпристрастнымъ образомъ мыслей и дѣйствій, опытностью, скромностью, сострадательностью и другими сему подобными свойствами; з) ни подъ какимъ видомъ не вмѣшиваться въ ихъ раскольничьи требы, ниже въ какія-либо полицейскія распоряженія о противозаконныхъ дѣйствіяхъ; и) ни въ какихъ дѣлахъ по предмету раскола не обращаться съ требованіями или доносами къ свѣтскимъ властямъ, но доводить о томъ до свѣдѣнія своего епархіальнаго архіерея; і) къ православію изъ раскола присоединять только лицъ, изъявляющихъ собственное, непринужденное и искреннее на то желаніе“[1]).

Но иное дѣло писать указы и совсѣмъ иное—исполнять ихъ, особенно когда за исполненіемъ слѣдитъ человѣкъ не по убѣжденію, а по необходимости. На первый указъ преосв. Іаковъ отвѣчалъ, между прочимъ, что въ продолженіи 11-лѣтняго управленія своего саратовской епархіей онъ не получилъ ни одного основательнаго свѣдѣнія, чтобы кто-либо изъ православныхъ священниковъ подавалъ поводъ раскольникамъ избѣгать выполненія обрядовъ и вымогалъ возвышенную плату за совершеніе требъ; что во всѣ почти приходы, имѣющіе раскольниковъ, даны ученые и благонадежные священники, о которыхъ часто и сами раскольники отзы-

[1]) Ibidem, 1845, № 666, 1; сн.: Собр. постан., по вѣд. М. В. Д., 307—308.

ваются съ похвалой и желали бы имѣть ихъ у себя на основаніи своихъ правилъ. Тѣ же священно и церковно-служители, которые измѣняютъ правиламъ добраго поведенія, преслѣдуются законнымъ судомъ и подвергаются строгимъ взысканіямъ; что при посѣщеніяхъ епархіи только въ двухъ селеніяхъ были приносимы ему лично жалобы на приходскихъ священниковъ въ лишнихъ поборахъ за требы и священники эти немедленно были удалены въ другіе приходы. Были присылаемы жалобы на бумагѣ и на другихъ священниковъ, но въ такомъ случаѣ производимы были строгія изслѣдованія и рѣшенія полагались безъ всякой понаровки; впрочемъ, такихъ дѣлъ случалось немного и нельзя сказать, чтобы саратовское духовенство было заражено склонностью къ излишнимъ поборамъ за требы и служило потому препятствіемъ къ обращенію раскольниковъ, охотно платящихъ своимъ бѣглымъ попамъ за требу отъ 10 до 1000 р. Саратовское сельское духовенство, трудолюбиво занимаясь земледѣліемъ и получая отъ того порядочныя выгоды въ урожайные годы, не только избѣгаетъ незаконныхъ поборовъ, но еще само надѣляетъ бѣдныхъ прихожанъ отъ своихъ избытковъ“[1]). Если бы все это было такъ, то нельзя было бы не согласиться съ преосвященнымъ, что вся бѣда не въ православномъ духовенствѣ, а въ бѣглыхъ попахъ и „неудобо-побѣдимомъ упрямствѣ“ раскольниковъ; но въ томъ-то и дѣло, что все было совсѣмъ не такъ: это признала и консисторія, писавшая даже позже, именно въ 1852 году, что, несмотря на всѣ указы и воспрещенія начальства, непохвальныя дѣйствія духовенства, особенно въ отношеніи сектантовъ, „повторяются“ попрежнему[2]); это говорятъ и всѣ свидѣтели того времени; къ этому же выводу склоняетъ и просмотръ консисторскихъ документовъ. „Духовенство старое,—говоритъ гр. Стенбокъ,—ставленники того періода, когда губернія саратовская соединена была съ пензенской и даже астраханской, имѣетъ недостатковъ болѣе, чѣмъ духовенство новое, или недостатки эти рельефнѣе выказываются въ немъ. Большая часть священниковъ старыхъ аттестуются не очень трезвыми; они менѣе аккуратны въ исполненіи своихъ обязанностей и оттого чаще бываютъ недобросовѣстны въ дѣйствіяхъ, источникъ которыхъ или цѣль—почти всегда корыстны.

[1]) Арх. консис., 1843, № 1369, 3—5.
[2]) Ibidem, 1845, № 661, 7.

Въ отношеніяхъ къ раскольникамъ они, кромѣ совершеннаго незнанія ихъ духа, бываютъ не только слишкомъ слабы и неблагоразумно снисходительны, но и постыдно потворствуютъ: такъ, не взыскивая за уклоненіе отъ исповѣди и св. причастія, они отмѣчаютъ небывшихъ бывшими, получая за то съ нихъ опредѣленную пошлину; вѣнчаютъ по-солонь или даже вовсе не вѣнчая выдаютъ брачныя свидѣтельства, довольствуясь извѣстной суммой; записываютъ въ метрики новорожденныхъ и умершихъ, не совершивъ надъ ними обряда крещенія или похоронъ... Общій недостатокъ молодого духовенства—какая-то невыдержанность характера: то излишняя щекотливость и заносчивость, особенно передъ крестьянами, то стѣсненіе своимъ саномъ и даже какъ будто неуваженіе къ нему, подчасъ выказываемыя предъ людьми свѣтскими... Наше духовенство теперь изъ служителей алтаря превращается въ гражданскихъ получиновниковъ... Отъ своего начальства духовенство получаетъ мало поддержки. Благочинный чаще всего самъ подаетъ поводъ духовенству къ неправильнымъ дѣйствіямъ и, въ случаѣ крайности, первый выдаетъ его. Консисторія—во мнѣніи духовенства получила значеніе какого-то безвыходнаго мѣста, „халдейской пещи“, какъ весьма характерно называютъ духовные это присутственное мѣсто. Если молодой священникъ со всей добросовѣстностью покажетъ въ росписяхъ своихъ всѣхъ небывшихъ у исповѣди, начальство видитъ въ этомъ слабость, посылаетъ священнику притязательные запросы и оканчиваетъ внушеніемъ, чтобы этого вредъ не было. И когда недогадливый священникъ вновь повторитъ свои показанія и даже съ большими доказательствами, его окончательно признаютъ слабымъ и неспособнымъ къ удержанію паствы въ нѣдрахъ православія и перемѣщаютъ въ другой приходъ. Его преемникъ, зная настоящую причину перемѣщенія предшественника, начинаетъ постепенно убавлять число небывающихъ у исповѣди, уклончивѣе дѣлаетъ отзывы объ усердіи прихожанъ и, наконецъ, доводитъ росписи до того, что въ нихъ встрѣчаются только бывающіе да малолѣтніе. Консисторія очень хорошо знаетъ причины улучшенія нравственности прихожанъ, но, *при извѣстныхъ условіяхъ*, объясняетъ это апостольскими способностями священника, дѣлаетъ похвальные отзывы о немъ, ходатайствуетъ о награжденіи его усердія. Возмутительная система!... Изъ всѣхъ священниковъ трехъ, мѣздовъ

(саратовскаго, вольскаго и хвалынскаго), по отзыву гр. Стенбока, только одинъ, Георгій Виноградовъ, оказался свѣдущимъ въ основаніяхъ главныхъ сектъ раскола, а въ особенности поповской, но и то потому, что онъ, бѣжавши изъ симбирской губерніи, много лѣтъ былъ попомъ въ Иргизскихъ монастыряхъ[1]). Этотъ отзывъ не грѣшитъ излишней строгостью. Скорѣе, напротивъ, его можно назвать слишкомъ мягкимъ.

Отписывая въ синодъ, что саратовское духовенство стоитъ на высотѣ своего призванія, преосв. Іаковъ забылъ, вѣроятно, два очень характерныхъ факта: что въ 1835 году онъ во всей епархіи не нашелъ среди духовенства лицъ, достойныхъ представленія къ наградамъ, такъ что синодальный оберъ-прокуроръ сдѣлалъ ему по этому поводу оффиціальный запросъ и посовѣтовалъ впредь быть щедрѣе[2]), и что въ 1842 году хвалынскій благочинный Ремезовъ доносилъ ему со всей откровенностью о полномъ отсутствіи по хвалынскому уѣзду и между прихожанами и между духовенствомъ достойныхъ милостиваго вниманія властей,—„особенныхъ примѣровъ добродѣтелей нѣтъ и не было“, писалъ о. Ремезовъ[3]). Съ отсутствіемъ „особенныхъ добродѣтелей“ можно бы, конечно, помириться, если бы не было извѣстно, что для полученія наградъ ничего въ строгомъ смыслѣ слова „особеннаго“, выходящаго изъ ряда обыкновеннаго, не требовалось. А если такъ, то осторожная, при всей ея откровенности, фраза прот. Ремезова принимаетъ совсѣмъ другой характеръ. Но мало того, что духовенство не проявляло особенныхъ добродѣтелей; есть много фактовъ, свидѣтельствующихъ, что оно могло похвалиться пороками и что епархіальная власть смотрѣла на эти пороки слишкомъ легко и снисходительно.

Въ февралѣ 1836 года крестьяне села Барнуковки, вольскаго уѣзда, жаловались на своего священника, Георгія Колпикова, указывая, что онъ за свадьбы береть отъ 8 до 30 руб., за метрическія выписки—отъ 5 до 6 руб., за погребеніе—8, 30 и даже 130 рублей. Консисторія нашла, что „посторонними свидѣтельствами поборы не доказаны, а самъ священникъ чинитъ запирательство“, и потому приговорила послать его на усмотрѣніе въ поведеніи въ каѳедральный соборъ[4]). На слѣдующій годъ открылось, что

[1]) Отчетъ гр. Стенбока.
[2]) Арх. консист., 1836, № 69, 3.
[3]) Сар. сем. библ., № 2662, 18.
[4]) Арх. консист., 1836, № 247, 2—74.

священникъ села Мещеряковки, балашовскаго уѣзда, Терентій Добронравовъ, бралъ съ раскольниковъ отъ 1 до 7 руб. за дозволеніе хоронить покойниковъ безъ церковнаго отпѣванія[1]). Въ томъ же году свящ. Сосновой Мазы, хвалынскаго уѣзда, Григорій Воронцовъ, за хорошія деньги давалъ письменныя разрѣшенія желающимъ изъ числа своихъ прихожанъ вѣнчаться у бѣглыхъ поповъ[2]). Въ 1839 году крестьяне села Еловатки, того же уѣзда, жаловались на поборы духовенства: свящ. Дмитрій Петропавловскій бралъ за свадьбы по 20—24 руб. Дѣло окончилось было примиреніемъ сторонъ, но начавшееся слѣдствіе открыло массу другихъ предосудительныхъ поступковъ духовенства,—пьянство, вѣнчанье браковъ отъ живыхъ женъ и мужей и т. п.,—а потому пр. Іаковъ велѣлъ вести дѣло до конца. По слѣдствію, духовенство было изобличено во всѣхъ этихъ проступкахъ и преступленіяхъ, но, за силой манифеста 16 апрѣля 1841 года, прощено и только выслушало „строгое“ внушеніе въ духовномъ правленіи[3]).

Можно ли хотя на минуту сомнѣваться, что перечисленные здѣсь, и еще болѣе не перечисленные, изъ уваженія къ современному намъ саратовскому духовенству, факты[4]) стояли въ самомъ тѣсномъ соотношеніи съ расколомъ? Въ этомъ, какъ можно полагать на основаніи нѣкоторыхъ изъ указанныхъ примѣровъ, не сомнѣвался и самъ преосвященный Іаковъ, обычно съ невообразимой односторонностью смотрѣвшій на расколъ и съ упрямой настойчивостью отрицавшій виновность своего духовенства въ дѣлѣ распространенія раскольничьихъ заблужденій. Іаковъ только въ началѣ своего управленія саратовской епархіей правильно глядѣлъ на роль священника въ средѣ прихожанъ: „Предоставить Росницкому умѣть привлечь своихъ прихожанъ къ своей церкви. Холодность прихожанъ къ церкви зависитъ отъ священника. Священникъ есть душа прихода: при вялой и холодной душѣ—вяло и хладнокровно тѣло“,

[1]) Ibidem, 1837, № 2574.
[2]) Указъ сар. конс., 21 мая 1837, № 3519
[3]) Арх. сар. консист., 1839, № 532, 7—105.
[4]) Ibidem, 1840 г. № 301, 3—19; № 127, 1—11; 1842 г. № 1760, 1—79; 1843 г. № 2223, 3—4; № 2777; 1836 г. № 445, 9; 1843 г. № 2087; 1836 г. № 888, 1—61; 1839 г. № 1193, 1—152; 1840 г. № 553, 1—53; 1841 г. № 819, 1—65: № 2390; № 856, 1—33; 1845 г. № 923, 1—52; 1841 г. № 2178, 3—47; 1842 г. № 2541; № 2065; 1843 г № 987, 1—70; № 1528; № 1869; № 2783, 1—102; № 2784, 1—120; 1845 г. № 568; № 1204, 1—98; 1840 г. № 941; № 640, 1—123, 1843 г. № 1992, 1—10; № 2368, 1—3; 1842 г. № 2272, 1—65; 1839 г. № 1025, 1—8; 1840 г. № 540, 1—11; 1841 г. № 976, 1—27.

надписалъ онъ однажды на рапортѣ этого священника о совращеніи въ расколъ двоихъ прихожанъ его[1]). Жаль, что этой мудрой резолюціи не внялъ священникъ Росницкій,—одинъ изъ ревностныхъ обратителей „съ содѣйствіемъ полиціи“; но еще болѣе жаль, что ее впослѣдствіи забылъ и самъ Іаковъ: она спасла бы его отъ многихъ ошибокъ и въ значительной степени помогла бы успѣхамъ православія. Эта забывчивость или правильнѣе—поворотъ во взглядахъ тѣмъ болѣе странны, что отъ времени до времени пр. Іакову приходилось выслушивать такіе же взгляды на связь раскола съ безобразіями въ средѣ православнаго клира отъ самихъ представителей этого клира. Такъ прот. Иванъ Терновскій въ представленномъ преосвященному описаніи камышинскаго уѣзда усиленно подчеркиваетъ эту связь: въ Верхней Добринкѣ, по его словамъ, „совершенно неученые, безсловесные священники собственнымъ невѣжествомъ попускаютъ укорениться расколу“; въ Грязнухѣ „пастырь людей спитъ на тучныхъ пажитяхъ и, сколько извѣстно, скрываетъ отъ начальства раны невѣжества и своего, и людского“; въ Мордовахъ только власть помѣщиковъ удерживаетъ крестьянъ отъ рѣшимости открыто перейти въ расколъ,—„сами врачи имѣютъ ту же болѣзнь“,—крестьянъ совратилъ въ расколъ православный священникъ Василій Андреевъ; въ Банномъ и Золотомъ—тоже; въ Ахматѣ—жители „развратными и глупыми священниками доведены до глубокаго неуваженія къ прямому православію“; вообще же, по всему уѣзду, „пастыри духовные спятъ и не обращаютъ вниманія на растлѣніе нравовъ и не только въ домахъ не учатъ, но и въ церкви нѣкоторые едва ли и одинъ разъ въ годъ читаютъ слово Божіе, хотя всѣ просвѣщенные люди“[2]). Еще опредѣленнѣе высказался прот. Чернышевскій въ докладной запискѣ пр. Іакову: „Преимущественно должно позаботиться, чтобы духовные вели себя трезво и честно, богослуженіе въ храмахъ Божіихъ производили чинно, слово Божіе проповѣдывали просто, внятно и прилежно, съ противниками св. церкви обращались съ разумной кротостью, православнымъ христіанамъ оказывали пастырскія услуги поспѣшно, съ любовію и должнымъ уваженіемъ. Утвердительно можно сказать, что если наши духовные будутъ, при образованіи,

[1]) „Сарат. Епарх. Вѣдом.“, 1878, № 4, стр. 75.
[2]) Сар. сем. библ., № 2662, 191—246.

богобоязненны и неукоризненной жизни; если въ храмахъ Божіихъ будетъ служеніе производиться постоянно, чинно и благоговѣйно; если, наконецъ, проповѣданіе слова Божія простое, понятное народу, неусыпно продолжаемое и въ церквахъ, и въ домахъ по благоприличію, ознакомитъ сердца соотечественниковъ нашихъ, и не любящихъ насъ, со сладостью вѣры Христовой,—то расколъ, основанный на религіозномъ основаніи, непремѣнно падетъ“[1]).

Но этихъ разумныхъ представленій не приняли во вниманіе, нашли, что „жестоко слово сіе“!.. А вѣдь эти слова не содержатъ въ себѣ ничего новаго, ничего въ собственномъ смыслѣ жестокаго. За 20 лѣтъ до Чернышевскаго то же самое, только короче и болѣе обще, сказали два маститыхъ іерарха русской церкви, митрополиты Серафимъ петербургскій и Евгеній кіевскій, когда въ представленномъ ими на разсмотрѣніе секретнаго комитета „*Краткомъ историческомъ свѣдѣніи о раскольникахъ*“ настаивали на необходимости, по крайней мѣрѣ, въ раскольничьи приходы, назначать „просвѣщенныхъ и добродѣтельныхъ священниковъ“ и озаботиться относительно повсемѣстнаго „улучшенія православнаго греко-россійскаго духовенства, дабы оно всячески привлекало къ себѣ уваженіе“[2]). Комитетъ выслушалъ это мнѣніе, призналъ его безусловно справедливымъ, занесъ въ протоколъ. Справедливая мысль лежала въ плѣсени архива, а дѣло шло все по старому, а духовенство все не привлекало къ себѣ уваженія народнаго. Есть вещи, справедливость которыхъ всѣми признается, но до осуществленія которыхъ должны пройти вѣка.

Итакъ, въ ряду причинъ, совокупная дѣятельность которыхъ обусловливала собой безуспѣшность борьбы церкви съ расколомъ въ Саратовскомъ краѣ, необходимо поставить на видномъ мѣстѣ составъ и жизнь православнаго духовенства. Легкое, а подчасъ и преступное отношеніе членовъ клира къ своимъ обязанностямъ,—это одно изъ крупнѣйшихъ побужденій къ совращенію въ расколъ, къ удаленію отъ всякаго сближенія съ православіемъ, это каменная стѣна, за которой пряталось старообрядчество, которая отдѣляла его отъ церкви. Духовенство само совращало духовныхъ дѣтей своихъ въ расколъ!.. Это страшное обвиненіе, но было бы несправедливо цѣликомъ ставить его на счетъ духовенства. Стоитъ вглядѣться по-

[1]) Ниж. сем. библ., № 3774, 40.
[2]) Дѣла Секр. Комит., Vol. III, стр. 286—288.

пристальнѣе въ условія жизни духовенства, чтобы найти для него смягчающія вину обстоятельства, отыскать причины этого зла. Всѣ эти вымогательства и поборы, все это пьянство и связанные съ нимъ недостатки, пороки и преступленія въ громадномъ большинствѣ случаевъ зависѣли если не исключительно, то прежде всего отъ невыносимой обстановки, отъ полной невозможности жить хотя сколько-нибудь по-человѣчески. Голодъ—вотъ что вызывало вымогательства; нужда и горе—вотъ что заставляло пить. Не всѣ рождены быть подвижниками и аскетами. Съ благоговѣніемъ принимаю во всей силѣ слова архипастырей Серафима и Евгенія о необходимости посылать въ раскольничьи приходы „просвѣщенныхъ и добродѣтельныхъ“ священниковъ. Но въ Саратовскомъ краѣ всѣ почти приходы должны быть названы раскольничьими. На 694 штата[1]) откуда было взять просвѣщенныхъ и добродѣтельныхъ людей? О нихъ можно было мечтать на досугѣ, но было бы непростительнымъ легковѣріемъ ждать, что они явятся сами собой, изъ ничего. Процентъ людей, надѣвающихъ рясу по призванію, всегда былъ крайне не великъ; эти люди всегда оставались счастливымъ, но очень и очень рѣдкимъ исключеніемъ. То не секретъ, что наиболѣе способные, наиболѣе просвѣщенные дѣти нашего духовенства всегда спѣшили оставить протоптанную ихъ отцами дорогу, уходили въ „міръ“. Рясу, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, надѣвали или не чувствовавшіе въ себѣ силъ выйти въ люди по другому пути, или трусливые, боявшіеся затеряться въ толпѣ, а не подняться надъ нею, или не имѣвшіе возможности по какимъ-нибудь семейнымъ обстоятельствамъ уклониться отъ принятія на себя пастырскихъ обязанностей. Люди средніе—вотъ что оставалось почти исключительно на долю народа, вотъ чѣмъ пополнялись ряды нашего клира. Какихъ же добродѣтелей, какого просвѣщенія, какого сознанія святости своего назначенія требовать отъ этихъ людей, выросшихъ въ нищетѣ, съ дѣтства насмотрѣвшихся на всякія безобразія въ родной по крови и духу средѣ, прошедшихъ затѣмъ тяжелую школу семинарской науки и, наконецъ, волей судебъ брошенныхъ въ ту же нищету, поставленныхъ въ безусловную зависимость отъ прихожанъ, вынужденныхъ побираться?! Побирательство и поборы—понятія родственныя не этимо-

[1]) „Прав. Собесѣдн.,“ 1864, II, 371.

логически только. Задавленное нуждой, измученное заботами о кускѣ насущнаго хлѣба, многосемейное, малоразвитое, обираемое благочинными, высасываемое духовными правленіями и консисторіей, неуважаемое прихожанами, духовенство, естественно, пріучалось не уважать и себя и другихъ. Безпрестанное приниженіе человѣческой личности въ тяжелой, кровавой борьбѣ за существованіе должно же было приносить свои горькіе плоды.

Связь раскола съ необезпеченностью православнаго духовенства давно уже понималась многими и вопросъ объ этомъ возбуждался даже въ секретномъ комитетѣ. Въ 30-хъ годахъ текущаго столѣтія вятскій губернаторъ, находя, что одной изъ главнѣйшихъ причинъ распространенія раскола по вятской губерніи являются поборы духовенства, предлагалъ умножить число образованныхъ священниковъ и для достиженія этого—обезпечить духовенство съ матеріальной стороны. Представленіе это внесено было на разсмотрѣніе секретнаго комитета, который призналъ справедливыми изложенныя указанія. Государь на поляхъ журнала секретнаго комитета, отъ 13 марта 1836 года, съ изложеніемъ мнѣнія вятскаго губернатора надписалъ карандашемъ: противъ отзыва о вліяніи поборовъ—„Совершенная истина“; противъ предложенія увеличить число образованныхъ священниковъ—„Совершенно правда, ежели разумѣется не объ однихъ ученыхъ познаніяхъ, но о священникахъ, видящихъ въ своей святой обязанности настоящую цѣль своего назначенія, а не простое *ремесло* и личныя выгоды“; противъ заявленія о необходимости обезпечить духовенство—„Было бы полезно придумать къ сему возможность“[1]). Но этой-то возможности и не придумали, хотя и св. синодъ, какъ это видно изъ указа его преосв. Іакову[2]), сознавалъ необходимость придумать что-нибудь, потому что зло становилось слишкомъ ясно. Правда, впослѣдствіи, съ 1853 года, духовенство шести уѣздовъ саратовской губерніи (саратовскаго, вольскаго, хвалынскаго, балашевскаго, камышинскаго и царицынскаго) стало получать вспомогательные оклады изъ государственнаго казначейства, но было бы несправедливо называть эти оклады обезпеченіемъ,—это жалкая подачка, не болѣе...

Кромѣ коренныхъ причинъ, тормозившихъ успѣшность борьбы

[1]) Дѣла Секр. Комит., Vol. VIII, л. 140—141.
[2]) Архивъ сар. консист., 1843, 1369, 1.

правительства съ расколомъ, въ концѣ 50-хъ годовъ была еще одна, временная, случайная, но тѣмъ не менѣе сильно повредившая дѣлу православія, причина. Въ 1846 году явился въ Буковинѣ Амвросій и взоры всѣхъ обратились на западъ. Вѣсти о сіяющей благочестіемъ бѣло-криницкой іерархіи быстро донеслись съ Рогожскаго кладбища, наслѣдовавшаго Иргизу въ значеніи и вліяніи на расколъ поповщины, и наполнили радостью сердца саратовскихъ старообрядцевъ. Письма изъ-за границы съ разсказами о бѣло-криницкихъ торжествахъ, о просіявшей тамъ правой вѣрѣ, немедленно разглашаемы были въ народѣ и служили могучимъ орудіемъ для удержанія въ нѣдрахъ раскола колеблющихся и малодушныхъ. Люди, не хотѣвшіе идти въ „единовѣрческую секту“, не рѣшавшіеся въ то же время перешагнуть и въ безпоповщину, люди, изнемогавшіе подъ двойнымъ бременемъ внѣшняго давленія и внутреннихъ мучительныхъ сомнѣній, съ радостью схватились за эти вѣсти. Перфиловъ и Жуковъ въ Саратовѣ, Серебрянниковъ въ Вольскѣ, Мальцовъ въ Николаевскѣ, Кузмичевы, Гузиковъ и Пономаревъ въ Хвалынскѣ особенно усердно взялись за это дѣло. Они отправили въ Бѣлую Криницу уставщиковъ и начетчиковъ для полученія священства; чрезъ посланныхъ и даже гласно, по почтѣ, переслали туда значительныя суммы денегъ; Серебрянниковъ пожертвовалъ богатую ризницу, другіе не отставали въ усердіи. Купеческій сынъ Гусевъ командированъ былъ въ Австрію со спеціальнымъ порученіемъ—разузнать подробно объ „австрійскихъ обстоятельствахъ“. Вернулся Гусевъ, вернулись рукоположенные уставщики и привезли съ собой св. дары, миро и антиминсы... Отлегло на душѣ у многихъ тысячъ стѣсненныхъ старообрядцевъ: чуть ли не большая половина поповцевъ ушла въ австрійство. Желаніе принимать хотя бы фикцію единовѣрія исчезло безъ слѣда; сами единовѣрцы потянули въ австрійство. Въ то же время среди раскольниковъ николаевскаго уѣзда явилась мысль добыть себѣ, по примѣру Буковины, собственнаго архіерея при посредствѣ турецкаго правительства и водворить его въ Закавказьи. Нашлись было и средства и эмиссары, обязавшіеся отправиться съ этой цѣлью на Кавказъ, согласить на задуманное предпріятіе линейныхъ казаковъ, снестись съ некрасовцами и дѣйствовать общими силами. Дѣло разстроили монахи Средняго монастыря, сосланные, какъ мы знаемъ, послѣ монастырскаго бунта въ

Закавказье: они увѣдомили о несбыточности такихъ плановъ и рекомендовали оставаться спокойными[1]).

Итакъ, неправильныя дѣйствія администраціи въ связи съ единодушіемъ и солидарностью раскольничьей семьи, отсутствіе матеріальнаго обезпеченія духовенства, чѣмъ обусловливалась неудовлетворительность его состава, и возникновеніе австрійской іерархіи,—вотъ естественныя причины безуспѣшности борьбы правительства съ саратовской бѣглопоповщиной за разсмотрѣнный періодъ времени. Но это еще не все; главный корень зла крылся не здѣсь: онъ—считаю необходимымъ еще разъ повторить это—въ ошибочной системѣ отношеній правительства къ расколу. Мечомъ свѣтской власти напрасно хотѣли разрубить узелъ, завязавшійся на почвѣ духовно-религіознаго свойства; религіи мира и любви напрасно навязали столь чуждый ей характеръ гонительства. Кромѣ зла ничего не могло выйти изъ этой системы и если, въ порывахъ ревности и увлеченія, дѣятели того времени не въ состояніи были понять этого, то исторія, спокойно и холодно оцѣнивающая дѣла давно минувшихъ дней, должна отмѣтить фактъ такого прискорбнаго ослѣпленія, какъ судъ прошедшему и какъ урокъ для будущаго.

---

[1]) Дѣла Секр. Комит., Vol. XXXIV, л. 740—744; Отчетъ гр. Степанова. Сн.: Варадиновъ, VIII, 567—568.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ I.

Изъясненіе причинъ, по которымъ не могутъ въ Россіи живущіе вѣрноподданные христіане, такъ называемые старообрядцы, принять правила, таинства и священство единовѣрческой церкви.

1) Правила для существующей единовѣрческой церкви и духовенства послѣдовали въ 1800 году отъ прошенія многаго числа бывшихъ московскихъ старообрядцевъ и отъ мнѣнія на то бывшаго московскаго митрополита Платона. На этомъ мнѣніи основана и открыта неслыханная до того времени въ Россіи единовѣрческая церковь, и какъ она вѣрующимъ въ единую, святую, соборную и апостольскую церковь, послѣдователямъ древнему христіанскому ученію, представляется новою и несогласною съ символомъ православной вѣры, такъ и священство на правилахъ ея кажется имъ весьма сомнительно. Потому болѣе, что прихожане единовѣрческой церкви не менѣе обязаны вѣровать еще и въ другую господствующую церковь, отъ которой получатъ они на спасеніе душамъ своимъ разныя архипастырскія дарованія.

2) Священство единовѣрческое, по силѣ 1 и 5 пункта и заключенія упомянутаго митрополитова мнѣнія, обязано: *во 1-хъ*,— быть въ единомышленномъ соединеніи съ господствующей церковью и признавать соборомъ опредѣленныя въ 1667 году, на прежнія церковныя установленія тягчайшія и неразрѣшимыя, клятвы—возложенными (сказано) праведно; *во 2-хъ*,—послѣдовавшія отъ патріарха Никона перемѣны въ церковномъ ученіи и чиносложеніяхъ почитать за святыя и спасительныя, и *въ 3-хъ*,—принимать архіерейское благословеніе съ наставленіемъ, какъ питать млекомъ или какъ уврачевать смердящія раны присоединяющихся къ церкви непостоянныхъ въ прародительской вѣрѣ дѣтей своихъ, чтобы со временемъ привести ихъ въ ничемъ не разнствующее съ церковью согласіе. Но, какъ вѣрные исполнители стариннаго ученія и правилъ

церковныхъ не имѣютъ возможности принуждать совѣсть свою къ тому,—ибо принужденная вѣра не есть вѣра, а что совѣсть возбраняетъ, то возбраняетъ и законъ Божій,—чтобы согласно съ единовѣрческимъ священствомъ мыслить, признавать, почитать и принимать все упомянутое, то и имѣть у себя оное для исправленія святочтимаго и соблюдаемаго ими стариннаго служенія никакъ не могутъ.

3) Св. синодъ, въ неоднократно изданной благословеніемъ его книгѣ, „*Пращицы*“, на вопросъ: „аще который іерей нынѣ во святой церкви отслужитъ святую литургію по старопечатнымъ служебникамъ на седми просфорахъ“ и проч., слѣдующимъ отвѣтомъ утверждаетъ: „аще которые попы нынѣ дерзнутъ тако служить, противящеся восточной великороссійской церкви и вышеположенной соборомъ клятвѣ, таковіи суть прокляти, и отлучены, и извержены, и отъ таковыхъ соборомъ проклятыхъ, и изверженныхъ, и священства обнаженныхъ не могутъ быти сущее святое тѣло Христово и кровь Христова (взимаемы)“, а въ заключеніе единовѣрческихъ правилъ или мнѣнія митрополита Платона въ подтвержденіе означеннаго содержанія „*Пращицы*“ сказано: „что и нынѣ не можетъ быть обо всемъ томъ иная церкви мысль“ и проч. Но какъ нынѣ единовѣрческіе священники служатъ литургію на седми просфорахъ, съ изображеніемъ на нихъ старинной печати, чѣмъ весьма ясно противятся тѣ священники показанному опредѣленію восточной и великороссійской церкви, а посему не подвергаются ли они и возложеннымъ за то противленіе отъ собора верховныхъ греческихъ и россійскихъ духовныхъ властей совершенному обнаженію священства и тягчайшему осужденію тѣми неразрѣшимыми клятвами, которыя неоднократно еще повторены отъ св. синода и отъ митрополита Платона въ послѣдовавшихъ правилахъ единовѣрческой церкви? Слѣдовательно, по силѣ того синодальнаго увѣренія и Платонова подтвержденія, какъ единовѣрческое духовенство, такъ и всѣ прихожане единовѣрческой церкви находятся лишены дѣйствительности своего священства и таинствъ и подлежатъ означенному осужденію и клятвамъ. Но подвергаются ли тому верховному опредѣленію сами благословляющіе на оное противленіе восточной великороссійской церкви своихъ священнослужителей архипастыри?

Этого рѣшеніе предоставляется безпристрастной совѣсти каждаго неложнаго сына отечества.

4) Многими очевидцами событій доказано, что епархіальные начальники только единовѣрческихъ священниковъ научать и благословляютъ служить литургію на седми просфорахъ съ изображеніемъ на нихъ старинной печати, молиться двуперстнымъ сложеніемъ, читать аллилуіа подважды, а въ третье: „слава тебѣ, Боже“, отправлять все церковное богослуженіе по древнимъ чиноположеніямъ, но сами того не творятъ, а напротивъ, исполняютъ всѣ свои молитвы и службы по опредѣленію бывшаго въ 1667 году собора, каковое несогласное съ дѣлами архипастырей упомянутое ученіе ихъ не противно ли будетъ тому евангельскому узаконенію: „иже сотворитъ и научитъ, сей велій наречется въ царствѣ небесномъ“, и апостольскому заповѣданію: „елика не угодна суть себѣ, инымъ не творити“ (Дѣян. XV, 20) и посему, если подчинить себя власти такихъ архипастырей и принять отъ нихъ не подражающее дѣламъ вѣры ихъ и противляющееся опредѣленію восточной и великороссійской церкви священство, несогласно будетъ св писанію и чуждо христіанскому обычаю, т. е. быть преданными духовнымъ своимъ начальникамъ и дѣлать противное изданному ученію отъ ихъ церкви, и въ томъ противленіи, съ показаннымъ осужденіемъ, умереть по примѣру нечувствующихъ сего единовѣрцовъ,—неповрежденной христіанской совѣсти кажется ужасно и невозможно.

5) Нѣкоторыя епархіальныя власти, какъ упомянутыя соборныя постановленія, такъ и самое монаршее утвержденное мнѣніе митрополита Платона безпрепятственно нарушаютъ; ибо вновь опредѣляли и опредѣляютъ къ единовѣрческимъ церквамъ бывшихъ старообрядческихъ поповъ, коихъ во 2-мъ пунктѣ онаго мнѣнія, яко бѣглецовъ и предателей церкви, совѣсти и сана своего, воспрещено къ церквамъ опредѣлять, но таковые и прежде находились въ церквахъ московскихъ единовѣрческихъ—священникъ Петръ Никифоровъ и дьяконъ Иванъ Семеновъ—и нынѣ находятся священнослужители въ саратовской и пермской епархіяхъ. Также и въ 16 пунктѣ того мнѣнія, на которомъ основана единовѣрческая церковь, повелѣно сохранять въ твердости: „чтобы не было хулы ни съ единой стороны за содержаніе разныхъ обрядовъ“. Но сверхъ изданныхъ послѣ того псалтырей и часовниковъ, въ 1839 году отъ московска-

го комитета духовной цензуры напечатана книга подъ названіемъ: „*Доказательство о древности троеперстнаго сложенія*“ съ дополненіемъ; и въ этомъ изданіи находится не малая хула, осужденіе и клятва на всѣхъ молящихся по-старинному, двуперстнымъ сложеніемъ; именно, въ предувѣдомленіи на страницѣ 6-ой сказано, что „двуперстное сложеніе есть отъ врага человѣческаго всѣянный плевель, по притчѣ евангельской“, а какъ въ изъясненіи той притчи врагъ человѣческій именуется діаволъ, то и выходитъ, якобы сіе сложеніе преданное діаволомъ; на страницѣ 68-й: „молящіеся таковымъ перстосложеніемъ преданы страшной клятвѣ и анаѳемѣ;“ въ дополненіи на страницѣ 1-й названо то двуперстное сложеніе „армянскимъ преданіемъ“; на страницѣ 10-й: „молящіеся двуперстнымъ сложеніемъ вмѣняются, какъ язычники, невѣрные и мытари“; на страницѣ 21-й сказано, что „при содержаніи сего раскола всѣ добродѣтели христіанскія цѣну свою теряютъ (тутъ же, въ замѣчаніи), ибо это двуперстіе такая вражеская прелесть, которою врагъ уловляетъ человѣковъ въ свою волю“ и проч. Слѣдовательно, такой хулѣ и участи наравнѣ съ прочими подвержены всѣ молящіеся двуперстнымъ сложеніемъ служители и прихожане единовѣрческой церкви; и когда таковыя верховнымъ соборомъ и монархомъ утвержденныя основанія господствующей и единовѣрческой церкви нарушаетъ духовное начальство чрезъ изданіе означенныхъ книгъ, то не остается еще болѣе ничего твердаго и благонадежнаго для невольно подчиняемыхъ его власти старинныхъ христіанъ.

6) При распространеніи правилъ и приходовъ единовѣрческихъ церквей употребляются духовными проповѣдниками съ помощью гражданскихъ чиновниковъ разные доносы на твердыхъ въ древнихъ христіанскихъ правилахъ, называемыхъ старообрядцевъ. Чрезъ доносы подвергаемы бываютъ сіи мирные и покорные правительству христіане жестокимъ слѣдствіямъ и даже употребляемо было на нихъ, безоружныхъ, повергшихся и умолявшихъ объ оставленіи собственной святыни, военное оружіе; также претерпѣваютъ они лишеніе собственными трудами и благотвореніемъ усерднѣйшихъ сыновъ сооруженныхъ и много лѣтъ подъ покровительствомъ верховнаго правительства существовавшихъ церквей и молитвенныхъ домовъ и всякой къ нимъ принадлежности, что все передается въ пользу епархіальной власти; нѣкоторые изъ храмовъ подверглись

уже совершенному уничтоженію, а на другихъ уничтоженъ только, почитаемый главою посвященнаго христіанскому богослуженію дома и хранителемъ вселенной, крестъ Христовъ; при томъ отбираемы бываютъ у нихъ, старообрядцевъ, и дозволенные законодательною властью для исправленія христіанскихъ таинствъ и требъ священнослужители. Самыхъ же усерднѣйшихъ блюстителей подвергаютъ узамъ, ранамъ и заточенію, каковыя событія большею происходили во время дѣйствія миссіонеровъ въ пермской и самарской епархіяхъ. Но какъ истинная Христова церковь таковыя дѣйствія не производитъ никогда, и что сіе распространеніе единовѣрческой церкви вовсе не согласно съ распространеніемъ кроткой и безпритязательной апостольской проповѣди, ни съ дѣйствіемъ послѣдовавшихъ имъ святыхъ церковныхъ пастырей и противорѣчитъ ученію Самого всемогущаго Спасителя міра.. Тѣмъ еще паче, что послѣдовавшія отъ доносовъ распространяющихъ единовѣрческія правила лицъ показанныя событія уподобляются таковымъ же жестокостямъ, бывшимъ во время распространенія уніи въ Литвѣ, и самое званіе россійскихъ присоединенцевъ уподобляется имени уніатовъ, а потому оные, несогласные съ волей и словомъ Христовымъ и чуждые божественнымъ его проповѣдникамъ и православной церкви, произведенные распространителями единовѣрческой церкви плоды больше всего приводятъ преданныхъ древнему церковному ученію старообрядцевъ въ сомнѣніе и удаленіе владычествующей со временъ патріарха Никона духовной власти и заставляютъ всякую происходящую отъ соизволенія той власти жестокость принимать за самый спасительный крестъ и совершенное послѣдованіе стопамъ Самого Христа, пострадавшаго отъ архіереевъ и книжниковъ избраннаго народа.

7) Наконецъ, не менѣе вышеозначеннаго удерживаютъ сихъ послѣдователей образу вѣры общихъ предковъ отъ преданности душъ своихъ настоящей архипастырской власти: незабвенное ученіе и законное запрещеніе святѣйшаго патріарха Филарета Никитича Романова и прочихъ до Никона бывшихъ въ Москвѣ первосвятителей, которые не принимали безъ повторенія обливательное крещеніе и за принятіе того утвердили духовенству наказаніе лишеніемъ священническаго сана; совершали литургію на седми просфорахъ, изъ коихъ одну, уничтоженную патріархомъ Никономъ просфору,

особенно принимали за царя и за царицу и чадъ ихъ, а другую, уничтоженную также, приносили собственно за весь священническій чинъ; творили и учили творить на себѣ крестное знаменіе двуперстнымъ сложеніемъ, неисполнителей же сего предавали вѣчно-гибельному проклятію; о соблюденіи такового церковнаго преданія первый святѣйшій патріархъ московскій Іовъ завѣщалъ въ духовной его грамотѣ. Также и вселенскій патріархъ Θеофанъ съ россійскими архіереями, въ соборной грамотѣ ихъ, повелѣли всѣмъ безъ малѣйшаго сомнѣнія слѣдовать ученію и правиламъ вѣры святѣйшаго патріарха Филарета, а наипаче убѣждаются въ томъ непремѣнные старообрядцы слѣдующимъ повелѣніемъ св. писанія: „поми найте наставники ваши, иже глаголятъ вамъ слово Божіе, ихъ же взирая на скончаніе жительства, подражайте вѣрѣ ихъ, въ поученія странна и различна не прилагайтеся“. Къ тому же еще имѣются и древніе примѣры въ соблюденіи церковнаго установленія св. отцовъ, изъ коихъ чудный Спиридоній Тримифійскій за одно только переименованіе одра на ложе не могъ оставаться въ церкви (Четьи Минеи, 12 дек.) и знаменитый Максимъ исповѣдникъ чрезъ нѣкоторыя нововведенія удалился навсегда отъ господствовавшей при немъ церкви; на сіи святые образы христіанскаго благочестія взирая, усердные исполнители ученія и богослуженія пяти первыхъ россійскихъ патріарховъ желаютъ непремѣнно подражать Богомъ прославленной твердости въ вѣрѣ ихъ.

Такъ утвердя себя на благонадежномъ основаніи древняго благочестивѣйшаго святѣйшаго патріарха Филарета Никитича Романова и всего согласнаго съ нимъ священноначалія, вѣрноподданнѣйшіе старообрядцы не могутъ предпочесть сему послѣдовавшаго отъ Никона и подражающаго вѣрослуженію его духовнаго начальственнаго новоучрежденія, съ принужденіемъ къ подчиненію своей власти не слѣдующихъ ему христіанскихъ душъ, тѣмъ паче, что въ означенныхъ дѣйствіяхъ послѣдовавшаго духовенства заключаются важныя противоположности, какъ св. писанію, такъ утвержденнымъ постановленіямъ верховной церковной власти, съ неизбѣжными душе-гибельными клятвами, которыя пренебречь и принять правила единовѣрческой церкви непритворная и неповрежденная въ чувствахъ христіанская совѣсть никакъ не можетъ, такъ же и понудить къ принятію новаго, непрямого и осужденнаго отъ

той же духовной власти на вѣчную погибель единовѣрческаго священства правосудная, доброжелательная и христоподражательная власть никогда не рѣшится, вопреки кротости показаннаго евангельскаго ученія и апостольскаго дѣянія, съ духовнымъ плодомъ, являющимъ всегда благія и мирныя дѣйствія спасительной вѣры".

[Кельсіевъ, „Сборн правит. свѣд. о раскольникахъ". 1860. Лондонъ. Вып. I, стр. 201—208].

№ II.

Вопросъ: „Чесо ради нынѣ мнози нарицаютъ время плача?"

„Попущеніемъ святаго и праведнаго Бога, за умноженіе грѣхъ ради нашихъ, прія пронаписанную власть сынъ погибельный прельщати весь міръ и прельщаетъ и мало не весь прельсти, ибо отъ лѣта 1666 сотворился. Уже третій Римъ паде, а четвертому не быть; совершися паденіе всемірное, а не частное, и въ первое благочестіе пріити не надежно. О семъ вся Россія слухомъ наполнена, каковое народу отъ Никона и учениковъ его за содержаніе древняго благочестія кровопролитіе и съ трубо-огненнымъ запаленіемъ сожженіе, наипаче за крестное знаменіе, когда отецъ доказывалъ на сына, а мати дщерь свою на судъ предавала,—кто, о семъ времени слышавши, не наречетъ время достойное плача? Не имѣемъ мы съ того времени надъ собою власти благочестивыя, ни гражданскія, ни духовныя; нѣтъ у насъ ни царя благовѣрнаго, ни патріарха святѣйшаго, ни князя православнаго, ни иного кого отъ начальствующихъ, а все пребываемъ подъ рукою хульниковъ благочестія и ругателей креста Христова и некому насъ отъ враждующихъ на истину защитить и помиловать и паче всѣхъ языкъ жизнь наша проходитъ въ обидѣ и утѣсненіи. Не есть ли се время плача достойное? Нѣтъ у насъ ни единыя освященныя церкви, въ ню же мы могли бы въ печалѣхъ своихъ прибѣгнути, аки къ душевной врачебницѣ, а всѣми церквами владѣютъ защитницы зміевы; намъ входъ въ оную въ конецъ затворися: видимъ врата ея

отверсты, а внити въ оную боимся; слышимъ въ ней поющихъ, а совокупитися съ тѣми страшимся. Кто о семъ не возрыдаетъ? Не слышится нынѣ ни въ которыхъ странахъ благочестіемъ сіяющаго архіерея, отъ него же производилось бы православное священство, чего отъ начала евангельскія проповѣди, видится, не бывало: и вси теперь мы пребываемъ, яко овцы, не имущія пастыря. Какое плаваніе корабля безъ кормчія во время многобурное, таковое наше житіе безъ пастырскаго окормленія. Кто о семъ времени не восплачется? Не обрѣтаемъ мы православіемъ украшеннаго священника, къ нему же мы должны бы есмы, яко къ душевному врачу, во всякое время, со всякою духовною нуждою прибѣгати и язвамъ своимъ врачеванія искати; нынѣ же всего того мы лишились. Кто о семъ не возрыдаетъ? Тайну св. крещенія и покаянія заимствуемъ мы по нуждѣ отъ простолюдниковъ, но тѣхъ нынѣ за грѣхи наша во всѣхъ странахъ умаляется, чего ради мнози долгое время пребываютъ безъ покаянія, а другіе и при смерти не сподобляются. Кто, о семъ слышавъ, не восплачется? Паче же всего дражайшее грѣхъ ради нашихъ во вся дни живота нашего и въ самое разлученіе души отъ тѣла надежнаго получить спутника, тѣла и крови Христовой причаститися, не отъ кого, безъ котораго охранителя всякой душѣ отъ тѣла разлучитися страшно. Не есть ли се время рыданію достойное? Кто о семъ не восплачетъ? Чему мы явились достойны, когда то бывало? Брачныя тайны, отъ начала Богомъ установленныя во умноженіе человѣческаго рода и во охраненіе цѣломудрія, нынѣ священнословно благословить и совокупить по закону не кому. Всѣмъ языкамъ по всей поднебесной, всякому животному, и скотамъ, и птицамъ, и ползающимъ гадамъ дѣтоплодствіе попустися, а отъ насъ чрезъ лишеніе священнаго чина отъяся и запретися, а желанія къ вожделѣнію никто не освободися, каковаго случая отъ начала міра не бывало; и колико чрезъ сію нужду страждущій родъ христіанскій отъ внутренней плоти своего томленія и сколько различныхъ язвъ душевныхъ претерпѣваемъ,—описать никто не можетъ, кромѣ исчитающаго звѣзды. Помысли всякъ вѣрный душею, не есть ли плача достойное се время, еже по отреченіи сатаны и по обѣщаніи Христу, по пріятіи брачныя одежды св. крещенія, паки приступити къ сидящей на зміи червленѣ и держащей въ рукѣ чашу, полну мерзости, скверны любодѣянія, и про-

сити чрезъ пріятіе тайны въ ту же поняву облещи себя, яже прежде совлекохся; кто не изліетъ слезъ, видѣвъ сіе?

Истинный христіанинъ, сынъ благочестивыя церкви, воспитанный млекомъ православнаго ученія, вѣдый раздѣлити благословенное отъ проклятаго, и знаетъ, коль тяжекъ грѣхъ отступленія, а влечется за настоящую нужду ко всемірной блудницѣ, аки къ чистой дѣвицѣ, и преклоняетъ ей свою главу, яко къ матери, и пріемлетъ вмѣсто Христова благословенія печать строптивнаго и соглашается съ нею причастникомъ быти вѣчной погибели,—не трепещетъ ли его сердце, вѣдая извѣстно, что отъ клятвы благословенія не бываетъ, и отъ злосмраднаго источника благоуханіе не истекаетъ, и отъ гнилаго трупа нинъ не исцѣляется, ниже отъ червивыхъ удовъ иному здравіе подается, ниже отъ ереси духовное дѣло исполняется, а за непмѣніемъ православнаго священника и нехотя бываетъ причастникомъ ихъ погибели; церковнаго благочестія не видитъ, священника православнаго не обрѣтаетъ, со всегдашнимъ томителемъ своея плоти противиться не можетъ; такъ жить—безстудно, градского наказанія боится и людского укора стыдится, того ради и плача къ еретикамъ тащится и совлекается одежды православнаго исповѣданія, и налагаетъ вретище отступленія и бываетъ уже не сынъ св. церкви, но сынъ клятвы, по писанному: „прокляти, рече, уклоняющіеся отъ заповѣдей Твоихъ“. Кто о семъ не восплачется? Любовь, безъ нея же, по неложному словеси Спаса нашего, спастися невозможно въ человѣцѣхъ, а наипаче въ тѣхъ, отъ нихъ же бы имѣла св. Божія церковь, еже есть православное христіанство, озарятися и украшатися, въ конецъ изсякаетъ, безъ нея же церковь въ крайнее безобразіе приходитъ и на многія части раздѣляется,—кто, зря сіе, не изліетъ слезы? Пріити и получити печалемъ своимъ отраду почти не къ кому; къ кому ни пріидешь и у кого о чемъ ни воспросишь, всякъ отъ себя прочь отсылаетъ, и вси другъ друга укоряютъ, и другъ на друга жалобу произносятъ и всякъ неищуетъ быти въ чести себѣ; обиженныхъ вражда и ненависть мало не во всѣхъ угнѣздилась, а душепагубная клевета покрыла всю землю. Кто о семъ не восплачетъ?

Въ какую страну ни пріидешь и куда слухи ни обратиши, вездѣ услышиши церковь православную безъ утѣшенія, отъ раздорствующихъ плачущу, а помощи ни откуда не получающу; малое

Христово стадо и малые останки и тѣ на мелкія части разсѣкаются; въ единомъ дому сынъ на отца ропщетъ, и мати на дщерь воюетъ и всякъ точію въ себѣ спасеніе заключаетъ, а другимъ адъ опредѣляетъ, и другъ другомъ, аки поганымъ, гнушаются, чрезъ что въ конецъ истинная любовь прогналась. Кто о семъ не возрыдаетъ? Оставляю описывати прочіе горько-плачевные случаи, въ христіанахъ за страхъ гонительства содѣвающіеся, еже по необходимости дѣтей своихъ отдаютъ еретикамъ крестити; не изъявляю ношеніе умершихъ христіанъ въ еретическую церковь погребати и поминати; молчаніемъ прехожу о впущающихъ еретиковъ въ свои домы со всякимъ осквернѣніемъ и за богомерзкія ихъ молитвы деньги имъ даютъ и скверны ихъ святынею нарицаютъ; не сказую о помогающихъ въ церкви еретическія работою и даяніемъ злата, но точію вспоминаю то, яко просятъ христіане у еретиковъ, съ даяніемъ имѣнія, да запишутъ имена ихъ въ книги съ причащающимися Іисусова агнца, яко да будутъ и они едино, якоже и еретики. Не есть ли се рыданію достойное, еже христіанину самому просити еретиковъ, да будутъ и они въ числѣ еретиковъ? И тако вкратцѣ предложивши вашему боголюбію о нынѣшнемъ горько-плачевномъ времени, прочее вамъ оставляю, яко снискателю духовнаго разума, о семъ разумѣти.

[Дѣла Секр. Комит., Vol. XXXIV, л. 807—811. Отобрано Арсеньевымъ въ 1849 году въ Саратовской губерніи].

№ III.

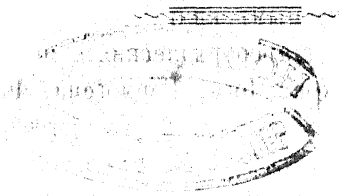
Указъ Св. Синода отъ 14 августа 1843 года, № 10.477.

Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссійскаго, изъ святѣйшаго правительствующаго синода, преосвященному Іакову, епископу саратовскому и царицынскому и кавалеру. По указу Его Императорскаго Величества, святѣйшій правительствующій синодъ слушали: во-первыхъ, рапортъ вашего преосвященства, отъ 30-го минувшаго марта за № 3.244, коимъ доносите объ изъявленномъ, при содѣйствіи управляющаго саратовской удѣльной

конторой, криволуцкими старообрядцами желаніи принять единовѣріе, съ опредѣленіемъ къ нимъ священника для совершенія въ ихъ молитвенномъ домѣ священнослуженій по старопечатнымъ книгамъ, и во-вторыхъ, предложенное г. оберъ-прокуроромъ отношеніе г. товарища министра удѣловъ слѣдующаго содержанія: управляющій саратовской удѣльной конторой донесъ департаменту удѣловъ, что удѣльные крестьяне-старообрядцы саратовской губерніи, балаковскаго приказа, слободы Криволуцкой, въ числѣ 1740 душъ обоего пола, по убѣжденію его изъявили согласіе принять православнаго священника на слѣдующихъ правилахъ: 1) избранный священникъ долженъ совершать богослуженіе въ ихъ молитвенномъ домѣ и исполнять требы по старопечатнымъ книгамъ и вообще соблюдать всѣ обряды, существовавшіе въ старообрядческихъ церквахъ, на правилахъ россійскихъ патріарховъ: Іова, Гермогена, Филарета, Іоасафа и Іосифа, безъ всякой перемѣны. 2) Въ богослуженіи священникъ ихъ не долженъ имѣть сообщества съ священниками православной церкви. 3) Кромѣ епархіальнаго архіерея, онъ никому изъ духовныхъ лицъ подчиняться не обязанъ. 4) Въ молитвенный домъ ихъ, во время богослуженія, кромѣ старообрядцевъ, никто изъ православныхъ входить не долженъ. 5) Колокольный звонъ, запрещенный прежде при молитвенномъ домѣ, разрѣшить, и, наконецъ, 6) въ случаѣ обращенія сего дома въ церковь, она должна быть освящена однимъ тѣмъ священникомъ, который къ нимъ будетъ опредѣленъ, и антиминсъ употребить древній. Для отправленія на семъ основаніи богослуженія старообрядцы избрали священника Григорія Макарова Ильменскаго, находящагося въ удѣльномъ селѣ Перекопномъ. Какъ изъ донесенія управляющаго саратовской конторой видно, что означенныя требованія старообрядцевъ представлены епархіальнымъ начальствомъ на усмотрѣніе святѣйшаго синода, то онъ, г. товарищъ министра удѣловъ, проситъ увѣдомить его о рѣшеніи синода по настоящему дѣлу. И по справкѣ приказали: поелику условія, на которыхъ жители слободы Криволуцкой желаютъ соединиться съ церковью, не простираются далѣе предѣловъ, положенныхъ правилами, высочайше утвержденными въ 27 день октября 1800 года, на которыхъ допускается соединеніе раскольниковъ съ церковью, ибо криволуцкіе жители просятъ опредѣлить къ нимъ священника, который бы совершалъ божественную службу

по старопечатнымъ книгамъ и состоялъ въ зависимости отъ епархіальнаго архіерея: то, по симъ причинамъ, разрѣшить вашему преосвященству опредѣлить къ нимъ священника на точномъ основаніи вышеупомянутыхъ правилъ, съ тѣмъ, чтобы обратившіеся, коихъ отнынѣ именовать единовѣрцами, соблюдали въ точности, безъ малѣйшаго отступленія, тѣ правила.

[Сар. Истор. Архивъ, Карт. А., № XLVI. Скрѣпленная секретаремъ консисторіи Григоревскимъ копія съ синодальнаго указа].



Из Собр. Фонда
БИБЛИОТЕКИ СССР
им. В. И. ЛЕНИНА